К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1969

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

46

ЧАСТЬ

II

ЗК1

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ 1857—1859 годов

(ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»)

Часть вторая

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК 1857—1858 ГОДОВ) [1]

[Вторая половина рукописи]

Написано в октябре 1857—мае 1858 г.

Впервые полностью опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1939 г. под заголовком «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf) 1857—1858»

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[III.] ГЛАВА О КАПИТАЛЕ
[окончание]

[Отдел второй]

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА [ОКОНЧАНИЕ]

[В) КРУГООБОРОТ И ОБОРОТ КАПИТАЛА]

[1)] ОБРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА И ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ

[V—16] Мы видели, что истинная природа капитала выявляется только *в конце второго кругооборота* *.

То, что мы теперь должны рассмотреть, — это сам *кругооборот* или *оборот капитала*. Первоначально казалось, что производство лежит по ту сторону обращения, а обращение — по ту сторону производства. Кругооборот капитала — обращение, выступающее как обращение капитала, — охватывает оба момента. В нем производство оказывается конечным и исходным пунктом обращения и vice versa **. Самостоятельность обращения низведена теперь до простой видимости, так же как и потусторонность производства.

* * *

[V—16] Денежное обращение исходило из бесконечного множества пунктов и возвращалось к бесконечному множеству пунктов. Пункт возвращения отнюдь не выступал как исходный пункт. В обороте капитала исходный пункт выступает как пункт возвращения, а пункт возвращения — как исходный пункт. Сам капиталист есть исходный пункт и пункт возвращения. Он обменивает деньги на условия производства, производит, реализует стоимость продукта, т. е. превращает его в деньги, а затем начинает процесс сначала. Денежное обращение, если рассматривать его само по себе, с необходимостью угасает

* См. настоящий том, часть I, стр. 444—447. *Ред.*
** — наоборот. *Ред.*

в деньгах как в неподвижной вещи. Обращение капитала все снова и снова воспламеняется из самого себя, расчленяется на свои отдельные моменты и представляет собой perpetuum mobile *. Полагание цен в сфере денежного обращения было чисто формальным, поскольку *стоимость* предпослана независимо от денежного обращения. Обращение капитала представляет собой *полагание цен* не только формально, но и реально, поскольку это обращение полагает стоимость.

Там, где стоимость сама выступает как предпосылка внутри обращения капитала, она может быть лишь *стоимостью, положенной* другим капиталом. Отрезок пути, пройденного деньгами в ходе денежного обращения, оказывается строго отмеренным, а те обстоятельства, которые ускоряют или замедляют обращение денег, представляют собой внешние толчки. Капитал в своем обороте увеличивает себя сам и удлиняет [V—17] свой путь, а быстрота или медленность оборота сама составляет имманентный момент пути, проходимого капиталом. Капитал качественно видоизменяется в процессе оборота, а совокупность моментов оборота капитала сама представляет собой моменты его производства — как воспроизводство, так и новое производство капитала.

{Мы видели, что в конце второго кругооборота, т. е. кругооборота прибавочной стоимости, которая была использована как добавочный капитал, — отпадает иллюзия, будто капиталист обменивается с рабочим чем-то помимо некоторой части собственного овеществленного труда рабочего. Правда, в рамках способа производства, основанного уже на самом капитале, та часть отдельного капитала, которая представляет сырье и орудие, выступает для этого отдельного капитала в качестве стоимости, *предпосланной* этому капиталу, и точно так же предпосланной *живому труду,* который покупается капиталом. Эти две статьи расхода отдельного капиталиста [сырье и орудие] оказываются положенными *чужим капиталом,* т. е. опять-таки *капиталом,* но только другим. То, что для одного капиталиста есть сырье, является продуктом другого капиталиста. То, что для одного есть продукт, для другого является сырьем. *Орудие* одного есть продукт другого и может даже служить сырьем для производства другого орудия. Таким образом, то, что в отдельном капитале выступает как предпосылка, как то, что мы назвали постоянной стоимостью, есть не что иное как предполагание капитала капиталом, так что капиталы в различных отраслях производства взаимно полагают друг друга

* — вечный двигатель. *Ред.*

как предпосылку и условие. Каждый из капиталов, рассматриваемый сам по себе, сводится к мертвому труду, *обособившемуся* в качестве *стоимости* по отношению к живому труду. В конечном счете ни один из капиталов не содержит ничего кроме труда — помимо не имеющего стоимости природного вещества. Наличие *многих* капиталов не должно здесь нарушать рассмотрение предмета. Наоборот, отношение *многих* капиталов выяснится после того, как будет рассмотрено то общее, что имеют между собой все капиталы.}

Оборот капитала есть вместе с тем становление капитала, его рост, его жизненный процесс. Если что-либо и следовало бы уподобить кровообращению, то не формальное обращение денег, а полное содержания обращение капитала.

Если обращение во всех пунктах предполагает производство и представляет собой обращение продуктов (идет ли речь о деньгах или о товарах), которые повсюду исходят из процесса производства, в свою очередь являющегося процессом капитала, — то само денежное обращение определяется теперь обращением капитала, в то время как прежде оно как будто протекало *наряду* с процессом производства. К этому пункту мы еще вернемся.

[2)] ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАК МОМЕНТЫ ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Если мы рассмотрим теперь обращение, или оборот, капитала как целое, то в качестве двух крупных различий внутри обращения выступают два момента: процесс производства и само обращение, оба — в качестве моментов обращения капитала. Длительность пребывания капитала в сфере процесса производства зависит от технологических условий этого процесса, и пребывание капитала в этой фазе непосредственно совпадает с развитием производительных сил, — как бы ни была различна продолжительность процесса производства в зависимости от вида производства, его предмета и т. д. Продолжительность процесса производства есть здесь не что иное, как рабочее время, необходимое для изготовления продукта (неверно!) [2]. Чем меньше это рабочее время, тем больше, как мы видели, относительная прибавочная стоимость. Безразлично, скажем ли мы, что для данного количества продуктов требуется меньше рабочего времени, или что в течение данного рабочего времени может быть изготовлено больше продуктов. Для определенного количества капитала сокращение продолжительности того времени, в течение которого он пребывает в процессе производства, изъят из обращения в собственном смысле, занят в деле, — совпадает

с сокращением рабочего времени, необходимого для изготовления продукта, с развитием производительных сил, с применением как сил природы и машин, так и природных сил общественного труда, совпадает с концентрацией рабочих, с комбинированием и разделением труда. Итак, с этой стороны в процесс обращения капитала как будто не привходит никакой новый момент. Однако если относительно отдельного капитала принять во внимание то обстоятельство, что часть его, состоящая из сырья и орудия (из средств труда), представляет собой продукт чужого капитала, то окажется, что скорость, с которой капитал может возобновить процесс производства, определяется также развитием производительных сил во всех других отраслях производства. Это становится совершенно ясным, если представить себе, что один и тот же капитал производит свое сырье, свои орудия и свои конечные продукты. Если рассматривать *различные* капиталы, то продолжительность пребывания капитала в фазе процесса производства сама становится моментом обращения. Однако мы еще не имеем здесь дела со *многими* капиталами. Значит, этот момент сюда еще не относится.

Второй момент есть тот промежуток времени, который протекает от превращения капитала в продукт до превращения его в деньги. От скорости, с которой преодолевается этот промежуток времени, т. е. от его продолжительности, очевидно, зависит, как часто капитал в течение определенного отрезка времени может снова начинать процесс производства, процесс увеличения своей стоимости.

Если капитал — состоящий первоначально, предположим, из 100 талеров — совершает четыре оборота в год (пусть прибыль каждый раз составляет 5% от капитала) и если новая стоимость не капитализируется, то это то же самое, как если бы капитал вчетверо большего размера с той же самой нормой прибыли, равный, допустим, 400 талерам, совершал в течение одного года *один* оборот, принося каждый раз 20 талеров.

Скорость оборота — при прочих равных условиях производства — заменяет, таким образом, *массу* капитала. Иными словами, если [V—18] вчетверо меньшая стоимость четыре раза реализуется в качестве капитала в течение того же самого периода, за который вчетверо больший капитал реализуется в качестве капитала только один раз, то прибыль — производство прибавочной стоимости — меньшего капитала будет *по меньшей мере такого же размера,* как у большего капитала. Мы говорим: по меньшей мере. Она может быть и большей, так как сама прибавочная стоимость может быть снова применена в качестве добавочного капитала.

Например, предположим, что капитал в 100 талеров всякий раз дает прибыль (здесь для подсчета предвосхищается *эта форма* прибавочной стоимости) в 10%, сколько бы он ни совершил оборотов в течение года. Тогда [если капитал совершает 4 оборота в год] к концу первого квартала он был бы равен 110 талерам, к концу второго квартала — 121 талеру, к концу третьего квартала — 133,1 талера, а к концу последнего оборота — 146,41 талера; в то же время капитал, равный 400 талерам и совершающий один оборот в год, был бы равен лишь 440 талерам. В первом случае прибыль [полученная в течение года] была бы равна 46,41 талера, а во втором — только 40 талерам. (То обстоятельство, что предпосылка данного примера неправильна в той мере, в какой капитал при каждом увеличении приносит *неодинаковую* норму прибыли, не имеет значения для этого примера, так как речь здесь идет не о том, насколько в первом случае больше прибавочная стоимость, а лишь о том, что она вообще — и это действительно имеет место — в первом случае больше 40 талеров.)

С законом возмещения скорости массой и массы скоростью мы уже однажды встречались при рассмотрении оборота денег *. Этот закон в такой же степени господствует в производстве, как и в механике. К этому обстоятельству следует вернуться при рассмотрении выравнивания нормы прибыли, цен и т. д. Нас интересует здесь следующий вопрос: не привходит ли [в процесс самого обращения] некий момент определения стоимости, не зависящий от труда, не исходящий от него непосредственно, а вытекающий из самого обращения?

{ То обстоятельство, что *кредит* выравнивает различия в обороте капитала, — сюда еще не относится. Но сам вопрос о выравнивании различий в обороте капитала сюда относится, так как он исходит из простого понятия капитала, рассматриваемого в общем виде.}

Более частый оборот капитала в течение данного промежутка времени походит на более частое повторение урожаев в течение сельскохозяйственного года в южных странах по сравнению с северными. Мы здесь полностью абстрагируемся, как уже было сказано выше, от различий во времени, в течение которого капитал должен находиться в фазе производства, в производительном процессе увеличения стоимости. Подобно тому как зерно, будучи брошено в землю в виде семени, лишается своей непосредственной потребительной стоимости, *обесценивается* в качестве непосредственной потребительной стоимости,

* См. настоящий том, часть I, стр. 139. *Ред.*

так и капитал *обесценен* в период времени от завершения процесса производства до его обратного превращения в деньги, а затем снова в капитал. {Та скорость, с которой капитал из денежной формы снова может перейти в форму условий производства — среди этих условий производства фигурирует не сам рабочий, как при рабстве, а обмен с ним, — зависит как от скорости и непрерывности процесса производства прочих капиталов, доставляющих данному капиталу сырье и орудия, так и от наличия рабочих, и с этой точки зрения относительно избыточное население создает наилучшие условия для капитала.}

{Совершенно независимо от процесса производства капитала *a* скорость и непрерывность процесса производства капитала *b* выступают в качестве момента, обусловливающего обратное превращение капитала *a* из денежной формы в форму промышленного капитала. Таким образом, продолжительность *процесса производства* капитала *b* выступает в качестве момента *скорости процесса обращения* капитала *a*. Продолжительность фазы производства одного определяет скорость фазы обращения другого. *Одновременность* этих двух фаз есть условие того, что обращение капитала *a* не задерживается: его собственные элементы, на которые он должен быть обменен, одновременно вступают в процесс производства и выбрасываются в процесс обращения.

Например, в последней трети XVIII века ручное прядение было не в состоянии поставлять сырье для ткачества в требовавшемся количестве, или, что то же самое, прядение не могло с требуемой одновременностью, с одинаковой скоростью провести лен или хлопок через процесс производства, осуществить их превращение в пряжу. Следствием этого было изобретение прядильной машины, которая за то же самое рабочее время дает несравненно большее количество продукта, или, что то же самое, требует несравненно меньше рабочего времени для изготовления того же самого количества продукта, несравненно более короткого пребывания сырья в процессе прядения. Все те моменты капитала, которые при рассмотрении капитала соответственно его общему понятию выступают в нем в неразвернутом виде, приобретают самостоятельную реальность и проявляются только тогда, когда капитал выступает реально, в виде многих капиталов. Таким образом, та внутренняя живая организация, которая существует в рамках конкуренции и посредством нее, только тогда и получает более широкое развитие.}

Если мы рассмотрим оборот капитала в целом, то обнаружим в нем четыре момента; или, если рассматривать два больших мо-

мента — процесс производства и процесс обращения — как два момента в обороте капитала, то каждый из них в свою очередь выступает двояко. При этом мы можем исходить или из обращения или из производства, поскольку теперь уже установлено, что обращение само есть момент производства, ибо лишь посредством производства капитал становится капиталом; а производство есть лишь момент обращения, если само обращение рассматривать как процесс производства в целом.

Четырьмя моментами оборота капитала являются: I) Действительный процесс производства и его продолжительность. [V—19] II) Превращение продукта в деньги. Продолжительность этой операции. III) Превращение денег в надлежащих пропорциях в сырье, средства труда и труд, словом — в элементы производительного капитала. IV) Обмен части капитала на живую рабочую силу [3] можно считать особым моментом, и его следует считать таковым, так как рынок труда управляется иными законами, нежели рынок продуктов и т. д. Самым главным является здесь народонаселение, но не абсолютное, а относительное. Момент I здесь, как уже сказано, не рассматривается, так как он совпадает с общими условиями возрастания стоимости. Момент III может быть принят во внимание лишь в том случае, когда речь идет не о капитале вообще, а о многих капиталах. Момент IV относится к разделу о заработной плате и т. д.

[3) ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРОДУКТА В ДЕНЬГИ В ПРОЦЕССЕ ОБОРОТА КАПИТАЛА]

Здесь мы имеем дело лишь со II моментом. В денежном обращении имело место лишь формальное превращение меновой стоимости попеременно то в деньги, то в товар. Здесь же *деньги, товар выступают как условие производства,* наконец — как процесс производства. Моменты [обращения] насыщены здесь совсем иным содержанием. Различие в обороте капитала, как оно определено во II моменте, — так как оно не зависит ни от большей трудности обмена с трудом, ни от остановки вследствие неодновременного существования в обращении сырья и орудия, ни от различной продолжительности процесса производства, — могло бы, следовательно, проистекать лишь из бóльших трудностей в реализации стоимости. Это, конечно, вовсе не тот имманентный случай, который вытекает из самого отношения [внутри процесса производства]; здесь, где мы рассматриваем капитал вообще, это совпадает с тем, что мы говорили относительно обесценения стоимости, сопровождающего процесс ее увеличения *.

* См. настоящий том, часть I, стр. 378—379. *Ред.*

Ни одно предприятие не может быть учреждено с расчетом на то, что ему *труднее* сбывать свои продукты, чем другому. Если бы трудность сбыта объяснялась меньшими размерами рынка сбыта, то при основании предприятия был бы вложен не больший — как предполагалось, — а меньший капитал, чем в предприятие с бо̀льшим рынком сбыта. Но трудность сбыта могла бы быть обусловлена *бо̀льшим пространственным расстоянием от рынка* и поэтому — более поздним поступлением платежей. То обстоятельство, что капиталу *a* для реализации произведенной им стоимости требуется больше времени, могло бы в этом случае быть вызвано его бо̀льшим пространственным удалением [от рынка сбыта], которое капитал должен был бы преодолеть после завершения процесса производства для того, чтобы в виде *Т* быть обмененным на *Д*.

Но разве нельзя рассматривать продукт, который производится, например, для Китая, таким образом, что этот продукт, т. е. процесс его производства, завершен только тогда, когда продукт поступает на китайский рынок? Издержки по его реализации возросли бы из-за расходов на перевозку этого продукта из Англии в Китай. (О возмещении капиталисту за более продолжительное неиспользование капитала здесь еще не может быть речи, так как для этого надо было бы уже предположить вторичные и производные формы прибавочной стоимости — процент.) Издержки производства в этом случае свелись бы к рабочему времени, овеществленному в непосредственном процессе производства, плюс рабочее время, которое требуется для перевозки продукта.

Прежде всего возникает следующий вопрос: можно ли на основе транспортных издержек получить прибавочную стоимость в соответствии с установленными нами до сих пор принципиальными положениями? Отбросим постоянную часть капитала, которая расходуется на средства транспорта: корабль, повозку и т. д., и на все, что связано с их применением, так как этот элемент капитала не имеет значения для решения вопроса и безразлично, примем ли мы его равным нулю или равным *x*. Спрашивается теперь, может ли в транспортных издержках содержаться прибавочный труд и, следовательно, может ли капитал получить на основе этих издержек прибавочную стоимость? Эту проблему легко разрешить, поставив вопрос: каков [затрачиваемый при перевозке продукта] необходимый труд, или какова та стоимость, в которой овеществляется этот необходимый труд?

Продукт должен оплатить 1) свою собственную меновую стоимость, овеществленный в нем самом труд, 2) то добавочное

время, которое моряк, перевозчик и т. д. затрачивают на его перевозку. Может ли перевозчик окупить эти расходы или нет, зависит от богатства той страны, куда он доставляет продукт, и от потребности в этом продукте, от той потребительной стоимости, которую продукт имеет для этой страны. Относительно непосредственного процесса производства ясно, что весь тот прибавочный труд, который фабрикант заставляет выполнить рабочего, дает ему прибавочную стоимость, поскольку это есть труд, овеществленный в новых потребительных стоимостях, труд, который ничего не стоит фабриканту. Что же касается времени перевозки, то капиталист не может заставлять рабочего работать дольше, чем это требуется для перевозки продукта. В противном случае капиталист понапрасну израсходовал бы рабочее время, а не использовал бы его, т. е. не объективировал бы его в виде потребительной стоимости. Моряку, перевозчику и т. д. требуется только полгода рабочего времени (если таково вообще отношение необходимого для существования труда [к общему количеству труда]) для того, чтобы прожить год; таким образом, капиталист пользуется их трудом целый год, а оплачивает полгода. Начисляя на стоимость перевозимых продуктов целый год рабочего времени, капиталист оплачивает только полгода и тем самым выручает по отношению к необходимому труду 100% прибавочной стоимости. Здесь имеет место точно такое же положение, как и при непосредственном производстве, и первоначальная прибавочная стоимость перевезенного продукта может проистекать лишь из того, что часть времени, затраченного рабочим на перевозку продукта, ему *не оплачивается,* так как эта часть *превышает* труд, необходимый для существования рабочего, представляет собой прибавочное время.

То обстоятельство, что какой-нибудь отдельный продукт настолько вздорожал бы вследствие транспортных издержек, что его нельзя было бы сбыть из-за диспропорции между стоимостью продукта и его добавочной стоимостью как перевезенного продукта (свойство продукта, которое исчезает, как только продукт прибыл к месту назначения), — ничего не меняет в существе дела. Если бы фабриканту, для того чтобы выпрясть 1 фунт пряжи, пришлось пустить в ход все свои машины, то стоимость этого фунта пряжи тоже повысилась бы настолько, что его едва ли можно было бы сбыть. Дороговизна заграничных продуктов, их слабое потребление в средние века и т. д. вызваны именно этой причиной.

Доставляю ли я металлические руды из рудников или товары в место их потребления, — это в одинаковой мере пред-

ставляет собой пространственное [V—20] перемещение. Улучшение средств транспорта и связи также относится к категории развития производительных сил вообще. То обстоятельство, что от стоимости продуктов может зависеть, в какой мере продукты в состоянии окупить расходы по перевозке, то обстоятельство, далее, что для сокращения транспортных издержек (судно грузоподъемностью в 100 тонн при тех же самых транспортных издержках может быть загружено 2 или 100 тоннами и т. д.) и для рентабельности средств сообщения необходим массовый обмен, — все это сюда не относится. (Однако нужно будет посвятить специальный раздел средствам сообщения, так как они составляют одну из форм основного капитала, обладающую собственными законами увеличения стоимости.)

Если представить себе, что один и тот же капитал и производит, и перевозит, то оба эти акта относятся к непосредственному производству, а обращение, в том смысле, как мы его рассматривали до сих пор, т. е. превращение продукта в деньги, когда продукт принял окончательную форму для потребления, форму, пригодную для обращения, — началось бы лишь после того как продукт был бы доставлен к месту своего назначения. Более позднее поступление платежей к этому капиталисту в отличие от другого капиталиста, сбывающего свой продукт тут же на месте, свелось бы к другой форме, к использованию большего количества основного капитала, о чем здесь еще речь не идет. Необходимо ли капиталисту *А* на 100 талеров больше орудий, чем капиталисту *В*, или же ему нужно иметь лишние 100 талеров для доставки своего продукта к месту назначения, на рынок, — это одно и то же. В обоих случаях требуется больший основной капитал, больше *средств* производства, которые потребляются в непосредственном процессе производства. С этой точки зрения, следовательно, здесь как будто взят не имманентный [собственно обращению] случай; он относится к рассмотрению различий между основным и оборотным капиталом.

[4)] ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ. ВСЕОБЩИЕ УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА В ИХ ОТЛИЧИИ ОТ ОСОБЕННЫХ УСЛОВИЙ ПРОИЗВОДСТВА

Однако сюда привходит один момент: *издержки обращения*, которые не заложены в простом понятии обращения и нас здесь еще не касаются. Об *издержках обращения*, вызываемых обращением как экономическим актом (как производственным отношением, а не как непосредственным моментом производства, как это имеет место в случае издержек, связанных со *средствами*

транспорта и связи), речь может идти только в связи с процентом и особенно — в связи с кредитом. Обращение, как мы его рассматриваем, есть процесс превращения, качественный процесс [движения] стоимости, как он выступает в различных формах: в форме денег, в форме процесса производства (процесса увеличения стоимости), в форме продукта, в форме обратного превращения продукта в деньги и добавочный капитал, — поскольку в рамках этого процесса превращения как такового, этого перехода из одного определения в другое, возникают новые определения. Издержки обращения не обязательно имеют место, например, при переходе от продукта к деньгам. Они могут быть равны нулю.

Поскольку, однако, само обращение вызывает расходы, само требует добавочного труда, оно выступает включенным в процесс производства. С этой точки зрения обращение выступает в качестве момента непосредственного процесса производства. При производстве, непосредственно рассчитанном на потребление и пускающем в обмен только излишки, издержки обращения касаются лишь излишков, а не основного продукта. Чем в большей степени производство основано на меновой стоимости, а следовательно на обмене, тем большее значение приобретают для него физические условия обмена — средства связи и транспорта. Капитал по своей природе стремится выходить за всякие пространственные границы. Поэтому создание физических условий обмена — средств связи и транспорта — становится для капитала необходимостью в совершенно ином масштабе: уничтожение пространства посредством времени. Поскольку непосредственный продукт может быть реализован большими партиями на отдаленных рынках только по мере сокращения транспортных расходов и поскольку, с другой стороны, средства сообщения и транспорт сами могут быть сферой увеличения стоимости, сферой труда, применяемого капиталом, только при наличии массового обмена, в результате которого возмещается не только необходимый, но и прибавочный труд, — постольку производство дешевых средств транспорта и связи есть условие производства, основанного на капитале, и *поэтому* создается капиталом. Всякий труд, который требуется для того, чтобы пустить в обращение готовый продукт — в экономическом обращении продукт находится лишь тогда, когда он попадает на рынок, — представляет собой, с точки зрения капитала, подлежащее преодолению ограничение, точно так же как и всякий труд, требующийся в качестве *условия* процесса производства (сюда относятся, например, издержки, связанные с безопасностью обмена и т. д.).

Водный путь представляет собой самоходный, самодвижущий путь торговых народов κατ' ἐξοχήν * . С другой стороны, сухопутные пути сообщения находились первоначально в ведении общин, а затем в течение долгого времени — в ведении правительств; они представляли собой чистый вычет из произведенного продукта, погашаемый из совокупного прибавочного продукта страны, но не составляющий источника богатства страны, т. е. не покрывающий свои издержки производства. В первоначальных азиатских самодовлеющих общинах, с одной стороны, не существует потребности в дорогах; с другой стороны, отсутствие дорог закрепляет замкнутость этих общин и поэтому составляет существенный момент их неизменного длительного существования (как в Индии). Дорожное строительство посредством барщинного труда или, в иной форме, посредством налогов есть принудительное превращение части прибавочного труда или прибавочного продукта страны в дороги. Для того чтобы отдельный капитал взял это на себя, т. е. создавал бы такие условия процесса производства, которые находятся за рамками непосредственного процесса *производства,* — труд [затрачиваемый на строительство дорог] должен приносить прибыль.

Пусть имеется некоторая дорога, соединяющая пункт *A* с пунктом *B* (пусть при этом земля ничего не стоит), тогда в ней содержится [V—21] лишь определенное количество труда, т. е. стоимости. Безразлично, построил ли дорогу капиталист или же государство. Выигрывает ли здесь капиталист, создавая себе прибавочный труд, а стало быть, и прибавочную стоимость? Прежде всего, следует отбросить с дороги все то, что вызывает затруднения и проистекает из ее природы как основного капитала. Представим себе, что дорогу можно продать сразу, как сюртук или тонну железа. Если, скажем, на сооружение дороги было затрачено 12 месяцев, то ее стоимость равна 12 месяцам. Если общий уровень труда таков, что рабочий может, скажем, прожить в течение года на 6 месяцев объективированного труда, то, следовательно, если он построил всю дорогу, он мог бы создать для себя прибавочную стоимость, равную 6 месяцам труда; или же, если дорогу строит община, а рабочий желает работать лишь необходимое время, пришлось бы привлечь другого рабочего, который проработал бы 6 месяцев. Капиталист же, напротив, заставляет одного рабочего работать 12 месяцев, а оплачивает ему 6. Та часть стоимости дороги, которая содержит в себе его прибавочный труд, образует прибыль капиталиста. Та ве-

* — по преимуществу. *Ред.*

щественная форма, в которой выступает продукт, совершенно не должна мешать обоснованию теории стоимости посредством объективированного рабочего времени.

Но вопрос как раз и заключается в том, может ли капиталист реализовать стоимость дороги, может ли он реализовать ее стоимость посредством обмена? Этот вопрос, конечно, возникает относительно каждого продукта, но в отношении всеобщих условий производства он принимает особенную форму. Предположим, что стоимость дороги не реализуется. Все же дорога строится, так как она представляет собой необходимую потребительную стоимость. Как тогда обстоит дело? Дорога должна быть построена и должна быть оплачена, — поскольку издержки по сооружению дороги должны быть на нее обменены. Дорога начинает существовать лишь вследствие определенной затраты труда, средств труда, сырья и т. д. Сооружается ли она посредством барщинного труда или посредством налогов — это все равно. Но сооружают дорогу только потому, что она есть необходимая потребительная стоимость для общества, потому, что она нужна обществу во что бы то ни стало.

Правда, это есть прибавочный труд, который индивид обязан выполнить, будь то в форме повинности или в опосредствованной форме налога, сверх непосредственного труда, необходимого ему для поддержания своего существования. Но поскольку этот труд необходим как для общества, так и для каждого индивида *в качестве его члена,* то труд по сооружению дороги вовсе не есть выполняемый им прибавочный труд, а есть часть его *необходимого* труда, труда, который необходим для того, чтобы он воспроизвел себя как *члена общества,* а тем самым и общество в целом, что само является всеобщим условием производительной деятельности индивида.

Если бы рабочее время было целиком потреблено в непосредственном производстве (или в косвенной формулировке: если бы было невозможно изыскать дополнительные налоги для этой определенной цели), то дорога должна была бы остаться непостроенной. Если рассматривать все общество как одного индивида, то необходимый труд сводится к сумме всех особенных трудовых функций, обособившихся вследствие разделения труда. Этот один индивид должен был бы, например, затратить столько-то времени на земледелие, столько-то на промышленность, столько-то на торговлю, столько-то на изготовление орудий; столько-то — чтобы вернуться к нашему примеру — на дорожное строительство и на средства сообщения. Все эти необходимости свелись бы к определенному количеству рабочего времени, которое должно быть направлено на различные цели

и затрачено на особенные виды деятельности. Сколько этого рабочего времени можно затратить, зависело бы от количества рабочей силы (от массы трудоспособных индивидов, образующих общество) и от развития производительной силы труда (от массы продуктов, потребительных стоимостей, которая может быть создана трудом в течение данного времени).

Меновая стоимость, предполагающая более или менее развитое разделение труда, соответственно степени развития самого обмена, предполагает, что — вместо того чтобы один индивид (общество) выполнял различные работы, затрачивал свое рабочее время в различных формах — рабочее время каждого индивида посвящено только необходимым особенным функциям. Если мы говорим о *необходимом рабочем времени*, то особенные, отдельные отрасли труда выступают *в качестве необходимых* отраслей. На основе меновой стоимости эта взаимная необходимость опосредствована обменом и проявляется именно в том, что каждый особенный объективированный труд, каждое особенным образом специфицированное и материализованное рабочее время обменивается на продукт и символ всеобщего рабочего времени, просто объективированного рабочего времени, — на деньги и таким образом может быть снова обменено на любой особенный труд. Сама эта необходимость — изменчива, поскольку потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки. В рамках этих потребностей и необходимых работ имеют место колебания в ту или другую сторону.

Чем более *необходимыми* становятся те потребности, которые сами возникли исторически, которые порождены самим производством, т. е. общественные потребности, сами вытекающие из общественного производства и обмена, — тем сильнее развито действительное богатство. Богатство, если рассматривать его *вещественно*, заключается только в многообразии потребностей. Само ремесло вовсе не является *необходимым* ***рядом с*** самостоятельно обеспечивающим свое существование земледелием, использующим прядение, ткачество и т. д. в качестве домашних побочных занятий. Но если, например, само земледелие [V—22] ведется на научной основе, если ему нужны машины, доставляемые торговлей химические удобрения, семена из дальних стран и т. д., и если при этом — что заложено уже в такого рода предпосылке — сельская патриархальная обрабатывающая промышленность исчезла, то машиностроительный завод, внешняя торговля, ремесло и т. д. являются для земледелия *потребностью*. Земледелие может раздобыть для себя гуано, пожалуй, лишь путем вывоза шелковых тканей. Таким образом, шелкоткацкая фабрика является уже не производством предметов ро-

скоши, а производством, необходимым для земледелия. Так как в рассматриваемом нами случае земледелие уже не находит внутри самого себя, в натуральном виде, условия своего собственного производства и эти условия в качестве самостоятельной отрасли производства существуют вне земледелия (причем вместе с этим вне-его-существованием в круг условий производства земледелия входят также все те запутанные взаимосвязи, в которых существует это внешнее по отношению к земледелию производство), то это и является главной и существенной причиной того, что то, что прежде являлось роскошью, теперь стало необходимым и так называемая потребность в предметах роскоши выступает как необходимость, например, для производства, первоначально возникшего как чисто натуральное, обусловленное исключительно природой производство.

Это ускользание природной почвы из-под всякой отрасли хозяйственной деятельности и перенесение условий ее производства в находящуюся вне этой отрасли всеобщую связь, — а отсюда и превращение того, что выступало как излишнее, в нечто необходимое, в исторически созданную необходимость, — есть тенденция капитала. Всеобщей основой всех отраслей производства становится сам всеобщий обмен, мировой рынок, а потому и совокупность деятельностей, общений, потребностей и т. д., из которых состоит обмен. *Роскошь* представляет собой противоположность по отношению к *природной необходимости*. Необходимые потребности являются потребностями такого индивида, который сам сведен к субъекту природы. Развитие производства снимает как эту природную необходимость, так и противостоящую ей роскошь, — впрочем, в буржуазном обществе это происходит лишь в *антагонистической форме*, поскольку само это развитие опять-таки лишь устанавливает здесь определенный общественный масштаб в качестве необходимого, противостоящего роскоши.

В каком месте следует рассмотреть эти вопросы о *системе потребностей* и о *системе работ?* Это выяснится в дальнейшем.

Вернемся теперь к нашей дороге. Если она вообще может быть построена, то это доказывает, что общество располагает рабочим временем (живым и объективированным трудом) для ее сооружения.

{Конечно, здесь подразумевается, что общество следует верному инстинкту. Оно могло бы съесть семена, оставить поля невозделанными и строить дороги. Тогда общество не выполнило бы *необходимого труда*, ибо оно не *воспроизвело* бы себя, не сохранило бы себя посредством этого труда в качестве живой рабочей силы. Или живая рабочая сила может быть и прямо

умерщвлена, как это было сделано, например, Петром I, для того чтобы построить Петербург. Подобного рода вещи сюда не относятся.}

Но почему же, когда возникает производство, основанное на меновой стоимости и разделении труда, дорожное строительство не становится частным предприятием отдельных лиц? Ведь там, где оно осуществляется государством при посредстве налогов, оно не является частным предприятием отдельных лиц. Прежде всего: общество, объединенные индивиды могут располагать прибавочным временем на постройку дороги, но лишь будучи объединены. Объединение всегда является суммированием той части рабочей силы, которую каждый индивид наряду со своим особенным трудом может израсходовать на дорожное строительство, но это *не только* суммирование. Из того, что объединение сил отдельных индивидов умножает их *производительную силу,* вовсе не следует, что они все вместе обладали бы этой численно возросшей рабочей силой, если бы они не *работали совместно,* если бы, следовательно, сумма их рабочих сил не дополнялась тем *избытком,* который существует лишь благодаря их *объединенному, комбинированному* труду, существует лишь в самом этом труде. Этим объясняется насильственный сгон народа в Египте, Этрурии, Индии и т. д. на принудительные стройки и принудительные общественные работы. Капитал достигает подобного объединения *иным* способом, присущим ему способом обмена со свободным трудом.

{То обстоятельство, что капитал имеет дело не с разобщенным, а с комбинированным трудом, подобно тому как он уже сам по себе является социальной, комбинированной силой, — есть тот пункт, который, быть может, следует рассмотреть уже здесь, при анализе общей истории возникновения капитала.}

Во-вторых: население, с одной стороны, может быть достаточно развито, а, с другой стороны, поддержка, получаемая им благодаря применению машин, — настолько велика, что оказывается излишней сила, вытекающая исключительно только из материального, *массового объединения* (в древности же всегда имело место это *массовое* действие принудительного труда), а нужна *относительно* меньшая *масса живого труда.*

{Чем больше производство основывается еще на простом физическом труде, на применении силы мускулов и т. д., короче — на физическом напряжении и физическом труде индивидов, тем в большей степени увеличение *производительной силы* заключается в их *массовом* совместном труде. В эпоху ремесла, являющегося наполовину искусством, возникает противоположное явление: обособление и индивидуализация, мастерство оди-

ночного, но некомбинированного труда. В своем действительном развитии капитал комбинирует [V—23] массовый труд с мастерством, но делает это таким образом, что массовый труд утрачивает свою физическую мощь, а мастерство существует не в рабочем, а в машине и в фабрике, действующей как единое целое посредством научной комбинации людей и машин. Общественный дух труда получает свое объективное существование вне отдельных рабочих.}

Может образоваться особый класс строителей дорог, который применяется государством *, или же для этой цели используется часть случайно незанятого населения вместе с определенным количеством мастеров-строителей и т. д., которые, однако, работают не в качестве капиталистов, а как более искусные *слуги*. (О категории этого искусного труда и т. д. следует сказать впоследствии.) Рабочие являются в этом случае наемными рабочими, но государство использует их не в качестве таковых, а как наемных слуг.

Для того чтобы капиталист взялся за дорожное строительство на деловых началах, за свой счет {если государство производит подобные работы при помощи *государственных подрядчиков*, то делается это все же всегда посредством барщинного труда или налогов}, необходимы различные условия, которые все сводятся к тому, что способ производства, основанный на капитале, уже развился до высшей ступени.

Во-первых: предполагается определенная *величина* самого *капитала*, — капитала, сконцентрированного в руках капиталиста, — дающая возможность осуществить работы подобного объема и при столь медленном обороте. Поэтому здесь большею частью применяется *акционерный капитал*, в форме которого капитал достиг своей последней формы, где он существует не только *в себе*, в соответствии со своей субстанцией, но и положен по своей *форме* как общественная сила и общественный продукт.

Во-вторых: от этого капитала требуется, чтобы он приносил *проценты*, а не *прибыль* (он может приносить больше чем

---

* *У римлян в армии имелась в наличии масса* [*солдат*], специально вымуштрованная для труда, но уже оторванная от всего народа; ее прибавочное время также принадлежало государству. Эти солдаты все свое рабочее время продавали государству в обмен на заработную плату, всю свою рабочую силу обменивали на заработную плату, необходимую для поддержания их жизни, — точно таким же образом, как это делает рабочий в обмене с капиталистом. Это относится к тому времени, когда римская армия была уже не армией граждан, а армией наемников. В этих условиях также имеет место свободная продажа труда со стороны солдата. Но государство покупает этот труд не с целью производства стоимостей. И поэтому, хотя и может показаться, что форма заработной платы первоначально появляется в армиях, — все же это жалованье солдат существенно отличается от заработной платы наемных рабочих. Некоторое сходство между солдатами и наемными рабочими объясняется тем, что государство использует армию для того, чтобы добиться роста могущества и богатства.

проценты, но это не является необходимым). Этот пункт здесь еще не подлежит дальнейшему исследованию.

В-третьих: предпосылкой является такое движение на дороге — прежде всего коммерческое, — чтобы дорога себя окупала, т. е. чтобы та цена, которая будет установлена за пользование дорогой, была бы для производителей [пользующихся дорогой] *приемлемой,* так как давала бы им такую производительную силу, за которую они могли бы дорого заплатить.

В-четвертых: существование потребляющего богатства, вкладывающего часть своего дохода в средства передвижения.

Но главное значение имеют две предпосылки: 1) капитал, который может быть вложен в это дело в требующемся размере и который удовлетворяется процентом; 2) для производительных капиталов, для промышленного капитала должно быть выгодно оплачивать цену дороги. Так, например, первая железнодорожная линия между Ливерпулем и Манчестером стала производственной необходимостью для ливерпульских торговцев хлопком и еще больше — для манчестерских фабрикантов.

{*Конкуренция* может в большей мере вызвать необходимость в строительстве, например, железных дорог в такой стране, где существовавший до этого уровень развития ее производительных сил еще не вынуждал к этому. Вопрос о воздействии *конкуренции между нациями* относится к разделу о *международном обмене.* Здесь особенно сказываются цивилизующие воздействия капитала.}

Капитал как таковой — предполагая, что он имеется в нужном размере — будет сооружать дороги только в том случае, если сооружение дорог станет необходимостью для производителей, в особенности — для самого̀ производительного капитала; станет для капиталиста условием *получения прибыли.* Тогда и дорога станет рентабельной. Но в этих случаях уже предполагается значительный обмен. Это все та же *двоякая* предпосылка: на одной стороне богатство страны в достаточной степени концентрируется и переходит в форму капитала, для того чтобы предпринять подобные работы в виде процесса увеличения стоимости капитала; на другой стороне достаточно большие масштабы обмена и препятствия, чинимые ему недостатком средств сообщения, ощущаются в достаточной степени, для того чтобы капиталист мог реализовать стоимость дороги (по частям и поштучно в течение определенного времени) как таковой (т. е. ее использование).

Все *всеобщие условия производства,* такие, как дороги, каналы и т. д., облегчают ли они обращение, или вообще впервые делают его возможным, или же увеличивают производи-

тельную силу (как, например, ирригационные сооружения и т. д. в Азии, впрочем, создаваемые правительствами также и в Европе), — для того чтобы их создавал капитал, а не правительство, представляющее общество как таковое, — предполагают высшее развитие производства, основанного на капитале. Изъятие *общественных работ* из прерогативы государства и переход их в сферу работ, производимых самим капиталом, показывает, до какой степени реальное общество конституировалось в форме капитала. Какая-нибудь страна, например Соединенные Штаты, может даже в производственном отношении ощущать необходимость железных дорог; несмотря на это, непосредственная выгода, [V—24] извлекаемая производством из существования железной дороги, может быть настолько ничтожна, что авансирование для этой цели капитала было бы не чем иным, как *потерей денег.* Тогда капитал перекладывает эти расходы на плечи государства, или же государство, там, где оно по традиции все еще занимает господствующее положение по отношению к капиталу, располагает привилегиями и властью для того, чтобы заставить всех капиталистов отдавать часть их *дохода,* но не их капитала, на такие общеполезные работы, которые являются вместе с тем *всеобщими* условиями производства и которые поэтому не являются *особенным* условием для какого-нибудь отдельного капиталиста; и до тех пор пока капитал не принял форму акционерного общества, он стремится всегда лишь к достижению *особенных* условий увеличения своей стоимости, а *общие для всех* условия он в качестве национальных потребностей взваливает на всю страну. Капитал предпринимает только *выгодные* — с его точки зрения — операции.

Правда, иногда он рассуждает ошибочно, и, как мы увидим, он *вынужден* так рассуждать. В таких случаях капитал производит *вложения,* которые не окупаются или же окупаются только тогда, когда они до известной степени *обесценятся.* Поэтому во многих предприятиях первоначальное *вложение капитала* представляет собой убыточное вложение, первые предприниматели гибнут, и только во вторых или в третьих руках, когда авансированный капитал сократился в результате *обесценения,* получается прибыль. Впрочем, само государство, и все, что с ним так или иначе связано, принадлежит к этим вычетам из *дохода,* так сказать, к *издержкам потребления* — для индивида, к издержкам производства — для общества. Сама дорога может настолько увеличить производительные силы, что возникает такое движение по ней, благодаря которому она теперь окупается. Могут стать необходимыми такие работы и затраты, которые с точки зрения капитала не являются производительными,

т. е. содержащийся в них *прибавочный труд* не реализуется в качестве *прибавочной стоимости* путем обращения, путем обмена.

Если, например, рабочий работает в течение года по 12 часов в сутки на строительстве дороги, а общественно необходимое рабочее время в среднем равно 6 часам, то рабочий [ежедневно] выполнял прибавочный труд в размере 6 часов. Но если дорогу нельзя продать за 12 часов, а можно, пожалуй, только за 6, то постройка дороги — неподходящее предприятие для капитала, и дорожное строительство не является для него производительным трудом. Капитал должен иметь возможность продать дорогу (срок и способ продажи нас здесь не касаются) так, чтобы реализовался и необходимый труд, и прибавочный труд, или же так, чтобы из общего фонда прибылей — прибавочных стоимостей — капиталу досталась такая часть, как если бы он создал прибавочную стоимость. *Это отношение* надо будет исследовать *впоследствии при рассмотрении прибыли и необходимого труда*.

Высшее развитие капитала имеет место тогда, когда всеобщие условия общественного процесса производства создаются не посредством *вычета из общественного дохода*, не посредством государственных налогов (когда доход, а не капитал выступает в качестве рабочего фонда, и рабочий, хотя он и является, как всякий иной, свободным наемным рабочим, все же экономически находится в ином отношении), а посредством *капитала как капитала*. Это показывает, с одной стороны, до какой степени капитал подчинил себе все условия общественного производства, и поэтому, с другой стороны, — насколько *капитализировано* общественное воспроизводимое богатство и насколько все потребности удовлетворяются в форме обмена — также и те потребности индивида, которые *положены* в качестве *общественных* потребностей, т. е. те потребности, которые индивид удовлетворяет не как обособленно существующий в обществе индивид, а совместно с другими индивидами (способ удовлетворения этих потребностей по самой их природе является общественным), — насколько, стало быть, предметы также и этих потребностей не только потребляются, но и производятся посредством обмена, посредством индивидуального обмена.

Что же касается дороги, о которой говорилось выше, то ее постройка должна быть выгодна настолько, чтобы определенное рабочее время, будучи превращено в дорогу, точно таким же образом воспроизводило бы рабочему его рабочую силу, как если бы он применял ее [например] в земледелии. Стоимость определяется объективированным рабочим временем, в какой

бы форме оно ни объективировалось. Однако возможность реализации этой *стоимости* зависит от той потребительной стоимости, в которой она заключена. Здесь предполагается, что дорога представляет собой предмет потребности для общества, предполагается, следовательно, что она обладает потребительной стоимостью. С другой стороны, для того чтобы капитал взялся за дорожное строительство, следует предположить, что оплачивается не только *необходимое рабочее время,* но и *прибавочное рабочее время* рабочего, — следовательно, оплачивается прибыль капитала. (Путем покровительственных пошлин, монополий, государственного принуждения капиталист часто добивается подобной оплаты там, где отдельные участники обмена в условиях свободного обмена оплатили бы *в лучшем случае* только необходимый труд.)

Вполне возможно, что имеющееся налицо прибавочное рабочее время не будет оплачено (что, впрочем, может случиться и со всяким отдельным капиталистом). *Там, где господствует капитал* (точно так же, как и при рабстве, при крепостном праве или же при всякого рода повинностях), *абсолютное рабочее время рабочего является для него условием того, чтобы он мог проработать необходимое время, т. е. чтобы он мог реализовать для себя в виде потребительных стоимостей время, необходимое для сохранения его рабочей силы.* Во всякой отрасли труда конкуренция затем приносит с собой то, что рабочий вынужден работать полное время — следовательно, прибавочное рабочее время. Но может случиться так, что это прибавочное рабочее время, хотя оно и содержится в продукте, будет непригодно к обмену. Для самого рабочего — по сравнению с другими наемными рабочими — это есть прибавочный труд. Для нанимателя это — такой труд, который хотя и имеет для него потребительную стоимость, как, например, труд его повара, но не имеет никакой меновой стоимости, и, следовательно, в этом случае для нанимателя не существует никакого различия [V—25] между *необходимым и прибавочным рабочим временем.*

Труд может быть необходимым, не будучи производительным. Все *всеобщие, общественные* условия производства — до тех пор пока они еще не могут создаваться капиталом как таковым на капиталистической основе — оплачиваются поэтому за счет некоторой части национального дохода, за счет казны, а рабочие [создающие общественные условия производства] не являются производительными рабочими, хотя они и увеличивают производительную силу капитала.

Результат нашего отступления, впрочем, тот, что производство средств сообщения, производство физических условий

обращения относится к категории производства основного капитала и, следовательно, не составляет особенного случая. Однако мимоходом для нас открылась перспектива, которую здесь еще нельзя точно обрисовать: проблема *специфического отношения капитала к общественным, всеобщим условиям общественного производства* в отличие от условий *особенного капитала* и его *особенного процесса производства.*

[5) ОБРАЩЕНИЕ КАК МОМЕНТ ПРОЦЕССА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА]

Обращение протекает в пространстве и времени. Пространственное условие — доставка продукта на рынок — относится, с экономической точки зрения, к самому процессу производства. Продукт только тогда действительно готов, когда он находится на рынке. Движение, вследствие которого продукт туда попадает, относится еще к издержкам его производства. Это движение не составляет необходимого момента обращения как особого процесса движения стоимости, ибо продукт может быть куплен (и даже потреблен) на месте его производства. Но этот пространственный момент важен, поскольку он взаимосвязан с размерами рынка, с возможностью обменять продукт. Сокращение издержек этого *реального* обращения (в пространстве) относится к развитию производительных сил капиталом, к сокращению издержек увеличения его стоимости. Являясь в известной мере внешним условием существования экономического процесса обращения, этот момент, однако, может быть причислен также и к *производственным издержкам* обращения, так что в соответствии с этим моментом обращение само является моментом не только процесса производства вообще, но и непосредственного процесса производства. Во всяком случае этот момент определяется здесь общим уровнем развития производительных сил и вообще — производства, основанного на капитале.

Этот связанный с перемещением момент (доставка продукта на рынок, что является необходимым условием его обращения, кроме того случая, когда место производства само есть рынок) можно было бы, точнее говоря, рассматривать как превращение продукта в *товар. Товаром* продукт является только на рынке. (Образует ли доставка продукта на рынок особенный момент или нет — дело случая. Если капитал работает на заказ, то для него не существует ни этого момента, ни превращения продукта в деньги как особого момента *Работа на заказ,* т. е. соответствие предложения предшествующему спросу, как *общее или преобладающее* положение не соответствует крупной

промышленности и никоим образом не вытекает как условие [процесса производства] из природы капитала.)

Во-вторых, момент времени. Это существенным образом относится к понятию обращения. Если предположить, что акт перехода товара в деньги закреплен договором, то в этом случае он связан с расходом времени на подсчет, взвешивание, измерение. Сокращение этого момента точно так же является развитием производительной силы. Время, затрачиваемое на переход от состояния товара к деньгам, также рассматривается только как *внешнее* условие этого перехода; этот переход заранее предположен; дело идет о том времени, которое *отнимает этот заранее предположенный акт.* Это время относится к *издержкам обращения.* Другое дело — то время, которое вообще протекает до того, как товар перейдет в деньги; или то время, в течение которого он остается *товаром,* только потенциальной, а не действительной стоимостью. Это время представляет собой чистый убыток.

Из всего сказанного вытекает, что обращение выступает как существенный процесс капитала. Процесс производства не может быть возобновлен до превращения товара в деньги. *Устойчивая непрерывность* процесса, беспрепятственный и плавный переход стоимости из одной формы в другую, или одной фазы процесса в другую, для производства, основанного на капитале, является основным условием в совершенно иной степени, чем при всех прежних формах производства.

С другой стороны, при наличии необходимости в подобной непрерывности [процесса производства] его фазы в пространстве и времени распадаются как особенные, безразличные по отношению друг к другу процессы. Таким образом, для производства, основанного на капитале, оказывается случайным, будет иметь место или нет его существенное условие: непрерывность тех различных процессов, которые конституируют весь процесс капиталистического производства. Снятие этой случайности самим капиталом есть *кредит.* (Кредит имеет еще и другие стороны; но эта его сторона вытекает из непосредственной природы процесса производства и поэтому представляет собой основу необходимости кредита.) Поэтому *кредит* в сколько-нибудь развитой форме не выступает ни в одном из прежних способов производства. Одалживали и брали взаймы также и при прежних укладах, а ростовщичество является даже наиболее древней из допотопных форм капитала, но ссуда и заем столь же мало конституируют *кредит,* как различные виды труда — *промышленный труд,* или *свободный наемный труд.* В качестве существенного, развитого производственного отношения кредит *исторически* и выступает только в обращении, основанном на капитале

или на наемном труде. (Сами *деньги* представляют собой одну из форм снятия неравенства времени, требующегося [на производство продукта] в различных отраслях производства, поскольку это время противостоит [V—26] обмену.) *Ростовщичество,* хотя в своей *обуржуазившейся, приспособленной к капиталу форме* оно само является формой кредита, в своей добуржуазной форме, наоборот, *выражает недостаток в кредите.*

(Обратное превращение денег в объективные моменты производства или в объективные условия производства предполагает то, что эти условия *имеются в наличии.* Это превращение обусловливает существование различных *рынков,* на которых производитель находит условия производства в виде товара — в руках купца, — рынков (наряду с рынком труда), существенно отличающихся от тех рынков, которые обслуживают непосредственное, индивидуальное, конечное потребление.)

В своем обращении деньги превращались в товар, и обменом *Д — Т* потребление завершало процесс; или же товар обменивался на деньги, и в обмене *Т — Д* деньги либо исчезали, для того чтобы самим снова обменяться на *Т,* причем этот процесс снова заканчивался потреблением, либо деньги уходили из обращения и превращались в мертвое сокровище и лишь мыслимое богатство. Нигде процесс не возгорался сам собою, предпосылки денежного обращения находились вне обращения, и оно постоянно нуждалось в новых толчках извне.

Когда оба момента [*Д* и *Т*] менялись местами, изменение формы внутри обращения было лишь формальным. Но коль скоро это изменение формы становилось содержательным, оно выпадало из экономического процесса [обращения]; содержание не относилось к самому́ этому процессу. Ни товар не сохранял себя в виде денег, ни деньги не сохраняли себя в виде товара; каждый из них был или тем, или другим. Стоимость как таковая не сохраняла себя в обращении и посредством обращения, она не доминировала над процессом своего превращения, над изменением своей формы; сама *потребительная стоимость* не производилась *меновой стоимостью* (как это имеет место в процессе производства капитала).

Для капитала само потребление товара не является заключительным актом; оно относится к процессу производства, само является моментом производства, моментом *полагания стоимости.* Но и сам капитал, — в каждом из моментов, в которых он выступает то в качестве денег, то в качестве товара, то в качестве меновой стоимости, то в качестве потребительной стоимости, — теперь положен как стоимость, не только формально сохраняющая себя при этом изменении формы, но и как *возра-*

стающая стоимость, как стоимость, соотносящаяся с самой собой как стоимостью. Переход из одного момента в другой является особым процессом, но каждый из этих процессов есть переход в другой. Капитал, таким образом, полагается как совершающая процесс стоимость, в каждом из моментов процесса являющаяся капиталом. Капитал, таким образом, полагается как *оборотный капитал;* в каждом из моментов он — капитал и одновременно — капитал, совершающий кругооборот из одного определения в другое. Пункт возвращения есть вместе с тем исходный пункт и vice versa *, а именно — *капиталист.* Всякий капитал первоначально является оборотным капиталом, продуктом обращения, а точно так же и тем, что производит обращение, описывает его как свою собственную траекторию.

Денежное обращение — с точки зрения его нынешней позиции — само выступает теперь только как один из моментов обращения капитала, а его самостоятельность оказывается всего лишь *видимостью.* Оно во всех отношениях определено обращением капитала, к чему мы еще вернемся. В той мере, в какой денежное обращение представляет собой самостоятельное движение наряду с движением капитала, эта самостоятельность обусловлена лишь *непрерывностью* обращения капитала, так что этот момент может быть зафиксирован и рассмотрен сам по себе.

{«Капитал представляет собой постоянно *умножающую себя стоимость,* которая больше не пропадает. Эта *стоимость* обособляется от товара, который создал ее; она как некое *метафизическое, невещественное качество* всегда остается в руках одного и того же земледельца» (например), «для которого она принимает различные формы» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 185].

«При обмене между трудом и капиталом рабочий требует средства существования, *для того чтобы жить,* капиталист требует *труд, для того чтобы получить прибыль»* (*Сисмонди,* там же, стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Предприниматель выигрывает, получает прибыль в результате любого *роста производительных сил,* порождаемого *разделением труда»* (там же, стр. 92) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Продажа труда равносильна отречению от всех плодов труда» (*A. Cherbuliez.* Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, стр. 64).

«Три составные части капитала» (а именно: сырье, орудия, фонд жизненных средств) «не возрастают пропорционально друг другу и не находятся друг с другом в *неизменном соотношении* на различных ступенях развития общества. Фонд жизненных средств остается неизменным в течение определенного времени, как бы быстро ни возрастала *скорость производства,* а следовательно, и *количество продуктов.* Таким образом,

* — наоборот. *Ред.*

увеличение *производительного капитала* не обязательно влечет за собой увеличение фонда жизненных средств, предназначенного образовать цену труда; оно может сопровождаться уменьшением фонда жизненных средств» (там же, стр. 60—63).}

[6)] ВЛИЯНИЕ ОБРАЩЕНИЯ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТОИМОСТИ. ОТЛИЧИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА ОТ ВСЕХ ПРЕЖНИХ СПОСОБОВ ПРОИЗВОДСТВА. ВЫРАВНИВАНИЕ УСЛОВИЙ ОБРАЩЕНИЯ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ КАПИТАЛОВ

{Поскольку возобновление производства зависит от продажи готового продукта, от превращения товара в деньги и обратного превращения денег в условия производства: сырье, орудие, заработную плату; поскольку тот путь, который проходит капитал, для того чтобы от одного из этих определений перейти к другому, составляет сферу обращения и эта сфера преодолевается капиталом в определенные *промежутки времени* (даже расстояние [от производства до рынка] сводится к времени; например, важна не пространственная отдаленность рынка, а та скорость, то количество времени, в течение которого товар достигает рынка), — постольку, следовательно, от скорости обращения, от того *времени,* в течение которого преодолевается сфера обращения, зависит, сколько продуктов может быть произведено в течение данного промежутка времени; как часто в течение данного промежутка времени сможет увеличиваться капитал, *воспроизводиться и возрастать* его стоимость.

Таким образом, здесь действительно привходит такой момент *определения стоимости,* который [V—27] не проистекает из непосредственного отношения труда к капиталу. То отношение, соответственно которому тот же самый капитал в течение данного промежутка времени может повторять процесс производства (процесс созидания новой стоимости), очевидно, представляет собой такое условие, которое не положено непосредственно самим процессом производства. Поэтому если обращение и не создает никакого момента в самом *определении стоимости,* обусловленном исключительно трудом, то от скорости обращения зависит та скорость, с которой возобновляется процесс производства, с которой создаются стоимости, — зависят, следовательно, если не *стоимости,* то, до известной степени, массы стоимостей, т. е. произведение создаваемых в процессе производства стоимостей и прибавочных стоимостей на

число повторений процесса производства в течение данного промежутка времени.

Говоря о скорости оборота капитала, мы подразумеваем, что только *внешние помехи* задерживают переход капитала из одной фазы в другую, а не те помехи, которые вытекают из самого процесса производства и обращения (как это имеет место при кризисах, перепроизводстве и т. д.).

Итак, помимо рабочего времени, овеществленного в продукте, в качестве момента созидания стоимости — в качестве момента самого производительного рабочего времени — выступает *время обращения* капитала. Если рабочее время выступает в качестве деятельности, полагающей стоимость, то время обращения капитала выступает в качестве *времени уменьшения стоимости*. Различие заключается здесь просто в следующем: если совокупная величина того рабочего времени, которым распоряжается капитал, доведена до максимума, предположим до бесконечно большой величины ∞, так что необходимое рабочее время составляет бесконечно малую часть, а прибавочное рабочее время — бесконечно большую часть этой величины, то это было бы максимумом увеличения стоимости капитала, а это и есть та тенденция, следовать которой он стремится. С другой стороны, если бы *время обращения капитала* было равно нулю, т. е. если бы различные этапы его метаморфоза протекали в действительности столь же быстро, как в мышлении, то это также означало бы максимальную величину того фактора, который обусловливает возможность повторения процесса производства, т. е. означало бы максимальное количество процессов увеличения стоимости капитала в течение определенного промежутка времени.

Повторение процесса производства было бы в этом случае ограничено только продолжительностью самого процесса производства, тем временем, которое требуется для того, чтобы сырье превратить в продукт. Поэтому *время обращения* не является положительным элементом, создающим стоимость; если бы оно равнялось нулю, то созидание стоимости дошло бы до высшего предела. Если бы нулю было равно прибавочное рабочее время или необходимое рабочее время, т. е. если бы необходимое рабочее время поглотило все рабочее время или если бы производство могло осуществляться вовсе *без* труда, то не существовало бы ни стоимости, ни капитала, ни созидания стоимости. Следовательно, *время обращения* лишь в той мере определяет стоимость, в какой оно выступает как *естественная граница* использования рабочего времени. Стало быть, фактически время обращения представляет собой вычет из *прибавочного рабочего времени*, т. е.

увеличение *необходимого рабочего времени*. Ясно, что независимо от того, будет ли процесс обращения протекать медленно или быстро, необходимое рабочее время должно быть оплачено.

Например, в тех отраслях производства, где требуются специальные рабочие, которые, однако, могут быть заняты только в течение части года, так как продукты их труда имеют сбыт лишь в течение определенного времени года, — этим рабочим пришлось бы заплатить за целый год; т. е. прибавочное рабочее время уменьшилось бы здесь в той же пропорции, в какой уменьшилась бы занятость рабочих в течение данного промежутка времени, однако рабочим тем или иным путем все же пришлось бы заплатить. (Например, это пришлось бы сделать в такой форме, что их четырехмесячной заработной платы хватило бы на содержание их в течение года.) Если бы капитал мог применять этих рабочих в течение 12 месяцев, то он не стал бы увеличивать их заработную плату, а выиграл бы соответственное количество прибавочного труда.

Итак, время обращения выступает в качестве границы для производительности труда; увеличение времени обращения равносильно увеличению необходимого рабочего времени, т. е. сокращению прибавочного рабочего времени, т. е. уменьшению прибавочной стоимости, т. е. задержке, ограничению процесса самовозрастания стоимости капитала. Таким образом, в то время как капитал, с одной стороны, должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, т. е. обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство при помощи времени, т. е. свести к минимуму то время, которое необходимо для продвижения товаров от одного места к другому. Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, который образует пространственную сферу обращения капитала, тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени.

(Если рассматривать рабочее время не как рабочий день отдельного рабочего, а как неопределенный рабочий день неопределенного числа рабочих, то сюда привходят все *отношения народонаселения,* и поэтому основы учения о народонаселении точно так же содержатся в этой первой главе о капитале, как и основы учения о прибыли, цене, кредите и т. д.)

Здесь проявляется универсальная тенденция капитала, отличающая его от всех прежних ступеней производства. Несмотря на то что капитал ограничен по самой своей природе, он стре-

мится к универсальному развитию производительных сил и таким образом становится предпосылкой нового способа производства, основанного на развитии производительных сил не для воспроизводства определенного состояния или в лучшем случае — для его расширения, но такого способа производства, при котором свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства; такого способа производства, единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта. Эта тенденция, которую имеет капитал, но которая вместе с тем противоречит ему как ограниченной форме производства и поэтому толкает его к гибели, — отличает капитал от всех прежних способов производства и вместе с тем содержит в себе то, что капитал является всего лишь переходным пунктом. Все прежние формы общества [V—28] погибали с развитием богатства, или, что одно и то же, — с развитием общественных производительных сил. Поэтому у древних, сознававших это, богатство прямо обличалось как разложение общества. Феодальный строй, в свою очередь, погубили городская промышленность, торговля, современное земледелие (и даже отдельные изобретения, такие, как порох и печатный станок).

Вместе с развитием богатства, а потому также с развитием новых сил и расширявшегося общения индивидов разлагались те экономические условия, на которых покоилось общество, те политические отношения различных составных частей общества, которые этому соответствовали, религия, в форме которой общество воспринималось в идеализированном виде (как общество, так и религия, в свою очередь, покоились на некотором данном отношении к природе, к которой сводится всякая производительная сила), характер, взгляды и т. д. индивидов. *Уже одного развития науки* — т. е. наиболее основательной формы богатства, являющейся как продуктом, так и производителем богатства — было достаточно для разложения этих обществ. Но *развитие науки,* этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает *развитие производительных сил человека,* т. е. развитие богатства.

Если рассматривать вопрос *идеально,* то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху. Реально же этот предел сознания соответствует *определенной ступени развития материальных производительных сил,* а потому — богатства. Разумеется, развитие имело место не только на старом базисе, но являлось *развитием самого этого*

базиса. Наивысшее развитие самого этого *базиса* (тот цветок, в который он превращается; однако это все тот же *данный* базис, *данное* растение в виде цветка, поэтому *после* расцвета и как следствие расцвета наступает увядание) есть тот пункт, где сам базис приобретает такую форму, в которой он совместим с *наивысшим развитием производительных сил*, а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе.

Мы видели выше *, что собственность [работников] на условия производства выступала как тождественная с ограниченной, определенной формой общества и, следовательно, — для того чтобы образовалось подобное общество, — как тождественная с ограниченной, определенной формой индивида, обладающего соответствующими качествами: ограниченностью и ограниченным развитием своих производительных сил. Сама эта предпосылка опять-таки, в свою очередь, являлась результатом ограниченной исторической ступени развития производительных сил: как богатства, так и способа создавать богатство. Целью общества, целью индивида — так же как и условием производства — было *воспроизводство этих определенных условий производства* и воспроизводство индивидов: как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий.

В качестве предпосылки своего воспроизводства капитал полагает *производство* самого *богатства*, а потому и универсальное развитие производительных сил, беспрестанные перевороты в своих существующих предпосылках. Стоимость не исключает никакой потребительной стоимости; следовательно, никакой особый вид потребления и т. д., общения и т. д. она не включает в качестве абсолютного условия; и точно так же всякая ступень развития общественных производительных сил, общения, знания и т. д. является для капитала лишь таким пределом, который он стремится преодолеть. Сама его предпосылка — стоимость — положена как продукт, а не как витающая над производством более высокая предпосылка. Пределом для *капитала* служит то обстоятельство, что все это развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид *отчуждает* себя самого; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего*

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 472—487. *Ред.*

собственного, а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистичная форма преходяща и создает реальные условия своего собственного уничтожения.

Результатом является всеобщее — по своей тенденции и по своим возможностям — развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса, а также универсальность общения и поэтому мировой рынок в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение *предела* для этого развития, предела, который и осознается как предел, а не как некая *священная грань*. Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений. Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как *процесса* и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало *условием производства,* чтобы определенные *условия производства* не являлись пределом для развития производительных сил.

* * *

Если мы теперь вернемся к *времени обращения* капитала, то его сокращение (поскольку это не связано с развитием средств сообщения и транспорта, необходимых для доставки продукта на рынок) отчасти связано с *созданием* постоянно функционирующего и поэтому постоянно расширяющегося рынка; отчасти — с развитием *экономических* отношений, с развитием таких форм капитала, [V—29] посредством которых он *искусственно* сокращает время обращения (сюда относятся *все формы кредита*).

{Здесь можно еще отметить, что поскольку лишь капитал обладает условиями производства капитала, стало быть, удовлетворяет этим условиям и стремится реализовать их, постольку всеобщей тенденцией капитала является образование во всех пунктах, где имеются предпосылки обращения, производственных центров обращения и ассимиляция этих пунктов, т. е. превращение их в пункты капитализирующегося производства или в пункты производства капитала. Эта пропагандистская (цивилизующая) тенденция — в отличие от прежних условий производства — свойственна только капиталу.}

Тем способам производства, где обращение не составляет имманентного, господствующего условия производства, разумеется, не свойственны специфические потребности обращения капитала, а потому там и не вырабатываются ни экономические формы, ни реальные производительные силы, соответствующие этим специфическим потребностям. Первоначально производство, основанное на капитале, исходило из обращения; теперь мы видим, что оно полагает обращение в качестве своего собственного условия и что оно делает моментом процесса обращения процесс производства в его непосредственности точно в такой же степени, в какой оно процесс обращения делает одной из фаз процесса производства в его целостности.

Поскольку разные капиталы имеют различное время обращения (например, у одного капитала более отдаленный рынок, у другого — более близкий; одному капиталу обеспечено превращение в деньги, у другого оно зависит от случайностей; один в большей мере является основным капиталом, другой — оборотным капиталом), это вызывает у них различия в росте их стоимости. Но эти различия имеют место только во вторичном процессе возрастания стоимости. Время обращения само по себе является *пределом* для возрастания стоимости (*необходимое рабочее время,* разумеется, тоже является пределом, но вместе с тем и основой, так как без него не было бы ни стоимости, ни капитала); время обращения представляет собой вычет из прибавочного рабочего времени, или возрастание *необходимого рабочего времени* по отношению к *прибавочному рабочему времени.* Обращение капитала *реализует стоимость* подобно тому, как живой труд *создает стоимость.* Время обращения представляет собой всего лишь предел для этой реализации стоимости и постольку — предел для созидания стоимости, предел, вытекающий не из производства вообще, а являющийся специфическим для производства капитала; предел, преодоление которого — или борьба с которым — поэтому также относится к специфическому экономическому развитию капитала и дает толчок развитию его форм в сфере кредита и т. д.}

{Капитал сам представляет собой противоречие, так как он постоянно стремится устранить *необходимое рабочее время* (а это означает вместе с тем сведение рабочего к минимуму, т. е. существование рабочего в качестве всего лишь живой рабочей силы), но *прибавочное рабочее время* существует лишь как антитеза, лишь в рамках противоположности необходимому рабочему времени, и, следовательно, капитал делает необходимое рабочее время *необходимым* условием своего воспроизводства и возрастания своей стоимости. Развитие материальных про-

изводительных сил — которое одновременно представляет собой развитие сил рабочего класса — в определенный момент *уничтожает самый капитал.*}

{«Предприниматель может возобновить производство лишь после того, как он продаст готовый продукт, а вырученные деньги употребит на покупку нового сырья и на новую заработную плату; следовательно, чем скорее обращение приводит к этим двум результатам, тем скорее он получает возможность возобновить производство и тем больше продуктов дает его капитал в течение данного промежутка времени» (*H. Storch.* Cours d'économie politique. Tome I, Paris, 1823, стр. 411—412).}

{«Специфические *вложения капиталиста* состоят не из сукна и т. д., а из труда» (*T. R. Malthus.* The Measure of Value Stated and Illustrated. London, 1823, стр. 17).}[4]

{«Накопление всего общественного капитала не в руках рабочих, а в руках иных лиц, неизбежно замедляет рост всего производства, кроме роста того обычного вознаграждения капитала, которое в зависимости от времени и обстоятельств получают его владельцы... В прежних системах *производительные силы рассматривались как соответствующие и подчиняющиеся фактическому накоплению и увековечению существующих способов распределения. Современное накопление и распределение должны подчиняться производительным силам*» (*W. Thompson.* An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London, 1824, стр. 176, 589).} [5]

Из отношения времени обращения к процессу производства следует, что производимая сумма стоимостей, или полное возрастание стоимости капитала за какой-нибудь данный период, определяется не просто той новой стоимостью, которую капитал создает в процессе производства, или тем прибавочным временем, которое реализуется в процессе производства, а прибавочным временем (прибавочной стоимостью), помноженным на число, показывающее, сколько раз может повториться в течение определенного промежутка времени процесс производства капитала. Число, указывающее количество повторений, можно рассматривать как коэффициент процесса производства, или как коэффициент созданной в этом процессе прибавочной стоимости.

Однако посредством скорости обращения этот коэффициент определяется не в положительном, а в отрицательном смысле. Иными словами, если бы скорость обращения была абсолютной, т. е. если бы процесс производства вовсе не прерывался обращением, то этот коэффициент был бы наивысшим. Если, например, реальные условия производства пшеницы в данной стране допускают лишь один урожай, то никакая скорость обращения не приведет к двум урожаям. Но если произойдет задержка в обращении, если фермер не сможет вовремя продать пшеницу, с тем чтобы, например, снова нанять рабочих, то производство приостановится. Максимальная величина коэффициента процесса производства или процесса возрастания

стоимости в течение данного промежутка времени определяется абсолютной продолжительностью самой [V—30] фазы производства. После того как завершается обращение, капитал в состоянии возобновить свой процесс производства. Таким образом, если бы обращение не вызывало никаких перерывов, если бы скорость обращения была абсолютной, а его продолжительность равна нулю, т. е. если бы обращение не занимало времени, то это было бы лишь то же самое, как если бы *капитал* имел возможность возобновить свой процесс производства непосредственно после его завершения; иными словами, обращение не существовало бы в качестве предела, обусловливающего производство, а повторение процесса производства внутри определенного промежутка времени зависело бы абсолютно от продолжительности процесса производства, совпадало бы с этой продолжительностью.

Следовательно, если бы уровень развития промышленности позволял капиталу в 100 ф. ст. за 4 месяца производить x фунтов пряжи, то процесс производства можно было бы с тем же самым капиталом возобновлять только 3 раза в год, производить в год только $3x$ фунтов пряжи. Никакая скорость обращения не могла бы превысить эту трехкратность годового воспроизводства данного капитала, или, точнее, превысить трехкратность повторения процесса возрастания его стоимости. Это могло бы произойти только вследствие *возрастания производительных сил*. Время обращения само по себе не является *производительной силой* капитала, а представляет собой *ограничение его производительной силы*, вытекающее из природы капитала как меновой стоимости. Прохождение [капитала] через различные фазы обращения выступает здесь как *предел производства*, предел, полагаемый специфической природой самого капитала. Все, что может произойти вследствие ускорения и сокращения *времени обращения* — процесса обращения, — сводится к уменьшению того предела, который положен природой капитала. Например, в земледелии данные природой границы повторяемости процесса производства совпадают с продолжительностью одного цикла фазы производства. Положенный капиталом предел представляет собой не то время, которое протекает от посева до жатвы, а то, которое протекает от жатвы до превращения урожая в деньги и обратного превращения денег, например, скажем, в средства для найма труда. Фокусники обращения, воображающие, будто скоростью обращения можно добиться еще чего-то иного, помимо сокращения положенных самим капиталом препятствий для воспроизводства капитала, находятся на ложном пути.

(Конечно, еще безрассуднее те фокусники обращения, которые воображают, будто при помощи кредитных учреждений и кредитных выдумок, сводящих на нет длительность времени обращения, можно устранить не только задержку, перерыв в процессе производства, который требуется для превращения готового продукта в капитал, но сделать излишним и самый капитал, на который обменивается производительный капитал; иными словами, производить на основе меновой стоимости и вместе с тем желать устранить при помощи колдовства необходимые на этой основе условия производства.)

Максимум того, что кредит может достигнуть в этом отношении, — в отношении *только* обращения, — это сохранить непрерывность процесса производства, *если* в наличии имеются все остальные условия этой непрерывности, т. е. если действительно существует тот капитал, с которым надо произвести обмен, и т. д.

В процессе обращения положено, что условием возрастания стоимости капитала в процессе производства, условием эксплуатации труда капиталом является превращение капитала в деньги, или обмен капитала на капитал (ибо с теперешней точки зрения мы еще во всех пунктах обращения имеем только труд или капитал) в качестве предела для обмена капитала на труд и vice versa *.

Капитал существует как капитал лишь постольку, поскольку он проходит через фазы обращения, через различные моменты своего превращения, с тем чтобы получить возможность возобновить процесс производства, а эти фазы представляют собой фазы увеличения стоимости капитала, — но вместе с тем, как мы видели **, — и фазы его *обесценения*. Пока капитал остается фиксированным в форме готового продукта, он не может функционировать в качестве капитала и является *отрицаемым* капиталом. Соответственно этому приостанавливается процесс увеличения стоимости капитала, а его совершающая процесс стоимость отрицается. Таким образом, [пребывание капитала в сфере обращения] выступает как убыток для капитала, как относительное снижение его стоимости, ибо его стоимость как раз и заключается в процессе увеличения стоимости. Иными словами, этот убыток капитала сводится к бесполезному для него протеканию времени, в течение которого, если бы не наступил застой, капитал посредством обмена с живым трудом мог бы присвоить себе *прибавочное рабочее время,* чужой труд.

* — наоборот. *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 377—379. *Ред.*

Представим себе теперь, что в отдельных отраслях производства имеется *множество* капиталов, из которых все являются *необходимыми* (это выразилось бы в том, что если бы начался массовый отлив капитала из какой-нибудь отрасли производства, то предложение продуктов этой отрасли упало бы ниже спроса, и поэтому рыночная цена поднялась бы выше естественной цены), и что какая-нибудь отрасль производства требует, чтобы, например, капитал *a* дольше пребывал в форме обесценения своей стоимости, т. е. чтобы то время, в течение которого он проходит различные фазы обращения, было более продолжительным, чем во всех других отраслях производства. В этом случае капитал *a* то меньшее количество новой стоимости, которое он мог бы создать, рассматривал бы как положительный убыток, как если бы для производства той же самой стоимости ему требовались соответственно бо́льшие издержки. Поэтому капитал *a* соответственно повысил бы меновую стоимость своих продуктов по сравнению с другими капиталами, для того чтобы разделить с ними ту же самую норму прибыли. Но в действительности это могло бы произойти только путем переложения убытка с капитала *a* на другие капиталы. Если капитал *a* требует за свой продукт меновую стоимость, превышающую объективированный в нем труд, то [V—31] этот *излишек* он может получить лишь в том случае, если другие капиталы получат такую меновую стоимость, которая меньше действительной стоимости их продуктов. Это значит, что те менее благоприятные условия, при которых производил капитал *a*, соответственно отражаются на всех капиталистах, которые с ним обмениваются, и таким образом установилась бы равная средняя прибыль. Однако сумма прибавочной стоимости, созданной всеми капиталами, вместе взятыми, уменьшилась бы в точном соответствии с меньшим возрастанием стоимости капитала *a* по сравнению с другими капиталами; только это уменьшение, вместо того чтобы выпасть на долю одного капитала *a*, становится общим убытком, который несут в соответственных долях все капиталы.

Поэтому нет ничего комичнее представления (см., например, Рамсея [6]), будто помимо эксплуатации труда капитал составляет *самостоятельный*, отделенный от труда источник *созидания стоимости*, так как распределение прибавочного труда среди капиталов производится пропорционально не тому прибавочному рабочему времени, которое создано отдельным капиталом, а пропорционально *совокупному прибавочному труду*, созданному совокупностью капиталов, и поэтому на *отдельный капитал* может приходиться более значительное созидание стои-

мости, чем это непосредственно может быть объяснено его *особенной* эксплуатацией рабочей силы [Arbeitskraft]. Но этот *излишек* [прибавочного труда] для одной стороны должен компенсироваться *уменьшением* [прибавочного труда] для другой стороны. Ничего другого *средняя* [прибыль] вообще не означает. Вопрос о том, как отношение капитала к чужому капиталу, т. е. конкуренция капиталов, распределяет между ними прибавочную стоимость, очевидно, не имеет ничего общего с абсолютным количеством этой прибавочной стоимости. Поэтому не может быть ничего более абсурдного, чем заключить, что так как капитал заставляет компенсировать себя за свое *исключительное* время обращения, т. е. так как относительно менее значительный прирост своей стоимости он исчисляет как положительное увеличение прироста стоимости, — то, если брать *капиталы* в их совокупности, *капитал* способен из ничего создавать нечто, превращать минус в плюс, из минуса прибавочного рабочего времени или минуса прибавочной стоимости делать плюс прибавочной стоимости — и потому обладает неким *мистическим,* независимым от присвоения чужого труда источником созидания стоимости.

Тот способ, которым капиталисты среди всего прочего исчисляют свою долю в *прибавочной стоимости,* — не только посредством прибавочного рабочего времени, которое они привели в действие, но и соответственно тому *времени, в течение которого их капитал как таковой не работал,* т. е. бездействовал, находился в фазе обесценения, — конечно, ни на йоту не изменяет той суммы прибавочной стоимости, которой капиталисты располагают для дележа между собой.

Сама эта сумма не может возрасти из-за того, что она меньше той, какой она была бы, если бы капитал *a,* вместо того чтобы находиться в бездействии, создавал бы прибавочную стоимость, т. е. из-за того, что капитал *a* создал за то же самое время меньшую прибавочную стоимость, чем другие капиталы. Это *бездействие* компенсируется капиталу *a* только в том случае, если оно с неизбежностью вытекает из условий данной особой отрасли производства и поэтому в отношении *капитала* вообще представляется как затруднение возрастания стоимости, как *необходимый предел* возрастания его стоимости вообще. Разделение труда оставляет этот предел только как предел процесса производства этого особенного капитала. Если рассматривать процесс производства как руководимый капиталом вообще, то это есть *всеобщий предел* возрастания его стоимости. Если иметь в виду, что производит лишь сам труд, то все превышающие [норму] авансы, в которых он нуждается во время использования

этого труда для увеличения стоимости капитала, представятся тем, чем они являются — *вычетами из прибавочной стоимости.*

Обращение может *создавать стоимость* лишь в той мере, в какой оно требует нового применения *чужого труда* помимо труда, потребленного непосредственно в процессе производства. Это то же самое, как если бы на самый процесс производства непосредственно требовалось бы больше *необходимого труда.* Только действительные *издержки обращения* повышают *стоимость* продукта, но уменьшают прибавочную стоимость.

В той мере, в какой обращение капитала (продукт и т. д.) выражает не только фазы, необходимые для возобновления процесса производства, это обращение (см. пример Шторха [7]) не образует никакого момента производства, рассматриваемого в его совокупности, — поэтому оно не является таким обращением, которое полагается производством, и если оно связано с издержками, то это *faux frais * производства.* Издержки обращения вообще, т. е. издержки производства в процессе обращения, поскольку они касаются только экономических моментов обращения в собственном смысле (доставка продукта на рынок придает продукту *новую потребительную стоимость*), следует рассматривать как вычеты из *прибавочной стоимости,* т. е. как увеличение необходимого труда по отношению к прибавочному труду.

Непрерывность производства предполагает необходимость снятия времени обращения. Если его нельзя снять, то должно пройти некоторое время между различными метаморфозами, через которые должен пройти капитал; время его обращения *должно* являться вычетом из времени его производства. С другой стороны, природа капитала предполагает, что капитал проходит через различные фазы обращения, и притом не в представлении, где одно понятие переходит в другое с быстротой мысли, вне времени, а в качестве состояний, отделенных друг от друга во времени. Капитал некоторое время должен быть личинкой, куколкой, прежде чем он сможет летать мотыльком. Следовательно, вытекающие из самой природы капитала условия его производства противоречат друг другу. Противоречие это может быть снято и преодолено лишь [V—32] двояким образом (если только не предположить, что все капиталы работают по взаимному заказу и что поэтому продукт всегда непосредственно представляет собой деньги — представление, которое противо-

* — непроизводительные издержки. *Ред.*

речит природе капитала, а потому и практике крупной промышленности):

Прежде всего — кредит: мнимый покупатель *B* — т. е. такой покупатель, который, действительно, *платит,* но в действительности не покупает — опосредствует для капиталиста *A* превращение его продукта в деньги. Но сам *B* оплачивается только после того, как капиталист *C* купит продукт капиталиста *A*. Дает ли кредитор *B* капиталисту *A* деньги на покупку труда или на приобретение сырья и орудия труда, до того как капиталист *A* и то, и другое смог бы возместить из продажи своего продукта, — ничего не меняет в этом деле. Au fond * кредитор *B,* согласно нашему предположению, должен предоставить капиталисту *A* как то, так и другое, — т. е. все условия производства (однако эти последние представляют теперь бо̀льшую стоимость, чем та первоначальная стоимость, с которой капиталист *A* начал процесс производства). В этом случае капитал *b* замещает капитал *a*, но стоимость обоих капиталов возрастает не одновременно. Капиталист *B* занимает теперь место капиталиста *A*, т. е. капитал *a* бездействует до тех пор, пока он не будет обменен на капитал *c*. Капитал *a* закреплен в продукте капиталиста *A,* который превратил свой продукт в капитал *b*.

[Г) БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ И ПРИБЫЛИ]

[1) НЕПОНИМАНИЕ РИКАРДО И ДРУГИМИ БУРЖУАЗНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ. СМЕШЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ С ПРИБЫЛЬЮ]

Абсолютная путаница у экономистов относительно рикардовского определения стоимости рабочим временем — путаница, основанная на одном коренном недостатке рикардовского анализа, — весьма наглядно проявляется у г-на Рамсея. После того как Рамсей предварительно сделал следующий нелепый вывод из того влияния, которое время обращения капиталов оказывает на *относительное возрастание их стоимости,* т. е. на их относительное участие в совокупной прибавочной стоимости:

«Это показывает, как капитал может регулировать стоимость независимо от труда» (*Ramsay, George.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 43),

* — По существу. *Ред.*

или:

«Капитал есть источник стоимости, не зависящий от труда» (там же, стр. 55),—

после этого Рамсей говорит буквально следующее:

«Оборотный капитал» (фонд жизненных средств) «всегда будет применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого. Ибо если бы он не мог применять больше труда, чем было прежде затрачено на него самого, то *какую выгоду* мог бы получить владелец от его применения *как таковогоꓼ*» (там же, стр. 49).

«Предположим, что имеются два капитала одинаковой стоимости, каждый из которых произведен трудом 100 рабочих, работающих в течение данного времени, причем один из них является целиком оборотным капиталом, а другой — целиком основным и, допустим, состоит из вина, поставленного для выдерживания. Так вот, оборотный капитал, *созданный трудом 100 рабочих, приведет в движение 150 рабочих.* Следовательно, продукт в конце будущего года будет в этом случае результатом труда 150 рабочих. Но все же этот продукт не будет стоить больше чем вино в конце того же периода, хотя над ним работало только100 рабочих» (стр. 50). «Или станут утверждать, что то количество труда, которое *может применять* какой-либо оборотный капитал, всего лишь равно тому труду, который прежде был затрачен на его производство? Это означало бы, что *стоимость затраченного капитала* равняется стоимости продукта» (стр. 52).

Здесь налицо большая путаница в отношении того труда, который затрачивается на капитал, и того труда, который будет применен капиталом. Капитал, обмениваемый на рабочую силу, или фонд жизненных средств, — а его Рамсей называет здесь *оборотным капиталом,* — никак не может применить больше труда, чем было на него затрачено. (Обратное воздействие развития производительных сил на имеющийся в наличии капитал нас еще здесь не касается.) Но на капитал было затрачено больше труда, чем было за труд заплачено — *прибавочный труд,* который превратился в *прибавочную стоимость и прибавочный продукт,* что дает капиталу возможность возобновить в более широком масштабе эту выгодную сделку, в которой все преимущества находятся на одной стороне. Капитал имеет возможность применять больше нового живого труда потому, что во время процесса производства было затрачено некоторое количество свежего труда сверх того накопленного труда, из которого капитал состоял до начала процесса производства.

Г-н Рамсей, по-видимому, воображает, что если капитал является продуктом 20 рабочих дней (необходимого и прибавочного времени вместе), то этот продукт 20 рабочих дней может применить 30 рабочих дней. Но это вовсе не так. Предположим, что на продукт было затрачено 10 необходимых рабочих дней

и 10 прибавочных рабочих дней. Таким образом, прибавочная стоимость равна 10 прибавочным рабочим дням. Снова обменяв последние на сырье, орудие и труд, капиталист может при помощи *прибавочного продукта* опять привести в движение новый *необходимый труд*. Соль не в том, что капиталист применил больше рабочего времени, чем его содержится в продукте, а в том, что прибавочное время, которое ему ничего не стоит, он снова обменивает на необходимое рабочее время, — т. е. как раз в том, что капиталист применяет *все рабочее время*, затраченное на продукт, тогда как оплатил он только часть этого труда. Вывод г-на Рамсея, что если бы количество труда, применяемое каким-либо оборотным капиталом, не превышало количество труда, затраченного на этот капитал прежде, то стоимость затраченного капитала равнялась бы стоимости продукта, т. е. не получилось бы никакой прибавочной стоимости, — был бы правилен лишь в том случае, если бы количество труда, затраченного на капитал, *оплачивалось полностью*, т. е. если бы капитал не присваивал себе части труда *без эквивалента*.

Такого рода недоразумения, возникающие на почве неправильного понимания теории *Рикардо*, вытекают, очевидно, из того, что сам Рикардо не уяснил себе процесса [капиталистического производства], да в качестве буржуа и не был способен его понять. Понимание этого процесса равносильно утверждению, что капитал не только является, как полагает А. Смит, распоряжением чужим трудом, — в том смысле, в каком таковым является всякая меновая стоимость, так как она дает своему владельцу *покупательную силу*, — но и представляет собой силу, присваивающую себе чужой труд *без обмена, без эквивалента*, однако под видом обмена. Возражая А. Смиту и другим, впадающим в ту же самую ошибку относительно стоимости, определяемой трудом, и стоимости, определяемой ценой труда (заработной платой), Рикардо не может сказать ничего иного, кроме того, что посредством продукта одинакового количества труда можно приводить в движение то большее, то меньшее количество живого труда, т. е. он рассматривает продукт труда в его отношении к рабочему только как *потребительную стоимость*, — рассматривает только ту часть продукта, которая необходима рабочему для существования в качестве рабочего. Но отчего получается так, что рабочий при обмене вдруг представляет только *потребительную стоимость* или извлекает из обмена только потребительную стоимость, — это для Рикардо совершенно неясно, как показывает уже его [V—33] аргументация, направленная против А. Смита, аргументация,

основанная всегда только на отдельных примерах, а не на выяснении всеобщей сути дела.

Почему же получается, что доля рабочего в стоимости продукта определяется не стоимостью, а потребительной стоимостью продукта, т. е. не затраченным на него рабочим временем, а его свойством сохранять живую рабочую силу? Если бы Рикардо объяснял это конкуренцией рабочих между собой, то на это следовало бы возразить то же самое, что сам он отвечает А. Смиту по поводу конкуренции между капиталистами: что хотя эта конкуренция и может выравнить уровень прибыли, сделать его одинаковым, но она ни в коем случае не создает величину этого уровня. Точно так же и конкуренция между рабочими могла бы снизить повышенную заработную плату и т. д., но общий уровень заработной платы, или, как говорит Рикардо, естественную цену заработной платы нельзя было бы объяснить, исходя из конкуренции между рабочими, а только исходя из первоначального отношения между капиталом и трудом. Вообще конкуренция, этот важный двигатель буржуазной экономики, не устанавливает ее законы, а является их исполнителем. Поэтому неограниченная конкуренция не является предпосылкой истинности экономических законов, а представляет собой следствие — ту форму проявления, в которой реализуется их необходимость. Для экономистов, которые, подобно Рикардо, предполагают, что существует неограниченная конкуренция, эта предпосылка равносильна предпосылке о полной реальности и реализации буржуазных производственных отношений в их differentia specifica *. Поэтому конкуренция не *объясняет* эти законы, она дает возможность их *увидеть*, но она их не создает.

Или же Рикардо говорит также, что издержки производства живого труда зависят от издержек производства по созданию стоимостей, необходимых для его воспроизводства. Если прежде он рассматривал продукт в его отношении к рабочему только как потребительную стоимость, то теперь он рассматривает рабочего в его отношении к продукту только как *меновую стоимость*. Тот исторический процесс, посредством которого возникает подобное отношение между продуктом и живым трудом, его совершенно не интересует. Но столь же неясен для него и тот способ, которым это отношение увековечивается. Для Рикардо капитал есть *результат сбережения*. Уже это говорит о том, что процесс возникновения и воспроизводства капитала ему непонятен. Рикардо поэтому считает также, что производ-

* — специфических особенностях. *Ред.*

ство невозможно без капитала, хотя в то же время он считает вполне возможным капитал без земельной ренты. Различие между *прибылью* и *прибавочной стоимостью* для Рикардо не существует, и это доказывает, что ему не ясна природа ни той, ни другой. Об этом свидетельствует уже тот метод, который он применяет с самого начала. Сначала Рикардо заставляет работника обмениваться с работником, и их обмен в этом случае определяется посредством эквивалента, посредством рабочего времени, затраченного как тем, так и другим в процессе производства. Далее следует основная проблема его политической экономии: доказать, что это определение стоимости не меняется в результате накопления капиталов, т. е. в результате существования капитала.

Во-первых, Рикардо не догадывается о том, что его первичное природное отношение само есть не что иное, как отношение, абстрагированное от производства, основанного на капитале. Во-вторых, для Рикардо существует *определенное количество объективированного рабочего времени,* которое, впрочем, может возрастать, и он спрашивает себя, каким образом оно *распределяется?* Вопрос же заключается, скорее, в том, каким образом оно создается, а это как раз объясняется специфической природой отношения между капиталом и трудом или differentia specifica * капитала. Действительно, в современной *(рикардовской)* политической экономии речь идет, как это выразил Де Квинси, только о долях [в цене продукта], в то время как совокупный продукт рассматривается как фиксированный, определяемый количеством затраченного на него труда, в соответствии с которым и устанавливается стоимость продукта. Поэтому Рикардо справедливо упрекали в том, что он не понимает *прибавочной стоимости,* хотя его противники понимают ее еще меньше **. Капитал изображается присваивающим себе определенную часть имеющейся в наличии стоимости труда (продукта), но создание этой стоимости, присваиваемой им сверх воспроизведенного капитала, не изображается в виде *источника* прибавочной стоимости. Это создание [прибавочной стоимости] совпадает с присвоением чужого труда *без обмена* и поэтому никогда не может быть ясно понято буржуазными экономистами.

Рамсей упрекает Рикардо в забвении того, что основной капитал, из которого состоит капитал помимо фонда жизненных средств (у Рамсея сюда входит *сырой материал* наряду

---

* — специфической отличительной чертой. *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 282—283. *Ред.*

с *орудием*), вычитается из той суммы, которую должны поделить между собой капиталист и рабочий:

«Рикардо забывает, что весь продукт разлагается не только на заработную плату и прибыль, но что одна часть необходима еще для возмещения основного капитала» (цит. соч., стр. 174, *примечание*).

Действительно, так как отношение овеществленного труда к живому труду, — которое следует выводить не из долей данного количества труда, а из полагания прибавочного труда, — Рикардо не рассматривает в его живом движении, а следовательно, не рассматривает также и соотношение между различными составными частями капитала, то у него получается видимость того, будто весь продукт делится на заработную плату и прибыль, так что воспроизводство самого капитала причисляется к прибыли.

Де Квинси следующим образом разъясняет теорию Рикардо:

«Если цена продукта равна 10 шиллингам, то заработная плата и прибыль, вместе взятые, не могут превышать 10 шиллингов. Не обстоит ли, однако, дело наоборот, не определяют ли цену заработная плата и прибыль, взятые вместе? Нет, это — старое, отжившее учение» (*Th. De Quincey*. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 204). «Новая политическая экономия показала, что цена всякого товара определяется *относительным количеством производящего его труда*, и только им. Раз сама *цена* уже определена, она ipso facto * *определяет тот фонд*, из которого должны черпать свои *особые доли* и заработная плата, и прибыль» (там же).

Капитал выступает здесь не как полагающий прибавочную стоимость, т. е. прибавочный труд, а только как делающий вычеты из данного количества труда. То обстоятельство, что орудие и сырье присваивают себе эти *доли*, должно в таком случае вытекать из их *потребительной стоимости* в производстве; при этом здесь предполагается нелепость, как будто сырье и орудие создают потребительную стоимость в результате их *отделения* от труда, ибо именно это *отделение* от труда превращает их в капитал. Если рассматривать сырье и орудие сами по себе, то они сами представляют собой труд, прошлый труд. Кроме того, это предположение противоречит здравому смыслу, так как капиталист прекрасно знает, что он причисляет заработную плату и прибыль к издержкам производства и соответственно этому регулирует *необходимую цену*. Это противоречие между определением [стоимости] продукта относительным рабочим временем и ограничением суммы прибыли и заработной платы суммой этого рабочего времени — и *реальным определе-*

* — этим самым. *Ред.*

нием цены на практике получается только из-за того, что прибыль понимается не как производная, вторичная форма *прибавочной стоимости,* в соответствии с тем, что̀ капиталист правильно считает *своими издержками производства.* Его прибыль проистекает попросту из того, что часть издержек производства ему ничего не стоит и, следовательно, не входит в *его* расходы, в *его* издержки производства.

[VI—1] * «Всякое изменение, которым может быть нарушено существующее соотношение между заработной платой и прибылью, должно исходить от заработной платы» (*Де Квинси,* цит. соч., стр. 205).

Это верно лишь постольку, поскольку всякие изменения массы прибавочного труда должны быть выведены из изменения в соотношении между необходимым и прибавочным трудом. Но изменение в этом соотношении может произойти как в том случае, когда необходимый труд становится менее производительным и поэтому на него приходится более значительная часть совокупного труда, так и в том случае, когда совокупный труд становится более производительным и, следовательно, необходимое рабочее время сокращается. Нелепо говорить, что эта производительная сила труда проистекает от *заработной платы.* Напротив, сокращение относительной заработной платы является ее результатом. Проистекает же это сокращение, во-первых, из присвоения капиталом роста производительных сил, происходящего благодаря разделению труда, благодаря торговле, доставляющей более дешевое сырье, благодаря развитию науки и т. д.; а, во-вторых, это увеличение производительных сил, поскольку оно реализуется посредством применения более значительного капитала и т. д., должно рассматриваться как исходящее от капитала. Далее: прибыль и заработная плата, хотя они и определяются соотношением между необходимым и прибавочным трудом, с ними не совпадают, а являются лишь их вторичными формами.

Однако суть дела заключается в следующем: рикардианцы берут в качестве предпосылки определенное количество труда; оно определяет цену продукта, из которой затем труд и капитал извлекают свои доли в виде заработной платы и прибыли. Доля рабочего равняется цене необходимых жизненных средств. Поэтому «в существующих соотношениях между заработной платой и прибылью» норма прибыли находится на максимальном уровне, а норма заработной платы — на минимальном.

* На первой странице этой тетради имеется пометка Маркса: «Тетрадь VI. Глава о капитале. Лондон. Февраль. 1858». *Ред.*

Конкуренция между капиталистами может изменить только то соотношение, согласно которому капиталисты участвуют в совокупной прибыли, но она не может изменить соотношение между совокупной прибылью и совокупной заработной платой. Общий уровень прибыли есть это отношение совокупной прибыли к совокупной заработной плате, и этот уровень не изменяется вследствие конкуренции. Откуда же проистекает это изменение уровня прибыли? Конечно, не из-за того, что норма прибыли понижается добровольно, а она должна была бы сделать это добровольно, так как конкуренция не приводит к подобному результату. Стало быть, норма прибыли понижается в результате изменения заработной платы, необходимые издержки которой могут возрастать вследствие вызываемого природными причинами уменьшения производительной силы труда. (Такова [рикардовская] теория прогрессивного ухудшения земли, поступающей в обработку; [рикардовская] теория ренты.) На это Кэри [8] и другие правильно возражают (однако его объяснения в свою очередь неправильны), что норма прибыли понижается не в результате уменьшения, а в результате увеличения производительной силы.

Все это находит простое объяснение в том, что норма прибыли подразумевает не абсолютную величину прибавочной стоимости, а прибавочную стоимость в ее отношении к примененному капиталу и что рост производительной силы сопровождается уменьшением той части капитала, которая представляет фонд жизненных средств, по сравнению с той частью, которая представляет постоянный капитал; поэтому, коль скоро уменьшается отношение всего примененного труда к капиталу, приводящему его в движение, с необходимостью уменьшается [относительно] также и та часть труда, которая выступает как прибавочный труд или прибавочная стоимость. Из этой неспособности объяснить одно из поразительнейших явлений современного производства следует, что Рикардо не понял своего собственного принципа. А в какие трудности он вовлек своих учеников, видно, например, из следующего места у Де Квинси:

«Это обычный ложный вывод, который заключается в том, что если на одной и той же ферме вы применяли всегда пять рабочих и в 1800 г. их продукт составлял 25 квартеров, а в 1840 г.— 50 квартеров, то вы, якобы, можете рассматривать в качестве *изменяющейся величины только продукт*, а *труд — в качестве постоянной величины; фактически* же изменилась как та, так и другая величина. В 1800 г. на каждый квартер должна была затрачиваться $^1/_5$ часть рабочего, а в 1840 г. на каждый квартер было затрачено не более $^1/_{10}$ части рабочего» (цит. соч., стр. 214).

В обоих случаях абсолютное рабочее время было тем же самым, равным двум дням; но в 1840 г. производительная сила труда выросла вдвое по сравнению с 1800 г., и поэтому издержки производства необходимого труда были меньше. На один квартер затрачивалось меньше труда, но совокупный труд был тем же самым. Однако то обстоятельство, что стоимость продукта определяется не производительной силой труда — несмотря на то, что она определяет прибавочную стоимость, хотя и не пропорционально повышению производительной силы, — это г-ну Де Квинси должно было быть известно из теории Рикардо. [Ему должны были быть известны] как возражения *против* Рикардо, так и отчаянная софистика его учеников (например, г-на Мак-Куллоха [9], который бо̀льшую стоимость старого вина по сравнению с молодым объяснял дополнительным трудом). Стоимость нельзя также определять тем трудом, который был затрачен на единицу продукта, т. е. *ценой* одного квартера. *Ведь стоимость конституируется ценой одного квартера, помноженной на количество квартеров.* 50 квартеров в 1840 г. имели *ту же самую стоимость,* что и 25 квартеров в 1800 г., так как в них было объективировано то же самое количество труда. Цена одного квартера, единицы продукта, *должна* была быть различной, а *совокупная цена* (выраженная в деньгах) могла быть различной по самым различным причинам.

{То, что Де Квинси говорит о машине, относится к рабочему:

«Машина, как только станет известен ее секрет, будет продаваться не в соответствии с производимым ею трудом, а в соответствии с трудом, производящим ее... Она будет рассматриваться уже не как *причина, равная определенным результатам,* а *как результат, который может быть определенно воспроизведен* посредством известной нам причины и *при известных нам издержках*» (там же, стр. 84—85).}

Де Квинси говорит о Мальтусе:

«Мальтус в своих «Principles of Political Economy» отказывается признать, более того, он определенно отрицает, что если двое рабочих производят различные результаты, один — 10, а другой — 5, то в одном случае каждая единица продукта потребовала вдвое больше труда, чем в другом случае. Наоборот, поскольку в обоих случаях имеются двое рабочих, г-н Мальтус упорно настаивает на том, что *затраты труда* являются величиной постоянной» (там же, стр. 215, примечание).

Действительно: *затраты труда являются величиной постоянной,* так как, согласно предположению, в 10 единицах продукта содержится столько же труда, сколько в 5. Но *затраты на оплату труда* не являются постоянной величиной, так как в первом случае, в результате удвоения производительной

силы труда, время, принадлежащее необходимому труду, сократилось в определенной пропорции.

Мы вскоре перейдем к рассмотрению взглядов Мальтуса. Здесь же, прежде чем продолжать анализ времени обращения капитала и его отношения к рабочему времени, уместно сначала рассмотреть все учение Рикардо по этому вопросу, для того чтобы провести более резкую грань между нашей собственной и его концепцией. (Цитаты из Рикардо содержатся в тетради VIII [10].)

Основной предпосылкой у Рикардо является *«конкуренция без ограничений»* и возможность неограниченного увеличения количества продуктов посредством труда (*Ricardo, D.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 3 [Русский перевод, стр. 34]). Иными словами, это означает только то, что законы капитала реализуются полностью лишь в рамках *неограниченной конкуренции* и *промышленного производства*. На этом производственном базисе и на основе этих производственных отношений капитал развивается адекватно, и, следовательно, его имманентные законы обретают здесь полную реальность. Так как это действительно имеет место, то следовало бы показать, каким образом *неограниченная конкуренция* и *промышленное производство* являются условиями осуществления капитала, условиями, которые капитал сам должен производить во все большей степени; между тем как у Рикардо эта гипотеза выступает как гипотеза чистого теоретика, который в рамках отношения капитала к самому себе как к капиталу внешне и произвольно полагает свободную конкуренцию и производственный способ существования капитала не как то, что само является развитием капитала, а как мыслимые предпосылки капитала, необходимые для того, чтобы капитал мог выступать в чистом виде. Впрочем, это — единственное место у Рикардо, где есть намек на *историческую* природу буржуазных экономических законов.

При такого рода предпосылке *относительная стоимость* товаров (слово «относительная» здесь бессмысленно, так как абсолютная стоимость невозможна) определяется различным количеством товаров, которые могут быть произведены в течение одного и того же рабочего времени, или относительным количеством труда, содержащимся в товарах (*Рикардо,* цит. соч., стр. 4 [Русский перевод, стр. 35]). (В дальнейшем первая цифра означает страницу в [VIII] тетради; вторая цифра — страницу книги Рикардо [11].)

Но вот каким образом от стоимости как эквивалента, определяемого трудом, можно прийти к не-эквиваленту, или к такой

стоимости, которая при обмене полагает прибавочную стоимость, т. е. каким образом можно от стоимости прийти к капиталу, от одного определения прийти к другому, по видимости противоположному, — все это Рикардо не интересует. Для него вопрос заключается только в следующем: каким образом *отношение стоимостей* товаров может и должно оставаться одним и тем же и определяться относительными количествами труда, *несмотря на то* что собственники накопленного труда и собственники живого труда не обменивают *эквиваленты* в виде труда, т. е. вопреки отношению между капиталом и трудом. В таком случае весьма простым арифметическим примером будет утверждение, что товар *a* и товар *b* могут быть обменены друг на друга пропорционально овеществленному в них труду, даже если производители товаров *a* и *b* по-разному *делят* между собой продукт *a* или обмененный на него продукт *b*. Но так как всякий *дележ* происходит здесь на основе обмена, то действительно оказывается необъяснимым, почему одна меновая стоимость — живой труд — обменивается соответственно реализованному в нем [VI—2] рабочему времени, в то время как другая меновая стоимость — накопленный труд, капитал — не обменивается в соответствии с реализованным в нем рабочим временем. В противном случае владелец *накопленного труда* не мог бы осуществлять обмен как капиталист. Поэтому Брей, например, считает, что проповедуемый им равный обмен между живым и мертвым трудом представляет собой только правильный вывод из теории Рикардо [12]. То обстоятельство, что с точки зрения простого обмена *заработная плата рабочего* должна была бы быть равна *стоимости продукта*, т. е. то количество труда в объективированной форме, которое рабочий получает в виде заработной платы, должно было бы быть равно тому количеству труда в субъективной форме, которое он затрачивает в ходе работы, — представляет собой настолько необходимый вывод, что к нему приходит А. Смит [13].

Рикардо, напротив, придерживается правильного взгляда, но каким образом?

«*Стоимость*, [создаваемая] трудом, и то количество товаров, которое может купить определенное количество труда, не тождественны».

Почему же нет?

«*Потому что* продукт рабочего или эквивалент этого продукта не равны вознаграждению рабочего».

Иными словами, тождество не существует, *потому что* существует различие.

«*Следовательно*» (потому что это не так), «стоимость труда не является мерой стоимости, подобно труду, затраченному на данное количество товаров» (там же, стр. 5) [Русский перевод, стр. 35].

Стоимость, [создаваемая] трудом, не тождественна вознаграждению за труд. *Потому что* это вещи разные. *Следовательно,* они не тождественны. Это курьезный вывод. Au fond * он основан только на том, что на практике дело обстоит *не так.* Но согласно теории оно должно было бы обстоять именно так, потому что обмен стоимостей определяется реализованным в них рабочим временем; поэтому производится обмен эквивалентами. Следовательно, определенное количество рабочего времени в живой форме должно было бы быть обменено на то же самое количество рабочего времени в форме прошлого труда. Следовало бы как раз доказать, что закон обмена прямо переходит в свою противоположность. Но у Рикардо даже не высказано догадки о том, что это имеет место. Или же его догадка должна была бы заключаться в часто повторяющемся у Рикардо противодействии смешению [количества труда и вознаграждения за этот труд]. Что это [нарушение эквивалентного обмена] не может вызываться различием между прошлым и живым трудом, им сразу же признается:

«Сравнительное количество товаров, которое может доставить данное количество труда, определяет их прошлую и настоящую стоимость» (стр. 9) [Русский перевод, стр. 38].

Здесь, стало быть, живой труд даже определяет задним числом стоимость, [созданную] прошлым трудом. Почему же в таком случае и капитал не обменивается на живой труд соответственно овеществленному в капитале труду? Почему только само количество живого труда не равняется тому количеству труда, в котором оно объективировано?

«Труд, разумеется, бывает различного качества, и трудно сравнивать различные рабочие часы в различных отраслях производства. Но этот масштаб очень быстро устанавливается на практике» (стр. 13) [Русский перевод, стр. 40]. «Для коротких периодов, по крайней мере из года в год, изменения этого неравенства [в качестве труда] незначительны *и поэтому* значения не имеют» (стр. 15) [Русский перевод, стр. 41].

Это ничего не дает. Если бы Рикардо применил свой собственный принцип, [рассмотрел бы] те количества труда (простого), к которым могут быть сведены различные *рабочие силы,* то дело было бы просто. Рикардо же вообще сразу берет рабочие часы. То, что капиталист выменивает, это — *рабочая сила;*

* — В сущности. *Ред.*

это есть та меновая стоимость, которую капиталист оплачивает. Живой труд есть та потребительная стоимость, которой обладает для капиталиста эта меновая стоимость, и из этой потребительной стоимости вытекает прибавочная стоимость и вообще — устранение обмена.

Вследствие того, что Рикардо рассматривает обмен капиталиста с рабочим как обмен на живой труд — следовательно, сразу же обращается к процессу производства, — в его системе остается неразрешимой антиномией то, что определенное количество живого труда не равно тому товару, который этот труд создает, в котором он объективируется, хотя стоимость товара равняется количеству содержащегося в нем труда.

В стоимость товара

«включен также труд по доставке товара на рынок» (стр. 18) [Русский перевод, стр. 43—44].

Впоследствии мы увидим, что время обращения, поскольку оно выступает у Рикардо как определяющее стоимость, есть только тот труд, который необходим для доставки товаров на рынок.

«Принцип определения стоимости относительными количествами труда, которые содержатся в товарах, значительно видоизменяется вследствие применения машин и другого основного и долговечного капитала. Повышение или понижение заработной платы по-разному отражается на двух капиталах, из которых один почти полностью оборотный, а другой почти полностью основной; точно так же обстоит дело и с неодинаковой долговечностью применяемого основного капитала. А именно, сюда привходит *прибыль на основной капитал* (процент), а также компенсация за более продолжительное время, которое должно пройти до того, как более ценный из обоих товаров может быть доставлен на рынок» (стр. 25, 27, 29, 30) [Русский перевод, стр. 49, 50, 51].

Последний момент касается только продолжительности процесса производства, т. е. непосредственно затраченного рабочего времени. По крайней мере, так обстоит дело в примере Рикардо о фермере и булочнике [14]. (Если пшеница [купленная одним из них для посева] может быть доставлена [в виде урожая] на рынок позже, чем пшеничные изделия другого, то в этом случае так называемая *компенсация,* так же как и в случае основного капитала, уже предполагает *процент,* следовательно представляет собой уже нечто производное, а не является первоначальным определением.)

«Прибыль и заработная плата — только *доли,* согласно которым оба класса, капиталисты и рабочие, участвуют в первоначальном товаре, а следовательно, также и в товаре, который обменен на него» (стр. 31) [Русский перевод, стр. 52].

В какой мере создание *первоначального товара,* само его происхождение определяется этими *долями,* в какой мере, стало быть, эти доли *предшествуют* ему в качестве определяющего основания, доказывается тем, что *первоначальный товар* вовсе не производился бы, если бы он не содержал в себе прибавочного труда для капитала.

«Относительная стоимость товаров, на которые затрачено одно и то же количество труда, неодинакова, если они не могут быть доставлены на рынок в одинаковый промежуток времени. Точно так же при *большем основном капитале* повышение стоимости какого-нибудь товара вызывается более продолжительным временем, которое должно пройти до того, как этот товар может быть доставлен на рынок... Различие в обоих случаях происходит оттого, что прибыли накопляются как капитал, и оно является лишь компенсацией за то *время, в течение которого прибыли не могли быть использованы*» (стр. 34—35) [Русский перевод, стр. 54].

Это не означает абсолютно ничего, кроме того, что праздно лежащий капитал *исчисляется и засчитывается* таким образом, как будто бы он не был праздным, а обменивался на прибавочное рабочее время. Это не имеет ничего общего с определением стоимости, а относится к цене. (В случае основного капитала это лишь постольку имеет значение для определения стоимости, поскольку существует *иной метод* оплаты овеществленного труда, абстрагированный от прибыли.)

[2) УЭЙКФИЛД ОБ УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В КОЛОНИЯХ]

«Имеется еще иной принцип труда, который не заметен экономисту-исследователю в старых странах, но который всякий капиталист в колониях почувствовал на себе лично. Значительно бо́льшая часть производственных операций, и в особенности тех из них, *продукт которых велик по сравнению с затраченным капиталом и трудом,* требует *значительного времени для своего завершения.* Что касается большинства из них, то нет смысла их начинать, не имея уверенности в том, что будешь в состоянии осуществлять их в течение нескольких лет. Значительная часть вложенного в них капитала представляет собой *основной, необратимый, долговечный* капитал. Если что-нибудь приостановит операцию, то весь этот капитал потерян. *Если нельзя собрать урожая, то все издержки по его выращиванию* пропали даром... Это показывает, что *постоянство* является не менее важным принципом, чем комбинирование труда. Важность принципа постоянства в старых странах не видна, так как действительно редко случается так, чтобы труд, при помощи которого ведется какое-нибудь дело, приостанавливался против воли капиталиста... Но в *колониях* дело обстоит как раз наоборот. Здесь капиталисты так этого боятся, что избегают такого рода возможности всеми силами, избегают, насколько это возможно, таких операций, которые требуют много времени для своего завершения» (*E. G. Wakefield.* A View of the Art of Colonization. London, 1849, стр.169,

170). «Есть много таких *операций, которые настолько просты*, что они не допускают *разделения на части*, и которые не могут быть выполнены без кооперации многих пар рук. Например, погрузить большое дерево на телегу, прополоть большое поле, выстричь большое стадо овец, снять урожай в тот момент, когда хлеб созрел и еще не перезрел, передвинуть какой-нибудь большой груз,— короче, всё, чего нельзя сделать, если много рабочих не помогают друг другу в одной и той же неделимой операции и в одно и то же время» (там же, стр. 168). «В старых странах *комбинирование и постоянство труда* достигаются без всяких усилий и размышлений со стороны капиталиста просто благодаря *изобилию наемных рабочих*. Недостаток наемных рабочих есть предмет всеобщих жалоб в колониях» (стр. 170). «На *рынок труда* в колониях влияет только цена *наиболее дешевой земли. Цена этой земли, так же как и всякой невозделанной земли и всего прочего, не требующего никаких затрат для своего производства*, конечно, зависит от *соотношения между спросом и предложением*» [стр. 332]. «Для того чтобы *цена невозделанной земли* могла выполнить свое назначение» (а именно, превратить работника в *не*-собственника земли), «она должна быть *достаточной* для этой цели. До сих пор цена повсюду была недостаточной» (стр. 338).

Эта «достаточная» цена [определяется следующим образом]:

«При основании колонии цена земли может быть настолько низкой, что поселенцы могут присваивать себе практически неограниченное количество земли. Она может быть столь высокой, что между землей и населением создается соотношение, подобное существующему в старых странах; в этом случае, если эта весьма высокая цена не задерживает эмиграцию, наиболее дешевая земля в колонии может быть столь же дорогой, а чрезмерное изобилие рабочих столь же прискорбным, как в Англии. Или же может быть нечто среднее, причем не будет ни перенаселенности, ни чрезмерного изобилия земли, а количество земли будет настолько ограничено, что наиболее дешевая земля будет обладать рыночной стоимостью, при которой рабочие вынуждены будут работать значительное время за плату, прежде чем они смогут стать земельными собственниками» (стр. 339).

(Это процитированное здесь место из «Art of Colonization» Уэйкфилда примыкает к сказанному выше относительно необходимого отделения работника от собственности на условия труда.)

[3) ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ МАЛЬТУСОМ КОЛИЧЕСТВА ТРУДА И «СТОИМОСТИ ТРУДА»]

[VI—3] Исчисление прибыли в отличие от исчисления действительной прибавочной стоимости, которую капитал получает при обмене на живой труд, становится ясным, например, из следующего примера. Эти данные взяты из «*First Report*

of the Factory Commissioners»[15] (*Malthus.* Principles of Political Economy. 2nd edition. London, 1836, стр. 269—270):

Капитал, вложенный в здания и машины —	10 000 ф. ст.
Оборотный капитал —	7 000 ф. ст.

500 ф. ст. — процент на 10 000 ф. ст. основного капитала
350 ф. ст. — процент на оборотный капитал
150 ф. ст. — арендная плата, налоги, местное обложение
650 ф. ст. — амортизационный фонд (износ основного капитала, составляющий $6^1/_5\%$ от его стоимости)

Итого 1 650 ф. ст.

1 100 ф. ст. — непредвиденные расходы, транспорт, уголь, смазочное масло

Итого 2 750 ф. ст.

2 600 ф. ст. — заработная плата и жалованье

Итого 5 350 ф. ст.

10 000 ф. ст. — около 400 000 фунтов хлопка-сырца по 6 пенсов за фунт

Итого 15 350 ф. ст.

16 000 ф. ст. — 363 000 фунтов изготовленной пряжи

Капитал, авансированный на труд, составляет 2 600 ф. ст.; прибавочная стоимость равна 1 650 ф. ст. (850 ф. ст. процент + +150 ф. ст. арендная плата и т. д. составляют 1 000 ф. ст. + +650 ф. ст. прибыли).

Но 2 600 : 1 650 = 100 : $63^6/_{13}$. Следовательно, норма прибавочной стоимости равна $63^6/_{13}\%$. Согласно самому исчислению прибыли норма прибыли должна была бы составлять: 850 ф. ст. — процент, 150 ф. ст. — арендная плата [и т. д.] и 650 ф. ст. — прибыль, т. е. 1 650 ф. ст. : 15 350 ф. ст.; свыше 10,7%.

В вышеприведенном примере оборотный капитал совершает за год $1^{67}/_{70}$ оборота, основной капитал совершает один оборот за $15^5/_{13}$ года, т. е. за $^{200}/_{13}$ года [16].

Прибыль составляет 650 ф. ст., или около 4,2% [от затраченного в течение года капитала в 15 350 ф. ст.]. Заработная плата рабочих [и жалованье составляют около] $^1/_6$ [годовых затрат]. Прибыль здесь указана в размере 4,2%; предположим, что она равна только 4%. Эти 4% исчислены на затраты, равные 15 350 ф. ст. Но затем мы имеем еще доход в 5% на капитал в 10 000 ф. ст. и 5% — на капитал в 7 000 ф. ст.; 850 ф. ст. составляют 5% на капитал в 17 000 ф. ст.

Из действительных годовых затрат мы должны вычесть 1) ту часть основного капитала, которая не фигурирует в амор-

тизационном фонде; 2) то, что исчислено как процент. (Возможно, что капиталист *A* не присваивает себе процент, а это делает капиталист *B*. Во всяком случае, это — доход, а не капитал, это — прибавочная стоимость.) Итак, из 15 350 ф. ст. затрат вычтем 850 ф. ст., остается 14 500 ф. ст. В сумму в 2 600 ф. ст., затраченную на заработную плату и жалованье, $41^2/_3$ ф. ст. входят в форме жалованья, так как $^1/_6$ от 15 350 ф. ст. равняется не 2 600, а 2 $558^1/_3$ ф. ст. [17]; разделив эту последнюю величину на 14 500 ф. ст., получим примерно $^1/_6$.

Итак, эти 14 500 ф. ст. капиталист продает за 16 000 ф. ст., т. е. прибыль составляет 1 500 ф. ст., или $10^{10}/_{29}\%$; но мы отбросим эти $^{10}/_{29}$ и возьмем 10%. $^1/_6$ от 100 составляет $16^2/_3$. Следовательно, на 100 ф. ст. [капитала] $83^1/_3$ ф. ст. приходится на затраты [постоянного капитала], $16^2/_3$ ф. ст. — на заработную плату, а прибыль составляет 10 ф. ст.; а именно (в ф. ст.):

Затраты [на постоянный капитал]	Заработная плата	Сумма	Воспроизведено	Прибыль
$83^1/_3$	$16^2/_3$	100	110	10

Прибыль в 10 ф. ст. на заработную плату в $16^2/_3$, или в $^{50}/_3$ ф. ст., составляет в точности 60%. Следовательно, для того чтобы, согласно расчету капиталиста, получалась годовая прибыль в 10% (она была несколько больше) на капитал в 17 000 ф. ст., причем труд составляет только $^1/_6$ годовых затрат в 14 500 ф. ст., — рабочий (или капитал, как угодно), должен создать прибавочную стоимость равную 60%. Иными словами, из всего рабочего времени $62^1/_2\%$ приходятся на необходимый труд, а $37^1/_2\%$ — на прибавочный труд. Они относятся друг к другу как 625 : 375, или 5 : 3. Если бы, напротив, затраты капитала на [постоянный] капитал были равны 50, а затраты на заработную плату — также 50, то необходимо было бы создать только 20% прибавочной стоимости, для того чтобы капиталист имел норму прибыли в 10%; 50 + 50 + 10 = = 110; но 10 : 50 = 20 : 100, или норма прибавочной стоимости составляет 20%. Если бы необходимый труд во втором случае создавал столько же прибавочного труда, как и в первом, то прибыль капиталиста равнялась бы 30 ф. ст.; с другой стороны, если бы в первом случае норма действительного созидания стоимости, созидания прибавочного труда была лишь того же размера, как и во втором случае, то прибыль в первом случае

составляла бы только $3^1/_3$ ф. ст., и если капиталист должен был уплатить другому капиталисту 5%, то он понес бы активный убыток.

Из приведенной формулы просто следует, что 1) для того чтобы определить норму действительной прибавочной стоимости, нужно исчислить прибыль на авансированную заработную плату, процентное отношение так называемой прибыли к заработной плате; 2) относительно меньшая доля затрат на живой труд по сравнению с общими затратами предполагает бо̀льшие затраты на основной капитал, машины и т. д., бо̀льшую степень разделения труда. Поэтому хотя доля труда здесь меньше, чем у капитала, оперирующего с бо̀льшим количеством труда, действительно приведенная в движение масса труда должна быть значительно больше; т. е. вообще необходимо оперировать с более значительным капиталом. Доля труда, приходящаяся на совокупные затраты, меньше, но абсолютная сумма труда, приводимого в движение отдельным капиталом, больше; т. е. сам капитал должен быть больше. 3) Если дело идет не о большем количестве машин и т. д., а об орудии, которое не приводит в движение большего количества труда и само не представляет большого основного капитала (например, ручная литография), а лишь заменяет собой труд, то прибыль [капитала], оперирующего с машиной, абсолютно меньше, чем у [капитала], оперирующего с живым трудом. (Но первый может достичь такого процента прибыли, который невозможен для другого, и поэтому может вытеснить его с рынка и т. д.) Рассмотрение того, насколько норма прибыли может уменьшиться при росте капитала, но так, что при этом величина прибыли увеличится, относится к учению о прибыли *(конкуренция)*.

Мальтус в своих «Principles of Political Economy» (2nd edition, London, 1836) догадывается о том, что прибыль, т. е. не прибыль, а *действительную прибавочную стоимость*, следует исчислять не на авансированный капитал [в целом], а на авансированный живой труд, стоимость которого объективно выражена в заработной плате, но при этом он впадает в чистейшую игру, которая становится нелепой, когда она должна послужить каким-то базисом для определения стоимости или для рассуждения об отношении труда к определению стоимости.

Дело в том, что если я возьму всю стоимость готового продукта, то каждую часть произведенного продукта я могу сопоставить с соответствующей ему частью затрат, а процентное отношение прибыли ко всему продукту, разумеется, есть также процентное отношение [части прибыли] к соответствующей части продукта. Предположим, что 100 талеров приносят

110 талеров, т. е. 10% прибыли на весь продукт. Пусть 75 талеров затрачены на постоянную часть капитала, а 25 талеров — на труд, т. е. $^3/_4$ [VI—4] — на первую, $^1/_4$ — на живой труд. Если я теперь возьму $^1/_4$ совокупного продукта, т. е. $^1/_4$ от 110 талеров, то получу $27^2/_4$, или $27^1/_2$ талера. На 25 талеров, затраченных на труд, капиталист имеет $2^1/_2$ талера прибыли, т. е. 10%. С таким же успехом Мальтус мог бы сказать: если я возьму $^3/_4$ совокупного продукта, а именно 75 талеров, то эти $^3/_4$ представлены в совокупном продукте в виде $82^1/_2$ талера; т. е. $7^1/_2$ талера на 75 талеров в точности равны 10%. Это, очевидно, не означает ничего иного, как то, что если я получаю 10% прибыли на 100, то прибыль на каждую часть этих 100 составляет столько, что на общую сумму приходится 10%. Если на 100 я нажил 10, то на 2×50 я каждый раз наживал 5 и т. д. Так что, получая на 100 прибыль 10, я получаю $2^1/_2$ на $^1/_4$ от 100 и $7^1/_2$ на $^3/_4$ от 100, и констатация этого не подвигает нас ни на шаг вперед. Если на 100 я получил прибыль 10, то сколько я получу тогда на $^1/_4$ от 100 или на $^3/_4$ от 100? К такому ребячеству сводится догадка Мальтуса. Затраты на труд составляли $^1/_4$ от 100, — следовательно, прибыль на них составляла 10%. 10% от 25 составляют $2^1/_2$. Или: если капиталист на 100 единиц капитала получил 10 единиц прибыли, то на каждую часть своего капитала он получил $^1/_{10}$, т. е. 10% прибыли. Все это отнюдь не придает частям капитала качественных различий по отношению друг к другу, и поэтому это настолько же правильно по отношению к основному капиталу и т. д., как и к капиталу, авансированному на труд.

Здесь, наоборот, выражена только та иллюзия, что каждая часть капитала в равной степени участвует в создании новой стоимости. Также и та $^1/_4$ часть затрат, которая приходится на труд, на авансированную заработную плату, не создала прибавочной стоимости, а совершено это неоплаченным живым трудом. Но из отношения совокупной стоимости [за вычетом затрат] — в нашем примере это 10 талеров — к заработной плате мы можем видеть, какая часть труда не была оплачена, или сколько было прибавочного труда. В приведенном соотношении необходимый труд объективирован в 25 талерах, прибавочный труд — в 10 талерах; следовательно, они относятся друг к другу как 25 : 10 = 100 : 40; 40% труда представляли собой прибавочный труд, или, что то же самое, 40% произведенной этим трудом стоимости представляли собой прибавочную стоимость. Верно, что капиталист может вычислять таким образом: если на 100 единиц капитала я получаю 10 единиц прибыли, то на заработную плату, равную 25, я получил $2^1/_2$. Непонятно

только, какую пользу может дать такой подсчет. Но чего добивается этим Мальтус, мы сейчас увидим, когда займемся его определением стоимости. А то, что он считает, будто его простой арифметический пример содержит в себе некоторое действительное определение, видно из следующего:

«Предположим, что капитал затрачен только на заработную плату; 100 ф. ст. затрачено на непосредственный труд. Выручка к концу года составляет 110, 120 или 130 ф. ст.; очевидно, что в каждом из этих случаев прибыль будет определяться величиной той части *стоимости совокупного продукта,* которая требуется для оплаты применяемого труда. Если стоимость продукта на рынке равна 110, то часть, требующаяся для оплаты рабочих, будет равна $^{10}/_{11}$ стоимости продукта, а прибыль составит 10%».

(Здесь г-н Мальтус всего лишь выражает первоначальную затрату, 100 ф. ст., в виде доли совокупного продукта. 100 — это $^{10}/_{11}$ от 110. Скажу ли я, что получаю на 100 единиц капитала 10 единиц прибыли, т. е. $^{1}/_{10}$ от 100, или же скажу, что из 110 единиц совокупного продукта прибыль составляет $^{1}/_{11}$, это одно и то же.)

«Если стоимость продукта 120, то приходящаяся на оплату труда доля будет равна $^{10}/_{12}$, а прибыль составит 20%; если стоимость продукта 130, то часть, требующаяся для оплаты авансированного труда, равна $^{10}/_{13}$, а прибыль составляет 30%».

(Вместо того чтобы сказать: на 100 я получаю прибыль 10, я могу также сказать: затраты составляют $^{10}/_{11}$ от 110; или же, если прибыль составляет 20 на 100, то затраты равны только $^{10}/_{12}$ от 120 и т. д. Характер этих затрат, расходуются ли они на труд или иным образом, не имеет никакого отношения к этого рода иной арифметической формулировке положения вещей. Если капитал, равный 100, принес только 110, то я могу либо исходить из капитала и сказать, что получил на него 10 единиц прибыли, либо я могу исходить из продукта, из 110, и сказать, что перед тем как получить этот продукт, я авансировал лишь $^{10}/_{11}$ его стоимости. Отношение, разумеется, остается тем же самым.)

«Теперь предположим, что капитал, авансированный капиталистом, состоит не только из труда. Капиталист *ожидает одинаковой выгоды* от *всех авансируемых им частей капитала*».

(Это означает не что иное, как то, что капиталист распределяет полученную прибыль, происхождение которой может быть для него весьма туманным, равномерно по всем статьям своих затрат, полностью отвлекаясь от их качественного различия.)

«Предположим, что $^{1}/_{4}$ авансируемой суммы затрачивается на оплату труда» (непосредственного); «$^{3}/_{4}$ состоят из накопленного труда и прибыли, а также тех добавлений к ней, которые вызваны существованием рент, налогов и прочих выплат. *В таком случае совершенно правильным будет*

утверждение, что прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости этой $^1/_4$ его продукта в сравнении с количеством применяемого труда».

(Не с количеством применяемого труда, как это сказапо у г-на Мальтуса, а в сравнении с выплаченной заработной платой.) (Следовательно, совершенно правильным будет утверждение, что прибыль капиталиста изменяется вместе с изменением стоимости $^3/_4$ его продукта в сравнении с затратами на накопленный труд, т. е. прибыль относится к совокупному капиталу, который был авансирован (10 : 100), как каждая часть совокупного продукта (110) относится к соответствующей ей части затрат.)

«Например»,— продолжает Мальтус,— «фермер затрачивает в земледелии 2 000 ф. ст., в том числе 1 500 на семена, содержание лошадей, износ своего основного капитала и т. д. — и 500 на непосредственный труд, а его выручка в конце года составляет 2 400 ф. ст. Прибыль такого фермера составит 400 на 2 000 ф. ст., т. е. 20%. И столь же ясно, что если мы возьмем $^1/_4$ стоимости продукта, т. е. 600 ф. ст., и сравним ее с суммой, выплаченной в виде заработной платы за непосредственный труд, то в результате получится точно такая же норма прибыли» («Principles of Political Economy», 2nd edition, London, 1836, стр. 267—268).

(Столь же ясно, что если мы возьмем $^3/_4$ стоимости продукта, т. е. 1 800 ф. ст., и сравним их с суммой, затраченной на накопленный труд, т. е. с 1 500 ф. ст., то в результате получится точно такая же норма прибыли. 1 800 : 1 500 = 18 : 15 = 6 : 5. Но отношение 6 : 5 означает, что норма прибыли равна $^1/_5$, т. е. 20%.)

(Мальтус имеет здесь в виду две различных арифметических формулы, которые он смешивает: *во-первых,* если на капитал в 100 я получаю 10, то на каждую часть этих 100 я получил не 10, а 10%; следовательно, на 50—5, на 25—$2^1/_2$ и т. д.; на 100 получить 10 значит на каждую часть этих 100 получить $^1/_{10}$, и таким образом прибыль должна принять вид $^1/_{10}$ прибыли на заработную плату, и если она равномерно распределена на все части капитала, то я могу сказать, что норма прибыли на совокупный капитал изменяется вместе с нормой прибыли, приходящейся на каждую из его частей, следовательно, также, например, на ту часть, которая авансирована на заработную плату; *во-вторых,* если я на 100 получил 10% прибыли, то совокупный продукт равен 110. Если заработная плата составляла $^1/_4$ затрат, т. е. 25, то теперь она составляет только $^5/_{22}$ от 110; иными словами, заработная плата составляет теперь часть, на $^1/_{44}$ меньшую первоначальной, и она будет составлять меньшую часть совокупного продукта в той же самой пропорции, в какой продукт возрос по сравнению с первоначальным

[капиталом]. Это опять-таки всего лишь иной способ подсчета; 10 составляют $^1/_{10}$ от 100, но только $^1/_{11}$ от 110. Я могу, таким образом, сказать, что по мере увеличения совокупного продукта каждая из соответственных частей первоначального капитала составляет пропорционально меньшую часть совокупного продукта. Это — тавтология.)

В своем сочинении «*The Measure of Value stated and illustrated*» *(London, 1823)* Мальтус утверждает, что «*стоимость труда*» является «*постоянной*» и поэтому вообще является истинной мерой стоимости.

«Любое данное количество труда должно иметь *такую же стоимость*, как и та заработная плата, которая распоряжается им, или на которую оно фактически обменивается» (стр. 5).

Здесь, конечно, речь идет о наемном труде. Истина же, напротив, заключается в том, что всякое данное количество труда равно тому же самому количеству труда, выраженному в каком-нибудь продукте; т. е. каждый продукт есть лишь определенное количество труда, овеществленное в стоимости продукта, которая измеряется этим количеством труда по отношению к другим продуктам. Заработная плата, конечно, выражает собой стоимость живой рабочей силы, но отнюдь не *стоимость* [VI—5] живого труда [не стоимость, создаваемую живым трудом], которая, напротив, выражается в заработной плате плюс прибыль. Заработная плата есть цена *необходимого труда*. Если бы рабочему, для того чтобы прожить, необходимо было работать шесть часов, и он производил бы для самого себя как простой рабочий, то он получал бы ежедневно товар, содержащий шесть часов труда, ценою, скажем, в 6 пенсов. Капиталист же заставляет рабочего работать 12 часов, а платит ему 6 пенсов. Он платит ему за час $^1/_2$ пенса. Все это означает, что данное, 12-часовое количество труда сто̀ит 12 пенсов, и 12 пенсов, действительно, представляют собой ту стоимость, на которую обменивается продукт, когда он поступает в продажу.

С другой стороны, при помощи этой стоимости, если бы капиталист имел возможность вновь вложить ее целиком в один лишь труд, он получает в свое распоряжение 24 часа труда. Поэтому заработная плата дает возможность распоряжаться гораздо бо̀льшим количеством труда, чем тот труд, который в ней содержится. Данное количество живого труда действительно обменивается на гораздо меньшее количество накопленного труда. Единственное, что несомненно, — это то, что цена труда, заработная плата, всегда должна выражать то количество труда, которое необходимо рабочим для того, чтобы

у них душа держалась в теле. Оплата какого-либо количества труда всегда должна быть равна тому количеству труда, которое рабочий должен затратить на воспроизводство самого себя. В рассмотренном выше случае капиталист заставил бы работать двух рабочих, каждого в течение 12 часов — а вместе в течение 24 часов — при помощи количества труда, доставленного одним рабочим. В приведенном примере продукт был бы обменен на другой продукт стоимостью в 12 пенсов, или на 12 рабочих часов, и поэтому капиталисту досталась бы прибыль в 6 пенсов (содержащаяся в продукте прибавочная стоимость для капиталиста).

Стоимость продуктов определяется содержащимся в них трудом, а не той частью содержащегося в них труда, которая оплачена предпринимателем. *Стоимость продукта конституируется произведенным, а не оплаченным трудом; заработная* же *плата* выражает *только оплаченный* труд, а никоим образом не *произведенный* труд. Размер этой оплаты зависит от производительности труда, так как последняя определяет количество необходимого рабочего времени. А так как эта заработная плата конституирует *стоимость труда* (если рассматривать самый труд как товар), то эта стоимость всегда является переменной величиной и меньше всего — величиной постоянной. Количество труда, выполняемого рабочим, весьма отличается от того количества труда, которое накоплено в его рабочей силе, или которое необходимо для воспроизводства его рабочей силы. Но рабочий не продает в качестве товара то употребление, которое из него сделают, он продает себя не как причину, а как результат. Послушаем, как г-н Мальтус выбивается из сил, чтобы справиться с этим делом:

«Условия предложения товаров не требуют, чтобы товары всегда сохраняли ту же самую относительную стоимость, но требуют, чтобы каждый товар сохранял свою надлежащую *естественную* стоимость, или возможность получить те предметы, которые обеспечат производителю *ту же самую способность производства* и накопления... Прибыль исчисляется на основе затрат, необходимых для производства... *Специфические затраты капиталистов состоят не из сукна, а из труда;* и *так как никакой иной предмет не может представлять данное количество труда,* то ясно, что именно то *количество труда, которым распоряжается товар,* а не количество какого-либо иного товара, может представлять условия его предложения, или его *естественную стоимость»* (там же, стр. 17—18).

Уже из того, что *затраты* капиталиста состоят *из труда,* Мальтус мог бы понять, что дело тут нечисто. Предположим, что 6 часов представляют собой необходимое рабочее время; *A* и *B* — два парня, каждый из которых работает на самого себя, но которые обмениваются друг с другом. *A* работает 6 часов, *B* — 12 часов. Если теперь *A* хочет съесть те 6 часов, на

которые *B* проработал больше, чем *A*, хочет потребить продукт 6 добавочных часов, которые проработал *B*, то он не может ему дать ничего, кроме 6 часов живого труда, предположим, следующий рабочий день. Итак, *B* имеет продукт, равный 6 рабочим часам, сверх того, что имеет *A*. Предположим теперь, что при этих обстоятельствах он вообразил себя капиталистом и вовсе перестал работать. Тогда на третий день, для того чтобы получить от *A* 6 часов живого труда, ему нужно было бы только отдать за них свой накопленный продукт, равный 6 часам, и как только он совершил бы этот обмен, ему пришлось бы или снова самому приняться за работу, или умереть с голоду. Но если *B* будет продолжать работать для *A* по 12 часов, а *A* будет продолжать работать 6 часов для себя и 6 часов для *B*, то они будут обменивать друг с другом точно по 12 часов.

Естественная стоимость товара, говорит Мальтус, заключается в том, что она при обмене снова дает своему владельцу *ту же самую способность производства* и *накопления*. Его товар состоит из двух количеств труда: из некоторого количества накопленного труда плюс некоторое количество непосредственного труда. Следовательно, если он обменивает свой товар на некоторый другой товар, который содержит точно такое же количество совокупного труда, то его способность к производству и накоплению, по меньшей мере, осталась той же самой, одинаковой. Однако она возросла, так как некоторая часть непосредственного труда *ничего* не стоила владельцу товара, а он ее все-таки продает. Но Мальтус приходит к заключению, что то количество труда, из которого состоит товар, представляет собой *только* оплаченный труд и, следовательно, равно сумме заработной платы, т. е. что *заработная плата* является измерителем стоимости товара. Если бы все количество труда, содержащееся в товаре, было оплачено, то доктрина г-на Мальтуса была бы правильной, но столь же правильно было бы и то, что его капиталисту не пришлось бы делать никаких «затрат труда» и что он совершенно утратил бы свою «способность к накоплению».

Откуда возьмется прибыль, если не будет дарового труда? Да, думает г-н Мальтус, [прибыль есть] заработная плата за накопленный труд. Но так как *выполненный труд* перестал работать, то прекратилась его связь с заработной платой. Правда, продукт, в котором он существует, мог бы снова быть обменен на живой труд. Предположим, что этот продукт равен 6 рабочим часам; тогда рабочий отдавал бы 6 живых рабочих часов, а получал взамен затраты, выполненные в течение 6 рабочих часов у капиталиста, который, таким образом, не подви-

нулся бы ни на шаг вперед. Живой труд очень скоро завладел бы его мертвым трудом. Мальтус же приводит такой довод: так как «никакой иной предмет не может представлять данное количество труда», то естественная стоимость товара состоит из того «количества труда, которым распоряжается товар, а не из количества какого-либо иного товара». Это означает, что данное количество труда может быть представлено только некоторым количеством живого (непосредственного) труда. В действительности не только не «никакой иной», но каждый предмет может представлять данное количество труда, а именно — каждый такой предмет, в котором содержится то же самое количество труда. Но Мальтусу хочется, чтобы содержащееся в товаре количество труда измерялось, было бы равно не тому *количеству живого труда,* которое он может привести в движение, а тому *количеству оплаченного труда,* которое он приводит в движение.

Предположим, что товар содержит в себе 24 рабочих часа. Мальтус полагает, что капиталист на этот товар может купить 2 рабочих дня; если бы капиталист полностью оплачивал труд, или если бы количество выполненного труда было равно количеству оплаченного живого труда, то при помощи 24 рабочих часов выполненного труда капиталист мог бы купить *только* 24 рабочих часа живого труда, и его «способность к накоплению» исчезла бы. Однако капиталист оплачивает рабочему не рабочее время, не количество труда, а только необходимое рабочее время, заставляя его остальное время работать даром. Поэтому при помощи 24 часов проработанного рабочего времени он, быть может, приведет в движение 48 живых рабочих часов. Поэтому в действительности одним часом выполненного труда капиталист оплачивает два часа живого труда и в результате этого выигрывает при обмене 100%. Стоимость его товара теперь равна 48 часам, но отнюдь не равна заработной плате, на которую был обменен товар, и не равна той заработной плате, на которую он вновь будет обменен. Если капиталист будет продолжать [расширять дело] в той же пропорции, то за 48 часов выполненного труда он купит 96 часов живого труда.

Положим, что не существует никакого капиталиста, но непосредственные рабочие, обменивающиеся друг с другом, работают больше, чем это необходимо для жизни, так как они также хотят накоплять и т. д. Назовем *заработной платой* ту часть труда, которую рабочий выполняет для того, чтобы прожить, а *прибылью* — то прибавочное время, которое он работает в целях накопления. Тогда стоимость его товара равнялась бы совокупному количеству содержащегося в нем труда, равнялась

бы общей сумме живого рабочего времени, но отнюдь не равнялась бы той заработной плате, которую он сам себе выдал, или той части товара, которую он должен был бы воспроизводить, для того чтобы прожить.

Так как стоимость товара равна определенному количеству труда, говорит Мальтус, то она равна количеству содержащегося в нем необходимого труда (т. е. заработной плате) и не равна общей сумме труда, содержащейся в товаре; его целое равно его части. [VI—6] Но «способность к накоплению» возникла у рабочего, очевидно, только потому, что он работал больше, чем это было необходимо для того, чтобы выплатить самому себе заработную плату. Если бы определенное количество живого рабочего времени было равно тому времени, которое необходимо рабочему, чтобы прожить, то определенное количество живого труда равнялось бы произведенной им заработной плате, или заработная плата была бы в точности равна живому труду, приводимому ею в движение. Если бы это имело место, то, разумеется, капитал был бы немыслим. Если рабочий за все свое рабочее время не может произвести ничего, кроме заработной платы, то при всем желании он не может выжать для капиталиста ни гроша. Собственность есть плод производительности труда.

«Когда труда каждого человека хватает лишь на его собственное содержание, то каждый является рабочим; собственность при таком положении вещей невозможна. Если труд одного человека может содержать пятерых, тогда на одного занятого в производстве человека будет приходиться четыре праздных человека» (*Ravenstone*. [Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, стр. 11]).

Мы видели выше, как мудрствующее глубокомыслие Мальтуса выражалось в чисто ребяческих вычислениях. Впрочем, в их основе лежала доктрина о том, что стоимость труда постоянна и что заработная плата конституирует цену. Так как норма прибыли на совокупный капитал может быть выражена как такая же норма на соответственную часть капитала, которая представляет заработную плату, то Мальтус утверждает, что эта соответственная часть конституирует и определяет цену. И здесь подобное же *глубокомыслие*. Он полагает, что если товар *a* равен количеству *x* другого товара, то это ведь не может означать ничего иного, как то, что товар *a* равен *x* живого труда, ибо только труд может представлять труд. Отсюда Мальтус заключает, что товар *a* равен тому количеству *наемного труда*, которым он может распоряжаться, и что поэтому стоимость труда постоянна, так как она всегда равна тому товару, которым труд приводится в движение. Суть дела состоит просто в том, что количество живого труда и коли-

чество наемного труда у Мальтуса совпадают, а также в том, что он полагает, будто каждая соответственная часть наемного труда действительно оплачена. Но x живого труда всегда может быть равно (а в качестве наемного труда всегда равно) $x - y$ необходимого труда (заработной платы) $+ y$ прибавочного труда. Поэтому x мертвого труда может привести в движение $x - y$ необходимого труда (заработная плата) $+ y$ прибавочного рабочего времени; т. е. мертвый труд всегда приводит в движение настолько больше живого рабочего времени, сколько прибавочных рабочих часов сверх необходимых содержится в x рабочих часах.

Наемный труд всегда состоит из оплаченного и неоплаченного труда.

Следовательно, утверждение [Мальтуса], что *стоимость труда* постоянна, просто означает, что все рабочее время является необходимым, т. е. производящим заработную плату рабочим временем. Не существует прибавочного рабочего времени, но все же существуют «способность к накоплению» и капитал. Так как заработная плата всегда равна данному количеству труда, а именно количеству живого труда, приводимому ею в движение, и это есть то же самое количество труда, которое содержится в заработной плате, то *стоимость труда* постоянна, ибо она всегда равна данному количеству труда в овеществленном виде. Понижение и повышение заработной платы поэтому вызывается понижением и повышением цены товаров, но не *стоимости труда*. Получает ли рабочий 8 шиллингов серебром в неделю или 16, это вызвано только тем, повысилась или понизилась цена шиллинга, однако стоимость труда осталась той же самой. В обоих случаях рабочий за неделю живого труда получает неделю выполненного труда. Г-н Мальтус доказывает это следующим образом:

«Если бы для добывания земных плодов применялся один только труд без капитала, то бо́льшая легкость добывания одного их вида по сравнению с другим, без сомнения, не изменила бы стоимости труда или меновой стоимости всего продукта, полученного в результате определенного количества усилий» [цит. соч., стр. 33].

Это означает только то, что каждый товар независимо от его количества определяется содержащимся в нем трудом, хотя этот последний в зависимости от степени его производительности в одном случае выразится в большем количестве потребительных стоимостей, а в другом случае — в меньшем.

«Мы, без всякого колебания, должны признать, что разница состояла в дороговизне или дешевизне продукта, а не труда» [там же].

Мы сказали бы, что труд более производителен в одной отрасли, чем в другой, или что продукт требует больше или меньше труда. О дороговизне или дешевизне труда мы не могли бы говорить, поскольку не существовало бы *наемного труда,* и поэтому час непосредственного труда всегда распоряжался бы часом овеществленного труда, что, конечно, не помешало бы одному часу быть более производительным, чем другой час. Но все же, поскольку мы отличаем часть труда, необходимую для существования непосредственных рабочих, от их прибавочного труда — а когда вообще определенные часы дня представляют собой прибавочное рабочее время, это равносильно тому, что каждая соответственная часть рабочего времени состоит из некоторой части необходимого и прибавочного труда, — то нельзя было бы утверждать, что *стоимость труда,* т. е. *заработная плата,* та часть продукта, которая обменивается на необходимый труд, или та часть совокупного труда, которая затрачивается на необходимый продукт, является *постоянной.* Вместе с производительностью труда изменяется та часть рабочего времени, которая воспроизводит заработную плату; следовательно, *стоимость труда,* т. е. заработная плата, постоянно изменялась бы вместе с производительностью труда. Заработная плата по-прежнему измерялась бы определенной *потребительной стоимостью,* а так как меновая стоимость этой последней постоянно изменяется вместе с различной производительностью труда, то заработная плата, или *стоимость труда,* изменялась бы. *Стоимость труда* вообще предполагает, что живой труд *не* равен своему продукту, или — что одно и то же — что его продают не как действующую причину, а как произведенный эффект. Утверждение, что стоимость труда постоянна, означает только то, что она всегда измеряется содержащимся в ней количеством труда.

В продукте может заключаться больше или меньше труда. Поэтому то большее, то меньшее количество продукта *a* может быть обменено на продукт *b*. Но количество живого труда, покупаемое продуктом, никогда не может быть больше или меньше представляемого им выполненного труда, так как определенное количество труда всегда есть определенное количество труда, существует ли оно в форме овеществленного или живого труда. Поэтому когда взамен определенного количества живого труда дают больше или меньше продуктов, т. е. когда повышается или падает заработная плата, то это вызвано не тем, что повысилась или понизилась стоимость труда, так как стоимость определенного количества труда всегда равна тому же самому определенному количеству труда, — а это вызвано

тем, что продукты потребовали больше или меньше труда и что поэтому большее или меньшее количество продуктов представляет то же самое количество труда.

Стоимость труда остается, следовательно, постоянной. Изменяется только стоимость продуктов, т. е. изменяется производительная сила труда, а не его стоимость. В этом квинтэссенция теории Мальтуса, если можно назвать теорией такого рода плоские софизмы. Прежде всего, на продукт, который потребовал только половину рабочего дня, рабочий может жить, а следовательно и работать, целый день. Обладает продукт этим свойством или нет, зависит не от его *стоимости,* т. е. не от того рабочего времени, которое было на него затрачено, а от его *потребительной стоимости,* и тот обмен, который здесь имеет место между живым трудом и продуктом труда, не есть обмен между меновыми стоимостями, а их отношение основано, с одной стороны, на потребительной стоимости продукта, а с другой стороны, на условиях существования живой рабочей силы.

Если бы овеществленный труд обменивался на живой труд, то по законам меновой стоимости продукт, равный половине рабочего дня, мог бы купить тоже только половину дня живого труда, хотя рабочий мог бы на этот продукт прожить целый рабочий день; и если бы надо было купить целый рабочий день, то рабочий должен был бы получить целый рабочий день в виде продукта, на который он, согласно предположению, мог бы прожить два рабочих дня. Однако на основе капитала живой и осуществленный труд не обмениваются друг на друга как меновые стоимости, так, чтобы оба они были тождественны; чтобы одно и то же количество труда в овеществленной форме было *стоимостью,* эквивалентом того же самого количества [VI—7] труда в живой форме. Но между собой обмениваются продукт и рабочая сила, которая сама является продуктом. Рабочая сила не равна тому живому труду, который она может осуществить, тому количеству труда, которое она может выполнить, — это ее *потребительная стоимость.* Рабочая сила равна тому количеству труда, посредством которого она сама должна *быть произведена* и может быть воспроизведена. Поэтому продукт фактически обменивается не на живой труд, а на овеществленный труд, на труд, овеществленный в рабочей силе. Живой труд сам является той потребительной стоимостью, которой обладает меновая стоимость, купленная владельцем продукта, и как много или как мало этого живого труда он получил сверх того, что он израсходовал в форме продукта на рабочую силу, — это зависит от количества живого труда, оплаченного рабочему в его продукте.

Если бы определенное количество труда обменивалось на другое количество труда, будь то в форме овеществленного или живого труда, то, разумеется, каждое количество труда было бы равно самому себе, а его стоимость была бы равна его количеству. Поэтому продукт половины рабочего дня мог бы купить только половину рабочего дня. Но тогда фактически не существовало бы никакой *заработной платы* и никакой *стоимости труда*. Труд не обладал бы никакой *отличающейся* от его продукта или от эквивалента его продукта *стоимостью,* никакой *специфической* стоимостью, а именно она и конституирует *стоимость труда,* заработную плату.

Итак, из того, что определенное количество труда равняется определенному количеству труда, т. е. из того, что определенное количество труда равно самому себе, из того великого открытия, что определенное количество есть определенное количество, г-н Мальтус делает вывод, что заработная плата постоянна, что стоимость труда постоянна, а именно равна тому же самому количеству овеществленного труда. Это *было бы* правильно, если бы живой и накопленный труд обменивались друг на друга как *меновые стоимости.* Но тогда не существовало бы ни *стоимости труда,* ни *заработной платы,* ни *капитала,* ни *наемного труда,* ни исследований Мальтуса. Все эти категории основаны на том, что живой труд по отношению к труду, накопленному в виде капитала, выступает как *потребительная стоимость,* а живая рабочая сила — как *меновая стоимость.* Мальтус спокойно продолжает:

«*То же самое имеет место, если в исчисление стоимости привходят капитал и прибыль и изменяется спрос на труд*» [там же, стр. 33].

Здесь заложена вся премудрость. Когда привходят капитал и прибыль, привходит то, что покупается живая рабочая сила и поэтому меньшее количество накопленного труда обменивается на большее количество живого труда. Вообще для подобного глубокомыслия характерно, что капитал, который полагает наемный труд, впервые превращая труд в наемный труд, а рабочую силу — в товар, своим привхождением не вносит никаких *изменений* в использование стоимости труда, так же как и в использование стоимости накопленного труда. *Согласно Мальтусу, капитал, который представляет собой специфическую форму отношения труда к своему продукту и к его стоимости, «привходит», ровно ничего не изменяя.* Это все равно, как если бы он сказал, что в государственном строе Римской республики ничего не изменилось после появления, «привхождения» императоров.

Мальтус продолжает:

«Если имеет место повышение оплаты рабочих без увеличения количества продукта, то это возможно только при уменьшении прибыли... Для того чтобы получить некоторое определенное количество продукта, необходимо такое же количество труда, как и раньше, но поскольку уменьшилась прибыль, стоимость продукта понизилась, в то время как это уменьшение прибыли по сравнению со стоимостью заработной платы в точности уравновешивается увеличением количества труда, необходимого для производства возросшего количества продукта, причитающегося рабочему, причем стоимость труда остается прежней» (стр. 33, 34).

Согласно предположению, продукт содержит в себе такое же количество труда. Но его стоимость будто бы уменьшилась, потому что упала прибыль. Но если содержащееся в продукте рабочее время осталось прежним, каким образом могла упасть прибыль? Если заработная плата повышается, в то время как совокупное время остается прежним, — повышается не из-за временно действующих причин, например из-за того, что конкуренция благоприятна для рабочего, — то это означает, что упала производительность труда, что необходимо большее количество времени для воспроизводства рабочей силы, что, следовательно, более значительная часть живого труда, приводимого в движение капиталом, приходится на необходимое время и менее значительная часть — на прибавочное время. Оставим пока эти тонкости. Только для полноты приведем еще следующее заключительное место из Мальтуса:

«В противоположном случае имеет место обратное: рабочему причиталось бы меньшее количество продукта, а прибыль возросла бы. Стоимость данного количества продукта, созданного при помощи того же самого количества труда, как и раньше, возросла бы в результате возрастания прибыли, в то время как это возрастание прибыли по сравнению с заработной платой рабочего было бы уравновешено меньшим количеством труда, необходимым для получения уменьшившегося количества продукта, причитающегося рабочему» (там же, стр. 35).

То, что Мальтус в этой связи, в качестве вывода из своего принципа, говорит о *денежных ценах в различных странах*, следует рассмотреть впоследствии.

[4)] ТЕОРИЯ КЭРИ ОБ УДЕШЕВЛЕНИИ КАПИТАЛА ДЛЯ РАБОЧЕГО. УЭЙКФИЛД О ПРОТИВОРЕЧИИ МЕЖДУ РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИЕЙ НАЕМНОГО ТРУДА И РИКАРДОВСКОЙ ТЕОРИЕЙ СТОИМОСТИ

{Товар *a* может, например, купить один рабочий день; он оплачивает только половину рабочего дня (необходимую), но получает при обмене целый рабочий день. Количество всего

труда, купленного товаром, в таком случае равно необходимому времени плюс прибавочное время. Следовательно, если цена необходимого труда равна x, то цена всего труда была бы равна $2x$, и я мог бы таким образом по заработной плате оценить вновь созданный товар и тем самым выразить цены всех товаров в заработной плате. Но это меньше всего было бы *постоянной стоимостью*. Из-за путаницы, порождаемой тем обстоятельством, что в цивилизованных странах, какова бы ни была там заработная плата, для того чтобы ее получить, действительно, необходимо проработать некоторое среднее время, например 12 часов, сколько бы из этих 12 часов ни являлись необходимым или прибавочным трудом, — г-н Кэри, который сводит количество труда к рабочим дням (они и в самом деле сводятся к живым рабочим дням), приходит к тому выводу, что поскольку воспроизводство того же самого капитала требует все меньше рабочего времени (например, машина стоимостью в 100 ф. ст. в результате развития производительных сил в некоторый данный момент времени будет стоить только 50 ф. ст., т. е. явится результатом половины прежнего рабочего времени, прежних рабочих дней или рабочих часов, как угодно), то *рабочий* может купить, приобрести *эту машину* при помощи половины прежнего количества рабочих дней [18]. Г-н Кэри допускает небольшое смешение, рассматривая рост прибавочного рабочего времени так, будто он происходит *для* рабочего, в то время как, напротив, все сводится к тому, что рабочий в течение всего рабочего дня работает на себя меньше, а на капитал больше и, следовательно, объективная мощь капитала быстро возрастает по отношению к рабочему, в определенной пропорции к увеличению производительных сил.

Г-н Кэри изображает дело так, будто рабочий может купить или получить взаймы машину; словом, он превращает его в капиталиста. И притом рабочий приобретает эту возросшую власть над капиталом потому, что воспроизводство определенного количества капитала требует меньше необходимого труда, т. е. меньше оплаченного труда, следовательно, заработная плата падает по сравнению с прибылью. В Америке, где рабочий пока еще сам присваивает себе часть своего прибавочного труда, он, пожалуй, может накопить столько, чтобы стать, например, фермером и т. д. (хотя эта возможность теперь уже тоже исчезает). Если кое-где в Америке наемный рабочий еще может быстро достигнуть чего-то, то это происходит вследствие воспроизводства прежних способов производства и форм собственности (например, независимого крестьянства) на основе капитала. Словом, г-н Кэри рассматривает рабочие дни как рабочие

дни, принадлежащие рабочему, и *вместо того чтобы сделать тот вывод, что рабочий должен производить больше капитала, для того чтобы быть занятым в течение того же самого рабочего времени, он заключает, что рабочий должен меньше работать для того, чтобы приобрести капитал* (присвоить себе условия производства).

Если рабочий производил 20 машин, а затем вследствие роста производительной силы может производить 40, то, действительно, отдельная машина становится дешевле, но из того, что теперь для производства определенного количества машин необходима менее значительная часть рабочего дня, вовсе не следует, что продукт рабочего дня увеличился для рабочего, а наоборот, следует, что на производство определенного количества машин затрачивается меньше живого труда. Впрочем, г-н Кэри, для которого важна *гармония,* сам приходит к тому, что при понижении нормы прибыли масса прибыли возрастает, так как требуется все больший капитал по сравнению с применяемым живым трудом; *следовательно,* для рабочего становится все более невозможным присвоить себе ту необходимую сумму капитала, тот минимум капитала, который требуется для производительного применения труда на новой ступени производства. Для воспроизводства каждой соответственной части капитала требуется меньше рабочего времени, но для использования меньшего рабочего времени необходима бóльшая масса капитала. Возрастание производительной силы выражается в том, что часть капитала, состоящая из живого труда, [VI—8] постоянно уменьшается по сравнению с той частью капитала, которая представляет собой затраты на машины и т. д.

Плохая шутка Кэри, являющаяся, разумеется, настоящей находкой для Бастиа, основана на том, что необходимое для производства рабочее время, или рабочие дни, он превращает в *принадлежащие* рабочему рабочие дни, в то время как, наоборот, это время принадлежит капиталу, и по мере роста производительной силы труда рабочему достается все более скудная доля его рабочего времени. *Чем меньше живого рабочего времени необходимо покупать данному капиталу,* т. е. чем больше растет общая сумма капитала и сокращается применяемый им живой труд по сравнению с величиной капитала, тем рабочий, согласно г-ну Кэри, имеет больше шансов стать владельцем капитала, *так как* капитал *воспроизводится* посредством *меньшего количества живого труда.* Чем крупнее капитал и чем относительно меньше число применяемых им рабочих, тем больше шансов для этих рабочих стать капиталистами: ведь разве капитал теперь не воспроизводится за меньшее количество

рабочих дней? Разве нельзя *поэтому* купить, приобрести капитал за меньшее количество рабочих дней?

Возьмем капитал в 100 ф. ст., из которых 50 ф. ст. составляют затраты [на постоянный капитал], 50 ф. ст. — на труд и которые приносят 50% прибыли (уменьшение нормы прибыли представляет собой главный конек Кэри и принадлежит к его теории). Пусть каждый фунт стерлингов заработной платы соответствует одному рабочему дню, одному рабочему. Возьмем теперь другой капитал в 16 000 ф. ст., из которых 14 500 ф. ст. составляют затраты [на постоянный капитал], 1 500 ф. ст. — на заработную плату (пусть заработная плата также соответствует 1 500 рабочим) и которые приносят только 20% прибыли. В первом случае продукт равен 150 ф. ст.; во втором случае (для удобства подсчета допустим, что основной капитал совершает один оборот в год) продукт равен 19 200 ф. ст. (из них прибыль составляет 3 200 ф. ст.).

Здесь мы имеем случай, наиболее благоприятный для г-на Кэри. Норма прибыли понизилась с 50% до 20%, т. е. на $^3/_5$, или на 60%. В первом случае [прибавочный] продукт в 50 ф. ст. есть результат 50 живых рабочих дней; во втором случае [прибавочный] продукт в 3 200 ф. ст. представляет собой результат труда 1 500 рабочих. В первом случае [прибавочный] продукт в 1 ф. ст. есть результат одного рабочего дня; во втором случае продуктом одного рабочего дня является [прибавочный] продукт в $2^2/_{15}$ ф. ст. Во втором случае для производства [прибавочной] стоимости в 1 ф. ст. требуется меньше чем половина того рабочего времени, которое требуется в первом случае. Значит ли это, что во втором случае рабочий в течение половины рабочего дня производит для себя $1^1/_{15}$ ф. ст., тогда как в первом случае рабочий за двойное время производит только 1 ф. ст., так что во втором случае рабочий имеет все шансы стать капиталистом? Рабочий должен был бы сначала приобрести 16 000 ф. ст. капитала и, вместо того чтобы работать самому, покупать чужой труд, для того чтобы это сокращение необходимого рабочего времени принесло ему хоть какую-нибудь пользу.

Таким образом, сокращение необходимого рабочего времени только создало непроходимую пропасть между трудом рабочего и *условиями* применения его труда; норма *необходимого труда* сократилась, и потому по сравнению с первым отношением [между переменным и всем авансированным капиталом] выброшено на улицу более чем в 4 раза больше того количества рабочих, которое теперь применяется капиталом в 16 000 ф. ст.[19] Но эти выброшенные на улицу рабочие могут утешаться тем,

что, если бы они обладали условиями для самостоятельного труда или, вернее, для труда в качестве капиталистов, им самим потребовалось бы меньшее число рабочих. В первом случае весь необходимый капитал равен 100 ф. ст., и отдельный рабочий имеет здесь больше шансов для того, чтобы в виде исключения сделать сбережения и благодаря особенно счастливой комбинации самому стать *капиталистом* вроде капиталиста *A* [владельца капитала в 100 ф. ст.]. Рабочее время, в течение которого работает рабочий, одно и то же у капиталистов *A* и *B*, несмотря на то что общая сумма требующихся капиталистам *A* и *B* рабочих дней весьма различна. Там, где первому капиталисту [капиталисту *A*] нужны 5 рабочих, второму капиталисту [капиталисту *B*, собственнику капитала в 16 000 ф. ст.] требуется несколько меньше одного рабочего [20]. Поэтому остающиеся [у капиталиста *B*] рабочие должны работать столько же [сколько работают рабочие капиталиста *A*] и давать больше прибавочного времени.

То обстоятельство, что на той ступени производства, когда капитал сам вырос в такой же мере, как и производительные силы, он нуждается в меньшем количестве живых рабочих дней, — равносильно, согласно Кэри, тому, что рабочему теперь требуется меньше рабочих дней, для того чтобы присвоить себе капитал; присвоить, вероятно, при помощи рабочих дней «незанятых» рабочих. Так как капиталисту требуется меньше рабочих для увеличения стоимости своего громадного капитала, то занятый у него рабочий в результате меньшего труда может присвоить себе больший капитал. Такова логика г-на Кэри, проповедника гармонии.}

* * *

По поводу теории Рикардо *Уэйкфилд* говорит следующее [см. примечание к стр. 230 в I томе его издания «Богатства народов» А. Смита, Лондон, 1835]:

«Если рассматривать труд как товар, а капитал, продукт труда, как другой товар и если стоимости этих двух товаров регулируются одинаковыми количествами труда, то данное количество труда при всех обстоятельствах обменивалось бы на такое количество капитала, какое было произведено тем же количеством труда; *прошлый* труд всегда обменивался бы на то же самое количество *настоящего* труда... Но стоимость труда по отношению к другим товарам — по крайней мере, поскольку заработная плата зависит от дележа [продукта между капиталистом и рабочим], — определяется не одинаковыми количествами труда, а соотношением между предложением и спросом» [21].

[5)] БЕЗДЕЙСТВУЮЩИЙ КАПИТАЛ [В ТРАКТОВКЕ БЕЙЛИ]. РОСТ ПРОИЗВОДСТВА БЕЗ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ВОЗРАСТАНИЯ КАПИТАЛА

{В своей работе «*Money and its Vicissitudes in Value*» *(London, 1837) Бейли* делает замечание по поводу *бездействующего капитала,* который может быть вовлечен в оборот при помощи ускоренного обращения (по его мнению, в результате увеличения массы средств обращения; ему следовало бы сказать — *денег*). Бейли старается доказать, что если бы вообще в какой-либо стране капитал был всегда полностью занят, то никакое повышение спроса не могло бы вызвать расширения производства. Понятие *бездействующего капитала* относится к обращению, так как капитал, не находящийся в обращении, спит. Соответствующие места у Бейли гласят:

«Большое количество капитала и производительной способности могут существовать в праздном состоянии. Экономисты неправы, когда они полагают, будто число рабочих и количество капитала представляют собой вполне определенные силы, которые неизбежно должны приводить к определенному результату в той стране, где они существуют» (стр. 54). «То количество товаров, которое может быть доставлено на рынок существующими производителями и существующим капиталом, далеко не представляет собой чего-то твердого и определенного, а напротив, подвержено значительным изменениям» (стр. 55). Следовательно, «для роста производства несущественно появление нового капитала или новых рабочих» (например, в стране, где ощущается недостаток драгоценных металлов)... «Некоторые товары, или, что то же самое, *способность производить их,* могут иметься в изобилии в одном месте, а другие товары — в другом месте, однако их владельцы, желающие обменять свои товары на чужие, находятся в состоянии разобщенности из-за отсутствия общего средства обмена и в состоянии бездействия из-за отсутствия мотивов для производства» (стр. 55—56).

В обращении капитала деньги выступают двояким образом. [Во-первых, они выступают] как превращение капитала в деньги, а вместе с тем как реализация цены товара; однако в этом случае полагание цены не является формальным. Превращение продукта в деньги представляет собой здесь обратное превращение капитала в *стоимость* как таковую, в самостоятельно существующую стоимость; в капитал как деньги или в деньги как реализованный капитал. Во-вторых, в обращении капитала деньги выступают в определении простого средства обращения; это имеет место там, где деньги служат только для того, чтобы вновь превратить капитал в условия производства. В этом втором случае, когда деньги выступают в форме заработной платы, налицо должна быть определенная денежная масса одновременно в качестве средства обращения и средства плате-

жа. То обстоятельство, что деньги в обращении капитала играют эту двоякую роль, при всех кризисах создает видимость, будто не хватает денег как средства обращения, в то время как у капитала не хватает *стоимости* и поэтому он не может быть *превращен в наличные деньги*. При этом сама масса обращающихся денег может возрасти. (Когда мы будем говорить о проценте и т. д., следует посвятить особый раздел новым определениям денег как момента обращения капитала, отчасти — в качестве средства обращения капитала, отчасти — в качестве *реализованной стоимости капитала*, когда деньги сами являются *капиталом*.)

Бейли продолжает:

«Приводимый в движение труд зависит отнюдь не только от имеющегося в наличии капитала какой-либо страны. Дело зависит также и от того, медленно или быстро [VI—9] распределяются жизненные средства, орудия и сырые материалы там, где они нужны; совершают ли они процесс обращения с затруднениями или нет, существуют ли они в течение больших промежутков времени в виде инертных масс, в результате чего они населению не предоставляют достаточно работы» (стр. 56—57).

(Пример Галлатина относительно западных округов Пенсильвании см. там же, стр. 57—58.) [22]

«Экономисты слишком склонны рассматривать определенное количество капитала и определенное число рабочих как орудия производства данной постоянной силы, действующей с известной постоянной интенсивностью... Производитель, применяющий определенный капитал, может в течение длительного или короткого времени не находить сбыта своим продуктам, и пока он ждет случая обменять их, его производительная способность приостанавливается или замедляется, так что за данный период, например за год, он произведет только половину того, что произвел бы, если бы налицо имелся непосредственный спрос. Это замечание равным образом применимо и к рабочему, который является орудием производителя. Взаимное приспособление друг к другу различных профессий членов общества, хотя и не совершенно, все же так или иначе осуществляется. Однако существует дистанция большого размера между различными степенями его осуществления — каждое средство, облегчающее торговлю, есть шаг к такому приспособлению. Чем менее затруднительным и более удобным становится обмен товарами, тем короче будут те непроизводительные промежутки времени, когда люди, жаждущие работы, как будто отделены непреодолимой преградой от капитала, ... который хотя и находится тут же под рукой, но осужден на праздность» (стр. 58—60).

«Общий принцип заключается в том, что новый спрос вызывает новые усилия путем активного применения капитала и труда, бывших до того бездействующими, а не путем отвлечения производительной силы от других объектов. Последнее возможно только в том случае, когда занятость капитала и труда в какой-либо стране уже не может возрасти. Экспорт товаров, быть может, не приводит непосредственно в движение новый труд, но поглощает мертвый запас имеющихся в наличии товаров и освобождает капитал из непроизводительного состояния» (стр. 65). «Те, кто утверждает, что приток денег не может содействовать расширению производства других товаров, так как эти товары являются единственными факторами

производства, утверждают тем самым, что производство вообще не может быть расширено, так как для такого расширения должно быть заранее увеличено количество жизненных средств, сырых материалов и орудий; фактически это равносильно утверждению, *что никакой рост производства не может иметь места без его предварительного роста*» (не таково ли, однако, экономическое учение о накоплении?), «или, другими словами, что никакой рост его не возможен» (стр. 70).

«Правда, говорят, что если покупатель идет на рынок с бо̀льшим количеством денег и не повышает цен товаров, которые он там находит, то он не дает никакого дополнительного стимула производству; если же он повышает цены, то в том случае, если цены повысятся пропорционально, спрос со стороны покупателей не возрастет по сравнению с прежним» (стр. 73). «Следует отвергнуть в качестве общего принципа утверждение, что покупатель не может дать дополнительного стимула производству, *если его спрос не повысит цѐны*... Помимо того обстоятельства, что массовое производство допускает более эффективное разделение труда и применение более совершенных машин, здесь имеется возможность применения определенного количества бездействующего труда и капитала, *которые готовы доставить дополнительное количество товаров по той же цене.* Поэтому случается так, что значительное увеличение спроса часто происходит без роста цен» (стр. 73—74).}

[6)] ТРАКТОВКА КАПИТАЛА У УЭЙДА. КАПИТАЛ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ СИЛА. [СМЕШЕНИЕ БУРЖУАЗНЫМИ ЭКОНОМИСТАМИ ВЕЩЕСТВЕННОЙ СТОРОНЫ КАПИТАЛА С ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМОЙ]

{*Джон Уэйд* в своей «*History of the Middle and Working Classes*», *3rd edition, London, 1835,* говорит:

«Труд есть тот фактор, благодаря которому капитал оказывается способным *производить заработную плату, прибыль, т. е. доход*» (стр. 161). «Капитал — это накопленный труд, предназначенный для того, чтобы развиваться в новых и эквивалентных формах; капитал есть *общественная сила*» (стр. 162). «Капитал представляет собой лишь иное название для *цивилизации*» (стр. 164).

Объединение рабочих, кооперация и разделение труда как основные условия производительности труда, подобно всем производительным силам труда, т. е. силам, определяющим степень интенсивности труда и отсюда — степень его экстенсивной реализации, выступают как *производительная сила капитала.* Общественная сила труда, его характер как труда общественного есть поэтому *общественная сила* капитала. Точно так же и *наука.* Точно так же и разделение труда, проявляющееся как разделение занятий и соответствующий им обмен. Все общественные потенции производства представляют собой производительные силы капитала, и поэтому сам капитал выступает в качестве их субъекта.

Объединение рабочих, как оно выступает на фабрике, поэтому также установлено не рабочими, а капиталом. Их объединение представляет собой не *их* бытие, а *бытие* капитала. По отношению к отдельному рабочему это объединение выступает как нечто случайное. К своему объединению с другими рабочими и к кооперации с ними рабочий относится как к чему-то *чужому,* как к способу действия капитала. Капитал — там, где он не выступает в неадекватной форме, т. е., например, в форме мелкого, участвующего в труде капитала — уже предполагает известную, бо̀льшую или меньшую, степень концентрации, существующей как в объективной форме, т. е. в виде концентрации в одних руках (что здесь еще совпадает с накоплением) жизненных средств, сырья и орудий, или, одним словом, денег как всеобщей формы богатства, — так и, с другой стороны, в субъективной форме, т. е. в виде накопления рабочей силы [Arbeitskräfte] и ее концентрации в одном пункте под командой капитала. На каждого рабочего не может приходиться по капиталисту, но на одного капиталиста должно приходиться определенное количество рабочих, а не так, как в том случае, когда один или два подмастерья приходятся на одного мастера.

Производительный капитал, или соответствующий капиталу способ производства, может существовать только в двух формах: в форме мануфактуры или в форме крупной промышленности. В первой форме господствует разделение труда, во второй — комбинация рабочих сил [Arbeitskräfte] (при одинаковом у каждой рабочей силы способе труда) и применение мощи науки, при котором комбинация и, так сказать, коллективный дух труда перенесены в машины и т. д. В первом случае масса рабочих (накопленных) должна быть велика по сравнению с количеством капитала; во втором случае основной капитал должен быть велик по сравнению с большим количеством рабочих, работающих совместно. Однако в этом последнем случае уже предположены концентрация множества рабочих и их распределение по машинам в качестве такого же множества колес этих машин. (Вопрос о том, почему в земледелии дело обстоит иначе, сюда не относится.) Поэтому второй случай незачем рассматривать особо, а достаточно рассмотреть только первый случай.

Присущее мануфактуре развитие есть *разделение труда.* Последнее, однако, предполагает соединение (предварительное) многих рабочих под единым командованием, совершенно так же как *превращение денег в капитал предполагает высвобождение известного количества жизненных средств, сырья, орудий труда.* Поэтому и от разделения труда здесь следует абстрагироваться

как от более позднего момента. Определенные отрасли промышленности, как например горнодобывающая промышленность, с самого начала предполагают кооперацию. Поэтому до тех пор пока не существует капитала, кооперация осуществляется там в виде принудительного труда (барщинного или рабского) под наблюдением надсмотрщика. То же самое имеет место при постройке дорог и т. д. Для того чтобы предпринять подобного рода работы, капитал не создает накопления и концентрации рабочих, а лишь наследует их. Следовательно, речь идет и не об этом.

Наиболее простая и наиболее независимая от разделения труда форма есть та, при которой капитал дает занятие различным самостоятельным и разбросанным там и сям ручным ткачам, прядильщикам и т. д. (Эта форма все еще существует наряду с промышленностью.) *Таким образом, здесь сам способ производства еще не определяется капиталом, а капитал находит его в готовом виде.* Тот пункт, вокруг которого объединяются эти разбросанные рабочие, заложен только в их взаимоотношениях с капиталом, в том, что в его руках накопляется продукт их производства, а значит и те прибавочные стоимости, которые рабочие создали сверх своего собственного дохода. В качестве [участников] совместного труда рабочие существуют здесь лишь *an sich* *, лишь в той мере, в какой каждый из них работает на капитал — и в силу этого обладает в его лице неким объединяющим центром, — но работают они не совместно. Объединение рабочих посредством капитала является здесь поэтому только *формальным* [VI —10] и касается только продукта труда, а не самого труда. Вместо того чтобы осуществлять обмен с многими лицами, рабочие обмениваются теперь с одним капиталистом. Поэтому здесь имеет место *концентрация обмена* со стороны капитала.

Капитал *осуществляет обмен* не в качестве отдельного лица, а в качестве представителя потребления и потребностей многих лиц. Капитал *уже не осуществляет обмен* как его отдельный участник, а представляет в меновом акте все общество. Здесь налицо *коллективный обмен* и *концентрирующий обмен* со стороны капитала с работающими разбросанно ткачами и т. д., продукты труда которых посредством этого обмена собираются, соединяются, а тем самым объединяются и сами их работы, хотя эти рабочие трудятся независимо друг от друга. Объединение их работ выступает как особый акт, наряду с которым продолжает существовать самостоятельность и распыленность этих

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

работ. Таково *первое условие* обмена *денег* в качестве капитала на свободный труд.

Вторым условием является устранение самостоятельности и распылениости этого множества рабочих, когда *единичный капитал* выступает по отношению к ним как *общественная коллективная сила уже не только в акте обмена*, объединяя в себе множество обменов, а собирает рабочих под своей командой в одном месте, в одну мануфактуру; капитал уже не оставляет рабочих в условиях *того способа производства, который он застает*, устанавливая свое господство на этом базисе, но создает в качестве своего базиса соответствующий ему способ производства. Капитал создает *объединение* рабочих в производстве, объединение, которое сначала сводится лишь к общему месту для работы, к работе под наблюдением надзирателей, к *единой регламентации*, к *более строгой дисциплине, непрерывности и положенной зависимости от капитала в самом производстве*. При этом с самого начала осуществляется экономия определенных faux frais * производства. (Обо всем этом процессе смотри у *Гаскелла*, где специально рассматривается развитие крупной промышленности в Англии [23].)

Теперь капитал выступает не только как коллективная сила рабочих, их общественная сила, но и как связующее их и потому созидающее эту силу единство. Все это по-прежнему и на каждой ступени развития капитала опосредствуется тем, что указанное множество людей производит обмен с ним как одним лицом, так что сам обмен сконцентрирован в капитале; имеет место общественный характер обмена; капитал осуществляет с рабочим обмен как общественное начало, а они с ним — как индивиды.

В условиях ремесленного производства речь идет о качестве продукта, об особенном искусстве отдельного работника, и предполагается, что мастер в качестве такового достиг мастерства в данной профессии. Его положение как мастера основано не только на обладании условиями производства, но и на его личной умелости в выполнении особенной работы. В условиях производства капитала речь с самого начала идет не об этом полухудожественном отношении, которое вообще соответствует развитию потребительной стоимости труда, развитию особых навыков непосредственного ручного труда, обучению труду человеческой руки и т. д. С самого начала в условиях капиталистического производства речь идет о массе, ибо все дело здесь в меновой стоимости и прибавочной стоимости. Развитый принцип

* — непроизводительных издержек. *Ред.*

капитала как раз состоит в том, чтобы сделать излишними особенное умение и ручной труд, непосредственный физический труд вообще, сделать излишними как особо умелый физический труд, так и труд, основанный на мускульном напряжении; особую умелость же, напротив, вложить в мертвые силы природы.

Предполагая, что возникновение мануфактуры есть в то же время возникновение капиталистического способа производства (рабы комбинированы an sich, поскольку они принадлежат одному хозяину), мы тем самым предполагаем, что производительная сила труда, вызываемая к жизни лишь самим капиталом, еще не существует. Тем самым, следовательно, предполагается, что в мануфактуре необходимый труд еще отнимает значительную часть всего имеющегося в наличии рабочего времени, так что на каждого отдельного рабочего еще приходится сравнительно немного прибавочного труда.

С одной стороны, это компенсируется тем,— и прогресс мануфактуры ускоряется именно таким образом,— что норма прибыли является более высокой и, следовательно, капитал накопляется быстрее (по отношению к уже существующей величине капитала), чем в крупной промышленности. Если из 100 талеров [авансированного капитала] 50 приходятся на труд, а прибавочное время равно $^1/_5$ [необходимого рабочего времени], то созданная стоимость равна 110 талерам, т. е. [норма прибыли] составляет 10%. Если из 100 талеров на труд приходятся только 20 талеров, а прибавочное время составляет $^1/_4$ [необходимого рабочего времени], то созданная стоимость равна 105 талерам, т. е. [норма прибыли] равна 5%.

С другой стороны, эта более высокая норма прибыли в мануфактуре получается только благодаря одновременному применению многих рабочих. Увеличение прибавочного времени может быть получено лишь тем путем, что для капитала собирается прибавочное время многих рабочих. В мануфактуре преобладает абсолютное, а не относительное прибавочное время. В еще большей мере это первоначально имело место там, где распыленные независимые рабочие сами еще используют для себя часть своего прибавочного времени. Для того чтобы капитал мог существовать в качестве капитала, жить за счет прибыли и накоплять, его прибыль должна быть равна сумме прибавочного времени многих одновременно затрачиваемых живых рабочих дней. В земледелии земля в своих химических и т. п. действиях уже сама является машиной, которая делает более производительным непосредственный труд и поэтому раньше дает избыток, дает потому, что здесь *раньше* применяют маши-

ну, а именно — *природную* машину. Это единственная правильная основа учения физиократов, которые с этой стороны противопоставляют только земледелие еще совсем неразвитой мануфактуре. Если бы капиталист нанимал одного рабочего, чтобы жить за счет его прибавочного времени, то он, очевидно, выгадал бы вдвойне, если бы вместо рабочего работал сам, работал с собственным фондом, так как, кроме прибавочного времени, он получал бы еще заработную плату, выплачиваемую рабочему. Капиталист проиграл бы на этом процессе, т. е. он еще не был бы в состоянии работать как капиталист, или же рабочий был бы только его помощником и, таким образом, еще не относился бы к нему как к капиталу.

Поэтому для того чтобы деньги превратились в капитал, необходимо не только то, чтобы они могли приводить в движение прибавочный труд, но необходимо *определенное количество прибавочного труда,* прибавочный труд определенной массы необходимого труда, т. е. *многих рабочих* одновременно, так чтобы общей суммы их прибавочного труда было достаточно как для того, чтобы капиталист мог жить как *капитал,* т. е. в потреблении представлять богатство в противовес жизни рабочих, так и для того, чтобы откладывать прибавочный труд для накопления. Капитал с самого начала производит не ради потребительной стоимости, не для непосредственных нужд. Поэтому прибавочный труд с самого начала должен быть достаточно велик для того, чтобы некоторая часть его снова могла быть применена в качестве капитала. Следовательно, всегда именно на той ступени развития, когда определенная масса общественного богатства объективно уже сконцентрирована в одних руках и, стало быть, выступает как капитал, первоначально в виде обмена с многими рабочими, а впоследствии в виде производства при помощи многих рабочих, при помощи комбинации рабочих, оказываясь способной одновременно поставить на работу определенное количество живой рабочей силы,— именно на этой ступени начинается производство посредством капитала, который, таким образом, с самого начала выступает как *коллективная сила,* общественная сила и как устранение разъединенности: сначала — разъединенности обмена с рабочими, а затем — разъединенности самих рабочих. Разъединенность рабочих еще предполагает их относительную независимость. Полная зависимость от капитала, полная оторванность рабочих от условий производства поэтому предполагает их группировку вокруг отдельного капитала как единственной основы их существования.

Получится то же самое — или это то же самое в иной форме,— если исходить из особой формы обмена, которая предположена

как условие того, чтобы капитал осуществлял обмен в качестве капитала, когда деньги уже являются *представителем многих обменивающихся* или должны обладать *меновой силой,* превосходящей индивида и его индивидуальный избыток, должны обладать уже не индивидуальной меновой силой, а силой, принадлежащей индивиду как [носителю] общественной функции, как представителю общественного богатства. С другой стороны, все это вытекает из условий *свободного труда.* Отрыв индивида от условий производства равносилен группировке многих вокруг одного капитала.}

{Купеческий капитал также с самого начала представляет собой концентрацию в одних руках многих обменов. Он уже замещает массу обменивающихся, как в качестве *Д*, так и в качестве *Т*.}

[VI—11] «Этот *непрерывный прогресс знания и опыта»,*— говорит Баббедж,— «есть наша великая сила» [24].

Этот прогресс, этот социальный прогресс принадлежит капиталу и эксплуатируется им. Все прежние формы собственности обрекали бо́льшую часть человечества, рабов, на то, чтобы быть всего лишь орудиями труда. Историческое развитие, политическое развитие, искусство, наука и т. д. осуществляются в высших сферах над ними. Но только капитал подчинил себе исторический прогресс, поставив его на службу богатству.

{Накоплению посредством капитала предшествует накопление, конституирующее капитал, относящееся к определению понятия капитала; этот род накопления еще едва ли можно назвать *концентрацией,* так как последняя имеет место при отличии данного капитала по сравнению с многими капиталами; если же речь идет еще только о *самом* капитале [von *dem* Kapital], то концентрация еще совпадает с накоплением или с понятием капитала. Иными словами, концентрация еще не составляет особого определения. Но с самого начала капитал как единый или единство противостоит рабочим как множеству. И, таким образом, капитал как концентрация рабочих, как вне рабочих лежащее единство выступает в противовес труду. С этой стороны концентрация содержится в понятии капитала — концентрация множества живых рабочих сил для одной цели, концентрация, которая первоначально вовсе не обязательно должна быть проведена уже в самом способе производства, не обязательно должна пронизывать его. Здесь перед нами централизующее воздействие капитала на рабочие силы, или полагание им самого себя как единства рабочих сил, самостоятельно существующего вне этого множества.}

{*Росси* в своих *«Лекциях по политической экономии»* [25] говорит:

«Социальный прогресс не может состоять в разрушении всякого объединения, он заключается в замене принудительных и угнетающих объединений прежних времен добровольными и справедливыми объединениями. Высшая степень изолированности, это — дикое состояние; высшая степень принудительного, угнетающего объединения, это — варварство. Помимо этих крайностей мы наблюдаем в истории весьма различные формы и оттенки. Совершенными являются добровольные объединения, которые умножают силы путем единения, не отнимая при этом у индивидуальной силы ни ее энергии, ни ее нравственности, ни ее ответственности» (стр. 353).

В капитале *объединение* рабочих не является вынужденным посредством прямой физической силы, принудительного, крепостного, рабского труда; оно является вынужденным потому, что условия производства представляют собой чужую собственность и сами выступают в качестве *объективного объединения,* равносильного накоплению и концентрации условий производства.}

{Понимание капитала лишь с его вещественной стороны, как орудия производства, при полном отвлечении от той экономической формы, которая превращает орудие производства в капитал,— впутывает экономистов во всевозможные затруднения. Так, Росси в только что цитированной работе спрашивает:

«Является ли сырье действительно орудием производства? Не является ли оно скорее тем объектом, на который должны воздействовать орудия производства?» (стр. 367).

У Росси, таким образом, капитал полностью совпадает с орудием производства в технологическом смысле, в результате чего каждый дикарь оказывается капиталистом. (Это и в самом деле утверждает г-н Торренс относительно дикаря, который швыряет *камнем* в птицу [26].) Впрочем, даже с точки зрения чисто вещественной абстракции — т. е. абстрагирования от самой экономической категории — замечание Росси является плоским и лишь показывает, что он не понял своего английского учителя [Торренса].

Накопленный труд применяется в качестве орудия для нового производства или просто продукт применяется для производства; сырье применяется в производстве, т. е. подвергается изменению формы точно так же, как и орудие, которое тоже есть продукт. *Готовый результат производства вновь становится одним из моментов процесса производства.* Иного смысла это положение не имеет. В рамках процесса производства этот результат производства может фигурировать как сырье или как орудие. Но орудием производства он является не потому, что в непосредственном процессе производства он служит орудием,

а потому, что он представляет собой средство возобновления самого процесса производства — представляет собой одну из предпосылок процесса производства.

Более важным и уместным является сомнение относительно того, образует ли фонд жизненных средств, т. е. заработная плата, часть капитала, и здесь-то и проявляется вся путаница экономистов.

«Говорят, что оплата рабочего есть капитал, так как капиталист авансирует ее рабочему. Если бы существовали только такие рабочие семьи, которым хватало бы средств на то, чтобы прожить год, то не существовало бы заработной платы. Рабочий мог бы сказать капиталисту: ты авансируешь капитал для общего дела, я вношу труд; мы распределим между собой продукт в таких-то и таких-то пропорциях. Как только продукт будет реализован, каждый возьмет свою часть» (*Росси*, стр. 369—370). «Тогда не существовало бы никаких затрат на рабочих. Тем не менее рабочие потребляли бы даже и в том случае, если бы работа приостановилась. То, что они потребляли бы, относится к фонду потребления, а отнюдь не к капиталу. Следовательно: затраты на рабочих вовсе не необходимы. *Стало быть, заработная плата не является составным элементом производства. Она представляет собой нечто случайное, одну из форм нашего общественного строя.* Напротив, капитал, труд, земля необходимы для производства. *Во-вторых,* заработная плата фигурирует при этом дважды: говорят, что заработная плата — это капитал, но что̀ она представляет? Труд. Кто говорит «заработная плата», говорит «труд» и vice versa *. Стало быть, если авансированная заработная плата есть часть капитала, то следовало бы говорить только о двух орудиях производства: о капитале и о земле» (стр. 370).

И дальше:

«*В сущности рабочий потребляет не имущество капиталиста, а свое собственное; то, что ему дают в виде оплаты труда, есть его доля в продукте*» (стр. 370). «Договор капиталиста с *рабочим не есть феномен производства...* Предприниматель идет на это соглашение, потому что оно может облегчить производство. Но это соглашение есть не что иное, как *вторичная операция*, операция совсем иного рода, привитая к производительной операции. *При иной организации труда она может исчезнуть.* Даже в настоящее время существуют такие виды производства, где этого нет. Таким образом, заработная плата представляет собой одну из форм распределения богатства, а не элемент производства. Та часть фондов, которую предприниматель предназначает на выдачу заработной платы, не составляет части капитала... Это есть совсем особая операция, которая, несомненно, может содействовать развитию производства, но которую нельзя назвать *прямым* орудием производства» (стр. 370).

«Представить себе мощь труда, отвлекаясь при этом от средств существования рабочих во время процесса производства, значит представить себе нечто фантастическое. Кто говорит труд, кто говорит мощь труда, тот в то же время говорит: рабочий и средства существования, рабочий и заработная плата... *Тот же самый элемент вновь появляется под названием капитала, как будто бы одна и та же вещь могла одновременно входить в состав двух различных орудий производства*» (стр. 370, 371).

---

* — наоборот. *Ред.*

Здесь имеет место большая путаница, оправданием которой может служить то, что Росси ловит экономистов на слове и отождествляет *орудие производства* как таковое с капиталом. Прежде всего, Росси вполне прав в том, что наемный труд не является абсолютной формой труда, но он забывает при этом, что и капитал точно так же не является абсолютной формой средств труда и материала труда и что эти две формы [наемный труд и капитал] представляют собой одну и ту же форму в виде различных моментов и потому стоят и падают вместе; вот почему нелепо, что Росси говорит о капиталистах без наемного труда.

Рассмотрим его пример с рабочими семьями, которые могут прожить целый год без капиталиста, а следовательно, являются собственниками своих условий производства и выполняют необходимый для себя труд без разрешения господина капиталиста. Поэтому капиталист, которого Росси заставляет прийти к рабочим со своим предложением, является лишь производителем орудий производства. То, что он приходит к рабочим, представляет собой лишь опосредствованный обменом результат разделения труда. Даже без всякого соглашения — путем простого обмена — капиталист и рабочие затем распределяют между собой совместно произведенный продукт. Этот обмен и есть распределение, никакого соглашения для этого не нужно. То, что при этом обменивают рабочие семьи, представляет собой абсолютный или относительный прибавочный труд, который стал для них возможен благодаря орудию: либо новый труд в какой-нибудь другой отрасли, выполняемый ими наряду с их прежним трудом, за счет которого они могли жить из года в год до появления капиталиста, либо [прибавочный труд, осуществляемый] путем применения орудия в их прежней отрасли труда. Здесь г-н Росси превращает рабочего во владельца, обменивающего свой [VI—12] прибавочный труд, и, таким образом, благополучно вытравляет в нем последнюю черту, которая могла бы характеризовать его как наемного рабочего; но тем самым он также и в орудии производства вытравляет последнюю черту, которая делает орудие капиталом.

Верно, что рабочий «в сущности потребляет не имущество капиталиста, а свое собственное», но не потому, как полагает г-н Росси, что это только *соответственная* часть продукта, а потому, что это — соответственная часть *его* продукта, и оплата рабочего, если отбросить видимость обмена, состоит в том, что часть дня он работает на себя, а другую часть на капиталиста; при этом рабочий *вообще получает разрешение работать лишь в том случае*, если выполняемый им труд допускает подобное деление.

Сам *меновой акт,* как мы уже видели, представляет собой не момент непосредственного процесса производства, а условие такового. Но в рамках совокупного процесса производства капитала, который [процесс] включает в себя различные моменты меновых актов капитала, включает в себя обращение, этот обмен положен как один из моментов совокупного процесса.

Но, говорит Росси, заработная плата фигурирует в расчете дважды: один раз как капитал, другой раз как труд и, таким образом, представляет два различных орудия производства. Если заработная плата представляет орудие производства — труд, то она не может представлять орудие производства — капитал. Здесь имеет место путаница, которая также объясняется тем, что Росси принимает всерьез ортодоксальные экономические различения. В производстве заработная плата фигурирует только один раз, в качестве фонда, предназначенного для превращения в заработную плату, как *потенциальная* заработная плата. Как только она превратилась в действительную заработную плату, она уже выплачена и фигурирует только в потреблении, в качестве дохода рабочего. Но то, что обменивается на заработную плату, представляет собой рабочую силу, которая совсем не фигурирует в производстве, где фигурирует только ее использование — *труд.* Труд выступает как орудие производства стоимости, потому что он не оплачен, т. е. не представлен в виде заработной платы. Как деятельность, создающая потребительную стоимость, труд также не имеет ничего общего с наемным трудом. Заработная плата в руках рабочего — уже не заработная плата, а фонд потребления. Только в руках капиталиста она представляет собой заработную плату, т. е. ту часть капитала, которая предназначена для обмена на рабочую силу. Для капиталиста заработная плата воспроизвела могущую вновь поступить в продажу рабочую силу, так что с этой стороны само потребление рабочего происходит в интересах капиталиста. Он вовсе не оплачивает самый труд, а только рабочую силу. Конечно, делать это он может лишь благодаря активности самой этой рабочей силы.

Если заработная плата выступает дважды, то не потому, что она дважды представляет два различных орудия производства, а потому, что один раз она выступает с точки зрения производства, а другой раз — с точки зрения распределения. Но эта определенная форма распределения не является каким-то произвольным соглашением, которое могло бы быть иным, она обусловлена формой самого производства; она представляет собой лишь один из собственных моментов производства, рассматриваемый в другом определении.

Стоимость машины, разумеется, образует одну из частей капитала, вложенную в нее, но как стоимость машина ничего не производит, хотя машина и приносит доход фабриканту. Заработная плата точно так же не представляет труд в качестве орудия производства, как стоимость не представляет машину в качестве орудия производства. Заработная плата представляет лишь рабочую силу, а так как стоимость рабочей силы существует в качестве капитала отдельно от рабочей силы, то заработная плата представляет часть капитала.

Поскольку капиталист присваивает себе *чужой* труд и при помощи этого присвоенного *труда* снова покупает труд, заработная плата — т. е. представитель труда — выступает, если угодно г-ну Росси, дважды: 1) как собственность капитала, 2) как представитель труда. Росси беспокоит, собственно говоря, то, что заработная плата является представителем *двух орудий производства — капитала* и *труда;* он забывает, что труд как производительная сила включен в капитал, и в качестве *труда in esse* *, а не *in posse* **, он отнюдь не является *орудием производства,* отличающимся от капитала, а только впервые превращает капитал в орудие производства. Что же касается различия между заработной платой, составляющей часть капитала и одновременно — доход рабочего, то об этом мы будем говорить в разделе о прибыли и проценте, которым заканчивается эта первая глава о капитале[27].}

[7) ТЕОРИЯ РИКАРДО КАК ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВЫХ АНТАГОНИЗМОВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА]

{Ссылаясь на свою упоминавшуюся выше работу «*The Measure of Value Stated and Illustrated*» [London, 1823], *Мальтус* снова возвращается к тем же вопросам в своих «*Definitions in Political Economy*», *London, 1827*. Он говорит там:

«До г-на Рикардо я не встречал ни одного автора, который употреблял бы когда-либо термин *заработная плата*, или действительная заработная плата, в таком смысле, который подразумевает некоторую *пропорцию*. Прибыль, действительно, подразумевает некоторую пропорцию; и *норма прибыли* всегда справедливо выражалась в *процентах по отношению к стоимости авансированного капитала*. Но что касается заработной платы, то ее повышение или понижение всегда рассматривали не *в зависимости от той пропорции*, в какой она может находиться ко всему продукту, получаемому благодаря определенному количеству труда, а в зависимости от большего или меньшего количества определенного продукта, получаемого

* — в действии. *Ред.*

** — в возможности. *Ред.*

рабочим, или в зависимости от того, дает ли этот продукт больше или меньше власти распоряжаться предметами необходимости и удобства» (стр. 29—30).

Единственная стоимость, которая создается капиталом в условиях какого-либо данного производства, есть стоимость, добавленная посредством нового количества труда. Но эта стоимость состоит из необходимого труда, воспроизводящего заработную плату — сумму, авансированную капиталом в форме заработной платы,— и из прибавочного труда, следовательно из прибавочной стоимости, сверх необходимого труда. Затраты на материал и машины лишь переходят из одной формы в другую. Орудие, так же как и сырой материал, переходит в продукт, и его изнашивание в то же время представляет собой создание формы продукта. Когда сырой материал и орудие ничего не стоят, — а в некоторых отраслях добывающей промышленности их все еще можно принять почти равными нулю (*сырой материал* всегда равен нулю во всех отраслях добывающей промышленности, при добыче металла, при добыче угля, в рыбной ловле, охоте, при рубке первобытных лесов и т. д.), — то они абсолютно ничего и не добавляют к стоимости продукции. Их стоимость представляет собой результат прежнего производства, а не того непосредственного производства, где они служат в качестве орудия и материала. Поэтому *прибавочная стоимость* может быть измерена лишь по отношению к необходимому труду. *Прибыль* представляет собой лишь *вторичную,* производную и трансформированную форму прибавочной стоимости, буржуазную форму, в которой стерлись следы ее происхождения.

Сам Рикардо этого никогда не понимал по следующим причинам: 1) он всегда говорит только о делении *готового* количества продукта, а не о первоначальном возникновении этого различия [между прибылью и заработной платой]; 2) понимание этого заставило бы его увидеть, что между капиталом и трудом возникает отношение, весьма отличное от менового отношения, а Рикардо был не вправе понять, что буржуазная система эквивалентов переходит в присвоение без эквивалента и основана на таком присвоении; 3) положение Рикардо об относительной прибыли и относительной заработной плате относится только к тому, что определенная совокупная стоимость делится на две части, а если вообще какое-либо количество делится на две части, то по необходимости величины обеих частей обратно пропорциональны друг другу. К этой банальности рикардианская школа впоследствии и свела не без основания все дело.

Интерес, побудивший Рикардо к установлению понятия относительной заработной платы и относительной прибыли, заклю-

чался не в стремлении вскрыть основу созидания прибавочной стоимости — ибо Рикардо исходит из той предпосылки, что некоторая данная стоимость подлежит разделу между заработной платой и прибылью, между трудом и капиталом, он, таким образом, считает это деление само собой разумеющимся, — а в том, чтобы, *во-первых,* в противовес обычному определению цены выдвинуть то правильное определение, которое он установил для стоимости, показав, что сама граница стоимости не затрагивается распределением стоимости, ее различным разделением на прибыль и заработную плату; *во-вторых,* объяснить не временное, а постоянное понижение нормы прибыли, представлявшееся ему необъяснимым при той предпосылке, что на труд приходится неизменная часть стоимости; *в-третьих,* объясняя это понижение прибыли повышением заработной платы, а само это повышение заработной платы — повышением *стоимости* земледельческих продуктов, т. е. возрастающей трудностью их производства, одновременно объяснить *земельную ренту* как не находящуюся в противоречии с его принципом стоимости.

В то же время это давало полемическое оружие промышленному капиталу против земельной собственности, эксплуатирующей успехи промышленности. Но вместе с тем, побуждаемый простой логикой, Рикардо, таким образом, провозгласил антагонистическую природу прибыли, труда и капитала, [VI—13] как бы он потом ни старался доказать рабочему, что этот антагонистический характер прибыли и заработной платы совершенно не затрагивает его реального дохода и что, наоборот, *относительное* (не абсолютное) повышение заработной платы *вредно,* так как оно задерживает накопление, а развитие промышленности приносит пользу только праздному земельному собственнику. Но все же антагонистическая форма была провозглашена, и Кэри, который не понимает Рикардо, мог поэтому его бранить, называя отцом коммунистов и т. д.[28], причем в определенном смысле он прав, хотя сам он и не понимает этого определенного смысла.

Другие же экономисты, которые, подобно Мальтусу, абсолютно ничего не хотят знать об относительной (а потому антагонистической) природе заработной платы, с одной стороны, *хотят* замазать противоположность; с другой стороны, они утверждают, что рабочий просто обменивает определенную потребительную стоимость, свою рабочую силу, на капитал и поэтому отказывается от производительной силы, от силы труда, создающей новую стоимость, что рабочий *не имеет ничего общего с продуктом* и что поэтому при обмене между капиталистами и рабочими, при выплате заработной платы, как и при всяком

простом обмене, где экономически предположены *эквиваленты,* — все дело только в *количестве,* в количестве потребительной стоимости.

Как это ни правильно, с одной стороны, но кажущаяся форма меновой сделки, обмена приносит с собой то, что рабочий, когда конкуренция дает ему прямую возможность торговаться и спорить с капиталистом, измеряет свои притязания по прибыли капиталиста и требует определенного участия в созданной им прибавочной стоимости; и таким образом *пропорция* становится реальным моментом самой экономической жизни. Далее, в борьбе обоих классов, — которая неизбежно появляется с развитием рабочего класса — измерение взаимного расстояния между ними, которое как раз посредством заработной платы выражено в качестве пропорции, становится решающе важным. *Видимость обмена* исчезает в процессе производства, ведущегося капиталистическим способом. Посредством самого процесса и его повторения устанавливается то, что существует an sich *: что рабочий в виде заработной платы получает от капиталиста лишь часть своего собственного труда. Затем это входит и в сознание как рабочих, так и капиталистов.

Для Рикардо вопрос, собственно, заключается только в том, какую долю в совокупной стоимости составляет в процессе развития необходимая заработная плата. Речь у него идет всегда только о *необходимой заработной плате;* ее относительная природа, следовательно, интересует не рабочего, который [при возрастании относительной заработной платы], как и прежде, получает тот же самый минимум,— а только капиталиста, у которого меняются вычеты из его чистого дохода, хотя рабочие и не получают большее количество потребительной стоимости. Однако уже то обстоятельство, что Рикардо, хотя и в связи с совершенно иными проблемами, сформулировал антагонистическую природу прибыли и заработной платы, само показывает, что в его эпоху способ производства, основанный на капитале, принимал форму, все более и более адекватную своей природе.

По поводу рикардовской теории стоимости Мальтус в цитированных выше «*Definitions in Political Economy*» замечает:

«Утверждение Рикардо, что в той же самой мере, в какой повышается стоимость заработной платы, прибыль понижается, и наоборот, верно лишь при предположении, что товары, на производство которых затрачено одно и то же количество труда, всегда имеют одинаковую стоимость,— предположение, которое оказывается верным едва ли в одном случае из 500, как это необходимо происходит вследствие того, что с развитием цивилизации

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

и техники количество применяемого основного капитала все время возрастает, а периоды оборота оборотного капитала становятся все более различными и неравными» (стр. 31—32).

(Это относится к *ценам*, а не к *стоимости*.)

По поводу своего собственного открытия истинной меры стоимости Мальтус говорит следующее:

«*Во-первых:* нигде я не встречал такой формулировки, что то *количество труда, которым обычно распоряжается какой-нибудь товар,* должно представлять и измерять *затраченное на производство этого товара количество труда вместе с прибылью*... Представляя затраченное на производство какого-нибудь товара количество труда вместе с прибылью, труд представляет естественные и необходимые условия предложения товара, или элементарные издержки его производства... *Во-вторых:* нигде я не встречал такой формулировки, что, как бы ни изменялось плодородие почвы, элементарные издержки производства заработной платы за данное количество труда всегда будут с необходимостью одни и те же» (там же, стр. 196—197).

Это означает только то, что заработная плата всегда равна необходимому для ее производства рабочему времени, которое меняется вместе с производительностью труда. Количество товаров остается тем же.

«Если рассматривать стоимость как всеобщую покупательную силу какого-либо товара, то это относится к покупке всех товаров, к совокупной массе товаров. Но эта масса вовсе не поддается учету... Нельзя ни на минуту отрицать, что труд лучше, чем какой-либо другой предмет, представляет среднюю [стоимость] совокупной массы продуктов [товаров]» (стр. 205). «Значительная группа товаров, как например сырые продукты, с прогрессом общества повышается в цене по сравнению с трудом, тогда как продукты промышленности понижаются в цене. Поэтому недалеко от истины будет утверждение, что в среднем та масса товаров, которой в одной и той же стране распоряжается данное количество труда, не может на протяжении нескольких столетий очень существенно изменяться» (стр. 206). «Стоимость всегда должна быть стоимостью, способной к обмену на труд» (стр. 224, примечание).

Иными словами, доктрина Мальтуса такова: стоимость товара, содержащийся в нем труд, представлена живыми рабочими днями, которыми распоряжается товар, на которые он может быть обменен, и поэтому стоимость товара представлена *заработной платой*. Живые рабочие дни содержат в себе как [необходимое], так и прибавочное время. Окажем Мальтусу максимальное одолжение, которое мы можем ему оказать, а именно, допустим, что отношение прибавочного труда к необходимому труду, т. е. отношение заработной платы к прибыли, всегда остается постоянным. Прежде всего, то обстоятельство, что г-н Мальтус говорит о затраченном на производство товара труде *вместе с прибылью,* уже доказывает его путаницу, так как прибыль может составлять

как раз лишь часть затраченного труда. Мальтус имеет при этом в виду *прибыль сверх затраченного труда*, которая, по его мнению, проистекает *из основного капитала* и т. д. Это может иметь отношение только к распределению совокупной прибыли между различными участниками дележа этой совокупной прибыли, а не к общему количеству прибыли, так как если бы все взамен своих товаров получали содержащийся в них труд плюс прибыль, то откуда же возьмется эта прибыль, г-н Мальтус? Если один получит за свой товар содержащийся в нем труд плюс прибыль, то другой должен получить содержащийся в его товаре труд минус прибыль; причем прибыль рассматривается здесь как излишек над действительной прибавочной стоимостью. Это, стало быть, отпадает.

Предположим, что затраченный труд равен трем рабочим дням, и если отношение прибавочного рабочего времени [к совокупному рабочему времени] равно 1 : 2, то эти три рабочих дня получены путем оплаты полутора рабочих дней. Рабочие, действительно, проработали 3 дня, но каждому была оплачена только половина рабочего времени. Иными словами, в товаре, который они получили за 3 рабочих дня, содержалось только $1^1/_2$ дня. За 3 рабочих дня, которые содержатся в его товаре, капиталист, при прочих равных условиях, получил бы, стало быть, 6 рабочих дней. (Это верно лишь потому, что прибавочное рабочее время предположено равным необходимому рабочему времени и, следовательно, во втором случае мы имеем *только* повторение первого случая.)

(*Относительная прибавочная стоимость, очевидно, ограничена не только прежде приведенным соотношением* [между необходимым и прибавочным рабочим временем], *но и тем соотношением, которое определяет поступление продукта в потребление рабочего*. Если бы капиталист в результате роста производительных сил мог получить двойное количество *кашемировых шалей* и если бы они продавались по их *стоимости*, то он не создал бы относительной прибавочной стоимости, так как рабочие не потребляют таких шалей, и, следовательно, время, необходимое для воспроизводства их рабочей силы, осталось бы тем же самым. На практике дело обстоит не так, потому что в подобных случаях цена превышает стоимость. Здесь, в теории, это нас еще не касается, так как рассматривается капитал как таковой, а не в какой-либо особой отрасли.)

Сказанное выше означает, что капиталист выплатит рабочим заработную плату за 3 дня, а заставит работать 6 дней; при помощи каждой $^1/_2$ дня он покупает целый день; следовательно, при помощи $^6/_2$ дня, т. е. 3 дней, — 6 дней. Следовательно, утвер-

ждать, что те рабочие дни, которыми распоряжается товар, или та заработная плата, которую он платит, выражают стоимость этого товара, — значит абсолютно не понимать природу капитала и наемного труда. То обстоятельство, что овеществленные рабочие дни распоряжаются бо̀льшим количеством живых рабочих дней, составляет суть всякого созидания стоимости и созидания капитала. Но было бы правильно, если бы г-н Мальтус сказал, что живое рабочее время, которым распоряжается товар, выражает меру *возрастания* его *стоимости*, меру полагаемого им *прибавочного труда*. Однако это было бы только тавтологией, означало бы только, что по мере того как товар полагает больше [живого] труда, он полагает его больше, т. е. это выражало бы нечто противоположное тому, чего хочет Мальтус, означало бы, что прибавочная стоимость получается вследствие того, что то живое рабочее время, которым распоряжается товар, никогда не представляет содержащееся в нем рабочее время. (Теперь мы, наконец, покончили с Мальтусом.)}

[8) СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА В ПОНИМАНИИ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ]

[а) Формулировка цели капиталистического производства у Чалмерса]

[VI—14] {Выше, анализируя понятие капитала, мы выяснили, что он представляет собой стоимость как таковую, *деньги*, которые сохраняются в обращении и возрастают путем обмена на живой труд. Поэтому целью производящего капитала *никогда не является потребительная стоимость*, а всегда является всеобщая форма богатства как богатства. Поп *Т. Чалмерс* в своем, вообще говоря, во многих отношениях, нелепом и отвратительном сочинении *«On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society» (2nd edition, London, 1832)* правильно понял этот вопрос, не впадая, с другой стороны, в идиотизм таких субъектов, как *Ферье* [29] и другие, которые смешивают деньги в качестве стоимости капитала с реально наличными металлическими деньгами. Во время кризисов капитал (в качестве товара) не может быть обменен не потому, что в наличии имеется *слишком мало* средств обращения; наоборот, капитал не обращается потому, что он *не может быть обменен*. То значение, которое во время кризисов приобретают наличные деньги, вызвано исключительно тем, что в то время как капитал

не может быть обменен по своей стоимости — а только поэтому стоимость капитала и выступает по отношению к нему зафиксированной в форме денег,— приходится платить по обязательствам; наряду с прерванным обращением имеет место *принудительное обращение*.

Чалмерс говорит следующее:

«Когда потребитель отказывается от определенных товаров, то не всегда потому, как полагают новые экономисты, что он предпочитает купить другие товары, а потому, что он хочет сохранить полностью свою общую покупательную способность. И когда *купец* выносит товары на рынок, то, как правило, не в поисках других товаров, которые могут быть даны в обмен... Он хочет расширить свою *общую способность покупать все товары*. Ничего не дает утверждение, что деньги тоже являются *товаром*. Реальные металлические деньги, в которых нуждается купец, составляют лишь небольшую *часть его капитала*, даже небольшую часть *его денежного капитала;* весь этот капитал, хотя он и оценивается в деньгах, можно заставить, в силу письменных договоров, описать свою орбиту и выполнить все свои задачи при помощи *наличных денег, составляющих лишь незначительную часть всего капитала. Основная цель денежного капиталиста* состоит фактически в увеличении *номинальной суммы его состояния*. Если его капитал в данном году составляет в денежном выражении, например, 20 000 ф. ст., то цель капиталиста состоит в том, чтобы в следующем году он составил в денежном выражении 24 000 ф. ст. *Увеличивать свой капитал в его денежном выражении*, это — единственный способ, при помощи которого он, как купец, может служить своим интересам. Важность этой цели для него не меняется из-за колебаний денежного обращения или из-за изменения реальной стоимости денег. Например, за год он может увеличить свой капитал с 20 000 до 24 000 ф. ст.; но вследствие падения стоимости денег может не возрасти его распоряжение предметами комфорта и т. д. Тем не менее это увеличение его капитала настолько же в его интересах, как если бы деньги не упали в стоимости; ибо в противном случае его денежное богатство осталось бы стационарным, а его реальное богатство уменьшилось бы в отношении 24 к 20... *Товары*» (т. е. потребительные стоимости, реальное богатство) «не являются поэтому конечной целью промышленного капиталиста»

(иллюзия монетарной системы состоит лишь в том, что в реальных металлических деньгах (или же в бумажных деньгах, что не меняет дела), короче, в форме стоимости, выступающей как *реальные* деньги, она видела *всеобщую форму богатства* и самообогащения; между тем именно по мере того как *деньги* возрастают в качестве накопления всеобщей покупательной способности, они относительно уменьшаются в своей определенной форме средства обращения или также в форме *реализованного сокровища*. В качестве *чека* на реальное богатство или на производительную силу деньги принимают тысячу форм),

«*если не считать расходования им своего дохода на покупку предметов потребления. При расходовании капитала промышленного капиталиста и при покупках для производства* конечная цель промышленного капиталиста — деньги» (заметьте: не *монета*) (стр. 164—166).

«Прибыль»,— говорит все тот же *Чалмерс*,— «приводит к тому, что услуги свободного населения привлекаются к другим хозяевам, помимо одних лишь земельных собственников.., поскольку расход этих хозяев превышает их насущные жизненные потребности» (стр. 77—78).}

Совокупный *процесс обращения* Чалмерс в вышеуказанной книге называет экономическим циклом:

«Можно считать, что мир производственных связей движется по кругу, который мы назовем экономическим циклом и в котором каждый оборот завершается, как только предприятие, совершив последовательный ряд своих операций, снова приходит к тому пункту, с которого начался оборот. Началом можно считать тот пункт, когда к капиталисту поступают платежи, посредством которых к нему возвращается его капитал; от этого пункта он снова переходит к тому, чтобы завербовать себе рабочих и распределить между ними в виде заработной платы средства их существования, или, вернее, силу, необходимую для приобретения этих средств; получить от них изготовленные предметы, которыми он торгует; доставить эти предметы на рынок и там довести до завершения кругооборот этого ряда движений, продавая эти предметы и получая в выручке за товары возмещение всех своих капитальных затрат. Вмешательство денег отнюдь не меняет реального характера этой операции» (стр. 85).

[б) Различия в продолжительности оборота капитала. Неравенство во времени, необходимом для производства различных товаров]

Различие в обороте, поскольку оно зависит от той фазы процесса обращения, которая совпадает с непосредственным процессом производства, зависит не только от большей или меньшей продолжительности рабочего времени, необходимого для изготовления предмета (например для постройки канала и т. д.), но в некоторых отраслях производства — в земледелии — также и от тех перерывов в работе, которые вызваны природой самого труда и во время которых, с одной стороны, не используется капитал, а с другой стороны, прекращается труд. Таков пример А. Смита[30] о том, что пшеница представляет собой такой продукт, процесс производства которого продолжается один год, в то время как процесс производства быка продолжается 5 лет. Поэтому на быка затрачивается пять лет труда, на пшеницу — только один год.

Труд, затрачиваемый, например, на пастбищное скотоводство, незначителен. С другой стороны, в собственно земледелии незначителен тот труд, который затрачивается, например, в зимний период. В земледелии (а также — в большей или меньшей степени — в некоторых других отраслях производства), вследствие условий самого процесса производства, имеют место

перерывы, паузы в рабочем времени, которое в определенный момент должно быть возобновлено для продолжения или завершения процесса производства; непрерывность процесса производства здесь не совпадает с непрерывностью процесса труда. Это *первый момент* различия [в продолжительности оборота капитала]. *Во-вторых:* [в какой-нибудь данной отрасли производства] для *завершения* продукта, для приведения его в законченное состояние вообще требуется более продолжительное [чем в других отраслях производства] время; речь идет об общей продолжительности процесса производства, независимо от того, имеют ли место или нет перерывы в осуществляемых трудом операциях, — о различной продолжительности фазы производства вообще. *В-третьих:* после того как [в какой-нибудь данной отрасли производства] закончено производство продукта, бывает необходимо, чтобы он лежал без использования более продолжительное [по сравнению с продуктами других отраслей производства] время, требуя сравнительно небольших затрат труда, и был предоставлен течению природных процессов, как, например, вино (логически это приблизительно тот же случай, что и первый). *В-четвертых:* требуется более продолжительное время для доставки продукта на рынок, если этот продукт предназначен для более отдаленного рынка (логически это совпадает со вторым случаем). *В-пятых:* более короткий или более длинный период общего оборота капитала (период его общего воспроизводства), поскольку он определяется соотношением между основным и оборотным капиталом, относится, очевидно, не к *непосредственному процессу производства,* не к его продолжительности, а определяется обращением. Время воспроизводства совокупного капитала определяется совокупным процессом в целом, включая обращение.

«Неравенство периодов, необходимых для производства различных товаров» (*Thomas Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 146—147) [Русский перевод, стр. 135—136].

«*Различие во времени,* требующемся для производства земледельческих продуктов и для производства продуктов других видов труда, является главной причиной большой зависимости земледельцев. Они не могут доставить свой товар на рынок раньше, чем по истечении года. В течение всего этого времени они вынуждены покупать в кредит у сапожника, портного, кузнеца, колесного мастера и различных других работников, в продуктах которых они нуждаются, а эти продукты изготовляются в течение немногих дней или недель. Вследствие этого природой обусловленного обстоятельства и вследствие более быстрого возрастания богатства, производимого неземледельческим трудом по сравнению с трудом земледельческим, монопольные собственники всей земли, [VI—15] хотя они монополизировали также и законодательство, не в состоянии избавить себя и своих слуг, фермеров, от превращения в самый зависимый из всех классов общества» (стр. 147, примечание) [Русский перевод, стр. 136].

«Вполне естественным является то обстоятельство, что все товары производятся в течение неравного времени, тогда как потребности рабочего должны удовлетворяться ежедневно... Это неравенство во времени, необходимом для изготовления различных товаров, заставило бы в эпоху дикости охотника и т. д. иметь излишек дичи и т. д. до тех пор, пока производитель лука и стрел и т. д. не имел бы готовый товар для обмена на излишек дичи. Никакой обмен не был бы возможен; производитель лука должен был бы быть также и охотником, и разделение труда было бы невозможно. Эта трудность способствовала изобретению денег» (там же, стр. 179—180) [Русский перевод, стр. 158].

[в)] В понятии свободного рабочего заложен паупер. [Ложность мальтусовской теории перенаселения. Избыточное население и избыточный капитал при капитализме]

{В понятии *свободного рабочего* уже заложено то, что он является *паупером,* потенциальным паупером. По своим экономическим условиям он представляет собой всего лишь *живую рабочую силу,* следовательно, наделенную также жизненными потребностями. Рабочий представляет собой всестороннюю нужду при отсутствии у него как у рабочей силы объективных условий для реализации своей рабочей силы. Если капиталисту не нужен прибавочный труд рабочего, то рабочий не может выполнять и свой необходимый труд, не может производить для себя жизненные средства. Он их не может тогда получить путем обмена, а если он их получает, то лишь в виде милостыни, перепадающей ему из дохода. В качестве рабочего он может жить лишь в том случае, если он свою рабочую силу обменяет на часть капитала, образующую рабочий фонд. Сам этот обмен связан со случайными *для рабочего,* безразличными по отношению к его *органическому* бытию условиями. Поэтому рабочий является потенциальным *паупером.*

Далее, так как условием производства, основанного на капитале, является то, чтобы рабочий производил все больше прибавочного труда, то высвобождается все больше *необходимого труда.* Следовательно, увеличиваются шансы рабочего стать паупером. Развитию прибавочного труда соответствует развитие избыточного населения.

При различных общественных способах производства существуют различные законы возрастания населения и перенаселения; последнее тождественно с пауперизмом. Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества, ибо он работает и присваивает только в обществе. Если для отдельного индивида или для той или иной части населения [традиционное] отношение

к условиям производства перестает существовать, то это ставит их вне условий воспроизводства данного определенного базиса и поэтому превращает их в избыточное население, не только неимущее, но и неспособное добывать себе при помощи труда жизненные средства, т. е. превращает их в пауперов.

Только при способе производства, основанном на капитале, пауперизм выступает как результат самого труда, как результат развития производительной силы труда. Поэтому то, что на одной ступени общественного производства может считаться перенаселением, не будет таковым на другой ступени, и его последствия могут быть различны. Например, основанные древними колонии состояли из высланного из метрополии избыточного населения, т. е. такого населения, которое при существовавшей тогда материальной основе собственности, т. е. при существовавших тогда условиях производства, не могло дальше жить на том же самом пространстве. Численность его, в сравнении с современными условиями производства, может показаться очень незначительной. Однако это население далеко не было пауперами. Зато пауперами был римский плебс с его panis et circenses [31]. То перенаселение, которое вызывает великие переселения народов, опять-таки предполагает другие условия.

Так как при всех прежних формах производства развитие производительных сил не является базисом присвоения, а, наоборот, определенное отношение к условиям производства (формы собственности) выступает как *заранее данный* предел производительных сил и должно всего лишь воспроизводиться, — то в еще большей степени рост населения, в котором резюмируется развитие всех производительных сил, наталкивается на *внешний предел* и поэтому неизбежно представляется чем-то подлежащим ограничению.

Условия общественного строя совместимы только с определенным количеством населения. С другой стороны, если пределы численности населения, установленные эластичностью определенной формы условий производства, *меняются, сжимаются или расширяются* в зависимости от *этой формы*,— если, следовательно, перенаселение у охотничьих народов было иным, чем у афинян, а у этих последних оно было иным, чем у германцев, — то меняется также и абсолютная норма возрастания населения, а потому и норма перенаселения и населения. Перенаселение, связанное с определенным производственным базисом, определено поэтому в той же мере, как и население, адекватное этому базису. Перенаселение и население, взятые вместе, составляют *то* население, которое может быть порождено определенным

производственным базисом. Как далеко оно может выйти за свой предел, это дано самим пределом или, вернее, той же самой причиной, которая устанавливает этот предел. Точно так же как необходимый труд и прибавочный труд, взятые вместе, составляют труд в целом на данном базисе.

Теория *Мальтуса* (она, впрочем, не является его изобретением — славу изобретателя этой теории Мальтус присвоил себе посредством того поповского рвения, с которым он ее проповедовал; собственно говоря, лишь посредством того особого ударения, которое он на ней делал) имеет значение в двух отношениях: 1) потому что грубой точке зрения капитала он дает грубое выражение, 2) потому что он *утверждал* наличие перенаселения при всех формах общества. Он этого не доказал, так как нет ничего более некритического, чем его пестрый набор компиляций из произведений историков и описаний путешествий. Концепция Мальтуса является совершенно ложной и ребяческой по следующим причинам.

1) *Перенаселение* на различных исторических этапах экономического развития он рассматривает как *однородное*, не понимает его специфического различия и все эти весьма сложные и изменчивые отношения тупо сводит поэтому к одному отношению между двумя уравнениями, где на одной стороне фигурирует естественное размножение людей, а на другой стороне — естественное размножение растений (или средств существования), противостоящие друг другу как два определяемых природой ряда, из которых один развивается в геометрической, а другой — в арифметической прогрессии. Таким образом, исторически различные отношения Мальтус превращает в абстрактное числовое отношение, которое взято прямо с потолка и не основано ни на законах природы, ни на исторических законах. Должно-де существовать природное различие между размножением человека и, например, хлебных злаков. Эта обезьяна предполагает при этом, что *возрастание числа людей* есть чисто природный процесс, который нуждается во *внешних ограничениях, препятствиях*, для того чтобы он не развивался в геометрической прогрессии.

Это *геометрическое размножение* представляет собой [по Мальтусу] природный процесс размножения человека. Рассмотрение исторического развития показало бы ему, что рост населения происходит в очень различных пропорциях и что перенаселение точно так же представляет собой исторически обусловленное отношение, отнюдь не определяемое числами или абсолютным пределом, вытекающим из производительности [производства] жизненных средств, а определяемое пределами,

полагаемыми *определенными условиями производства.* [Во-первых], по своей численности [избыточное население прежних времен] невелико. Насколько ничтожными представляются нам те цифры, которые для афинян означали перенаселение! Во-вторых, по самому своему характеру избыточное население, состоящее из свободных афинян, которые превращаются в колонистов, весьма отличается от избыточного населения, состоящего из рабочих, которых превращают в обитателей работного дома. Точно так же то нищенствующее избыточное население, которое проедает в монастыре его прибавочный продукт, существенно отличается от того избыточного населения, которое образуется на фабрике. Но именно Мальтус абстрагируется от этих определенных исторических законов движений населения, которые, являясь историей человеческой природы, представляют собой *естественные* законы, но естественные законы человека лишь на определенной ступени исторического развития с определенным развитием производительных сил, обусловленным собственным историческим процессом человека.

«Человек» Мальтуса, абстрагированный от исторически определенного человека, существует только в его воображении, так же как и соответствующий этому естественному мальтусовскому человеку геометрический метод размножения. Поэтому действительная история представляется Мальтусу таким образом, что не размножение его естественного человека является абстракцией от исторического процесса, от действительного размножения, а наоборот, действительное размножение представляет собой применение теории Мальтуса. Поэтому то, что в истории на каждой ступени является условиями, имманентными условиями как населения, так и перенаселения, то у Мальтуса выступает как ряд *внешних препятствий, помешавших* населению развиваться в мальтусовской форме. Условия исторического производства и воспроизводства людей выступают как *пределы* воспроизводства мальтусовского естественного человека, представляющего собой создание Мальтуса. [VI—16] С другой стороны, производство жизненных средств — так, как оно тормозится, определяется человеческой деятельностью—представляется в виде *препятствия,* которое это производство ставит самому себе. Папоротники покрывали всю Землю. Размножение их прекратилось лишь тогда, когда им не хватило места. Оно не считалось ни с какой арифметической пропорцией. Трудно сказать, откуда Мальтус взял, что воспроизводство свободно произрастающих произведений природы приостанавливается из внутреннего побуждения, без *внешних препятствий.* Имманентные, исторически изменяющиеся границы процесса размножения лю-

дей Мальтус превращает во *внешние пределы; внешние препятствия* происходящего в природе процесса воспроизводства — в *имманентные границы*, т. е. в *естественные законы*, размножения.

2) Мальтус нелепым образом соотносит определенное количество людей с определенным количеством жизненных средств. Рикардо[32] сразу же правильно возразил ему, что количество имеющегося налицо хлеба совершенно безразлично для рабочего, если у него нет *работы;* что, следовательно, не средства существования, а средства найма труда относят или не относят рабочего к категории избыточного населения.

Однако этот вопрос следует рассматривать в более общей форме, так как он, вообще говоря, относится к тому *социальному опосредствованию*, в результате которого индивид связан со средствами собственного воспроизводства и создает их; следовательно, это относится к *условиям производства* и его отношению к ним. Для афинского раба не было никаких пределов для размножения, помимо того количества предметов необходимости, которое можно было произвести. И мы никогда не слышали, чтобы в древности существовали *излишние рабы*. Наоборот, потребность в них возрастала. Зато существовало избыточное население неработавших (в смысле непосредственного [участия в производстве]), о которых нельзя сказать, что их было слишком много по сравнению с имевшимися жизненными средствами, но которые утратили те условия, при которых они могли присваивать себе эти жизненные средства. Изобретение избыточных рабочих, т. е. не имеющих собственности людей, которые работают, относится к эпохе капитала.

Нищие, которые располагались около монастырей и помогали им проедать их прибавочный продукт, принадлежали к тому же классу, что и челядь феодалов, и это говорит о том, что немногочисленные собственники прибавочного продукта сами не могли его съесть. Это была лишь иная форма прежней челяди или современных домашних слуг. Перенаселение, например, у охотничьих народов, проявлявшееся в борьбе отдельных племен друг с другом, не доказывает того, что Земля была не в состоянии прокормить столь небольшое количество людей, а говорит о том, что условия их воспроизводства требовали большого количества земли, требовали большой территории для немногих людей. Никогда не имело места отношение к *несуществующей* абсолютной массе средств существования, а имело место отношение к условиям воспроизводства, к условиям производства этих средств существования, которые, однако, в равной мере являются *условиями воспроизводства людей*, всего населения,

включая относительно избыточное население. Этот избыток населения чисто относительный: он не находится ни в каком отношении к *средствам существования* вообще, а находится в отношении к способу их производства. Поэтому он является *избытком* только на данной ступени развития.

3) Сюда не относится то, что, собственно говоря, вовсе не принадлежит *Мальтусу,* — привнесение теории ренты [к объяснению перенаселения], которое au fond * лишь выражает тот факт, что на известной Рикардо и другим ступени развития производства земледелие отставало от обрабатывающей промышленности, что, впрочем, имманентно буржуазному производству, хотя и в изменяющихся пропорциях.}

{Когда мы рассматриваем производство, основанное на капитале, то при абсолютном рассмотрении условием этого производства является максимальная абсолютная масса необходимого труда при максимальной относительной массе прибавочного труда. Следовательно, основным условием является максимальный рост населения, живой рабочей силы. Если мы, далее, рассмотрим условия развития производительной силы, а также обмена, то опять-таки: разделение труда, кооперация, всестороннее наблюдение, которое может быть плодом только множества умов, наука, максимально возможное количество центров обмена — все это тождественно с ростом населения.

С другой стороны, в условии присвоения чужого прибавочного труда заложено то, что, помимо необходимого населения, т. е. населения, являющегося представителем необходимого труда, труда, необходимого для производства, имеется такое *избыточное население,* которое не работает. Дальнейшее развитие капитала показывает, что наряду с промышленной частью этого избыточного населения — наряду с промышленными капиталистами — ответвляется исключительно потребляющая часть избыточного населения, бездельники, занятием которых является пожирать чужие продукты и которые — поскольку грубое потребление имеет свои границы — отчасти должны получать продукты в утонченной форме, в виде предметов роскоши.

Когда экономисты говорят об избыточном населении, то речь идет не об этом праздном избыточном населении. Наоборот, оно — его функция потребления — рассматривается фанатиками теории народонаселения как раз как необходимое население, и это [с их точки зрения] вполне правильно (вполне последовательно). Выражение «избыточное население» относится

---

* — в сущности. *Ред.*

исключительно к рабочей силе, т. е. к *необходимому населению;* имеет место избыток *рабочей силы*. Но это обстоятельство просто вытекает из природы капитала. Рабочая сила только в том случае может выполнять свой необходимый труд, если ее прибавочный труд имеет ценность для капитала, может быть им использован. Если же эта возможность использования прибавочного труда тормозится тем или иным препятствием, то сама *рабочая сила* оказывается 1) *вне условий воспроизводства своего существования;* она существует без *условий своего существования* и поэтому является только обузой; она имеет потребности, но не имеет средств для их удовлетворения. 2) Необходимый труд оказывается излишним, потому что излишний труд не является необходимым. Труд является необходимым лишь в том случае, если он является условием для возрастания стоимости капитала.

Таким образом, соотношение между необходимым и прибавочным трудом, как оно устанавливается капиталом, принимает такую форму, что часть необходимого труда, т. е. труда, воспроизводящего рабочую силу, становится излишней и потому сама эта рабочая сила является *излишком* необходимого рабочего населения, т. е. той части рабочего населения, необходимый труд которой является не излишним, а необходимым для капитала. Так как развитие производительной силы, с необходимостью вызываемое капиталом, состоит в увеличении отношения прибавочного труда к необходимому труду, или в уменьшении доли необходимого труда, требующейся для определенного количества прибавочного труда, — то если дано определенное количество рабочей силы, доля применяемого капиталом *необходимого* труда с необходимостью должна постоянно уменьшаться, т. е. часть этой рабочей силы с необходимостью должна становиться излишней, так как для выполнения определенного количества прибавочного труда, для которого раньше требовалось все количество имеющейся рабочей силы, теперь достаточно некоторой ее части.

Превращение определенной части рабочей силы в излишнюю рабочую силу, т. е. превращение требующегося для ее воспроизводства труда в излишний труд, является поэтому необходимым следствием роста прибавочного труда по отношению к необходимому труду. Сокращение относительно необходимого труда выступает как увеличение относительно излишней рабочей силы, т. е. как создание избыточного населения. Если избыточное население получает пропитание, то оно черпается не из рабочего фонда, а из дохода всех классов. Это происходит не за счет труда самой рабочей силы, происходит уже не посредством

нормального воспроизводства живого индивида в качестве рабочего; его содержат из милости другие, и поэтому он становится нищим и паупером; так как он уже не содержит себя посредством своего необходимого труда, стало быть, не содержит себя посредством обмена на часть капитала, то он утратил связь с условиями отношения кажущегося обмена и кажущейся независимости.

Во-вторых: в определенной степени общество берет на себя вместо господина капиталиста обязанность сохранять для него в исправности его потенциальное орудие труда, чтобы оно не износилось, сохранять в виде резерва для последующего использования. Капиталист частично снимает с себя издержки воспроизводства рабочего класса [VI—17] и таким образом ради своей выгоды осуществляет пауперизацию части остального населения. С другой стороны, капиталу, поскольку он постоянно воспроизводит себя как добавочный капитал, в одинаковой мере присуща тенденция как создавать этот пауперизм, так и устранять его. Капитал действует в двух противоположных направлениях, и перевес по временам берет то одна, то другая тенденция.

Наконец, созидание добавочного капитала связано со следующими тремя моментами. 1) Для того чтобы быть приведенным в движение, капитал нуждается в росте населения. Если то относительное количество населения, которое ему требуется, уменьшилось, то это означает, что сам он в такой же самой степени увеличился. 2) Капиталу необходима безработная (по крайней мере, относительно безработная) часть населения, т. е. относительное перенаселение, чтобы иметь всегда под рукой резервное население для роста добавочного капитала. 3) На данной ступени развития производительных сил может быть налицо прибавочная стоимость, но еще не в таком размере, не в таких пропорциях, чтобы быть примененной в качестве капитала. Минимум существует не только для каждой определенной ступени развития производства, но и для расширения производства на каждой данной ступени. В таком случае налицо избыточный капитал и избыточное население. Равным образом может существовать избыточное население, но в недостаточном объеме, не в тех пропорциях, которые требуются для добавочного производства. Высказывая все эти соображения, мы еще намеренно полностью абстрагировались от колебаний сбыта, от сокращения рынка и т. д., словом, от всего, что предполагает *процесс* [*взаимодействия*] *многих капиталов.*}

[г) Взгляд А. Смита на труд рабочего как на жертву. Антагонистический характер труда в эксплуататорских обществах и действительно свободный труд при коммунизме]

{Взгляд *Адама Смита* состоит в том, что *труд* никогда *не меняет своей стоимости*, не меняет в том смысле, что *определенное количество труда* всегда *является для рабочего* определенным *количеством труда*, т. е. — по А. Смиту — является *количественно всегда одинаковой жертвой*. Получил ли я много или мало за час труда, — а это зависит от производительности часа труда и от других обстоятельств, — я *проработал* один час. То, что я вынужден был заплатить за результат моего труда, за мою заработную плату, это всегда один и тот же *час труда*, как бы ни менялся результат этого часа труда.

«Во все времена и повсюду одинаковые количества труда должны иметь одинаковую стоимость для того, кто работает. При нормальном состоянии своего здоровья, силы и бодрости и при обычной степени искусства и ловкости, которыми он может обладать, он всегда вынужден отдавать *одну и ту же долю* своего *покоя*, своей *свободы* и своего *счастья*. *Цена, которую он уплачивает*, всегда остается неизменной, каково бы ни было то количество товаров, которое он получает в виде платы за свой труд. Правда, за эту цену можно купить то меньшее, то большее количество этих товаров, но только потому, что изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость покупающего их труда. Следовательно, один только труд никогда не изменяется в своей собственной стоимости. Труд, таким образом, представляет собой *действительную цену* товаров, а деньги — лишь их номинальную цену» (*A. Smith.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par G. Garnier. Tome I, Paris, 1802, стр. 65—66) [Русский перевод, стр. 40].

«Да будешь ты трудиться в поте лица своего!» — таково было проклятие Иеговы, обрушенное им на Адама [33]. И Адам Смит рассматривает труд именно как проклятие. «Покой» выступает у него как адекватное состояние, тождественное «свободе» и «счастью». То обстоятельство, что индивид «при нормальном состоянии своего здоровья, силы, бодрости, искусства, ловкости» испытывает также потребность в нормальной порции труда и в прекращении покоя, — по-видимому, совершенно чуждо пониманию Смита. Правда, сама мера труда выступает здесь как данная извне, — данная той целью, которую надо достичь, и теми препятствиями, которые должны быть преодолены трудом для достижения этой цели. Но то, что это преодоление препятствий само по себе есть осуществление свободы и что, далее, внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид, следовательно, полагаются как самоосу-

ществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд, — этого Адам Смит также не подозревает.

Впрочем, Смит прав в том отношении, что в исторических формах труда, — таких, как рабский, барщинный, наемный труд, — труд выступает всегда как нечто отталкивающее, всегда является *трудом по внешнему принуждению,* а в противоположность ему не-труд выступает как «свобода и счастье». Здесь можно говорить о труде в двух аспектах: об этом антагонистическом труде — и, что связано с ним, о таком труде, который еще не создал (или же, в сравнении с пастушеским и т. п. состоянием, лишился) субъективных и объективных условий, необходимых для того, чтобы труд был привлекательным трудом, чтобы он был самоосуществлением индивида, что́ ни в коем случае не означает, что этот труд будет всего лишь забавой, всего лишь развлечением, как это весьма наивно, совсем в духе гризеток, понимает Фурье [34]. Действительно свободный труд, например труд композитора, вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение.

В материальном производстве труд может приобрести подобный характер лишь тем путем, что 1) дан его общественный характер и 2) что этот труд имеет научный характер, что он вместе с тем представляет собой всеобщий труд, является напряжением человека не как определенным образом выдрессированной силы природы, а как такого субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естественно сложившейся форме, а в виде деятельности, управляющей всеми силами природы.

Впрочем, Смит имеет в виду только рабов капитала. Например, даже полухудожественного работника средних веков нельзя подвести под его определение. Однако *нас здесь прежде всего* интересует не анализ философских взглядов Смита на труд, интересует не философский, а экономический аспект. Если рассматривать труд только как *жертву* и именно в силу этого — как фактор, определяющий стоимость, т. е. если рассматривать труд как ту *цену,* которая уплачивается за вещи и потому придает цену этим вещам, придает в соответствии с тем, требуют ли они больше или меньше труда, — то это есть чисто *отрицательное* определение. Поэтому, например, г-н *Сениор* [35] мог превратить капитал в своего рода источник производства, такого же типа, как и труд, в своего рода источник производства *стоимости,* так как ведь и капиталист, будто бы, приносит *жертву,* жертву в виде *воздержания,* поскольку он обогащается,

вместо того чтобы непосредственно съедать свой продукт. Чисто отрицательный фактор ничего не создает. Если, например, труд доставляет рабочему удовольствие — подобно тому, как *воздержание* несомненно доставляет удовольствие тому скупому, о котором говорит Сениор, — то продукт от этого ничего не теряет в своей стоимости. Производит *один только* труд; он представляет собой единственную *субстанцию* продуктов как *стоимостей*.

{Как мало разбирался в этом вопросе Прудон, видно из его аксиомы, что всякий труд дает некоторый излишек [36]. То, что он отрицает относительно капитала, он превращает в природное свойство труда. Вся штука, наоборот, заключается в том, что рабочее время, необходимое для удовлетворения абсолютных потребностей, оставляет *свободное* время (величина которого различна на различных ступенях развития производительных сил), и в результате этого может быть создан прибавочный продукт, если выполняется *прибавочный труд*. Целью является уничтожение самого отношения [необходимого и прибавочного труда]; так, чтобы прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта [37] и, наконец, чтобы материальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности. В этом теперь уже нет ничего мистического. На первых порах стихийные дары природы обильны или, по крайней мере, их нужно лишь присвоить. С самого начала стихийно развивается ассоциация (семья) и соответствующие ей разделение труда и кооперация. Ведь первоначально потребности тоже ничтожны. Сами они развиваются только вместе с производительными силами.}

Мера труда, рабочее время — при одинаковой интенсивности труда — есть поэтому мера стоимостей. Качественное различие между рабочими, если оно не является природным различием, обусловленным полом, возрастом, физической силой и т. д., т. е. au fond * выражающим не качественную ценность труда, а разделение труда, его дифференциацию, — само является лишь историческим результатом и снова уничтожается для большинства видов труда, так как они представляют собой простой труд, а качественно более высокий труд находит свою экономическую меру в сопоставлении с простым трудом.

Рабочее время, или количество труда, есть мера стоимостей, — это означает всего-навсего, что мера труда есть мера стоимостей. Две вещи можно измерить одной и той же мерой только тогда,

* — в сущности. *Ред.*

когда они имеют *одинаковую природу*. Продукты можно измерить мерой труда — рабочим временем — только потому, что по своей природе они представляют собой *труд*. Они представляют собой объективированный труд. В качестве объектов они принимают такие формы, в которых их бытие как труда, правда, может проявиться в их форме (как приданная им извне целесообразность; однако этого нельзя сказать, например, относительно быка и вообще относительно воспроизведенных природных продуктов), но так, что они уже не имеют ничего общего между собой. Как нечто одинаковое [VI—18] продукты существуют лишь до тех пор, пока они существуют в виде деятельности. Деятельность измеряется временем, которое поэтому становится также и мерой объективированного труда. В другом месте мы займемся исследованием того, в какой степени это *измерение* [затрат труда рабочим временем] связано с обменом, с неорганизованным общественным трудом — с определенной ступенью общественного процесса производства.

Потребительная стоимость имеет отношение не к человеческой деятельности как к источнику продукта, не к положенности продукта посредством человеческой деятельности, а к его бытию для человека. Поскольку продукт имеет свою собственную меру, это есть его природная мера, мера его как природного предмета: тяжесть, вес, длина, объем и т. д., мера его полезности и т. д. Но как результат или как покоящееся бытие создавшей его силы продукт измеряется только мерой самой этой силы. Мерой труда является время. Только потому, что продукты *представляют собой труд*, их можно измерять мерой труда, рабочим временем, или количеством затраченного на них труда. Отрицание покоя, будучи всего лишь отрицанием, аскетической жертвой, ничего не создает. *Можно, подобно монахам и т. д., целыми днями умерщвлять свою плоть, заниматься самоистязанием и т. д., но это количество принесенной жертвы ничего не даст. Естественная* цена вещей не является приносимой этим вещам жертвой. Подобное утверждение скорее напоминает то не-производственное воззрение, согласно которому можно приобрести богатство посредством жертв богам. Помимо жертвы необходимо кое-что еще. То, что Смит считает принесением в жертву покоя, можно назвать также принесением в жертву лености, несвободы, несчастья, т. е. отрицанием некоторого отрицательного состояния.

А. Смит рассматривает труд психологически, с точки зрения удовольствия или неудовольствия, которые он причиняет индивиду. Но помимо этого *эмоционального* отношения индивида к своей деятельности, труд все же есть еще кое-что иное —

во-первых, для других, так как простая жертва со стороны индивида *A* не принесла бы никакой пользы индивиду *B;* во-вторых, труд есть определенное отношение самого индивида к обрабатываемому им предмету и к своим собственным трудовым способностям. Труд есть *положительная, творческая деятельность.* Мера труда — время — не зависит, разумеется, от производительности труда; мера труда есть не что иное, как некая единица, то или иное определенное кратное [Anzahl] которой является выражением соответствующих порций труда. Отсюда, конечно, не следует, что *стоимость,* создаваемая трудом, постоянна; или же она постоянна только в том смысле, что одинаковые количества труда представляют собой одну и ту же величину, служащую мерой.

Затем при дальнейшем исследовании выясняется также, что стоимости продуктов измеряются не тем трудом, который на них затрачен, а тем, который необходим для их производства. Следовательно, не жертва, а труд выступает как условие производства. Эквивалент выражает условие воспроизводства продуктов как условие, данное им из обмена, т. е. он выражает возможность возобновления производительной деятельности как положенную ее же собственным продуктом.}

{Из смитовской *концепции жертвы,* которая, впрочем, правильно выражает *субъективное отношение наемного рабочего к своей собственной деятельности,* все же не получается того, что Смиту хочется получить, а именно — определения стоимости рабочим временем. Пусть для рабочего час труда всегда представляет одинаковую жертву. Но стоимость товаров отнюдь не зависит от ощущений рабочего, как не зависит от них и стоимость часа его труда. Так как Смит признаёт, что эту жертву можно купить то дешевле, то дороже, то остается весьма странным, что *продавать* ее всегда приходится по одной и той же цене. Однако Смит оказывается к тому же еще и непоследовательным. В дальнейшем он делает мерой стоимости *заработную плату,* а не количество труда. *Когда забивают быка, то для него это всегда одна и та же жертва. Но из-за этого говядина не обладает постоянной стоимостью.*}

{«Но хотя одинаковые количества труда всегда обладают одинаковой стоимостью для рабочих, все же они представляют то меньшую, то бо́льшую стоимость для того, кто нанимает рабочих. Он покупает их то за меньшее, то за большее количество товаров. Для него, следовательно, цена труда изменяется точно так же, как и цена всякой другой вещи, хотя в действительности только товары бывают то дороги, то дешевы» (Смит, там же, стр. 66) [Русский перевод, стр. 40].}

[9) ТРАКТОВКА ПРИБЫЛИ И КАПИТАЛА В БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ]

{Тот способ, которым А. Смит объясняет возникновение *прибыли,* весьма наивен:

«В первобытном состоянии общества весь продукт труда принадлежит работнику. Количество» (а также бо́льшая тяжесть и т. д.) «труда, затрачиваемого на приобретение или на производство какого-нибудь предмета, пригодного к обмену, представляет собой *единственное обстоятельство,* определяющее то количество труда, которое обычно может быть куплено, получено в распоряжение или обменено на этот предмет... *Но лишь только* появляются *запасы,* накопленные в руках *отдельных лиц,.. та стоимость, которую рабочие присоединяют к предмету, распадается на две части,* из которых одна оплачивает их заработную плату, а другая оплачивает прибыль предпринимателя на сумму капитала, авансированного в виде заработной платы и материала, идущего в обработку. У него не было бы *никакого интереса* нанимать этих рабочих, если бы он не рассчитывал получить от продажи изготовленных ими изделий — сверх того, что необходимо для возмещения его капитала,— еще некоторый избыток; точно так же у него не было бы никакого интереса затрачивать бо́льшую сумму капитала, а не меньшую, если бы его прибыли не находились в известном соответствии с величиной употребленного в дело капитала» (*A. Smith.* Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome I, Paris, 1802, стр. 96—97) [Русский перевод, стр. 50—51].

(Сравни странный взгляд А. Смита на то, что *до разделения труда,*

«когда каждый сам производил для себя все самое необходимое, не требовалось никакого запаса» (там же, том II, стр. 191—192) [Русский перевод, стр. 203].

Как будто при таком состоянии общества человек, не находя в природе никаких запасов, не вынужден находить предметные условия жизни, для того чтобы работать. Даже дикарь, даже животные создают запас. Самое большее, Смит может говорить о таком состоянии общества, когда только непосредственный, мгновенный инстинкт побуждает человека к непосредственному труду, но и в таком случае *запас* все-таки должен так или иначе находиться в природе *без затрат труда.* Смит путает. Здесь не требуется *концентрация запасов* в одних руках.)}

{В третьем томе своего издания «Богатства народов» А. Смита *Уэйкфилд* замечает следующее:

«Рабский труд, будучи комбинированным, является более производительным, чем весьма разобщенный труд свободных людей. Труд свободных людей является более производительным, чем труд рабов, только в том случае, если он начинает комбинироваться *в результате большей дороговизны земли* и *системы найма за плату»* (стр. 18, примечание). «В тех странах, где земля остается очень дешевой, там или весь народ находится в состоянии варварства или часть его находится в состоянии рабства» (стр. 20, примечание).}

{«*Прибыль* есть термин, обозначающий увеличение капитала или богатства; поэтому, если не удается установить законы, регулирующие норму прибыли, то нельзя установить законы образования капитала» (*Atkinson, W.* Principles of Political Economy. London, 1840, стр. 55).}

{«Человек в такой же мере является *продуктом труда*, как и любая из построенных им машин; и нам представляется, что при всех экономических исследованиях его следует рассматривать именно с этой точки зрения. Каждого индивида, достигшего зрелого возраста, ...вполне уместно рассматривать как машину, которая потребовала 20 лет тщательного ухода и затраты значительного капитала. А если затрачивается дополнительная сумма на его воспитание или квалификацию для выполнения им работы, требующей особого мастерства, то его стоимость пропорционально возрастает, точно так же как и машина приобретает бо́льшую стоимость при затрате дополнительного капитала или труда с целью увеличения ее производственных возможностей» (*MacCulloch.* Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 115).}

{«Фактически товар всегда будет обмениваться на большее количество» (труда, чем тот труд, которым товар был произведен), «и *как раз этот избыток и образует прибыль*» (там же, стр. 221).

Тот же бравый Мак-Куллох, о котором Мальтус [38] правильно сказал, что специфическую задачу науки [VI—19] он видит в том, чтобы отождествлять всё и вся, говорит:

«*Прибыль на капитал* есть лишь другое название для заработной платы *накопленного труда*» (там же, стр. 291),

а поэтому и заработная плата труда есть, надо полагать, лишь другое название для прибыли на живой капитал.

«Заработная плата... в действительности состоит из *части продукта труда рабочего;* следовательно, она имеет высокую реальную стоимость, если рабочий получает сравнительно большую долю продукта своего труда, и наоборот» (там же, стр. 295).}

Полагание капиталом *прибавочного труда* в целом так мало было понято экономистами, что отдельные поразительные примеры, где оно проявляется, они приводят как нечто *особенное,* как курьез. Так, *Рамсей* говорит о ночных работах. Так, например, *Джон Уэйд* в своей *«History of the Middle and Working Classes» (Third edition. London, 1835, стр. 241)* говорит:

«Уровень заработной платы связан *также* с рабочими часами и периодами отдыха. За последние годы» (до 1835) «хозяева придерживались политики узурпации прав рабочих в этом отношении, отменяя или урезывая праздники и обеденные перерывы и постепенно увеличивая количество рабочих часов; зная, что увеличение рабочего времени на одну четверть равносильно снижению заработной платы в том же размере».

Джон Стюарт Милль в своих *«Essays on some unsettled Questions of Political Economy», London, 1844* (немногие оригинальные идеи Милля младшего содержатся в этой маленькой книжке, а не в его пухло-педантичном *большом труде* [39]) говорит:

«Все, что предназначено для применения в целях воспроизводства, будь то в существующей форме, или косвенно, путем предшествующего (или даже последующего) обмена, есть *капитал*. Предположим, что я все свои деньги израсходовал на заработную плату и машины и что товар, который я произвожу, только что изготовлен; можно ли сказать, что на протяжении того промежутка времени, в течение которого я смогу продать этот товар, реализовать выручку и снова вложить ее в заработную плату и орудия, у меня *нет капитала?* Разумеется, нельзя сказать. У меня имеется тот же самый капитал, что и раньше, быть может даже больший, но он находится в скованном состоянии и не свободен» (стр. 55).

«Во всякое время весьма значительная часть капитала данной страны лежит без применения. Годовой продукт страны никогда не достигает того размера, которого он достиг бы, если бы все ресурсы были посвящены воспроизводству, словом, если бы весь капитал страны был полностью пущен в ход. *Если бы каждый товар в среднем оставался непроданным столько же времени, сколько требуется для его производства*, то ясно, что во всякое время *не больше половины производительного капитала страны реально выполняло бы функции капитала. Занятая половина капитала есть текучая величина*, состоящая из переменных составных частей; но результат был бы тот, что каждый производитель имел бы возможность производить каждый год только половину того количества товаров, которое он мог бы производить, если бы был уверен, что он сразу же сможет их продать» (там же, стр. 55—56). «Однако таково или близко к этому обычное положение весьма значительной части всех капиталистов мира» (стр. 56).

«Количество тех производителей или продавцов, капитал которых совершает оборот в кратчайшее время, весьма незначительно. Немного есть таких, которые продают свои товары настолько быстро, чтобы все товары, которые они имеют возможность доставить при помощи собственного или полученного взаймы капитала, можно было столь же быстро *сбыть*, как и доставить. У большинства *объем деловых операций* вовсе не соответствует размеру капитала, которым они располагают. Правда, в тех обществах, где промышленностью и торговлей занимаются с наибольшим успехом, банковские операции дают возможность владельцу капитала, превышающего тот капитал, который он может применить в собственном деле, использовать его производительным образом и извлечь из него доход. Но даже и в этих случаях налицо большое количество капитала, *закрепленного* в форме инвентаря, машин, строений и т. д., независимо от того, использован ли капитал наполовину или целиком, и каждый торговец держит наготове *товарный запас* на случай возможного внезапного спроса, хотя, быть может, он не в состоянии будет продать его в течение некоторого неопределенного периода» (стр. 56). «Это *постоянное неприменение значительной части капитала есть та цена, которую мы платим за разделение труда. То, что мы этим приобретаем, стоит того, во что это нам обходится, но цена оказывается значительной*» (стр. 56).

Если у меня в деле 1 500 талеров и я получаю на них 10% дохода, в то время как 500 талеров лежат без применения для украшения лавки и т. д., то это все равно, как если бы я поместил 2 000 талеров по $7^1/_2$%.

«Во многих отраслях имеются торговцы, которые продают товары того же качества по более низкой цене, чем другие торговцы. Это не является добровольным пожертвованием [части] прибыли; они надеются, что наплыв покупателей ускорит оборот их капитала и что они выгадают на

том, что их капитал в целом будет использован более непрерывно, хотя в отношении каждой данной операции их прибыль меньше» (стр. 57). «Сомнительно, существуют ли такие торговцы, для которых добавочные покупатели были бы бесполезны, а к подавляющему большинству такое предположение безусловно неприменимо. Новый клиент для большинства торговцев равносилен росту их производительного капитала. Он дает им возможность ту часть их капитала, которая оставалась неиспользованной (и, быть может, никогда бы не стала производительной в их руках, пока не нашелся бы покупатель), превратить в заработную плату и орудия производства... Совокупный продукт страны на следующий год вследствие этого увеличится не просто благодаря обмену, а благодаря *приведению в действие* той части национального капитала, которая, если бы не было обмена, еще некоторое время оставалась бы без применения» (стр. 57—58).

«Выгоды, которые получаются благодаря *новому покупателю* для производителя или торговца:

1) Допустим, часть его капитала лежит в форме непроданных товаров и некоторое время (большее или меньшее) ровно ничего не производит; в таком случае часть этого капитала *приводится в бо́льшую активность и чаще становится производительной.*

2) Если дополнительный спрос превышает то количество товаров, которое может быть предложено в результате высвобождения капитала, существующего в виде непроданных товаров, и если промышленник располагает дополнительными ресурсами, которые инвестированы производительным образом (например, вложены в государственные ценные бумаги), но не в его собственной отрасли, он имеет возможность на часть этих ресурсов получить уже не процент, а прибыль и, таким образом, выгадать разницу между нормой прибыли и нормой процента.

3) Если весь его капитал помещен в его собственном деле и если никакая часть его капитала не состоит из непроданных товаров, то он может расширить дело при помощи взятого взаймы капитала и получить разницу между прибылью и процентом» (стр. 59).

[Д) КРУГООБОРОТ И ОБОРОТ КАПИТАЛА (окончание раздела В).] ОСНОВНОЙ И ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ

[1) ОБОРАЧИВАЮЩИЙСЯ И ФИКСИРОВАННЫЙ КАПИТАЛ]

Вернемся теперь к предмету нашего исследования.

Те фазы, которые пробегает капитал, которые образуют оборот капитала, логически начинаются с превращения денег в условия производства. Однако теперь, когда мы исходим не из становящегося, а из ставшего капитала, он проходит следующие фазы:

1) Созидание прибавочной стоимости, или непосредственный процесс производства. Его результатом является продукт. 2) Доставка продукта на рынок. Превращение продукта в товар. 3) α) Вступление товара в обычное обращение. Обращение товара. Его результат: превращение товара в деньги. Это является первым моментом обычного обращения. β) Обратное превращение денег в условия производства: денежное обращение.

В обычном обращении товарное обращение и денежное обращение всегда распределены между двумя различными субъектами. Капитал сначала обращается как товар, затем как деньги, и vice versa *. 4) Возобновление процесса производства, которое здесь выступает как воспроизводство первоначального капитала и как процесс производства добавочного [VI—20] капитала.

Издержки обращения сводятся к издержкам передвижения, к издержкам по доставке продукта на рынок, к рабочему времени, требующемуся для осуществления перехода из одного состояния в другое; все они, собственно говоря, сводятся к счетным операциям и к тому времени, которого требуют эти операции (составляющие основу особого технического денежного дела [Geldgeschäft]). (Следует ли рассматривать эти издержки как вычеты из прибавочной стоимости или нет, выяснится впоследствии.)

Рассматривая это движение, мы обнаруживаем, что обращение капитала, опосредствованное операцией обменов, происходит, с одной стороны, для того, чтобы пустить продукт в общее обращение и получить для себя из обращения эквивалент продукта в виде денег. Что̀ произойдет с этим продуктом, который, выпав таким образом из обращения капитала, попал в обычное обращение, — это нас здесь не касается. С другой стороны, капитал снова выбрасывает из своего процесса обращения свой денежный облик (выбрасывает его частично, поскольку он не является заработной платой), или, иначе говоря, он движется в денежной форме, — после того как он реализовал себя в ней в качестве стоимости и вместе с тем приложил к самому себе меру увеличения своей стоимости, — движется в форме денег, выступающих только как средство обращения, и таким образом всасывает в себя из общего обращения товары, необходимые для производства (условия производства). В качестве товара капитал выбрасывает себя из своего обращения в общее обращение; в качестве товара он также и ускользает от общего обращения и вбирает это обращение в себя, в свое движение, для того чтобы влиться в процесс производства. Таким образом, обращение капитала получает определенное отношение к общему обращению, одним из моментов которого является собственное обращение капитала, в то время как, с другой стороны, общее обращение само выступает как положенное капиталом. Это следует рассмотреть впоследствии.

Совокупный процесс производства капитала включает в себя как собственно процесс производства, так и собственно процесс

* — наоборот. *Ред.*

обращения. Они образуют два крупных отрезка его движения, которое выступает как совокупность этих двух процессов. На одной стороне существует время труда, на другой стороне — время обращения. А движение в целом выступает как единство времени труда и времени обращения, как единство производства и обращения. Само это единство представляет собой движение, процесс. Капитал выступает в качестве этого совершающего процесс единства производства и обращения, в качестве такого единства, которое можно рассматривать и как совокупный процесс производства капитала, и как определенный период *одного* оборота капитала, *одного* возвращающегося к самому себе движения.

Однако для капитала время обращения как условие, выступающее наряду с рабочим временем, является лишь адекватной, последней формой такого условия, которое свойственно производству, основанному на разделении труда и обмене. Издержки обращения представляют собой издержки разделения труда и обмена, которые с необходимостью встречаются во всякой менее развитой форме производства на этом базисе, предшествующей капиталу.

Как субъект, как возвышающаяся над различными фазами этого движения, сохраняющаяся и умножающаяся в нем стоимость, как субъект этих превращений, которые протекают в процессе кругооборота, — в виде спирали, возникающей из расширяющегося круга, — капитал является *оборотным капиталом*. Поэтому оборотный капитал на первых порах не является *особой* формой капитала; он представляет собой *капитал* [*das* Kapital], рассматриваемый в одном из его дальнейших определений в качестве субъекта описанного движения, которое есть он сам как свой собственный процесс увеличения стоимости. Поэтому с этой точки зрения каждый капитал и является *оборачивающимся [обращающимся] капиталом [zirkulierendes Kapital]*.

В простом обращении само обращение является субъектом. Один товар выбрасывается из обращения; другой товар вступает в обращение. Но один и тот же товар фигурирует в обращении только как нечто мимолетное. Сами деньги, поскольку они перестают быть средством обращения и становятся самостоятельной стоимостью, выходят из обращения. Капитал же выступает как субъект обращения, а обращение — как его собственный жизненный путь.

Но если капитал, таким образом, в качестве совокупности обращения представляет собой *оборачивающийся капитал*, переход из одной фазы в другую, то в каждой отдельной фазе он

точно так же фигурирует в какой-нибудь одной определенности, является заключенным в особую форму, представляющую собой отрицание его как субъекта совокупного движения. Поэтому капитал в каждой отдельной фазе является отрицанием самого себя как субъекта различных превращений. Он представляет собой здесь необорачивающийся капитал, *основной [fixes] капитал*, собственно говоря, *фиксированный [fixiertes]* капитал, закрепленный в одной из различных определенностей, в одной из различных фаз, через которые он должен пройти. Пока капитал пребывает в одной из этих фаз, пока сама фаза не выступает как текучий переход, — а каждая фаза имеет свою длительность, — капитал является не оборачивающимся, а фиксированным.

Пока капитал пребывает в процессе производства, он не пригоден к обращению и потенциально обесценен. Пока капитал пребывает в обращении, он не способен к производству, не создает прибавочной стоимости, не совершает процесса как капитал. Пока капитал нельзя бросить на рынок, он фиксирован в виде продукта; пока капитал вынужден оставаться на рынке, он фиксирован в виде товара. Пока капитал не может обменять себя на условия производства, он фиксирован в виде денег. Наконец, когда условия производства остаются в своей форме условий и не входят в процесс производства, капитал опять-таки фиксирован и обесценен. Капитал как субъект, проходящий через все фазы, как движущееся единство, как совершающее процесс единство обращения и производства, является *оборачивающимся* капиталом. Капитал как связанный сам в каждой из этих фаз, как положенный в своих *различиях*, является *фиксированным* капиталом, *скованным* капиталом. Как обращающийся капитал он сам себя фиксирует, а как фиксированный капитал он обращается.

Различие между *оборотным капиталом* и *основным капиталом* поэтому выступает прежде всего как определение формы капитала, смотря по тому, выступает ли капитал как единство [всего] процесса или как определенный момент процесса. Понятие *бездействующего капитала*, неиспользуемого капитала может относиться только к его пребыванию в неиспользуемом состоянии в одном из этих определений, и условием капитала является то, что часть его всегда остается неиспользуемой. Это проявляется в том, что часть национального капитала всегда застревает в одной из тех фаз, через которые должен пройти капитал. Поэтому даже *деньги*, поскольку они образуют особую часть национального капитала, но постоянно пребывают в форме средства обращения, т. е. никогда не проходят через другие фазы, рассматриваются А. Смитом как некая ложная форма

основного [фиксированного] капитала. Точно так же капитал может оставаться без использования, может быть закреплен [зафиксирован] и в форме денег как изъятой из обращения стоимости. В периоды кризисов, — *после* момента паники, — во время застоя в промышленности деньги закреплены [зафиксированы] в руках банкиров, биржевых маклеров и т. д., и как олень жаждет свежей воды [40], так деньги жаждут поля деятельности, для того чтобы быть использованными как капитал.

То обстоятельство, что определение оборотного и основного капитала прежде всего есть не что иное, как сам капитал в этих двух определениях, сначала как единство [всего] процесса, затем как его особая фаза, сам капитал как *отличающийся* от самого себя как единства, — не как два особых вида капитала, не как капитал двух особых видов, а как различные *формальные определения одного и того же капитала,* — вызвало большую путаницу в политической экономии. Если те или иные экономисты придерживались одной из сторон какого-нибудь материального продукта, согласно которой его следовало бы признать оборотным капиталом, то нетрудно было показать противоположную сторону этого продукта, и наоборот. Капитал как единство обращения и производства в то же время есть их различие, и притом различие в пространстве и во времени. В каждом из двух моментов форма капитала безразлична по отношению к другому моменту. Для отдельного капитала переход из одной формы в другую является случайным, зависящим от внешних, не поддающихся контролю обстоятельств. Поэтому *один и тот же* капитал всегда выступает в обоих определениях, а это находит свое выражение в том, что одна часть капитала выступает в одном определении, [VI—21] а другая — в другом. Одна часть капитала выступает как закрепленный капитал, другая часть — как обращающийся капитал. Обращающийся капитал берется здесь не в том смысле, будто он находится в *фазе собственно обращения* в отличие от *фазы производства,* а в том смысле, что в фазе, где он находится, он находится в ней как в *текучей* фазе, как в совершающей процесс фазе, переходящей в другую; ни в одной из фаз как таковой он не застревает, и, таким образом, ни в одной из фаз не тормозится его совокупный процесс.

Например: промышленник применяет в производстве только часть того капитала, которым он располагает (есть ли это взятый взаймы или собственный капитал, здесь это значения не имеет, а если рассматривать совокупный капитал, то это не имеет значения также и для экономического процесса), так как для другой части капитала требуется определенное время,

прежде чем она вернется из обращения. В таком случае часть капитала, совершающая процесс в производстве, является обращающейся, а находящаяся в обращении — фиксированной. Тем самым ограничена общая производительность капитала промышленника; ограничена воспроизводимая часть его капитала, ограничена поэтому и та часть его капитала, которая поступает на рынок.

Точно так же и у торговца: одна часть его капитала закреплена в виде *товарного запаса,* другая находится в обращении. И хотя у торговца, как и у промышленника, то одна, то другая часть капитала подходит под указанное определение, но его совокупный капитал всегда существует в обоих определениях.

С другой стороны, так как указанный предел, вытекающий из самой природы процесса увеличения стоимости, не является фиксированным, а изменяется в зависимости от обстоятельств, и поэтому капитал может приближаться к своему адекватному определению оборачивающегося капитала то в большей, то в меньшей степени; так как распадение капитала на два указанных определения — так что процесс увеличения стоимости вместе с тем является процессом обесценения — противоречит тенденции капитала к возможно большему увеличению стоимости, то капитал изобретает средства для того, чтобы сократить фазу закрепленности. Кроме того, вместо одновременного сосуществования капитала в обоих указанных определениях, они *чередуются друг с другом.* В один период процесс выступает как всецело текучий — это период наибольшего увеличения стоимости капитала; в другой период, представляющий собой реакцию на первый, тем сильнее проявляется другой момент — это период наибольшего обесценения капитала и приостановки процесса производства. Моменты, когда оба определения выступают рядом друг с другом, сами представляют собой только промежуточные периоды между этими бурными переходами и переворотами.

Весьма важно установить эти определения оборачивающегося и фиксированного капитала как *определения формы* капитала вообще, так как в противном случае не могут быть поняты многие явления буржуазной экономики: периоды экономического цикла, который существенно отличается от времени одного оборота капитала; влияние нового спроса; даже влияние на общее производство новых стран, производящих золото и серебро. Не к чему говорить о тех стимулах, которые дают [капиталистическому производству] австралийское золото или вновь открытый рынок. Если бы в природе капитала не было заложено то, что он никогда не может быть полностью занят

производством, т. е. всегда должен быть частично *фиксирован*, обесценен, непроизводителен, то никакие стимулы не могли бы принудить его к расширению производства. С другой стороны, перед нами те нелепые противоречия, в которые впадают экономисты — даже Рикардо, — предполагающие, что капитал всегда полностью занят производством, и поэтому объясняющие расширение производства исключительно только возникновением нового капитала. В таком случае всякое расширение производства должно было бы предполагать предшествующее расширение производства или предшествующее увеличение производительных сил.

Эти пределы производства, базирующегося на капитале, еще в гораздо большей степени свойственны прежним способам производства, поскольку они основаны на обмене. Но эти пределы не представляют собой закона производства вообще. Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями. Если выше мы видели, что деньги преодолевают границы меновой торговли лишь тем путем, что они придают им всеобщий характер, т. е. совершенно отделяют друг от друга куплю и продажу *, — то дальше мы увидим, что *кредит* преодолевает указанные границы увеличения стоимости капитала также только тем путем, что он придает им наиболее всеобщую форму, устанавливая в качестве двух периодов периоды перепроизводства и недопроизводства.

[2)] ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ. [ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ И РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ. [ОБОРОТ КАПИТАЛА И УВЕЛИЧЕНИЕ СТОИМОСТИ КАПИТАЛА]

Та стоимость, которую капитал полагает в течение одного периода обращения, одного *оборота*, равна стоимости, положенной в процессе производства, т. е. равна воспроизведенной стоимости плюс вновь созданная стоимость. Будем ли мы считать окончанием оборота тот пункт, где товар превратился в деньги, или тот пункт, где деньги обратно превратились в условия производства, — результат оборота, выражен ли он в деньгах или в условиях производства, всегда абсолютно равен стоимости, положенной в процессе производства. Здесь мы

* См. настоящий том, часть I, стр. 92—94. *Ред.*

приравниваем к нулю физическую доставку продукта на рынок; или, вернее, мы включаем ее в непосредственный процесс производства. Экономическое обращение продукта начинается только после того, как он очутился в виде товара на рынке — только тогда он обращается. Здесь речь идет только об экономических различиях, определениях, моментах обращения, а не о физических условиях перехода готового продукта в качестве товара во вторую фазу — в обращение; столь же мало нас касается тот технологический процесс, посредством которого сырье было превращено в продукт. Бóльшая или меньшая отдаленность рынка от производителя и т. д. нас здесь еще не касается.

Прежде всего мы хотим констатировать, что издержки, проистекающие из прохождения [капитала] через различные экономические моменты как таковые, *издержки обращения* как таковые, ничего не добавляют к стоимости продукта, не являются издержками, полагающими стоимость, какой бы труд ни был связан с этими процессами. Они представляют собой всего лишь *вычеты из созданной* стоимости. Если бы каждый из двух индивидов сам являлся производителем своего продукта, но их труд был бы основан на разделении труда, так что они взаимно обменивались бы между собой и использование их продукта для удовлетворения их потребностей зависело бы от этого обмена, — то очевидно, что то время, которое требуется им для обмена, т. е. для того, чтобы торговаться, высчитывать, прежде чем они сговорятся между собой, ровно ничего не добавит ни к их продуктам, ни к меновой стоимости этих продуктов.

Если бы *A* заявил *B*, что обмен отнимает у него столько-то времени, то *B* точно так же поступил бы по отношению к *A*. Каждый из них теряет при обмене точно такое же количество времени, как и другой. Время обмена у них общее. Если бы *A* потребовал за свой продукт 10 талеров — его эквивалент — и еще 10 талеров за то время, которое нужно ему для того, чтобы получить от *B* эти 10 талеров, то *B* сказал бы, что *A* вполне созрел для помещения в сумасшедший дом. Эта потеря времени проистекает из разделения труда и необходимости обмена. Если бы *A* производил все сам, то он не стал бы терять часть своего времени на обмен с *B* или на превращение своего продукта в деньги, а денег — снова в продукт.

Издержки обращения в собственном смысле (а в денежном хозяйстве [Geldgeschäft] они получают большое самостоятельное развитие) несводимы к производительному рабочему времени. А по своей природе они и ограничиваются тем временем,

которое необходимо для превращения товара в деньги, а денег — снова в товар, т. е. тем временем, которое требуется для перевода капитала из одной формы в другую. Если бы *В* и *А* нашли, что они могут сэкономить время, взявши посредником третье лицо *С*, которое отдаст свое время этому *процессу обращения* — при обстоятельствах, которые, например, могли бы наступить, если бы имелось достаточное количество участников обмена, достаточное количество субъектов процессов обращения для того, чтобы время, затрачиваемое [на акты обмена] поочередно каждым из них в течение года, в сумме равнялось бы одному году; если бы, положим, каждый индивид должен был поочередно тратить $^1/_{50}$ года на акт обращения, а их всего было бы 50, — тогда один индивид мог бы посвятить все свое время этому занятию. Для этого индивида, если бы ему оплачивали только его необходимое рабочее время, т. е. если бы он все свое время должен был отдавать в обмен на жизненные средства, то вознаграждение, которое он получал бы, представляло бы собой заработную плату. А если бы он ставил в счет все свое время, то плата, которую он получал бы, представляла бы собой эквивалент, объективированное рабочее время. Так вот, этот индивид ничего не добавил бы к стоимости, а только делил бы с капиталистами *А*, *В* и т. д. их прибавочную стоимость. Они на этом выиграли бы, так как, согласно предположению, вычет из их прибавочной стоимости [на операции по обмену] уменьшился бы. (Капитал не является ни простым количеством, ни простой операцией; но он есть и то, и другое одновременно.)

Сами *деньги*, — [VI—22] поскольку они состоят из драгоценных металлов или поскольку вообще их производство, например даже при бумажном обращении, связано с издержками, т. е. поскольку они сами требуют рабочего времени, — ничего не добавляют к стоимости обмениваемых предметов, меновых стоимостей; наоборот, издержки производства денег представляют собой вычет из обмениваемых стоимостей, вычет, который ложится в соответствующих долях на участников обмена. Ценность [die Kostbarkeit] орудий обращения, орудий обмена выражает только *издержки обмена*. Вместо того чтобы добавлять, они отнимают часть стоимости. Золотые и серебряные деньги, например, сами являются стоимостями, *как и другие* стоимости (они являются ими не в смысле денег), поскольку в них овеществлен труд. Но то, что эти стоимости служат *средствами обращения*, представляет собой вычет из имеющегося в наличии богатства.

Точно так же обстоит дело и с производственными издержками обращения капитала. Обращение капитала ничего

не добавляет к стоимостям. *Издержки обращения* как таковые *не полагают стоимости*, а представляют собой *издержки реализации стоимостей* — вычеты из стоимостей. *Обращение выступает как ряд превращений*, которые проделывает капитал, но с точки зрения стоимости оно ничего не добавляет к капиталу, а только полагает его в *форме* стоимости. Та потенциальная стоимость, которая посредством обращения превращается в деньги, дана как результат процесса производства. Поскольку указанный ряд процессов обращения протекает во времени и требует издержек, затрат рабочего времени или овеществленного труда, эти *издержки обращения* представляют собой вычеты из имеющегося количества стоимости.

Если издержки обращения принять равными нулю, то с точки зрения стоимости результат *одного* оборота капитала равен стоимости, созданной в процессе производства. Это означает, что в этом случае стоимость, предпосланная обращению, есть та стоимость, которая выходит из обращения. Самое большее: в результате издержек обращения из него может выйти меньшая стоимость, чем та, которая вошла в него. С этой точки зрения время обращения ничего не добавляет к стоимости; время обращения не выступает наряду с рабочим временем как время, создающее стоимость. Если в процессе производства товара создана стоимость, равная 10 ф. ст., то для того, чтобы приравнять произведенный товар к этим 10 ф. ст., т. е. к его стоимости, существующей в виде денег, необходимо обращение. Издержки, вызываемые этим процессом, этой переменой формы, являются вычетом из стоимости товара. *Обращение капитала представляет собой изменение формы, которое претерпевает стоимость, проходя через различные фазы*. То *время*, которое требуется для нормального осуществления этого процесса, принадлежит *к производственным издержкам обращения, разделения труда, производства, основанного на обмене*.

Все сказанное выше относится к *одному обороту капитала*, т. е. к однократному прохождению капитала через эти различные моменты своего процесса. Исходной точкой процесса капитала как стоимости являются деньги, а заканчивается он тоже деньгами, но бо̀льшим количеством денег. Различие чисто количественное. Формула *Д — Т — Т — Д*, таким образом, приобрела содержание. Если мы рассматриваем обращение капитала до этого пункта, то мы снова оказываемся у исходного пункта. Капитал снова превратился в деньги. Но вместе с тем теперь дано и стало условием то, что эти деньги должны снова превратиться в капитал, должны посредством покупки труда, посредством прохождения через процесс производства стать умно-

жающими себя и сохраняющими себя деньгами. Денежная форма капитала является всего лишь формой, одной из многих форм, через которые капитал проходит в процессе своего метаморфоза.

Но если мы рассмотрим этот пункт не как конечный пункт, а так, как мы должны его теперь рассматривать — как промежуточный пункт, или как новый исходный пункт, как такой пункт, который сам дан процессом производства в качестве исчезающего конечного пункта и только кажущегося исходного пункта, — то становится ясным, что обратное превращение стоимости, существующей в виде денег, в стоимость, совершающую процесс, вступающую в процесс производства, — т. е. что *возобновление процесса производства* — может иметь место только тогда, когда завершена отличающаяся от процесса производства часть процесса обращения.

Второй оборот капитала, обратное превращение денег в капитал как таковой, или возобновление процесса производства, зависит от того, сколько времени требуется капиталу для завершения своего обращения, т. е. зависит от *времени обращения* капитала, которое рассматривается здесь в его отличии от времени производства. Но так как мы видели, что совокупная стоимость, созданная капиталом (как воспроизведенная, так и вновь созданная стоимость), которая как стоимость реализуется в обращении, определяется исключительно процессом производства, — то сумма стоимостей, которые могут быть созданы в течение определенного промежутка времени, зависит от количества повторений процесса производства за этот период. А повторение процесса производства определяется временем обращения, которое равно скорости обращения. Чем быстрее происходит обращение, чем короче время обращения, тем чаще тот же самый капитал может повторять процесс производства. Следовательно, сумма стоимостей (а стало быть, и прибавочных стоимостей, так как капитал полагает необходимый труд всегда лишь как труд, необходимый для прибавочного труда), созданных за определенный цикл оборотов капитала, *прямо пропорциональна рабочему времени и обратно пропорциональна времени обращения*. Созданная за определенный цикл совокупная стоимость (следовательно, также и сумма созданных за этот период прибавочных стоимостей) равна рабочему времени, помноженному на число оборотов капитала.

Иными словами, созданная капиталом прибавочная стоимость теперь уже не определяется просто прибавочным трудом, присвоенным капиталом в процессе производства, а определяется коэффициентом процесса производства, т. е. цифрой,

выражающей число повторений процесса производства в течение данного промежутка времени. А этот коэффициент определяется временем обращения, требующимся для одного оборота капитала. Таким образом, сумма стоимостей (в том числе и прибавочных стоимостей) определяется стоимостью, созданной за один оборот, помноженной на число оборотов в течение определенного промежутка времени. Один оборот капитала равен времени производства плюс время обращения. При данном времени обращения совокупное время, требующееся для одного оборота, зависит от времени производства. При данном времени производства продолжительность оборота зависит от времени обращения. Время обращения, поскольку оно определяет совокупную массу времени производства в течение данного промежутка времени, поскольку от него зависит повторение процесса производства, его возобновление в данный период, — само является поэтому моментом производства, или, вернее, оно выступает как предел производства.

Природа капитала, природа основанного на нем производства такова, что время обращения становится моментом, определяющим рабочее время, определяющим созидание стоимости. Тем самым отрицается самостоятельность рабочего времени, и процесс производства сам выступает как определяемый обменом, так что общественная связь и зависимость от нее фигурируют в непосредственном производстве не только как материальный момент, но и как *экономический* момент, как определение формы. Максимум обращения — предел возобновления процесса производства посредством обращения — очевидно, определяется продолжительностью времени производства в течение одного оборота.

Предположим, что процесс производства определенного капитала, — т. е. то время, которое требуется капиталу для того, чтобы воспроизвести свою стоимость и создать прибавочную стоимость (иначе говоря, время, необходимое для изготовления такого количества продукта, которое равно совокупной стоимости производящего капитала плюс прибавочная стоимость), — продолжается три месяца. Тогда капитал ни при каких обстоятельствах не мог бы возобновлять процесс производства, или процесс увеличения стоимости, чаще, чем 4 раза в год. Максимальным количеством оборотов капитала было бы 4 оборота в год, т. е. в этом случае не было бы никаких перерывов между окончанием одной фазы производства и возобновлением другой. Максимальное количество оборотов соответствовало бы непрерывности процесса производства, так что, как только продукт был бы завершен, новое сырье снова перераба-

тывалось бы в продукт. Эта непрерывность не сводилась бы всего лишь к непрерывности внутри одной [VI—23] фазы производства, а имела бы место *непрерывность самих этих фаз*.

Предположим теперь, что в конце каждой фазы капиталу требуется один месяц времени обращения, для того чтобы снова принять форму условий производства, так что капитал мог бы совершить за год только три оборота. В первом случае число оборотов равно 1 фазе, помноженной на 4; или равно 12 месяцам, деленным на 3. Максимум капиталистического созидания стоимости за данный промежуток времени равен этому промежутку времени, деленному на длительность процесса производства (на время производства). Во втором случае капитал совершил бы только 3 оборота за год; процесс увеличения стоимости повторился бы только 3 раза. Количество процессов увеличения стоимости такого капитала было бы, следовательно, равно 12 : 4 = 3. Делителем здесь является совокупное время обращения, которое требуется для капитала — 4 месяца; или то время обращения, которое требуется капиталу для одной фазы производства [т. е. 1 месяц], помноженное на число, выражающее отношение 12 месяцев года к 3 месяцам этого времени обращения в пределах одного года [т. е. помноженное на 4].

В первом случае число оборотов равно 12 месяцам, году, т. е. данному времени, деленному на время одной фазы производства, или на длительность времени самого производства. Во втором случае оно равно тому же самому времени, деленному на [совокупное] время обращения. Максимум увеличения стоимости капитала, так же как и непрерывности процесса производства, имеет место в том случае, когда время обращения предположено равным нулю; это означает, следовательно, что устранены те условия, при которых производит капитал, устранена его ограниченность временем обращения, необходимость проходить различные фазы своего метаморфоза. Необходимой тенденцией капитала является стремление приравнять время обращения к нулю, т. е. устранить самого себя, так как только благодаря капиталу время обращения становится моментом, определяющим время производства. Это равносильно устранению необходимости обмена, денег и покоящегося на обмене и деньгах разделения труда, т. е. равносильно устранению самого капитала.

Если мы пока отвлечемся от превращения прибавочной стоимости в добавочный капитал, то капитал, равный 100 талерам, который в процессе производства произвел бы 4% прибавочной стоимости на весь капитал, в первом случае был бы воспроизведен 4 раза и в конце года дал бы 16% прибавочной стоимости.

Капитал был бы в конце года равен 116 талерам. Получилось бы то же самое, как если бы капитал, равный 400 талерам, совершил один оборот за год при тех же 4% прибавочной стоимости. В отношении годового производства товаров и стоимостей прибавочная стоимость [при четырех оборотах в год] учетверилась бы. Во втором случае капитал в 100 талеров создал бы только 12% прибавочной стоимости, и в конце года совокупный капитал был бы равен 112 талерам. Что касается годового продукта — как в отношении стоимостей, так и в отношении потребительных стоимостей, — то различие здесь еще значительнее. В первом случае, например, при капитале в 100 талеров превращено в сапоги на 400 талеров кожи, а во втором случае — только на 300 талеров.

Увеличение совокупной стоимости капитала поэтому определяется длительностью фазы производства, — которую мы здесь пока еще отождествляем с рабочим временем, — помноженной на число оборотов, или возобновлений этой производственной фазы в течение данного промежутка времени. Если бы обороты определялись только длительностью фазы производства, то увеличение совокупной стоимости просто определялось бы числом фаз производства, содержащихся в данном промежутке времени; иначе говоря, обороты абсолютно определялись бы самим временем производства. *Это был бы максимум увеличения стоимости*. Отсюда ясно, что рассматриваемое абсолютно время обращения представляет собой вычет из максимума увеличения стоимости, уменьшает абсолютное увеличение стоимости. Поэтому невозможно, чтобы какая бы то ни было скорость обращения, или какое бы то ни было сокращение времени обращения могли привести к большему увеличению стоимости, чем то увеличение стоимости, которое дано самой фазой производства. Тем максимумом, который могла бы дать скорость обращения, если бы она возросла до ∞, было бы превращение времени обращения в нуль, т. е. его самоустранение. Поэтому время обращения не может быть положительным моментом, созидающим стоимость, так как его устранение — обращение без времени обращения — означало бы максимум увеличения стоимости, его отрицание было бы равносильно наивысшему утверждению производительности капитала. {Производительность капитала как капитала представляет собой не производительную силу, увеличивающую количество потребительных стоимостей, а его способность создавать стоимости; ту степень, в которой он производит стоимость.} Общая производительность капитала равняется длительности одной фазы производства, помноженной на число ее повторений за определенный

период. А число этих повторений определяется временем обращения.

Предположим, что капитал в 100 талеров совершает за год 4 оборота, т. е. 4 раза осуществляет процесс производства. Тогда, если прибавочная стоимость каждый раз составляет 5%, то прибавочная стоимость, созданная к концу года, была бы равна 20 талерам для капитала в 100 талеров; с другой стороны, для капитала в 400 талеров, который совершает один оборот в год при той же процентной норме, она тоже была бы равна 20 талерам. Таким образом, капитал в 100 талеров при 4 оборотах в год дает 20% прибыли, в то время как вчетверо больший капитал при одном обороте дает только 5% прибыли. (При ближайшем рассмотрении тотчас выяснится, что прибавочная стоимость здесь совершенно одинакова.) Таким образом, величина капитала, по-видимому, может быть заменена скоростью обращения, а скорость обращения — величиной капитала. Отсюда получается видимость того, что время обращения само по себе производительно. Поэтому, воспользовавшись данным примером, необходимо выяснить этот вопрос.

Возникает также и другой вопрос: если 100 талеров совершают 4 оборота в год, принося каждый раз, предположим, 5%, то в начале второго оборота можно приступить к процессу производства со 105 талерами, а продукт составлял бы $110^{1}/_{4}$ талера; капитал в начале *третьего оборота* был бы равен $110^{1}/_{4}$ талера, а продукт — $115^{61}/_{80}$ талера; капитал в начале четвертого оборота составляет $115^{61}/_{80}$ талера, а в конце его — $121^{881}/_{1600}$ талера. Сами числа здесь роли не играют. Суть дела в том, что если капитал в 400 талеров совершает за год только один оборот при норме прибыли в 5%, то прибыль может быть равна только 20 талерам; напротив, если вчетверо меньший капитал совершает 4 оборота в год при той же норме прибыли, то его прибыль больше на $1 + {}^{881}/_{1600}$ талера. Таким образом, выходит, что благодаря одному лишь моменту оборота — благодаря повторению, — т. е. благодаря моменту, определяемому временем обращения, или, вернее, благодаря моменту, определяемому *обращением*, стоимость не только реализуется, но и абсолютно возрастает. Это также необходимо исследовать.

Время обращения выражает лишь скорость обращения; скорость обращения представляет собой лишь предел, образуемый обращением. *Обращение без времени обращения* — т. е. переход капитала из одной фазы в другую с той же скоростью, с какой совершается смена понятий — было бы максимумом, т. е. совпадением возобновления процесса производства с его окончанием.

Акт обмена — а экономические операции, посредством которых совершается обращение, сводятся к ряду последовательных обменов, вплоть до того пункта, где капитал относится не как товар к деньгам или как деньги к товару, а как стоимость к своей специфической потребительной стоимости, к труду, — акт обмена стоимости в одной форме на стоимость в другой форме, денег на товар или товара на деньги (а это — моменты простого обращения), полагает стоимость одного товара в другом товаре и таким путем реализует его как меновую стоимость; или же полагает товары в качестве эквивалентов. Следовательно, акт обмена потому *полагает стоимости,* что они предположены; он реализует *определение* объектов обмена как стоимостей. Но такой акт, который полагает товар в качестве *стоимости,* или, что то же самое, делает другой товар его *эквивалентом,* или, что опять то же самое, устанавливает *равноценность* обоих товаров, — очевидно, так же ничего не добавляет к самой стоимости, как знак $\pm$ не увеличивает и не уменьшает цифру, стоящую за ним.

Когда я беру 4 со знаком плюс или минус, то при этой операции 4, независимо от знаков, остается равным самому себе, а не превращается в 3 или в 5. Точно так же, если я [VI—24] меняю один фунт хлопка, стоящий 6 пенсов, на 6 пенсов, то он положен как стоимость, и можно также сказать, что 6 пенсов положены как стоимость в одном фунте хлопка; иначе говоря, содержащееся в 6 пенсах рабочее время (здесь 6 пенсов рассматриваются как *стоимость*) теперь выражено в другой материализации того же самого рабочего времени. Но так как посредством акта обмена как фунт хлопка, так и 6 пенсов медью приравниваются к своей стоимости, то невозможно, чтобы в результате этого обмена количественно возросла стоимость будь то хлопка, будь то шести пенсов, будь то сумма их стоимостей.

Будучи полаганием эквивалентов, обмен меняет лишь форму, реализует потенциально существующие стоимости, — если угодно, реализует цены. Полагание эквивалентов, например полагание в качестве эквивалентов товаров *a* и *b*, не может повысить стоимость товара *a,* так как это есть такой акт, посредством которого товар *a* приравнивается к своей собственной стоимости, т. е. берется не как нечто неравное ей; он неравен ей только в отношении формы, поскольку прежде он не был положен как стоимость; вместе с тем это есть такой акт, посредством которого стоимость товара *a* приравнивается к стоимости товара *b,* а стоимость товара *b* приравнивается к стоимости товара *a.* Сумма обмененных стоимостей равна стоимости товара *a* плюс стоимость товара *b*. Каждый из товаров остается равным своей

собственной стоимости; следовательно, их сумма равна сумме их стоимостей. Поэтому обмен, как *полагание эквивалентов,* по своей природе не может увеличить ни сумму стоимостей, ни стоимость обмененных товаров. (То обстоятельство, что при обмене на труд дело обстоит иначе, объясняется тем, что потребительная стоимость труда сама *создает стоимость,* но это непосредственно не связано с меновой стоимостью труда.)

Подобно тому как одна операция обмена не может увеличить стоимость обмененного, так этого не может сделать и сумма меновых сделок.

{Выяснить это совершенно необходимо, так как распределение прибавочной стоимости между капиталами, *расчет* совокупной прибавочной стоимости между отдельными капиталами — эта *вторичная* экономическая операция — вызывает такие явления, которые в обычной политической экономии смешиваются с первичными операциями.}

Повторил ли я акт, не создающий стоимости, один раз или бесконечное множество раз, от этого повторения он не меняет свою природу. Повторение не создающего стоимость акта никогда не может стать актом, создающим стоимость. Например, $^1/_4$ выражает определенную пропорцию. Если я превращу эту $^1/_4$ в десятичную дробь, т. е. если я приравняю ее к 0,25, то изменится ее форма. При таком изменении формы сама величина дроби остается той же самой. Точно так же, когда я превращаю товар в форму денег или деньги в форму товара, стоимость остается той же самой, но ее форма изменяется.

Итак, ясно, что обращение — так как оно сводится к ряду операций, представляющих собой обмен эквивалентов, — не может увеличивать стоимость обращающихся товаров. Поэтому если для осуществления этой операции требуется рабочее время, т. е. если для этого должны быть потреблены стоимости (ибо всякое потребление стоимостей сводится к потреблению рабочего времени или овеществленного рабочего времени, продуктов), если, следовательно, обращение вызывает издержки, а время обращения требует затрат рабочего времени, то это — вычет, относительное уменьшение обращающихся стоимостей, обесценение их в размере издержек обращения.

Если представить себе двух работников, обменивающихся друг с другом, рыбака и охотника, то время, которое оба они теряют на обмен, не дает ни рыбы, ни дичи, а представляет собой вычет из того времени, в течение которого оба они могут создавать стоимости, один — ловить рыбу, другой — охотиться, овеществляя свое рабочее время в какой-нибудь потребительной стоимости. Если бы рыбак захотел вознаградить себя за

этот убыток за счет охотника, потребовав себе больше дичи или отдав ему меньше рыбы, то тот с таким же правом мог бы поступить точно так же. Убыток был бы для них общим. Эти издержки обращения, издержки обмена могли бы представлять собой только вычет из совокупного производства обоих работников и совокупного созидания ими стоимостей. Если бы они поручили производить этот обмен третьему лицу *C* и, таким образом, не теряли бы на это непосредственно рабочего времени, то каждый из них должен был бы отдавать посреднику *C* соответственную долю своего продукта. При этом они могли бы добиться лишь некоторого уменьшения убытка. Но если бы они работали как коллективные собственники, то имел бы место не обмен, а коллективное потребление. Поэтому издержки обмена отпали бы. Отпало бы не разделение труда [вообще], а разделение труда, основанное на обмене. Поэтому неправилен взгляд Дж. Ст. Милля на издержки обращения как на *необходимую цену разделения труда* *. Это лишь издержки стихийного разделения труда, основанного не на общности собственности, а на частной собственности.

Издержки обращения как таковые, т. е. вызванное операцией обмена, рядом меновых операций потребление рабочего времени или овеществленного рабочего времени, стоимостей, представляют собой поэтому вычет либо из времени, затрачиваемого на производство, либо из стоимостей, созданных производством. Издержки обращения никогда не могут увеличить стоимость. Они принадлежат к числу *faux frais de production* **, и эти faux frais de production представляют собой имманентные издержки производства, основанного на капитале. Купеческое дело [Kaufmannsgeschäft], а еще больше денежное дело [Geldgeschäft] в собственном смысле — поскольку они именно тем и занимаются, что совершают операции обращения как такового, т. е., например, производят определение цен (измерение стоимостей и их исчисление), вообще осуществляют эти меновые операции в качестве функции, ставшей самостоятельной вследствие разделения труда, воплощают в себе эту функцию совокупного процесса капитала — представляют собой всего лишь faux frais de production капитала. В той мере, в какой они уменьшают эти faux frais, они прибавляют нечто к производству, но не потому, что создают стоимость, а потому, что уменьшают отрицание созданных стоимостей. Если бы они выполняли только такие функции, то они всегда представляли бы лишь минимум ука-

* См. настоящий том, часть II, стр. 116. *Ред.*

** — побочных (непроизводительных) издержек производства. *Ред.*

ванных faux frais de production. Если они дают возможность производителям создавать больше стоимостей, чем это было бы возможно без такого разделения труда, и притом настолько больше, что после оплаты этой функции остается некоторый излишек, то фактически они увеличивают производство. Однако стоимости увеличились здесь не потому, что операции обращения создали стоимость, а потому, что они поглотили меньше стоимости, чем сделали бы это в ином случае. Но эти операции обращения представляют собой необходимое условие для производства капитала.

То время, которое капиталист теряет на обмен, не является, как таковое, вычетом из рабочего времени. Капиталистом, т. е. представителем капитала, персонифицированным капиталом он является лишь в той мере, в какой он относится к труду как к чужому труду, присваивает себе чужое рабочее время и полагает его. Следовательно, издержки обращения, коль скоро *они отнимают время у капиталиста*, не существуют. Его время определяется как *избыточное время:* как *нерабочее время*, как время, *не создающее стоимости*, несмотря на то, что именно капитал реализует созданную стоимость. То обстоятельство, что рабочий вынужден работать в течение прибавочного рабочего времени, тождественно с тем, что капиталисту не нужно работать и что, таким образом, его время определяется как нерабочее время, так что он не работает даже и в течение *необходимого рабочего времени*. Рабочий вынужден работать в течение прибавочного времени для того, чтобы получить возможность овеществить, реализовать, т. е. объективировать необходимое для своего воспроизводства рабочее время. Поэтому, с другой стороны, также и *необходимое рабочее время* капиталиста представляет собой *свободное время*, время, не требующееся для поддержания непосредственного существования. Так как всякое *свободное время* есть время для свободного развития, то капиталист узурпирует *свободное время*, созданное рабочими для общества, т. е. узурпирует цивилизацию, и Уэйд в этом смысле опять-таки прав, когда он отождествляет капитал и цивилизацию *.

Время обращения — поскольку оно отнимает время у капиталиста как такового — касается нас, с экономической точки зрения, столько же, как то время, которое он проводит со своей содержанкой. Если время — деньги, то, с точки зрения капитала, это относится только к чужому рабочему времени, которое, действительно, в самом собственном смысле слова

* См. настоящий том, часть II, стр. 80. *Ред.*

представляет собой деньги капитала. В отношении капитала как такового время обращения лишь в том смысле может совпадать с рабочим временем, что оно прерывает то время, в течение которого капитал может присваивать себе чужое рабочее время; причем ясно, что это относительное обесценение капитала не может увеличить, а может только уменьшить возрастание стоимости капитала. Или же время обращения в том смысле совпадает с рабочим временем, что обращение требует от капитала затраты объективированного чужого рабочего времени, стоимостей. [VI—25] (Например, если капитал должен платить какому-нибудь другому капиталу, который берет на себя эту функцию.) В обоих случаях время обращения принимается во внимание лишь в той мере, в какой оно представляет собой уничтожение, отрицание чужого рабочего времени, прерывает ли оно процесс присвоения капиталом этого чужого рабочего времени или заставляет капитал потребить часть созданных стоимостей для того, чтобы совершать операции обращения, т. е. для того, чтобы полагать себя как капитал. (Это следует строго отличать от личного потребления капиталиста.)

Время обращения принимается во внимание только в его отношении к времени производства капитала в качестве его предела или отрицания; но это время производства есть то время, в течение которого капитал присваивает себе чужой труд, обусловленное им чужое рабочее время. Происходит величайшая путаница, когда время, которое капиталист расходует на обращение, рассматривают как время, создающее стоимость или даже прибавочную стоимость. У капитала как такового нет никакого рабочего времени помимо времени его производства. До капиталиста нам здесь нет абсолютно никакого дела, если только он не выступает как [персонифицированный] капитал. Да и как капитал он функционирует только в том совокупном процессе [всех капиталов в их взаимодействии друг с другом], который нам предстоит рассмотреть. Иначе можно было бы вообразить еще, что *капиталист может заставить компенсировать себя за то время, в течение которого он не зарабатывает денег как наемный рабочий другого капиталиста* — или за то, что он *теряет это время*. Оно, дескать, принадлежит к числу издержек производства. То время, которое он теряет или использует как капиталист, с этой точки зрения вообще представляет собой *потерянное время*, истраченное даром. Так называемое *рабочее время капиталиста*, которое, в отличие от рабочего времени рабочего, должно будто бы составлять основу его *прибыли* как особого рода заработной платы, — следует рассмотреть впоследствии.

Очень часто к чистым издержкам обращения причисляют транспорт и т. д., поскольку он связан с торговлей. Поскольку торговля доставляет продукт на рынок, она придает ему новую форму. Правда, она изменяет только его пространственное бытие. Но способ изменения формы нас не касается. Торговля придает продукту новую потребительную стоимость (и это имеет силу [для торговли в целом] сверху донизу, вплоть до розничного торговца, который развешивает, измеряет, упаковывает и таким путем придает продукту форму, пригодную для потребления), а эта новая потребительная стоимость требует рабочего времени и, следовательно, одновременно является меновой стоимостью. Доставка на рынок относится к самому процессу производства. Продукт только тогда является товаром, только тогда находится в обращении, когда он находится на рынке.

[3) ШТОРХ ОБ ОБРАЩЕНИИ КАПИТАЛА.] ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАПИТАЛА. ГОД КАК МЕРА ОБОРОТОВ ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА

{«В каждой отрасли промышленности предприниматели становятся продавцами продуктов, в то время как вся остальная нация, а часто даже и чужие нации являются покупателями этих продуктов... Постоянное, повторяющееся беспрерывно, движение *оборотного капитала*, уходящего от предпринимателя и возвращающегося к нему в своей первоначальной форме, можно сравнить с кругом, который им описывается; отсюда название оборотного, которое носит капитал, и название обращения — для его движения» (*Storch*. Cours d'économie politique. Tome I, Paris, 1823, стр. 404—405).

«В более широком смысле слова обращение охватывает движение всякого товара, который обменивается» (стр. 405). «Обращение происходит посредством актов обмена... Со времени введения денег товары уже не обмениваются, а продаются» (стр. 405—406). «Для того чтобы товар находился в обращении, достаточно предложения... Богатство в обращении: *товар*» (стр. 407). «Торговля есть только часть обращения; торговля охватывает покупки и продажи, производимые только торговцами; обращение — покупки и продажи, производимые всеми предпринимателями и даже всеми... жителями» (стр. 408).

«Лишь до тех пор пока *издержки* обращения необходимы для того, чтобы *довести товары до потребителя*, обращение является реальным, и *его стоимость* увеличивает годовой продукт. С того момента, когда обращение переходит за этот предел, оно становится излишним и уже ничем не способствует обогащению нации» (стр. 409). «За последние годы мы видели примеры излишнего обращения в России, в Санкт-Петербурге. Застой внешней торговли побудил торговцев иным образом использовать свои бездействующие капиталы, и так как они уже не могли использовать их для импорта иностранных товаров и для экспорта отечественных товаров, они решили извлечь прибыль путем покупки и перепродажи тех товаров, которые находились на месте. Огромные партии сахара, кофе, пеньки, железа и т. д. быстро переходили из рук в руки, и часто товар,

не выходя со склада, двадцать раз менял собственника. Подобного рода обращение предоставляет торговцам все возможности для азартной игры, но в то время как оно обогащает одних, оно разоряет других, и национальное богатство на этом ничего не выигрывает. То же самое имеет место и в денежном обращении... Подобного рода излишнее обращение, которое основано только на простом изменении цен, называют ажиотажем» (стр. 410—411). «Обращение выгодно обществу лишь в том случае, если оно необходимо для доставки товаров потребителю. Всякий окольный путь, всякая задержка, всякий промежуточный обмен, не являющийся абсолютно необходимым для достижения этой цели или не содействующий *уменьшению издержек обращения,*— вредят национальному богатству, напрасно повышая цены товаров» (стр. 411).

«Обращение является тем более производительным, чем быстрее оно совершается, т. е. чем меньше времени оно отнимает у предпринимателя для того, чтобы он мог сбыть готовый продукт, который он выносит на рынок, и чтобы его капитал вернулся к нему в его первоначальной форме» (стр. 411). «Предприниматель может возобновить производство лишь после того, как он продаст готовый продукт, а вырученные деньги употребит на покупку нового сырья и на новую заработную плату; следовательно, чем скорее обращение приводит к этим двум результатам, тем скорее он получает возможность возобновить производство и тем больше продуктов дает его капитал в течение данного промежутка времени» (стр. 411—412). «Нация, капитал которой обращается с быстротой, достаточной для того, чтобы несколько раз в год возвращаться к тому, кто впервые привел его в движение, находится в том же положении, как земледелец в счастливом климате, который может в течение года снять с того же самого участка земли три или четыре урожая» (стр. 412—413). «Медленное обращение удорожает предметы потребления 1) косвенно, путем уменьшения той массы товаров, которая могла бы существовать; 2) непосредственно, так как пока продукт находится в обращении, *его стоимость прогрессивно* возрастает в результате рент с капитала, затраченного на его производство; чем медленнее совершается обращение, тем больше накопляются эти ренты, что без пользы повышает цену товара». «Средства для сокращения и ускорения обращения: 1) выделение класса работников, которые занимаются исключительно торговлей; 2) удобный транспорт; 3) деньги; 4) кредит» (стр. 413).}

Простое обращение состояло из множества одновременных или последовательных актов обмена. Их единство, рассматриваемое как обращение, существовало, собственно говоря, только с точки зрения наблюдателя. (Обмен может быть случайным, и он носит более или менее такой характер там, где он ограничивается обменом излишков, а не охватывает процесс производства в целом.) В обращении капитала мы имеем ряд меновых операций, меновых актов, каждый из которых представляет по отношению к другим некоторый качественный момент, момент в воспроизводстве и возрастании капитала. Здесь имеет место система актов обмена, представляющая собой обмен веществ, поскольку рассматривается потребительная стоимость, и смену форм, поскольку рассматривается стоимость как таковая. Продукт относится к товару как потребительная стоимость к меновой стоимости; таким же образом товар относится к день-

гам. Здесь один ряд достигает своей вершины. Деньги относятся к товару, в который они обратно превращаются, как меновая стоимость к потребительной стоимости; и тем более так деньги относятся к труду.

[VI—26] Поскольку капитал в каждый момент процесса сам представляет собой возможность своего перехода в другую, следующую фазу и, таким образом, возможность всего процесса, выражающего жизненный акт капитала, постольку каждый из этих моментов потенциально является капиталом — отсюда товарный капитал, денежный капитал — наряду с той стоимостью, которая полагает себя как капитал в процессе производства. Товар может представлять капитал, пока этот товар может превращаться в деньги и, следовательно, покупать наемный труд (прибавочный труд). Так обстоит дело со *стороны формы*, возникающей из обращения капитала. С вещественной стороны товар остается капиталом до тех пор, пока этот товар представляет собой сырье (в собственном смысле или полуфабрикат), орудие, жизненные средства для рабочих. Каждая из этих форм есть потенциальный капитал. Деньги, с одной стороны, представляют собой реализованный капитал, капитал в качестве реализованной стоимости. С этой стороны деньги (рассматриваемые как конечный пункт обращения, где они вместе с тем должны рассматриваться и как исходный пункт) являются капиталом κατ' ἐξοχήν *. А затем деньги являются опять-таки капиталом особенно в их отношении к процессу производства, поскольку они обмениваются на живой труд. При обмене денег на товар (новая покупка сырья и т. д.), производимом капиталистами, деньги, напротив, являются не капиталом, а средством обращения, всего лишь мимолетным опосредствованием, при помощи которого капиталист обменивает свой продукт на элементы, его образующие.

Обращение не является для капитала всего лишь внешней операцией. Если капитал возникает только в процессе производства, посредством которого стоимость увековечивается и возрастает, то в чистую *форму* стоимости — где стерлись как следы его становления, так и его специфическое бытие в виде потребительной стоимости — он вновь превращается только посредством первого акта обращения, в то время как повторение процесса производства, т. е. жизненного процесса капитала, возможно только посредством второго акта обращения, который состоит в обмене денег на условия производства

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

и образует введение к акту производства. Следовательно, обращение входит *в* понятие капитала. Если первоначально деньги или накопленный труд выступали как предпосылка *до* обмена со свободным трудом, но кажущаяся самостоятельность объективного момента капитала по отношению к труду была снята и объективированный труд, существующий самостоятельно в виде стоимости, предстал во всех отношениях как *продукт чужого труда,* как *отчужденный продукт* самого труда, — то теперь капитал является лишь предпосылкой своего собственного обращения (капитал в качестве денег был предпосылкой своего становления капиталом, но капитал как результат стоимости, поглотившей и ассимилировавшей живой труд, выступал в качестве исходного пункта не обращения вообще, а *обращения капитала*), так что капитал существовал бы самостоятельно и безразлично также и *без* этого процесса. Но *теперь движение тех метаморфозов, которые должен проделать капитал, является условием* самого *процесса производства* в такой же степени, как и его результатом.

Поэтому в своей реальности капитал выступает как ряд оборотов в течение данного *периода.* Капитал уже не представляет собой *один оборот,* один [период] обращения; он есть полагание оборотов, полагание всего процесса обращения. Само созидание им стоимости выступает как обусловленное обращением (а стоимость является капиталом только как увековечивающая себя и умножающая себя стоимость): 1) *качественно,* так как капитал не может возобновить фазу производства, не пройдя через фазу обращения; 2) *количественно,* так как масса стоимостей, создаваемых капиталом, зависит от числа его оборотов в течение данного периода; 3) так как, следовательно, время обращения в обоих отношениях является ограничивающим началом, пределом времени производства, и vice versa *. Поэтому капитал является по существу *оборотным капиталом.* Если в цехе, где осуществляется процесс производства, капитал выступает как собственник и хозяин, то со стороны обращения он выступает как зависимый и обусловленный общественной связью, которая, с той точки зрения, на которой мы теперь еще находимся, заставляет капитал вступать в процесс простого обращения и фигурировать попеременно то как *Т* по отношению к *Д*, то как *Д* по отношению к *Т*.

Однако это обращение представляет собой туман, за которым скрыт еще целый мир, мир взаимосвязей капитала, которые эту возникающую из обращения, из общественного общения

---

* — наоборот. *Ред.*

собственность приковывают к общественному общению и лишают ее характера самодовлеющей собственности и независимости, присущей такого рода собственности. Перед нами уже открылись две перспективы на этот лежащий еще вдали мир: [во-первых] в том пункте, где обращение капитала выталкивает из кругооборота капитала положенную им в форме продукта и обращающуюся стоимость; и, во-вторых, в том пункте, где капитал втягивает из обращения в свой кругооборот какой-нибудь другой продукт; сам этот продукт капитал превращает в один из моментов своего бытия. Во втором пункте капитал предполагает производство, но не свое собственное непосредственное производство. В первом пункте капитал может предполагать производство, если его продукт сам является сырьем для другого производства; или же капитал может предполагать потребление, если он придал продукту законченную форму, пригодную для потребления. Ясно, что потребление не должно *прямо* входить в кругооборот капитала. Обращение капитала в собственном смысле, как мы увидим дальше, есть еще только обращение между различными деловыми людьми. Обращение между деловыми людьми и потребителями, тождественное с розничной торговлей, представляет собой второй кругооборот, который не включен в непосредственную сферу обращения капитала и который капитал проходит после того, как им пройден первый кругооборот, и одновременно наряду с ним. *Одновременность различных кругооборотов капитала,* так же как и одновременность его различных определений, становится ясной только в том случае, если предположить наличие многих капиталов. Таким же образом процесс жизни человека состоит в прохождении им различных возрастов. Но вместе с тем все возрасты человека существуют бок о бок, будучи распределены между различными индивидами.

Поскольку процесс производства капитала вместе с тем есть технологический процесс — просто процесс производства, — а именно, производство определенных потребительных стоимостей посредством определенного труда, словом, процесс, совершаемый таким способом, который определяется самой этой целью; поскольку из всех этих процессов производства наиболее фундаментальным является тот, посредством которого тело воспроизводит необходимый для него обмен веществ, т. е. создает жизненные средства в физиологическом смысле; поскольку этот процесс производства совпадает с земледелием, а это последнее одновременно доставляет также непосредственно (например, в виде хлопка, льна и т. д.) или косвенно, посредством животных, которых оно кормит (шелк, шерсть и т. д.),

значительную часть сырья для промышленности (собственно говоря, все сырье, которое не относится к добывающей промышленности); поскольку воспроизводство в земледелии умеренного пояса (родины капитала) связано с общим обращением Земли вокруг Солнца, т. е. поскольку урожаи большей частью снимаются *один раз в году*, — постольку *год* (только он различно исчисляется для различных видов производства) берется в качестве всеобщего периода, на основе которого исчисляется и измеряется сумма оборотов капитала, подобно тому как *естественный рабочий день* был такой же естественной единицей в качестве меры рабочего времени. При исчислении прибыли, а еще более — процента, мы поэтому и видим единство времени обращения и времени производства, видим капитал, положенный в качестве такого единства и измеряющий сам себя. Сам капитал как *совершающий процесс* — т. е. совершающий оборот — [VI—27] рассматривается как *работающий капитал*, а плоды, которые он, как предполагается, приносит, исчисляются соответственно его рабочему времени — общей продолжительности одного оборота. Происходящая при этом мистификация заложена в природе капитала.

[4) РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОСНОВНЫМ И ОБОРОТНЫМ КАПИТАЛОМ В ТРАКТОВКЕ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ]

Прежде чем подробнее заняться вышеприведенными соображениями, посмотрим сначала, какие различия между *основным капиталом* и *оборотным капиталом* выдвигаются экономистами. Раньше мы уже нашли тот новый момент, который привходит при исчислении прибыли в отличие от прибавочной стоимости. Точно так же теперь уже должен обнаружиться некоторый новый момент в различии между прибылью и процентом. Прибавочная стоимость по отношению к *оборотному капиталу*, очевидно, выступает как прибыль в отличие от *процента* как прибавочной стоимости по отношению к *основному капиталу*.

Прибыль и процент представляют собой формы прибавочной стоимости. Прибыль содержится в *цене*. Поэтому она кончается и реализуется, когда капитал достигает того пункта своего обращения, где он обратно превращается в деньги, или переходит из своей формы товара в форму денег. О поразительном невежестве, на котором основана полемика Прудона против процента, следует сказать впоследствии.

(Здесь еще раз, чтобы не забыть, следует заметить по поводу Прудона: прибавочную стоимость, которая доставляет столько

забот всем рикардианцам и антирикардианцам, этот смелый мыслитель объясняет, попросту мистифицируя ее: «всякий труд оставляет излишек, я это выдвигаю как аксиому»... Посмотреть саму формулу в тетради [41]. То обстоятельство, что рабочие *работают сверх* необходимого труда, Прудон превращает в некое мистическое свойство труда. Одним только ростом производительной силы труда этого не объяснишь; этот рост может увеличить количество продуктов, производимых в течение определенного рабочего времени, но он не может придать им никакой прибавочной стоимости. Рост производительной силы труда имеет здесь значение лишь в той мере, в какой он высвобождает прибавочное время, время для труда сверх необходимого. Единственным *внеэкономическим* фактом при этом является то, что человеку не нужно тратить все свое время на производство предметов необходимости, что помимо рабочего времени, необходимого для поддержания своего существования, он располагает еще свободным временем, которое, следовательно, он может потратить также и на прибавочный труд. Но в этом нет ровно ничего мистического, так как его потребности столь же ничтожны в первобытном состоянии, как и его рабочая сила [Arbeitskraft]. Наемный же труд вообще появляется только тогда, когда развитие производительной силы уже настолько прогрессировало, что высвободилось значительное количество времени: это высвобождение уже выступает здесь как исторический продукт. Невежество Прудона может сравниться только с тем объяснением, которое дает Бастиа понижению нормы прибыли, предполагая, что это понижение эквивалентно возрастанию нормы заработной платы *. Бастиа двояким образом выражает эту заимствованную им у Кэри бессмыслицу: во-первых, понижается *норма* прибыли (т. е. отношение прибавочной стоимости к применяемому капиталу); во-вторых, понижаются цены, но стоимость, т. е. общая сумма цен, увеличивается, что и означает только то, что возрастает валовая прибыль, а не норма прибыли.)

* * *

Во-первых, [экономисты понимают основной капитал] в приведенном выше смысле *фиксированного* капитала (*J. St. Mill.* Essays on some unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 55), закрепленного, несвободного, нереализуемого капитала, застрявшего в одной из фаз своего совокупного процесса обращения. В этом смысле Дж. Ст. Милль, так же как

* См. настоящий том, часть II, стр. 267—271. *Ред.*

и Бейли в приведенных выше цитатах * правильно говорят о том, что значительная часть капитала страны всегда лежит без применения.

«Различие между основным и оборотным капиталом — более кажущееся, чем реальное; например, золото является основным капиталом и лишь в той мере оборотным, в какой оно расходуется на позолоту и т. д. Корабли представляют собой основной капитал, хотя в буквальном смысле они обращаются. Акции иностранных железных дорог составляют предмет торговли на наших рынках; точно так же и наши железные дороги могут оказаться на мировом рынке и в этом смысле они являются оборотным капиталом наравне с золотом» (*A. Anderson*. The Recent Commercial Distress. London, 1847, стр. 4).

По Сэю [основной капитал], это — капитал,

«настолько связанный с каким-либо одним *видом производства*, что его уже нельзя оттуда извлечь для того, чтобы посвятить его какому-либо *другому виду производства*»[42].

Здесь имеет место отождествление капитала с определенной потребительной стоимостью, с потребительной стоимостью для процесса производства. Эта *связанность* капитала как стоимости с особенной потребительной стоимостью — потребительной стоимостью в сфере производства — во всяком случае является важным моментом. Этим [основной капитал] охарактеризован больше, чем неспособностью к обращению, которая, собственно, говорит лишь о том, что основной капитал представляет собой противоположность оборотному капиталу.

В своей книге «The Logic of Political Economy» (London, 1844, стр. 113—114) *Де Квинси* говорит следующее:

«*Оборотный капитал*, в своей нормальной идее, означает *какой бы то ни было фактор*» (прекрасный логик), «который, будучи производительно потреблен, погибает в процессе самого акта потребления».

(Соответственно этому *оборотным капиталом* будут уголь и *смазочное масло*, но не хлопок и т. д. Ведь нельзя сказать, что хлопок, будучи превращен в пряжу или в ситец, погибает, хотя подобное превращение, несомненно, означает производительное потребление хлопка.)

«Капитал является *основным*, если он все снова и снова используется для одной и той же операции, и чем больше число повторений, с тем большим основанием *инструмент, двигатель* или *машина* могут быть подведены под наименование основного капитала» (там же, стр. 114).

Согласно этому взгляду, оборотный капитал погибает, потребляется в акте производства, а основной капитал — который для большей ясности определяется как *инструмент*,

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 78—80, 116—117. *Ред.*

двигатель или машина (следовательно, из этого определения исключается, например, мелиорация почвы) — постоянно служит для одной и той же операции. Разграничение касается здесь только технологического различия в производственном акте, но не имеет никакого отношения к форме; оборотный и основной капитал, в тех различиях, которые здесь указываются, хотя и обладают отличительными признаками, в силу которых один «какой бы то ни было фактор» является основным, а другой — оборотным капиталом, но ни один из них не обладает теми свойствами, которые давали бы ему право на *«наименование» капитала.*

По мнению Рамсея («An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836),

«только *фонд жизненных средств* является *оборотным капиталом,* так как капиталист должен тотчас с ними расстаться и он *вовсе не входит в процесс воспроизводства,* а непосредственно обменивается на живой труд для целей потребления. Весь остальной капитал (также и сырье) остается во владении его собственника или предпринимателя до тех пор, пока *продукт* не будет *завершен»* (стр. 21). «*Оборотный капитал* состоит исключительно из продуктов питания и других предметов необходимости, авансируемых рабочим до завершения продукта их труда» (стр. 23).

Относительно *фонда жизненных средств* Рамсей прав постольку, поскольку это единственная часть капитала, которая обращается во время самой фазы производства и с этой точки зрения является оборотным капиталом par excellence *. С другой стороны, неверно, что основной капитал остается во владении его собственника или предпринимателя не дольше того времени или до тех пор, «пока продукт не будет завершен». Поэтому в дальнейшем Рамсей и определяет основной капитал как

«любую часть продукта этого труда (труда, затраченного на какой-либо товар), существующую *в такой форме,* в которой этот продукт хотя и содействует производству будущего товара, но не идет на *содержание рабочих»* [стр. 59].

(Но ведь сколько товаров не идут на содержание рабочих, т. е. не относятся к числу предметов потребления рабочих! По Рамсею, все они — *основной капитал.*)

* * *

(Если проценты на 100 ф. ст. в конце первого года — или в конце первых трех месяцев — составляют 5 ф. ст., то капитал в конце первого года равен 105, или 100 $(1+0{,}05)$ ф. ст.;

---

* — по преимуществу. *Ред.*

в конце четвертого года капитал будет равен $100\ (1 + 0{,}05)^4 = 121{,}550625$ ф. ст. = 121 ф. ст. 11 шилл. $^3/_5$ фартинга *. Стало быть, сверх 20 ф. ст. дополнительно нарастут проценты в размере 1 ф. ст. 11 шилл. 0,6 фартинга.)

[VI—28] (В поднятом выше вопросе [об исчислении прибыли в зависимости от числа оборотов капитала] ** предполагалось, с одной стороны, что капитал в 400 ф. ст. совершает за год только один оборот, а с другой стороны, что [капитал в 100 ф. ст.] совершает за год 4 оборота, причем норма прибыли и в том, и в другом случае равна 5%. В первом случае капитал один раз в год дает 5% прибыли, т. е. 20 ф. ст. на 400 ф. ст., во втором случае — 4 × 5%, т. е. точно так же — 20 ф. ст. в год на 100 ф. ст. Скорость оборота заменила бы величину капитала, подобно тому как в простом денежном обращении 100 000 талеров, совершающие три оборота за год, соответствуют 300 000 талеров, а 3 000 талеров, совершающие 100 оборотов, также соответствуют 300 000 талеров. Но если капитал совершает 4 оборота в год, то имеется *возможность* того, что при втором обороте прибыль сама будет присоединена к капиталу и будет обращаться вместе с ним. Тогда получилась бы разница в прибыли в размере 1 ф. ст. 11 шилл. 0,6 фартинга. Но эта разница отнюдь не вытекает из принятого нами предположения. Налицо лишь *абстрактная* возможность этого. Из принятого нами предположения, напротив, вытекает, что для оборота капитала в 100 ф. ст. необходимы 3 месяца. Следовательно, если месяц составляет, например, 30 дней, то для капитала в 105 ф. ст. при тех же самых условиях оборота, при том же самом отношении времени оборота к величине капитала, для совершения оборота нужно не 3 месяца, а больше *** ($105 : x = 100 : 90$; $x = \frac{90 \times 105}{100} = \frac{9\,450}{100} = 94\,^5/_{10}$ дня = 3 месяца и $4^1/_2$ дня). Тем самым первая трудность полностью устранена.)

(Из того обстоятельства, что больший капитал с более медленным оборотом создает прибавочную стоимость не бо́льшую, чем меньший капитал с относительно большей скоростью оборота, вовсе не следует само собой, что меньший капитал обращается скорее, чем больший. Поскольку больший капитал включает в себя больше основного капитала и вынужден оты-

---

* В 1 ф. ст. — 20 шиллингов, в 1 шиллинге — 12 пенсов, в 1 пенсе — 4 фартинга. *Ред.*

** См. настоящий том, часть II, стр. 131. *Ред.*

*** С другой стороны, говоря вообще, можно сделать и такое допущение, что при непрерывности процесса производства через каждые 3 месяца полученная прибавочная стоимость снова превращается в капитал.

скивать более отдаленные рынки, постольку это правильно. Размер рынка и скорость оборота не обязательно обратно пропорциональны друг другу. Это бывает только в том случае, когда наличный физический рынок не является экономическим рынком, т. е. когда экономический рынок все более и более удаляется от места производства. Впрочем, поскольку это не вытекает исключительно из различия основного и оборотного капитала, моменты, определяющие обращение различных капиталов, еще не могут быть рассмотрены здесь. Заметим мимоходом: поскольку торговля создает новые пункты обращения, т. е. втягивает в общение различные страны, открывает новые рынки и т. д., это есть нечто совсем иное, чем простые издержки обращения, необходимые для проведения определенного количества меновых операций; это — создание не операций обмена, а самого обмена. Создание рынков. Этот пункт надо будет еще рассмотреть особо, прежде чем мы покончим с обращением.)

* * *

Продолжим теперь обзор взглядов на «основной» и «оборотный» капитал.

«В зависимости от того, более или менее *преходящим* является *капитал*, следовательно, *чаще или реже он должен быть воспроизведен в течение данного времени*, он называется *оборотным или основным капиталом*. Далее, [оборотный] капитал обращается или возвращается к своему хозяину *в весьма неодинаковые промежутки времени;* например, пшеница, купленная фермером для посева, есть *основной* капитал *по сравнению* с пшеницей, купленной пекарем для приготовления из нее хлеба» (*Ricardo*. On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 26—27) [Русский перевод, том I, стр. 49—50].

Затем Рикардо также отмечает:

«Различные *пропорции основного и оборотного капитала* в различных отраслях, различная *долговечность* самого *основного капитала*» (там же, стр. 27) [Русский перевод, том I, стр. 50].

«Два различных предприятия могут применять капитал одинаковой стоимости, но очень различным образом разделяющийся на основную и оборотную части. Они могут даже применять основной и оборотный капитал одинаковой стоимости, но долговечность основного капитала может быть весьма неодинаковой. Например, одно предприятие применяет паровые машины, стоящие 10 000 ф. ст., другое — корабли» (это из изданного Сэем перевода книги *Рикардо:* «Des principes de l'économie politique et de l'impot». Seconde édition. Tome I, Paris, 1835, стр. 29—30) [Русский перевод, том I, стр. 50].

С самого начала неправильным является у Рикардо то, что в его трактовке капитал оказывается «*более или менее преходящим*». Капитал как капитал не является преходящим — он

есть *стоимость*. Но та потребительная стоимость, в которой фиксирована стоимость, в которой она существует, является «более или менее преходящей» и поэтому должна быть «*чаще или реже воспроизведена в течение данного времени*». Различие между основным и оборотным капиталом здесь, следовательно, сводится к большей или меньшей *необходимости воспроизводства данного капитала в течение данного времени*. Это — одно из различий, устанавливаемых Рикардо.

Различные *степени долговечности, или различные уровни, основного капитала*, т. е. *различные степени относительной длительности, относительной закрепленности* — таково второе различие. Таким образом, основной капитал сам является основным в большей или меньшей степени. *Один и тот же* капитал выступает в одном и том же предприятии в двух различных формах, являющихся *особенными способами существования основного и оборотного* капитала; поэтому он существует двояко. Быть основным или оборотным капиталом является *особенной* определенностью капитала, помимо того что он есть капитал. Но капитал должен развиться до этого обособления.

Что касается, наконец, третьего различия, а именно, «что капитал обращается или возвращается в весьма *неодинаковые промежутки времени*», то под ним Рикардо подразумевает, как показывает его пример с пекарем и фермером, не что иное, как различие тех промежутков времени, в течение которых капитал в различных отраслях производства, в соответствии с их особенностями, *закреплен, занят в фазе производства* в отличие от фазы обращения. Здесь, стало быть, *основной капитал* выступает таким, каким мы его имели прежде в виде закрепленности в каждой фазе; с той лишь разницей, что специфически более или менее продолжительная закрепленность капитала в фазе производства, именно в этой определенной фазе, рассматривается здесь как то, что полагает своеобразие капитала, его особенность.

Деньги пытались полагать себя как *непреходящую стоимость*, как вечную стоимость, относясь отрицательно к обращению, т. е. к обмену с реальным богатством, с преходящими товарами, которые, как очень мило и очень наивно описывает Петти *, растворяются в преходящем удовлетворении потребностей. В капитале непреходящий характер стоимости (непреходящий до известной степени) полагается тем, что хотя капитал и воплощается в преходящих товарах, принимает их форму,

* См. настоящий том, часть I, стр. 177—178. *Ред.*

но столь же постоянно меняет ее, попеременно чередуя свою непреходящую денежную форму и свою преходящую товарную форму; непреходящий характер полагается как то, чем он только и может быть: как такое преходящее, которое снимает свой преходящий характер, — как процесс, как жизнь. Но эту свою способность капитал приобретает лишь тем, что он, подобно вампиру, постоянно всасывает в себя живой труд как душу.

Непреходящий характер — долговечность стоимости в форме капитала — устанавливается только посредством воспроизводства, которое само является двояким, воспроизводством в виде товара, воспроизводством в виде денег и единством этих двух процессов воспроизводства. При воспроизводстве в виде товара капитал закреплен в определенной форме потребительной стоимости и, таким образом, не является, как это ему надлежит быть, *всеобщей меновой стоимостью* и тем более не является реализованной *стоимостью*. То обстоятельство, что капитал в акте воспроизводства, в фазе производства полагает себя как стоимость, он подтверждает только посредством обращения. Бо́льшая или меньшая недолговечность того товара, в котором [VI—29] существует стоимость, требует более медленного или более быстрого его воспроизводства, т. е. более частого или менее частого повторения процесса труда.

Особенная природа той потребительной стоимости, в которой существует стоимость или которая теперь является телом капитала, сама выступает здесь как то, что *определяет форму* и деятельность капитала, придает капиталу то или иное особенное свойство по сравнению с другим капиталом, обособляет его. Поэтому, как мы уже видели во многих случаях, нет ничего ошибочнее того взгляда, что разграничение между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, — которое в простом обращении, в той мере, в какой оно *реализуется*, оказывается вне экономического определения формы, — вообще лежит за пределами экономического определения формы. Напротив, на различных ступенях развития экономических отношений мы обнаруживали, что меновая стоимость и потребительная стоимость определены в различных отношениях и что эта определенность сама выступает как различное определение стоимости как таковой.

Потребительная стоимость сама играет роль экономической категории. Где она играет эту роль, вытекает из самого анализа рассматриваемых отношений. Рикардо, например, считающий, что политическая экономия буржуазного общества имеет дело только с меновой стоимостью и лишь внешне затрагивает потребительную стоимость, как раз важнейшие определения

меновой стоимости берет из потребительной стоимости, из ее отношения к меновой стоимости: например, *земельная рента, минимум заработной платы, различие между основным и оборотным капиталом,* которому [различию] как раз он приписывает значительнейшее влияние на определение цен (посредством неодинакового воздействия, оказываемого на цены повышением или понижением уровня заработной платы); точно так же обстоит дело и в соотношении спроса и предложения и т. д.

Одно и то же определение один раз выступает в определении потребительной стоимости, а затем — в определении меновой стоимости, но на различных ступенях и с различным значением. Использовать — значит потреблять, будь то в целях производства или потребления. Обмен есть этот акт [использования, или потребления], опосредствуемый некоторым общественным процессом. Само использование может быть обусловлено обменом и являться его простым следствием; с другой стороны, обмен может быть всего лишь моментом использования, и т. д. С точки зрения капитала (в обращении) обмен выступает как полагание его [капитала] потребительной стоимости, в то время как, с другой стороны, использование капитала (в акте производства) выступает как полагание для обмена, как полагание его [капитала] меновой стоимости.

Точно так же обстоит дело с производством и потреблением. В буржуазной экономике (как и во всякой другой) они даны в специфическом отличии друг от друга и в специфическом единстве друг с другом. Дело заключается как раз в том, чтобы понять эту differentia specifica *. Если утверждать вместе с г-ном Прудоном или с сентиментальными социалистами, что производство и потребление представляют собой *одно и то же,* то этим ничего не достигнешь **.

В рикардовской трактовке [различия между основным и оборотным капиталом] хорошо то, что прежде всего подчеркивается момент необходимости *более быстрого или более медленного воспроизводства;* что, таким образом, бо́льшая или меньшая недолговечность, более медленное или более быстрое потребление (в смысле самопожирания) рассматривается по отношению к самому *капиталу.* Следовательно, берется значение потребительной стоимости для самого *капитала.*

Сисмонди, напротив, сразу же привносит определение, являющееся прежде всего внешним для капитала: *непосредственное или косвенное потребление со стороны человека,* является

* — специфическую отличительную черту. *Ред.*

** См. настоящий том, часть I, стр. 30, 390. *Ред.*

ли для него предмет непосредственным или косвенным жизненным средством, — с этим Сисмонди связывает *более быстрое или более медленное потребление* самого *предмета*. Те предметы, которые непосредственно служат жизненными средствами, более преходящи, так как они предназначены для уничтожения, чем те предметы, которые помогают изготовлению жизненных средств. Для этих последних долговечность — их назначение, а их недолговечность — рок. Сисмонди говорит:

«Основной капитал [служит потребностям человека] косвенным образом, он *потребляется медленно*, помогая человеку воспроизводить то, что предназначено для его потребления. Оборотный капитал не перестает непосредственно обслуживать потребности человека... Всякий раз, когда какая-нибудь вещь потреблена, она оказывается для кого-нибудь потребленной *безвозвратно;* вместе с тем может существовать и такой человек, для которого ее потребление связано с воспроизводством» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie Politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 95) [Русский перевод, том I, стр. 188].

Сисмонди изображает это отношение еще и в таком виде:

«*Первое превращение* годового потребления в долговечные предметы, способные *увеличить производительные силы* будущего труда,— это *основной капитал;* эти первоначальные операции всегда выполняются посредством труда, представленного заработной платой, обмениваемой на жизненные средства, которые рабочий потребляет во время работы. *Основной капитал потребляется постепенно*» (т. е. изнашивается постепенно). *Второе превращение:* «*оборотный капитал* состоит из *подлежащих обработке семян* (сырье) и из *потребления рабочего*» (там же, стр. 97—98, 94) [Русский перевод, том I, стр. 189, 187].

Все это, скорее, относится к возникновению капитала. [Итак, у Сисмонди мы имеем] во-первых, *превращение*, состоящее в том, что основной капитал сам представляет собой лишь ставшую стационарной форму оборотного капитала, *закрепленный* оборотный капитал; *во-вторых, предназначение:* одно предназначено быть потребленным в качестве средства производства, а другое — в качестве продукта; иными словами, различные виды *потребления* продукта определяются его ролью среди условий производства в процессе производства.

Шербюлье упрощает дело таким образом, что оборотный капитал — *потребляемая*, а *основной капитал* — непотребляемая часть капитала [43]. (Одна часть — съедобна, другая — несъедобна. Довольно легкий способ разбираться в деле.)

Шторх в одном, уже приведенном месте * вообще отстаивает для оборотного капитала назначение капитала находиться в обращении. Он сам себя опровергает, когда говорит (*Storch*. Cours d'Economie Politique. Tome I, Paris, 1823, стр. 246):

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 137. *Ред.*

«Всякий основной капитал первоначально происходит от какого-нибудь оборотного капитала и нуждается в постоянной поддержке за счет оборотного капитала»

(следовательно, основной капитал возникает из обращения, т. е. он сам в первый момент своего существования является оборотным капиталом и постоянно возобновляется *посредством* обращения; хотя, таким образом, *он* не входит *в обращение*, обращение входит *в него*). К тому, что̀ Шторх добавляет вслед за этим:

«*Никакой основной капитал не может приносить доход без помощи оборотного капитала*» (там же),—

мы вернемся впоследствии.

{«Производительное потребление не является, собственно говоря, расходом, а представляет собой только *авансы*, поскольку они возвращаются к тому, кто их сделал» (работа Шторха «Considérations sur la Nature du Revenu National», Paris, 1824, направленная против Сэя, стр. 54).

(Капиталист возвращает рабочему часть его собственного прибавочного труда в форме *аванса*, как нечто такое, за авансирование чего рабочий должен отдать капиталисту не только эквивалент, но и прибавочный труд.)}

(Формула для исчисления *сложных процентов* гласит: $S = c(1+i)^n$, где S есть общий размер капитала c по истечении n лет при норме процента i.

Формула для исчисления *аннуитета:*

$$x\,(\text{аннуитет}) = \frac{c(1+i)^n}{1+(1+i)+(1+i)^2+\ldots+(1+i)^{n-1}}.)$$

[5)] ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ. КОНКУРЕНЦИЯ. [СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ, ВРЕМЕНЕМ ПРОИЗВОДСТВА И ВРЕМЕНЕМ ОБРАЩЕНИЯ]

Выше мы разделили капитал на *постоянную* и *переменную стоимость;* это разделение всегда правильно, если рассматривать капитал внутри фазы производства, т. е. в непосредственном процессе увеличения стоимости капитала. Каким образом сам капитал в качестве предпосланной стоимости может изменить свою стоимость соответственно повышению или понижению издержек своего воспроизводства или также вследствие понижения прибыли и т. д. — это, очевидно, относится только к тому отделу, где капитал рассматривается как реальный капитал, как взаимодействие многих капиталов, а не сюда, где рассматривается общее понятие капитала.

{Так как конкуренция исторически выступает внутри страны как уничтожение цехового принуждения, государственного регулирования, внутренних пошлин и т. д., а на мировом рынке как устранение разобщенности, запретительных или покровительственных пошлин — словом, выступает исторически как отрицание границ и пределов, свойственных ступеням производства, предшествующим капиталу; так как исторически конкуренция вполне правильно обозначалась и [VI—30] отстаивалась физиократами как laissez faire, laissez passer *, то она и рассматривалась только с этой, лишь отрицательной, лишь исторической ее стороны, а с другой стороны, это привело к еще большей нелепости, к тому, что конкуренцию рассматривали как столкновение освободившихся от оков, руководящихся только собственным интересом индивидов, как взаимное отталкивание и притяжение свободных индивидов и, таким образом, — как абсолютную форму существования свободной индивидуальности в сфере производства и обмена. Нет ничего ошибочнее такого взгляда.

Если свободная конкуренция уничтожила границы прежних производственных отношений и способов производства, то прежде всего следует заметить, что то, что для нее являлось подлежащим преодолению пределом, для прежних способов производства было имманентной границей, в рамках которой они естественным образом развивались и двигались. Эти границы становятся подлежащими преодолению пределами лишь после того, как производительные силы и отношения общения развились настолько, чтобы капитал как таковой мог начать выступать в качестве регулирующего принципа производства. Те границы, которые он ломал, были подлежащими преодолению пределами для его движения, развития, осуществления. Капитал при этом отнюдь не уничтожал все границы, все пределы, а только не соответствующие ему границы, которые являлись для него подлежащими преодолению пределами. Капитал внутри своих собственных границ — как бы эти границы с более высокой точки зрения ни выступали в качестве подлежащих преодолению пределов производства и как бы они ни становились такого рода пределами в силу собственного исторического развития капитала — чувствует себя свободным, беспредельным, т. е. ограниченным лишь самим собой, лишь своими собственными жизненными условиями. Подобным же образом цеховое ремесло в эпоху своего расцвета находило в цеховой организации полностью ту свободу, в которой оно

* — требование полной свободы действий (буквально: «предоставьте действовать, предоставьте вещам идти своим ходом»). *Ред.*

нуждалось, т. е. соответствующие ему производственные отношения. Ведь оно само породило их из себя и развило их как *свои* имманентные условия, а, следовательно, отнюдь не как внешние и стеснительные пределы. Исторический аспект отрицания цехового строя и т. д. со стороны капитала посредством свободной конкуренции означает только то, что достаточно окрепший капитал при помощи адекватного ему способа общения уничтожил те исторические пределы, которые затрудняли и тормозили адекватное ему движение.

Но конкуренция далеко не исчерпывается этим ее всего лишь историческим значением или *этим* всего лишь *отрицательным* содержанием. *Свободная конкуренция* представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу, т. е. реальный образ действий капитала как капитала. Только по мере развития свободной конкуренции внутренние законы капитала — которые на первоначальных исторических ступенях его развития выступают лишь как тенденции — полагают себя как законы, а основанное на капитале производство полагает себя в своих адекватных формах. Ибо свободная конкуренция есть свободное развитие основанного на капитале способа производства, свободное развитие условий капитала и самого капитала как процесса, постоянно воспроизводящего эти условия.

В условиях свободной конкуренции свободны не индивиды, а капитал. До тех пор пока покоящееся на капитале производство является необходимой и поэтому наиболее подходящей формой для развития общественной производительной силы, движение индивидов в рамках чисто капиталистических условий выступает как их свобода, которая, однако, при этом догматически прославляется в качестве таковой путем беспрестанных ссылок на пределы, уничтоженные свободной конкуренцией. Свободная конкуренция представляет собой реальное развитие капитала. Она полагает в качестве внешней необходимости для отдельного капитала то, что соответствует природе капитала, основанному на капитале способу производства, понятию капитала. То взаимное принуждение, которое капиталы в условиях конкуренции применяют по отношению друг к другу, по отношению к труду и т. д. (конкуренция между рабочими является лишь иной формой конкуренции капиталов), представляет собой *свободное* и вместе с тем *реальное* развитие богатства в качестве капитала. Это настолько соответствует действительности, что наиболее глубокие экономические мыслители, как например Рикардо, *предполагают* абсолютное господство свободной конкуренции, чтобы иметь возможность изучать и фор-

мулировать адекватные законы капитала, — законы, которые вместе с тем выступают как господствующие над капиталом жизненные тенденции.

Но свободная конкуренция представляет собой адекватную форму производительного процесса капитала. Чем больше она развивается, тем в более чистом виде выступают формы движения капитала. Предполагая абсолютное господство свободной конкуренции, Рикардо, например, фактически, помимо своей воли, признал *историческую природу* капитала и ограниченный характер свободной конкуренции, которая как раз и является лишь свободным движением капиталов, т. е. их движением при таких условиях, которые не свойственны никаким предыдущим, разложившимся ступеням, а являются собственными условиями капитала. Господство капитала есть предпосылка свободной конкуренции, совершенно так же как римская императорская деспотия была предпосылкой свободного римского «частного права».

До тех пор пока капитал слаб, он сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства. Когда он чувствует себя сильным, он отбрасывает эти костыли и движется соответственно своим собственным законам. Когда он начинает ощущать самого себя пределом для развития и когда его начинают рассматривать как такой подлежащий преодолению предел, он ищет прибежище в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства. То, что заложено в природе капитала, реально выступает наружу, как внешняя необходимость, лишь через посредство конкуренции, которая сводится к тому, что реально существующие многие капиталы навязывают друг другу и самим себе имманентные определения капитала. Поэтому ни одна категория буржуазной экономики, и даже самая первая — например, определение стоимости, — не становится действительной иначе как через посредство свободной конкуренции, т. е. через посредство действительного процесса капитала, процесса, который выступает как взаимодействие капиталов и всех остальных, определяемых капиталом, отношений производства и общения.

Отсюда, с другой стороны, происходит та нелепость, что свободную конкуренцию рассматривают как конечное развитие человеческой свободы, а отрицание свободной конкуренции отождествляют с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производ-

ства. Это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе — на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упразднение всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил и даже сверхмощных вещей — вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу.

Раскрытие того, чем является свободная конкуренция, есть единственный рациональный ответ на превознесение свободной конкуренции со стороны пророков буржуазии или на проклятия в ее адрес со стороны социалистов. Когда говорят, что в рамках свободной конкуренции индивиды, руководствуясь только своими частными интересами, осуществляют общественный или, точнее, *всеобщий* интерес, то это означает лишь то, что в условиях капиталистического производства они давят друг на друга и что поэтому их взаимный антагонизм сам есть лишь воссоздание тех условий, при которых имеет место это взаимодействие. Впрочем, когда иллюзия относительно конкуренции как якобы абсолютной формы свободной индивидуальности исчезает, это служит доказательством того, что условия конкуренции, т. е. условия производства, основанного на капитале, уже ощущаются и мыслятся как подлежащие преодолению *пределы* и что поэтому они уже *являются* и все более и более становятся такими пределами. Утверждение, что свободная конкуренция равносильна конечной форме развития производительных сил, а потому и человеческой свободы, сводится к тому, что господство буржуазии означает конец всемирной истории — несомненно, приятная мысль для позавчерашних выскочек.}

* * *

[VI—31] Прежде чем продолжить обзор взглядов на основной и оборотный капитал, вернемся на мгновение к тому, что было развито раньше

Допустим покамест, что время производства и рабочее время совпадают. Тот случай, когда внутри самой фазы производства имеют место перерывы, обусловленные технологическим процессом, мы рассмотрим впоследствии.

Предположим, что фаза производства какого-нибудь капитала составляет 60 рабочих дней, в том числе — 40 необходимых рабочих дней. Тогда, согласно ранее развитому закону, прибавочная стоимость, или стоимость, вновь созданная капиталом, т. е. присвоенное капиталом чужое рабочее время, рав-

няется 60 — 40 = 20 рабочим дням. Обозначим эту прибавочную стоимость (= 20) буквой S. Фазу производства — или рабочее время, затраченное в течение фазы производства — обозначим буквой p. Созданная в определенный промежуток времени, который мы обозначим буквой Z — например в 360 дней, — совокупная [прибавочная] стоимость никогда не может быть больше, чем количество фаз производства, содержащееся в 360 днях [и умноженное на величину прибавочной стоимости, созданной в течение одной фазы производства]. Максимальный коэффициент величины S, т. е. максимум прибавочной стоимости, которую может создать капитал при данных предпосылках, равняется числу повторений создания S в течение 360 дней. Крайний предел этих повторений — предел воспроизводства капитала или, точнее, как это имеет место теперь, воспроизводства его процесса производства — определяется отношением периода производства к тому совокупному периоду, в течение которого должен повторяться период производства. Если совокупный период составляет 360 дней, а производство продолжается 60 дней, то $\frac{360}{60}$, или $\frac{Z}{p}$, т. е. 6, есть коэффициент, показывающий, сколько раз p содержится в Z, или как часто, соответственно своим собственным имманентным границам, процесс воспроизводства капитала может повториться в течение 360 дней.

Само собой разумеется, что максимум создания S, т. е. создания прибавочной стоимости, дан числом тех процессов, в течение которых прибавочная стоимость S может быть произведена за данный промежуток времени. Величина $\frac{Z}{p}$ и выражает это отношение. Частное $\frac{Z}{p}$, или q, есть наибольший коэффициент величины S за время, равное 360 дням, вообще за время Z. Величина $\frac{SZ}{p}$, или Sq, представляет собой максимум [прибавочной] стоимости, [созданной за время Z]. Так как $\frac{Z}{p} = q$, то $Z = pq$; т. е. весь период Z был бы временем производства. Фаза производства p повторяется столько раз, сколько раз она содержится в Z. Совокупная величина [прибавочной] стоимости, созданной капиталом в течение определенного времени, была бы равна тому прибавочному труду, который присваивается капиталом в течение одной фазы производства, помноженному на число, показывающее, сколько раз эта фаза производства содержится в данном промежутке времени.

Таким образом, в приведенном выше примере совокупная величина прибавочной стоимости равна $20 \times \frac{360}{60} = 20 \times 6 = 120$ рабочим дням. Величина q, т. е. $\frac{Z}{p}$, выразила бы число *оборотов* капитала; но так как $Z = pq$, то величина p равнялась бы $\frac{Z}{q}$; иными словами, продолжительность одной фазы производства была бы равна совокупному времени, деленному на число оборотов. Фаза производства капитала была бы, следовательно, равна одному обороту капитала; время оборота и время производства были бы полностью тождественны; поэтому число оборотов определялось бы исключительно только отношением одной фазы производства к совокупному времени.

Однако при указанной предпосылке время обращения принято равным нулю. Но это время имеет определенную величину, которая никогда не может стать равной нулю. Предположим теперь, что на 60 дней времени производства, или на 60 производственных дней, приходятся 30 дней обращения; это время обращения, приходящееся на величину p, обозначим буквой c. В этом случае один оборот капитала, т. е. совокупное время, требующееся капиталу до того, как он сможет повторить процесс увеличения стоимости — процесс полагания прибавочной стоимости, — составляет $30 + 60 = 90$ дней $(= p + c)$. (1 U (оборот) $= p + c$.)

Оборот, требующий 90 дней, в течение 360 дней может быть повторен только $\frac{360}{90}$ раз, т. е. только четыре раза. Таким образом, прибавочная стоимость, равная 20 рабочим дням, может быть создана лишь 4 раза; $20 \times 4 = 80$. В течение 60 дней капитал производит 20 прибавочных дней; но 30 дней он вынужден потратить на обращение, т. е. в течение этих 30 дней он не может создавать никакого прибавочного труда, никакой прибавочной стоимости. Для капитала это то же самое (если рассматривать результат), как если бы за 90 дней он создал прибавочную стоимость всего лишь в размере 20 дней. Если в предыдущем примере число оборотов определялось величиной $\frac{Z}{p}$, то теперь оно определяется величиной $\frac{Z}{p+c}$, или $\frac{Z}{U}$. Максимум [прибавочной] стоимости был равен $\frac{SZ}{p}$; действительно созданная прибавочная стоимость теперь равна $\frac{SZ}{p+c}$; $\left(\frac{20 \cdot 360}{60 + 30} = \frac{20 \cdot 360}{90} =\right.$

$= 20 \times 4 = 80\Big)$. Следовательно, число оборотов равняется совокупному времени, деленному на сумму времени производства и времени обращения, а совокупная [прибавочная] стоимость равна величине S, помноженной на число оборотов. Однако этой формулы нам еще недостаточно для того, чтобы выразить соотношение между прибавочной стоимостью, временем производства и временем обращения.

Максимум созданной [прибавочной] стоимости содержится в формуле $\frac{SZ}{p}$; максимум, ограниченный временем обращения, равен $\frac{SZ}{p+c}\left(\text{или } \frac{SZ}{U}\right)$; если вычесть вторую величину из первой, то получим: $\frac{SZ}{p} - \frac{SZ}{p+c} = \frac{SZ(p+c) - SZp}{p(p+c)} = \frac{SZp + SZc - SZp}{p(p+c)} = \frac{SZc}{p(p+c)}$.

Мы, таким образом, получили разность этих двух величин, равную $\frac{SZc}{p(p+c)}$, или $\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{p+c}$. Величина $\frac{SZ}{p+c}$, или S', как мы можем обозначить величину [прибавочной] стоимости, производимой во втором случае, выражается формулой $S' = \frac{SZ}{p} - \left(\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{p+c}\right)$. Прежде чем комментировать эту формулу, следует вывести еще другие.

Если частное $\frac{Z}{p+c}$ мы обозначим буквой q', то q' будет выражать число оборотов за время Z, т. е. q' будет служить выражением того, сколько раз оборот $U = (p + c)$ содержится в Z. Если $\frac{Z}{p+c} = q'$, то $Z = pq' + cq'$. Тогда величина pq' выражает совокупное время производства [за год], а величина cq' — совокупное время обращения [за год].

Обозначим совокупное время обращения буквой C. (Следовательно, $cq' = C$.) (Z (360) $= 4 \times 60$ (240) $+ 4 \times 30$ (120).) Согласно предположению, $q' = 4$; $C = cq' = 4c$; число 4 здесь равно числу оборотов. Мы видели выше, что максимум созданной [прибавочной] стоимости составляет $\frac{SZ}{p}$; однако в этом случае величина Z была по предположению равна времени производства. Но теперь действительное время производства равно $Z - cq'$, что вытекает также из приведенного выше уравнения. $Z = pq'$ (совокупное время производства) $+ cq'$ (совокупное время обращения, т. е. C). Следовательно, $Z - C = pq'$.

Следовательно, величина $S \times \frac{Z-C}{p}$ характеризует максимум созданной [прибавочной] стоимости, [ограниченный временем обращения], так как время производства составляет теперь не 360 дней, а 360 — cq', т. е. 360 — 4×30, или 240 дней. Совокупная прибавочная стоимость, следовательно, равна

$$20\left(\frac{360-120}{60}\right)=\frac{20\times 240}{60}=80 \text{ дням.}$$

[VI—32] Что же касается, наконец, формулы:

$$S'=\frac{SZ}{p}-\left(\frac{SZ}{p}\times\frac{c}{c+p}\right)=\frac{360\times 20}{60}-$$
$$-\left(\frac{20\times 360}{60}\times\frac{30}{30+60}\right)=120-120\times\frac{30}{90}=$$
$$=6\times 20-\left(6\times 20\times\frac{3}{9}\right)=20\times 6-\left(20\times 6\times\frac{1}{3}\right)=$$
$$=120-\left(120\times\frac{1}{3}\right)=120-40=80,$$

то она говорит о том, что [прибавочная] стоимость равняется максимуму [прибавочной] стоимости, т. е. [прибавочной] стоимости, определяемой только соотношением времени производства и совокупного времени, минус число, показывающее, сколько дней в этом максимуме теперь приходится на время обращения. Величина $\frac{c}{c+p}=\frac{c}{U}$ характеризует отношение времени обращения к одному обороту капитала. Если помножим числитель и знаменатель на q', то $\frac{cq'}{(c+p)q'}=\frac{C}{Z}$. Величина $\frac{c}{c+p}=\frac{30}{30+60}=\frac{1}{3}$; она выражает отношение времени обращения к совокупному времени, ибо $\frac{360}{3}=120$. Оборот $(c+p)$ содержится в c [время обращения] $\frac{c}{c+p}$, или $\frac{1}{3}$ $\left(\text{или } \frac{C}{Z}\right)$ раза, а величина [на которую уменьшается максимум прибавочной стоимости] равна самому этому максимуму, умноженному на число, показывающее, сколько оборотов содержится в c, во времени обращения, приходящемся на один оборот, или деленному на [обратное] число, выражающее долю c в $c+p$, или долю C в Z.

Если бы c было равно нулю, то величина S' равнялась бы $\frac{SZ}{p}$ и стояла бы на максимальном уровне. Величина S' стано-

вится меньше в той самой мере, в какой возрастает c, она обратно пропорциональна величине c, ибо с возрастанием величины c в одинаковой мере возрастают множитель $\frac{c}{c+p}$ и та величина, которую нужно вычесть из максимальной величины [прибавочной] стоимости, т. е. величина произведения $\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{c+p}$, или $\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{U}$.

Итак, мы имеем три формулы:

1) $S' = \frac{SZ}{c+p} = \frac{SZ}{U}$;

2) $S' = \frac{S(Z-C)}{p}$;

3) $S' = \frac{SZ}{p} - \left(\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{c+p}\right) = S\left\{\frac{Z}{p} - \left(\frac{Z}{p} \times \frac{c}{c+p}\right)\right\}$.

Отсюда следует, что $Sq : S' = \frac{SZ}{p} : \frac{S(Z-C)}{p} = Z : (Z-C)$.

Максимум [прибавочной] стоимости так относится к действительно произведенной [прибавочной] стоимости как данный совокупный период относится к этому периоду минус совокупное время обращения.

Или же $Sq : S' = (pq' + cq') : \{(pq' + cq') - cq'\} = \frac{p+c}{p}$.

К формуле (3). $S' = \frac{SZ}{p} - \left(\frac{SZ}{p} \times \frac{c}{c+p}\right) = S\left\{\frac{Z}{p} - \left(\frac{Z}{p} \times \frac{c}{c+p}\right)\right\}$, **или, так как** $\frac{Z}{p} = q$, то $S' = S\left(q - q\frac{c}{c+p}\right) = S\left(q - q\frac{c}{U}\right)$.

Таким образом, совокупная прибавочная стоимость равняется прибавочной стоимости, созданной в течение одной фазы производства, умноженной на коэффициент, равный отношению совокупного времени к времени производства, минус это же отношение, помноженное на долю времени обращения во времени одного оборота капитала.

$$S' = S\left(q - q\frac{c}{U}\right) = Sq\left(1 - \frac{c}{U}\right) = Sq\left(\frac{U-c}{U}\right) = \frac{Sqp}{U} = \frac{SZ}{p+c},$$

а это есть первая формула. Следовательно, формула (3) сводится к *формуле (1)*: совокупная прибавочная стоимость равняется прибавочной стоимости одной производственной фазы, помноженной на совокупное время и деленной на время оборота; или: совокупная прибавочная стоимость равняется

прибавочной стоимости одной производственной фазы, помноженной на отношение совокупного времени к сумме времени производства и времени обращения одного оборота.

Формула (2): совокупная [прибавочная] стоимость равняется прибавочной стоимости [одной производственной фазы], помноженной на совокупное время минус совокупное время обращения и деленной на продолжительность одной фазы производства.

* * *

(В условиях конкуренции основной закон, который развивается в отличие от закона, установленного относительно стоимости и прибавочной стоимости, заключается в том, что стоимость определяется не содержащимся в ней трудом или рабочим временем, в течение которого она была произведена, а тем рабочим временем, в течение которого она может быть произведена, или рабочим временем, необходимым для воспроизводства. Лишь таким путем отдельный капитал реально ставится в условия капитала вообще, хотя здесь и возникает видимость, будто при этом опрокидывается первоначальный закон. Но только таким образом и устанавливается *необходимое* рабочее время как определяемое самим движением капитала. Таков основной закон конкуренции. Спрос, предложение, цена (издержки производства) представляют собой дальнейшие определения формы; цена как рыночная цена, или всеобщая цена. Затем установление общей нормы прибыли. В связи с рыночной ценой капиталы затем распределяются по различным отраслям. Снижение издержек производства и т. д. Словом, в условиях конкуренции все определения выступают *в обратном порядке* по сравнению с тем, как они выступают в капитале вообще. Там цена определяется трудом, здесь труд определяется ценой и т. д. и т. д.

Воздействие отдельных капиталов друг на друга приводит именно к тому, что они должны вести себя как *капитал;* кажущиеся независимыми действия отдельных капиталов и их беспорядочные столкновения друг с другом как раз представляют собой полагание их всеобщего закона. Рынок приобретает здесь еще иное значение. Именно таким путем воздействие отдельных капиталов друг на друга становится их полаганием в качестве всеобщих и устранением их кажущейся независимости и самостоятельного существования как отдельных капиталов. Еще в большей мере это устранение проявляется в кредите. Высшая же форма, которую принимает это устранение и которая вместе с тем является *последним полаганием* капитала в адекватной ему форме, — это акционерный капитал.)

(Спрос, предложение, цена, издержки производства, противоположность прибыли и процента, различные соотношения между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, между потреблением и производством.)

[6) ПРЕБЫВАНИЕ ОДНОЙ ЧАСТИ КАПИТАЛА В ФАЗЕ ПРОИЗВОДСТВА, А ДРУГОЙ ЕГО ЧАСТИ В ФАЗЕ ОБРАЩЕНИЯ.] СМЕНА ФОРМ И ОБМЕН ВЕЩЕСТВ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Итак, мы видели, что прибавочная стоимость, которую капитал может создать за определенный период, определяется тем, как часто может повторяться процесс увеличения стоимости или как часто может воспроизводиться капитал за определенный период. Но мы видели вместе с тем, что количество этих актов воспроизводства определяется отношением продолжительности фазы производства не к совокупному количеству времени, а к этому совокупному времени минус время обращения. Следовательно, время обращения выступает как такое время, на протяжении которого [VI—33] оказывается уничтоженной способность капитала воспроизводить себя, а потому и его способность воспроизводить прибавочную стоимость. Производительность капитала — т. е. создание им прибавочных стоимостей — находится, таким образом, в обратном отношении к времени обращения, и она достигла бы максимума в том случае, если бы время обращения упало до нуля.

Так как обращение представляет собой прохождение капитала через различные, понятийно определенные моменты его необходимого метаморфоза, его жизненного процесса, то оно является неизбежным условием для капитала, условием, установленным его собственной природой. Поскольку это прохождение требует времени, это есть такое время, в течение которого капитал не может *увеличивать* свою стоимость, потому что это *не* время производства, а время, в течение которого капитал *не* присваивает живой труд. Это время обращения, следовательно, никогда не может увеличить стоимость, созданную капиталом, оно лишь обусловливает время, *не создающее стоимость*, стало быть, выступает как предел для увеличения стоимости, находится к увеличению стоимости в том же самом отношении, что и к рабочему времени. Это время обращения не может быть причислено к времени, создающему стоимость, так как им является только рабочее время, овеществляющееся в стоимости. Время обращения не принадлежит ни к издержкам

производства стоимости, ни к издержкам производства капитала; но оно есть условие, делающее более затруднительным самовоспроизводство капитала.

Те препятствия, с которыми сталкивается капитал при увеличении своей стоимости — т. е. при присвоении живого труда — разумеется, не составляют момента увеличения его стоимости, полагания им стоимости. Было бы поэтому смешно брать здесь *издержки производства* в их первоначальном смысле. Или же мы должны отделить издержки производства как особую форму от рабочего времени, овеществляющегося в стоимости (подобно тому как мы должны разграничить прибыль и прибавочную стоимость). Но даже и в этом случае время обращения не принадлежит к издержкам производства капитала в том смысле, как заработная плата и т. д.; это время является такой статьей расхода, которая учитывается при расчетах отдельных капиталов друг с другом, потому что прибавочную стоимость они распределяют между собой в определенных общих пропорциях.

Время обращения является не тем временем, в течение которого капитал создает стоимость, а тем, в течение которого он реализует стоимость, созданную в процессе производства. Время обращения не увеличивает количество стоимости, а ставит созданную в процессе производства стоимость в соответственно иное определение формы, из определения продукта переводит в определение товара, из определения товара — в определение денег и т. д. Вследствие того, что цена, которая раньше существовала в товаре идеально, теперь реализуется реально, вследствие того, что товар теперь действительно обменивается на свою цену, на деньги, эта цена, разумеется, не увеличивается.

Время обращения, таким образом, не является временем, определяющим цену, и количество оборотов капитала, поскольку оно определяется временем обращения, свидетельствует не о том, что капитал привносит особого рода новое начало, определяющее стоимость и присущее капиталу в отличие от труда; время обращения выступает как ограничивающий, отрицательный принцип. Поэтому необходимой тенденцией капитала является *обращение без времени обращения*, и эта тенденция представляет собой основное определение кредита и кредитных операций капитала. С другой стороны, кредит есть также та форма, в которой капитал стремится полагать себя в отличие от отдельных капиталов или отдельный капитал стремится полагать себя как капитал в отличие от своего количественного предела. Однако максимальный результат, которого капитал может достигнуть

по этой линии, — это, с одной стороны, *фиктивный капитал*, а с другой стороны, кредит выступает лишь как новый элемент *концентрации*, поглощения капиталов отдельными централизующими капиталами.

С одной стороны, время обращения овеществлено в *деньгах*. Кредит пытается определить деньги всего лишь как формальный момент; определить их таким образом, чтобы они опосредствовали превращение формы, не будучи сами *капиталом*, т. е. стоимостью. Это есть первая форма *обращения без времени обращения*. Деньги сами являются продуктом обращения. Далее будет показано, каким образом капитал посредством кредита создает новые продукты обращения.

Но если, с одной стороны, капитал стремится к *обращению без времени обращения*, то, с другой стороны, он пытается в различных органах, опосредствующих процесс времени обращения и само обращение, придать *времени обращения* как таковому *ценность времени производства*; определить все эти органы как деньги, а в дальнейшем определении — как капитал. Это другая сторона кредита. Все это проистекает из того же источника. Все потребности обращения: деньги, превращение товара в деньги, превращение денег в товар и т. д., несмотря на то, что они принимают различные, кажущиеся совершенно разнородными формы, можно свести к *времени обращения*. Механизмы, предназначенные для его сокращения, сами принадлежат к обращению.

Время обращения есть такое время капитала, которое можно рассматривать как время его специфического движения в качестве капитала, в отличие от времени производства, в течение которого он воспроизводится, существует не как готовый капитал, которому надо пройти только через формальные превращения, а как совершающий процесс, творческий капитал, всасывающий в себя душу живую из труда.

Противоположность рабочего времени и времени обращения содержит в себе все учение о кредите, в особенности поскольку сюда относится проблема денежного обращения и т. д. Конечно, в дальнейшем мы увидим, что дело не ограничивается тем, что время обращения выступает как вычет из возможного времени производства; мы увидим, что кроме того существуют действительные издержки обращения, т. е. что в сфере обращения приходится тратить уже действительно созданные стоимости. Но все это фактически только такие издержки — такие вычеты из уже созданной прибавочной стоимости, — которые несет капитал, для того чтобы увеличить возможную в течение, например, одного года сумму прибавочных стоимостей, т. е. увеличить

долю времени производства, приходящегося на определенный период, иными словами, для того чтобы сократить время обращения.

Правда, на практике время производства не прерывается действительно временем обращения (кроме случаев кризиса и торговой депрессии). Но это имеет место только потому, что каждый капитал делится на части, одна из которых пребывает в фазе производства, а другая — в фазе обращения. Следовательно, не весь капитал находится в действии, а — в зависимости от соотношения между временем обращения и временем производства — например только $^1/_3$ или $^1/x$ часть его, другая же часть капитала пребывает в обращении. Или же дело может сложиться еще и так, что определенный капитал удваивается — например, посредством кредита. Тогда для этого капитала — для первоначального капитала — это равносильно тому, будто не существует никакого времени обращения. Но тогда в прежнем положении оказывается тот капитал, который получен им взаймы. Если отвлечься от собственника капитала, то это опять то же самое, как если бы один капитал был разделен на две части. Вместо того чтобы капитал *a* разделился на две части и капитал *b* на две части, капитал *a* притягивает к себе капитал *b* и делится на *a* и *b*. Иллюзии насчет этого процесса часто встречаются у фанатиков кредита (ими редко бывают кредиторы, зато часто должники).

Выше * мы уже намекнули на то, каким образом двойственное и противоречивое условие капитала — непрерывность производства и необходимость времени обращения, или также непрерывность обращения (не времени обращения) и необходимость времени производства — может быть выполнено лишь посредством того, что капитал делится на части, из которых одна *обращается как готовый продукт,* а другая *воспроизводится в процессе производства,* и что эти части сменяют одна другую: когда одна из них возвращается в фазу *П* (процесс производства), другая ее покидает.

Этот процесс происходит как ежедневно, так и в более крупные промежутки (отрезки времени). Весь капитал и вся совокупная стоимость оказываются воспроизведенными, коль скоро обе части капитала прошли через процесс производства и через процесс обращения, или когда вторая часть капитала снова вступает в обращение. Тем самым исходный пункт является конечным пунктом. Поэтому оборот зависит от величины капитала, или, как еще здесь следует сказать точнее, от *общей суммы* указанных

---

* См. начало предыдущего абзаца. *Ред.*

двух частей. Лишь когда общая сумма обеих частей капитала воспроизведена, *весь оборот* завершен; в противном же случае завершен оборот лишь у $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/x$ части капитала, смотря по тому, какова доля его постоянно обращающейся части.

[VI—34] Далее, было отмечено, что каждую часть капитала можно по отношению к другой его части рассматривать как основную или оборотную часть и что они в самом деле попеременно находятся в таком соотношении между собой. Одновременность процесса капитала в различных его фазах возможна только путем деления капитала на части и отталкивания этих частей, каждая из которых является капиталом, но капиталом в различном определении.

Здесь происходят такая же смена форм и такой же обмен веществ, как и в органическом теле. Если, например, предположить, что тело воспроизводится в течение 24-х часов, то это происходит не сразу, а так, что выделение в одной форме и обновление в другой расчленены и совершаются одновременно. Впрочем, в органическом теле скелет представляет собой основной капитал; он не обновляется за то же самое время, что и плоть и кровь. Существуют различные степени в скорости потребления (самопотребления), а потому и воспроизводства. (Следовательно, здесь уже имеет место *переход* ко многим капиталам.) Прежде всего здесь важно иметь в виду ближайшим образом лишь капитал как таковой, ибо развиваемые здесь определения являются такими определениями, которые стоимость вообще делают капиталом, конституируют differentia specifica * капитала как такового.

Прежде чем идти дальше, обратим еще раз внимание на тот важный пункт, что время обращения — т. е. время, проводимое капиталом отдельно от того процесса, в котором он поглощает труд, т. е. рабочее время капитала как капитала — есть лишь перевод *предпосланной* стоимости из одного определения формы в другое, но не есть элемент, *создающий*, увеличивающий стоимость. Путем превращения стоимости, измеряемой [например] 4 рабочими днями и существующей в форме пряжи, в форму 4 рабочих дней, существующих в виде денег, или в форму символа, признанного в качестве представителя 4 рабочих дней вообще, 4 всеобщих рабочих дней, — *предпосланная* и *измеренная* стоимость переводится из одной формы в другую, но не увеличивается. При обмене эквивалентов величина стоимости *после* обмена остается той же самой, какой она была *до* обмена. Если представить себе один капитал или если различные капиталы

* — специфическое отличие. *Ред.*

какой-нибудь страны рассматривать в виде одного капитала (национального капитала) в отличие от капитала других стран, то ясно, что то время, в течение которого этот капитал не функционирует как производительный капитал, т. е. не создает прибавочной стоимости, вычитается из того времени, которым капитал располагает для увеличения своей стоимости.

То время, в течение которого капитал не функционирует в качестве производительного капитала — взятое в этой абстрактной формулировке, еще без всякого учета издержек самого обращения — выступает как отрицание не действительно существующего времени увеличения стоимости, а *возможного* времени увеличения стоимости, т. е. возможного в том случае, когда время обращения равно нулю. Ясно, что национальный капитал не может то время, в течение которого он не увеличивается, рассматривать как время, в течение которого он увеличивается, точно так же как, например, изолированный крестьянин не может то время, в течение которого он не в состоянии жать, сеять, вообще когда прерывается его труд, — рассматривать как обогащающее его время. То обстоятельство, что капитал, после того как он, и притом с необходимостью, привык рассматривать себя в качестве приносящего плоды производительного капитала независимо от труда, независимо от поглощения труда, предполагает себя приносящим плоды во всякое время и исчисляет свое время обращения как время, созидающее стоимость, как издержки производства, — это уже совсем другое дело.

Отсюда следует ошибочность того, что говорит, например, Рамсей:

«Применение основного капитала в значительной степени видоизменяет тот принцип, что стоимость зависит от количества труда. Ибо некоторые товары, на которые затрачено одинаковое количество труда, требуют весьма различного времени для того, чтобы они были готовы к потреблению. Но так как в течение этого времени капитал не приносит дохода, то *для того, чтобы данное применение капитала было не менее прибыльно, чем другие его применения, при которых продукт скорее готов для потребления,* товар, когда он, наконец, поступает на рынок, должен повыситься в стоимости *на всю сумму недополученной прибыли»*.

(Здесь уже предположено, что капитал как таковой всегда равномерно приносит прибыль, как здоровое дерево — плоды.)

«Это показывает, как капитал может регулировать стоимость независимо от труда». Например, вино в погребе (*Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 43).

Здесь получается, будто время обращения наряду с рабочим временем — или в одинаковой степени с ним — создает *стои-*

мость. Капитал, конечно, содержит в себе оба момента: 1) *рабочее время* как момент, созидающий стоимость; 2) *время обращения* как момент, ограничивающий рабочее время и тем самым общее созидание стоимости капиталом; как необходимый момент, ибо стоимость, или капитал, каким он выходит из процесса производства в качестве его непосредственного результата, хотя они и являются *стоимостью*, но стоимостью, еще не принявшей своей адекватной формы. Время, которого требуют эти превращения формы, которое, следовательно, протекает между производством и воспроизводством, — есть время, обесценивающее капитал. Если, с одной стороны, в определение капитала как обращающегося, совершающего процесс входит *непрерывность*, то в такой же степени в это определение входит *нарушение* непрерывности.

Правильно определяя то обращение, то возвращение [к своей первоначальной форме], которое должен проделать капитал, для того чтобы приступить к новому производству, как ряд обменов, экономисты тем самым признают, что это время обращения не является временем, увеличивающим количество стоимости, что оно, следовательно, не может быть временем, создающим новую стоимость, ибо ряд обменов, сколько бы актов обмена он ни включал в себя и сколько бы времени ни требовалось для завершения этих операций, — есть лишь обмен эквивалентов. Полагание стоимостей — крайних точек опосредствования — как равных, разумеется, не может сделать их неравными. Стоимости, рассматриваемые с точки зрения количества, не могут ни увеличиться, ни уменьшиться путем обмена.

Прибавочная стоимость, созданная в течение одной фазы производства, определяется тем прибавочным трудом, который капитал привел в движение во время этой фазы (определяется присвоенным прибавочным трудом). Сумма прибавочных стоимостей, которую капитал может создать за определенный период, определяется повторением фазы производства в течение этого периода; или определяется *оборотом* капитала. А оборот равен продолжительности фазы производства плюс продолжительность обращения, он равен сумме времени обращения и времени производства. Оборот тем в большей степени приближается к самому времени производства, чем короче время обращения, т. е. время, протекающее между тем моментом, когда капитал выходит из производства, и тем, когда он в него возвращается.

Прибавочная стоимость фактически определяется рабочим временем, овеществленным в течение одной фазы производства. Чем чаще воспроизводится капитал, тем чаще имеет место

производство прибавочной стоимости. Число актов воспроизводства равно числу *оборотов*. Следовательно, совокупная прибавочная стоимость (S') равна $S \times nU$ (где n — число оборотов). $S' = S \times nU$; следовательно, $S = \frac{S'}{nU}$. Если время производства, требующееся капиталу в 100 талеров в определенной отрасли производства, равняется 3 месяцам, то он может обернуться в течение года четыре раза, и если прибавочная стоимость, создаваемая каждый раз, равна 5 талерам, то совокупная прибавочная стоимость равняется 5 (S, созданное в течение одной фазы производства) $\times 4$ (число оборотов, определяемое отношением времени производства к одному году), т. е. равняется 20 талерам. Но так как время обращения равняется, например, $^1/_4$ времени производства, то один оборот был бы равен $3 + 1$, т. е. 4 месяцам, и капитал в 100 талеров мог бы обернуться в течение года лишь 3 раза; совокупная прибавочная стоимость была бы равна 15 талерам. Поэтому, хотя капитал создает 5 талеров прибавочной стоимости за 3 месяца, для него это то же самое, как если бы он за 4 месяца создал [прибавочную] стоимость, равную только 5 талерам, ибо за год он может создать только (5×3) талеров совокупной прибавочной стоимости. Для капитала это то же самое, как если бы каждые 4 месяца он производил S в размере 5 талеров; стало быть, за 3 месяца он производил бы только $^{15}/_4$, т. е. $3^3/_4$ талера, а за один месяц своего обращения — $1^1/_4$ талера прибавочной стоимости.

Поскольку оборот отличается от продолжительности, определяемой условиями самого производства, он равняется времени обращения капитала. А это последнее не определяется [одним только] рабочим временем. Таким образом, сумма прибавочной стоимости, создаваемая капиталом за данный период, определяется не просто рабочим временем, а рабочим временем и временем обращения [VI—35] в указанных выше соотношениях. Однако то определение, которое капитал здесь привносит в полагание стоимости, является, как показано выше, *отрицательным, ограничивающим* определением.

Если, например, капиталу в 100 ф. ст. требуется 3 месяца, т. е. 90 дней, для фазы производства и если бы время обращения равнялось нулю, то капитал мог бы оборачиваться 4 раза в год; и *весь* капитал в течение всего времени действовал бы как капитал, т. е. как полагающий прибавочный труд, как умножающая себя стоимость. Если из этих 90 дней 80 представляют необходимый труд, то 10 дней представляют прибавочный труд. Предположим теперь, что время обращения составляет $33^1/_3\%$ времени производства, т. е. $^1/_3$ этого последнего. Следовательно,

на 3 месяца производства приходится один месяц обращения. Тогда время обращения равно $^{90}/_3$ ($^1/_3$ времени производства), т. е. равно 30 дням; $c = {}^1/_3\ p$; $\left(c = \frac{p}{3}\right)$. Ну, ладно.

Вопрос теперь состоит в том, какая часть капитала может быть непрерывно занята производством в течение целого года. Если бы капитал в 100 ф. ст. работал 90 дней, а его продукт, равный 105 ф. ст., обращался бы в течение одного месяца, то на протяжении этого месяца капитал не мог бы применять никакого труда.

(90 рабочих дней, конечно, могут равняться 3, 4, 5 и т. д. раз по 90, смотря по количеству занятых в течение этих 90 дней рабочих. Было бы всего лишь 90 дней в том случае, если бы был занят только один рабочий. Это пока еще нас здесь совершенно не касается.)

(При всех этих расчетах предполагается, что прибавочная стоимость не капитализируется и что капитал продолжает работать с тем же количеством рабочих; что в тот же самый момент, когда реализуется прибавочная стоимость, реализуется также и весь капитал, превращаясь опять в деньги.)

Принятое нами предположение означает, что в течение одного месяца капитал вовсе не мог бы функционировать.

(Капитал в 100 ф. ст. непрерывно применяет, например, 5 рабочих; в этом капитале содержится их прибавочный труд, и продукт, который обращается, является не первоначальным капиталом, а таким капиталом, который поглотил прибавочный труд и поэтому обладает прибавочной стоимостью. Следовательно, обращение капитала в 100 ф. ст. следует, собственно говоря, понимать как обращение капитала, например, в 105 ф. ст., т. е. как обращение капитала с прибылью, созданной в одном акте производства. Однако эта ошибка здесь безразлична, особенно при рассмотрении вышеупомянутого вопроса.)

Предположим, что к исходу трех месяцев произведено пряжи на 100 фунтов стерлингов. Теперь пройдет еще один месяц, пока я получу дуньги и смогу возобновить производство. Для того чтобы привести в движение то же самое количество рабочих в течение этого одного месяца, пока обращается капитал, я должен был бы иметь добавочный капитал в $33^1/_3$ ф. ст.; ибо если 100 ф. ст. приводят в движение определенное количество труда в течение 3 месяцев, то $^1/_3$ от этих 100 ф. ст. привела бы в движение это же количество труда в течение одного месяца.

В конце четвертого месяца капитал в 100 ф. ст. вернулся бы в фазу производства, а капитал в $33^1/_3$ ф. ст. вступил бы в фазу обращения. Последний капитал потребовал бы для своего

обращения соответственно $^1/_3$ месяца; следовательно, он вернулся бы в фазу производства через 10 дней.

Первый капитал мог бы снова вступить в обращение лишь в конце седьмого месяца. Второй капитал, который вступил в обращение в начале пятого месяца, возвратился бы обратно, скажем, 10 числа пятого месяца, снова вступил бы в обращение 10 числа шестого месяца и возвратился бы обратно 20 числа шестого месяца, чтобы снова вступить в обращение 20 числа седьмого месяца; в конце седьмого месяца он вернулся бы, а первый капитал снова начал бы обращаться в тот же самый момент, когда возвратился бы второй капитал. Дальше мы имели бы: начало восьмого месяца и возвращение такого-то числа этого месяца, начало девятого месяца и т. д.

Словом: если бы капитал был больше на $^1/_3$, как раз настолько, что это соответствует времени обращения, то он мог бы все время применять то же самое количество рабочих. Но капитал может все время находиться в фазе производства и в том случае, если он постоянно применяет на $^1/_3$ меньше труда. Если бы капиталист начал процесс производства только с капиталом в 75 ф. ст., то в конце третьего месяца производство было бы закончено; после этого капитал обращался бы в течение одного месяца, и в это время капиталист мог бы, однако, продолжать производство, так как он сохранил в своих руках капитал в 25 ф. ст. И если ему требуется 75 ф. ст. для того, чтобы приводить в движение в течение трех месяцев определенную массу труда, то ему требуется 25 ф. ст. для того, чтобы приводить в движение соответствующую массу труда в течение одного месяца. Капиталист все время приводил бы в движение одно и то же количество рабочих.

Для продажи каждой партии его товаров требуется $^1/_{12}$ года. Если ему всегда требуется $^1/_3$ времени производства для продажи своих товаров, то и т. д. Этот вопрос может быть решен посредством очень простого уравнения, к чему мы вернемся впоследствии. Собственно говоря, этот вопрос сюда еще не относится. Но он важен в связи с дальнейшими вопросами о кредите.

Пока во всяком случае ясно следующее. Обозначим время производства буквами *pt*, время обращения — буквами *ct*, капитал — буквой *C*. Капитал *C* не может находиться одновременно в фазе производства и в фазе обращения. Если он хочет продолжать процесс производства в то время, когда он обращается, то он должен распасться на две части, из которых одна находится в фазе производства, между тем как другая — в фазе обращения, а непрерывность процесса обеспечивается тем, что если часть *a* положена в одной определенности, то часть *b* поло-

жена в другой. Пусть часть капитала, всегда находящаяся в производстве, будет x; тогда $x = C - b$ (b — часть капитала, находящаяся в обращении). $C = b + x$. Если бы время обращения капитала было равно нулю, то точно так же было бы $b = 0$, а x был бы равен C. Часть капитала, находящаяся в обращении (b): совокупный капитал (C) = время обращения (ct): время производства (pt). Формула $b : C = ct : pt$ означает, что находящаяся в обращении часть капитала так относится к совокупному капиталу, как время обращения относится к времени производства.

Если капитал в 100 ф. ст. при 5% прибыли оборачивается каждые 4 месяца, так что на 3 месяца времени производства приходится один месяц времени обращения, то совокупная прибавочная стоимость, как мы видели *, будет равна $\frac{5 \times 12}{4} = 5 \times 3 = 15$, вместо 20 при $c = 0$, так как тогда мы имели бы $S' = \frac{5 \times 12}{3} = 20$. Теперь же совокупная прибавочная стоимость равна 15 ф. ст.; это — прибыль капитала в 75 ф. ст. при 5%, у которого время обращения равнялось бы нулю, который оборачивался бы четыре раза в год и был бы постоянно занят. В конце первого квартала его прибыль составляла бы $3^3/_4$ ф. ст.; в конце года — 15 ф. ст. (Но в этом случае обращался бы совокупный капитал, равный всего лишь 300 ф. ст., тогда как в первом случае, при $ct = 0$, обращался капитал в 400 ф. ст.)

Следовательно, капитал в 100 ф. ст., у которого время обращения составляет один месяц при 3 месяцах времени производства, может постоянно применять производительным образом капитал в 75 ф. ст.; капитал в 25 ф. ст. при этом постоянно обращается и непроизводителен. Обозначая буквой M один месяц, мы можем выразить это отношение в виде пропорции $75 : 25 = 3M : 1M$; или, если мы обозначим часть капитала, занятого в производстве, буквой p, часть, находящуюся в обращении, — буквой c, а соответствующее им время — буквами c' и p', то $p : c = p' : c'$; ($p : c = 1 : {}^1/_3$). [В нашем примере] часть капитала, находящаяся в производстве, всегда относится к части, находящейся в обращении, как $1 : {}^1/_3$, но эта $^1/_3$ всегда представлена меняющимися составными частями капитала. Но $p : C = 75 : 100 = {}^3/_4$; $c = {}^1/_4$; $p : C = 1 : {}^4/_3$ и $c : C = 1 : 4$. Оборот в целом $= 4M$; $p : U = 3M : 4M = 1 : {}^4/_3$.

* См. настоящий том, часть II, стр. 156—162, но там время исчисляется в днях, а здесь в месяцах. *Ред.*

* * *

[VI—36] В процессе обращения капитала одновременно происходят смена форм и обмен веществ. Мы должны здесь начать не с *Д*, а с процесса производства как с предпосылки. В производстве, рассматриваемом с вещественной стороны, орудие изнашивается, а сырье перерабатывается. Результатом является продукт — вновь созданная потребительная стоимость, отличающаяся от своих элементарных предпосылок. Продукт создается только в процессе производства, рассматриваемом с вещественной стороны. Это и есть первое и существенное вещественное изменение. На рынке, при обмене на деньги, продукт выталкивается из кругооборота капитала и поступает в потребление, становится предметом потребления, будь то для окончательного удовлетворения какой-либо индивидуальной потребности или в качестве сырого материала для какого-то другого капитала.

При обмене товара на деньги вещественное изменение и изменение формы совпадают, так как в деньгах как раз само содержание входит в экономическое определение формы. А при обратном превращении капитала в вещественные условия производства здесь одновременно происходит обратное превращение денег в товар. Имеет место как воспроизводство определенной потребительной стоимости, так и воспроизводство стоимости как таковой. Но подобно тому как вещественный элемент с самого начала при вступлении в процесс обращения фигурировал здесь как продукт, так в конце обращения товар снова фигурирует как условие производства. Поскольку деньги фигурируют здесь в качестве средства обращения, они действительно являются только посредником, с одной стороны, между производством и потреблением, в процессе того обмена, при котором капитал отталкивает от себя стоимость в форме продукта, а с другой стороны — между производством и производством, когда капитал отталкивает себя в форме денег, втягивая в свой кругооборот товар в форме условия производства.

Если рассматривать капитал с вещественной стороны, то деньги выступают как всего лишь средство обращения; со стороны формы деньги выступают как номинальная мера увеличения его стоимости, а для определенной фазы — как самодовлеющая стоимость. Поэтому [процесс обращения] капитала в такой же степени представляет собой *Т — Д — Д — Т*, как и *Д — Т — Т — Д*, и притом так, что обе формы простого обращения здесь приобретают вместе с тем и дальнейшие определения, поскольку *Д — Д* — это деньги, созидающие деньги, а

Т — Т — такой товар, потребительная стоимость которого как воспроизводится, так и увеличивается. Относительно денежного обращения, которое здесь выступает как входящее в обращение капитала и определяемое им, мы заметим лишь мимоходом, — ибо этот вопрос можно обсудить au fond * лишь после того, как рассмотрено действие и взаимодействие многих капиталов, — что, очевидно, деньги фигурируют здесь в различных определениях.

[7)] РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ ПРОИЗВОДСТВА И РАБОЧИМ ВРЕМЕНЕМ. [ПУТАНИЦА У ШТОРХА ОТНОСИТЕЛЬНО «СРЕДСТВ УСКОРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЯ»]

До сих пор предполагалось, что время производства совпадает с рабочим временем. Но вот, например, в земледелии имеют место перерывы в труде во время самого производства, до того, как закончен продукт. [В двух различных отраслях производства] может быть затрачено одинаковое рабочее время, а продолжительность фазы производства может быть различной, так как [в одной из этих отраслей] труд прерывается. Если различие заключается только в том, что в одном случае для завершения продукта требуется более продолжительный труд, чем в другом случае, то никакого вопроса еще не возникает, так как тогда, согласно всеобщему закону, ясно, что продукт, в котором содержится большее количество труда, представляет настолько же бо́льшую стоимость, и если воспроизводство в течение данного периода будет при этом менее частым, то воспроизведенная стоимость будет соответственно большей. Ведь 2 × 100 составляют ровно столько, сколько 4 × 50. Так же как с совокупной стоимостью, обстоит дело, далее, и с прибавочной стоимостью.

Неодинаковая продолжительность процесса производства различных продуктов, несмотря на то что на них затрачивается одинаковое рабочее время (а именно, накопленный и живой труд, вместе взятые), — вот в чем заключается проблема. Основной капитал как будто бы функционирует здесь совсем один, без человеческого труда, подобно, например, семенам, доверенным лону земли. Если при этом требуется еще затратить дополнительный труд, то его следует мысленно вычесть, чтобы вопрос был поставлен в чистом виде.

Если время обращения здесь то же самое, то обороты происходят реже вследствие того, что продолжительность фазы производства больше. Следовательно, время производства плюс

* — по существу. *Ред.*

время обращения, т. е. $1U$, здесь больше, чем в том случае, когда время производства совпадает с рабочим временем. Время, которое требуется здесь для того, чтобы продукт достиг зрелости, и [вызванные этим] перерывы в труде конституируют здесь условия производства. Нерабочее время составляет условие рабочего времени, условие действительного превращения его в время производства. Весь этот вопрос, очевидно, относится, собственно говоря, только к дальнейшему, а именно к рассмотрению выравнивания нормы прибыли. Однако основное необходимо выяснить здесь.

Более медленное возвращение капитала — в этом и заключается существо дела — вызвано здесь не временем обращения, а самими условиями производства, при которых труд становится производительным; а эти условия принадлежат к числу технологических условий процесса производства. Необходимо полностью отвергнуть прямо-таки нелепую мысль о том, будто обусловленное природой обстоятельство, препятствующее капиталу в определенной отрасли производства обмениваться в те же самые сроки с тем же количеством рабочего времени, как это делает другой капитал в другой отрасли производства, — будто это обстоятельство может каким бы то ни было образом *увеличить* стоимость капитала. Стоимость, а следовательно также прибавочная стоимость, равняется не продолжительности фазы производства, а рабочему времени, затраченному в течение этой фазы производства, как овеществленному, так и живому рабочему времени. Только живое рабочее время — и притом соответственно своему отношению к овеществленному рабочему времени — может создавать прибавочную стоимость, потому что только живой труд может доставить прибавочное рабочее время. {Ясно, что при выравнивании нормы прибыли привходят другие определения. Но здесь речь идет не о распределении прибавочной стоимости, а о ее созидании.}

Поэтому справедливо утверждение, что с этой точки зрения сельское хозяйство, например, менее производительно (производительность здесь относится к производству стоимостей), чем другие отрасли производства. Точно так же как, с другой стороны, — *поскольку рост производительности в сельском хозяйстве непосредственно уменьшает необходимое рабочее время, — оно производительнее всех остальных отраслей производства*. Однако само это обстоятельство может идти на пользу сельскому хозяйству лишь там, где уже господствуют *капитал* и соответствующая ему общая форма производства.

Уже в самом перерыве фазы производства заложено то, что сельское хозяйство никогда не может быть той сферой, с которой

капитал начинает, которую он избирает своим первоначальным местопребыванием. Эти перерывы фазы производства противоречат первейшим основным условиям промышленного труда. Поэтому капитал овладевает сельским хозяйством только посредством обратного воздействия [промышленности на сельское хозяйство], в результате чего земледелие приобретает промышленный характер. Для этого, с одной стороны, требуется высокое развитие конкуренции, с другой стороны — значительное развитие химии, механики и т. д., иными словами, обрабатывающей промышленности. Поэтому в истории мы и находим, что сельское хозяйство никогда не *выступает в чистом виде* в тех способах производства, которые предшествуют капиталу или соответствуют его собственным неразвитым стадиям. Сельская подсобная промышленность, как, например, прядение, ткачество и т. д., вынуждена компенсировать те границы, которые существуют здесь для применения рабочего времени — границы, заложенные в этих перерывах фазы производства.

Несовпадение времени производства с рабочим временем может вообще зависеть только от природных условий, которые здесь непосредственно стоят на пути использования труда, т. е. на пути присвоения прибавочного труда капиталом. Эти препятствия на пути капитала, разумеется, обусловливают не преимущества, а, с точки зрения капитала, — убытки.

Весь этот случай здесь, собственно говоря, следует упомянуть лишь как пример фиксированного капитала, фиксированного в одной из фаз. Здесь следует прочно усвоить только то, что капитал не создает никакой прибавочной стоимости в течение того времени, когда он не применяет живого труда. Воспроизводство применяемого основного капитала само по себе не является, конечно, созиданием прибавочной стоимости.

(В человеческом теле, так же как и в капитале, различные его части сменяются в процессе воспроизводства не в одинаковые промежутки времени. Кровь обновляется скорее, чем мускулы, мускулы — скорее, чем кости, которые с этой точки зрения можно рассматривать как основной капитал человеческого тела.)

[VI—37] В качестве средств, ускоряющих обращение, Шторх приводит следующее: 1) образование класса «работников», занятых только торговлей; 2) улучшение средств транспорта; 3) деньги; 4) кредит (см. выше) *.

Из этого пестрого перечисления видна вся путаница политико-экономов. Деньги и денежное обращение — то, что мы

* См. настоящий том, часть II, стр. 138. *Ред.*

назвали простым обращением — являются предпосылкой, условием как самого капитала, так и обращения капитала. О деньгах как об отношении общения, принадлежащем предшествующей капиталу ступени производства, о деньгах как деньгах в их непосредственной форме — нельзя поэтому сказать, что они ускоряют обращение капитала; деньги являются предпосылкой этого обращения. Когда мы говорим о капитале и о его обращении, мы находимся на такой ступени общественного развития, на которой не введение денег привходит как некое изобретение и т. д., а деньги являются *предпосылкой*. В той мере, в какой деньги в их непосредственной форме сами имеют стоимость, не только являются стоимостью других товаров, символом их стоимости (ибо когда нечто непосредственное должно быть другим непосредственным, то оно может всего лишь *представлять* таковое, быть тем или иным его символом), но и сами имеют стоимость, сами суть труд, овеществленный в определенной потребительной стоимости, — деньги отнюдь не ускоряют обращение капитала, а, напротив, замедляют его.

Деньги, рассматриваемые с обеих сторон, которые они имеют в обращении капитала, т. е. деньги в качестве средства обращения, равно как и деньги в качестве реализованной стоимости капитала, принадлежат к издержкам обращения, поскольку они сами суть рабочее время, применяемое, с одной стороны, для сокращения времени обращения, а с другой стороны, для того, чтобы осуществить один качественный момент обращения — обратное превращение капитала в самого себя как самодовлеющую стоимость. В обоих случаях деньги не увеличивают стоимость. С одной стороны, деньги — это форма воплощения стоимости, требующая издержек, затраты рабочего времени и, следовательно, вычитаемая из прибавочной стоимости. С другой стороны, деньги можно рассматривать как такой механизм, который экономит время обращения и тем самым высвобождает время для производства. Но поскольку деньги в качестве такого механизма сами требуют труда и являются продуктом труда, они по отношению к капиталу представляют собой *faux frais* * *производства*. Деньги фигурируют среди издержек обращения.

Первоначальные издержки обращения — это само время обращения в противоположность рабочему времени. Реальные издержки обращения сами являются овеществленным рабочим временем — механизмом для сокращения первоначальных издержек, связанных с временем обращения. Поэтому деньги в их

* — побочные (непроизводительные) издержки. *Ред.*

непосредственной форме, как принадлежащие исторической ступени производства, предшествующей капиталу, представляются ему издержками обращения, и вследствие этого стремление капитала направлено к тому, чтобы преобразовать деньги адекватно себе, т. е. превратить их в такого представителя одного из моментов обращения, который не требовал бы никаких затрат рабочего времени, сам не был бы стоимостью. Капитал поэтому стремится устранить деньги в их традиционной, непосредственной реальности и превратить их в нечто *полагаемое* и равным образом устраняемое только капиталом, в нечто чисто *идеальное*. Поэтому нельзя говорить, подобно Шторху, что деньги вообще являются средством ускорения обращения капитала; наоборот, надо сказать, что капитал стремится превратить деньги во всего лишь *идеальный* момент своего обращения и впервые придать им соответствующую ему адекватную форму. Устранение денег в их непосредственной форме является требованием денежного обращения, ставшего моментом обращения капитала, ибо в своей непосредственно предпосланной форме деньги выступают как *предел* обращения капитала.

Тенденцией капитала является *обращение без времени обращения,* а отсюда — и превращение орудий, служащих только для сокращения времени обращения, во всего лишь положенные капиталом *определения формы,* подобно тому как те различные моменты, которые капитал проходит в сфере обращения, представляют собой качественные определения его собственного метаморфоза.

Что касается образования особого торгового сословия — т. е. такого развития разделения труда, которое превратило занятие обменом в особый вид труда, для чего, разумеется, сумма меновых операций уже должна была достигнуть известной высоты, —

(если, например, у 100 человек обмен отнимает $^1/_{100}$ их рабочего времени, то каждый человек является на $^1/_{100}$ участником обмена; $^{100}/_{100}$ участников обмена представляют собой одного человека. На эти 100 может тогда приходиться один купец. Отделение торговли от самого производства, или то обстоятельство, что сам обмен получает представителя, отличного от его участников, требует, вообще говоря, определенной степени развития обмена и общения. Купец представляет по отношению к продавцу всех покупателей, а по отношению к покупателю — всех продавцов; следовательно, он выступает не как один из полюсов, а как середина самого обмена, выступает поэтому в качестве посредника),

— то образование купеческого сословия, которое предполагает и образование денег, хотя бы и не развитых во всех своих

моментах, точно так же является предпосылкой для капитала и потому не может приводиться как то, что опосредствует его специфическое обращение. Так как торговля, как исторически, так и логически, является *предпосылкой* для возникновения капитала, то прежде чем мы закончим эту главу, нам придется вернуться к этой теме, поскольку это относится к разделу о возникновении капитала или же к предыдущему разделу.

Улучшение средств транспорта, поскольку оно означает облегчение физического обращения товаров, не относится сюда, где рассматриваются одни только формальные определения обращения капитала. Продукт только тогда становится товаром, только тогда выходит из фазы производства, когда он оказывается на *рынке*. С другой стороны, средства транспорта привходят сюда постольку, поскольку *сроки возвращения* капитала — т. е. время обращения — должны возрастать с увеличением отдаленности рынка от места производства. Следовательно, сокращение этих сроков с помощью транспортных средств с этой точки зрения представляется непосредственно относящимся к рассмотрению обращения капитала. Но по существу это относится к учению о рынке, которое само входит в отдел о капитале.

Наконец, *кредит*. Эту форму обращения, которая непосредственно устанавливается капиталом, которая, стало быть, специфически вытекает из природы капитала, эту differentia specifica * капитала Шторх и другие ставят здесь в один ряд с деньгами, торговым сословием и т. д., которые относятся вообще к развитию обмена и более или менее основанного на нем производства. Указание на differentia specifica является здесь как *логическим* развитием темы, так и ключом к пониманию *исторического* развития. Мы и в истории находим — например, в Англии, а также и во Франции — попытки заменить [металлические] деньги бумажными, а с другой стороны, попытки придать капиталу, поскольку он существует в форме *стоимости*, форму, определяемую исключительно им самим, и, наконец, уже при самом возникновении капитала, попытки учреждения кредита (см., например, у Петти и Буагильбера).

[8)] МАЛОЕ ОБРАЩЕНИЕ КАК ПРОЦЕСС ОБМЕНА МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И РАБОЧЕЙ СИЛОЙ ВООБЩЕ. КАПИТАЛ И ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Внутри обращения как совокупного процесса мы можем различать большое и малое обращение. Первое охватывает весь период с того момента, когда капитал покидает процесс производ-

* — специфическую отличительную черту. *Ред.*

ства, до момента его возвращения туда. Второе является непрерывным и протекает одновременно с самим процессом производства. Это соответствует той части капитала, которая выплачивается в виде заработной платы, обменивается на рабочую силу.

Этот процесс обращения капитала, который по форме выступает как обмен эквивалентов, но в действительности представляет собой упразднение и всего лишь формальное полагание обмена эквивалентов (превращение стоимости в капитал, при котором обмен эквивалентов переходит в свою противоположность, обмен на основе обмена становится чисто формальным и взаимность оказывается всецело на одной стороне), надо рассматривать следующим образом:

Обмениваемые стоимости всегда представляют собой овеществленное рабочее время, то или иное предметно наличествующее, *взаимно* предполагаемое количество уже существующего (в какой-нибудь потребительной стоимости) труда. Стоимость как таковая всегда является результатом, а не причиной. Стоимость выражает то количество труда, посредством которого произведен предмет, следовательно — предполагая тот же самый уровень производительных сил — то количество труда, посредством которого он может быть воспроизведен.

Капиталист не обменивает капитал непосредственно на труд или на рабочее время; содержащееся в товарах, затраченное на них время, он обменивает на время, содержащееся в живой рабочей силе, затраченное на нее время. То живое рабочее время, которое он получает в результате обмена, является не меновой стоимостью рабочей силы, а ее потребительной стоимостью. Подобным же образом и машина обменивается и оплачивается не как причина производимых ею результатов, а как то, что само является результатом, не по своей потребительной стоимости в процессе производства, а как продукт, как определенное количество овеществленного труда. Рабочее время, содержащееся в рабочей силе, т. е. время, необходимое для производства живой рабочей силы, есть то же самое время, которое необходимо — при неизменном уровне производительных сил — для воспроизводства, т. е. для сохранения рабочей силы.

Следовательно, тот обмен, который происходит между капиталистом и [VI—38] рабочим, полностью соответствует законам обмена, и не только соответствует, а представляет собой его наивысшее развитие. Ибо до тех пор пока рабочая сила сама не обменивается, основа производства покоится еще не на обмене, и обмен охватывает всего лишь тесный круг, имеющий своим базисом не-обмен, как это происходит на всех ступенях,

предшествующих буржуазному производству. Но потребительная стоимость той стоимости, которую капиталист получил в результате обмена, сама представляет собой элемент созидания стоимости, а мерой этого созидания стоимости является живой труд и рабочее время, и притом большее количество рабочего времени, чем овеществлено в рабочей силе, т. е. большее количество рабочего времени, чем требуется для воспроизводства живого рабочего.

Таким образом, вследствие того что капитал в результате обмена получил в качестве эквивалента рабочую силу, он получил в свое распоряжение рабочее время — поскольку оно превышает время, содержащееся в рабочей силе — без эквивалента; при помощи *формы* обмена он присвоил себе чужое рабочее время *без обмена*. Обмен поэтому становится всего лишь формальным, и, как мы видели *, при дальнейшем анализе капитала исчезает даже видимость того, будто капитал в обмен на рабочую силу дает нечто иное, чем ее же собственный овеществленный труд; т. е. видимость того, будто он вообще что-нибудь дает в обмен на рабочую силу.

Следовательно, переворот [в отношениях обмена] происходит в результате того, что последняя ступень свободного обмена представляет собой обмен рабочей силы как товара, обмен ее в качестве стоимости на товар, на стоимость, что рабочая сила приобретается как овеществленный труд, между тем как ее потребительная стоимость заключается в живом труде, т. е. в созидании меновой стоимости. Переворот происходит вследствие того, что потребительная стоимость рабочей силы как стоимости сама представляет собой элемент, созидающий стоимость, является субстанцией стоимости и субстанцией, увеличивающей стоимость. В этом обмене рабочий, взамен эквивалента овеществленного в нем рабочего времени, дает, следовательно, свое созидающее и увеличивающее стоимость живое рабочее время. Он продает себя как результат. Как причина, как деятельность рабочий поглощается капиталом и включается в капитал. Таким образом, обмен превращается в свою противоположность, а законы частной собственности — свобода, равенство, собственность в смысле собственности на свой труд и свободного распоряжения им — превращаются в отсутствие собственности у рабочего и в отчуждение [Entäußerung] его труда, в его отношение к своему труду как к чужой собственности, и vice versa **.

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 441—442. *Ред.*

** — наоборот. *Ред.*

Обращение части капитала, фигурирующей в качестве заработной платы, сопровождает процесс производства, выступает как экономическое отношение формы рядом с ним, происходит одновременно с ним и переплетено с ним. Только это обращение и полагает капитал как таковой; оно является условием процесса увеличения его стоимости и устанавливает не только определение формы этого процесса, но и его субстанцию. Это есть постоянно обращающаяся часть капитала, которая ни на мгновение не входит в самый процесс производства, но постоянно его сопровождает. Это есть та часть капитала, которая ни на мгновение не входит в процесс его воспроизводства, чего нельзя сказать о сыром материале. *Фонд жизненных средств* рабочего выходит из процесса производства в виде продукта, в виде результата; но как продукт он никогда не входит в процесс производства, ибо он представляет собой продукт, готовый для индивидуального потребления, непосредственно входит в потребление рабочего и непосредственно обменивается для этой цели. Следовательно, в отличие как от сырья, так и от орудия труда, фонд жизненных средств представляет собой оборотный капитал *κατ' ἐξοχήν* *.

Здесь перед нами тот единственный момент кругооборота капитала, когда в него непосредственно входит потребление. Там, где товар обменивается на деньги, его может приобрести другой капитал в качестве сырья для нового производства. Далее, согласно предпосылкам капитала, ему противостоит не отдельный потребитель, а купец, который сам покупает товар, для того чтобы продать его за деньги. (Эту предпосылку относительно торгового сословия следует развить в общей форме. Тем самым обращение между деловыми людьми и обращение между деловыми людьми и потребителями — это разные вещи.)

Таким образом, оборотный капитал выступает здесь непосредственно как предназначенный для индивидуального потребления рабочих; вообще — как предназначенный для непосредственного потребления и потому существующий в форме готового продукта. Если поэтому, с одной стороны, капитал является предпосылкой продукта, то в такой же мере готовый продукт является предпосылкой капитала. Исторически это сводится к тому, что капитал не создал мир заново, но что производство и продукты уже имелись налицо, прежде чем он подчинил их своему процессу. Когда капитал уже в ходу, когда он исходит из самого себя, он постоянно предполагает себя

* — по преимуществу. *Ред.*

в своих различных формах в качестве индивидуально потребляемого продукта, сырья и орудия труда, для того чтобы постоянно воспроизводить себя в этих формах. Эти формы сначала выступают как предположенные им самим условия, а затем — как его результат. В процессе своего воспроизводства капитал производит свои собственные условия.

Здесь, следовательно, мы находим — через посредство отношения капитала к живой рабочей силе и к природным условиям ее сохранения, — что оборотный капитал определяется также и со стороны потребительной стоимости, определяется как непосредственно входящий в индивидуальное потребление и подлежащий в нем истреблению в качестве продукта. Поэтому неправильным является тот вывод, что оборотный капитал вообще есть нечто *пригодное для потребления,* как будто бы уголь, смазочное масло, красители и т. д., орудия и т. д., мелиорация почвы и т. д., фабрики и т. д. не потребляются точно таким же образом, если под потреблением понимать уничтожение их потребительной стоимости и их формы. Но точно так же все они не потребляются, если под потреблением понимать индивидуальное потребление, потребление в собственном смысле.

В этом обращении капитал в качестве овеществленного труда постоянно отталкивает себя от самого себя, для того чтобы ассимилировать живую рабочую силу [Arbeitskraft], необходимую ему как воздух. Что же касается потребления рабочего, то оно воспроизводит только одно, а именно — его самого как живую рабочую силу. *Так как это воспроизводство самого рабочего составляет условие для капитала, то и потребление рабочего выступает не непосредственно как воспроизводство капитала, а как воспроизводство тех отношений, при которых капитал только и является капиталом. Живая рабочая сила, так же как сырье и орудие, принадлежит к числу условий существования капитала. Капитал, стало быть, воспроизводит себя двояким образом: в своей собственной форме и в потреблении рабочего, но последнее лишь в той мере, в какой это потребление воспроизводит рабочего как живую рабочую силу.* Это потребление капитал поэтому называет производительным потреблением — производительным не потому, что оно воспроизводит индивида, а потому, что оно воспроизводит индивидов в качестве рабочей силы.

Если Росси * находит странным то обстоятельство, что заработная плата принимается в расчет дважды: сначала как доход рабочего, а затем как воспроизводительное потребление

* См. настоящий том, часть II, стр. 88—91. *Ред.*

капитала, то это возражение имеет смысл только в отношении тех, кто непосредственно вводит заработную плату в качестве стоимости в процесс производства капитала. Ибо выплата заработной платы есть такой акт обращения, который происходит одновременно и рядом с актом производства. Или, как говорит с этой точки зрения Сисмонди[44], рабочий потребляет свою заработную плату без воспроизводства, а капиталист потребляет ее производительно, поскольку он получает взамен труд, который воспроизводит заработную плату и больше, чем заработную плату.

Это относится к самому капиталу только в том случае, если рассматривать его как объект. А поскольку капитал является отношением, и притом отношением к живой рабочей силе, потребление рабочего воспроизводит это отношение. Иными словами, капитал воспроизводит себя двояким образом: в качестве стоимости, в качестве возможности возобновить процесс увеличения своей стоимости, снова действовать как капитал, он воспроизводит себя посредством обмена на труд; в качестве отношения он воспроизводит себя посредством потребления рабочего, которое воспроизводит рабочего как рабочую силу, способную быть обмененной на капитал, на заработную плату как часть капитала.

Это обращение между капиталом и трудом присваивает, таким образом, одной части капитала — фонду жизненных средств — определение постоянно обращающегося, постоянно потребляемого, постоянно подлежащего воспроизводству капитала. В этом обращении разительно обнаруживается различие между капиталом и деньгами, между обращением капитала и обращением денег. Например, капитал еженедельно выплачивает заработную плату; рабочий несет эту плату лавочнику и т. д., тот прямо или косвенно сдает ее банкиру; а на следующей неделе фабрикант снова берет ее у банкира, для того чтобы снова выплатить ее тем же самым рабочим и т. д. Посредством одной и той же суммы денег постоянно обращаются новые части капитала. Но сама денежная сумма не определяет те части капитала, которые обращаются таким способом. Если денежная стоимость заработной платы возрастет, то возрастут и средства обращения, но масса этих средств обращения не определяет этого возрастания. Если бы издержки производства денег не снижались, то никакое увеличение количества денег не оказало бы влияния на вступающую в это обращение часть капитала. Здесь деньги выступают как всего лишь средство обращения. Так как приходится одновременно платить многим рабочим, то единовременно требуется определенная денежная сумма, которая

возрастает вместе с количеством рабочих. С другой стороны, при ускорении оборота денег их требуется меньше, чем в тех случаях, когда имеется меньше рабочих, но механизм денежного обращения не так хорошо отрегулирован.

Рассматриваемое нами обращение [обмен между капиталом и рабочей силой] является условием процесса производства, а тем самым также и условием [VI—39] процесса обращения [в целом]. С другой стороны, если бы капитал не возвращался из обращения, то это обращение между рабочими и капиталом не могло бы возобновиться; следовательно, оно, со своей стороны, обусловлено тем, что капитал пробегает различные моменты своего метаморфоза *вне* процесса производства. Если бы этого возвращения капитала из сферы обращения не получилось, то не потому, что не было бы в наличии достаточного количества *денег* как *средства обращения,* а потому, что или не было бы в наличии капитала в форме продуктов, т. е. отсутствовала бы эта часть *оборотного* капитала, или же потому, что капитал не принял бы *формы денег,* т. е. не реализовал бы себя как капитал, что, однако, в свою очередь было бы вызвано не количеством средств обращения, а тем, что капитал не утвердил бы себя в *качественном определении* денег, для чего вовсе не нужно, чтобы он был в форме металлической наличности, в непосредственной денежной форме. Принял бы капитал эту форму или нет — это опять-таки зависело бы не от количества денег, обращающихся в качестве средств обращения, а от обмена капитала на стоимость как таковую; снова здесь фигурировал бы качественный, а не количественный момент, что мы рассмотрим подробнее, когда будем говорить о капитале как деньгах (о проценте и т. д.).

[9)] ТРОЯКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ИЛИ ТРОЯКИЙ СПОСОБ, ОБРАЩЕНИЯ. ВРЕМЯ ОБОРОТА СОВОКУПНОГО КАПИТАЛА, РАЗДЕЛИВШЕГОСЯ НА ОБОРОТНЫЙ И ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ. СРЕДНИЙ ОБОРОТ ТАКОГО КАПИТАЛА. ВЛИЯНИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА НА СОВОКУПНОЕ ВРЕМЯ ОБОРОТА КАПИТАЛА. ОБРАЩАЮЩИЙСЯ ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Обращение, рассматриваемое в целом, выступает, следовательно, трояко:

1) Совокупный процесс — прохождение капиталом его различных моментов, в результате чего капитал выступает как текучий, как обращающийся капитал. Поскольку в каждом

из этих моментов непрерывность процесса virtualiter * нарушена и каждый момент может упрочиться по отношению к переходу в следующую фазу, капитал выступает здесь равным образом и как фиксированный в различных отношениях, и различные способы этой фиксированности конституируют различные капиталы: товарный капитал, денежный капитал, капитал в виде условий производства.

2) Малое обращение между капиталом и рабочей силой. Оно сопровождает процесс производства и выступает как договор, обмен, форма общения, на основе которых начинается процесс производства. Часть капитала, вступающая в это обращение — фонд жизненных средств, — представляет собой оборотный капитал *κατ' ἐξοχήν* **. Он определен не только со стороны формы: сама его потребительная стоимость, т. е. его вещественное определение как продукта, пригодного к потреблению и непосредственно поступающего в индивидуальное потребление, составляет часть его определения формы.

3) Большое обращение: движение капитала вне фазы производства, при котором его время — в противоположность рабочему времени — выступает как время обращения. Из этой противоположности между капиталом, находящимся в фазе производства, и капиталом, покидающим ее, проистекает различие *текучего* и *основного капитала*. Последний капитал — это тот, который прикреплен к процессу производства и в нем самом потребляется; хотя он и приходит из большого обращения, но никогда туда не возвращается, и когда он обращается, он обращается только для того, чтобы быть потребляемым в процессе производства, быть прикованным к нему.

Это троякое различие в обращении капитала [во-первых] порождает троякое различие между обращающимся и фиксированным капиталом; [во-вторых] одну часть капитала оно полагает как обращающуюся *κατ' ἐξοχήν*, так как эта часть никогда не входит в процесс производства, но постоянно его сопровождает; и в-третьих, оно полагает различие между *текучим* и *основным* капиталом. Обращающийся капитал в форме № 3 включает в себя также и № 2, так как эта последняя форма тоже противоположна основному капиталу; но форма № 2 не включает в себя форму № 3.

Та часть капитала, которая как таковая принадлежит процессу производства, является такой его частью, которая вещественно служит только *средством производства*, является

* — потенциально. *Ред.*
** — по преимуществу. *Ред.*

посредником между живым трудом и подлежащим обработке материалом. Часть текучего капитала, например уголь, смазочное масло и т. д., тоже служит только средством производства. Сюда относится все, что служит только средством для того, чтобы поддерживать работу данной машины или же машины, приводящей ее в движение. Это различие надо будет еще исследовать подробнее. Прежде всего, это не противоречит первому определению, так как основной капитал в качестве *стоимости* точно так же обращается по мере того как он изнашивается. Именно в этом определении *основного* капитала, — т. е. в том его определении, согласно которому капитал утрачивает свою текучесть и отождествляется с *определенной* потребительной стоимостью, лишающей капитал его трансформационной способности, — *развитый капитал,* поскольку мы его знаем пока как производительный капитал, и выступает всего разительнее, и именно в этой как будто неадекватной форме и в возрастании ее доли по сравнению с формой оборотного капитала в определении № 2 и измеряется степень развития капитала как капитала. Это противоречие красиво. Его следует развить.

Те различные виды капитала, которые в политической экономии появляются извне, как будто бы с неба свалившись, выступают здесь как соответствующие порождения [als ebenso viele Niederschläge] движений, вытекающих из самой природы капитала, или, вернее, как соответствующие порождения самого этого движения в его различных определениях.

Оборотный капитал постоянно «уходит» от капиталиста, для того чтобы возвратиться к нему в своей первоначальной форме. *Основной капитал* этого не делает *(Шторх)*. «*Оборотный капитал* — это та часть капитала, которая не приносит прибыли до тех пор, *пока с ней не расстанутся;* основной капитал и т. д. приносит эту прибыль, *оставаясь во владении собственника»* *(Мальтус)*. «Оборотный капитал не приносит своему хозяину дохода или прибыли, *пока он остается в его владении; основной капитал,* не меняя хозяина и не нуждаясь в обращении, приносит эту прибыль» *(А. Смит)* [45].

С этой точки зрения, так как уход капитала от его собственника (расставание со своим владельцем) означает не что иное, как *отчуждение* собственности или владения, совершающееся в акте обмена; и так как природа всякой меновой стоимости, а следовательно, и всякого капитала такова, что он становится стоимостью для своего владельца путем отчуждения, — то определение в его вышеприведенной форме не может быть верным. Если бы основной капитал существовал для его собствен-

ника без посредства обмена и заключенной в обмене меновой стоимости, то фактически основной капитал был бы всего лишь потребительной стоимостью, следовательно, он не был бы капиталом.

Однако в основе приведенного определения лежит следующее: основной капитал обращается как *стоимость* (хотя лишь по частям, постепенно, как мы увидим). Как *потребительная стоимость* он не обращается. *Основной капитал,* поскольку он рассматривается со своей вещественной стороны, как момент процесса производства, никогда не покидает его пределов, не отчуждается своим владельцем, остается в его руках. Он обращается лишь со *стороны* своей *формы,* как капитал, как долговечная стоимость. В оборотном капитале не существует этого различия между формой и содержанием, между его потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Для того чтобы обращаться в качестве последней, чтобы быть этой последней, он должен вступить в обращение в качестве первой, должен быть отчужден. Потребительной стоимостью для *капитала* как такового является лишь сама стоимость. Оборотный капитал реализует себя как стоимость для капитала только тогда, когда его отчуждают. До тех пор пока оборотный капитал остается в руках капиталиста, он обладает стоимостью лишь *an sich* *, но это еще не *положено;* он есть стоимость лишь δυνάμει, но не actu **. Напротив, основной капитал реализует себя как стоимость лишь до тех пор, пока он остается в руках капиталиста в качестве потребительной стоимости, или, если выразить это в виде вещного отношения, — пока он остается в процессе производства, что можно рассматривать как внутреннее органическое движение капитала, как его отношение к самому себе, в противовес его телесному движению, его бытию для другого. Следовательно, так как *основной капитал,* вступив в процесс производства, остается в нем, то он в нем же и исчезает, истребляется. Продолжительность этого исчезновения нас здесь пока еще не касается.

С этой точки зрения, следовательно, все, что Шербюлье [46] называет *вспомогательными материалами,* а именно: уголь, дрова, смазочное масло, сало и т. д., которые целиком уничтожаются в процессе производства и которые имеют *потребительную стоимость* лишь для самого процесса производства, — все это относится к *основному капиталу.* Но те же самые материалы обладают той или иной потребительной стоимостью также и вне

* — в себе, в возможности, потенциально. *Ред.*
** — в возможности, но не в действительности. *Ред.*

производства и могут потребляться также и иным образом, совершенно так же как строения, дома и т. д. не обязательно предназначены для производства. Они являются *основным капиталом* не в силу определенного способа их существования, а вследствие их употребления. Они становятся основным капиталом, когда вступают в процесс производства. Они являются *основным капиталом,* коль скоро они положены как моменты процесса производства капитала, ибо в этом случае они [VI—40] утрачивают свое свойство — быть потенциально оборотным капиталом.

Итак, подобно тому как часть капитала, входящая в малый кругооборот капитала, — иными словами, капитал, поскольку он принимает участие в этом движении, в обращении между капиталом и рабочей силой, часть капитала, обращающаяся в виде заработной платы, — со своей вещественной стороны, как потребительная стоимость, *никогда не выходит из обращения и никогда не вступает в процесс производства капитала,* но всегда выталкивается им как продукт, как результат предшествующего процесса производства, — так, наоборот, часть капитала, определенная как *основной капитал,* никогда не выходит в качестве потребительной стоимости, по своему материальному бытию, из *процесса производства* и никогда не *вступает снова в обращение.* В то время как последняя часть капитала вступает в обращение только как *стоимость* (как часть стоимости готового продукта), другая часть — только как *стоимость* вступает в процесс производства, ибо необходимый труд представляет собой воспроизводство заработной платы, той части стоимости капитала, которая обращается в виде заработной платы. Таково, следовательно, *первое* определение основного капитала, и с этой стороны он включает в себя также и *вспомогательные материалы.*

Во-вторых. Но основной капитал может вступить в обращение в качестве стоимости лишь в той мере, в какой он исчезает в процессе производства в качестве потребительной стоимости. Основной капитал входит в продукт как стоимость — т. е. как затраченное на него или в нем сохраненное рабочее время — по мере того как он исчезает как потребительная стоимость в своей самостоятельной форме. В результате пользования основным капиталом он изнашивается, но таким образом, что его стоимость переносится из его формы в форму продукта. Если основной капитал не используется, не потребляется в самом процессе производства — если машина стоит, железо ржавеет, дерево гниет, — то, разумеется, его стоимость исчезает вместе с его преходящим бытием в качестве потребительной

стоимости. Его обращение в качестве стоимости соответствует его потреблению в процессе производства в качестве потребительной стоимости. Его полная стоимость будет целиком воспроизведена, т. е. возвратится из обращения лишь тогда, когда он будет полностью потреблен в процессе производства в качестве потребительной стоимости. Как только основной капитал полностью растворится в стоимости и потому полностью войдет в обращение, он полностью прекратит свое существование в качестве потребительной стоимости и потому должен, как необходимый момент производства, быть возмещен новой потребительной стоимостью подобного же рода, т. е. должен быть воспроизведен. Необходимость воспроизвести основной капитал, т. е. время его воспроизводства, определяется тем временем, в течение которого он изнашивается, потребляется в процессе производства.

Воспроизводство оборотного капитала определяется временем обращения, а обращение основного капитала определяется тем временем, в течение которого он потребляется в качестве потребительной стоимости, в своем вещественном бытии, внутри акта производства, т. е. тем временем, в течение которого он должен быть воспроизведен. Тысяча фунтов пряжи может быть воспроизведена снова, когда она будет продана и вырученные за нее деньги снова обменены на хлопок и т. д., словом, на элементы производства пряжи. Таким образом, воспроизводство пряжи определяется временем обращения. Машина стоимостью в 1 000 ф. ст., которая служит 5 лет, которая изнашивается только через 5 лет, становясь затем лишь грудой старого железа, изнашивается каждый год, скажем, на $^1/_5$, если мы возьмем среднюю величину ее [ежегодного] потребления в процессе производства. Следовательно, каждый год вступает в обращение только $^1/_5$ стоимости машины, и лишь по истечении 5 лет она окажется целиком вступившей в обращение и возвратившейся из него. Таким образом, ее вступление в обращение всецело определяется сроком ее изнашивания, а время, необходимое для того, чтобы ее стоимость полностью вступила в обращение и возвратилась из него, определяется совокупным временем ее воспроизводства, тем временем, к концу которого машина должна быть воспроизведена.

Основной капитал входит в продукт только как стоимость, тогда как потребительная стоимость оборотного капитала осталась в продукте как его субстанция и только приняла иную форму. В результате этого различия *время оборота* совокупного капитала, распадающегося на оборотный и основной капитал, существенно изменяется. Обозначим совокупный

капитал буквой S, его оборотную часть буквой c, основную часть буквой f; пусть основной капитал составляет $\frac{1}{x}S$, а оборотный — $\frac{1}{y}S$. Предположим, что оборотный капитал совершает за год 3 оборота, а основной капитал — только 2 оборота за 10 лет. За 10 лет f, или $\frac{S}{x}$, обернется два раза, в то время как за те же 10 лет $\frac{S}{y}$ обернется 3×10, т. е. 30 раз. Если бы S было равно $\frac{S}{y}$, т. е. капитал целиком был бы оборотным капиталом, то U, его оборот, был бы равен 30, а весь обернувшийся за 10 лет капитал был бы равен $30 \times \frac{S}{y}$.

Но основной капитал оборачивается за 10 лет только два раза. Его $U' = 2$, а весь обернувшийся основной капитал равен $\frac{2S}{x}$. Но $S = \frac{S}{y} + \frac{S}{x}$, а его совокупное время оборота равно совокупному времени оборота этих двух частей. Если основной капитал совершает два оборота за 10 лет, то за один год обернется $^1/_5$ часть основного капитала ($^{10}/_2 = {}^1/_5$). В то же время оборотный капитал за один год оборачивается три раза. Величина $\frac{S}{5x}$ оборачивается ежегодно один раз.

Вопрос решается просто, если капитал в 1 000 талеров состоит из 600 талеров оборотного капитала и 400 талеров основного капитала; т. е. $^3/_5$ составляют оборотный и $^2/_5$ — основной капитал. Если основной капитал функционирует в течение 5 лет, т. е. оборачивается один раз за пять лет, а оборотный капитал — 3 раза в год, то чему равняется среднее число оборотов или среднее время оборота совокупного капитала? Если бы капитал состоял только из оборотного капитала, то [за пять лет] он обернулся бы 5×3, т. е. 15 раз; весь обернувшийся капитал за 5 лет был бы равен 15 000 талеров. Но $^2/_5$ капитала оборачиваются лишь 1 раз за 5 лет. Из этих 400 талеров [основного капитала], следовательно, за год оборачиваются $\frac{400}{5}$, т. е. 80 талеров. Из 1 000 талеров [совокупного капитала] ежегодно оборачиваются 600×3 и 80×1; т. е. за целый год обернулось бы только 1 880 талеров. За 5 лет, таким образом, оборачиваются $5 \times 1\,880$, т. е. 9 400 талеров, или на 5 600 талеров меньше, чем в том случае, когда весь капитал состоял бы только из оборотного капитала. Если бы весь капитал состоял только из оборотного капитала, то он оборачивался бы один раз за $^1/_3$ года.

[VI—41] Если капитал равен 1 000 талерам, $c = 600$ талерам и оборачивается два раза в год, $f = 400$ талерам и оборачивается один раз за год, — тогда 600 талеров $\left(\frac{3}{5}S\right)$ оборачиваются за половину года. Равным образом, за половину года оборачиваются $^{400}/_{2}$ талеров, т. е. $\frac{2S}{5 \times 2}$ [основного капитала]. Следовательно, всего за $^{1}/_{2}$ года оборачиваются $600 + 200 = 800$ талеров (т. е. $c + f/_{2}$). *За целый год* оборачиваются, следовательно, 2×800, или 1 600 талеров. 1 600 талеров за один год; следовательно, 100 талеров за $^{12}/_{16}$ месяца, а 1 000 талеров за $^{120}/_{16}$, или за $7^{1}/_{2}$ месяца. Весь капитал в 1 000 талеров оборачивается за $7^{1}/_{2}$ месяца, между тем как он оборачивался бы за 6 месяцев, если бы состоял только из оборотного капитала. $7^{1}/_{2} : 6 = 1^{1}/_{4} : 1$, или $7^{1}/_{2} : 6 = {}^{5}/_{4} : 1$.

Если бы совокупный капитал был равен 100 талерам, оборотный — 50, основной — 50 талерам и если бы первый оборачивался за год два раза, а второй — один раз, то $^{1}/_{2}$ от 100 талеров оборачивалась бы один раз за 6 месяцев и $^{1}/_{4}$ от 100 талеров — также один раз за 6 месяцев. Таким образом, за 6 месяцев оборачивается $^{3}/_{4}$ капитала в 100 талеров, стало быть, 75 талеров — за 6 месяцев, стало быть, 100 талеров — за 8 месяцев. (Если $^{2}/_{4}$ капитала в 100 талеров оборачиваются за 6 месяцев и за те же 6 месяцев оборачивается $^{1}/_{4}$ капитала в 100 талеров, т. е. половина основного капитала, то это означает, что $^{3}/_{4}$ капитала в 100 талеров оборачиваются за 6 месяцев, т. е. $^{1}/_{4}$ — за $^{6}/_{3}$, или за 2 месяца; следовательно, $^{4}/_{4}$ от 100, или 100 талеров, оборачиваются за $6 + 2$, т. е. за 8 месяцев.)

Совокупное время оборота капитала равно 6 (время оборота всего оборотного капитала и половины основного капитала, или $^{1}/_{4}$ совокупного капитала) плюс $^{6}/_{3}$ (т. е. это же время оборота, деленное на число, выражающее долю оставшегося основного капитала в том капитале, который оборачивается за время оборота оборотного капитала). Подобным же образом в приведенном выше примере: $^{3}/_{5}$ от капитала в 100 оборачиваются за 6 месяцев, так же как и $^{1}/_{5}$ от 100; следовательно, всего $^{4}/_{5}$ от 100 оборачиваются за 6 месяцев; стало быть, остающаяся $^{1}/_{5}$ от 100 оборачивается за $^{6}/_{4}$ месяца; таким образом, совокупный капитал оборачивается за $6 + {}^{6}/_{4}$, т. е. за $6 + 1^{1}/_{2}$, или за $7^{1}/_{2}$ месяца.

Итак, в общей формулировке: среднее время оборота равно времени оборота оборотного капитала плюс это же время оборота, деленное на число, показывающее, сколько раз оставшаяся часть основного капитала содержится в общей

сумме капитала, оборачивающейся в течение этого времени оборота.

Если два капитала, равные 100 талерам, один — целиком оборотный капитал, другой — наполовину основной капитал, приносят каждый по 5% прибыли и один из них полностью оборачивается 2 раза в год, а в другом оборотный капитал тоже оборачивается 2 раза в год, но основной капитал только один раз, — то весь оборачивающийся капитал в первом случае равнялся бы 200 талерам, а прибыль равнялась бы 10 талерам, тогда как во втором случае мы имели бы 1 оборот за 8 месяцев и $^1/_2$ оборота за 4 месяца, или 150 талеров оборачивались бы за 12 месяцев, и прибыль тогда была бы равна $7^1/_2$ талера.

Такого рода расчет содействовал укреплению обычного предрассудка, будто оборотный капитал или основной капитал приносят прибыль благодаря какой-то таинственной врожденной силе, как это выражено даже в такой употребляемой Мальтусом фразе: «Оборотный капитал приносит прибыль, когда его владельцы расстаются с ним» и т. д., точно так же как и в приведенных выше местах из его «Measure of Value» и т. д., где он говорит о том, как он себе представляет накопление прибылей с основного капитала *. Вследствие того, что учение о прибавочной стоимости не рассматривалось в прежних экономических теориях в чистом виде, а смешивалось с учением о реальной прибыли, которое сводится к участию различных капиталов в общей норме прибыли, — возникла величайшая путаница и мистификация. Прибыль капиталистов как класса, или прибыль *капитала* [*des* Kapitals], должна быть налицо, прежде чем она может быть распределена, и крайне нелепо пытаться объяснить ее возникновение ее распределением.

В соответствии со сказанным выше, прибыль уменьшается в результате того, что время оборота капитала увеличивается в той же мере, в какой увеличивается та составная часть его, которая называется основным капиталом.

{Величина капитала предполагается перманентной. Она здесь нас вообще не касается, так как сформулированное положение правильно по отношению к капиталу всякой величины. Капиталы бывают различной величины. Но величина каждого отдельного капитала *равна самой себе,* следовательно, поскольку рассматривается только его свойство как капитала — любой величине. Но когда мы рассматриваем два капитала в их отличии друг от друга, то в силу различия их величин привходит

* См. настоящий том, часть II, стр. 62—63, 72—73, 188. *Ред.*

некоторое отношение качественных определений. Сама величина становится их отличительным качеством. *Это существенный аспект*, относящийся к тому, как отличается рассмотрение капитала как такового от рассмотрения капитала в его отношении к другому капиталу, или от рассмотрения капитала в его реальности, причем величина капитала — это лишь один единичный пример.}

Капитал той же самой [VI—42] величины (100 талеров) в указанном случае обернулся бы полностью два раза за год, если бы он состоял только из оборотного капитала. Но он оборачивается два раза только за 16 месяцев, т. е. за год обернутся только 150 талеров, так как он наполовину состоит из основного капитала. Насколько уменьшается количество [циклов] его воспроизводства за определенное время, или насколько уменьшается та величина капитала, которая воспроизводится за это определенное время, настолько же уменьшается и производство прибавочного времени или прибавочной стоимости, так как капитал вообще создает стоимость лишь в той мере, в какой он создает прибавочную стоимость. (Такова, по крайней мере, его тенденция, его адекватная деятельность.)

Основной капитал, как мы видели, обращается как стоимость лишь по мере того, как он изнашивается или потребляется в качестве потребительной стоимости в процессе производства. Но от его относительной долговечности зависит то время, в течение которого он таким образом потребляется и должен быть воспроизведен в своей [натуральной] форме как потребительная стоимость. Его долговечность, или его бо̀льшая или меньшая непрочность — то большее или меньшее время, в течение которого он может продолжать повторение своей функции в повторных процессах производства капитала, в рамках этих процессов, — это определение его потребительной стоимости становится здесь, следовательно, моментом, определяющим форму, т. е. моментом, определяющим капитал со стороны его формы, а не с вещественной стороны. Необходимое время воспроизводства основного капитала, так же как и его доля в совокупном капитале, модифицируют здесь, следовательно, время оборота совокупного капитала, а тем самым — и увеличение его стоимости. Таким образом, бо̀льшая долговечность капитала (длительность необходимого времени его воспроизводства) и доля основного капитала в совокупном капитале в той же мере влияют здесь на процесс увеличения стоимости, как и более медленный оборот, вызванный либо тем, что рынок, с которого капитал возвращается в виде денег, пространственно более

отдален, т. е. тем, что требуется больше времени для осуществления цикла обращения (например, капиталы, работающие в Англии на индийский рынок, возвращаются медленнее, чем те, которые работают на более близкие внешние рынки или на внутренний рынок), либо тем, что сама фаза производства прерывается в силу природных условий, как это имеет место в земледелии. Рикардо, который впервые подчеркнул влияние основного капитала на процесс увеличения стоимости, путает все эти определения, что видно из цитированных выше мест *.

В первом случае (с основным капиталом) число оборотов капитала уменьшается потому, что основной капитал медленно потребляется внутри процесса производства; иными словами, причина лежит в длительности требующегося для его воспроизводства времени. Во втором случае уменьшение числа оборотов вызвано удлинением *времени обращения* (в первом случае основной капитал по необходимости обращается всегда столь же быстро, как и продукт, *в той мере, в какой* он вообще обращается, вступает в обращение, ибо он обращается не в своем вещественном существовании, а только как стоимость, т. е. как идеальная составная часть совокупной стоимости продукта), и притом времени обращения, приходящегося на вторую половину собственно процесса обращения — на обратное превращение денег. В третьем случае уменьшение числа оборотов вызвано увеличением не того времени, которое требуется капиталу, как в первом случае, для исчезновения в процессе производства, а времени, требующегося для того, чтобы выйти из него в виде продукта. Первый случай специфически присущ основному капиталу; другой [т. е. как второй, так и третий] — относится к категории нетекучего капитала, фиксированного, закрепленного в какой-либо фазе совокупного процесса обращения («основной капитал, обладающий значительной степенью долговечности, *или* оборотный капитал, возвращающийся через продолжительный период». См. *MacCulloch*. The Principles of Political Economy. Edinburgh and London, 1825, стр. 300).

В-третьих. До сих пор мы рассматривали основной капитал лишь с той стороны, согласно которой его отличия [от оборотного капитала] определяются его особым отношением, специфическим отношением к процессу обращения в собственном смысле. С этой стороны обнаружатся еще и другие отличительные признаки. Во-первых, постепенные возвращения его стоимости,

* См. настоящий том, часть II, стр. 147—150. *Ред.*

в то время как каждая часть оборотного капитала обменивается целиком, так как у него существование стоимости совпадает с существованием потребительной стоимости. Во-вторых, надо иметь в виду не только, как мы это делали до сих пор, влияние основного капитала на среднее время оборота данного капитала, но также и его влияние на то время оборота, которое свойственно ему самому по себе. Последнее обстоятельство становится важным там, где основной капитал выступает не просто как орудие производства внутри процесса производства, а как самостоятельная форма капитала, например в виде железных дорог, каналов, дорог, водопроводов, капитала, вложенного в землю, и т. д.

Последнее определение [основного капитала] становится особенно важным для той пропорции, в соответствии с которой совокупный капитал какой-нибудь страны делится на обе эти формы [на основной и оборотный капитал]. Затем оно важно с точки зрения способа обновления и сохранения основного капитала; у экономистов это встречается в той форме, что основной капитал может приносить доход только через посредство оборотного капитала и т. д. Последнее au fond * есть не что иное, как рассмотрение того момента, когда основной капитал выступает не в качестве особого самостоятельного начала *наряду* с оборотным капиталом и *вне* его, а в качестве превращенного в основной капитал оборотного капитала.

Однако здесь мы хотим прежде всего рассмотреть отношение основного капитала не вовне, а таким образом, как оно дано его замкнутостью [Eingeschlossenbleiben] в процессе производства. Основной капитал обусловлен тем, что он есть определенный момент самого процесса производства.

{Вовсе не было сказано, что *основной капитал* во всяком определении представляет собой такой капитал, который служит не для индивидуального потребления, а только для производства. Дом может служить как для производства, так и для потребления, точно так же и все средства передвижения: корабль и повозка могут быть использованы как для увеселительной поездки, так и в качестве транспортных средств; дорога может служить средством сообщения для собственно производства или же для прогулок и т. д. *Основной капитал* в этом втором отношении нас совершенно не касается, так как здесь мы рассматриваем капитал лишь как процесс увеличения стоимости и процесс производства. При рассмотрении процента будет привходить и второе определение основного капитала

* — по существу. *Ред.*

[как средства потребления]. Рикардо мог иметь в виду только это определение, когда он говорил:

«В зависимости от того, более или менее преходящим является капитал, следовательно, чаще или реже он должен быть воспроизведен в течение данного времени, он называется оборотным или основным капиталом» (*Ricardo*. On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 26) [Русский перевод, том I, стр. 49] *.

Согласно этому определению кофейник — основной капитал, а кофе — оборотный капитал. Грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей и определения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их. (Трудность определения какой-либо вещи в качестве основного или оборотного капитала соответственно ее природным свойствам привела здесь экономистов в виде исключения к догадке, что вещи сами по себе не являются ни основным, ни оборотным капиталом, а следовательно, пожалуй, и вообще не являются капиталом, подобно тому как быть деньгами вовсе не есть природное свойство золота.)}

(Чтобы не забыть, к перечисленным выше пунктам надо добавить еще обращение основного капитала в качестве обращающегося капитала, т. е. такие сделки, посредством которых основной капитал меняет своего владельца.)

«*Основной капитал — связан:* капитал, настолько *связанный с каким-либо одним видом производства,* что его уже нельзя оттуда извлечь для того, чтобы посвятить его *какому-либо другому виду производства*» (*J. B. Say*. Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome II, Paris, 1817, стр. 430) **.

«Основной капитал потребляется с целью помочь человеку воспроизвести то, что предназначено для его потребления... Он состоит из *долговечных предметов, способных увеличить производительные силы будущего труда*» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie Politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 95, 97—98) [Русский перевод, том I, стр. 188, 189] ***.

«*Основной капитал* — это тот капитал, который необходим для содержания орудий труда, машин и т. д.» (*Smith*. Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome II, Paris, 1802, стр. 226) [Русский перевод, стр. 215].

«В великом процессе производства оборотный капитал потребляется, а основной капитал только лишь используется» («The Economist» [47] от 6 ноября 1847 г., № 219, стр. 1271).

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 147. *Ред.*

** Там же, стр. 144. *Ред.*

*** Там же, стр. 151. *Ред.*

«Будет показано, что первая палка или первый камень, который человек взял в руку, чтобы помочь себе в преследовании своих целей, совершая часть его работы, выполняли в точности ту же самую функцию, что и капиталы, применяемые в настоящее время торговыми нациями» (*Lauderdale*. Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique. Paris, 1808, стр. 87). «Одна из черт, характеризующих и отличающих человеческий род — это *заменять таким образом труд* капиталом, превращенным в машины» (там же, стр. 120). «Теперь понятно, что прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы *заменяют* такой труд, который человек должен был бы выполнить собственными руками, или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы выполнить сам» (там же, стр. 119).

Лодердель полемизирует со Смитом и Локком, [VI—43] взгляд которых на труд как на созидателя прибыли, по его мнению, приводит к следующему:

«Если бы это понимание прибыли с капитала было в строгом смысле правильным, то из него вытекало бы, что прибыль является не *первичным источником* дохода, а только производным, и капитал нельзя было бы рассматривать как один из источников богатства, *так как приносимая им прибыль была бы только перемещением дохода из кармана рабочего в карман капиталиста*» (там же, стр. 116—117).

«Прибыль с капиталов получается всегда или потому, что капиталы *заменяют* такой труд, который человек должен был бы выполнить собственными руками, или же потому, что они выполняют такой труд, который превосходит личные силы человека и который человек не мог бы выполнить сам» (там же, стр. 119).

«Следует заметить, что если капиталист, благодаря производительному употреблению своих денег, сберегает для класса потребителей известное количество труда, то *он не заменяет его такой же долей своего собственного труда;* этим доказывается, что это сбережение осуществляет *его капитал*, а не он сам» (там же, стр. 132).

«Если бы Адам Смит не воображал, что эффект машины состоит в облегчении труда, или, как он сам выражается, в увеличении производительной силы труда (лишь вследствие странного смешения понятий Смит мог сказать, что эффект капитала состоит в увеличении производительной силы труда; согласно такой логике можно было бы утверждать, что *сократить наполовину обходный путь между двумя данными точками значит удвоить скорость пешехода*), то он увидел бы, что фонды, которыми оплачивается машина, приносят прибыль именно потому, что они заменяют труд, и этим же обстоятельством он объяснил бы происхождение прибыли» (там же, стр. 137).

«Капиталы во внутренней [или внешней] торговле, будь то основные или оборотные, не только не приводят в движение труд, не только не увеличивают его производительную силу [как это думает Смит], но, напротив, бывают полезны и прибыльны лишь при следующих двух условиях: или если они устраняют необходимость некоторой доли труда, которую человек должен был бы выполнять собственноручно, или если они выполняют такой труд, который человек не в состоянии выполнить сам».

Это, говорит Лодердель, не есть чисто словесное различие.

«Представление, будто капиталы приводят в движение труд и увеличивают его производительную силу, дает повод к тому взгляду, что труд всюду соразмерен количеству существующих капиталов и что производство в какой-либо стране всегда соответствует применяемым фондам. Отсюда следовало бы, что увеличение капиталов есть наилучшее и неограниченное средство увеличивать богатство. Но если вместо этого признать, что единственным полезным и выгодным применением капитала является замена известного труда или его выполнение, то мы придем к естественному выводу, что государство не найдет никакой выгоды в том, чтобы иметь больше капиталов, чем оно может применить для того, чтобы выполнять работу или заменять ее в сфере производства и изготовления вещей, которых требует потребитель» (там же, стр. 150—152).

Для того чтобы обосновать свою точку зрения, согласно которой капитал, независимо от труда, является sui generis * источником прибыли, а потому и богатства, Лодердель указывает на ту сверхприбыль, которую получает владелец вновь изобретенной машины, пока не истечет срок его патента и конкуренция не снизит цены, и затем заканчивает следующими словами:

«Это изменение правила относительно цен не препятствует тому, что прибыль от» (потребительной стоимости) «машины берется из фонда того же рода, как и тот, из которого эта прибыль выплачивалась до истечения срока патента: *этот фонд всегда есть та часть дохода страны, которая раньше предназначалась для оплаты труда, заменяемого новым изобретением*» (там же, стр. 125).

В противовес этому *Рейвнстон* говорит следующее:

«Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного человека; постройка машины потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч. Соответственно этому машины находят наибольшее применение в наиболее населенных странах, где больше всего праздных людей. Применение машин вызывается не недостатком в людях, а легкостью, с какой возможно массы людей привлечь к работе» (*Ravenstone*. Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, стр. 45).

«Разделение машин на 1) машины, применяемые для производства силы; 2) машины, целью которых является просто передача силы и выполнение работы» (*Babbage*. Traité sur l'Economie des Machines et des Manufactures. Paris, 1833, стр. 20—21).

«*Фабрика* означает кооперацию различных категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних, которые с искусством и прилежанием наблюдают за системой производительных машин, непрерывно приводимых в действие центральным двигателем... [Это определение] исключает всякую

* — особого рода, своего рода. *Ред.*

такую фабрику, механизм которой не представляет собой непрерывной системы или которая не зависит от единого двигателя. Примеры последней группы — красильни, меднолитейные заводы и т. д. ... Этот термин, в наиболее строгом смысле, связан с представлением об огромном автомате, составленном из многочисленных *механических и интеллектуальных органов,* действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены одной двигательной силе, которая сама приводит себя в движение» (*Ure.* Philosophie des manufactures. Bruxelles, 1836, tome I, стр. 18—19).

[10) РАЗВИТИЕ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА]

[а) Система машин как адекватная капитализму форма средств труда]

Капитал, потребляющий себя в самом процессе производства, или основной капитал, представляет собой *средство производства* в наиболее емком смысле этого термина. В более широком смысле весь процесс производства и каждый его момент, равно как и каждый момент обращения — коль скоро он рассматривается с вещественной стороны — является только средством производства для капитала, для которого в качестве самоцели существует только стоимость. Сырье, даже с вещественной стороны, представляет собой средство производства продукта и т. д.

Но определение потребительной стоимости основного капитала как капитала, потребляющего себя в самом процессе производства, тождественно с тем, что основной капитал применяется в этом процессе лишь как средство и что сам он существует всего лишь как агент для превращения сырья в продукт. Его потребительная стоимость как такого средства производства может состоять в том, что он является лишь технологическим условием осуществления процесса (тем местом, где происходит процесс производства), как, например, строения и т. д. Или же этот капитал является непосредственным условием для функционирования собственно средства производства, как, например, все вспомогательные материалы. И строения, и вспомогательные материалы опять-таки — лишь вещественные предпосылки для осуществления процесса производства вообще, или вещественные предпосылки для применения и сохранения средства труда. Средство же труда, в собственном смысле, применяется только в рамках производства и для производства и не имеет никакой другой потребительной стоимости.

Первоначально, когда мы рассматривали переход стоимости в капитал, процесс труда просто включался в капитал, а капитал по своим вещественным условиям, по своему материальному бытию выступал как совокупность условий этого процесса и соответственно ему делился на определенные, качественно различные части — такие, как *материал труда* (именно этот термин, а не «сырой материал», правильно выражает соответствующее понятие), *средство труда* и *живой труд* *. С одной стороны, капитал, в соответствии со своим вещественным составом, распадался на эти три элемента; с другой стороны, движущееся единство этих элементов (или их совместное вхождение в процесс) выступало как *процесс труда*, а их покоящееся единство — как продукт. Вещественные элементы — материал труда, средство труда и живой труд — выступают в этой форме только как существенные моменты самого процесса труда, присваиваемого капиталом. Но эта вещественная сторона — или определение капитала как потребительной стоимости и реального процесса — совершенно не совпадала с определением его формы. В самом этом последнем определении

1) те три элемента, в которых капитал выступает до обмена с рабочей силой, до действительного процесса, выступали только как количественно различные доли его самого, как определенные количества стоимости, единство которых составляет сам капитал как сумма. Та вещественная форма, та потребительная стоимость, в которой существовали эти различные доли капитала, ничего не меняла в однородности этого их определения. Со стороны определения формы они выступали только так, что капитал количественно делился на части.

2) Внутри самого процесса труд и оба других элемента, рассматриваемые со стороны формы, отличались друг от друга лишь тем, что эти последние определялись как постоянные стоимости, а труд — как полагающий стоимость. Что же касается различия между ними как потребительными стоимостями, вещественной стороны, то она совершенно выпадала из определения формы капитала. Но теперь в различии между оборотным капиталом (сырой материал и продукт) [VI—44] и *основным капиталом* (средства труда) различие между элементами как потребительными стоимостями одновременно положено как различие между элементами капитала как капитала, в определении, относящемся к его форме. Отношение между факторами, которое прежде было только количественным отношением,

* См. настоящий том, часть I, стр. 250. *Ред.*

теперь выступает как качественное различие самого капитала и как отношение, определяющее движение капитала в целом (оборот капитала). Материал труда и продукт труда — этот нейтральный осадок процесса труда — как *сырой материал* и *продукт* теперь уже и с вещественной стороны определены не как материал и продукт труда, а как потребительная стоимость самого капитала в различных фазах.

Пока средство труда остается средством труда в собственном смысле слова, так, как оно непосредственно, исторически включено капиталом в процесс увеличения его стоимости, оно претерпевает лишь формальное изменение, заключающееся в том, что теперь оно выступает не только как средство труда со своей вещественной стороны, но, вместе с тем, как определяемый совокупным процессом капитала особенный способ его существования, — выступает как *основной капитал*.

Однако будучи включено в процесс производства капитала, средство труда проходит через различные метаморфозы, из которых последним является *машина* или, вернее, *автоматическая система машин* (система машин, являющаяся *автоматической*, есть лишь наиболее завершенная, наиболее адекватная форма системы машин, и только она превращает машины в систему), приводимая в движение автоматом, такой движущей силой, которая сама себя приводит в движение. Эта автоматическая фабрика состоит из множества механических и интеллектуальных органов, так что сами рабочие определяются только как сознательные ее члены. В машине, а еще больше — в совокупности машин, выступающей как автоматическая система, средство труда по своей потребительной стоимости, т. е. по своему вещественному бытию, переходит в существование, адекватное основному капиталу и капиталу вообще, а та форма, в которой средство труда в качестве непосредственного средства труда было включено в процесс производства капитала, уничтожается, превращаясь в форму, положенную самим капиталом и соответствующую ему.

Машина ни в каком отношении не выступает как средство труда отдельного рабочего. Ее differentia specifica * заключается вовсе не в том, чтобы, как это имеет место у средства труда отдельного рабочего, опосредствовать деятельность рабочего, направленную на объект; наоборот, деятельность рабочего определена таким образом, что она уже только опосредствует работу машины, ее воздействие на сырой материал — наблюдает за машиной и предохраняет ее от помех в ее работе.

* — специфическое отличие. *Ред.*

Здесь дело обстоит не так, как в отношении орудия, которое рабочий превращает в орган своего тела, одушевляя его своим собственным мастерством и своей собственной деятельностью, и умение владеть которым зависит поэтому от виртуозности рабочего. Теперь, наоборот, машина, обладающая вместо рабочего умением и силой, сама является тем виртуозом, который имеет собственную душу в виде действующих в машине механических законов и для своего постоянного самодвижения потребляет уголь, смазочное масло и т. д. (вспомогательные материалы), подобно тому как рабочий потребляет предметы питания. Деятельность рабочего, сводящаяся к простой абстракции деятельности, всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот. Наука, заставляющая неодушевленные члены системы машин посредством ее конструкции действовать целесообразно как автомат, не существует в сознании рабочего, а посредством машины воздействует на него как чуждая ему сила, как сила самой машины.

Присвоение живого труда посредством овеществленного труда — присвоение силы или деятельности, созидающей стоимость, посредством самодовлеющей стоимости, которое заложено в понятии капитала, — в производстве, основанном на машинах, положено как характер самого процесса производства также и со стороны вещественных элементов производства и его вещественного движения. Процесс производства перестал быть процессом труда в том смысле, что труд перестал охватывать процесс производства в качестве господствующего над ним единого начала. Наоборот, труд выступает теперь лишь как сознательный орган, рассеянный по множеству точек механической системы в виде отдельных живых рабочих и подчиненный совокупному процессу самой системы машин, как фактор, являющийся лишь одним из звеньев системы, единство которой существует не в живых рабочих, а в живой (активной) системе машин, выступающей по отношению к единичной незначительной деятельности рабочего, в противовес ему, как могущественный организм. В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила, каковою капитал в качестве присвоения живого труда является по своей форме. Включение процесса труда в процесс увеличения стоимости капитала в качестве всего лишь его момента также и с вещественной стороны обусловлено превращением средства труда в систему машин, а живого труда — всего лишь в живой придаток этой системы машин, в средство для ее деятельности.

Увеличение производительной силы труда и максимальное отрицание необходимого труда представляют собой, как мы видели *, необходимую тенденцию капитала. Осуществлением этой тенденции является превращение средства труда в систему машин. В системе машин овеществленный труд вещественно противостоит живому труду как господствующая над ним сила и как активное подчинение его себе, не только путем присвоения живого труда, но и в самом реальном процессе производства. Отношение капитала как стоимости, присваивающей себе деятельность, созидающую стоимость, вместе с тем положено в основном капитале, существующем в виде системы машин, как отношение потребительной стоимости капитала к потребительной стоимости рабочей силы.

Овеществленная в системе машин стоимость выступает, далее, как такая предпосылка, по отношению к которой созидающая стоимость энергия единичной рабочей силы исчезает как бесконечно малая величина. Посредством производства в гигантском масштабе, обусловленного системой машин, в продукте также исчезает всякое отношение к непосредственной потребности производителя, а потому — к непосредственной потребительной стоимости. В той форме, в которой производится продукт, и в тех отношениях, при которых он производится, уже положено, что продукт производится только как носитель стоимости, а его потребительная стоимость выступает лишь как условие для этого. Сам овеществленный труд непосредственно выступает в системе машин не только в форме продукта или продукта, применяемого как средство труда, но в форме самой производительной силы. Развитие средства труда в систему машин не случайно для капитала, а представляет собой историческое преобразование традиционных, унаследованных средств труда, превращение их в средства труда, адекватные капиталу. Таким образом, накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала, а более определенно — как свойство *основного капитала*, коль скоро он вступает в процесс производства в качестве подлинного средства производства.

Следовательно, *система машин* выступает как наиболее адекватная форма *основного капитала*, а основной капитал, поскольку капитал рассматривается в его отношении к самому себе, — как *наиболее адекватная форма капитала вообще*. С другой стороны, поскольку основной капитал закреплен в своем

* См. настоящий том, часть I, стр. 403. *Ред.*

бытии в качестве определенной потребительной стоимости, он не соответствует понятию капитала, который как стоимость безразличен по отношению ко всякой определенной форме потребительной стоимости и может принять каждую из этих форм или сбросить ее как безразличное для него воплощение. С этой стороны, с точки зрения отношения капитала к тому, что находится вне его, адекватной формой капитала в противоположность основному капиталу является *оборотный капитал.*

Поскольку, далее, система машин развивается вместе с накоплением общественных знаний и вообще производительной силы, постольку не рабочий, а капитал выступает в качестве представителя всеобщего общественного труда. Производительная сила общества измеряется *основным капиталом,* существует в нем в предметной форме, и, наоборот, вместе с этим всеобщим прогрессом, который капитал присваивает себе бесплатно, развивается производительная сила капитала. Здесь не следует входить в рассмотрение развития системы машин во всех деталях; оно необходимо здесь только в самой общей форме, поскольку *средство труда,* превращаясь в *основной капитал,* утрачивает — со своей вещественной стороны — свою непосредственную форму и вещественно противостоит рабочему как *капитал.* Знание выступает в системе машин как нечто чуждое рабочему, вне его находящееся, а живой труд выступает как подчиненный самостоятельно действующему овеществленному труду. Рабочий выступает как излишний, если только его деятельность не обусловлена потребностью [капитала] *.

[VII—1] ** Итак, полное развитие капитала имеет место лишь тогда — или капитал лишь тогда создает соответствующий ему способ производства, — когда средство труда не только формально определено как *основной капитал,* но устранена его непосредственная форма и *основной капитал* противостоит труду внутри процесса производства в качестве машины, весь же процесс производства выступает не как подчиненный непосредственному мастерству рабочего, а как технологическое применение науки. Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства. Как при анализе превращения стоимости в капитал, так и при рассмотрении дальнейшего развития капитала оказывается, что капитал, с одной стороны, предполагает

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

** В рукописи здесь помечено Марксом: «Эта тетрадь начата в конце февраля 1858 года». *Ред.*

определенное данное историческое развитие производительных сил — среди этих производительных сил также и развитие науки, — а с другой стороны, гонит их вперед и форсирует их развитие.

Поэтому тот количественный объем, в котором капитал развивается в качестве основного капитала, а также действенность (интенсивность) развития капитала как основного капитала, — вообще свидетельствует о той степени, в которой капитал развит как капитал, как власть над живым трудом, и вообще о том, насколько капитал подчинил себе процесс производства. [Развитие основного капитала свидетельствует о развитии капитала в целом] также и в том отношении, что основной капитал выражает накопление овеществленных производительных сил и накопление овеществленного труда. Но если капитал приобретает свою адекватную форму в качестве потребительной стоимости внутри процесса производства только в системе машин и в других вещественных формах существования основного капитала, таких, как железные дороги и т. д. (о чем мы будем говорить впоследствии), — то это отнюдь не означает, что эта потребительная стоимость, эта система машин сама по себе является капиталом, или что ее существование в качестве системы машин тождественно с ее существованием в качестве капитала. Подобно тому как золото не лишилось бы своей потребительной стоимости золота, если бы оно перестало быть *деньгами,* так и система машин не потеряла бы своей потребительной стоимости, если бы она перестала быть капиталом. Из того обстоятельства, что система машин представляет собой наиболее адекватную форму потребительной стоимости основного капитала, вовсе не следует, что подчинение капиталистическому общественному отношению является для применения системы машин наиболее адекватным и наилучшим общественным производственным отношением.

[б) Разложение капитала как господствующей формы производства с развитием буржуазного общества]

В той самой мере, в какой рабочее время — простое количество труда — полагается капиталом в качестве единственно определяющего элемента, в той же самой мере непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный

момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания, с одной стороны, точно так же как и по отношению к той всеобщей производительной силе, которая вырастает из общественного расчленения труда в совокупном производстве и выступает как природный дар общественного труда (хотя и является историческим продуктом). Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством.

Если, таким образом, с одной стороны, превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей, выступает как свойство *основного капитала* в противовес живому труду; если единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным, а, наоборот, является производительным лишь в рамках совместного труда многих, подчиняющего себе силы природы, и это превращение непосредственного труда в общественный труд выступает как низведение единичного труда до состояния беспомощности по отношению к представленной в капитале, сконцентрированной в нем совместности, — то, с другой стороны, поддержание труда в одной отрасли производства посредством *сосуществующего труда*[48] другой отрасли производства выступает теперь как свойство *оборотного капитала.*

В малом обращении * капитал авансирует рабочему заработную плату, которую рабочий обменивает на продукты, необходимые для его потребления. Полученные им деньги обладают этой силой лишь потому, что одновременно — наряду с трудом данного рабочего — имеет место другой труд; и лишь потому, что капитал присвоил себе труд данного рабочего, он может выдать рабочему в виде денег чек на чужой труд. Этот обмен собственного труда рабочего на чужой труд выступает здесь как опосредствованный и обусловленный не одновременным сосуществованием труда других рабочих, а авансом, сделанным капиталом. То обстоятельство, что рабочий во время производства может осуществить обмен веществ, необходимый для его потребления, — выступает как свойство той части *оборотного капитала*, которая переходит к рабочему, и как свойство оборотного капитала вообще. Это обстоятельство выступает не как обмен веществ между одновременно действующими рабочими силами [Arbeitskräfte], а как обмен веществ капитала, как результат того, что существует оборотный капитал.

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 180—186 *Ред.*

Таким образом, все силы труда превращаются в силы капитала. В форме основного капитала выступает производительная сила труда, которая положена здесь как вне труда находящаяся и как существующая (в виде вещей) независимо от труда. А в оборотном капитале то обстоятельство, что, с одной стороны, рабочий сам предпослал себе условия повторения своего труда, а с другой стороны, обмен этого труда рабочего опосредствован сосуществующим трудом других рабочих, — выступает так, что рабочего авансирует капитал и что, с другой стороны, одновременность различных отраслей труда создается капиталом. (Оба последних определения, собственно говоря, относятся к накоплению.) В форме оборотного капитала капитал выступает как посредник между различными рабочими.

В своем определении средств производства, наиболее адекватной формой которых является система машин, *основной капитал* создает стоимость, т. е. увеличивает стоимость продукта, только в двух отношениях: 1) поскольку он обладает *стоимостью,* т. е. сам является продуктом труда, определенным количеством труда в овеществленной форме; 2) поскольку он увеличивает отношение прибавочного труда к необходимому труду, давая труду возможность посредством увеличения его производительной силы произвести за более короткое время большее количество продуктов, необходимых для содержания живой рабочей силы. Поэтому в высшей степени абсурдной буржуазной фразой является утверждение, будто рабочий потому делится с капиталистом, что последний посредством основного капитала (который, к тому же, сам является продуктом труда и притом — *чужого труда,* только присвоенного капиталом) облегчает ему его труд (наоборот, посредством машины капиталист лишает труд рабочего какой бы то ни было самостоятельности и привлекательности) или сокращает продолжительность его труда.

Наоборот, капитал применяет машину лишь в той мере, в какой она дает рабочему возможность более значительную часть своего времени работать на капитал, относиться к более значительной части своего времени как к не принадлежащей ему, дольше работать на другого. Посредством этого процесса, действительно, сводится к минимуму количество труда, необходимого для производства определенного предмета, но лишь для того, чтобы в максимуме подобных предметов реализовался максимум прибавочного труда. Первая сторона важна потому, что капитал здесь — совершенно непреднамеренно — сводит к минимуму человеческий труд, затрату силы. Это пойдет на пользу освобожденному труду и является условием его освобождения.

Из сказанного вытекает, насколько абсурдно стремление Лодерделя превратить основной капитал в независимый от рабочего времени, самостоятельный источник стоимости [49]. Основной капитал является подобным источником лишь в той мере, в какой он сам представляет собой овеществленное рабочее время, и в той мере, в какой он полагает прибавочное рабочее время. Исторически сама система машин [VII—2] предполагает для своего применения — смотри выше у Рейвнстона * — излишние рабочие руки. Только там, где имеется избыток рабочей силы [Arbeitskräfte], появляется система машин, с тем чтобы заменить собой труд. Лишь в воображении экономистов дело происходит так, что система машин оказывает помощь отдельному рабочему. Она может функционировать только при наличии масс рабочих, концентрация которых по отношению к капиталу представляет собой, как мы видели **, одну из его исторических предпосылок. Система машин появляется не для того, чтобы восполнить недостаток рабочей силы [Arbeitskraft], а для того, чтобы имеющуюся налицо массу рабочей силы свести к ее необходимому масштабу. Система машин появляется только там, где рабочая сила имеется в массовом масштабе. (К этому следует вернуться.)

Лодердель полагает, что сделал великое открытие, когда он утверждает, будто машины не увеличивают производительную силу труда, так как они, скорее, заменяют труд или выполняют то, чего сам труд не мог бы выполнить собственными силами. В понятие капитала входит то, что возросшая производительная сила труда положена, напротив, как увеличение некоторой силы вне труда и как обессиление самого труда. Средство труда делает рабочего самостоятельным, превращает его в собственника. Система машин — в качестве основного капитала — делает рабочего несамостоятельным, делает его присвоенным. Это действие системы машин имеет место лишь постольку, поскольку она определена как основной капитал, а она определена так лишь потому, что рабочий относится к ней как наемный рабочий, а деятельный индивид вообще — как всего лишь рабочий.

Если до сих пор основной капитал и оборотный капитал выступали перед нами как всего лишь различные преходящие определения капитала, то теперь они затвердели как особые способы существования капитала, и наряду с основным капиталом выступает оборотный капитал. Теперь это два особых

---

* См. настоящий том, часть I, стр. 371, и часть II, стр. 200. *Ред.*

** См. настоящий том, часть II, стр. 80—87. *Ред.*

вида капитала. Коль скоро рассматривается единичный капитал в какой-нибудь определенной отрасли производства, он выступает разделенным на эти две части, или распадается в определенной пропорции на эти два вида капитала.

Различие внутри процесса производства, первоначально выступавшее как различие между средством труда и материалом труда и, наконец, продуктом труда, — теперь выступает как оборотный капитал (материал труда и продукт труда) и основной капитал [средство труда]. Разделение капитала с его всего лишь вещественной стороны теперь включено в саму его форму и выступает как разделение, дифференцирующее капитал.

Для того воззрения, которое, подобно *Лодерделю* и другим, хотело бы, чтобы капитал как таковой, отдельно от труда, создавал *стоимость*, а потому также и *прибавочную стоимость* (или прибыль), — основной капитал, в особенности тот капитал, вещественным бытием или потребительной стоимостью которого является система машин, представляет собой ту форму, которая больше всего способна придать их поверхностным софизмам хотя бы видимость правдоподобия. В противовес им в «*Labour Defended*», например, говорится, что строитель дороги может делиться с пользующимся дорогой, но не сама «дорога» [50].

Если говорить об оборотном капитале и предположить, что он действительно проходит через свои различные фазы, то сокращение или удлинение, меньшая или большая продолжительность времени обращения, более легкое или более трудное прохождение различных стадий обращения — приводят к уменьшению той прибавочной стоимости, которая могла бы быть создана за данный промежуток времени, если бы этих перерывов не было, приводят либо *потому, что уменьшается число [циклов] воспроизводства,* либо потому, что сокращается величина *капитала, постоянно занятого в процессе производства.* В обоих случаях имеет место не уменьшение предпосланной величины стоимости, а уменьшение скорости ее роста. Но с того момента, когда основной капитал развился до определенной величины — а эта величина основного капитала, как было указано, является мерой развития крупной промышленности вообще и, следовательно, возрастает соответственно развитию производительных сил крупной промышленности (сам основной капитал представляет собой овеществление этих производительных сил, он есть сами эти производительные силы как предпосланный продукт), — с этого момента всякий перерыв процесса производства действует как прямое уменьшение самого капитала, его предпосланной стоимости.

Стоимость основного капитала воспроизводится лишь в той мере, в какой он потребляется в процессе производства. При неиспользовании основной капитал теряет свою потребительную стоимость без перенесения его стоимости на продукт. Поэтому чем в большем масштабе развивается основной капитал, в том смысле, в каком мы его здесь рассматриваем, тем больше *непрерывность процесса производства,* или беспрестанное течение процесса воспроизводства, становится внешним принудительным условием способа производства, основанного на капитале.

Присвоение живого труда капиталом приобретает при машинном производстве непосредственную реальность также и в следующем смысле. С одной стороны, именно проистекающий непосредственно из науки анализ и применение механических и химических законов делают машину способной выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие. Однако развитие системы машин на этом пути начинается лишь тогда, когда крупная промышленность уже достигла более высокой ступени развития и все науки поставлены на службу капиталу, а уже имеющаяся система машин сама обладает большими ресурсами. Изобретения становятся тогда особой профессией, а применение науки к непосредственному производству само становится для нее одним из определяющих и побуждающих моментов.

Однако это не тот путь, на котором в целом возникла система машин, и еще менее тот путь, на котором она развивается в деталях. Таким путем развития системы машин является тот анализ, который посредством разделения труда все больше и больше превращает выполняемые рабочими операции в механические операции, так что на определенном этапе их место может занять механизм. (К вопросу об *экономии силы.*) Таким образом, здесь определенный способ труда прямо оказывается перенесенным с рабочего на капитал в форме машины, и в результате такого перенесения его собственная рабочая сила обесценивается. Отсюда борьба рабочих против системы машин. То, что было деятельностью живого рабочего, становится деятельностью машины. Таким образом, рабочему грубо-чувственно противостоит присвоение труда капиталом, противостоит капитал, поглощающий живой труд «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти» [51].

Обмен живого труда на овеществленный труд, т. е. полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости

производства. Предпосылкой этой последней ступени является и продолжает оставаться масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда как решающий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству. (Само развитие этой науки, в особенности естествознания, а вместе с ним и всех других наук, в свою очередь находится в соответствии с развитием материального производства.) Земледелие, например, становится всего лишь применением науки о материальном обмене веществ, регулирующим этот обмен веществ с наибольшей выгодой для всего общественного организма.

Действительное богатство предстает теперь — и это раскрывается крупной промышленностью — скорее в виде чудовищной диспропорции между затраченным рабочим временем и его продуктом, точно так же как и в виде качественной диспропорции между сведенным к простой абстракции трудом и мощью того производственного процесса, за которым этот труд надзирает. Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. (То, что имеет силу относительно системы машин, верно также для комбинации различных видов человеческой деятельности и для развития человеческого общения.) Теперь рабочий уже не помещает в качестве промежуточного звена между собой и объектом модифицированный предмет природы; теперь в качестве промежуточного звена между собой и неорганической природой, которой рабочий овладевает, он помещает природный процесс, [VII—3] преобразуемый им в промышленный процесс. Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним.

В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его

бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида. *Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство,* представляется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма скудости и антагонистичности. Происходит свободное развитие индивидуальностей, и поэтому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам.

Сам капитал представляет собой совершающее процесс противоречие, состоящее в том, что он, с одной стороны, стремится свести рабочее время к минимуму, а, с другой стороны, делает рабочее время единственной мерой и источником богатства. Поэтому капитал сокращает рабочее время в форме необходимого рабочего времени, с тем чтобы увеличивать его в форме избыточного рабочего времени; поэтому капитал во все возрастающей степени делает избыточное рабочее время условием — вопросом жизни и смерти — для необходимого рабочего времени. С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, — для того чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости. Производительные силы и общественные отношения — и те и другие являются различными сторонами развития общественного индивида — представляются капиталу лишь средством и служат ему лишь средством для того, чтобы производить на своей ограниченной основе. Но

в действительности они представляют собой материальные условия для того, чтобы взорвать эту основу.

«Нация по-настоящему богата лишь тогда, когда вместо 12 часов работают 6 часов. *Богатство*» (реальное богатство) «представляет собой не распоряжение прибавочным рабочим временем, а *такое время, которым можно свободно располагать* за пределами времени, затрачиваемого на непосредственное производство,— свободное время для *каждого индивида* и всего общества» [«The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 6] [52].

Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов, и т. д. Все это — продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это — *созданные человеческой рукой органы человеческого мозга*, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в *непосредственную производительную силу*, и отсюда — показателем того, до какой степени условия самого̀ общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса.

[в) Рост производства средств производства в результате роста производительности труда. Свободное время в капиталистическом обществе и при коммунизме]

Развитие основного капитала является показателем степени развития богатства вообще — или степени развития капитала — еще и с другой стороны. Объектом производства, непосредственно направленного на потребительную стоимость и столь же непосредственно — на меновую стоимость, является сам продукт, предназначенный для [индивидуального] потребления. Часть производства, направленная на производство основного капитала, не создает непосредственно ни предметов индивидуального потребления, ни непосредственных меновых стоимостей — по крайней мере, таких меновых стоимостей, которые могут быть непосредственно реализованы. *Таким образом, от уже достигнутого уровня производительности — от того, что для непосредственного производства достаточно части*

производственного времени, — зависит то, что все бо́льшая часть производственного времени затрачивается на производство средств производства.

Для этого требуется, чтобы общество могло ждать; чтобы значительную часть уже созданного богатства оно могло изымать как из непосредственного индивидуального потребления, так и из производства, предназначенного для непосредственного индивидуального потребления, — с тем чтобы эту часть богатства употреблять на труд, *не являющийся непосредственно производительным* (в пределах самого процесса материального производства). Это требует высокого уровня уже достигнутой производительности и относительного изобилия, и притом такого уровня производительности и относительного изобилия, который был бы прямо пропорционален превращению оборотного капитала в основной капитал. Подобно тому как *величина относительного прибавочного труда зависит от производительности необходимого труда, так и величина* рабочего времени — как живого, так и овеществленного, — затрачиваемого *на производство основного капитала, зависит от производительности рабочего времени, прямо предназначенного для производства продуктов.*

Условием для этого является *избыточное* (с этой точки зрения) *население,* точно так же как и *избыточное производство.* Это означает, что результат рабочего времени, затрачиваемого на непосредственное производство, должен быть относительно слишком большим, для того чтобы быть непосредственно необходимым для воспроизводства капитала, применяемого в этих отраслях производства. *Чем меньше* непосредственных плодов приносит *основной капитал,* чем меньше он вмешивается в *непосредственный процесс производства,* тем больше должны быть это относительное *избыточное население и избыточное производство;* следовательно, их должно быть больше для постройки железных дорог, каналов, водопроводов, телеграфных линий и т. д., чем для создания машин, прямо применяемых в непосредственном процессе производства. Отсюда (к чему мы вернемся впоследствии) проистекают — в форме постоянного перепроизводства и постоянного недопроизводства в современной промышленности — постоянные колебания и судороги той диспропорции, в силу которой то слишком мало, то слишком много оборотного капитала превращается в основной капитал.

{*Созидание* — за пределами необходимого рабочего времени — *большого количества свободного времени* для общества вообще и для каждого члена общества (т. е. созидание простора

для развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и общества), — это созидание не-рабочего времени на стадии капитала, как и на всех более ранних ступенях, выступает как не-рабочее время, как свободное время для немногих. Капитал добавляет сюда то, что он всеми средствами искусства и науки увеличивает прибавочное рабочее время народных масс, так как его богатство непосредственно заключается в присвоении прибавочного рабочего времени; ведь *непосредственной целью* капитала является *стоимость,* а не потребительная стоимость.

Таким образом, капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведѐния рабочего времени всего общества к всё сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития. Но постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в *создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд.* Если первое ему удается слишком хорошо, то он начинает страдать от избыточного производства, и тогда необходимый труд прерывается, так как *капитал* не в состоянии реализовать *прибавочный труд.*

Чем больше развивается это противоречие, тем становится яснее, что рост производительных сил больше не может быть прикован к присвоению чужого прибавочного труда и что рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать — и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме, — тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного индивида, а с другой стороны, развитие общественной производительной силы будет происходить столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет. Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет [VII—4] отнюдь уже не рабочее время, а свободное время. *Рабочее время в качестве меры богатства* предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует *в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности,* или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда. *Поэтому самая развитая система машин заставляет*

теперь рабочего работать дольше, чем работает дикарь, или дольше, чем работал сам этот рабочий, когда он пользовался самыми простыми, примитивнейшими орудиями.}

«Если бы всего труда страны хватало только для производства того, что необходимо для содержания всего населения, то не существовало бы *прибавочного труда,* а следовательно, ничего такого, что можно было бы накоплять как капитал. Если народ производит за один год столько, сколько было бы достаточно для его содержания в течение двух лет, то или фонд потребления одного года должен погибнуть, или люди должны прекратить на один год производительный труд. Но *владельцы прибавочного продукта, или капитала,* ... применяют людей для *какой-нибудь такой работы, которая не является прямо и непосредственно производительной,* — например, для производства машин. Так оно и идет все дальше и дальше» («The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 4—5).

{Подобно тому как вместе с развитием крупной промышленности тот базис, на котором она покоится — присвоение чужого рабочего времени, — перестает составлять или создавать богатство, так вместе с этим ее развитием *непосредственный труд* как таковой перестает быть базисом производства, потому что, с одной стороны, он превращается главным образом в деятельность по наблюдению и регулированию, а затем также и потому, что продукт перестает быть продуктом единичного непосредственного труда и в качестве производителя выступает, скорее, *комбинация* общественной деятельности.

«Когда развито разделение труда, то почти каждый труд отдельного индивида представляет собой часть некоего целого, *которая сама по себе не имеет никакой ценности или полезности. Здесь нет ничего такого, за что рабочий мог бы ухватиться и сказать: это мой продукт, это я удержу для себя»* ([*Th. Hodgskin.*] Labour Defended against the Claims of Capital. London, 1825, стр. 25) [Русский перевод, стр. 27—28].

В непосредственном обмене единичный непосредственный труд выступает воплощенным в каком-нибудь особом продукте или в части продукта, а его [единичного непосредственного труда] социальный, общественный характер — характер труда как овеществления всеобщего труда и как [средства] удовлетворения всеобщих потребностей — дан только путем обмена. Напротив, в производственном процессе крупной промышленности, где, с одной стороны, предпосылкой для производительной силы средства труда, развившегося в автоматический процесс, является подчинение сил природы общественному разуму, — *с другой стороны, труд отдельного индивида в его [труда] непосредственном бытии положен как снятый отдельный труд, т. е. положен как общественный труд. Таким образом, отпадает и другой базис этого способа производства.*}

Внутри самого процесса производства капитала рабочее время, затрачиваемое на производство основного капитала, так относится к времени, затрачиваемому на производство оборотного капитала, как *прибавочное рабочее время относится к необходимому рабочему времени.* По мере того как производство, направленное на удовлетворение непосредственных потребностей, становится более производительным, более значительная часть производства может быть направлена на удовлетворение потребности самого производства, или на производство средств производства. Поскольку производство *основного капитала* также и с вещественной стороны непосредственно не направлено ни на производство непосредственных потребительных стоимостей, ни на производство таких стоимостей, которые требуются для непосредственного воспроизводства капитала и, следовательно, в самом процессе созидания стоимости опять-таки относительно представляют потребительную стоимость; поскольку производство основного капитала представляет собой производство средств для созидания стоимости, поскольку, следовательно, оно направлено не на стоимость как непосредственный предмет, а на созидание стоимости, на средства для образования стоимости как на непосредственный предмет производства (производство стоимости с вещественной стороны в самòм предмете производства положено здесь как цель производства, как цель овеществления производительной силы капитала, производящей стоимость силы капитала), — постольку именно в производстве *основного капитала капитал полагает себя как самоцель* и выступает действенно как *капитал в более высокой степени, чем в производстве оборотного капитала.* Поэтому также и с этой стороны те размеры, которыми уже обладает основной капитал, и та доля, которую производство основного капитала имеет в совокупном производстве, являются *мерилом развития* богатства, основанного на капиталистическом способе производства.

«Число рабочих в том смысле зависит от [количества] *оборотного капитала,* что оно зависит от того количества *продуктов сосуществующего труда,* которое дозволяют потреблять рабочим» ([*Th. Hodgskin.*] Labour Defended against the Claims of Capital. London, 1825, стр. 20) [Русский перевод, стр. 22].

Все приведенные выше цитаты из различных экономистов * относятся к основному капиталу как к той части капитала, которая остается запертой в процессе производства.

* См. настоящий том, часть II, стр. 197—200. *Ред.*

«В великом процессе производства оборотный капитал потребляется, а основной капитал только лишь используется» («The Economist» от 6 ноября 1847 г., № 219, стр. 1271).

Это неверно и относится лишь к той части оборотного капитала, которая сама потребляется основным капиталом, — к вспомогательным материалам. Если рассматривать «великий процесс производства» как непосредственный процесс производства, то в нем потребляется только *основной капитал*. Но потребление в рамках процесса производства в действительности представляет собой *использование, изнашивание*.

Далее, *бóльшую долговечность основного капитала* также не следует понимать чисто вещественно. Железо и дерево, из которых сделана кровать, на которой я сплю, или камни, из которых построен дом, где я живу, или мраморная статуя, которой украшен дворец, — все они столь же долговечны, как железо, дерево и т. д., использованные для создания машин. Но *долговечность* является условием для орудий, средств производства не только по той технической причине, что металлы и т. д. являются главным материалом всех машин, но и потому, что орудие предназначено постоянно играть одну и ту же роль в повторяющихся процессах производства. Долговечность его как средства производства есть непосредственное требование его потребительной стоимости. Чем чаще средство производства приходилось бы заменять новым, тем больше оно требовало бы затрат, тем более значительную часть капитала пришлось бы затрачивать на него без пользы. Его долговечность представляет собой его существование в качестве средства производства. Его долговечность является увеличением его производительной силы. Наоборот, долговечность оборотного капитала, если он не превращается в основной капитал, вовсе не связана с самим актом производства и поэтому не является таким моментом, который обусловлен самим понятием оборотного капитала. То обстоятельство, что некоторые из предметов, бросаемых в фонд потребления, если их потребление совершается медленно и если они могут быть потреблены поочередно многими индивидами, в свою очередь определяются как *основной капитал*, — связано с дальнейшими определениями (сдача внаем вместо продажи, процент и т. д.), с которыми мы здесь пока еще не имеем дела.

[VII—5] * «Со времени всеобщего внедрения неодушевленных механизмов в британские мануфактуры с людьми за немногими исключениями обращаются как с второстепенной и менее важной машиной, и гораздо

* В начале этой страницы рукою Маркса поставлена дата: «Март, 1858». *Ред.*

больше внимания уделяется усовершенствованию сырых материалов — дерева и металлов, чем усовершенствованию тела и духа» (*Owen, Robert.* Essays on the formation of the Human Character. London, 1840, стр. 31).

{Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум — и сведение к минимуму — издержек производства). Но это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Следовательно — отнюдь не *отказ от потребления,* а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления. Способность к потреблению является условием потребления, является, стало быть, первейшим средством для потребления, и эта способность представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы.

Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала,* причем этим основным капиталом является сам человек.

Впрочем, само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени, как это представляется с точки зрения буржуазной политической экономии. Труд не может стать игрой, как того хочет Фурье, за которым остается та великая заслуга, что он объявил конечной целью преобразование в более высокую форму не распределения, а самого способа производства. Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства. По отношению к формирующемуся человеку этот непосредственный процесс производства вместе с тем является школой дисциплины, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку. И для того, и для другого процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии.

Подобно тому как система буржуазной экономики развертывается перед нами лишь шаг за шагом, так же обстоит дело и с ее самоотрицанием, которое является ее конечным результатом. Мы теперь еще имеем дело с непосредственным процессом производства. Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент. Сам непосредственный процесс производства выступает здесь только как момент. Условия и предметные воплощения процесса производства сами в одинаковой мере являются его моментами, а в качестве его субъектов выступают только индивиды, но индивиды в их взаимоотношениях, которые они как воспроизводят, так и производят заново. Здесь перед нами — их собственный постоянный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства.}

[11)] ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ОУЭНА НА ПРОМЫШЛЕННОЕ (КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ) ПРОИЗВОДСТВО

(В своих «Six lectures delivered in Manchester» (1837 г.) *Оуэн* говорит о разнице между рабочими и капиталистами, которую капитал создает самим своим ростом (и более широким распространением, которого он достигает лишь в крупной промышленности, связанной с развитием основного капитала); вместе с тем он объявляет развитие капитала *необходимым условием* для преобразования общества и рассказывает о самом себе:

«Именно учась постепенно создавать и руководить некоторыми из этих крупных» (фабричных) «предприятий, ваш лектор» (сам Оуэн) «научился понимать крупные ошибки и недостатки прежних и современных попыток улучшить характер и положение сограждан» (стр. 57—58).

Мы приводим здесь все это место целиком, чтобы использовать его в другой связи.

«Производителей законченного богатства можно разделить на рабочих, обрабатывающих мягкие материалы, и на рабочих, обрабатывающих твердые материалы; все они, как правило, работают под непосредственным руководством хозяев, целью которых является получать денежные доходы при помощи труда тех, которых они нанимают. До введения химической и механической фабричной системы операции велись в ограниченном масштабе; имелось множество мелких хозяев, каждый из них нанимал

несколько поденщиков, которые надеялись в будущем также стать хозяйчиками. Они обычно ели за одним столом и жили вместе; в их среде царили дух и чувство равенства. Начиная с того периода, когда в производстве стали широко применять мощь науки, в этом отношении постепенно наступила перемена. Почти все предприятия, для того чтобы давать хорошие результаты, должны работать в широком масштабе и с большим капиталом. Мелкие хозяева с небольшими капиталами имеют мало шансов на успех, особенно в отраслях, обрабатывающих мягкие материалы, такие, как хлопок, шерсть, лен и т. д. Ясно, что пока сохранятся современная структура общества и современный способ руководства деловой жизнью, мелкие хозяева будут все больше и больше вытесняться владельцами крупных капиталов и что прежнее, сравнительно счастливое равенство производителей должно уступить место величайшему неравенству хозяев и рабочих, какого до сих пор не встречалось в истории человечества. Крупный капиталист теперь возвысился до положения надменного лорда; косвенно он распоряжается по своему усмотрению здоровьем, жизнью и смертью своих рабов. Такую власть он получает посредством комбинации с другими крупными капиталистами, имеющими с ним общие интересы, и, таким образом, успешно заставляет выполнять свою волю тех, кого он нанимает. Теперь крупный капиталист утопает в богатстве, правильному употреблению которого он не научен, правильного употребления которого он не знает. Он приобрел власть благодаря своему богатству. Богатство и власть ослепляют его рассудок; и когда он жестоко угнетает людей, он думает, что оказывает им милость... Его слуги, как их называют, а фактически — его рабы, доведены до самой безнадежной деградации; большинство их лишилось здоровья, домашнего уюта, досуга и прежних здоровых свободных развлечений на свежем воздухе. Вследствие крайнего истощения сил, вызванного бесконечной монотонной работой, они становятся невоздержанными и неспособными к мышлению или раздумьям. У них не может быть никаких физических, умственных или нравственных развлечений, помимо самых скверных; они далеки от всех действительных удовольствий жизни. Одним словом, такое существование, которое очень большая часть рабочих влачит при современной системе, не стоит того, чтобы вести его.

Но отдельных индивидов нельзя осуждать за те изменения, результатом которых явилось все это; *эти изменения происходят согласно законам природы и являются подготовительными и необходимыми ступенями, ведущими к великой и важной социальной революции,* которая приближается. Без крупных капиталов нельзя было бы основать крупных предприятий; нельзя было бы заставить людей понять осуществимость [гораздо более совершенной организации общества, или возможность] новых комбинаций с целью придать всему более высокий характер и производить за год больше богатства, чем могут потребить все; понять, что богатство также должно быть более высокого порядка, чем то, [VII—6] которое до сих пор вообще производилось» (стр. 56—57).

«Именно эта новая химическая и механическая фабричная система развивает теперь способности людей и подготовляет их к пониманию и принятию иных принципов и иной практики, а тем самым — к осуществлению благодетельнейшей перемены в [человеческих] делах, какой еще не знал свет. Именно эта новая фабричная система и создает теперь необходимость иной и более высокой структуры общества» (стр. 58).

[12) ФОРМЫ КАПИТАЛА И ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ. РАЗНОЕ ОБ ОСНОВНОМ И ОБОРОТНОМ КАПИТАЛЕ]

Выше мы отметили, что производительная сила (основной капитал) придает стоимость [производимым продуктам] только потому, что стоимостью она обладает лишь постольку, поскольку сама она произведена, сама представляет собой определенное количество овеществленного рабочего времени. Но вот тут фигурируют еще природные факторы, например вода и, особенно, земля, недра земли и т. д., которые присвоены и, следовательно, обладают меновой стоимостью и поэтому входят как стоимости в расчет издержек производства. Одним словом, это есть привхождение земельной собственности (которая охватывает землю, недра, воду). Стоимость средств производства, не являющихся продуктом труда, сюда еще не относится, так как эти средства производства не вытекают из рассмотрения самого капитала. Для капитала они выступают прежде всего как данная, историческая предпосылка. И в качестве таковой мы их здесь и оставляем. Только видоизмененная, применительно к капиталу, форма земельной собственности — или природных факторов как величин, определяющих стоимость, — входит в рассмотрение системы буржуазной экономики. На той стадии анализа капитала, которой мы достигли, ничего не меняется от того, что земля и т. д. рассматривается как форма основного капитала.

Так как *основной капитал,* понимаемый в смысле произведенной производительной силы, в смысле агента производства, увеличивает массу потребительных стоимостей, создаваемых за определенное время, то он не может возрасти без возрастания количества обрабатываемого им сырья (в обрабатывающей промышленности. В добывающей промышленности, например в рыболовстве, в горной промышленности, труд сводится всего лишь к преодолению препятствий, которое требуется для овладения и присвоения сырых или первичных продуктов. Здесь нет обработки сырья для производства, а наоборот, происходит присвоение существующего сырого продукта. Напротив, в земледелии сырьем является сама земля; оборотным капиталом — семена и т. д.). Применение основного капитала в более широком масштабе, таким образом, предполагает расширение той части оборотного капитала, которая состоит из сырых материалов; следовательно, вообще предполагает рост капитала. Равным образом, при этом предполагается уменьшение (относительное) той части капитала, которая обменивается на живой труд.

В форме *основного капитала* капитал также и вещественно существует не только как овеществленный труд, предназначенный служить средством для нового труда, но и как такая стоимость, потребительная стоимость которой представляет собой производство новых стоимостей. Таким образом, существование основного капитала является κατ' ἐξοχήν * его существованием в качестве производительного капитала. Поэтому уже достигнутая ступень развития способа производства, покоящегося на капитале — или то, насколько сам капитал уже предположен, уже предположил себя как условие своего собственного производства, — измеряется существующим объемом основного капитала; и не только его количеством, но также и качеством.

Наконец: в *основном капитале* общественная производительная сила труда дана как свойство, присущее капиталу, — *и как научная сила, и как комбинация общественных сил в процессе производства, и как умелость, перенесенная из непосредственного труда в машину, в мертвую производительную силу*. В *оборотном капитале*, напротив, в качестве *свойства капитала* выступают: обмен между различными видами труда, между различными отраслями труда, их сплетение и образование из них системы, сосуществование производительного труда.

{Определения сырья, продукта, орудия производства изменяются в зависимости от того назначения, которое данные потребительные стоимости имеют в самом процессе производства. То, что можно рассматривать как простое сырье (конечно, не сельскохозяйственные продукты, которые все воспроизведены и не просто воспроизведены в их первоначальной форме, но видоизменены в самом их природном бытии соответственно человеческим потребностям. Процитировать Ходжиза и т. д. Продукты добывающей промышленности, как, например, уголь, металлы, сами являются результатом труда, необходимого не только для того, чтобы доставить их на поверхность земли, но и для того, чтобы придать им, как, например, металлам, ту форму, в которой они могут в качестве сырья использоваться в промышленности. Но они не воспроизводятся людьми, так как мы до сих пор еще не умеем делать металлы), само есть продукт труда.

Продукт одной отрасли производства является сырьем для другой отрасли, и vice versa **. Орудие производства само представляет собой продукт одной отрасли промышленности и лишь

* — по преимуществу. *Ред.*
** — наоборот. *Ред.*

в другой отрасли служит орудием производства. Отходы одной отрасли являются сырым материалом в другой. В земледелии часть продукта (семена, скот и т. д.) сама выступает и как сырье; следовательно, подобно основному капиталу, она сама никогда не выходит из процесса производства. Часть сельскохозяйственных продуктов, предназначенную на корм скоту, можно рассматривать как вспомогательный материал. Но семена воспроизводятся в процессе производства, в то время как орудие как таковое потребляется в нем. Нельзя ли семена, так же как и рабочий скот, на основании того, что они всегда пребывают в процессе производства, рассматривать как основной капитал? Нет, ибо иначе пришлось бы рассматривать таким же образом всякое сырье. Как таковое оно всегда включено в процесс производства.

Наконец, продукты, поступающие в непосредственное потребление, снова выходят из него в виде сырья для производства, как удобрение в природном процессе и т. д., бумага из тряпья и т. д. А во-вторых, потребление этих продуктов воспроизводит самого индивида в его определенном способе существования, не только в его непосредственной жизненности, но и в определенных социальных отношениях. Таким образом, конечное присвоение со стороны индивидов, имеющее место в процессе потребления, воспроизводит их в тех первоначальных отношениях, в которых они находятся к процессу производства и друг к другу; воспроизводит их в их общественном бытии, так же как и их общественное бытие — общество, — которое является в такой же мере субъектом, как и результатом этого великого совокупного процесса.}

В-четвертых *:

Теперь нам следует рассмотреть другие соотношения основного капитала и оборотного капитала.

Выше мы говорили о том, что в *оборотном капитале* общественное отношение различных видов труда друг к другу дано как свойство капитала, подобно тому как в основном капитале дана как свойство капитала общественная производительная сила труда.

«Оборотный капитал нации состоит из денег, жизненных средств, сырья и готовых изделий» (*Smith*. Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome II. Paris, 1802, стр. 218) [Русский перевод, стр. 213].

Смит в затруднении относительно денег: следует ли назвать их оборотным или основным капиталом. Поскольку деньги

* См. настоящий том, часть II, стр. 190, 196. *Ред.*

всегда служат только орудием обращения, которое [обращение] само является моментом совокупного процесса воспроизводства, постольку они являются *основным капиталом* — как орудие обращения. Но сама их потребительная стоимость состоит в том, что они только обращаются и никогда не вступают снова ни в действительный процесс производства, ни в индивидуальное потребление. Эта часть капитала постоянно закреплена в фазе обращения, и с этой стороны она представляет собой наиболее завершенную форму оборотного капитала; с другой стороны, так как деньги закреплены как орудие, они являются *основным капиталом.*

Если говорить о различии между *основным и оборотным капиталом* в их отношении к индивидуальному потреблению, то это различие дано уже тем обстоятельством, что *основной капитал* не вступает в обращение как потребительная стоимость. (В земледелии часть семян, поскольку число их в несколько раз увеличивается, входит [VII—7] в обращение как потребительная стоимость.) Не-вхождение в обращение в качестве потребительной стоимости предполагает, что капитал не становится предметом индивидуального потребления.

[13) ОБРАЩЕНИЕ И ВОЗМЕЩЕНИЕ ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА]

«*Основной капитал*» все снова и повторно используется для той же самой операции, «и чем больше было повторений этой операции, тем больше орудие, инструмент или машина заслуживают название основного капитала» (*De Quincey*. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 114).

Если капитал состоит из 10 000 ф. ст., из которых 5 000 ф. ст. — основной и 5 000 ф. ст. — оборотный капитал, и если последний оборачивается один раз за год, а первый — один раз за пять лет, то, следовательно, 5 000 ф. ст., или половина капитала, оборачиваются один раз за год. В течение того же самого года совершает оборот $^1/_5$ основного капитала, или 1 000 ф. ст. За один год, таким образом, оборачиваются 6 000 ф. ст., или $^3/_5$ совокупного капитала. Поэтому $^1/_5$ совокупного капитала оборачивается за $^{12}/_3$ месяца, а весь капитал — за $\frac{12 \times 5}{3}$, т. е. за 20 месяцев, или за 1 год 8 месяцев.

За 20 месяцев совокупный капитал в 10 000 ф. ст. совершил оборот, несмотря на то что основной капитал возмещается только через 5 лет. Это время оборота имеет значение, однако, лишь для повторения процесса производства и, следовательно, для созидания прибавочной стоимости, а не для воспроизводства

самого капитала. Если капитал реже будет возобновлять процесс — возвращаться из обращения в форме основного капитала, — то тем чаще он будет возвращаться в форме оборотного капитала. Но тем самым капитал еще не возмещен.

Так же обстоит дело и с самим оборотным капиталом. Если капитал, равный 100, совершит за год 4 оборота и в результате этого принесет 20% прибыли, как и капитал, равный 400, который ежегодно совершает только один оборот, то капитал при этом к концу года остается равным 100, а другой капитал — 400, несмотря на то что первый капитал участвовал в производстве потребительных стоимостей и в создании прибавочной стоимости так же, как и вчетверо больший капитал. Так как здесь скорость оборота компенсирует величину капитала, то это достаточно убедительно свидетельствует о том, что только количество приведенного в движение прибавочного труда и труда вообще, а не величина капитала сама по себе, определяет как созидание стоимости, так и созидание прибавочной стоимости. Капитал, равный 100, в течение года последовательно привел в движение столько же труда, сколько и капитал, равный 400, и поэтому создал такую же прибавочную стоимость.

Но дело здесь, собственно, вот в чем. В предыдущем примере оборотный капитал в 5 000 ф. ст., во-первых, возвращается в конце первого года; затем — в конце второго года; в течение первых 8 месяцев второго года из его состава возвращаются 3 333$^1/_3$ ф. ст., а остаток будет возвращен к концу этого года.

Что же касается основного капитала, то только $^1/_5$ его часть вернулась в течение первого года, и $^1/_5$ — в течение второго года. К концу первого года в руках владельца капитала оказываются 6 000 ф. ст., к концу второго года — 7 000, к концу третьего года — 8 000, к концу четвертого года — 9 000, к концу пятого года — 10 000 ф. ст. Только в конце пятого года владелец капитала снова имеет в своем распоряжении весь свой капитал, с которым он приступил к процессу производства, хотя *при производстве прибавочной стоимости его капитал действовал так, как если бы он оборачивался целиком за 20 месяцев; таким образом, сам совокупный капитал воспроизводится только за 5 лет.*

Первое определение оборота важно для того отношения, в котором увеличивается капитал, второе же определение привносит новое отношение, которое не имеет значения для оборотного капитала. *Так как оборотный капитал целиком вступает в обращение и целиком из него возвращается, то он столь*

же часто воспроизводится в качестве капитала, как и реализуется в качестве прибавочной стоимости или добавочного капитала. Но так как основной капитал никогда не вступает в обращение в виде потребительной стоимости, а как стоимость он вступает в обращение лишь в той мере, в какой он потребляется как потребительная стоимость, — то он отнюдь еще не воспроизведен, когда *получилась прибавочная стоимость, определяемая средним временем оборота совокупного капитала.*

Оборот оборотного капитала должен иметь место пять раз в течение пяти лет, прежде чем будет воспроизведен основной капитал; т. е. период обращения оборотного капитала должен повториться пять раз, тогда как период обращения основного капитала — только один раз, и *среднее время оборота совокупного капитала — 20 месяцев — должно повториться три раза, прежде чем будет воспроизведен основной капитал.* Таким образом, чем больше часть капитала, состоящая из основного капитала, т. е. чем больше капитал действует в условиях соответствующего ему способа производства, в условиях значительного применения произведенной производительной силы, и чем долговечнее основной капитал, т. е. чем продолжительнее время его воспроизводства и чем больше его потребительная стоимость соответствует своему назначению, — тем чаще должен *повторяться период оборота* части капитала, определенной как оборотный капитал, *и тем дольше совокупное время, требующееся капиталу для завершения своего совокупного кругооборота.*

Поэтому *непрерывность* производства стала крайней необходимостью для капитала вместе с развитием той его части, которая определена как основной капитал. Для оборотного капитала *перерыв, если он продолжается не столь долго, чтобы разрушить его потребительную стоимость, есть лишь перерыв в созидании прибавочной стоимости. Но для основного капитала перерыв,* поскольку в течение этого перерыва его потребительная стоимость по необходимости уничтожается относительно непроизводительным образом, т. е. не возмещаясь в виде стоимости, — представляет собой уничтожение самой его первоначальной стоимости. Поэтому лишь с развитием основного капитала соответствующая понятию капитала непрерывность процесса производства становится conditio sine qua * его сохранения; так же как и непрерывность и постоянный рост потребления.

* — непременным, обязательным условием *Ред.*

Это — [различие между основным и оборотным капиталом] № I. Но еще важнее со стороны формы различие № II. То совокупное время, которым мы измеряли оборот капитала, был год, так же как единицей времени, которой мы измеряем труд, является день. Мы поступали так, во-первых, потому, что для воспроизводства большей части растительных сырьевых веществ, применяемых в промышленности, год является в большей или меньшей степени естественным временем воспроизводства, или длительностью фазы производства. Поэтому оборот оборотного капитала определялся в соответствии с числом оборотов за год, и один год фигурировал как совокупное время. Фактически оборотный капитал начинает свое воспроизводство в конце каждого оборота, и если число оборотов за год влияет на совокупную стоимость, то превратности судьбы, которым оборотный капитал подвергается во время каждого оборота, хотя и влияют на условия, при которых он возобновляет воспроизводство, но каждый цикл воспроизводства сам по себе есть законченный жизненный акт оборотного капитала. Когда капитал снова превратился в деньги, он может, например, превратиться и в другие условия производства, может перейти из одной отрасли производства в другую, так что *воспроизводство, рассматриваемое с вещественной стороны, повторится не в прежней форме.*

В результате привхождения основного капитала положение меняется, и ни время оборота капитала, ни единица, которой измеряется количество оборотов, т. е. год, в дальнейшем не выступают в качестве мерила времени движения капитала. Наоборот, эта единица теперь определяется *временем воспроизводства,* требующимся для воспроизводства основного капитала, т. е. тем совокупным временем обращения капитала, которое ему нужно для того, чтобы в качестве стоимости вступить в обращение и в полном объеме своей стоимости вернуться из обращения. Воспроизводство основного капитала в течение всего этого времени должно *также и с вещественной стороны протекать в той же самой форме,* а количество его необходимых оборотов, т. е. *оборотов, необходимых для воспроизводства первоначального капитала, распределено на больший или меньший ряд лет.* Более продолжительный *совокупный период* положен поэтому в качестве той единицы, которой измеряются обороты этого капитала, и *повторение* их теперь не только внешне, но и необходимо связано с этой единицей. Согласно Баббеджу [53], среднее воспроизводство машин в Англии составляет 5 лет; реальное же воспроизводство поэтому, быть может, составляет 10 лет. Не подлежит никакому сомнению, что тот

цикл, через который, со времени развития основного капитала в широком масштабе, промышленность проходит приблизительно в течение десятилетнего промежутка времени, связан с этой, определенной указанным образом, *фазой совокупного воспроизводства капитала*. Мы найдем еще и другие обстоятельства, определяющие указанный цикл. Но это — одно из них. И прежде для промышленности, как и для урожая (в земледелии), также бывали хорошие и дурные времена. Однако многолетний промышленный цикл, расчлененный на характерные периоды, или эпохи, присущ именно крупной промышленности.

[VII—8] Мы теперь подходим к вновь привходящему различию № III [между основным и оборотным капиталом].

Оборотный капитал в форме продукта, в виде вновь созданной потребительной стоимости выталкивался из процесса производства в обращение, полностью вступал в него; стоимость продукта (все овеществленное в нем рабочее время, необходимое и прибавочное) была обратно превращена в деньги, полностью реализована, а тем самым была реализована и прибавочная стоимость и были выполнены все условия воспроизводства. Вместе с реализацией цены товара все эти условия были выполнены, и процесс мог возобновиться. Но это верно лишь по отношению к той части оборотного капитала, которая вступает в большое обращение. Что же касается другой его части, которая постоянно сопровождает самый процесс производства, что касается обращения той части оборотного капитала, которая превращается в заработную плату, то, разумеется, от того, затрачен ли труд на производство основного или оборотного капитала, зависит, будет ли сама эта заработная плата возмещена другой потребительной стоимостью, вступающей в обращение.

Напротив, основной капитал не обращается сам как потребительная стоимость, он входит в обращение лишь в том количестве, в каком он был потреблен в процессе производства в качестве потребительной стоимости, входит как стоимость в переработанное сырье (в обрабатывающей промышленности и в земледелии) или же входит в непосредственно добываемый сырой продукт (например в горной промышленности). Поэтому в своей развитой форме основной капитал возвращается из обращения только по истечении цикла лет, охватывающего ряд оборотов оборотного капитала. Он не обменивается сразу в виде продукта на деньги, так, чтобы процесс его воспроизводства совпадал с оборотом оборотного капитала. Он лишь постепенно входит в цену продукта и поэтому лишь постепенно

возвращается как стоимость. *Он возвращается по частям за более длительные периоды, в то время как оборотный капитал обращается целиком в более короткие периоды.* Поскольку основной капитал существует как таковой, он не возвращается, так как не вступает в обращение; поскольку он вступает в обращение, он уже не существует как основной капитал, а образует идеальную составную часть стоимости оборотного капитала. Он вообще обращается лишь в той мере, в какой он *прямо или косвенно превращается в продукт, а следовательно, в оборотный капитал.* Не являясь непосредственной потребительной стоимостью для потребления, основной капитал не вступает в обращение как потребительная стоимость.

Этот различный способ обращения основного и оборотного капитала впоследствии будет выступать перед нами как различие продажи и отдачи внаем, как различие аннуитета, процента и прибыли, как различие платы за наем [дома, квартиры], в ее различных формах, и прибыли; как мы увидим, непонимание этого *лишь формального* различия привело Прудона и его банду к самым запутанным выводам.

В своих размышлениях о последнем кризисе «The Economist» сводит все различие между основным и оборотным капиталом к разнице между

«сбытом товаров за *короткий период и с прибылью*» и «производством дохода, достаточно большого для покрытия *издержек,* риска, *амортизации* и рыночной нормы процента» («The Economist» № 754, 6 февраля 1858 г., стр. 137).

{*Риск,* который у экономистов играет роль в определении прибыли, — этот риск, очевидно, не может играть никакой роли в определении прибавочной стоимости, так как созидание прибавочной стоимости не возрастает и не становится возможным в результате того, что капитал подвергается риску при *реализации* этой прибавочной стоимости, — представляет собой опасность того, что капитал не пройдет через различные фазы обращения, или окажется закрепленным в одной из этих фаз.

Мы видели *, что прибавочная стоимость принадлежит к издержкам производства — если не капитала, то продукта. Необходимость для капитала реализовать эту прибавочную стоимость или часть ее навязывается ему в виде внешнего принуждения двояким образом. Когда процент и прибыль отделяются друг от друга и, следовательно, промышленный капиталист должен платить проценты, то часть прибавочной стоимости представляет собой *издержки производства* в смысле

* См. настоящий том, часть I, стр. 269—273. *Ред.*

издержек капитала, т. е. сама входит в состав его затрат. С другой стороны, для предотвращения опасности обесценения, которая грозит капиталу при прохождении им метаморфозов совокупного процесса, существует определенная средняя страховка, которую он сам себе дает. Часть прибавочной стоимости представляется капиталу лишь компенсацией за риск, которому он подвергается для того, чтобы добыть больше денег; риск, при котором может пропасть сама первоначальная стоимость. В этой форме реализация прибавочной стоимости выступает по отношению к капиталу как необходимость обеспечения его воспроизводства. Оба отношения, разумеется, не определяют прибавочную стоимость, но приводят к тому, что полагание прибавочной стоимости выступает для капитала как внешняя необходимость, а не только как удовлетворение его тенденции к обогащению.}

Более короткий оборот как результат продажи всего товара и всего лишь годовой оборот части основного капитала были выяснены выше. Что касается прибыли — купеческая прибыль нас здесь еще не интересует, — то каждая часть оборотного капитала, как выходящая из процесса производства и возвращающаяся в него, т. е. поскольку в ней содержится овеществленный труд (стоимость затрат), необходимый труд (стоимость заработной платы) и прибавочный труд, приносит прибыль после того, как она прошла обращение, так как вместе с продуктом реализуется содержащийся в нем прибавочный труд. Но эту прибыль не создает ни оборотный капитал, ни основной капитал, ее создает опосредствованное обоими видами капитала присвоение чужого труда, следовательно, au fond * — только та часть оборотного капитала, которая входит в малое обращение. Реализуется же эта прибыль, действительно, только посредством вступления капитала в обращение, следовательно, только в его форме оборотного капитала, и никогда — в его форме основного капитала. Однако то, что «The Economist» в приведенном выше месте понимает под основным капиталом, есть — поскольку речь идет о доходах, получаемых при его помощи, — та форма основного капитала, в которой он не вступает непосредственно в процесс производства в виде машин, а существует в виде железных дорог, зданий, мелиорации почвы, дренажа и т. д.

{То воззрение, что *все части капитала в одинаковой мере приносят прибыль*, эта иллюзия, которая вызвана делением прибавочной стоимости на средние доли, независимо от

* — по существу. *Ред.*

соотношения основной и оборотной частей капитала и его части, превращенной в живой труд, нас здесь не касается. Так как Рикардо наполовину разделяет эту иллюзию, он при определении стоимости как таковой с самого начала рассматривает влияние на это определение соотношения между основным и оборотным капиталом, а достопочтенный пастор Мальтус с чистосердечной тупостью говорит о прибылях, нарастающих на основной капитал, как если бы капитал возрастал органически благодаря какой-то природной силе.)

Таким образом, у основного капитала, находящегося в указанной выше форме, реализация содержащейся в нем стоимости и прибавочной стоимости выступает в форме ежегодной ренты [annuity], причем процент представляет прибавочную стоимость, а ежегодная рента — постепенное возвращение авансированной стоимости. Здесь, следовательно, фактически речь идет не о вступлении основного капитала в обращение в качестве стоимости (хотя это имеет место в случае мелиорации почвы) в результате того, что он составляет часть продукта, а о продаже основного капитала в форме его потребительной стоимости. В этом случае он продается не сразу, а в виде ежегодной ренты.

С самого начала ясно, что некоторые формы основного капитала сперва фигурируют как оборотный капитал, а основным капиталом становятся лишь после того, как они будут закреплены в процессе производства; например, находящимся в обращении продуктом фабриканта машин являются машины, так же как продуктом хлопчатобумажного фабриканта является ситец, и он вступает у него в обращение точно таким же образом. Для фабриканта машин они являются оборотным капиталом, для того фабриканта, который пользуется ими в процессе производства, они представляют собой основной капитал, так как для первого фабриканта они являются продуктом, а для второго — орудием производства. Точно так же дома, несмотря на их неподвижность, являются для строительной промышленности оборотным капиталом; для того, [VII—9] кто их покупает, чтобы в свою очередь отдать внаем или употребить для производства в качестве строений, они представляют собой основной капитал. О том, в какой мере основной капитал сам обращается как потребительная стоимость, т. е. продается, переходит из рук в руки, — мы поговорим впоследствии.

Однако тот пункт, что капитал продается как капитал, будь то в форме денег или в форме основного капитала, — сюда, очевидно, не относится, так как здесь мы рассматриваем обра-

щение как такое движение капитала, в котором он полагает себя в своих различных, логически определенных моментах. Производительный капитал становится продуктом, товаром, деньгами и снова превращается в условия производства. В каждой из этих форм он остается капиталом и становится капиталом лишь в той мере, в какой он реализуется как таковой. Пока капитал остается в одной из этих фаз, он закреплен как товарный капитал, денежный капитал или промышленный капитал. Но каждая из этих фаз составляет только момент его движения, и в той форме, в которой он отталкивается, чтобы перейти из одной фазы в другую, он перестает быть капиталом. Если капитал отталкивается как товар и становится деньгами или vice versa *, то он существует в качестве капитала не в покинутой им форме, а во вновь принятой. При этом покинутая им форма снова может стать формой другого капитала, или она может быть непосредственной формой потребляемого продукта. Но это нас здесь не касается и не касается самого капитала, поскольку речь идет о его замкнутом кругообороте. Капитал, наоборот, совлекает каждую из указанных форм как свое бытие не-капиталом, с тем чтобы впоследствии снова принять эту форму. Но если капитал в виде денег, земли, дóма и т. д. отдается взаймы, то он *в качестве капитала* становится товаром; иными словами, в этом случае товар, пускаемый в обращение, является *капиталом в качестве капитала*. Это следует развить в следующем отделе.

То, что оплачивается при превращении товара в деньги, в той мере, в какой цена товара касается части основного капитала, перешедшей в стоимость товара, — есть часть, которая требуется для частичного воспроизводства основного капитала, часть, потребленная и пришедшая в негодность в процессе производства. Таким образом, то, за что платит покупатель, представляет собой потребление или расходование основного капитала, поскольку он сам является стоимостью, овеществленным трудом. Так как это потребление происходит постепенно, покупатель оплачивает его по частям в продукте, в то время как соответственную часть сырого материала, содержащуюся в продукте, он возмещает в размере всей ее стоимости в той цене, которую он платит за продукт. Оплата основного капитала производится не только постепенно, но и множество покупателей платит одновременно, по мере того, как они покупают продукт, оплачивая по частям изношенную, потребленную часть основного капитала.

* — наоборот. *Ред.*

Так как в первой половине обращения капитала он выступает как *Т*, а покупатель — как *Д*, и целью капитала является стоимость, а целью покупателя — потребление (будет ли оно в свою очередь производительным, нас совершенно не касается, так как мы здесь должны рассматривать только формальную сторону, как она выступает в обращении по отношению к капиталу), то отношение покупателя к продукту представляет собой отношение потребителя вообще. Таким образом, покупатель косвенно оплачивает во всех товарах постепенно и по частям использование и потребление основного капитала, несмотря на то, что сам основной капитал не вступает в обращение в качестве потребительной стоимости.

Но существуют такие формы основного капитала, при которых покупатель непосредственно оплачивает его потребительную стоимость, например средства сообщения, транспортные средства и т. д. Во всех этих случаях основной капитал фактически никогда не выходит из процесса производства, например железная дорога и т. д. Но в то время как одних этот капитал обслуживает в процессе производства как средство сообщения, средство доставки продукта на рынок, а также как средство обращения для самих производителей, — других он может обслуживать как средство потребления, как потребительная стоимость, например тех, кто путешествует ради собственного удовольствия, и т. д.

Рассматриваемый как средство производства, основной капитал отличается в этом случае от машин и т. д. тем, что он потребляется одновременно различными капиталами как общее для всех условие их производства и обращения. (С потреблением как таковым мы здесь еще не имеем дела.) Основной капитал выступает здесь не как включенный в особый процесс производства, а как соединительная артерия множества таких процессов производства особых капиталов, которые потребляют его лишь по частям. Следовательно, в этом случае основной капитал в противоположность всем этим особым капиталам и их особым процессам производства определяется как продукт особой, отделенной от них отрасли производства, причем, однако, один производитель не продает его как оборотный капитал, а другой не покупает его как основной капитал, как это имеет место при продаже и покупке машин, — но он может быть продан только в форме самого основного капитала. Тогда и выступает наружу то, что скрыто в товаре, а именно, постепенное возвращение основного капитала.

Но вместе с тем в этом случае основной капитал, сам являясь продаваемым продуктом (для промышленника машина, кото-

рую он использует, не является продуктом), включает в себя прибавочную стоимость, а следовательно — поступление процента и прибыли, если таковая имеется. Так как этого рода основной капитал может быть потреблен (может стать потребительной стоимостью для непосредственного потребления) в той же общей для всех и постепенной форме, то и его продажа — не как орудия производства, а как товара вообще — выступает в аналогичной форме. Поскольку же основной капитал продают как орудие производства (машина *продается* как простой товар и становится орудием производства лишь в индустриальном процессе), т. е. поскольку его продажа непосредственно совпадает с его потреблением во всеобщем общественном процессе производства, — это есть такое определение основного капитала, которое не относится к рассмотрению простого обращения капитала. В этом обращении основной капитал, поскольку он фигурирует как агент производства, выступает в качестве предпосылки процесса производства, а не как его результат. Речь может идти поэтому только о возмещении стоимости основного капитала, которая не содержит в себе никакой прибавочной стоимости для того, кто его применяет. Наоборот, именно *этот последний* оплатил прибавочную стоимость производителю машин. Иначе обстоит дело с железными дорогами или сданными в аренду для производства строениями: они *в одно и то же время* являются орудиями производства и реализуются своим продавцом как продукт, как капитал.

Так как каждый момент, выступающий как предпосылка производства, есть вместе с тем его результат, — ибо производство воспроизводит свои собственные условия, — то первоначальное деление капитала в процессе производства выступает теперь таким образом, что процесс производства распадается на три процесса производства, в которых функционируют различные части капитала, выступающие теперь также и как особые капиталы. (Здесь все еще можно предполагать ту форму, когда функционирует один капитал, ибо мы рассматриваем *капитал* [*das* Kapital] как таковой, и этот способ рассмотрения упрощает то, что следует сказать о соотношении между этими различными видами капитала.)

Капитал ежегодно воспроизводится в различных и меняющихся долях как сырье, как продукт и как средство производства; одним словом, как основной капитал и как оборотный капитал. В каждом из этих процессов производства предпосылкой является по меньшей мере та часть оборотного капитала, которая предназначена для обмена на рабочую силу и для

сохранения и потребления машин или орудий и средств производства.

В чисто добывающей промышленности, например в горном деле, сама шахта существует как материал труда, но не как сырой материал, переходящий в продукт, тогда как в обрабатывающей промышленности этот сырой материал, напротив, во всех своих формах должен обладать особым существованием. В земледелии семена, удобрение, скот и т. д. можно рассматривать как сырье и в такой же мере — как вспомогательные материалы. Земледелие представляет собой способ производства sui generis *, так как к механическому и химическому процессу здесь присоединяется органический процесс, а естественный процесс воспроизводства надо лишь контролировать и направлять. Точно так же добывающая промышленность (здесь важнее всего горная промышленность) есть промышленность sui generis, потому что в ней не происходит никакого процесса воспроизводства, по крайней мере никакого известного нам или контролируемого нами процесса воспроизводства. (Рыболовство, охота и т. д. могут быть связаны с процессом воспроизводства; точно так же и лесное хозяйство; поэтому они и не являются чисто добывающей промышленностью.)

Поскольку орудие производства, основной капитал, будучи сам [VII—10] продуктом капитала и поэтому содержа в себе овеществленное прибавочное время, обладает таким свойством, что сначала он может быть отчужден в качестве оборотного капитала его производителями, как, например, машина — машиностроителем, прежде чем он станет основным капиталом, поскольку, стало быть, сначала он вступает в обращение как потребительная стоимость, постольку обращение основного капитала не содержит никакого нового определения. Но поскольку такой основной капитал, как, например, железные дороги, никогда не может быть отчужден в то время, когда он служит орудием производства, или в той мере, в какой он потребляется в качестве орудия производства, — он имеет то общее с основным капиталом вообще, что его стоимость возвращается лишь постепенно; однако к этому прибавляется еще то, что это возвращение стоимости включает возвращение его прибавочной стоимости, овеществленного в нем прибавочного труда. Этот вид основного капитала имеет, таким образом, особую форму возвращения.

Важно то, что производство капитала выступает, таким образом, как производство оборотного капитала и основного

* — особого рода. *Ред.*

капитала в определенных пропорциях, так что капитал сам производит свой двоякий способ обращения в качестве основного капитала и оборотного капитала.

* * *

Прежде чем покончить с последним пунктом, необходимо еще указать на несколько второстепенных вещей.

«В великом процессе производства оборотный капитал потребляется, а основной капитал только лишь используется» («The Economist» от 6 ноября 1847 г., № 219, стр. 1271).

Различие между *потреблением* и *использованием* сводится здесь к постепенному или быстрому уничтожению. Нам нет надобности дольше останавливаться на этом пункте.

«Оборотный капитал принимает *бесконечное множество форм*, основной капитал *имеет только одну форму*» (там же).

Это «бесконечное множество форм», поскольку рассматривается процесс производства самого капитала, гораздо правильнее сведено у Адама Смита к простой смене форм:

Основной капитал полезен своему хозяину, «пока он остается в той же самой форме», т. е. он как потребительная стоимость, в определенном вещественном бытии, остается в процессе производства. Напротив, оборотный капитал «постоянно выходит из рук своего хозяина в определенной форме» (как продукт), «чтобы вернуться в другой форме» (как условие производства), «и только посредством этого обращения и последовательных обменов он приносит прибыль» (*Smith*. Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome II. Paris, 1802, стр. 197—198) [Русский перевод, стр. 205].

Смит не говорит здесь о «бесконечном множестве форм», в которых выступает оборотный капитал. «Основной капитал», рассматриваемый с вещественной стороны, тоже принимает «бесконечное множество форм». Смит говорит о тех метаморфозах, через которые проходит оборотный капитал как потребительная стоимость, и это «бесконечное множество форм» сводится поэтому к качественному различию различных фаз обращения. Оборотный капитал, функционирующий в определенном процессе производства, возвращается всегда в одной и той же форме сырого материала и денег для заработной платы. Его вещественное бытие в конце процесса то же самое, что и в начале. Впрочем, «The Economist» сам в другом месте сводит «бесконечное множество форм» к логически определенной смене форм в процессе обращения:

«Товар целиком потребляется в той форме, в которой он был произведен» (т. е. вступает в обращение и выталкивается из него как потребительная стоимость), «и возвращается к своему производителю в *новой форме*» (как сырье и заработная плата), «готовым к повторению *сходной* операции» (точнее: той же самой) («The Economist» от 6 ноября 1847 г., стр. 1271).

Смит категорически заявляет также, что основной капитал «не нуждается в обращении» (цит. соч., стр. 198) [Русский перевод, стр. 206].

Стоимость *основного капитала* закреплена в определенной потребительной стоимости; стоимость оборотного капитала принимает форму различных потребительных стоимостей, равно как и форму, не зависящую ни от какой определенной потребительной стоимости (форму денег), в такой же степени принимает, как и сбрасывает эти формы; поэтому происходит постоянный обмен веществ и смена форм.

«Оборотный капитал доставляет ему» (предпринимателю) «материалы и заработную плату рабочих и приводит все предприятие в движение» (*А. Смит*. Цит. соч., стр. 226) [Русский перевод, стр. 216].

«*Всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного капитала* и должен постоянно поддерживаться *посредством оборотного капитала*» (стр. 207) [Русский перевод, стр. 208].

«Поскольку очень большая часть оборотного капитала постоянно извлекается из него для помещения в два других вида совокупных фондов общества, этот капитал в свою очередь нуждается в постоянных пополнениях, без чего он скоро прекратил бы свое существование. Эти пополнения получаются из трех главных источников: из продуктов земли, рудников и рыболовства» (стр. 208) [Русский перевод, стр. 209].

{Мы уже рассмотрели одно из различий [между основным и оборотным капиталом], выдвинутое в «The Economist»:

«Всякий продукт, издержки производства которого полностью возмещаются производителю из *текущего дохода* страны, есть *оборотный капитал;* но всякий продукт, *за пользование которым выплачивается лишь некоторая ежегодная сумма,* есть *основной капитал*». «В первом случае производитель полностью зависит от текущего дохода страны» («The Economist» от 6 ноября 1847 г., № 219, стр. 1271).

Мы уже видели, что только часть основного капитала возвращается за то время, которое определяется оборотным капиталом и служит единицей для его оборотов, ибо оно является природной единицей воспроизводства большей части средств питания и сырых материалов, так же как (и потому что) оно является природной эпохой в жизненном процессе (космическом процессе) Земли. Этой единицей является год, гражданское исчисление которого более или менее, но незначительно, отклоняется от его природной величины. Основной капитал, —

чем более его вещественное бытие соответствует его понятию, чем более адекватен вещественный способ его существования, — охватывает временем своего оборота цикл, состоящий из ряда лет.

Так как оборотный капитал полностью обменивается сначала на деньги, затем на свои элементы, то он предполагает, что *произведена противостоящая ему стоимость,* равная всей его стоимости (включающей прибавочную стоимость). Нельзя сказать, что оборотный капитал полностью вступает или может вступить в [индивидуальное] потребление, так как он должен также отчасти снова служить сырьем или элементом для основного капитала, словом, сам должен снова служить элементом для производства — для встречного производства. Часть потребительной стоимости, выталкиваемой капиталом в виде продукта, в виде результата процесса производства, становится предметом [индивидуального] потребления и, таким образом, вообще выпадает из обращения капитала; другая часть входит в другой капитал как условие производства. Это положено в самом обращении *капитала* [*des* Kapitals], так как в первой половине обращения он в качестве товара, т. е. потребительной стоимости, отталкивается от самого себя, следовательно, рассматриваемый *по отношению к самому себе* в этой форме, он отпускает себя из своего собственного обращения в качестве потребительной стоимости, предмета потребления; во второй же половине своего обращения капитал в качестве денег обменивается на товар как условие производства. В качестве обращающейся потребительной стоимости капитал полагает свое вещественное бытие как в виде предмета потребления, так и в виде элемента нового производства или, вернее, элемента воспроизводства. Но в обоих случаях его стоимостный эквивалент должен полностью иметься налицо, т. е. он должен быть полностью произведен в течение года. Например, все продукты обрабатывающей промышленности, которые могут быть обменены в течение года на продукты земледелия, определяются массой сырья, произведенного за год, от одного урожая до другого. Так как мы здесь говорим о *капитале* [*dem* Kapital], о становящемся капитале, то мы за его пределами не имеем ничего, — ибо для нас еще не существует множества капиталов, — не имеем ничего, кроме его самого и простого обращения, из которого он вбирает в себя стоимость в двоякой форме денег и товара и в которое он бросает стоимость в двоякой форме денег и товара.

Когда промышленная нация, производящая на основе капитала, как, например, Англия, производит обмен с китайцами

и поглощает стоимость в денежной или товарной форме из их процесса производства, или, лучше сказать, когда она втягивает их в сферу обращения своего капитала, то сразу видно, что для этого и в результате этого самим китайцам не нужно производить в качестве капиталистов. Да и в рамках одного общества, как, например, английского, капиталистический способ производства развит в одних отраслях производства, в то время как в других отраслях, например в земледелии, в той [VII—11] или иной степени господствуют способы производства, предшествующие капиталу.

Однако 1) необходимая тенденция капитала заключается в том, чтобы повсеместно подчинить себе существующий способ производства, установить над ним господство капитала. В рамках определенного национального общества это по необходимости вытекает уже из превращения посредством капитала всякого труда в наемный труд; 2) в отношении внешних рынков капитал достигает такого распространения своего способа производства путем международной конкуренции. Конкуренция вообще есть тот способ, при помощи которого капитал осуществляет свой способ производства.

Во всяком случае ясно следующее: независимо от того, что̀ стоит на двух сторонах последовательных обменов, имея каждый раз противоположное определение: снова один капитал или сам этот капитал в качестве другого капитала, — независимо от этого оба определения уже вытекают из кругооборота самого *капитала* [*des* Kapitals] еще до того, как мы станем рассматривать это двойное движение. В первой фазе [обращения] капитал выталкивается как потребительная стоимость, как товар из движения капитала и обменивается на деньги. Товар, вытолкнутый из обращения капитала, не есть уже товар как момент увековечивающейся стоимости, как бытие стоимости. Товар, следовательно, существует теперь как потребительная стоимость, как бытие для потребления. Капитал превращается из формы товара в форму денег лишь тем путем, что в обычном обращении *ему противостоит* какой-нибудь участник обмена в качестве потребителя, который превращает *Д* в *Т*, осуществляет этот обмен с его вещественной стороны, относясь к потребительной стоимости как к потребительной стоимости в качестве потребителя, и лишь в результате этого потребительная стоимость возмещается для капитала как *стоимость*. Таким образом, капитал создает предметы потребления, но отталкивает их в этой форме от себя, выталкивает их из своего обращения. Никакого иного отношения из развитых до сих пор определений не вытекает.

Товар, выталкиваемый в качестве такового из обращения капитала, утрачивает свое определение стоимости и в качестве потребительной стоимости выполняет функцию потребления в отличие от производства. Но во второй фазе обращения капитал обменивает деньги на товар, и его превращение в товар само выступает теперь как момент полагания стоимости, потому что товар как таковой включается в процесс обращения капитала. Если в первой фазе [обращения] капитал предполагает потребление, то во второй фазе он предполагает производство, производство для производства; ибо стоимость в форме товара включается здесь в обращение капитала извне, иными словами, здесь совершается обратный процесс по сравнению с процессом в первой фазе. В качестве потребительной стоимости для самого капитала товар может выступать только как элемент, как потребительная стоимость для процесса производства капитала.

В своем раздвоении процесс выступает так: в первой фазе [обращения] капитал *a* обменивает свой продукт как *Т* на *Д* капитала *b*; во второй фазе капитал *b* обменивается как *Т* на *Д* капитала *a*. Или: в первой фазе капитал *b* обменивается как *Д* на *Т* капитала *a*, во второй фазе капитал *a* обменивается как *Д* на *Т* капитала *b*. Иными словами, одновременно в каждой из обеих фаз обращения капитал существует как *Д* и *Т*, но в виде двух различных капиталов, которые всегда находятся в противоположных фазах своего процесса обращения. В простом процессе обращения меновые акты *Т — Д* или *Д — Т* непосредственно совпадают или непосредственно расщепляются. Обращение есть не только последовательность обеих форм обмена, но оно представляет собой одновременно каждую из этих форм, распределенную между двумя различными сторонами.

Однако здесь мы пока еще не имеем дела с обменом многих капиталов. Это относится к учению о конкуренции или также к учению об обращении капиталов (о кредите). Здесь нас интересует, с одной стороны, предпосылка потребления товара, вытолкнутого в качестве потребительной стоимости из движения стоимости, и [с другой стороны] предпосылка производства для производства — предпосылка стоимости, положенной как потребительная стоимость, в качестве существующего вне обращения капитала условия его воспроизводства; как то, так и другое вытекает из рассмотрения простой формы обращения капитала.

Ясно одно: ввиду того, что весь оборотный капитал обменивается как *Т* на *Д* в первой фазе и как *Д* на *Т* во второй

фазе, его превращения, если мы рассматриваем год как единицу времени его эволюций, ограничены как тем, что сырье и т. д. должно быть воспроизведено за год (товар, на который капитал обменивается в качестве денег, должен быть произведен, капиталу должно соответствовать одновременное производство), так и тем, что годовой доход (та часть *Д*, которая обменивается на товар как на потребительную стоимость) должен постоянно создаваться, для того чтобы потреблять вытолкнутый в качестве потребительной стоимости продукт капитала. В качестве такого дохода — так как здесь еще не рассматриваются более развитые отношения — существует лишь доход самих капиталистов и доход рабочих. Впрочем, рассмотрение обмена между капиталом и доходом, являющегося другой формой отношения между производством и потреблением, сюда еще не относится.

С другой стороны, так как основной капитал обменивается лишь в той мере, в какой он как стоимость входит в оборотный капитал, так как, следовательно, его стоимость в течение года реализуется лишь частично, то он и предполагает лишь *частичный стоимостный эквивалент*, стало быть, предполагает тоже лишь частичное производство этого стоимостного эквивалента в течение года. Основной капитал оплачивается лишь пропорционально его изнашиванию. Во всяком случае ясно, — и это вытекает уже из различия в промышленном цикле, которое привносится основным капиталом, — что *он делает необходимым производство следующих лет* и что, содействуя получению большого дохода, он также предвосхищает будущий труд как свой стоимостный эквивалент. Антиципация будущих плодов труда поэтому вовсе не является следствием государственного долга и т. д., словом, не является изобретением кредитной системы. Она *коренится в специфическом способе реализации стоимости, в специфическом способе оборота, в специфическом способе воспроизводства основного капитала.*}

Так как для нас здесь по существу дело идет о том, чтобы установить в чистом виде определения формы, следовательно, о том, чтобы не вносить ничего постороннего, — то из предшествовавшего выяснилось, что те различные формы, в которых оборотный капитал и основной капитал приносят доход, — как и вообще рассмотрение дохода, — сюда совершенно еще не относятся. Сюда относятся только те различные способы, которыми они возвращаются и влияют на совокупный оборот капитала, вообще на процесс его воспроизводства. Но то, что попутно было сказано, важно тем, что, отбрасывая определения, даваемые экономистами в виде пестрого нагромождения,

как неуместные при рассмотрении простого различия основного и оборотного капитала, оно одновременно показывало нам, что различие в доходе и т. д. имеет свою основу в различии формы воспроизводства основного и оборотного капитала. Здесь речь идет еще только о простом возвращении стоимости. Каким образом это возвращение стоимости становится возвращением дохода, а это последнее — различием в определении дохода, выяснится только впоследствии.

* * *

Мы еще не говорили о *расходах по содержанию (frais d'entretien)* основного капитала. Это отчасти вспомогательные материалы, которые он потребляет для того, чтобы функционировать. Они подходят под понятие основного капитала в первом его значении, в котором мы рассматривали его в рамках процесса производства. Эти вспомогательные материалы представляют собой оборотный капитал; они могут точно так же служить для [личного] потребления. Они становятся основным капиталом лишь в том случае, когда они потребляются в процессе производства, но они не обладают, в отличие от собственно основного капитала, таким вещественным содержанием, которое определяется исключительно формой их существования. Другая часть этих расходов по содержанию основного капитала представляет собой труд, необходимый для ремонта.

* * *

[VII—12] В соответствии с определением Адама Смита всякий основной капитал первоначально происходит от какого-нибудь оборотного капитала и должен постоянно получать поддержку со стороны оборотного капитала:

«Всякий основной капитал первоначально происходит от какого-нибудь оборотного капитала и нуждается в постоянной поддержке за счет оборотного капитала. *Никакой основной капитал не может приносить доход без помощи оборотного капитала*» (*Storch.* Cours d'Economie Politique. Tome I, Paris, 1823, стр. 246) *.

Что касается замечания Шторха относительно дохода — определение, которое сюда не относится, — то ясно следующее: основной капитал возвращается только как стоимость, в той мере, в какой он уничтожается по частям как потребительная стоимость, как основной капитал, и как стоимость

* См. настоящий том, часть II, стр. 151—152, 240. *Ред.*

входит в оборотный капитал. Он может, следовательно, возвращаться только в форме оборотного капитала, коль скоро рассматривается его *стоимость*. В качестве же потребительной стоимости он вообще не обращается.

Далее, так как сам основной капитал представляет собой потребительную стоимость лишь для производства, то и как стоимость для индивидуального пользования, для потребления, он может возвращаться тоже лишь в форме оборотного капитала. Мелиорация почвы может химическим путем непосредственно войти в процесс воспроизводства и, таким образом, непосредственно превратиться в потребительные стоимости. Но в этом случае она потребляется в той форме, в которой она существует как основной капитал. *Приносить доход капитал может вообще лишь в той форме, в которой он вступает в обращение и возвращается из него, так как производство дохода в виде непосредственных потребительных стоимостей, которые не опосредствованы обращением, противоречит природе капитала. Следовательно, так как основной капитал возвращается в качестве стоимости лишь в форме оборотного капитала, то он может приносить доход тоже лишь в этой форме.* Доход вообще есть не что иное, как часть прибавочной стоимости, предназначенная для непосредственного потребления. Его возвращение, таким образом, зависит от характера возвращения самой стоимости. Отсюда различные формы, в которых основной капитал и оборотный капитал приносят доход. Равным образом, так как основной капитал как таковой никогда не входит в обращение в виде потребительной стоимости и, следовательно, никогда не выталкивается в виде потребительной стоимости из процесса увеличения стоимости, то он никогда не служит для непосредственного потребления.

Что касается Смита, то его взгляд становится для нас яснее благодаря тому, что он говорит *, что оборотный капитал должен ежегодно возмещаться и постоянно обновляться тем путем, что его постоянно извлекают из моря, земли и рудников. Таким образом, здесь у него оборотный капитал выступает с чисто вещественной стороны, его буквально выуживают, вырубают, жнут; это — движимые первичные продукты, которые отделяются от их связи с землей, разъединяются и тем самым становятся движимыми или же в их готовой разъединенности, как рыбы и т. д., отрываются от своей стихии.

Далее, с чисто вещественной стороны, совершенно очевидно, — если Смит предполагает производство капитала, а не пе-

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 240. *Ред.*

реносится во времена начала мира, — что всякий оборотный капитал в свою очередь первоначально происходит от основного капитала. Без сетей нельзя ловить рыбу, без плуга нельзя вспахать поле, а без отбойного молотка и т. д. нельзя рубить уголь. Если человек пользуется хотя бы только камнем в качестве молотка и т. д., то, конечно, этот камень не представляет собой оборотного капитала и вообще является не капиталом, а средством труда. Человек, когда ему нужно производить, решает непосредственно использовать часть существующих в природе предметов в качестве средств труда и подчиняет их своей деятельности, как правильно об этом сказал Гегель [54], без дальнейшего процесса опосредствования.

Источником, из которого происходит всякий капитал, как оборотный, так и основной, и не только первоначально, но и постоянно, является присвоение чужого труда. Но этот процесс предполагает, как мы видели, постоянное малое обращение, обмен заработной платы на рабочую силу, или фонд жизненных средств. Процесс производства капитала предполагает, что *всякий капитал возвращается только в форме оборотного капитала;* поэтому основной капитал может обновляться лишь тем путем, что часть оборотного капитала закрепляется; следовательно, часть созданного сырья и часть труда (поэтому также часть фонда жизненных средств обменивается на живой труд) применяются для производства основного капитала. В земледелии, например, часть продукта потребляется трудом, предназначенным для постройки водопроводов, или часть зерна обменивается на гуано, на химические вещества и т. д., которыми удобряется почва, но которые фактически имеют потребительную стоимость лишь в той мере, в какой они подвергаются химическому процессу.

Часть оборотного капитала имеет потребительную стоимость только для воспроизводства основного капитала и производится только для основного капитала (хотя бы это производство сводилось лишь к рабочему времени, требующемуся для его перемещения). Но сам основной капитал может быть обновлен как капитал лишь тогда, когда он становится составной частью стоимости оборотного капитала и когда его *элементы, таким образом, воспроизводятся путем превращения оборотного капитала* в основной. *Основной капитал точно так же служит предпосылкой для производства оборотного капитала, как оборотный капитал служит предпосылкой для производства основного капитала.* Иными словами, воспроизводство основного капитала требует: 1) возвращения его стоимости в форме оборотного капитала, ибо только таким образом он

может быть вновь обменен на условия своего производства; 2) часть живого труда и сырого материала применяется не для производства подлежащих обмену продуктов, а для производства орудий производства, непосредственных или косвенных. Оборотный капитал, совершенно так же, как труд, включается в состав основного капитала по своей потребительной стоимости, в то время как основной капитал своей стоимостью входит в состав оборотного капитала, а в качестве движения (там, где он непосредственно выступает как машины) или в качестве покоящегося движения, формы, он входит в потребительную стоимость.

[14) Ф. М. ИДЕН О СВОБОДНОМ ТРУДЕ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ КАК О СКРЫТОЙ ФОРМЕ ПАУПЕРИЗМА]

{В связи с высказанными нами выше положениями о свободном труде, в частности, что в этом труде скрыт пауперизм *, надо привести следующие места из работы сэра *Фредерика Мортона Идена, баронета* «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England from the Conquest to the Present Period». 3 vols. London, 1797 (цитаты взяты из тома I, кн. 1) [54a]. В кн. 1, гл. I говорится следующее:

«В нашем географическом поясе для удовлетворения потребностей требуется труд, и *поэтому*, по крайней мере, *часть* общества *всегда* должна *неустанно* трудиться; другие работают в области искусств и т. д., а немногие, которые не работают, все же располагают продуктами прилежания. Однако этим собственники обязаны исключительно *цивилизации и порядку;* они всецело — творение *гражданских учреждений*. Ибо последние признают, что плоды труда можно присваивать и иным способом, кроме труда. Люди с независимым состоянием *почти целиком* обязаны своим *состоянием труду других,* а не своим собственным способностям, которые отнюдь не выше, чем способности других. Не владение землей и деньгами, а командование трудом — вот что отличает богатых от бедных» [том I, стр. 1—2].

Бедность как таковая начинается с освобождения земледельцев; феодальное прикрепление к земле или, по крайней мере, к местности избавляло до тех пор законодательство от забот о бродягах, нищих и т. д. Иден полагает, что различные торговые гильдии и т. д. также кормили своих собственных бедняков [там же, стр. 57, 60]. Он говорит:

* См настоящий том, часть II, стр. 101—103. *Ред.*

«Отнюдь не имея в виду преуменьшать бесчисленные выгоды, вызванные мануфактурами и торговлей, результат этого исследования по-видимому *приводит к неизбежному заключению, что мануфактуры и торговля»* (т. е. сфера производства, прежде всего подпавшая под власть капитала) «являются *истинными родителями наших бедных»* [там же, стр. 61].

В той же работе указывается, что, начиная с Генриха VII (при котором вместе с тем начинается очистка земель от лишних ртов путем превращения пашен в пастбища, продолжавшаяся свыше 150 лет и вызвавшая, по меньшей мере, жалобы и вмешательство законодателя; следовательно, возрастало число рабочих рук, предоставляемых в распоряжение промышленности), заработная плата в промышленности уже не устанавливалась законом, это имело место только в земледелии. Акт, изданный в 11-й год царствования Генриха VII [там же, стр. 73—75].

(Вместе со свободным трудом еще не полностью утвердился наемный труд. Рабочие еще имеют поддержку в феодальных отношениях; предложение рабочей силы еще слишком незначительно; поэтому капитал как капитал еще не в состоянии свести их заработную плату к минимуму. Отсюда определение заработной платы в статутах. До тех пор пока заработная плата еще регулируется статутами, еще нельзя сказать, что капитал как капитал подчинил себе производство и что наемный труд приобрел адекватный ему способ существования.)

В приведенном у Идена акте упоминаются льноткачи, строители и кораблестроители. В том же акте устанавливается также [VII—13] рабочее время:

«Так как многие поденщики полдня бездельничают, приходят поздно, уходят рано, после обеда долго спят, долго сидят за завтраком, обедом и ужином и т. д. и т. п.», то назначаются следующие часы работы: «с 15-го марта по 15 сентября с 5 часов утра, завтрак — $^1/_2$ часа, обед и послеобеденный сон — $1^1/_2$ часа, второй завтрак — $^1/_2$ часа и работа до 7—8 часов вечера. Зимой — пока светло, зато нет послеобеденного сна, который разрешается только с 15 мая по 15 августа» [там же, стр. 75—76].}

{В 1514 году снова регулируется заработная плата, почти таким же образом, как в прошлый раз. Также снова фиксируются рабочие часы. Кто не хотел работать согласно правилам, подлежал тюремному заключению [там же, стр. 81—82].

Таким образом, все еще имел место *принудительный труд* за определенную заработную плату свободных рабочих. Их приходится еще *заставлять* работать на условиях, установленных капиталом. Человек, лишенный собственности, более расположен стать бродягой, разбойником или нищим, чем рабочим. Лишь при развитом капиталистическом способе производства наемный труд становится чем-то само собой разумеющимся.

На первоначальной ступени капитала имело место государственное принуждение для превращения неимущих в *рабочих* на условиях, выгодных капиталу, которые здесь еще не навязаны рабочим их взаимной конкуренцией.}

(Весьма жестокие средства принуждения применялись при Генрихе VIII и других.) (Закрытие *монастырей* при Генрихе VIII точно так же высвобождает множество рабочих рук.) (При Эдуарде VI устанавливают еще более строгие законы против здоровых рабочих, не желающих работать) [там же, стр. 83—100]. Акт, изданный в 1-й год царствования Эдуарда VI, гл. 3:

«Кто, будучи работоспособным, отказывается работать и живет праздно три дня, будет заклеймен раскаленным железом на груди буквой *V* и будет отдан в рабство на два года тому лицу, которое донесет на подобного лентяя и т. д.». «Если он убежит от своего хозяина на 14 дней, он станет его пожизненным рабом и будет заклеймен на лбу или на щеке буквой *S*, а если убежит во второй раз и будет уличен двумя надежными свидетелями, то будет считаться уголовным преступником и подвергнут смертной казни» [там же, стр. 101].

(В 1376 г. впервые упоминаются бродяги, здоровые бездельники, в 1388 г. — пауперы. Аналогичный жестокий закон был принят в 1572 г. при Елизавете) [там же, стр. 42—43, 61—62, 127].

[15) ВЗАИМОСВЯЗЬ ОБРАЩЕНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА ОСНОВНОГО И ОБОРОТНОГО КАПИТАЛА. СТОИМОСТЬ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ]

Оборотный капитал и основной капитал, которые в прежнем определении выступают как чередующиеся формы одного и того же капитала в различных фазах его кругооборота, теперь, когда основной капитал развился в свою высшую форму, одновременно положены как два различных вида существования капитала. Таковыми они становятся вследствие различия в способе их обращения. У медленно обращающегося оборотного капитала есть одно общее определение с основным капиталом. Но он отличается от него тем, что сама его потребительная стоимость — его вещественное бытие — вступает в обращение и, вместе с тем, сбрасывается им, выбрасывается из пределов процесса обращения. Между тем основной капитал — согласно тому, как он до сих пор рассматривался нами — вступает в обращение лишь как стоимость, а до тех пор пока он находится в обращении также и как потребительная стоимость, как, например, нахо-

дящаяся в обращении машина, он является основным капиталом только δυνάμει *.

Это различение основного и оборотного капитала, ближайшим образом основанное на отношении вещественного бытия капитала, или его бытия как потребительной стоимости, к обращению, должно, однако, в процессе воспроизводства вместе с тем выступать как воспроизводство капитала в двоякой форме основного капитала и оборотного капитала. Так как воспроизводство капитала в любой форме есть полагание не только овеществленного рабочего времени, но и прибавочного рабочего времени, не только воспроизводство его стоимости, но и производство прибавочной стоимости, — то производство основного капитала в этом отношении не может отличаться от производства оборотного капитала. У фабриканта орудий или машин, — во всех тех формах, в которых основной капитал сначала выступает как оборотный капитал, соответственно своему вещественному бытию, в своем бытии в качестве потребительной стоимости, прежде чем он будет закреплен как основной капитал, т. е. прежде чем он начнет потребляться, так как именно его потребление связывает его с фазой производства и выделяет его как основной капитал, — не наблюдается поэтому никакого различия в увеличении стоимости капитала, воспроизводится ли он в форме основного или в форме оборотного капитала. Поэтому также и экономически сюда не привходит никакого нового определения.

Напротив, там, где основной капитал как таковой, а не в первоначальном определении оборотного капитала, выбрасывается своим производителем в обращение, т. е. где *продается по частям его использование, будь то для производства* или для потребления, — ибо при превращении *Т* в *Д*, происходящем в первой части обращения капитала, для самого капитала безразлично, вступит ли товар вновь в фазу обращения другого производительного капитала или он явится объектом непосредственного потребления; *наоборот,* для самого капитала товар *всегда* определяется *как потребительная стоимость,* когда капитал отталкивает товар от себя, обменивает его на *Д,* — для производителя основного капитала способ обращения должен быть иным, чем для производителя оборотного капитала. Созданная им прибавочная стоимость может возвращаться к нему лишь по частям и постепенно, вместе с самой стоимостью. Это надо будет рассмотреть в следующем разделе.

* — в возможности, потенциально. *Ред.*

Наконец, хотя теперь оборотный капитал и основной капитал выступают как два различные вида капитала, все же оборотный капитал обусловлен потреблением, использованием основного капитала, а основной капитал, со своей стороны, представляет собой оборотный капитал, только принявший эту определенную форму. Всякий капитал, превращенный в овеществленную производительную силу, — всякий основной капитал — есть капитал, закрепленный в этой форме, а потому представляет собой потребительную стоимость, изъятую в качестве потребительной стоимости как из [индивидуального] потребления, так и из обращения. То обстоятельство, что при постройке машины или железной дороги в эту определенную потребительную стоимость были превращены дерево, железо, уголь и живой труд (следовательно, косвенным образом, также и потребленные рабочим продукты), не делало бы их основным капиталом, если бы сюда не привходили остальные рассмотренные выше определения. Когда оборотный капитал превращается в основной капитал, часть тех потребительных стоимостей, в форме которых этот оборотный капитал обращался, равно как косвенным образом и та часть оборотного капитала, которая обменивается на живой труд, — превращаются в такой капитал, стоимостный эквивалент которого создается лишь в течение более продолжительного цикла, в такой капитал, который лишь по частям и постепенно вступает в обращение как стоимость и который может быть реализован лишь путем своего изнашивания в процессе производства.

Превращение оборотного капитала в основной капитал предполагает относительно избыточный капитал, так как это есть капитал, применяемый не для непосредственного производства, а для производства новых средств производства. Сам основной капитал может снова служить непосредственным орудием производства — как средство в рамках непосредственного процесса производства. В этом случае его стоимость переходит в продукт и возмещается путем последовательного возвращения продукта. Или же основной капитал не входит в непосредственный процесс производства, а выступает как всеобщее условие многих процессов производства, как, например, здания, железные дороги и т. д., и тогда его стоимость может быть возмещена лишь посредством того оборотного капитала, созиданию которого он косвенно содействовал.

Подробности, касающиеся соотношения между производством основного капитала и производством оборотного капитала, относятся лишь к дальнейшему. Если бы дорогостоящие машины применялись для того, чтобы дать небольшую массу продуктов,

то они не действовали бы как производительная сила, а намного больше удорожали бы продукт, чем если бы он был произведен без участия машин. Машины создают прибавочную стоимость не потому, что они обладают стоимостью, — ибо их стоимость просто возмещается, — а только потому, что они увеличивают относительное прибавочное время, или сокращают необходимое рабочее время. Следовательно, масса продуктов должна возрастать пропорционально увеличению количества применяемых машин, а применяемый живой труд должен относительно уменьшаться. *Чем меньше стоимость основного капитала по сравнению с его эффективностью, тем больше он соответствует своему назначению.* Всякий ненужный основной капитал представляет собой faux frais * производства, подобно всем ненужным издержкам обращения. Если бы капитал мог обладать машинами, не затрачивая на них труд, то это повысило бы производительную силу труда и сократило бы необходимый труд, хотя и не нужно было бы покупать труд [овеществленный в машинах]. Стоимость основного капитала никогда, следовательно, не является самоцелью в производстве капитала.

[VII—14] Таким образом, оборотный капитал превращается в основной капитал, а основной капитал воспроизводится в оборотном капитале; как то, так и другое имеет место лишь в той мере, в какой капитал присваивает себе живой труд.

«Всякое сбережение основного капитала представляет собой прирост чистого дохода общества» (*Smith.* Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome II, Paris, 1802, стр. 226) [Русский перевод, стр. 215].

Завершающее и последнее различие [между основным и оборотным капиталом], которое приводится экономистами, — это различие между *подвижным и неподвижным;* не в том смысле, что первое входит в обращение, а второе нет; а в том смысле, что одно физически закреплено, неподвижно; в том смысле, в каком различают движимую собственность от недвижимой. Например, мелиорация почвы, водопроводы, строения; и в значительной степени — машины, так как для того чтобы действовать, они должны быть физически закреплены; железные дороги; словом, всякая форма, в которой продукт промышленности прикрепляется к земной поверхности. Этим au fond ** ничего не добавляется к определению основного капитала; но в его определении, действительно, заложено то, что чем больше его потребительная стоимость, его вещественное бытие,

* — побочные (непроизводительные) издержки *Ред.*
** — по существу. *Ред.*

соответствует определению его формы, тем в более высоком смысле он есть основной капитал. Недвижимая потребительная стоимость, как, например, дом, железная дорога и т. д., является поэтому наиболее осязательной формой основного капитала. Она может, правда, все же обращаться в том смысле, как вообще обращается недвижимая собственность — как титул, но не как потребительная стоимость; она не обращается в физическом смысле. Первоначально рост движимой собственности, ее увеличение по сравнению с недвижимой свидетельствует о восходящем движении капитала в противоположность земельной собственности. Но когда капиталистический способ производства уже дан, степень подчинения им себе условий производства проявляется в превращении капитала в недвижимую собственность. Тем самым капитал делает своим местопребыванием саму землю, и мнимо прочные, данные природой предпосылки земельной собственности сами выступают как всего лишь обусловленные промышленностью.

(Первоначально существование в общине и опосредствованное общиной отношение к земле как к собственности служат основными предпосылками воспроизводства как индивида, так и самой общины. У пастушеских народов земля является только условием кочевой жизни, поэтому о присвоении земли там нет и речи. Когда вместе с земледелием появляется оседлость, земельная собственность сначала является общей, и даже там, где дело доходит до частной собственности, отношение индивида к ней выступает как обусловленное его отношением к общине. Эта собственность выступает как всего лишь лен общины и т. д. и т. п. Превращение земельной собственности в простую меновую стоимость — такого рода мобилизация ее — есть продукт капитала и полного подчинения ему государственного организма. Поэтому земля, даже там, где она стала частной собственностью, лишь в ограниченном смысле является меновой стоимостью. Меновая стоимость возникает в обособленном, отделенном от земли и индивидуализированном посредством трудовой деятельности (или посредством простого присвоения) природном продукте. Здесь впервые выступает также и индивидуальный труд. Обмен начинается вообще прежде всего не внутри первоначальных общин, а на их границе, там, где они кончаются. Разумеется, обмен земли, их местожительства, продажа ее чужим общинам были бы изменой. Обмен может лишь постепенно распространиться на недвижимую собственность, начав со своей первоначальной области, с движимой собственности. Только путем расширения движимой собственности капитал шаг за шагом забирает в свои руки недвижимую

собственность. В этом процессе деньги являются главным агентом.)

Адам Смит сначала различает оборотный капитал и основной капитал по их определению в *процессе производства*. Лишь затем он приходит к следующей формулировке:

«Можно различными способами применять капитал для получения прибыли: 1) как оборотный капитал, 2) как основной капитал» (там же, стр. 197—198) [Русский перевод, стр. 205—206].

Эта вторая формулировка, очевидно, не относится к рассмотрению различия [между основным и оборотным капиталом] как такового, так как основной капитал и оборотный капитал уже должны быть предположены как два вида капитала, прежде чем можно говорить о том, каким образом можно применять капитал в обеих формах для получения прибыли.

«Совокупный капитал каждого предпринимателя с необходимостью делится на его основной капитал и его оборотный капитал. При равенстве суммы одна часть будет тем больше, чем меньше другая» (там же, стр. 226) [Русский перевод, стр. 215—216].

Так как капиталы 1) делятся на основной и оборотный капитал в неравных пропорциях и 2) обладают фазой производства с перерывами или без перерывов и возвращаются с отдаленных или близких рынков, т. е. имеют неодинаковое время обращения, — то прибавочная стоимость, которая создается за определенное время, например за год, должна быть неодинаковой, потому что [у разных капиталов] количество процессов воспроизводства за данный промежуток времени неодинаково. Созидание ими стоимости определяется не просто трудом, примененным во время непосредственного процесса производства, а возможностью повторения этой эксплуатации труда в течение данного периода.

Итак, в заключение: если при рассмотрении простого процесса производства капитал выступает как самовозрастающая стоимость только в его отношении к наемному труду, а обращение остается в стороне, то в процессе его воспроизводства в капитал включено и обращение, и притом оба момента обращения *Т — Д — Д — Т* (как система обменов, через которые капитал должен пройти и которым соответствует столько же качественных изменений самого капитала). Обращение выступает включенным в капитал как *Д — Т — Т — Д*, поскольку процесс исходит из капитала в его денежной форме и потому возвращается к нему в этой же форме. Капитал содержит в себе оба кругооборота, и притом уже не как простую смену форм или простой обмен веществ, выпадающий из

определения формы, а то и другое, включенное в само определение стоимости.

Процесс производства как содержащий в самом себе условия своего возобновления есть процесс воспроизводства, скорость которого определяется различными, рассмотренными выше отношениями, целиком проистекающими из различий самого кругооборота. В рамках воспроизводства капитала одновременно происходит воспроизводство тех потребительных стоимостей, в которых существует капитал, иными словами, происходит постоянное обновление и воспроизводство посредством человеческого труда потребительных стоимостей, которые потребляются людьми и по своей природе преходящи. Обмен веществ и изменение формы, которые человеческий труд подчиняет человеческим потребностям, с точки зрения капитала выступают как воспроизводство его самого. Au fond * это есть постоянное воспроизводство самого труда.

«Капитальные стоимости увековечиваются путем воспроизводства: продукты, из которых состоит капитал, потребляются наравне со всеми другими, но их стоимость, уничтожаемая путем потребления, одновременно воспроизводится в других материалах или в том же самом» (*Say*. Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome II. Paris, 1817, стр. 185).

Обмен и система обменов, а также включенное в нее превращение в деньги как самостоятельную стоимость, выступают как условие и предел для воспроизводства капитала. У капитала само производство всесторонне подчинено обмену. Эти меновые операции, обращение как таковое, не производят прибавочной стоимости, но являются условием ее реализации. Они представляют собой условия самого *производства капитала* в том смысле, что его *форма как капитала* полагается лишь тогда, когда он проходит через эти операции. Воспроизводство капитала есть вместе с тем производство определенных формальных условий, определенных [VII—15] типов отношений, в которых выступает персонифицированный овеществленный труд. Поэтому обращение есть не только обмен продукта на условия производства — т. е., например, произведенной пшеницы на семена, на новый труд и т. д. При любой форме производства работник должен обменивать свой продукт на условия производства, чтобы иметь возможность повторить процесс производства. Земледелец, производящий для непосредственного потребления, тоже превращает часть продукта в семена, орудие труда, рабочий скот, удобрение и т. д. и возобновляет

* — По существу. *Ред.*

свой труд. Превращение в деньги необходимо для воспроизводства капитала как такового, а его воспроизводство с необходимостью представляет собой производство прибавочной стоимости.

{В отношении фазы воспроизводства (в особенности, времени обращения) необходимо еще отметить, что она имеет пределы из-за самой потребительной стоимости. Пшеница должна быть воспроизведена в течение года. Преходящие предметы, такие, как молоко и т. д., должны воспроизводиться чаще. Мясо — так как животное живет, т. е. сопротивляется времени — так часто воспроизводить не нужно, но говядину, находящуюся на рынке, необходимо в кратчайший срок воспроизвести в форме денег, или она сгниет. Воспроизводство стоимости и потребительной стоимости отчасти совпадают, отчасти не совпадают.}

Хотя в одном процессе производства труд лишь сохраняет стоимость того, что мы раньше назвали постоянной частью капитала, он должен в другом процессе производства постоянно воспроизводить эту часть капитала, так как то, что в одном процессе производства выступает как предпосылка в виде материала и орудия, в другом процессе производства выступает как продукт, и это возобновление, воспроизводство должно происходить непрерывно и одновременно.

Мы переходим теперь к *третьему отделу*.

Отдел третий.

КАПИТАЛ КАК ПРИНОСЯЩИЙ ПЛОДЫ (ПРОЦЕНТ, ПРИБЫЛЬ, ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА И Т. Д.)

[А)] ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ПРИБЫЛЬ

[1)] НОРМА ПРИБЫЛИ И СУММА ПРИБЫЛИ. ПАДЕНИЕ НОРМЫ ПРИБЫЛИ

Капитал теперь положен как единство производства и обращения, и прибавочная стоимость, которую он создает в течение определенного периода времени, например в течение года, равняется $\frac{SZ}{p+c} = \frac{SZ}{U}$, или $S\left(\frac{Z}{p} - \frac{Z}{p} \times \frac{c}{p+c}\right)$*.

Капитал теперь реализован не только как воспроизводящая себя и поэтому увековечивающая себя стоимость, но также и как стоимость, полагающая стоимость. Путем поглощения живого рабочего времени, а также путем присущего ему самому движения обращения (где движение обмена полагается как его собственное движение, как имманентный процесс овеществленного труда), капитал относится к самому себе как к полагающему новую стоимость, как к производящему стоимость. Он относится к прибавочной стоимости как основание к им обоснованному. Его движение состоит в том, что, производя себя, он вместе с тем относится как основание к самому себе как обоснованному, как предположенная стоимость к самому себе как прибавочной стоимости или — к прибавочной стоимости как им положенной.

За определенный период времени, положенный как единица-мера его оборотов, так как этот период является естественным мерилом его воспроизводства в земледелии, капитал производит определенную прибавочную стоимость, определяемую не только прибавочной стоимостью, которую капитал создает в течение

* В этих формулах S обозначает прибавочную стоимость, Z — время, p — фазу производства, c — фазу обращения, U — оборот капитала (см. настоящий том, часть II, стр. 156—162). *Ред.*

одного процесса производства, но также и количеством повторений процесса производства или количеством актов его воспроизводства за определенный период времени. При этом, вследствие того что в процесс его воспроизводства включено также и обращение, т. е. движение капитала вне непосредственного процесса производства, прибавочная стоимость уже не *выступает* как полагаемая его простым непосредственным отношением к живому труду; это отношение, напротив, выступает как лишь один из моментов его движения в целом.

Капитал, исходя от самого себя как активного субъекта, субъекта процесса — а в обороте непосредственный процесс производства действительно выступает как определяемый его движением как капитала, независимо от его отношения к труду, — относится к самому себе как к возрастающей стоимости, т. е. капитал относится к прибавочной стоимости как им полагаемой и обосновываемой; относится как источник производства к самому себе как продукту; относится как производящая стоимость к самому себе как производимой стоимости. Поэтому капитал уже не измеряет вновь произведенную стоимость ее реальным мерилом, отношением прибавочного труда к необходимому труду, а берет в качестве мерила самого себя как предпосылку. Капитал определенной стоимости производит за определенный период времени определенную прибавочную стоимость.

Прибавочная стоимость, измеряемая стоимостью предположенного капитала, капитал, положенный как возрастающая стоимость — есть *прибыль;* под этим углом зрения, углом зрения не вечности [55], а капитала, прибавочная стоимость есть прибыль, а капитал в самом себе отличает себя как капитал, производящий и воспроизводящий стоимость, от себя как прибыли, как вновь произведенной стоимости. Продукт капитала есть *прибыль.* Поэтому величина прибавочной стоимости измеряется соответственно величине стоимости капитала, и поэтому *норма прибыли* определяется отношением прибавочной стоимости к стоимости капитала.

Значительная часть того, что относится сюда, была уже рассмотрена выше. Но то, что было антиципировано, надо поставить сюда.

Поскольку вновь созданная стоимость, природа которой та же, что и природа капитала, снова включается в процесс производства, в свою очередь сохраняет себя как капитал, постольку сам капитал возрос и действует теперь как капитал большей стоимости. После того как капитал отличил прибыль, как вновь произведенную стоимость, от себя как предположенной самовоз-

растающей стоимости и положил прибыль как меру своего самовозрастания, он снова снимает это разделение и полагает тождественность прибыли с собой как капиталом, который теперь, возросши в размере прибыли, возобновляет тот же процесс в большем масштабе. Совершив круг, капитал расширяется как субъект этого круга и, таким образом, описывает ряд расширяющихся кругов, спираль.

Общие законы, рассмотренные в предыдущем изложении, можно коротко формулировать следующим образом. Действительная прибавочная стоимость определяется отношением прибавочного труда к необходимому труду, или отношением части капитала (части овеществленного труда), обмениваемой на живой труд, к тому овеществленному труду, которым она возмещается. А прибавочная стоимость в форме прибыли измеряется ее отношением к общей стоимости всего капитала, предпосланного процессу производства. Следовательно, *норма прибыли* зависит — *предполагая* ту же самую прибавочную стоимость, *то же отношение прибавочного труда к необходимому труду* — от отношения части капитала, обмениваемой на живой труд, к части, существующей в форме сырых материалов и средств производства. Таким образом, чем меньше становится часть, обмениваемая на живой труд, тем меньше становится норма прибыли. Следовательно, в той же пропорции, в которой капитал начинает занимать все больше места в процессе производства как капитал по сравнению с непосредственным трудом, чем больше возрастает относительная прибавочная стоимость, способность капитала создавать стоимость, — тем больше *падает норма прибыли*.

Мы видели, что величина уже предпосланного капитала, предпосланного воспроизводству капитала, специфически выражается в росте основного капитала как произведенной производительной силы, как овеществленного труда, одаренного кажущейся жизнью. Общая величина стоимости производящего капитала выразится в каждой его части как уменьшившаяся доля капитала, обмененного на живой труд, по сравнению с частью капитала, существующей как постоянная стоимость. Возьмем, например, обрабатывающую промышленность. Здесь пропорционально росту основного капитала, машин и т. д., должна возрастать часть капитала, существующая в виде сырья, между тем как часть, обмениваемая на живой труд, уменьшается.

Таким образом, по сравнению с величиной стоимости предпосланного производству капитала — и части капитала, действующей в производстве как капитал, — норма прибыли па-

дает. Чем более широкое существование уже приобрел капитал, тем меньше вновь [VII—16] созданная стоимость по отношению к предпосланной стоимости (воспроизведенной стоимости). Поэтому *при одинаковой прибавочной стоимости, т. е. при одинаковом соотношении прибавочного и необходимого труда*, прибыль может быть неодинаковой и должна быть неодинаковой по сравнению с величиной капиталов. Норма прибыли может падать, хотя реальная прибавочная стоимость повышается. Норма прибыли может повышаться, хотя реальная прибавочная стоимость падает.

Правда, капитал может возрастать, и в той же пропорции может возрастать прибыль, если величина предпосланной как стоимость части капитала, существующей в форме сырья и основного капитала, возрастает в такой же степени, как часть капитала, обмениваемая на живой труд. Но такая равномерность предполагает рост капитала без роста и развития производительной силы труда. Одна предпосылка снимает другую. Это противоречит закону развития капитала и в особенности — закону развития основного капитала. Подобное движение может иметь место лишь на тех ступенях, на которых способ производства капитала еще не адекватен капиталу, или в таких сферах производства, где капитал лишь формально захватил власть, как, например, в земледелии. Здесь естественное плодородие почвы может действовать как увеличение основного капитала — т. е. может возрастать относительное прибавочное рабочее время — без уменьшения количества необходимого рабочего времени. (Например, в *Соединенных Штатах*.) *Валовая прибыль*, т. е. прибавочная стоимость, рассматриваемая вне ее формального отношения, не как пропорция, а как простая величина стоимости, безотносительно к другой величине, будет возрастать в среднем *не как норма прибыли, а как величина капитала*.

Если, следовательно, норма прибыли обратно пропорциональна стоимости капитала, то *сумма прибыли* будет прямо пропорциональна этой стоимости. Однако и это положение верно лишь для ограниченной ступени развития производительной силы капитала или труда. Капитал, равный 100, при норме прибыли 10%, приносит меньшую сумму прибыли, чем капитал, равный 1000, при норме прибыли 2%. В первом случае сумма прибыли равняется 10, а во втором 20, т. е. валовая прибыль большего капитала вдвое больше валовой прибыли капитала, меньшего в 10 раз, несмотря на то, что норма прибыли меньшего капитала в 5 раз больше, чем у большего. Но если бы прибыль большего капитала составляла только

1%, то сумма прибыли была бы равна 10, как и у в 10 раз меньшего капитала, ибо в той же пропорции, как [возросла] его величина, сократилась бы норма прибыли. Если бы норма прибыли для капитала, равного 1 000, составляла только $^1/_2$%, то сумма прибыли была бы вдвое меньше, чем у капитала, меньшего в 10 раз, т. е. составляла бы всего лишь 5, ибо норма прибыли была бы в 20 раз меньше.

Итак, в общей формулировке:

Если норма прибыли большего капитала уменьшается, но не пропорционально его величине, то возрастает валовая прибыль, несмотря на уменьшение нормы прибыли. Если норма прибыли уменьшается пропорционально его величине, то валовая прибыль остается той же самой, как и у меньшего капитала; остается стационарной. Если норма прибыли уменьшается в большей пропорции, чем возрастает его величина, то валовая прибыль большего капитала по сравнению с меньшим уменьшается вместе с уменьшением нормы прибыли.

Это во всех смыслах важнейший закон современной политической экономии и наиболее существенный для понимания труднейших отношений. С исторической точки зрения это важнейший закон. Этот закон, несмотря на свою несложность, до сих пор никем не был понят и еще никогда сознательно не формулировался.

Так как это уменьшение нормы прибыли равнозначно 1) уже произведенной производительной силе и той материальной основе, которую она образует для нового производства (а это одновременно предполагает огромное развитие мощи науки); 2) уменьшению той части уже произведенного капитала, которая обменивается на непосредственный труд, т. е. уменьшению непосредственного труда, требующегося для воспроизводства огромной стоимости, выражающейся в большой массе продуктов, в большой массе продуктов по низким ценам, ибо общая сумма цен равняется воспроизведенному капиталу плюс прибыль; 3) размеру капитала вообще, в том числе и его части, не являющейся основным капиталом; следовательно, колоссальному развитию сношений, большой сумме меновых операций, величине рынка и всесторонности одновременного труда; развитию средств сообщения и т. д., наличию фонда потребления, необходимого для этого огромного процесса (рабочие едят, нуждаются в жилье и т. д.), — то обнаруживается, что уже наличная материальная, уже выработанная, существующая в форме основного капитала производительная сила, как и мощь науки, как и население и т. д. — словом, все условия богатства, величайшие условия для воспроизводства богатства, т. е. для

богатого развития социального индивида — иначе говоря, вызванное самим капиталом в его историческом развитии развитие производительных сил, достигнув определенного пункта, снимает самовозрастание капитала, вместо того чтобы полагать его.

За пределами известного пункта развитие производительных сил становится для капитала преградой; следовательно, — капиталистические отношения становятся преградой для развития производительных сил труда. Достигнув этого пункта, капитал, т. е. наемный труд, вступает в такое же отношение к развитию общественного богатства и производительных сил, в каком оказались цеховой строй, крепостничество, рабство, и как оковы сбрасывается с необходимостью. Последняя рабская форма, которую принимает человеческая деятельность, — с одной стороны, форма наемного труда, а с другой — форма капитала, тем самым совлекается, и само это совлечение есть результат способа производства, соответствующего капиталу; материальные и духовные условия отрицания наемного труда и капитала, которые сами уже представляют собой отрицание прежних форм несвободного общественного производства, сами являются результатом капиталистического процесса производства.

Возрастающее несоответствие между производительным развитием общества и его наличными производственными отношениями находит себе выражение в резких противоречиях, кризисах, судорогах. Насильственное уничтожение капитала, не в силу внешних для него отношений, а как условие его самосохранения, есть та наиболее разительная форма, в которой ему дается совет уйти и уступить место более высокому состоянию общественного производства. Производительное развитие общества — это не только растущая мощь науки, но и масштаб, в котором она уже положена как основной капитал, размер, широта ее реализации и охвата ею всей совокупности производства. Это также рост населения и т. д., словом — развитие всех моментов производства; ибо производительная сила труда, так же как и применение машин, зависит от численности населения, рост которого уже сам по себе является как предпосылкой, так и результатом роста потребительных стоимостей, подлежащих воспроизводству, а следовательно, и потреблению.

Так как рассматриваемое нами понижение прибыли равносильно сравнительному уменьшению непосредственного труда по отношению к величине овеществленного труда, воспроизводимого и вновь создаваемого непосредственным трудом, то

капитал попытается сделать все, чтобы компенсировать уменьшение пропорции живого труда к величине капитала вообще, а поэтому также уменьшение отношения прибавочной стоимости, взятой в форме прибыли, к предпосланному капиталу, сокращая долю необходимого труда и еще больше увеличивая количество прибавочного труда по сравнению со всем применяемым трудом. Поэтому высшее развитие производительной силы наряду с величайшим увеличением существующего богатства будет совпадать с обесценением капитала, деградацией рабочего и максимальным истощением его жизненных сил.

Эти противоречия приводят к взрывам, катаклизмам, кризисам, во время которых, путем внезапного прекращения труда и уничтожения значительной части капитала, последний насильственно сводится к уровню, на котором он может продолжать функционировать *. Конечно, эти противоречия приводят к взрывам, кризисам, при которых внезапное прекращение всякого труда и уничтожение значительной части капитала насильственно возвращают его к тому уровню, на котором он в состоянии [VII—17] полностью применять свои производительные силы, не совершая самоубийства. Но эти регулярно происходящие катастрофы приводят к повторению их в большем масштабе, а в конечном счете — к насильственному свержению капитала.

В развитом движении капитала имеются моменты, задерживающие это движение иным образом, чем посредством кризисов; так, например: постоянное обесценение части существующего капитала; превращение значительной части капитала в такой основной капитал, который не является агентом прямого производства; непроизводительная трата значительной части капитала и т. д.

(Капитал, применяемый производительно, всегда возмещается двояко; как мы видели, полагание стоимости производительного капитала предполагает некий стоимостный эквивалент. Непроизводительное потребление капитала, с одной стороны, его возмещает, а с другой — уничтожает **.)

Что, далее, падение нормы прибыли может быть задержано путем уничтожения существующих вычетов из прибыли, как, например, путем снижения налогов, уменьшения земельной ренты и т. д., — собственно говоря, сюда не относится, несмотря на большое практическое значение этих обстоятельств, ибо все

---

* Эта фраза написана Марксом по-английски над следующей фразой, написанной в основном по-немецки и повторяющей ту же самую мысль. *Ред.*

** Тот же самый закон выражается, — но это выражение его следует рассмотреть впоследствии в теории народонаселения, — просто как отношение роста населения — и в особенности его трудящейся части — к уже существующему капиталу.

это — доли прибыли, носящие иные названия и присваиваемые иными лицами, нежели сами капиталисты *. Падение нормы прибыли задерживается также путем создания новых отраслей производства, где требуется больше непосредственного труда по сравнению с капиталом, или где еще не развита производительная сила труда, т. е. производительная сила капитала. (Точно так же — монополии.)

«Прибыль есть термин, обозначающий рост капитала или богатства; таким образом, неумение найти законы, управляющие нормой прибыли, есть неумение найти законы образования капитала» (*W. Atkinson*. Principles of Political Economy. London, 1840, стр. 55).

Он, однако, не сумел понять даже того, что такое норма прибыли.

Адам Смит объяснял падение нормы прибыли по мере роста капитала взаимной конкуренцией капиталов. На это ему возражал Рикардо, что хотя конкуренция может свести прибыль в различных отраслях делового мира к среднему уровню, может выравнить норму прибыли, но она не может снизить саму эту среднюю норму. Положение Адама Смита правильно постольку, поскольку лишь в конкуренции — в воздействии капитала на капитал — реализуются имманентные капиталу законы, его тенденции. Положение, однако, неправильно в том смысле, в каком он его понимает — а именно, будто конкуренция навязывает капиталу внешние, принесенные извне законы, не являющиеся его собственными законами. Конкуренция может перманентно понижать норму прибыли во всех отраслях промышленности, — т. е. среднюю норму прибыли, — лишь при условии всеобщего падения нормы прибыли и лишь постольку, поскольку всеобщее и перманентное, действующее как закон, падение нормы прибыли существует и может быть понято также и *до* конкуренции и независимо от конкуренции. Конкуренция приводит в исполнение внутренние законы капитала, делает их принудительными законами для отдельного капитала, но не изобретает этих законов. Она реализует их. Поэтому объяснять эти законы попросту конкуренцией — значит признаться в том, что их не понимаешь.

* То, как этот закон иначе выражается в соотношении многих капиталов, т. е. в конкуренции, также относится к другому отделу. Он может быть формулирован также в виде закона накопления капиталов; так, например, у Фуллартона. С этим мы встретимся в следующем отделе. Важно обратить внимание на то, что при этом законе дело идет не просто о развитии потенциальной производительной силы, а вместе с тем о том объеме, в котором эта производительная сила действует как капитал, реализована прежде всего в виде основного капитала — с одной стороны, и в виде населения — с другой.

Рикардо со своей стороны говорит:

«Никакое накопление капиталов не может *перманентно* снижать прибыль, если при этом столь же перманентная причина не повышает заработную плату» (*D. Ricardo.* Des principes de l'économie politique et de l'impot. Traduit de l'anglais par Constancio. Tome II. Paris, 1835, стр. 92) [Русский перевод, том I, стр. 238].

Эту причину он усматривает в растущей, относительно растущей непроизводительности земледелия, в «растущей затруднительности увеличения количества средств существования», т. е. в росте пропорциональной заработной платы, так что труд не получает реально большей оплаты, но получает продукт большего количества труда; одним словом, — требуется более значительная часть необходимого труда для производства сельскохозяйственных продуктов. Поэтому у Рикардо снижению нормы прибыли соответствует номинальный рост заработной платы и реальный рост земельной ренты. На его односторонний способ исследования, при котором исследуется только единичный случай, как, например, то, что норма прибыли может упасть, так как в данный момент возросла заработная плата, причем историческое отношение, действительное для периода в 50 лет и принимающее обратный вид в следующие 50 лет, он превращает во всеобщий закон и вообще исходит из исторической диспропорции между развитием промышленности и земледелия, — само по себе было комично, что Рикардо, Мальтус и т. д. выдвигали всеобщие вечные законы относительно земледелия в эпоху, когда почти еще не существовало физиологической химии, — на этот способ исследования Рикардо нападали, скорее инстинктивно, многие, чувствуя, что метод этот ложный и неудовлетворительный, но по большей части нападали скорее на правильные, чем на ложные стороны.

«Адам Смит полагал, что вообще накопление или увеличение капитала понижает общую норму прибыли в силу того же закона, который приводит к тому, что увеличение капитала в одной какой-либо отдельной отрасли понижает в ней прибыль. Но в действительности такое увеличение капитала в отдельной отрасли *означает* его увеличение в большей *пропорции*, чем та пропорция, в которой в это же время увеличивается капитал в других отраслях: оно относительно» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, стр. 9).

«Конкуренция среди промышленных капиталистов может выравнить прибыли, особенно превосходящие обычный уровень, но не может понизить этот обычный уровень» (*Ramsay.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 179—180).

(Рамсей и другие экономисты правильно проводят разграничение между ростом производительности в отраслях производ-

ства, производящих основной капитал или, разумеется, заработную плату, и ростом производительности в других отраслях производства, например в отраслях, производящих предметы роскоши. Последние не могут уменьшить необходимое рабочее время. Однако это возможно путем обмена [предметов роскоши] на сельскохозяйственные продукты других народов, и тогда это то же самое, как если бы увеличилась производительность самого земледелия. Отсюда важное значение свободной торговли хлебом для промышленных капиталистов.)

Рикардо говорит (английское издание «On the Principles of Political Economy, and Taxation», 3rd edition, London, 1821):

«Фермер и фабрикант так же не могут жить без прибыли, как рабочий не может жить без заработной платы» (стр. 123) [Русский перевод, том I, стр. 107]. «Прибыль имеет естественную тенденцию падать, ибо с прогрессом общества и богатства добавочное количество предметов питания требует все больше и больше труда. Эта тенденция, это тяготение прибыли время от времени задерживается улучшениями в машинах, применяемых в производстве предметов необходимости, а также открытиями в агрономической науке, снижающими издержки производства» (там же, стр. 120—121) [Русский перевод, том I, стр. 106].

Рикардо тотчас непосредственно смешивает прибыль с прибавочной стоимостью, он вообще не различал их. *Но в то время как [норма] прибавочной стоимости определяется отношением применяемого капиталом прибавочного труда к необходимому труду, норма прибыли есть не что иное, как отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости авансированного для производства капитала.* Относительная величина прибыли понижается и повышается поэтому в соответствии с отношением части капитала, обмененной на живой труд, к части, существующей в виде материала и основного капитала. *При всех обстоятельствах прибавочная стоимость, рассматриваемая как прибыль, должна выражать такую относительную величину барыша, которая меньше, чем действительная относительная величина прибавочной стоимости.* Ибо при всех обстоятельствах прибыль измеряется ее отношением ко всему капиталу, который всегда больше, чем капитал, затраченный на заработную плату и обмененный на живой труд.

Так как Рикардо таким образом просто смешивает прибавочную стоимость и [VII—18] прибыль, а прибавочная стоимость может уменьшаться постоянно, уменьшаться *в виде тенденции,* лишь в том случае, если уменьшается прибавочный труд сравнительно с необходимым трудом, т. е. с трудом, требующимся для воспроизводства рабочей силы, что возможно лишь при уменьшении производительной силы труда, — то

Рикардо предполагает, что производительная сила труда растет в промышленности вместе с накоплением капитала, но уменьшается в земледелии. Из политической экономии он перебегает к органической химии. Мы доказали необходимость этой тенденции вне всякой связи с земельной рентой, так же как нам не было надобности учитывать, например, возрастающий спрос на труд и т. д.

Связь земельной ренты и прибыли следует разобрать лишь при рассмотрении самой земельной ренты, — это сюда не относится. Но что физиологический постулат Рикардо, выраженный как всеобщий закон, ложен, — это доказала современная химия. А ученики Рикардо, поскольку они не просто ему поддакивали, преспокойно отбросили, как и вообще вся новейшая политическая экономия, то, что было для них неприятного в принципах их учителя. Уход от проблемы есть их обычный метод разрешения проблемы.

Другие экономисты, как, например, Уэйкфилд [56], прибегают к рассмотрению *поля применения* для растущего капитала. Это относится к исследованию конкуренции и сводится скорее к *затруднительности для капитала реализовать растущую прибыль; следовательно* — к *отрицанию имманентной тенденции нормы прибыли к понижению*. Но необходимость для капитала искать все более широкое поле применения сама является выводом. Нельзя причислить Уэйкфилда и подобных ему к тем, которые сами поставили этот вопрос. (До некоторой степени это — воспроизведение взгляда Адама Смита.)

Наконец, проповедники гармонии среди современных экономистов во главе с американцем Кэри, наиболее назойливым попутчиком которого был француз Бастиа (заметим мимоходом, что великолепной иронией истории является то, что континентальные фритредеры поддакивают г-ну Бастиа, который со своей стороны заимствовал свою премудрость у протекциониста Кэри), признают самый факт, тенденцию падения нормы прибыли по мере роста производительного капитала. Но объясняют они это попросту тем, что растет стоимость доли труда — доли всего продукта, получаемой рабочим, в то время как капитал компенсируется ростом валовой прибыли. Неприятные противоположности, антагонизмы, которыми оперирует классическая политическая экономия и которые Рикардо подчеркивает с научной неумолимостью, таким путем смазываются и превращаются в благодушные гармонии. Анализ Кэри имеет еще некоторую видимость анализа, да и вообще думает он сам. Его рассуждения относятся к закону, который нам следует рассмотреть лишь в учении о конкуренции, где мы с ним и разделаемся.

С пошлостью Бастиа, в виде парадоксов формулирующего общие места, шлифующего их и скрывающего формальной логикой крайнюю убогость мысли, можно разделаться уже здесь *. В сочинении «Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon», Paris, 1850 (заметим мимоходом, что Прудон имеет крайне комичный вид в этой полемике, в которой он прячет свое диалектическое бессилие за риторической надменностью), в письме VIII г-на Бастиа (где, заметим мимоходом, этот благородный муж совсем просто и легко, при помощи своей примиряющей диалектики, превращает прибыль, получаемую благодаря простому разделению труда и перепадающую настолько же строителю дороги, как и пользующемуся дорогой, в прибыль, причитающуюся самой «дороге», т. е. капиталу) говорится:

«По мере роста капиталов (а вместе с тем и продуктов) увеличивается абсолютная доля, причитающаяся капиталу, и сокращается его пропорциональная доля. По мере роста капиталов (а вместе с тем и продуктов) увеличивается пропорциональная доля и абсолютная доля труда... Так как абсолютная доля капитала увеличивается, хотя он берет последовательно $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и $^1/_5$ всего продукта, то труд, которому последовательно причитается $^1/_2$, $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, очевидно, получает при дележе все бо́льшую долю, как в относительном, так и в абсолютном смысле».

В виде *иллюстрации* Бастиа приводит следующее:

	«Весь продукт	Доля капитала	Доля труда
1-й период	1 000	$^1/_2$, или 500	$^1/_2$, или 500
2-й »	1 800	$^1/_3$, или 600	$^2/_3$, или 1 200
3-й »	2 800	$^1/_4$, или 700	$^3/_4$, или 2 100
4-й »	4 000	$^1/_5$, или 800	$^4/_5$, или 3 200»
			(стр. 130, 131).

Тот же фокус повторяется на стр. 288 в форме возрастающей валовой прибыли при уменьшающейся норме прибыли, но при увеличивающейся массе продуктов, продаваемых по более низким ценам. При этом с большой важностью говорится о

«законе беспредельного уменьшения, которое никогда не доходит до нуля, законе, хорошо известном математикам» (стр. 288). «Здесь видно» (шарлатан) «непрестанное уменьшение множителя вследствие постоянного увеличения множимого» (там же).

* Можно в этом месте вставить кое-что о противоположности Кэри и Бастиа из третьей тетради [57]

Рикардо предчувствовал своего Бастиа. Подчеркнув рост прибыли как суммы при росте капитала, несмотря на уменьшение нормы прибыли, — т. е. предвосхитив всю премудрость Бастиа, — он не преминул заметить, что эта прогрессия «правильна только в течение определенного времени». Он говорит дословно следующее:

«Как бы ни уменьшалась норма прибыли вследствие накопления капитала в земледелии и повышения заработной платы» (необходимо заметить, что под повышением заработной платы Рикардо понимает увеличение издержек производства продуктов земли, необходимых для содержания рабочей силы), «все же общая сумма прибыли должна возрасти. Так, если предположить, что при повторных накоплениях, каждый раз в размере 100 000 ф. ст., норма прибыли понижается с 20 до 19, 18, 17%, то мы можем ожидать, что вся сумма прибыли, получаемой последовательными владельцами капитала, всегда будет возрастать; что эта сумма будет больше, если капитал равен 200 000, чем если он равен 100 000; и еще больше, если капитал равен 300 000; и будет возрастать, хотя и по уменьшающейся норме, при всяком возрастании капитала. *Но эта прогрессия правильна только в течение определенного времени:* так, 19% с 200 000 ф. ст. составляют больше, чем 20% с 100 000 ф. ст.; 18% с 300 000 больше, чем 19% с 200 000 ф. ст. Но когда капитал будет накоплен в очень больших размерах, а норма прибыли упадет, тогда дальнейшее накопление будет уменьшать общую сумму прибыли. Так, если предположить накопление в размере 1 000 000, а прибыль — 7%, то вся сумма прибыли составит 70 000 ф. ст. Если к 1 000 000 добавить 100 000 ф. ст., а прибыль снизится до 6%, [VII—19] то владельцы капитала получат 66 000 ф. ст., или на 4 000 ф. ст. меньше несмотря на то, что сумма капитала возросла с 1 000 000 до 1 100 000» (*Ricardo.* On the Principles of Political Economy. London, 1821, стр. 124, 125) [Русский перевод, том I, стр. 108—109].

Это, конечно, не мешает г-ну Бастиа произвести ученическую операцию и заставить растущее множимое так возрастать, что при уменьшающемся множителе получается большее произведение, совершенно так же, как законы производства не помешали доктору Прайсу построить свое исчисление сложных процентов. Раз норма прибыли уменьшается, она уменьшается по отношению к заработной плате, которая, следовательно, должна возрастать как относительно, так и абсолютно. Таков вывод Бастиа.

(Рикардо видел тенденцию к понижению нормы прибыли при увеличении капитала; и так как он смешивал прибыль с прибавочной стоимостью, он должен был заставить заработную плату возрастать, чтобы объяснить понижение прибыли. Но так как он одновременно видел, что реальная заработная плата скорее уменьшалась, чем увеличивалась, он заставил возрастать ее стоимость, т. е. количество необходимого труда, не заставляя возрастать потребительную стоимость заработной платы. Поэтому у него фактически возрастает только земельная

рента. А гармонический Бастиа открыл, что при накоплении капитала заработная плата возрастает как относительно, так и абсолютно.)

Бастиа предполагает то, что должен доказать, а именно — что понижение нормы прибыли тождественно с увеличением доли заработной платы, и затем «иллюстрирует» свое предположение арифметическим примером, который, по-видимому, ему очень понравился. Если понижение нормы прибыли ничего не выражает, кроме уменьшения относительного количества живого труда, требующегося всему капиталу для своего воспроизводства, то это уже нечто другое. Г-н Бастиа упускает из виду то небольшое обстоятельство, что при его предпосылке, несмотря на понижение нормы прибыли капитала, сам капитал возрастает, капитал, предпосланный производству. Что стоимость капитала не может возрастать без присвоения капиталом прибавочного труда, об этом мог бы догадаться даже г-н Бастиа. Что простое увеличение количества продуктов не увеличивает стоимости, могли бы ему показать постоянно повторяющиеся во французской истории жалобы на чрезмерные урожаи. Тогда вопрос попросту свелся бы к исследованию того, действительно ли падение нормы прибыли равносильно росту необходимого труда по отношению к прибавочному труду, или, лучше сказать, действительно ли оно не равносильно падению общей нормы всего примененного живого труда по отношению к воспроизводимому капиталу.

Вот почему г-н Бастиа просто делит продукт между капиталистом и рабочим, вместо того чтобы делить его на сырье, орудие производства и труд и спросить самого себя, какие соответственные части стоимости продукта идут в обмен на эти различные доли. Часть продукта, обмениваемая на сырье и орудие производства, рабочих, очевидно, совершенно не касается. То, что они делят с капиталом в виде заработной платы и прибыли, есть не что иное, как вновь присоединенный живой труд. Но что особенно беспокоит Бастиа, это то — кому надлежит съесть увеличенный продукт. Так как капиталист съедает относительно небольшую часть, то не должен ли рабочий съесть относительно большую часть? Как раз во Франции, общая продукция которой разве лишь в фантазии Бастиа обеспечивает вообще обильную пищу, г-н Бастиа мог бы убедиться, что к капиталу присасывается множество паразитарных тел, которые под тем или другим юридическим титулом поглощают настолько значительную часть общей продукции, чтобы рабочему не досталось ничего лишнего. Кроме того, ясно, что вместе с производством, ведущимся в широком масштабе, общая масса применяемого

труда, несмотря на уменьшение отношения применяемого труда к капиталу, может увеличиваться и что, таким образом, ничто не препятствует тому, чтобы с увеличением капитала увеличивающемуся рабочему населению требовалась возрастающая масса продуктов. К тому же Бастиа, для гармонического мозга которого все кошки серы (см. выше о заработной плате *), смешивает уменьшение процента с увеличением заработной платы, тогда как первое, будучи, напротив, равносильным увеличению промышленной прибыли, совершенно не затрагивает рабочих, а касается лишь той пропорции, соответственно которой различные виды капиталистов делят между собой совокупную прибыль.

[2)] КАПИТАЛ И ДОХОД. ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА. [ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ]

Вернемся к предмету нашего рассмотрения. Продукт капитала есть, следовательно, прибыль. Относясь к самому себе как к прибыли, капитал относится к себе как к *источнику производства стоимости, а норма прибыли выражает пропорцию увеличения стоимости капитала*. Но капиталист не сводится к одному капиталу. Он должен жить, а так как он не живет за счет своего труда, то должен жить за счет прибыли, т. е. за счет чужого труда, присваиваемого им. Как источник богатства капитал определяется именно таким образом. Капитал относится к прибыли как к *доходу*, ибо он включил в себя производительность как свое имманентное свойство. Он может потребить часть этого дохода (по видимости, весь доход, но это окажется неверным), не переставая быть капиталом. Съев этот плод, капитал снова может приносить плоды. Он может представлять собой потребляющее богатство, не переставая представлять всеобщую форму богатства, что было невозможно для денег в простом обращении. *Деньги должны были предаваться аскетизму* для того, чтобы оставаться *всеобщей формой* богатства; или, будучи истрачены на реальное богатство, на потребление, они переставали быть всеобщей формой богатства.

Таким образом, прибыль выступает как *форма распределения* подобно заработной плате. Но так как капитал может расти лишь путем обратного превращения прибыли в капитал — в добавочный капитал, — то прибыль является также и *формой производства для капитала;* совершенно так же, как заработная плата представляет собой с точки зрения капитала всего лишь

* См. настоящий том, часть I, стр. 196—197 и 277—278. *Ред.*

отношение производства, будучи, с точки зрения рабочего, отношением распределения.

Здесь обнаруживается, что отношения распределения сами произведены отношениями производства и представляют эти отношения с иной точки зрения. Обнаруживается далее, как отношение производства к потреблению положено самим производством. Нелепый взгляд всех буржуазных экономистов, например также Джона Стюарта Милля, который считает буржуазные отношения производства вечными, а их формы распределения историческими, показывает, что Милль не понял ни тех, ни других.

Сисмонди правильно отмечает относительно простого обмена:

«Обмен всегда предполагает наличие двух стоимостей; каждая из них может иметь различную судьбу; но *качество капитала и дохода* присуще не обмениваемому объекту. Это качество принадлежит лицу, являющемуся его (капитала или дохода) собственником» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 90) [Русский перевод, том I, стр. 185—186].

Поэтому доход нельзя объяснить простыми меновыми отношениями. Свойство стоимости, полученной при обмене, представлять собой капитал или доход, определяется отношениями, лежащими вне простого обмена. Нелепо поэтому сводить эти более сложные формы к простым меновым отношениям, как это делают гармонические фритредеры. С точки зрения простого обмена и накопления, рассматриваемого как простое накопление денег (меновой стоимости), невозможны ни прибыль, ни доход с капитала.

«Если богачи тратят накопленное богатство на предметы роскоши — а они могут получить товары лишь путем обмена, — то их фонд оказался бы вскоре исчерпанным... Но в общественном строе богатство приобрело свойство воспроизводиться посредством *чужого труда.* Богатство, как и труд, *посредством труда* приносит ежегодный плод, который может быть ежегодно же *уничтожен* без того, чтобы богачи от этого обеднели. Этот плод есть доход, проистекающий из капитала» (там же, стр. 81—82) [Русский перевод, том I, стр. 181—182].

Если прибыль, таким образом, выступает как результат капитала, то с другой стороны она выступает как *предпосылка образования капитала.* И таким путем снова полагается кругооборот, в котором результат выступает как предпосылка.

«Часть дохода превратилась, таким образом, в капитал, в постоянно умножающую себя стоимость, которая больше не пропадает. Эта стоимость обособляется от товара, который создал ее; она как некое метафизическое, невещественное качество всегда остается в руках одного и того же земледельца» (капиталиста), «для которого она принимает различные формы» (там же, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 185].

[VII—20] *Если капитал положен как созидающий прибыль, как источник богатства независимо от труда, то предполагается, что каждая часть капитала одинаково производительна.* Подобно тому, как прибавочная стоимость в форме прибыли измеряется отношением к совокупной стоимости капитала, так вместе с тем представляется, что прибавочная стоимость создается равномерно различными составными частями капитала. Оборотная часть капитала (часть, состоящая из сырых материалов и фонда жизненных средств) приносит, следовательно, не больше прибыли, чем составная часть, образующая основной капитал, и притом прибыль относится одинаково к этим составным частям соответственно их величине.

Так как прибыль капитала реализуется только в цене, которая уплачивается за него, т. е. за созданную капиталом потребительную стоимость, то, следовательно, прибыль определяется *избытком полученной цены над ценой, покрывающей издержки.* Так как, далее, эта реализация происходит лишь в *обмене,* то для отдельного капитала *прибыль не обязательно ограничивается его прибавочной стоимостью,* содержащимся в нем прибавочным трудом, а зависит от избытка цены, получаемого им при обмене. Он может *получить при обмене* стоимость, превышающую *эквивалент, и тогда прибыль больше, чем его прибавочная стоимость.* Но это возможно лишь постольку, поскольку другой участник обмена не получает эквивалента. Совокупная прибавочная стоимость, как и *совокупная прибыль,* которая представляет собой *прибавочную стоимость, лишь иным образом исчисляемую,* никогда не могут при этой операции ни возрасти, ни уменьшиться; *изменяется здесь* не сама прибавочная стоимость, а лишь *ее распределение между различными капиталами.* Однако это относится лишь к рассмотрению многих капиталов, а не сюда.

По отношению к прибыли стоимость капитала, предпосланного в производстве, выступает как *авансы,* как *издержки производства,* которые должны быть возмещены в продукте. После вычета той части цены, которая их возмещает, избыток образует прибыль. Так как прибавочный труд — прибыль и процент суть лишь его части — ничего не стоит капиталу и, следовательно, не подходит под рубрику авансированной им стоимости, стоимости, которой он обладал до процесса производства и увеличения стоимости продукта, — то этот прибавочный труд, который включен в издержки производства продукта и образует источник прибавочной стоимости, а значит также и прибыли, не фигурирует среди издержек производства капитала. Эти издержки равняются лишь действительно авансиро-

ванным им стоимостям, а не присвоенной им в производстве и реализованной в обращении прибавочной стоимости. Таким образом, с точки зрения капитала издержками производства являются не действительные издержки производства — именно потому, что *ему* прибавочный труд ничего не стоит. Избыток цены продукта над ценой издержек производства дает ему прибыль.

Прибыль может, следовательно, существовать для капиталиста и без реализации его действительных издержек производства, т. е. всего прибавочного труда, пущенного им в ход. Прибыль — избыток над затраченными капиталом авансами — может быть меньше прибавочной стоимости, т. е. меньше полученного капиталом избытка живого труда над тем овеществленным трудом, который он обменял на рабочую силу. Однако вследствие отделения процента от прибыли — что мы тотчас рассмотрим — даже и для производительного капитала одна из частей прибавочной стоимости полагается как издержки производства.

Смешение *издержек производства*, рассматриваемых с точки зрения капитала, с количеством труда, овеществленным в продукте капитала, включающим прибавочный труд, привело к утверждению, что

«прибыль не включена в естественную цену», что «нелепо называть избыток, или прибыль, частью издержек» (*Torrens*. An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, стр. 51—52).

Это затем приводит к большой путанице: либо к утверждению, что прибыль не реализуется в обмене, а происходит из него (это может иметь место всегда лишь в относительном смысле, если один из участников обмена не получает своего эквивалента), либо к тому, что капиталу приписывается магическая сила, которая из ничего создает нечто. Когда созданная в процессе производства стоимость реализует в обмене свою цену, то цена продукта выступает на деле как определенная суммой денег, выражающей эквивалент за совокупное количество труда, содержащееся в сырье, машинах, заработной плате и неоплаченном прибавочном труде. Цена еще выступает здесь, следовательно, лишь как изменение формы стоимости, как стоимость, выраженная в деньгах; величина же этой цены предпослана в процессе производства капитала. Тем самым капитал выступает как определяющий цену, так что цена определяется затраченными капиталом авансами плюс реализованный им в продукте прибавочный труд. Мы увидим впоследствии, как, наоборот, цена выступает в качестве того, что определяет прибыль.

И если здесь совокупные *действительные* издержки производства выступают как определяющие цену, то впоследствии цена будет выступать как определяющая издержки производства. Чтобы навязать капиталу его имманентные законы как внешнюю необходимость, конкуренция по видимости переворачивает их все. *Извращает их.*

Для повторения еще раз: прибыль капитала зависит не от его величины, а, при равной величине, от соотношения составных частей капитала (постоянной и переменной части); затем от производительности труда (которая, однако, выражена в той первой пропорции, ибо при меньшей производительности тот же капитал не мог бы за то же время при том же количестве живого труда обработать тот же материал); зависит от времени оборота, которое определяется различными соотношениями основного и оборотного капитала, различной долговечностью основного капитала и т. д. и т. д. (см. выше *). Неравенство прибыли в различных отраслях промышленности для капиталов одной и той же величины, т. е. неравенство нормы прибыли, есть условие и предпосылка выравниваний, осуществляемых конкуренцией.

Поскольку капитал получает сырье, орудия, труд путем обмена, покупает их, уже сами его элементы имеются налицо в форме цен; уже положены как цены; предпосланы ему. Сравнение рыночной цены его продукта с ценами его элементов становится тогда для него решающим. Но это относится лишь к главе о конкуренции.

Итак, прибавочная стоимость, создаваемая капиталом за определенное время оборота, приобретает форму *прибыли,* поскольку она измеряется отношением к совокупной стоимости капитала, предпосланного производству, тогда как прибавочная стоимость прямо измеряется прибавочным рабочим временем, выигрываемым капиталом при обмене с живым трудом. Прибыль есть только иная форма прибавочной стоимости, более развитая с точки зрения капитала. Прибавочная стоимость здесь уже рассматривается как обмениваемая в процессе производства не на труд, а на самый капитал. Капитал выступает поэтому в качестве капитала, в качестве предпосланной стоимости, относящейся через посредство своего собственного процесса к самой себе как к положенной, произведенной стоимости, а положенная им стоимость называется *прибылью.*

Два закона, непосредственно вытекающие из этого превращения прибавочной стоимости в форму прибыли, суть следующие:

---

* См настоящий том, часть II, стр. 227—230. *Ред.*

1) *Прибавочная стоимость, выраженная как прибыль, всегда выступает как пропорция меньшего размера, чем прибавочная стоимость в ее непосредственной реальности.* Ибо вместо того чтобы измеряться отношением к одной части капитала, части, обмененной на живой труд (отношением, которое оказывается отношением прибавочного труда к необходимому труду), она измеряется отношением к капиталу в целом. Какова бы ни была прибавочная стоимость, получаемая капиталом a, и каково бы ни было соотношение c и v в капитале a, т. е. постоянной и переменной части капитала, прибавочная стоимость m должна быть меньше, когда измеряется отношением к сумме $c + v$, чем если она измеряется отношением к своему реальному мерилу v. Прибыль или — если ее рассматривать не как абсолютную сумму, а (это бывает чаще всего) как *пропорцию* (норма прибыли есть прибыль, выраженная в виде *отношения, соответственно которому* капитал создал прибавочную стоимость) — [VII—21] норма прибыли никогда не выражает собой действительной степени эксплуатации труда капиталом, а всегда выражает гораздо меньшее отношение, и тем более ложным является отношение, выражаемое нормой прибыли, чем больше капитал. Норма прибыли лишь в том случае могла бы выражать собой действительную норму прибавочной стоимости, если бы весь капитал затрачивался только на заработную плату, если бы капитал целиком обменивался на живой труд, т. е. если бы имелся только фонд жизненных средств и если бы капитал не существовал не только в форме уже произведенного сырья (что встречается в добывающей промышленности), следовательно, если бы не только сырье было равно нулю, но и средства производства, будь то в форме орудий или развитого основного капитала, равнялись нулю. Последнее не может иметь места на основе способа производства, соответствующего капиталу. Если $a = c + v$, то, каково бы ни было число m, $\frac{m}{c+v} < \frac{m}{v}$.

2) Второй важный закон состоит в том, что по мере того, как капитал уже присвоил себе живой труд в форме овеществленного труда, следовательно, по мере того как труд капитализируется и поэтому все больше функционирует в процессе производства в форме основного капитала, или по мере роста производительной силы труда, — норма прибыли понижается. Рост производительной силы труда равносилен а) росту относительной прибавочной стоимости или относительного прибавочного рабочего времени, отдаваемого рабочим капиталу; b) сокращению рабочего времени, необходимого для воспроизводства рабочей силы; с) уменьшению части капитала, обмениваемой вообще

на живой труд, по сравнению с частью капитала, участвующей в процессе производства в виде овеществленного труда и предпосланной стоимости. Норма прибыли поэтому обратно пропорциональна росту относительной прибавочной стоимости, или относительного прибавочного труда, обратно пропорциональна развитию производительных сил и величине капитала, применяемого в производстве как [постоянный] капитал. Иными словами, второй закон — это *тенденция нормы прибыли к понижению* по мере развития капитала, как его производительной силы, так и размеров, в которых он уже положил себя как овеществленную стоимость; размеров капитализации как труда, так и производительной силы.

Другие причины, которые, помимо указанной, могут влиять на норму прибыли, которые могут понижать ее на более или менее продолжительные периоды, сюда еще не относятся. Совершенно правильно, что если процесс производства рассматривать в его целом, то капитал, функционирующий в виде материала и основного капитала, не только представляет собой овеществленный труд, но и должен сызнова воспроизводиться трудом, и притом воспроизводиться непрестанно. Поэтому его существование, объем, достигнутый его существованием, предполагает определенную численность рабочего населения, большое народонаселение, которое само по себе является условием всякой производительной силы. Но это воспроизводство [постоянного капитала] всюду имеет своей предпосылкой воздействие основного капитала, сырья и мощи науки, как в качестве таковой, так и включенной в производство и уже реализованной в нем. Этот пункт следует развить подробнее только при рассмотрении накопления.

Ясно, далее, что, хотя рассматриваемая по сравнению со всем капиталом часть его, обмениваемая на живой труд, и уменьшается, общая масса применяемого живого труда может увеличиться или остаться неизменной, если капитал возрастает в той же или большей пропорции. Поэтому народонаселение может постоянно возрастать пропорционально уменьшению необходимого труда. Если капитал a затрачивает $^1/_2$ на c и $^1/_2$ на v, а капитал a' — $^3/_4$ на c и $^1/_4$ на v, то капитал a' мог бы на $^6/_4$ c применить $^2/_4$ v. Но если первоначально капитал был равен $^3/_4$ c + $^1/_4$ v, то теперь он равен $^6/_4$ c + $^2/_4$ v, или он вырос на $^4/_4$, т. е. удвоился. Однако и это отношение следует подробнее исследовать только в связи с теорией накопления и народонаселения. Вообще те следствия, которые вытекают из указанных законов, и всякого рода раздумья по поводу этих следствий пока что не должны отводить нас от нашего пути.

Итак, норма прибыли определяется не только отношением прибавочного труда к необходимому труду, или тем отношением, согласно которому овеществленный труд обменивается на живой труд, но и вообще отношением примененного живого труда к овеществленному труду; отношением той части капитала, которая вообще обменивается на живой труд, к части, принимающей участие в процессе производства в качестве овеществленного труда. Но первая из этих частей уменьшается пропорционально росту прибавочного труда по сравнению с необходимым.

(Так как рабочий должен воспроизводить часть капитала, обмениваемую на его рабочую силу, так же, как другие части капитала, то отношение, в котором капиталист обогащается при обмене на рабочую силу, выступает как определяемое отношением прибавочного труда к необходимому труду. Первоначально это представляется так, что необходимый труд только возмещает капиталисту его затрату. Но так как капиталист ничего не затрачивает, кроме самого труда, — что выясняется в связи с воспроизводством, — то рассматриваемое отношение (отношение прибавочной стоимости) может быть формулировано просто как отношение прибавочного труда к необходимому труду.)

[3) МАШИНЫ, ИХ СТОИМОСТЬ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА. РЕЗЮМЕ ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ]

{Относительно основного капитала — и его долговечности как условия, не привходящего лишь внешне, — следует еще заметить: в той мере, в какой орудие производства само является стоимостью, овеществленным трудом, *оно ничего не привносит как производительная сила*. Если бы машина, изготовление которой требует 100 рабочих дней, заменяла собой только 100 рабочих дней, то она никоим образом не могла бы умножить производительную силу труда и никоим образом не могла бы понизить себестоимость продукта. Чем долговечнее машина, тем чаще можно производить при ее помощи то же самое количество продуктов, или тем чаще можно обновлять оборотный капитал, повторять его воспроизводство, и тем меньше доля стоимости, необходимая для возмещения износа машины; т. е. тем больше уменьшается цена продукта, его прежние издержки производства. Однако мы еще не вправе вносить здесь отношение цены в наш анализ: снижение цены как условие завоевания рынка относится лишь к конкуренции.

Поэтому вопрос надо поставить иначе: если бы капитал мог получить орудие производства без издержек, за ноль, что бы получилось? То же самое, как если бы издержки обращения равнялись нулю. А именно, труд, необходимый для сохранения рабочей силы, уменьшился бы и, следовательно, возросло бы количество прибавочного труда, т. е. прибавочной стоимости, причем капиталу это ничего бы не стоило. Подобным увеличением производительной силы, механизмом, который ничего не стоит капиталу, являются разделение труда и комбинирование труда в процессе производства. Но это предполагает производство в большом масштабе, т. е. развитие капитала и наемного труда.

Другая производительная сила, которая ничего не стоит капиталу, это сила науки. (Что капитал всегда должен вносить известные подати на попов, учителей и ученых, обладают ли эти ученые большой или ничтожной научной силой, само собой разумеется.) Но эту силу науки капитал может себе присвоить лишь путем применения машин (отчасти также в химическом процессе). Рост населения — такая производительная сила, которая ничего не стоит капиталу.

Словом, все общественные силы, развивающиеся вместе с ростом населения и историческим развитием общества, ничего капиталу не стоят. Но поскольку сами эти силы для своего применения в непосредственном процессе производства нуждаются в субстрате, созданном трудом, т. е. существующем в форме овеществленного труда, поскольку, следовательно, они сами являются стоимостями, капитал может присвоить их лишь посредством эквивалентов.

Отлично. Такой основной капитал, применение которого обходилось бы дороже применения живого труда, [VII—22] т. е. требовало бы больше живого труда для его производства или содержания, чем заменялось бы им, был бы обузой. Силы, которые ничего не стоят, которые капиталисту достаточно просто присвоить, обладали бы для капитала максимальной ценностью. Из простого положения, что, если стоимость машины равна нулю, она для капитала самая ценная, следует то, что всякое уменьшение ее стоимости для него выигрыш. *Если, с одной стороны, капитал имеет тенденцию увеличивать совокупную стоимость основного капитала, то, с другой стороны, его тенденцией является уменьшать стоимость каждой его части.*

Когда основной капитал вступает в обращение как стоимость, он перестает действовать как потребительная стоимость в процессе производства. Его потребительная стоимость как раз и сводится к увеличению производительной силы труда, к умень-

шению необходимого труда, к увеличению относительного прибавочного труда и, следовательно, прибавочной стоимости. Когда основной капитал вступает в обращение, его стоимость лишь возмещается, а не увеличивается. Напротив, продукт, оборотный капитал, есть носитель прибавочной стоимости, которая реализуется лишь тогда, когда продукт переходит из процесса производства в обращение.

Если бы машина существовала вечно, не состояла бы сама из преходящего материала, который приходится воспроизводить (совершенно отвлекаясь от изобретения более совершенных машин, которые лишают ее характера машины), представляла бы собой некоторого рода perpetuum mobile *, то она всего больше соответствовала бы своему понятию. Ее стоимость не надо было бы возмещать, поскольку эта стоимость продолжала бы жить в неразрушимой материальности. Так как основной капитал применяется лишь тогда, когда его стоимость меньше создаваемой им стоимости, то, хотя сам он [целиком] никогда не вступает в обращение в качестве стоимости, прибавочная стоимость, реализованная в оборотном капитале, все же вскоре возместила бы авансы, и таким образом он действовал бы как созидатель стоимости после того, как издержки капиталиста на него, подобно издержкам на прибавочный труд, присваиваемый капиталом, оказались бы равными нулю. Он продолжал бы функционировать как производительная сила труда и одновременно был бы деньгами в их третьем значении, т. е. постоянной самодовлеющей стоимостью.

Возьмем капитал в 1 000 ф. ст. Пусть одна пятая его — машины, а прибавочная стоимость по сумме равна 50 ф. ст. Следовательно, стоимость машин равняется 200 ф. ст. После четырехкратного оборота машины были бы оплачены. Помимо того, что капиталист продолжал бы обладать 200 ф. ст. в виде овеществленного труда в машинах, при пятом и последующих оборотах было бы то же самое, как если бы с капиталом, который капиталисту стоит только 800, можно было получить 50, т. е. вместо 5% получить $6^1/_4$%.

Когда основной капитал вступает в обращение как стоимость, исчезает его потребительная стоимость для процесса увеличения стоимости капитала, или основной капитал вступает в обращение лишь тогда, когда этот процесс прекращается. Поэтому чем основной капитал долговечнее, чем меньше он требует ремонта, полного или частичного воспроизводства, чем продолжительнее время его обращения, тем сильнее он действует как

* — вечный двигатель. *Ред.*

производительная сила труда, как капитал, т. е. как овеществленный труд, полагающий живой прибавочный труд. Долговечность основного капитала, тождественная с продолжительностью времени обращения его стоимости, или времени, требующегося для его воспроизводства, вытекает как его стоимостный момент из самого понятия основного капитала. (Что эта долговечность сама по себе, рассматриваемая просто с *вещественной* стороны, содержится в понятии средства производства, не требует пояснения.)}

Норма прибавочной стоимости определяется просто отношением прибавочного труда к необходимому труду. Норма прибыли определяется не только отношением прибавочного труда к необходимому труду, но и отношением части капитала, обмененной на живой труд, ко всему капиталу, вступающему в производство.

Прибыль, как мы ее здесь пока рассматриваем, т. е. как прибыль *капитала* [*des* Kapitals], следовательно, не как прибыль, получаемая одним капиталом за счет другого, а, выражаясь конкретно, как *прибыль класса капиталистов, никогда не может быть большей, чем сумма прибавочной стоимости.* В качестве суммы прибыль есть сумма прибавочной стоимости, но эта самая сумма стоимости как отношение к совокупной стоимости капитала, а не к той его части, стоимость которой действительно возрастет, т. е. которая обменивается на живой труд. *В своей непосредственной форме прибыль есть не что иное, как сумма прибавочной стоимости, выраженная в виде отношения к совокупной стоимости капитала.*

Превращение прибавочной стоимости в форму прибыли, этот способ исчисления прибавочной стоимости со стороны капитала, как бы он ни был основан на иллюзии относительно природы прибавочной стоимости, или, точнее, как бы он ни скрывал эту природу, необходим с точки зрения капитала.

{Нетрудно вообразить, что машина как таковая создает стоимость, ибо она действует как производительная сила труда. Но если бы для работы машины не требовалось никакого [живого] труда, то она могла бы увеличивать потребительную стоимость, однако создаваемая ею меновая стоимость никогда не превышала бы издержек по ее производству, ее собственной стоимости, овеществленного в ней труда. Машина создает стоимость не потому, что заменяет собою [живой] труд, а лишь постольку, поскольку она есть средство увеличения прибавочного труда, и только сам прибавочный труд (следовательно, вообще — труд) есть как мерило, так и субстанция прибавочной стоимости, создаваемой при помощи машины.}

Уменьшение необходимого труда по отношению к прибавочному труду, если мы рассматриваем рабочий день отдельного рабочего, выражается в том, что капитал присваивает себе более значительную часть рабочего дня. Применяемый живой труд остается здесь неизменным. Положим, что вследствие увеличения производительной силы, например вследствие применения машины, из шести рабочих, каждый из которых работал шесть дней в неделю, трое становятся излишними. Если бы эти 6 рабочих сами владели машинами, то каждый из них стал бы работать лишь половину дня. Теперь трое рабочих продолжают работать целый день. Если бы капитал продолжал применять всех шесть рабочих, то каждый из них работал бы только полдня, но не выполнял бы никакого прибавочного труда. Положим, что необходимый труд прежде равнялся 10 часам, ежедневный прибавочный труд двум часам; тогда ежедневный прибавочный труд всех шести рабочих составлял 2×6 часов, т. е. равнялся одному рабочему дню, а за неделю равнялся 6 дням, или 72 часам. Каждый из них работал один день в неделю бесплатно. Или это то же самое, как если бы шестой рабочий работал бесплатно всю неделю. Пять рабочих представляют необходимый труд, и если бы можно было уменьшить их число до четырех, а один рабочий, как и прежде, работал бы даром, — то относительная прибавочная стоимость возросла бы. Она относилась прежде как 1 : 6, а теперь ее отношение было бы 1 : 5. *Таким образом, прежний закон — увеличения числа прибавочных рабочих часов — принимает теперь форму уменьшения числа необходимых рабочих*. Если бы тот же самый капитал имел возможность применять шесть рабочих согласно этой новой норме, то прибавочная стоимость увеличилась бы не только относительно, но и абсолютно. Прибавочное рабочее время составляло бы $14^2/_5$ часа. $2^2/_5$ часа на 6 рабочих разумеется больше, чем $2^2/_5$ часа на 5.

Если рассматривать абсолютную прибавочную стоимость, то она определяется абсолютным удлинением рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени. Необходимое рабочее время есть труд лишь ради простой потребительной стоимости, ради средств существования. Прибавочный рабочий день есть труд ради меновой стоимости, ради богатства. Он есть первый момент промышленного труда. Природный предел положен — предполагая, что условия труда имеются налицо, сырье и орудие труда, или лишь одно из них, смотря по тому, является ли труд только добывающим или же оформляющим, отрывает ли он только потребительную стоимость от ее местонахождения или же придает ей новую форму, — природный предел положен количеством одновременных рабочих дней или живых рабочих

сил, т. е. рабочим населением. На этой ступени различие между капиталистическим производством и прежними способами производства является лишь формальным. Похищение людей, рабство, работорговля и принудительный труд рабов; [VII—23] увеличение количества этих трудящихся машин, машин, производящих прибавочный продукт, здесь достигается прямым насилием, а у капитала оно опосредствовано обменом.

Потребительные стоимости здесь возрастают в той же простой пропорции, как меновые стоимости, и поэтому эта форма прибавочного труда выступает как в способах производства, основанных на рабстве, крепостничестве и т. д., где главным образом и преимущественно имеется в виду потребительная стоимость, так и в капиталистическом способе производства, непосредственно направленном на меновую стоимость и лишь косвенно — на потребительную стоимость. Эта потребительная стоимость может быть чисто фантастической, как, например, при постройке египетских пирамид, словом, при религиозных пышных постройках, к чему принуждались народные массы Египта, Индии и т. д., или же может быть направлена на нечто непосредственно полезное, как, например, у древних этрусков.

Во второй же форме прибавочной стоимости, форме относительной прибавочной стоимости, которая выступает как развитие производительной силы рабочих, *по отношению к рабочему дню — как сокращение необходимого рабочего времени*, а по отношению к населению — *как уменьшение необходимого рабочего населения* (такова антагонистическая форма), — в этой форме непосредственно проявляется промышленный и отличительный исторический характер способа производства, основанного на капитале.

Первой форме соответствует насильственное превращение большей части населения в наемных рабочих и дисциплина, превращающая их существование в существование всего лишь рабочих. Например, за 150 лет, начиная с Генриха VII, в анналах английского законодательства запечатлены кровавыми письменами меры принуждения, которые применялись для того, чтобы превратить массу ставшего неимущим и свободным населения в свободных наемных рабочих. Роспуск феодальной челяди, конфискация церковных имуществ, упразднение гильдий и конфискация их собственности, насильственное изгнание населения с земли путем превращения пахотных земель в пастбища, огораживание общинных земель и т. д. создали рабочих как всего лишь носителей рабочей силы. Но они, конечно, предпочитали бродяжничество, нищенство и т. д. наемному труду, и их приходилось силой приучать к нему. Аналогичные явления повто-

ряются при возникновении крупной промышленности, фабрик, работающих при помощи машин. Ср. *Оуэна* *.

Лишь на известной ступени развития капитала *обмен между капиталом и трудом фактически становится формально свободным*. Можно сказать, что наемный труд был вполне реализован по своей форме в Англии лишь в конце XVIII века после отмены закона об ученичестве [58].

Капитал имеет, конечно, тенденцию соединять абсолютную прибавочную стоимость с относительной; т. е. имеет тенденцию к *максимальному удлинению рабочего дня при максимальном количестве одновременных рабочих дней, наряду со сведением к минимуму необходимого рабочего времени и числа необходимых рабочих*. Это противоречивое требование, следствием которого являются различные формы, как-то: перепроизводство, избыточное население и т. д., что будет показано в дальнейшем изложении, проявляется в форме процесса, в ходе которого противоречивые определения сменяют друг друга во времени. Одно из необходимых следствий этого требования есть *максимальное умножение потребительной стоимости труда* или максимальное умножение *отраслей производства* — так, что производство капитала постоянно и с необходимостью порождает, с одной стороны, *развитие интенсивности производительной силы труда*, а с другой стороны — *безграничное многообразие отраслей труда*, порождает, таким образом, всестороннее богатство формы и содержания производства, подчиняя производству все стороны природы.

[4)] ИЗМЕНЕНИЕ В СООТНОШЕНИИ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ КАПИТАЛА

Увеличение производительной силы, получающееся само собой при производстве в крупном масштабе из разделения и комбинирования труда, из экономии на известных расходах по обеспечению условий процесса труда, которые *остаются теми же или же сокращаются при совместном труде многих рабочих, как, например, отопление и т. д., производственные здания и т. д.*, — ничего не стоит капиталу; он получает бесплатно эту увеличенную производительную силу труда.

Если бы производительная сила возросла одновременно в производстве различных условий производства — сырья, средств производства и жизненных средств — и в зависящих [от них отраслях производства], то ее возрастание не внесло бы

* См. настоящий том, часть II, стр. 222—223 *Ред.*

никаких изменений в соотношение различных составных частей капитала. Если, например, производительная сила труда возрастает одновременно в производстве льна, ткацких станков и в самом ткачестве (вследствие разделения труда), то большему количеству изготовляемой за день ткани соответствовало бы большее количество сырья и т. д. В добывающих отраслях промышленности, например в горной промышленности, не требуется, когда труд становится более производительным, чтобы возрастало количество сырья, так как здесь нет перерабатываемого сырья. Для того чтобы увеличить урожаи, не требуется даже увеличения числа орудий, а требуется только, чтобы они были *сконцентрированы* и чтобы *труд, который прежде* выполнялся *сотнями людей отдельно,* теперь выполнялся бы *совместно.* Но то, что требуется при всех формах прибавочного труда — это *возрастание населения:* рабочего населения для первой формы [формы абсолютного прибавочного труда], населения вообще для второй формы [формы относительного прибавочного труда], так как она требует развития науки и т. д., а население здесь выступает в качестве основного источника богатства.

Однако когда мы рассматриваем капитал первоначально, сырье и орудия выступают как приходящие из обращения, а не произведенные самим капиталом; ведь и в реальной действительности отдельный капитал получает условия своего производства из обращения, хотя они и произведены в свою очередь капиталом, но другим капиталом. Из этого вытекает, с одной стороны, необходимая тенденция капитала овладевать всеми сторонами производства; его тенденция к тому, чтобы производство материала труда и сырья, как и орудий, осуществлялось тоже капиталом, хотя бы другим капиталом, — пропагандистская тенденция капитала.

Во-вторых, ясно, что если *стоимость объективных условий производства, которые капитал получает из обращения, остается той же самой,* т. е. если в том же самом количестве потребительной стоимости овеществляется то же самое количество труда, то [при повышении производительной силы вновь присоединяемого живого труда] на живой труд может быть затрачена менее значительная часть капитала, или что *изменяется соотношение составных частей капитала.* Если капитал составляет 100, сырье $^2/_5$, орудие $^1/_5$, труд $^2/_5$, и если путем удвоения производительной силы (в результате разделения труда) тот же труд с тем же самым орудием может обработать двойное количество сырья, то капитал должен возрасти на 40; т. е. функционировал бы капитал, равный 140, в том числе сырье — 80, орудие — 20, труд — 40.

Труд относился бы теперь к совокупному капиталу как 40 : 140 (прежде — как 40 : 100). Труд относился прежде как 4 : 10; теперь лишь как 4 : 14.

Или же предположим, что из того же капитала, равного 100, на сырье теперь [после удвоения производительной силы] приходилось бы $^3/_5$, на орудие $^1/_5$, на труд — $^1/_5$. Пусть прибыль, как и прежде, равнялась бы 20. Но прибавочный труд составлял бы теперь 100%, если прежде он составлял 50%. Теперь требуется только 20 единиц переменного капитала на 60 единиц сырья и 20 единиц орудия: 80, 20, 100.

Капитал, равный 80, дает капиталисту прибыль, равную 20 *. Если бы капиталист применял на этой ступени производства весь труд целиком, то капитал должен был бы возрасти до 160, а именно, 80 — сырье, 40 — орудие и 40 — труд. Это дало бы прибавочную стоимость в размере 40. На прежней ступени, когда капитал, равный 100, давал прибавочную стоимость, равную лишь 20, капитал, равный 160, дал бы прибавочную стоимость лишь в размере 32, т. е. на 8 меньше, и капитал должен был бы тогда возрасти до 200, чтобы произвести ту же самую прибавочную стоимость — 40.

Необходимо различать следующие случаи:

1) Увеличивающийся труд *(бóльшая интенсивность, ускорение труда)* не требует увеличения авансов в виде материала или орудия труда. Например, те же самые 100 рабочих, с орудиями той же самой стоимости, ловят больше рыбы, или лучше обрабатывают землю, или добывают больше руды из рудников, или угля из шахт, изготовляют больше листков из того же количества золота вследствие большей умелости, лучшего комбинирования и разделения труда и т. д., или портят меньше сырья, т. е. при том же количестве сырья той же стоимости достигают бóльших результатов. Следовательно, в этом случае, если мы предположим, что сами их продукты поступают в их потребление, сокращается их необходимое рабочее время; при тех же [VII—24] издержках на их содержание они выполняют бóльшую работу. Другими словами, теперь для воспроизводства рабочей силы требуется менее значительная часть их труда. Необходимая часть рабочего времени уменьшается по отношению к прибавочному рабочему времени, и несмотря на то, что стоимость продуктов остается той же самой — 100 рабочих дней, достающаяся капиталу доля, прибавочная стоимость увеличивается. Если весь прибавочный труд равнялся одной

* Здесь Маркс допускает, что после удвоения производительной силы сырье составляет лишь 40 стоимостных единиц, а не 60, как это предполагалось выше. *Ред.*

десятой всего рабочего времени, т. е. 10 рабочим дням, а теперь составляет уже $^1/_5$, то прибавочное рабочее время увеличилось на 10 дней. Рабочие работают 80 дней на себя и 20 дней на капиталиста, между тем как в первом случае они работали 90 дней на себя и только 10 на капиталиста. (Это исчисление по рабочим дням и по рабочему времени, как единственной субстанции стоимости, открыто проявляется там, где существуют отношения крепостничества. У капитала это скрыто деньгами.) Из вновь созданной стоимости более значительная часть достается капиталу. Но, согласно нашему предположению, соотношение различных составных частей постоянного капитала остается тем же самым, т. е. несмотря на то, что капиталист применяет больше прибавочного труда, так как меньше платит рабочим, он не применяет большего капитала в сырье и орудиях. Он обменивает менее значительную часть овеществленного труда на то же количество живого труда, или то же количество овеществленного труда на более значительное количество живого труда. Это возможно лишь в добывающей промышленности; в обрабатывающей же промышленности это возможно лишь постольку, поскольку сырье расходуется более экономно. Далее — там, где благодаря химическим процессам увеличивается количество вещества, в земледелии; в транспортной промышленности.

2) Производительность увеличивается не только в данной определенной отрасли производства, но одновременно также и в ее условиях, а именно в том случае, когда вместе с интенсификацией труда, увеличивающей количество производимых за определенное время продуктов, должно быть увеличено количество сырья, или орудий, или как то, так и другое (сырье может ничего не стоить, например тростник или такое дерево, которое ничего не стоит). В этом случае отношение [частей] капитала оставалось бы прежним, т. е. капиталу не надо было бы при росте производительности труда авансировать бо́льшую стоимость на сырье и орудия.

3) Возросшая производительность труда требует, чтобы более значительная часть капитала авансировалась на сырье и орудия. Если то же количество рабочих стало более производительным исключительно благодаря разделению труда и т. д., то орудие остается неизменным, должно увеличиться только сырье, ибо то же самое количество рабочих за то же время обработает большее количество сырья и, согласно нашему предположению, производительность повысилась лишь благодаря большей умелости рабочих, разделению и комбинированию труда и т. д. В этом случае часть капитала, обмениваемая на живой труд, не только относительно сокращается (она остается

неизменной, если возрастает лишь абсолютное рабочее время, и уменьшается, если возрастает относительное рабочее время) по сравнению с другими составными частями капитала, которые остаются теми же самыми, на величину своего падения, но также и на величину возрастания относительного рабочего времени.

Возьмем такой пример:

	Сырье	Орудие	Труд	m
Рабочие дни:	180	90	80	10
	$411^3/_7$	90	70	20

В первом случае из 90 рабочих дней было 10 прибавочных; прибавочный труд составлял $12^1/_2\%$. Во втором случае сырье возросло пропорционально росту нормы прибавочного труда по сравнению с первым случаем $\left[180 : 411\frac{3}{7} = \frac{1}{8} : \frac{2}{7}\right]$.

Если во всех случаях рост прибавочной стоимости предполагает рост населения, то в этом случае он также предполагает накопление, или больший размер капитала, вступающего в производство. (Это в конечном счете также сводится к увеличению размеров рабочего населения, занятого производством сырых материалов.) В первом случае совокупная часть капитала, функционирующая в виде [живого] труда, составляет $^1/_4$ всего капитала и относится к постоянной части капитала как 1 : 3; во втором случае совокупная часть капитала, функционирующая в виде [живого] труда, составляет меньше $^1/_6$ всего капитала и относится к постоянной части капитала меньше, чем как 1 : 5. Поэтому, несмотря на то, что *увеличение производительной силы, основанное на разделении и комбинировании труда, зиждется на абсолютном увеличении применяемой рабочей силы [Arbeitskraft], оно необходимо связано с ее уменьшением по отношению к капиталу, приводящему рабочую силу в движение*. И если в первой форме, в форме *абсолютного прибавочного труда, применяемая масса труда должна возрастать пропорционально росту применяемого капитала*, то во *втором случае она возрастает в меньшей пропорции*, и притом *обратно пропорционально росту производительной силы.*

Если бы благодаря применению последнего метода к земледельческому труду удвоилась производительность земли и то же самое количество труда давало бы квартер пшеницы вместо полквартера, то необходимый труд уменьшился бы наполовину, и капитал мог бы применять двойное количество рабочих при той

же сумме заработной платы. (Заработная плата выражена здесь только в хлебе.) Но допустим, что [фермеру] для обработки его земли не требуется большего количества рабочих. В таком случае он будет применять прежнее количество труда при половинной заработной плате; часть его капитала высвободится — одна из тех частей, которые прежде тратились в виде денег; применяемое рабочее время осталось тем же самым по отношению к применяемому капиталу, но прибавочная часть этого времени возросла по отношению к необходимой части. Если прежде необходимый труд по отношению ко всему рабочему дню составлял $^3/_4$ рабочего дня, или 9 часов, то теперь он будет равняться $^3/_8$ рабочего дня, или $4^1/_2$ часа. Прибавочная стоимость в первом случае составляла 3 часа, во втором — $7^1/_2$.

Ход процесса таков: при данном рабочем населении и при данной величине рабочего дня, — т. е. при данной величине рабочего дня, помноженной на число одновременных рабочих дней, — прибавочный труд может увеличиваться лишь относительно, благодаря росту производительной силы труда, возможность чего дана уже в предположенном росте населения и его трудовых навыков (тем самым также предполагается определенное свободное время для неработающего населения, не работающего непосредственно, т. е. развитие умственных способностей и т. д., духовное присвоение природы). Если дан определенный уровень развития производительных сил, то прибавочный труд может увеличиваться только абсолютно путем превращения более значительной части населения в рабочих и увеличения одновременных рабочих дней. Первый процесс есть *сокращение относительного рабочего населения, хотя абсолютно оно остается неизменным;* второй процесс есть *увеличение такового.* Обе тенденции суть необходимые тенденции капитала. Единство этих противоречивых тенденций, а потому живое противоречие, дано лишь вместе с системой машин, о которой мы сейчас будем говорить. Вторая форма, очевидно, допускает лишь *незначительное количество нерабочего населения по сравнению с рабочим населением.* Первая форма, поскольку при ней требуемое количество живого труда увеличивается медленнее, чем количество применяемого капитала, допускает *большее количество нерабочего населения по сравнению с рабочим населением.*

Отношение различных составных частей капитала друг к другу, как они выступают при его становлении, когда он получает сырье и орудие, условия продукта, из обращения, когда он относится к ним как к данным предпосылкам, исчезает, правда, при ближайшем рассмотрении, поскольку все моменты

предстают одинаково произведенными капиталом, поскольку в ином случае капитал не подчинил бы себе всех условий своего производства; но для отдельного капитала эти части всегда остаются в таком отношении. Поэтому часть каждого отдельного капитала можно всегда рассматривать как постоянную стоимость, и только та часть, которая затрачена на труд, оказывается изменяющейся. Эти составные части развиваются неравномерно, но капитал имеет тенденцию, как это выяснится при рассмотрении конкуренции, распределять производительную силу равномерно.

[VII—25] Так как при росте производительности труда капитал натолкнулся бы на границу в виде отсутствия роста сырья и машин, то ход развития промышленности таков, что чем больше производство становится производством сырых материалов для промышленности, как сырья, идущего на материал труда, так и сырья, идущего на орудия труда, и чем больше материал труда приближается к простому сырью, тем больше как раз в этих отраслях и начинается как введение [наемного] труда в крупном масштабе, так и применение машин. Так, например, в прядении раньше, чем в ткачестве, в ткачестве раньше, чем в набивке и т. д. В производстве металлов, которые являются главным сырьем, идущим на орудия труда, — раньше всего. Если нельзя быстро увеличить количество того самого продукта, который доставляет сырье для промышленности на низшей ступени, то прибегают к заменителям, количество которых можно увеличить быстрее (*хлопок* вместо льна, шерсти и шелка). В области пищевых продуктов происходит то же самое путем замены хлеба картофелем. Бо̀льшая производительность в последнем случае достигается путем производства худшего продукта, содержащего меньше образующих кровь субстанций и потому предполагающего более дешевые органические условия своего воспроизводства. Последнее относится к рассмотрению заработной платы. Не забыть Румфорда [59] при обсуждении минимума заработной платы.

Перейдем теперь к третьему случаю относительного прибавочного труда, как этот труд выступает при применении машин.

{В ходе нашего изложения выяснилось, что стоимость, выступавшая в качестве абстракции, возможна в виде подобной абстракции только тогда, когда положены деньги; с другой стороны, это обращение денег приводит к капиталу и может поэтому быть вполне развитым лишь на основе капитала, как и вообще лишь на его основе обращение может охватить все моменты производства. В ходе анализа обнаруживается поэтому не только исторический характер таких форм, как капитал, которые присущи определенной исторической эпохе, но и такие

определения, как стоимость, выступающие совершенно абстрактно, обнаруживают ту историческую основу, от которой они абстрагированы, на которой они только и могут поэтому выступать в виде такой абстракции; а такие определения, которые более или менее принадлежат всем эпохам, как, например, деньги, обнаруживают историческое видоизменение, ими претерпеваемое. Экономическое понятие стоимости в древнем мире не встречается. Стоимость в отличие от цены встречается лишь в юридическом смысле при разоблачении обмана и т. д. Понятие стоимости принадлежит всецело новейшей политической экономии, ибо оно есть наиболее абстрактное выражение самого капитала и покоящегося на нем производства. Понятием стоимости выдается тайна капитала.}

Что характерно для прибавочного труда, основанного на машинах, это — уменьшение применяемого необходимого рабочего времени в той форме, что применяется меньше одновременных рабочих дней, меньше рабочих. Второй момент состоит в том, что само увеличение производительной силы должно быть оплачено капиталом, а не является даровым. Средство, при помощи которого осуществляется это увеличение производительной силы, само есть овеществленное непосредственное рабочее время, стоимость, и для того, чтобы овладеть им, капитал вынужден дать взамен часть своей стоимости. Введение машин нетрудно вывести из конкуренции и навязанного ею закона сокращения издержек производства. Здесь необходимо вывести машины из отношения капитала к живому труду, независимо от другого капитала.

Если капиталист, применяющий в хлопкопрядении 100 рабочих, которые ежегодно стоят ему 2 400 ф. ст., заменит 50 рабочих машиной, стоящей 1 200 ф. ст., и если при этом машина также износится за год и ее придется заменить в начале второго года, то он, очевидно, ничего не выиграет и не сможет продавать свои продукты дешевле, чем раньше. Остающиеся 50 рабочих будут выполнять ту же работу, которую раньше выполняли 100 рабочих. Прибавочное рабочее время каждого отдельного рабочего увеличится пропорционально сокращению их числа, следовательно [все прибавочное время] останется тем же самым. Если оно прежде равнялось 200 рабочим часам ежедневно, т. е. 2 часам на каждый из 100 рабочих дней, то теперь оно также равнялось бы 200 рабочим часам, т. е. равнялось бы 4 часам на каждый из 50 рабочих дней. Прибавочное рабочее время увеличилось бы для рабочих, но для капитала все осталось бы попрежнему, ибо теперь ему пришлось бы обменять 50 рабочих дней (необходимое и прибавочное время, вместе взятые) на ма-

шину. Те овеществленные 50 рабочих дней, которые он обменивает на машину, дадут ему лишь эквивалент, следовательно не прибавочное время, как было бы в том случае, если бы он обменял 50 овеществленных рабочих дней на 50 живых рабочих дней. Но это было бы возмещено прибавочным рабочим временем остающихся 50 рабочих. Было бы то же самое, если отбросить форму обмена, как если бы капиталист заставил работать 50 рабочих, весь рабочий день которых был бы необходимым трудом, но зато применял бы 50 других рабочих, рабочий день которых возмещал бы этот «убыток».

Но предположим теперь, что машина стоит только 960 ф. ст., т. е. только 40 рабочих дней, и что остающиеся рабочие производят, как и прежде, по 4 часа прибавочного рабочего времени каждый, т. е. 200 часов, или 16 дней и 8 часов ($16^2/_3$ дня); тогда капиталист сэкономил бы на издержках 240 ф. ст. Но если он прежде выигрывал при издержках, равнявшихся 2 400, только 16 дней 8 часов, то теперь он при издержках, равных 960 ф. ст., точно так же выиграл бы 200 рабочих часов. 200 относятся к 2 400 как 1 : 12; тогда как 200 : 2 160 = 20 : 216 = 1 : $10^4/_5$. Если выразить это в рабочих днях, то в первом случае он получил бы со 100 рабочих дней 16 рабочих дней 8 часов, а во втором случае — то же самое количество с 90 рабочих дней; в первом случае — 200 из ежедневных 1 200 рабочих часов; во втором случае — из 1 080 рабочих часов. 200 : 1 200 = 1 : 6; 200 : 1 080 = 1 : $5^2/_5$. В первом случае прибавочное время отдельного рабочего = $^1/_6$ рабочего дня = 2 часам. Во втором случае оно равняется на 1 рабочий день [живой и овеществленный] $2^6/_{27}$ часа [т. е. $2^2/_9$ часа]. К этому присоединяется еще то, что при применении машин часть капитала, которая прежде тратилась на инструменты, должна быть вычтена из добавочных издержек, вызываемых машиной.

[Б) ДОБАВЛЕНИЯ К ГЛАВАМ О ДЕНЬГАХ И О КАПИТАЛЕ]

[1) ВЫПИСКИ И ЗАМЕТКИ ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К ТЕОРИИ СТОИМОСТИ, ТЕОРИИ ДЕНЕГ, И ДРУГИМ]

{«Деньги, обращающиеся в стране, представляют собой *определенную часть капитала* этой страны, абсолютно оторванную от производственных задач с целью облегчить или *увеличить производительность остального капитала*. Поэтому известный уровень богатства столь же необходим для того, чтобы принять золото в качестве средства обращения, как и для того, чтобы *изготовить машину* с целью облегчить *какое-нибудь другое производство*» (*«The Economist»*, том V, [от 8 мая 1847 г.] стр. 520).}

{«Какова практика? Фабрикант получает от своего банкира 500 ф. ст. банкнотами в субботу на заработную плату. Он раздает их своим рабочим. В тот же день большинство этих денег рабочие несут к лавочникам, а те возвращают их различным банкирам» (там же, [от 22 мая 1847 г.] стр. 575).}

{«Владелец хлопкопрядильной фабрики, который, при капитале в 100 000 ф. ст., затратил бы 95 000 ф. ст. на фабрику и машины, скоро обнаружил бы, что у него нет средств на закупку хлопка и на заработную плату. Ведение дела было бы затруднено, и финансы его расстроились бы. А между тем находятся люди, ожидающие, что нация, которая безрассудно поместила бо́льшую часть своих ресурсов в железные дороги, окажется тем не менее способной вести бесконечные операции промышленности и торговли» (там же, [от 6 ноября 1847 г.] стр. 1271).}

«Деньги... *адекватный эквивалент всякой отчуждаемой вещи*» (*J. Steuart*. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I, Dublin, 1770, стр. 32).

{«В древние времена заставить людей работать сверх того, что необходимо для удовлетворения их собственных потребностей, заставить часть населения работать для того, чтобы содержать остальных бесплатно, можно было только путем рабства... Если людей не принуждать к труду, то они будут работать только на самих себя; и если у них мало потребностей, то будет мало работы. Но когда образуются государства и появляется нужда в праздных людях для защиты государств от насилий их врагов, то во что бы то ни стало необходимо добыть пищу [VII—26] для тех, кто не работает; а так как, по предположению, потребности работников невелики, то необходимо найти способ увеличения их труда сверх размеров их потребностей. На достижение этой цели и было рассчитано рабство... Здесь, следовательно, применялся метод насилия, чтобы заставить людей трудиться над добыванием пищи... Люди тогда принуждались к труду потому, что были рабами других; люди теперь принуждаются к труду потому, что они рабы собственных потребностей» (*Стюарт*, там же, том I, стр. 38—40).

«Только *бесконечное разнообразие потребностей* и *видов товаров*, необходимых для их удовлетворения, делает стремление к богатству безграничным и ненасытным» (*Уэйкфилд в примечаниях к Адаму Смиту*, том I, стр. 64 [60]).}

«Я рассматриваю *машины* как метод увеличения (по их эффективности) количества работающих без расхода на прокормление дополнительного количества людей» (*J. Steuart*. An Inquiry... Vol. I, Dublin, 1770, стр. 123).

(«Когда ремесленники объединяются в корпорации, они зависят непосредственно не от *потребителей*, а от *купцов*» (там же, том I, стр. 153).)

(«Это жалкое земледелие не является *коммерческим предприятием*, так как оно не применяет *отчуждения*, а есть лишь способ поддержания существования» (там же, стр. 156).)

(«*Торговля* есть операция, посредством которой богатство или работа, будь то индивидов или обществ, могут быть обменены при посредстве группы людей, именуемых *купцами*, на эквивалент, способный удовлетворить любую потребность без всякого перерыва в производстве или какой-либо задержки в потреблении» (*Стюарт*, там же, том I, стр. 166).)

(«Пока потребности и просты, и немногочисленны, работник находит достаточно времени для выполнения всей своей работы; когда потребности становятся разностороннее, людям приходится работать более напряженно; *люди начинают ценить время*; поэтому вводится торговля. Купец как посредник между работником и потребителем» (там же, стр. 171).)

(«Деньги — *общая* цена всех вещей» (там же, стр. 177).)

«Деньги представлены купцом. Для потребителей купец представляет собой совокупность мануфактуристов, а для последних — совокупность потребителей, и обоим классам его кредит заменяет применение денег. Он поочередно представляет потребности, мануфактуристов и деньги» (там же, стр. 177, 178).

В отличие от *действительной стоимости*, которую Стюарт, см. том I, стр. 181—183, определяет весьма путано (он думает при этом об издержках производства) как количество овеществленного труда («то, что работник может выполнить за день» и т. д.), как необходимые расходы работников и как цену сырья, — он рассматривает прибыль как *прибыль от отчуждения*, которая колеблется в зависимости от спроса.

У Стюарта категории еще очень изменчивы; они еще не зафиксированы, как у А. Смита. Только что мы видели, что *действительная стоимость* тождественна с издержками производства, причем наряду с трудом рабочих и стоимостью материала странным образом фигурирует еще заработная плата как особая составная часть. В другом месте он понимает под *внутренней стоимостью* товара стоимость его сырья или само сырье, в то время как под *полезной стоимостью* он понимает затраченное на товар рабочее время.

«Первая есть нечто реальное само по себе. Например, серебро в серебряном плетении. *Внутренняя стоимость* шелковой, шерстяной или льняной ткани меньше, чем первоначально употребленная стоимость, потому что она стала почти непригодна для иного употребления, помимо того, для которого предназначена эта ткань; *полезную стоимость, напротив, следует оценивать соответственно труду, затраченному на ее производство. Труд, затраченный на видоизменение, представляет собой отрезок времени человека,* которое, будучи полезным образом употреблено, *придало форму какому-нибудь веществу,* сделавшую это вещество полезным, украшающим или, короче говоря, пригодным для человека, косвенно или непосредственно» (там же, том I, стр. 361, 362).

(Действительная потребительная стоимость есть форма, приданная веществу. Но сама эта форма есть лишь покоящийся труд.)

«Установление обычного уровня цены какого-нибудь предмета предполагает его частое и привычное отчуждение. В странах, где господствует простота,.. почти невозможно установить какой-либо определенный уровень для цен предметов первой необходимости... При таком состоянии общества трудно встретить в продаже пищевые продукты и предметы первой необходимости: никто их не покупает; ибо главное занятие каждого человека — это производить их для самого себя... Только продажа продуктов может определить их цены, и только частая продажа может установить определенный уровень цен. Частая продажа предметов первой необходимости означает разделение жителей на земледельцев и на свободные руки» и т. д. (там же, том I, стр. 395, 396).

(Учение об определении цен массой средств обращения впервые было выдвинуто Локком, повторено в «*The Spectator*»[61] от 19 октября 1711 г., было развито и элегантно формулировано Юмом и Монтескье; в своей основе было формально доведено до крайности у Рикардо и со всеми своими нелепостями практически применено к банковому делу и т. д. Лойдом, полковником Торренсом и т. д.) *Стюарт* полемизирует против этого учения, и притом его анализ антиципирует по существу почти все, что впоследствии доказывали Бозанкет, Тук и Уилсон (*Стюарт*, цит. соч., том I, стр. 399—404).

(Стюарт приводит, между прочим, в качестве исторической иллюстрации:

«Известен факт, что в эпоху, когда Греция и Рим утопали в богатстве, когда редкие вещи и произведения избранных художников продавались по чрезмерным ценам, быка покупали за бесценок, а хлеб был дешевле, быть может, чем когда-либо в Шотландии... Спрос пропорционален не количеству потребителей, а количеству покупателей; но потребители — это все жители, покупатели же — лишь те немногие работники, которые являются свободными... В Греции и Риме господствовало рабство: те потребители, которые жили за счет труда своих собственных рабов или государственных рабов или питались хлебом, раздававшимся народу бесплатно, не имели надобности ходить на рынок; они не конкурировали с покупателями... Так как было мало ремесленников, то спрос в общем был небольшой; следовательно, количество свободных работников было невелико, а *они* были единственными лицами, которые *могли* иметь нужду в покупке пищи и предметов первой необходимости: следовательно, конкуренция покупателей должна была быть сравнительно небольшой, а цены должны были быть низкими. Далее, рынки снабжались отчасти излишками, произведенными на землях знатных лиц, обрабатываемых рабами; а поскольку они жили за счет земли, излишки в известном смысле ничего не стоили их собственникам; и так как количество тех, которые имели надобность в покупках, было ничтожно, эти излишки продавались дешево. Кроме того, вследствие бесплатной раздачи хлеба народу, на рынке по необходимости должен был быть застой, и т. д. Напротив, на редкую изысканную рыбу или на художника существовал большой спрос, и поэтому цены невероятно повышались и т. д. В ту эпоху роскошь, хотя и чрезмерная, была уделом немногих, и так как деньги в общем обращались среди масс лишь медленно, они всегда застревали в руках богачей, которые не знали никакой меры, кроме собственной прихоти, при установлении цен того, чем им хотелось обладать» (*Стюарт*, цит. соч., том I, стр. 403—405).)

«*Счетные деньги* суть не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости продаваемых вещей. Счетные деньги совершенно отличны от *монетных денег*, представляющих собой цену; они могли бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции, представляющей собой пропорциональный эквивалент для всех товаров» (*J. Steuart*. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. II, Dublin, 1770, стр. 102). «Счетные деньги выполняют ту же функцию в отношении стоимости, какую выполняют [градусы], минуты, секунды для углов или масштабы для географических карт и т. д. Во всех этих изобретенных

всегда какое-либо наименование принимается за единицу» (там же). «Полезность всех этих изобретений сводится к обозначению *пропорции*. Точно так же денежная единица не может находиться в постоянной определенной пропорции к какой-нибудь части стоимости, т. е. она не может быть закреплена за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара. После того как единица установлена, мы можем, [VII—27] помножив ее, дойти до величайшей стоимости и т. д.» (стр. 103). «Итак, деньги — это масштаб для измерения стоимости» (стр. 102).

«Так как стоимость товаров зависит от общего сочетания обстоятельств, связанных как с самими товарами, так и с прихотью людей, то стоимости товаров должны рассматриваться как изменяющиеся только в их взаимном отношении друг к другу. Следовательно, все, что нарушает или запутывает установление этих *изменений пропорции посредством всеобщего, определенного и неизменного масштаба,* неизбежно вредит торговле и препятствует отчуждению» (там же, стр. 104). «Следует непременно различать *цену* (т. е. монету), рассматриваемую как мерило, и *цену,* рассматриваемую как эквивалент стоимости. Металлы неодинаково хорошо выполняют эти две функции... *Деньги — идеальный масштаб с равными делениями.* Если меня спросят, что̀ должно быть нормальной единицей стоимости каждого деления, я отвечу, поставив другой вопрос: какова нормальная величина градуса, минуты, секунды? Они не обладают такой нормальной величиной. Но если только определено одно какое-нибудь деление, то, по самой природе масштаба, все остальные деления должны соответственно следовать этому определению» (стр. 105). «Примером таких идеальных денег служат банковские деньги в Амстердаме и деньги в Анголе на африканском побережье... Банковские деньги неизменны подобно скале в море. Цены всех предметов регулируются соответственно этому идеальному стандарту» (там же, стр. 106, 107).

В коллекции итальянских экономистов, изданной Кустоди, *Parte Antica, Tomo III, Джеминьяно Монтанари* в сочинении *«Della Moneta»,* написанном около 1683 г., говорит об «изобретении» денег:

«Сношения народов между собой распространились по всему земному шару до такой степени, что, можно сказать, весь мир сделался как бы одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех товаров, где каждый человек, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что в другом месте производится землей, животными и человеческим трудом. Удивительное изобретение!» (стр. 40). «Но измеряемым вещам свойственно находиться в таком отношении с мерилом, что измеряемая вещь становится в известном смысле мерилом измеряющей вещи, так что подобно тому, как движение есть мерило времени, так и время становится мерилом самого движения; поэтому получается, что не только деньги являются мерилом наших желаний, но и наоборот, желания являются мерилом самих денег и стоимости» (стр. 41, 42). «Совершенно ясно, что чем большее количество денег будет обращаться в торговле, в пределах какой-либо провинции, по сравнению с продаваемыми товарами, находящимися там, тем дороже будут эти товары, если можно назвать вещь дорогой потому, что она стоит много золота в стране, изобилующей золотом, а не считать само золото в этом случае дешевым, раз так много золота приравнивается к другой вещи, которая в ином месте считается более дешевой» (стр. 48).

«Сто лет тому назад главной чертой в торговой политике наций было *накопление* золота и серебра как богатства по преимуществу» (*W. Gouge*. A Short History of Paper Money and Banking in the United States. Philadelphia, 1833, Part I, стр. 67).

Меновая торговля в Соединенных Штатах (см. *W. Gouge*. Part II, стр. 3 и сл.):

«В Пенсильвании, как и в других колониях, обширная торговля производилась путем мены... Еще в 1732 г. в Мэриленде был принят закон, превращающий в законное платежное средство табак, по курсу один пенс за фунт, и просо, по курсу 20 пенсов за бушель» (стр. 5). Но вскоре, «вследствие торговли с Вест-Индией и тайной торговли с испанцами, серебро стало столь изобильным, что в 1652 г. в Новой Англии был основан монетный двор, чеканивший шиллинги, монеты в 6 пенсов и 3 пенса» (там же). «В Виргинии в 1645 г. была запрещена меновая торговля; испанская монета в 6—8 шиллингов сделалась стандартной монетой этой колонии» (испанский доллар)... «Другие колонии присвоили доллару различные наименования... Номинально счетные деньги были повсюду те же, как в Англии. В стране имели хождение по преимуществу испанские и португальские монеты» и т. д. (там же, стр. 5, 6). Законом королевы Анны была сделана попытка покончить с этой путаницей (стр. 6).

[2) ВЫПИСКИ ПО ВОПРОСАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НАЕМНОГО ТРУДА]

«*Шерстяная промышленность*. В эпоху Елизаветы *суконщик* занимал место *хозяина фабрики, или мануфактуриста;* он был капиталистом, который закупал шерсть и сдавал ее ткачам, партиями по 12 фунтов, для выработки сукна. Вначале шерстяная промышленность существовала *только* в *городах* и в *корпоративных и рыночных посадах,* тогда как жители деревень изготовляли ненамного больше того, что [было необходимо] для их семейств. Позднее промышленность развилась в некорпоративных городах с благоприятными местными условиями, а также в деревнях, где фермеры, животноводы и земледельцы начали изготовлять сукно, как для продажи, так и для домашнего употребления». (Более грубые сорта.) «В 1551 г. был издан статут, ограничивавший количество станков и учеников у суконщиков и ткачей, проживающих вне городов, и воспрещавший сельским ткачам иметь устройство для валянья, а валяльщику — иметь станок. Согласно закону того же года, все ткачи тонкого черного сукна двойной ширины должны были состоять учениками в течение 7 лет. Несмотря на это, *деревенские мануфактуры,* как *объект торговой прибыли,* пустили крепкие корни. В 5-й и 6-й год царствования *Эдуарда VI* был издан статут (гл. 22), воспрещавший применение *машин*... Поэтому в этом производстве до конца XVII века сохранялось превосходство фламандцев и голландцев... В 1668 г. был ввезен голландский станок из Голландии» (*Tuckett*. A History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. I, London, 1846, стр. 137—141). «*Благодаря введению машин в 1800 г. одно лицо могло произвести столько же, сколько 46 человек в 1785 году*. В 1800 г. капитал, вложенный в фабрики, машины и т. д., применяемые в шерстяной промышленности, составлял не меньше *шести миллионов ф. ст., а общее количество лиц всех возрастов, занятых в этой отрасли в Англии, составляло 1 500 000*» (там же, стр. 142—143).

Производительная сила труда, таким образом, возросла на 4 600%. Но, во-первых, по отношению к одному только основному капиталу эта цифра составляет приблизительно лишь $^{1}/_{6}$, а по отношению ко всему капиталу (сырье и т. д.) — пожалуй, лишь $^{1}/_{20}$.

«Едва ли какая-либо иная мануфактура извлекла такую выгоду из научных изобретений, как искусство красить сукно, в результате применения *законов химии»* (там же, стр. 143—144).

Шелковая промышленность. До начала XVIII столетия «искусство *кручения шелка* всего успешнее развивалось в Италии, где для этой цели были введены особые машины. В 1715 г. Джон Ломб, один из трех братьев, владевших предприятием по кручению и продаже шелка, отправился в Италию и сумел достать себе модель в одной из тамошних фабрик... Шелковая фабрика с усовершенствованными машинами была в 1719 г. сооружена в Дерби Ломбом и его братьями. На этой фабрике имелось 26 586 колес, которые приводились в движение одним водяным колесом... Парламент дал ему 14 000 ф. ст. за сообщение секрета производства. Эта фабрика ближе подходила к понятию современной фабрики, чем какие-либо прежние предприятия подобного рода. У машины имелось 97 746 колес, движений и индивидуальных частей, [VII—28] работавших днем и ночью, которые приводились в движение одним большим водяным колесом и управлялись одним регулятором; а для наблюдения и обслуживания требовалось 300 человек» (стр. 133—134).

(В английской шелковой промышленности вовсе не обнаруживался дух изобретательства; изобретения были введены лишь антверпенскими ткачами, бежавшими в Англию после разграбления города герцогом Пармским; а затем различные отрасли были введены французскими эмигрантами в 1685—1692 гг. [стр. 132, 135, 136].)

В 1740 г. 59 доменных печей произвели 1 700 тонн железа; в 1827 г. 284 домны дали 690 000 тонн. Таким образом, доменные печи возросли как 1 : $4^{48}/_{59}$, даже не впятеро больше; а тонны как 1 : $405^{15}/_{17}$ (см. о соотношении за ряд лет там же, стр. 157).

На стекольной промышленности лучше всего видно, насколько прогресс науки зависит от промышленности. С другой стороны, например, изобретение квадранта было вызвано потребностями мореплавания, парламент назначил премии за изобретения [там же, стр. 171—179].

8 хлопкопрядильных машин, которые в 1825 г. стоили 5 000 ф. ст., были в 1833 г. проданы за 300 ф. ст. (см. о хлопкопрядении там же, стр. 204).

«Первоклассная хлопкопрядильная фабрика не может быть построена, оборудована машинами и снабжена газом и паровым двигателем дешевле, чем за 100 000 ф. ст. Паровая машина в 100 лошадиных сил приводит в движение 50 000 веретен, которые произведут 62 500 миль тонкой хлопчатобумажной нити за день. На такой фабрике тысяча человек произведут столько же ниток, сколько 250 000 человек без машин. Мак-Куллох

исчисляет количество [этих рабочих] в Великобритании в 130 000 человек» (там же, стр. 218).

«Там, где нет регулярно функционирующих дорог, едва ли можно сказать, что существует общество; люди не могут иметь ничего общего между собой» (*Такет*, там же, том I, стр. 270).

«Из продуктов земли, полезных людям, $^{99}/_{100}$ представляют собой продукты, произведенные людьми» (там же, том II, стр. 348).

«Когда рабство или пожизненное ученичество было отменено, работник стал сам себе хозяин и предоставлен был собственным ресурсам. Но люди, не имея достаточной работы и т. д., не умрут с голоду, если они могут нищенствовать или воровать; поэтому прежде всего бедняки превратились в воров и нищих» (там же, том II, стр. 637, примечание).

«Одно из замечательных отличий современного состояния общества от того, которое существовало во времена Елизаветы, есть то, что ее закон о бедных был законом для принуждения к труду, рассчитанным на борьбу с бродяжничеством, которое было вызвано закрытием монастырей и переходом от рабства к свободному труду. Примером служит 5-й акт Елизаветы, предоставляющий домохозяевам, запахивающим полплуга земли *, право брать себе в ученики в земледелии или в ином искусстве или ремесле всякое лицо, обнаруженное ими как не имеющее занятий; а в случае сопротивления — привести его к судье, который был почти вынужден отдать его под стражу, пока тот не согласится взять на себя обязательство. При Елизавете из каждых 100 человек необходимо было для производства пищи применять 85. В настоящее время наблюдается недостаток не в трудолюбии, а в выгодном применении [рабочих рук]... *Тогда большой трудностью* было преодоление наклонности к праздности и бродяжничеству, а не приискание для людей занятий, дающих заработок. В царствование Елизаветы было издано несколько законов, принуждавших праздных людей к труду» (там же, том II, стр. 643, 644).

[3) ВЫПИСКИ И ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ОТНОСЯЩИМСЯ К НАКОПЛЕНИЮ КАПИТАЛА, К НОРМЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИБЫЛИ, И ПО НЕКОТОРЫМ ДРУГИМ]

«*Основной капитал*, будучи однажды сформирован, перестает влиять на спрос на труд, но в то время как он формируется, он предоставляет работу такому же количеству людей, какому могла бы предоставить работу равная сумма, будь то в виде оборотного капитала или дохода» (*J. Barton*. Observations on the Circumstances which influence the Condition of the Labouring Classes of Society. London, 1817, стр. 56).

«Общество состоит *из двух классов:* из одного, который потребляет и воспроизводит; и другого, который потребляет, но не воспроизводит. Если бы все общество состояло из производителей, то не представляло бы большого значения, по каким ценам они обменивались бы товарами; но те, которые являются только потребителями, составляют слишком многочисленный класс, чтобы на них не обратить внимания. Их покупательная способность связана с должностями, закладными, ежегодными рентами, профессиями и услугами различного рода, оказываемыми обществу. Чем выше цена, по которой можно заставить класс потребителей покупать,

* — т. е. половину того количества земли, которое может вспахать за год одна упряжка волов. *Ред.*

тем выше будет прибыль производителей товаров, продаваемых потребителям. Среди этих только лишь потребляющих классов правительство занимает наиболее видное место» (*W. Blake*. Observations on the Effects produced by the Expenditure of Government during the Restriction of Cash Payments. London, 1823, стр. 42, 43).

Чтобы показать, что капитал, данный взаймы государству, не обязательно представляет собой такой капитал, который прежде применялся производительным образом, *Блейк* говорит (нас здесь интересует только признание того, что часть капитала всегда бездействует):

«Заблуждение коренится в предположении, 1) что весь капитал страны целиком применяется; 2) *что имеется непосредственное применение для постепенно накопляющегося капитала, по мере того, как он возрастает благодаря сбережениям*. Я полагаю, что во всякое время некоторые части капитала бывают вложены в предприятия, приносящие весьма скудную прибыль при весьма медленном возврате капитала, и что некоторые части капитала лежат совершенно омертвленными в форме товаров, на которые нет достаточного спроса... Так вот, если бы эти бездействующие части капитала и сбережений могли быть переданы в руки правительства в обмен на его ежегодные ренты, то они стали бы источниками нового спроса, не затрагивая при этом существующего капитала» (там же, стр. 54, 55).

«*Какое бы количество продуктов ни уходило с рынка благодаря спросу капиталистов, делающих сбережения, оно вливается обратно — притом с добавлением — в виде воспроизводимых ими товаров*. Правительство, напротив, забирает с рынка товары для потребления без воспроизводства... Ясно, что там, где сбережения делаются из дохода, лицо, имеющее право потребить сберегаемую часть дохода, удовлетворено, не потребляя эту часть. Это доказывает, что страна способна произвести больше продуктов, чем необходимо для удовлетворения потребностей общества. Если сберегаемая сумма применяется как капитал, воспроизводящий равную ему стоимость вместе с прибылью, то эта вновь созданная стоимость, будучи добавлена к общему фонду, может быть взята обратно лишь тем лицом, которое сделало сбережения, т. е. тем самым лицом, которое уже проявило отсутствие склонности к потреблению... Если каждый человек потребляет то, что он имеет право потребить, то по необходимости должен существовать рынок. Тот, кто делает сбережения за счет своего дохода, отказывается от этого права на потребление, и его доля остается неиспользованной. Если бы этот дух экономии был всеобщим, то рынок был бы перегружен товарами, и от размеров накопленных излишков зависит, могут ли они найти новое применение как капитал» (стр. 56, 57).

(Это сочинение надо будет вообще посмотреть при работе над разделом о *накоплении*.)

(Ср. там же, стр. 50—82, где показывается, что норма прибыли и заработной платы повышалась благодаря *ценам*, вследствие спроса военного времени, вне всякой связи «с качеством последних участков земли, поступавших в обработку».)

«Во время войны с революционной Францией рыночная норма [VII—29] процента повысилась до 7, 8, 9 и даже до 10%, несмотря на то, что все это время обрабатывались земли худшего качества» (там же,

стр. 64—66). «Повышение процента до 6, 8, 10 и даже 12% доказывает повышение прибыли. Обесценение денег, если предположить, что оно имело место, не могло бы никак изменить соотношение капитала и процента. Если 200 ф. ст. теперь стоят только 100 ф. ст., то проценты в размере 10 ф. ст. стоят лишь 5 ф. ст. То, что оказывает влияние на стоимость капитала, одинаково влияет и на стоимость прибыли, но не может изменить соотношения между ними» (стр. 73).

«Рассуждения Рикардо о том, что товарные цены не могут повыситься вследствие возрастания заработной платы, не подходят к такому обществу, где *обширный класс не принадлежит к числу производителей*» (там же). «[При повышении цен] производители получают больше, чем им полагается, за счет того, что по праву принадлежит классу лиц, являющихся только потребителями» (стр. 74).

Это, разумеется, важно, ибо капитал обменивается не только на капитал, но и на доход, и всякий капитал сам может быть истрачен как доход. Однако это не имеет никакого значения для определения прибыли вообще. Прибыль в различных формах — прибыли, процентов, ренты, пенсий, налогов и т. д. — может быть распределена (так же, как даже и часть заработной платы) между различными категориями и классами населения. Они никогда не могут распределить между собою больше, чем совокупную прибавочную стоимость или совокупный прибавочный продукт. Пропорция, соответственно которой они производят это распределение, разумеется, важна экономически; но она ничего не меняет в рассматриваемом вопросе.

«Если обращение товаров на 400 миллионов требует 40 миллионов деньгами и эта пропорция 1 : 10 является должным уровнем, тогда если стоимость обращающихся товаров в силу естественных причин возрастет до 450 миллионов, то деньги — для того чтобы оставаться на должном уровне — должны были бы возрасти до 45 миллионов, или 40 миллионов должны обращаться с большей скоростью, путем банковских операций или другим способом, для того чтобы выполнить функцию 45 миллионов... Такое увеличение количества денег или такая скорость их обращения есть следствие, а не причина роста цен...» (*У. Блейк*, там же, стр. 80 и сл.).

«Высшие и средние классы Рима достигли большого богатства благодаря завоеваниям в Азии, но это богатство, не будучи создано торговлей или промышленностью, походило на то богатство, которое получила Испания из своих американских колоний» (*Mackinnon*. History of Civilisation. Vol. I, London, 1846, стр. 66).

«В XV столетии, утверждает *Харрисон*» (см. также Идена [62]), «фермеры едва были в состоянии уплатить аренду, не продав коровы или лошади, или чего-либо из своих продуктов, несмотря на то, что они платили не больше 4 ф. ст. за ферму... Фермер в ту эпоху потреблял бо́льшую часть произведенных им продуктов, и его слуги ели с ним за одним столом... *Материалы для одежды по большей части не покупались, а изготовлялись каждой семьей. Сельскохозяйственные орудия* были настолько просты, что многие из них изготовлялись или по крайней мере ремонтировались самим фермером. Полагалось, что всякий крестьянин умеет изготовить ярмо или лук и упряжь; *такая работа* занимала их зимние вечера» (*Tuckett*. A History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. II, London, 1846, стр. 324, 325).

* * *

Процент и прибыль:

«Когда индивид производительно применяет свои собственные сбережения, то он получает вознаграждение за затрату времени и умелость — за *деятельность по надзору* (далее, *прибыль* включает премию за риск, которому мог подвергнуться его капитал в его особенном деле) — и вознаграждение за производительное применение его сбережений, *процент*. Все вознаграждение в целом есть *валовая прибыль*. Когда индивид применяет сбережения другого лица, он получает только вознаграждение за надзор. Когда индивид одалживает свои сбережения другому, он получает только *проценты*, или *чистую прибыль*» («The Westminster Review»[62a], январь 1826 г., стр. 107—108).

Итак, здесь процент равносилен *чистой прибыли*, равносилен *вознаграждению за производительное применение сбережений;* собственно прибыль — вознаграждение за *деятельность по надзору* во время производительного применения сбережений.

Тот же самый филистер говорит:

«Всякое усовершенствование производства, не нарушающее соотношения частей капитала, предназначенных для оплаты труда и не предназначенных для этого, сопровождается ростом занятости рабочих классов; всякое новое применение машин и лошадей *связано с ростом продукции и, следовательно, капитала;* в какой бы степени этим ни уменьшилось *отношение* части национального капитала, образующей фонд заработной платы, к той части, которая применяется иным образом, имеется тенденция не к уменьшению, а к возрастанию *абсолютной величины этого фонда* и, следовательно, к возрастанию количества занятых рабочих» (там же, стр. 123).

[4) ДЕНЬГИ КАК МЕРА СТОИМОСТЕЙ. ПУТАНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЕ-МЕРЕ]

Из определения денег как *меры* [стоимостей] и, во-вторых, из того основного закона, что масса средств обращения, предполагая определенную скорость обращения, определяется товарными ценами и количеством товаров, обращающихся по определенным ценам (или совокупной ценой товаров, которая в свою очередь определяется двумя обстоятельствами: уровнем товарных цен и количеством товаров, находящихся в обращении по определенным ценам); далее, 3) из закона, что деньги как средство обращения становятся *монетой*, лишь мимолетным моментом, простым *знаком* стоимостей, обмениваемых ими, — вытекают дальнейшие определения, которые мы рассмотрим только там, где они совпадают с более сложными экономическими отношениями: кредитным обращением, вексельным курсом и т. д. Необходимо избегать всяких деталей, а когда их

надо вносить, то вносить их лишь там, где они теряют свой элементарный характер.

Прежде всего, денежное обращение как наиболее поверхностная (в смысле вытолкнутой на поверхность) и наиболее абстрактная форма всего процесса производства само по себе совершенно бессодержательно, за тем исключением, что его собственные формальные различия, а именно анализированные во II разделе * простые определения, образуют его содержание. Ясно, что простое денежное обращение, рассматриваемое само по себе, не возвращается к исходному пункту, а состоит из множества безразличных и случайно сосуществующих движений. Можно, например, рассматривать монетный двор как исходный пункт денежного обращения, однако для обратного притока монеты на монетный двор нет никакого закона, помимо обесценения монеты из-за износа, делающего необходимым переплавку и перечеканку. Это касается лишь вещественной стороны и вовсе не составляет момента самого обращения.

В самом обращении пункт возврата может быть отли́чен от исходного пункта; если имеет место возвращение к исходному пункту, то само денежное обращение выступает как всего лишь проявление такого обращения, которое лежит позади денежного обращения и определяет его; так, например, обстоит дело, когда мы рассматриваем денежное обращение между фабрикантом, рабочим, торговцем и банкиром. Далее, причины, касающиеся товарной массы, бросаемой в обращение, повышения и падения цен, скорости обращения, количества одновременных платежей и т. д., — все это обстоятельства, лежащие *вне* простого денежного обращения. Это отношения, находящие себе выражение в обращении; обращение, так сказать, дает им названия, но их нельзя объяснить его собственной дифференциацией. В качестве денег служат различные металлы, и эти металлы находятся друг к другу в различных, изменяющихся стоимостных отношениях. Таким образом, привходит вопрос о двойном стандарте и т. д., принимающий всемирно-исторические формы. Но вопрос принимает эти формы и сам двойной стандарт привходит лишь благодаря внешней торговле. Поэтому плодотворное рассмотрение этого вопроса предполагает анализ гораздо более сложных отношений, чем простое денежное отношение.

Деньги *как мера* стоимости выражены не в весовых долях драгоценного металла, а в счетных деньгах, произвольных названиях соответствующих частей некоторого определенного

* См. настоящий том, часть 1, стр. 51—184. *Ред.*

количества денежной субстанции. Эти названия можно изменить, а при сохранении того же самого названия можно изменить соотношение монеты и ее металлической субстанции. Отсюда порча монеты, играющая большую роль в истории государств. Далее, денежные единицы различных стран. Этот вопрос представляет интерес лишь в связи с вексельным курсом.

[VII—30] Деньги суть *мера* только потому, что они материализуют рабочее время в определенной субстанции, следовательно, сами суть *стоимость,* и притом потому, что это определенное материализованное выражение стоимости имеет значение ее всеобще-предметной материализации, материализации рабочего времени как такового в отличие от лишь особенных его воплощений; следовательно, потому, что они — *эквивалент.* Но так как деньги в своей функции *меры* являются лишь мыслимым пунктом сравнения, так как им здесь достаточно существовать лишь идеально, так как здесь имеет место лишь идеальный перевод товаров в их всеобщее стоимостное бытие; так как, далее, деньги в качестве такого мерила фигурируют лишь в виде счетных денег и я говорю, что товар стоит столько-то шиллингов, франков и т. д., когда перевожу его в деньги, — то это дало повод для путаного представления об *идеальной мере,* которое было развито Стюартом *, а затем в различные периоды и даже совсем недавно подновлено в Англии под видом глубокого открытия. А именно, понимается это так, что названия фунт стерлингов, шиллинг, гинея, доллар и т. д., фигурирующие как счетные единицы, представляют собой не определенные названия определенных количеств золота, серебра и т. д., а всего лишь произвольные пункты сравнения, которые сами не выражают никакой стоимости, никакого определенного количества овеществленного рабочего времени.

Отсюда вся чепуха относительно фиксирования цены золота и серебра, цены, понимаемой здесь как название, которым обозначаются те или иные доли золота и серебра. Унция золота теперь делится на 3 ф. ст. 17 ш. 10 п. Это называют фиксированием цены; это есть, как правильно замечает Локк **, лишь фиксирование названия соответствующих долей золота, серебра и т. д. Выраженные в самих себе золото и серебро, разумеется, равны самим себе. Унция есть унция, назову ли я ее 3 ф. ст. или 20 ф. ст.

Коротко говоря, эта *идеальная мера* в понимании Стюарта означает следующее: если я скажу, что товар *a* стоит 12 ф. ст.,

---

* См. настоящий том, часть II, стр 296 297 *Ред.*

** Там же, стр 318—319. *Ред.*

товар b — 6 ф. ст., товар c — 3 ф. ст., то они относятся как 12 : 6 : 3. Цены выражают лишь то отношение, согласно которому эти товары обмениваются друг на друга. $2b$ обмениваются на $1a$ и $1^1/_2$ b на $3c$. Так вот, вместо того чтобы брать отношение $a : b : c$ в реальных деньгах, которые сами обладают стоимостью, являются стоимостью, я мог бы вместо фунта стерлингов, который выражает собой определенную массу золота, с таким же успехом взять любое бессодержательное название (которое здесь именуется *идеальным*), например: «макрель». Тогда $a = 12$ макрелям; $b = 6$ макрелям; $c = 3$ макрелям. Это слово «макрель» здесь представляет собой лишь название вне всякой связи с присущим ему содержанием.

Пример Стюарта относительно градуса, минуты, секунды ничего не доказывает; ибо хотя градус, минута, секунда имеют переменную величину, но они не являются простыми названиями, а всегда выражают собой соответствующую долю определенной пространственной величины или отрезка времени. Таким образом, они действительно имеют некоторую субстанцию. То, что деньги в определении меры [стоимости] функционируют лишь как *представляемые* деньги, здесь превращают в то, что они — произвольное представление, только *название*, а именно название числового отношения стоимости, название простого отношения чисел. Но тогда было бы правильнее вовсе не пользоваться названиями, а только числовыми отношениями, ибо вся штука сводится к следующему: я получаю $6a$ за $12b$, $3b$ за $6c$; это отношение можно выразить также следующим образом: $a = 12x$; $b = 6x$; $c = 3x$; причем x есть лишь название для соотношений $a : b$ и $b : c$. Простое, неименованное отношение чисел было бы здесь недостаточно. Ибо $a : b = 12 : 6 = 2 : 1$, и $b : c = 6 : 3 = 2 : 1$. Следовательно, $b = {}^1/_2$ и $c = {}^1/_2$. Следовательно, $b = c$. Следовательно, $a = 2$ и $b = 2$. Следовательно, $a = b$.

Если я возьму какой-нибудь прейскурант, например: поташ за центнер — 35 шиллингов, какао за фунт — 60 шиллингов, железо (полосы) за тонну — 145 шиллингов и т. д., то для того, чтобы выяснить отношение этих товаров друг к другу, я могу не только забыть о количестве серебра в шиллинге: одних только чисел 35, 60, 145 и т. д. достаточно для того, чтобы определить взаимное отношение стоимости поташа, какао, полос железа. Теперь достаточно неименованных чисел; и я не только могу их единице дать любое название вне всякой связи с какой-либо стоимостью, но у меня вообще нет необходимости давать ей какое бы то ни было название. Стюарт настаивает на том, что я должен дать ей какое-нибудь название,

но что это название, как всего лишь произвольное название единицы, как всего лишь *обозначение самой пропорции*, не может быть твердо закреплено за какой-либо частью или количеством золота, серебра или какого-нибудь иного товара.

При всякой мере, когда она служит точкой сравнения, т. е. когда различные вещи, подлежащие сравнению, ставятся в отношение численности [Anzahl] к мере как единице и затем сопоставляются друг с другом, природа меры становится безразличной и исчезает в самом акте сравнения; единица-мера [die Maßeinheit] становится просто числовой единицей; качество этой единицы исчезло — то, например, что сама она есть определенная величина длины или времени или градус угла и т. д. Но лишь тогда, когда различные вещи уже предполагаются как измеренные, единица, служащая мерой, *обозначает только пропорцию между ними* — например, в данном случае пропорцию их стоимостей. Счетная единица не только носит различные названия в различных странах, но и представляет собой обозначение различных долей, например, одной унции золота. Но вексельный курс сводит все эти единицы к одной и той же весовой единице золота или серебра.

Поэтому, если я предположу различные [стоимостные] величины товаров, например, как сказано выше, равными 35 шиллингам, 60 шиллингам, 145 шиллингам, то для их сопоставления, — поскольку теперь единица предполагается одинаковой для всех и все они сделались соизмеримыми величинами, — становится совершенно излишним рассуждать о том, что шиллинг есть определенное количество серебра, наименование определенного количества серебра. Но стоимости товаров лишь тогда становятся сравнимыми друг с другом как простые числовые величины, как количества произвольно взятой одноименной единицы, и лишь тогда выражают взаимные пропорции, когда каждый отдельный товар измерен товаром, служащим для них единицей, мерой. Но я могу измерять их друг другом, делать их соизмеримыми лишь в том случае, если в них есть некое единое начало, — а это единое начало есть содержащееся в обоих товарах рабочее время.

Таким образом, единица-мера должна быть известным количеством определенного товара, овеществившим в себе некоторое определенное количество труда. Так как то же самое количество труда не всегда выражено в одном и том же количестве, например, золота, то стоимость самой этой единицы-меры изменчива. Но когда деньги рассматриваются лишь как мера, эта изменчивость не составляет препятствия. Даже при меновой торговле, когда она до известной степени развита как меновая

торговля, как повторяющаяся нормальная операция, а не только как единичный меновой акт, какой-нибудь другой товар выступает в качестве единицы-меры; например, у Гомера — скот. У дикого папуаса побережья,

который «для того, чтобы получить какой-нибудь заграничный товар, дает в обмен своего ребенка или двух детей, а если таких нет под рукой, то занимает детей у своего соседа, обещая ему дать взамен собственных детей, когда они будут у него под рукой, причем эта просьба редко отвергается» [63], —

не существует никакой меры для обмена. Единственная сторона обмена, существующая для него, есть та, что он может присвоить чужой товар лишь путем отчуждения вещи, которой он владеет. Само это отчуждение для него ничем не регулируется, кроме его прихоти, с одной стороны, а с другой стороны — размера его движимого имущества.

В журнале «The Economist» от 13 марта 1858 г. [стр. 290] находим в письме в редакцию следующее:

«Так как проводимая во Франции замена серебра золотом для чеканки (что до сих пор было главным средством поглощения вновь открытого золота) приближается к своему завершению и особенно потому, что при застое торговли и пониженных ценах потребуется чеканить меньше монет, нам следует ожидать, что в скором времени наша твердая цена за унцию в размере 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. привлечет золото сюда».

Что же означает эта наша «твердая цена унции» золота? Ничего, кроме того, что известная доля унции золота называется пенсом, известное кратное количество этой весовой единицы золота — шиллингом, а известное кратное количество этих шиллингов — фунтом стерлингов. Не воображает ли этот господин, что [VII—31] в других странах золотые гульдены, луидоры и т. д. не обозначают точно таким же образом некоторое определенное количество золота, т. е. что определенное количество золота там не носит твердого названия и что это есть привилегия Англии или ее особенность? Что в Англии монета, выраженная в золоте, есть нечто большее, чем монета, а в других странах нечто меньшее? Любопытно было бы знать, как этот джентльмен представляет себе вексельный курс.

Стюарта сбивает с толка следующее. Товарные цены ничего не выражают помимо тех отношений, согласно которым товары могут быть обменены друг на друга, помимо тех *пропорций*, соответственно которым они обмениваются друг на друга. Если даны эти пропорции, то я могу дать единице любое наименование, ибо в этом случае было бы достаточно неименованного абстрактного числа, и вместо того чтобы сказать, что этот

товар равен 6 штиверам *, тот товар равен 3 штиверам и т. д., я мог бы сказать: этот товар равен 6 единицам, тот товар равен 3 единицам; мне вовсе не надо было бы давать единице наименование. Ибо поскольку все дело лишь в числовом отношении, я могу дать этой единице любое наименование.

Но здесь уже предполагается, что эти пропорции *даны*, что товары уже стали соизмеримыми величинами. Как только величины положены как соизмеримые, их отношения становятся простыми числовыми отношениями. Деньги выступают именно как мера, а определенное количество того товара, в котором представлены деньги, — как единица-мера для нахождения *пропорций* и для того, чтобы выразить товары как соизмеримые и соответственно этому обращаться с ними. Таким действительным единым началом является рабочее время, относительно овеществленное в них. Но само рабочее время положено здесь как всеобщее. Процесс, посредством которого в условиях денежной системы стоимости определяются рабочим временем, не относится к рассмотрению самих денег и выходит за пределы обращения, находится позади обращения как действующая причина и предпосылка.

Вопрос мог бы состоять лишь в следующем: вместо того чтобы говорить, что этот товар равен одной унции золота, почему не сказать прямо, что он равен x часам рабочего времени, овеществленным в унции золота? Почему рабочее время, субстанция и мера стоимости, не является вместе с тем мерой цен, или почему, иными словами, цена и стоимость вообще отличаются друг от друга? Школа Прудона думает, что совершает великое дело, когда требует, чтобы была установлена эта тождественность и товарные цены были бы выражены в рабочем времени. Совпадение цены и стоимости предполагает равенство спроса и предложения, простой обмен эквивалентов (следовательно, не обмен капитала на труд) и т. д.; словом, если формулировать это требование экономически, тотчас оказывается, что оно есть отрицание всей основы производственных отношений, базирующихся на меновой стоимости. Но если предположить, что этот базис устранен, то с другой стороны, отпадает сама проблема, которая существует только на этом базисе и вместе с ним. То, что товар в своем непосредственном бытии, как потребительная стоимость, не есть стоимость, не есть адекватная форма стоимости, равносильно тому, что он является такой формой в качестве чего-то вещественно иного или в качестве приравненного к какой-либо иной вещи; или это равносильно

* — самым мелким монетам. *Ред.*

тому, что стоимость обладает своей адекватной формой в некоторой специфической вещи в отличие от других. Товары как стоимости суть овеществленный труд; поэтому адекватная стоимость должна сама выступать в форме некоторой определенной вещи, как определенная форма овеществленного труда.

Болтовня насчет идеального масштаба иллюстрируется у Стюарта двумя историческими примерами, из коих первый — банковские деньги Амстердама — показывает как раз обратное, поскольку эти деньги не что иное, как сведѐние обращающихся монет к их золотому содержанию (металлическому содержанию), а второй пример был подхвачен всеми новейшими экономистами, придерживающимися того же направления. Так, Уркарт [64] приводит пример Берберии, где масштабом служит идеальный брусок, брусок железа, всего лишь представляемый брусок железа, который не повышается и не понижается [в своей стоимости]. Если, например, реальный брусок железа падает, допустим, на 100% [в своей стоимости], то идеальный брусок стоит двух брусков железа, а если реальный брусок снова подымется на 100%, то идеальный брусок стоит всего лишь одного реального. Г-н Уркарт вместе с тем, как он утверждает, подметил, что в Берберии не бывает ни торговых, ни промышленных кризисов, а тем более — денежных кризисов, и приписывает это магическому влиянию этой идеальной меры стоимости. Этот «идеальный», мысленно представляемый масштаб есть не что иное, как мысленно представляемая действительная стоимость, но это — такое представление, которое не получает никакой предметной действительности, поскольку там не развиты дальнейшие определения денежной системы, развитие которых зависит от совсем иных условий. Это то же самое, как если бы в мифологии стали считать более высокими те религии, где образы богов не выработаны до степени наглядности, а остались в области представления, т. е. в лучшем случае приобрели бытие в языке, но не в искусстве.

Брусок [как мера стоимости] покоится на реальном железном бруске, который впоследствии был превращен в некий воображаемый предмет и зафиксирован как таковой. Унция золота, выраженная в английских счетных монетах, равняется 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. Отлично. Положим, что фунт шелка как раз имел точно такую же цену, но что эта цена затем упала, как, например, миланский шелк-сырец 12-го марта 1858 г. в Лондоне стоил 1 ф. ст. 8 ш. за фунт [65].

Это есть представление о некотором определенном количестве железа, о бруске железа, который сохраняет одну и ту же стоимость, во-первых, по отношению ко всем прочим това-

рам, а во-вторых, по отношению к содержащемуся в нем рабочему времени. Этот брусок железа, конечно, чисто воображаемый, но он не обладает такой неизменностью, «подобно скале в море», какую ему приписывают Стюарт и Уркарт почти 100 лет спустя после Стюарта. То, что является неизменным в этом бруске, есть название: в одном случае в реальном бруске железа содержатся два идеальных, а в другом случае — лишь один. Это выражается так, что один и тот же неизменный идеальный брусок равен в одном случае двум, а в другом — одному реальному бруску. Если предположить это, то изменившимся оказывается только отношение реального бруска [к идеальному], а не идеальный брусок. Но фактически идеальный железный брусок в одном случае вдвое длиннее, чем в другом, и неизменным осталось только его название. Один раз, например, 100 фунтов железа называются бруском, а другой раз — 200 фунтов.

Положим, что будут выпущены деньги, представляющие рабочее время, например часовые боны; этот часовой бон мог бы в свою очередь получить любое наименование, например «фунт стерлингов», двадцатая часть часа — наименование «шиллинг», $^1/_{240}$ часа — наименование «пенс». Золото и серебро, как и все другие товары, выражали бы, соответственно требующемуся для их производства времени, различные кратные числа или доли фунтов стерлингов, шиллингов, пенсов, и унция золота могла бы равняться как 8 ф. ст. 6 ш. 3 п., так и 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. В этих числах всегда была бы выражена та пропорция, в которой содержится в унции золота определенное количество труда. Вместо того чтобы говорить, что 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., равные унции золота, стоят теперь только $^1/_2$ фунта шелка, можно себе представить, что унция золота равняется теперь 7 ф. ст. 15 ш. 9 п., или что 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. равняются уже лишь пол-унции золота, потому что они имеют лишь половину [прежней] стоимости.

Если мы сопоставим, например, цены, существовавшие в XV столетии в Англии, с ценами XVIII столетия, то мы можем обнаружить, что какие-нибудь два товара имели одну и ту же номинальную денежную стоимость, например 1 фунт стерлингов. Здесь фунт стерлингов служит масштабом, но в первом случае он выражает вчетверо или впятеро бо̀льшую стоимость, чем во втором, и мы могли бы сказать, что если стоимость этого товара в XV веке равнялась 1 унции золота, то в XVIII веке она равна одной четверти унции золота; ибо в XVIII веке унция золота выражает собой то же самое рабочее время, как $^1/_4$ унции в XV веке. Следовательно, можно было бы сказать,

что мера [стоимости], фунт стерлингов, осталась той же самой, но в одном случае она равнялась вчетверо большему количеству золота, чем в другом. Это есть *идеальный масштаб*. Производимое нами здесь сравнение могли бы произвести сами люди XV века, если бы они дожили до XVIII века, и они могли бы сказать, что унция золота, которая стоит теперь 1 ф. ст., раньше стоила только $1/_4$. Теперь 4 фунта золота стоят не больше, чем 1 фунт золота, например, в XV веке. Если этот фунт раньше носил название ливр, то я могу вообразить, что один ливр тогда равнялся 4 фунтам золота, а теперь равняется только 1 фунту золота; что стоимость золота изменилась, а мера стоимости — ливр — осталась неизменной. Действительно, во Франции и в Англии ливр первоначально обозначал фунт серебра, а теперь он равен только $1/x$ фунта серебра. Можно поэтому сказать, что наименование ливр, масштаб оставался номинально всегда одним и тем же, но что изменилась [VII—32] стоимость серебра. Француз, который прожил бы от эпохи Карла Великого до настоящего времени, мог бы сказать, что ливр серебром всегда оставался масштабом стоимости, неизменным, но стоил сначала фунт серебра, однако в силу превратности судьбы в конце концов стоит только $1/x$ лота. Аршин — тот же самый; но только его длина различна в различных странах. Это фактически то же самое, как если бы, например, продукт рабочего дня, золото, добываемое за один рабочий день, получило название ливра; этот ливр оставался бы всегда одним и тем же, несмотря на то, что выражал бы собой весьма различные количества золота в различные периоды.

Действительно, как мы поступаем, когда сопоставляем фунт стерлингов XV века с фунтом стерлингов XVIII века? Оба представляют собой ту же массу металла (каждый из них равен 20 шиллингам), но имеют различную стоимость; ибо тогда металл стоил вчетверо больше, чем теперь. Мы говорим, таким образом, что по сравнению с настоящим временем ливр равнялся вчетверо большей массе металла, чем та, которая содержится в нем теперь. И можно было бы вообразить, что ливр остался неизменным, но тогда равнялся 4 реальным ливрам, а теперь равняется только 1 ливру. Это было бы лишь относительно правильно, не по отношению к количеству металла, содержащемуся в ливре, а по отношению к его стоимости. Но эта стоимость сама количественно выражена так, что тогдашняя $1/_4$ ливра золотом равняется теперешнему 1 ливру золотом. Отлично. Ливр тождествен, но тогда он равнялся 4 реальным ливрам золота (по теперешней стоимости золота), а теперь равняется только одному. Если падает стоимость золота, а ее относитель-

ное повышение или падение по сравнению с другими товарами выражено в их цене, то вместо того чтобы сказать, что предмет, который стоил раньше 1 ф. ст. золотом, стоит теперь 2 ф. ст., можно было бы сказать, что он стоит все еще 1 ф. ст., но что 1 ф. ст. теперь стоит 2 реальных ливра золотом и т. д.; следовательно, 1 ливр состоит из 2 реальных ливров золотом и т. д. Вместо того чтобы говорить: я продал вчера этот товар за 1 ф. ст., а сегодня продаю его за 4 ф. ст., можно было бы сказать, что я продаю его за 1 ф. ст., но вчера продал его за 1 ф. ст., состоящий из 1 реального ф. ст., а сегодня за 1 ф. ст., состоящий из 4 реальных фунтов.

Все прочие цены вытекают сами собой, когда установлено отношение реального бруска к воображаемому; но это есть попросту сравнение прежней стоимости бруска с его теперешней стоимостью. Это то же самое, как если бы мы всё исчисляли, например, в фунте стерлингов XV века. То же самое, что должен сделать историк, который хочет проследить через различные столетия ту же самую монету, то же самое счетное наименование монеты, содержащей в себе столько же металла, когда он исчисляет эту монету в теперешних деньгах, приравнивая ее к большему или меньшему количеству золота соответственно ее стоимости, изменявшейся в различные столетия, — то же делает этот бербер или негр. Полуцивилизованные люди стараются удержать денежную единицу, массу металла, принимаемую за меру, также и в качестве стоимости, стремятся также и эту стоимость рассматривать в качестве твердой, неизменной меры. Но вместе с тем они догадываются, что реальная стоимость бруска изменилась. При небольшом количестве тех товаров, стоимость которых этому берберу приходится измерять, и при жизненности традиций у нецивилизованных людей, этот запутанный способ исчисления не является таким затруднительным, каким он кажется.

Одна унция золота = 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., т. е. неполным 4 ф. ст. Если для удобства предположить, что унция золота равняется 4 ф. ст., тогда $^1/_4$ унции золота будет называться фунтом стерлингов и, нося подобное название, будет служить счетной монетой. Но стоимость этого фунта стерлингов меняется, отчасти относительно, по сравнению со стоимостью других товаров, стоимость которых изменяется, отчасти потому, что сам фунт является продуктом большего или меньшего количества рабочего времени. Единственное неизменное в нем — это название, а также количество, доля унции, весовая доля золота, названием которой он является, которая, следовательно, содержится в монете, именуемой фунтом.

Дикарь хочет сохранить этот фунт как неизменную стоимость, и поэтому для него изменяется количество металла, которое в нем содержится. Если стоимость золота уменьшится на 100%, то, как и прежде, фунт останется для него мерой стоимости, но фунт, состоящий из $^2/_4$ унций золота, и т. д. Для него фунт всегда равен известной массе золота (железа), имеющей ту же стоимость. Но так как эта стоимость изменяется, то фунт равняется то большему, то меньшему количеству реального золота или железа, смотря по тому, большее или меньшее количество их следует дать в обмен на другие товары. Он сравнивает теперешнюю стоимость с прежней, которая является для него стандартом, продолжая жить лишь в его представлении. Таким образом, вместо того чтобы считать соответственно $^1/_4$ унции золота, стоимость которой меняется, он считает соответственно той стоимости, которой раньше обладала $^1/_4$ унции золота, т. е. соответственно представляемой неизменной стоимости $^1/_4$ унции, которая, однако, выражается в изменяющихся количествах золота. С одной стороны, стремление сохранить меру стоимости как твердую стоимость, с другой стороны — умение обходным путем предотвратить убыток. Но крайне нелепо эту случайную передвижку [мерила], с помощью которой полудикари усвоили навязанное им извне измерение стоимостей деньгами, сперва передвигая это измерение стоимостей, а затем опять ставя все на свое место в этой передвижке, — крайне нелепо рассматривать это как органически историческую форму или даже противопоставлять более развитым отношениям как нечто более высокое. Эти дикари тоже исходят из определенного количества — из бруска железа, но сохраняют ту стоимость, которой этот брусок обладал по традиции, как счетную единицу, и т. д.

В современной политической экономии весь этот вопрос приобрел значение главным образом благодаря двум обстоятельствам:

1) В различные исторические эпохи случалось, например в Англии во время войны с революционной Францией, что цена сырого золота превышала цену чеканного золота. Это историческое явление, таким образом, как будто неопровержимо доказывало, что названия, которыми обозначают определенные весовые доли золота (благородного металла), фунт стерлингов, шиллинг, пенс и т. д., вследствие какого-то необъяснимого процесса, приобретают самостоятельность по отношению к той субстанции, наименованием которой они являются. Каким образом иначе могла бы унция золота стоить больше, чем та же самая унция золота, из которой вычеканено 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п.?

Или каким образом унция золота могла бы стоить больше, чем 4 ливра золотом, если ливр есть только название $^1/_4$ унции?

При более тщательном исследовании, однако, оказалось, что в одних случаях монеты, обращавшиеся под названием фунта стерлингов, фактически не имели уже нормального металлического содержания, что, следовательно, например, 5 обращающихся фунтов фактически весили только 1 унцию золота (той же пробы). Так как монета, которая представляла собой будто бы $^1/_4$ унции золота (приблизительно), фактически представляла уже только $^1/_5$ унции, то было очень просто, что эта унция равнялась 5 таким фунтам стерлингов, находившимся в обращении; что, следовательно, стоимость золотых слитков превышала их монетную цену, поскольку фактически уже не одна четверть унции, а только $^1/_5$ унции золота называлась фунтом стерлингов, который представлял собой наименование только $^1/_5$ унции.

То же самое явление имело место и в тех случаях, когда содержание металла в обращающихся монетах хотя и не падало ниже своей нормальной меры, но они обращались наряду с обесцененными бумажными деньгами, а переплавка и вывоз этих монет были запрещены. В этом случае $^1/_4$ унции золота, обращавшаяся в форме фунта стерлингов, участвовала в обесценении банкнот; судьба, от которой было избавлено золото в слитках *. По сути это [VII—33] один и тот же факт: счетное наименование «фунт стерлингов» перестало обозначать $^1/_4$ унции, а сделалось наименованием для меньшего количества золота. Следовательно, унция золота равнялась, например, пяти подобным фунтам. И это выражалось тогда так, что цена слитков стала превышать монетную цену.

Эти или аналогичные исторические явления, все одинаково просто объяснимые и принадлежащие к одному и тому же ряду, дали таким образом впервые повод для представления об *идеальной мере*, или для утверждения, что деньги как мера являются лишь пунктом сравнения, а не определенным количеством [определенного товара]. По этому вопросу в Англии за 150 лет написаны были сотни томов.

То, что стоимость определенной монеты может превысить стоимость ее металлического содержания, само по себе не представляет ничего удивительного, так как в монету вкладывается новый труд (для придания ей формы). Но независимо от этого случается, что стоимость определенной монеты начинает

* Монетная пошлина может внутри страны поднять цену монет выше цены слитков.

превышать стоимость ее металлического содержания. Это не представляет никакого экономического интереса и не давало еще повода к каким-либо экономическим исследованиям. Это означает только то, что для определенных целей золото и серебро требуется именно в такой форме, положим, в британских фунтах или испанских долларах. Разумеется, директора банков были особенно заинтересованы в том, чтобы доказать, что не стоимость банкнот упала, а что стоимость золота повысилась. Что касается последнего вопроса, то его можно разобрать лишь впоследствии.

2) Но теория *идеальной меры* стоимости была сформулирована впервые в начале XVIII века и повторена во втором десятилетии XIX века, когда речь шла о таких вопросах, при которых деньги фигурировали не как мера и не как средство обмена, а как неизменный эквивалент, как самодовлеющая стоимость (в третьем определении) и поэтому как всеобщая материя контрактов. В обоих случаях речь шла о том, следует ли или нет государственные и иные долговые обязательства, заключенные в обесцененных деньгах, признавать и погашать полноценными деньгами. Это просто был спор между кредиторами государства и большинством нации. Сам этот вопрос нас здесь совершенно не касается. Те участники спора, которые требовали приспособления предъявляемых к должникам требований к фактическим обязательствам, становились на ложную почву вопроса о том, следует ли изменить *денежный стандарт* или нет. По этому поводу и были выдвинуты такие грубые теории относительно денежного стандарта, фиксирования цены золота и т. д.

(«Изменение стандарта подобно изменению национальных мер и весов» (*J. Steuart.* An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. II, Dublin, 1770, стр. 110).

С первого же взгляда ясно, что общее количество зерна у нации не меняется оттого, что вдвое увеличится или уменьшится размер, например, шеффеля. Но это изменение величины шеффеля было бы очень важно, например, для арендаторов, обязанных платить ренту зерном в размере определенного количества шеффелей, если бы они и после того, как была удвоена мера, должны были доставлять то же самое количество шеффелей, что и прежде.)

В упомянутом выше случае именно кредиторы государства цеплялись за название «фунт стерлингов» независимо от выражаемой им весовой доли золота, т. е. цеплялись за «идеальный стандарт», ибо в действительности последний есть лишь счетное наименование весовой доли металла, служащего мерой [стои-

мости]. Но странным образом именно их противники выдвинули эту теорию «идеального стандарта», а боролись с этой теорией кредиторы государства. Вместо того чтобы просто потребовать перерасчета долговых обязательств, или того, чтобы кредиторам государства было выплачено лишь то количество золота, которое ими было фактически авансировано, они требовали снижения стандарта соответственно обесценению денег, т. е., например, если фунт стерлингов упал до $^1/_5$ унции золота, чтобы в дальнейшем эта $^1/_5$ унции носила название фунта, или чтобы фунт чеканился в виде 21 шиллинга вместо 20 шиллингов. Это снижение *стандарта* называлось повышением стоимости денег, ибо унция теперь равнялась бы 5 ф. ст. вместо прежних 4. Таким образом, они не говорили: пусть те, кто авансировал, например, одну унцию золота в виде 5-ти обесцененных фунтов, получат теперь только 4 полноценных фунта, а говорили, что они должны получить 5 фунтов, но что в дальнейшем в фунте будет представлено на $^1/_{20}$ унции золота меньше, чем прежде.

Когда сторонники таких взглядов выставили это требование в Англии после возобновления платежей наличными, счетная монета уже вновь достигла своей прежней металлической стоимости. При этом случае были тогда выдвинуты еще и другие грубые теории относительно денег как меры стоимости, и под предлогом опровержения этих теорий, ложность которых было легко доказать, контрабандным путем были удовлетворены интересы государственных кредиторов.

Первая борьба такого рода происходила между Локком и Лаундсом. С 1688 г. до 1695 г. государственные займы были заключены в обесцененных деньгах — обесцененных вследствие того, что все полновесные деньги переплавлялись в слитки и обращались только легкие деньги. Гинея повысилась до 30 шиллингов. Лаундс, секретарь казначейства (управляющий монетным двором?), хотел снизить фунт стерлингов на 20%; Локк настаивал на прежнем, елизаветинском стандарте. В 1696 г. — переплавка [серебряных монет], общая перечеканка. Локк одержал победу. Долги, заключенные по 10—14 шиллингов в гинее, выплачивались по курсу 20 шиллингов. Это было столь же выгодно для государства, как для земельных собственников.

«Лаундс неправильно ставил вопрос. Во-первых, он утверждал, что его проект не представляет собой снижения прежнего стандарта. Далее, повышение цены слитков он приписывал внутренней стоимости серебра, а не неполновесности той монеты, на которую оно покупалось. Он всегда предполагал, что чеканка, а не субстанция делает деньги... Локк со своей

стороны ставил лишь тот вопрос, включает ли проект Лаундса снижение стандарта или нет, но не исследовал интересов тех, кто связан длительными обязательствами. Главный аргумент Лаундса в пользу снижения стандарта заключался в том, что серебро в слитках повысилось до 6 шиллингов 5 пенсов за унцию (т. е. что его можно было купить за 77 пенсов, считая шиллинг равным $^{1}/_{77}$ тройского фунта *), и потому он полагал, что из тройского фунта надо чеканить 77 шиллингов, что равносильно было понижению стоимости фунта стерлингов на 20% или $^{1}/_{5}$. Локк отвечал ему, что 77 пенсов были уплачены в обрезанных монетах, которые по весу не превышали 62 пенсов стандартной чеканки... Однако разве человек, который взял взаймы 1 000 ф. ст. в этих обрезанных монетах, обязан выплатить 1 000 ф. ст. по их стандартному весу? Как Лаундс, так и Локк лишь весьма поверхностно анализировали влияние изменения стандарта на соотношение должников и кредиторов... Тогда кредитная система была еще мало развита в Англии... Принимались во внимание только интересы земельных собственников и короны. Торговля в это время почти замерла и была подорвана пиратской войной... Восстановление стандарта было наиболее выгодным для земельных собственников и для казны; так это и было сделано» (*Стюарт*, там же, том II, стр. 178, 179).

Стюарт замечает иронически по поводу всей этой операции:

«В результате повышения стандарта правительство значительно выиграло в отношении налогов, а кредиторы — на своем капитале и процентах; а нация, которая понесла главные убытки, была удовлетворена (pleased) (вполне довольна), потому что *ее* стандарт» (т. е. мерило ее *собственной* стоимости) «не был снижен; таким образом, все три стороны получили удовлетворение» (там же, том II, стр. 156).

Ср. *John Locke*. Works in 4 volumes. The 7th edition. Vol. II, London, 1768: статью «Some Considerations on the Lowering of Interest and Raising the Value of Money» (1691), а также статью «Further Considerations concerning Raising the Value of Money, wherein Mr. Lowndes's Arguments for it, in his late Report concerning «An essay for the amendment of the Silver coins», are particularly examined». Обе работы — во II томе. В первой статье между прочим говорится:

[VII—34] «*Повышение стоимости денег*, о котором в настоящее время несут столько вздора, есть или *повышение стоимости наших денег*, а это вам не удастся; или *повышение названия нашей монеты*» (стр. 53). «Назовите, например, кроной то, что раньше называлось полукроной. Стоимость ее по-прежнему будет определяться металлическим содержанием. Если уменьшение на $^{1}/_{20}$ количества серебра, содержащегося в какой-нибудь монете, не понижает ее стоимости, то и уменьшение на $^{19}/_{20}$ количества серебра в монете не уменьшит ее стоимости. Следовательно, согласно этой теории, если назвать кроной трехпенсовую монету или фартинг, то на нее можно купить столько же пряностей или шелка или любого другого товара, как на крону, которая содержит в 20 или 60 раз больше серебра» (стр. 54). «Таким образом, повысить стоимость монеты означает лишь то, что меньшему количеству серебра присваивается штемпель и название большего количества» (там же). «Штемпель монеты есть

* — мера веса, равная 12 унциям. *Ред.*

гараития для публики, что эта монета содержит такое-то количество серебра при таком-то иазвании» (стр. 57). «Не название, а серебро уплачивает долги и покупает товары» (стр. 58). «Монетного штампа достаточно для гараитирования веса и пробы монеты, ио отчеканенной таким образом золотой монете предоставляется находить свою собствениую цену так же, как это делают другие товары» (стр. 66). Вообще путем повышения стоимости деиег можно только «увеличить количество денег на словах, но нельзя увеличить количество денег по весу и стоимости» (стр. 73).

[Во второй статье читаем:]

«Серебро есть масштаб, совершенно отличный от других. Ярд или кварта, которыми люди пользуются как мерой, может оставаться в руках покупателя, продавца или третьего лица: не имеет значеиия, кому этот ярд или эта кварта прииадлежит. Серебро же есть не только мера для сделок, оно есть предмет, отяосительно которого заключаются сделки, и в торговле оно переходит от покупателя к продавцу, представляя в данном количестве эквивалент продаваемой вещи: и таким образом серебро не только *измеряет* стоимость товара, к которому оно приложено как мера, но и дается в обмен на товар в качестве его эквивалента. Но это оно совершает лишь своим количеством и ничем иным» (стр. 92). «Поскольку повышение стоимости денег есть лишь произвольное наименование каких-либо частей того или иного куска серебра, так что сегодня мы называем пенсом $^1/_{60}$ унции серебра [а завтра — $^1/_{75}$ унции], то такое повышение можно провести в каком угодно размере» (стр. 118). «Когда существует потребность в вывозе серебряных слитков, а вывоз иашей моиеты запрещен закоиом, привилегия свободного вывоза, которой пользуются слитки, будет несколько повышать их цеиу по сравнению с иашими моиетами, как бы мы ни повышали или как бы мы ии поиижали их иаименоваиие» (стр. 119, 120).

Ту же самую позицию, которую занимал Лаундс в споре с Локком, объясняя повышение цен на слитки тем, что повысилась стоимость слитков и потому понизилась стоимость счетной монеты (т. е. тем, что так как стоимость слитка повысилась, то стоимость некоторой доли его, именуемой фунтом стерлингов, понизилась), занимали little-shilling-men * — Атвуд и другие из бирмингемской школы в 1819 и следующих годах. (Коббет [66] поставил вопрос на правильную почву: пересмотр государственных займов, рент и т. д., но все испортил своей ложной теорией, которая отвергает вообще бумажные деньги; он странным образом пришел к этому выводу, исходя, как и Рикардо, который пришел к обратному выводу, из той же самой ложной предпосылки — определения цен количеством средств обращения.) Вся их премудрость заключается в следующих фразах:

«Сэр Роберт Пиль в своей полемике с Бирмингемской торговой палатой спрашивает: что будет представлять *ваша* банкнота в 1 фунт стерлингов?» («The Currency Question. The Gemini Letters». London, 1844, стр. 266)

* — сторонники малого шиллинга, т. е. сторонники уменьшения количества драгоценного металла в английских монетах. *Ред.*

(а именно, банкнота в 1 фунт стерлингов, если она не подлежит обмену на золото). «Что следует понимать под теперешним стандартом стоимости?.. Означают ли 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. одну *унцию золота* или же ее *стоимость?* Если они означают саму унцию, то почему не называть вещи своими именами и вместо фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов не говорить: унции, весовые пенни и граны? Тогда мы возвратимся к *системе непосредственной меновой торговли*» (стр. 269).

(Не совсем так. Но что выиграл бы г-н Атвуд, если бы вместо 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. говорили унция, а вместо шиллинга — столько-то весовых пенни? Что для удобства подсчета весовые доли получают наименования — а это, кроме того, показывает, что металлу здесь придается чуждое ему социальное назначение, — разве это обстоятельство говорит что-либо за или против учения Атвуда?)

«Или они означают *стоимость?* Если унция золота равна 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., то почему же она в различные периоды стоила то 5 ф. ст. 4 ш., то 3 ф. ст. 17 ш. 9 пенсов?.. Выражение «фунт стерлингов» имеет отношение к *стоимости*, но не к *неизменной стандартной стоимости... Труд* есть отец стоимости и придает относительную стоимость золоту или железу».

(Поэтому и меняется на деле стоимость одной унции и 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п.)

«*Какие бы словесные обозначения ни применялись для выражения дневного или недельного труда человека,* эти слова выражают издержки производства товара» (стр. 270). «Слово «один фунт» есть *идеальная единица*» (стр. 272).

Последнее положение важно, так как показывает, как это учение об «идеальной единице» сводится к требованию таких денег, которые непосредственно представляли бы труд. Тогда, например, фунт стерлингов был бы выражением 12-дневного труда. Требование состоит в том, чтобы определение стоимости не приводило к определению денег как некоторому отличному от него определению, или чтобы труд в качестве меры стоимостей не приводил к тому, чтобы овеществленный в определенном товаре труд становился мерой остальных стоимостей. Важно то, что здесь это требование формулируется с точки зрения буржуазной экономики (так обстоит дело и у Грея, который заострил и разработал в собственном смысле этот вопрос и о котором мы тотчас будем говорить), а не с точки зрения отрицания буржуазной экономики, как у Брея. Прудонисты (см., например, г-на Даримона) действительно дошли до того, что выставили это требование одновременно и как соответствующее теперешним производственным отношениям, и как великое новшество, совершенно революционизирующее эти отношения,

ибо они в качестве crapauds *, разумеется, не обязаны ничего знать о том, о чем пишут или думают по ту сторону Ламанша. Во всяком случае уже тот простой факт, что это требование свыше 50 лет тому назад поставлено было одной из фракций буржуазных экономистов в Англии, показывает, насколько заблуждаются те социалисты, которые на этом пути претендуют дать что-то новое и антибуржуазное. О самом требовании см. выше **. (Здесь можно вставить лишь кое-что из *Грея*. Впрочем, лишь в связи с банками можно войти в рассмотрение деталей этого вопроса.)

[5) ДЕНЬГИ КАК СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ, КАК ВСЕОБЩИЙ ТОВАР КОНТРАКТОВ И КАК ПРЕДМЕТ НАКОПЛЕНИЯ. СТОИМОСТЬ ДЕНЕГ И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ]

Что касается денег как остающегося равным себе эквивалента, т. е. *стоимости* как таковой и потому материи всех контрактов, то ясно, что изменения стоимости того материала, в котором представлены деньги (прямо, как это имеет место в золоте и серебре, или косвенно, в виде чека на определенное количество золота, серебра и т. д., в виде банкнот), должны вызывать крупные революции во взаимоотношениях различных классов государства. Этого здесь не надо исследовать, ибо сами эти отношения предполагают знание различных экономических отношений. [VII—35] В виде иллюстрации приведем лишь следующее.

Известно, что обесценение золота и серебра в XVI и XVII веке, вследствие открытия Америки, понизило значение рабочего класса и класса земельных собственников и повысило значение капиталистов (особенно промышленных капиталистов). В Римской республике повышение стоимости меди превратило плебеев в рабов патрициев.

«Так как даже самые крупные суммы приходилось выплачивать медью, то этот металл накоплялся в виде бесформенных масс или бесформенных кусков, которые отпускались и принимались на вес. Медь в этом состоянии называлась *aes grave* ***. Служивший деньгами металл взвешивался. {Первоначально у римлян медь не чеканилась, затем ее стали чеканить чеканом иностранных монет. «Царь Сервий был первым, кто обозначил медь изображением овец и быков» (*Plinius*. Historia naturalis. Книга XVIII, глава 3).}

После того как патриции накопили множество этого грубого тусклого металла,.. они старались отделаться от него, либо покупая у плебеев все

* — французских обывателей (буквально: «жаб»). *Ред*

** См. настоящий том, часть I, стр. 65—81, 87 и 95—98 *Ред.*

*** — тяжелая медь (определяемая на вес). *Ред.*

земли, которые те соглашались им продать, либо предоставляя им долгосрочные ссуды. Им приходилось дешево отдавать стеснявшие их ценности, приобретение которых ничего им не стоило. Конкуренция всех тех, кто хотел отделаться от этого металла, должна была в скором времени привести к значительному понижению цен на медь в Риме. В начале IV века от основания Рима, как видно из закона Менения (302 г. от основания Рима), отношение меди к серебру было 1 : 960...

Этот металл, столь обесцененный в Риме, вместе с тем был одним из наиболее ходких объектов торговли (так как греки изготовляли из бронзы художественные изделия и т. д.)... Благородные металлы ввозились в Рим для обмена на медь с огромной прибылью, и столь выгодная торговля вызывала все новый и новый ввоз их...

Постепенно патриции заменили в своих сокровищницах золотыми и серебряными слитками (aurum infectum, argentum infectum) эти груды старой меди, столь неудобные для хранения и столь неприятные на вид. После поражения Пирра, а в особенности после римских завоеваний в Азии... aes grave уже совершенно исчезла, и потребности обращения сделали необходимым введение греческой монеты под названием *викториата* *, серебряной монеты весом в полтора скрупула, как аттическая драхма; в VII веке от основания Рима закон Клодия сделал викториат римской монетой. Викториат обычно обменивался на фунт меди, или на *асс* из *12 унций*.

Таким образом, благодаря вывозу меди между серебром и медью установилось соотношение 192 : 1, т. е. впятеро меньшая пропорция, чем в эпоху наибольшего обесценения меди. Тем не менее медь в Риме все еще была дешевле, чем в Греции и в Азии.

По мере того как происходил этот великий переворот в меновой стоимости денежного материала, самым жестоким образом ухудшалось положение несчастных плебеев, которые, получив взаймы обесцененную медь и истратив или использовав ее соответственно тогдашнему курсу, по букве своих обязательств должны были выплатить сумму, впятеро бо́льшую той, которую реально получили взаймы. У них не было средств, чтобы выкупиться из кабалы... Тот, кто получил взаймы 3 000 ассов в то время, когда эта сумма равнялась 300 быкам или 900 скрупулам серебра, мог достать их теперь лишь за 4 500 скрупулов серебра, поскольку асс представлял собой $1^1/_2$ скрупула этого металла... Когда плебей возвращал $^1/_5$ полученной им взаймы меди, то он реально погашал свой долг, ибо $^1/_5$ как раз имела ту же стоимость, как 1 в эпоху, когда было заключено долговое обязательство. Медь повысилась в пять раз по своей стоимости сравнительно с серебром...

Плебеи потребовали пересмотра долгов, переоценки причитающихся сумм и перемены титула их первоначального обязательства... Хотя кредиторы не требовали возврата капитала, но сама уплата процентов была непосильной, так как проценты, первоначально равнявшиеся 12%, вследствие чрезмерного удорожания денег стали столь обременительными, как если бы составляли 60% капитала. В порядке компромисса должники добились закона, которым из капитала вычитались наросшие на него проценты...

Сенаторы противились тому, чтобы выпустить из рук средства, при помощи которых они держали народ в самой гнусной зависимости. Будучи хозяевами почти всей земельной собственности, вооруженные правовыми титулами, которые давали им право заковать должников в кандалы и подвергать их телесным наказаниям, они подавляли мятежи и неистов-

* — монеты с изображением богини победы. *Ред.*

ствовали против наиболее непокорных. Жилище каждого патриция было тюрьмой. Наконец, разжигали войны, которые обеспечивали должнику жалованье, вместе с приостановкой действия принудительных мер, и открывали для кредиторов новые источники богатства и власти.

Таково было внутреннее положение Рима в эпоху поражения Пирра, взятия Тарента и крупных побед над самнитами, луканцами и другими южноиталийскими народами и т. д... В 483 или 485 г. от основания Рима была выпущена первая римская серебряная монета, *либелла;* называлась она либеллой потому, что при малом весе равнялась фунту [libra] из 12 унций меди» (*G. Garnier.* Histoire de la monnaie. Tome second. Paris, 1819, стр. 7—24).

{*Ассигнаты* *.

«*«Национальное имущество. Ассигнат в 100 франков»* — законное платежное средство... Они отличались от всех других бумажных денег тем, что даже *не претендовали на представительство какой-либо определенной вещи.* Слова «национальное имущество» означали, что их стоимость может быть получена путем покупки на них конфискованных имуществ на постоянно проводившихся аукционах. Но не было никакого основания, почему эта стоимость называлась 100 франков. Она зависела от сравнительного количества имущества, которое можно было купить таким образом, и от числа выпущенных ассигнатов» (*N. W. Senior.* Three Lectures on the Cost of Obtaining Money. London, 1830, стр. 78, 79).

«*Счетный ливр,* введенный Карлом Великим, почти никогда не представленный реальной равноценной монетой, сохранил свое наименование, как и его подразделение на су и денье, до конца XVIII века, в то время как название, форма, размер, стоимость реальных монет без конца менялись не только при всякой смене государя, но и в одно и то же царствование. Стоимость счетного ливра также подвергалась огромным сокращениям,.. но это всегда были акты насилия и произвола» (*G. Garnier.* Histoire de la monnaie. Tome I. Paris, 1819, стр. 76, 77).

Все монеты в древности первоначально были мерами веса (там же).

«Деньги прежде всего — это товар, имеющий всеобщий сбыт, или такой товар, которым всякий торгует с целью добыть другие товары» ([*S. Bailey.*] Money and its Vicissitudes in Value. London, 1837, стр. 1). «Деньги — великий товар-*посредник*» (там же, стр. 2). «*Деньги — всеобщий товар контрактов,* или тот товар, в котором выражено большинство имущественных сделок, подлежащих выполнению в будущем» (стр. 3). Наконец, деньги суть «*мера стоимости*... Так как все товары обмениваются на деньги, то взаимная стоимость товаров *A* и *B* необходимым образом выражена в их денежной стоимости, или в их ценах... [VII—36] подобно тому, как сравнительный вес веществ показан их весом по отношению к весу воды, или их удельным весом» (стр. 4).

«Первое существенное требование состоит в том, чтобы деньги были единообразны по своим физическим качествам, так чтобы одинаковые количества их были настолько тождественны, чтобы не было основания предпочитать одно другому... Например, зерно и скот уже на этом основании непригодны к этому, потому что одинаковое количество зерна и одинаковое количество скота не всегда одинаковы в отношении тех качеств, за которые их предпочитают» (стр. 5, 6).

«*Неизменность стоимости,* столь желательная для денег как товара-посредника и товара контрактов, совершенно несущественна для денег

* — бумажные деньги, выпущенные во Франции Учредительным собранием во время революции конца XVIII в. и обращавшиеся в период 1790—1796 гг. *Ред.*

как меры стоимости» (стр. 9). «Стоимость денег может постоянно изменяться, и тем не менее они могут служить столь же хорошей мерой стоимости, как если бы они оставались совершенно неизменными по своей стоимости. Предположим, например, что стоимость денег уменьшилась, а уменьшение стоимости означает уменьшение стоимости по отношению к одному или нескольким товарам; предположим, что стоимость денег уменьшилась по отношению к хлебу и труду. До снижения стоимости денег на гинею можно было купить три бушеля пшеницы или шесть рабочих дней, а после этого снижения можно купить на гинею только два бушеля пшеницы или четыре рабочих дня. В обоих случаях, если дано отношение пшеницы и труда к деньгам, можно вывести их взаимоотношение, иными словами, мы можем установить, что бушель пшеницы стоит два рабочих дня. Это все, что требуется для измерения стоимости, и выполняется это столь же легко после снижения стоимости денег, как и до него. Высокое качество какой-нибудь вещи как меры стоимости совершенно не зависит от изменчивости стоимости этой вещи... Смешивают неизменность стоимости с неизменностью пробы [драгоценного металла] и веса... Так как то, что конституирует стоимость, есть распоряжение некоторым *количеством*, то для измерения стоимости необходимо в качестве единицы пользоваться *определенным количеством* вещества какого-либо единообразного товара, и неизменным должно быть именно это определенное *количество* вещества единого качества» (стр. 9—11).

«Во всех денежных контрактах дело идет о *количестве* одалживаемого золота и серебра, а не о стоимости» (стр. 102, 103). «Если бы кто-либо стал настаивать на том, что контракт касается определенной *стоимости*, то он обязан был бы сказать, по отношению к какому товару: таким образом, он утверждал бы, что денежный контракт относится не к некоему количеству денег, как это в нем выражено, а к некоему количеству какого-то товара, о котором в нем не упоминается» (стр. 104).

«Сказанное выше не следует ограничивать теми контрактами, при которых действительно одалживаются *деньги*. Оно применимо ко всем обязательствам о будущих денежных платежах, будь то платежи за различные товары, проданные в кредит, или платежи за услуги, или за наем земли или домов; они находятся в тех же самых условиях, что и чистые займы, предоставляемые в товаре-посреднике. Если продавец *A* продает тонну железа покупателю *B* за 10 ф. ст. с 12-месячным кредитом, то в результате это то же самое, что дать взаймы 10 ф. ст. на год, и интересы обеих сторон как в том, так и в другом случае будут одинаково затронуты изменением стоимости денег» (стр. 110, 111).

Определенные и неизменные доли денежной субстанции, долженствующие служить единицей-мерой, получают определенные наименования, и закрепление за ними этих наименований смешивают с фиксированием *цены* денег. Проистекающая отсюда путаница обнаруживается между прочим также у высокопарного романтика политической экономии г-на Адама Мюллера. Он говорит в частности:

«Каждый понимает, насколько важно правильное *определение монетной цены*, особенно в такой стране, как Англия, где правительство с великодушной щедростью» (т. е. за счет страны и к выгоде торговцев слитками из Английского банка) «чеканит безвозмездно, где не взимается монетная пошлина и т. д. и где, следовательно, если бы правительство назначило значительно более высокую монетную цену, чем рыночная цена, если бы

оно, вместо того чтобы, как теперь, платить за унцию золота 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., назначило бы монетную цену унции в 3 ф. ст. 19 ш., то все золото потекло бы в монетный двор, а полученное там серебро было бы обменено на рынке на более дешевое рыночное золото и, таким образом, вновь поступило бы в монетный двор, так что денежное хозяйство пришло бы в расстройство» (*А. Н. Müller.* Die Elemente der Staatskunst. Zweiter Theil. Berlin, 1809, S. 280, 281).

Таким образом, г-н Мюллер не знает, что пенс и шиллинг являются в Англии лишь наименованиями определенных долей унции золота. Так как серебряные и медные монеты, — которые, nota bene *, чеканятся не соответственно [стоимостному] отношению серебра и меди к золоту, а лишь как простые знаки для одноименных долей золота и поэтому подлежат приему при платежах лишь в весьма небольшом количестве, — в обращении носят название шиллингов и пенсов, то он воображает, что унция золота делится на золотые, серебряные и медные монеты (т. е. у него получается тройной стандарт стоимости). Затем немного далее он снова вспоминает, что в Англии не существует двойного стандарта, а значит, тем более не существует тройного. Неясность представлений г-на Мюллера относительно «обыденных» экономических отношений есть реальная основа его «более высокой» концепции.

Из общего закона, что совокупная цена обращающихся товаров определяет массу средств обращения (при данном уровне скорости обращения), вытекает, что на определенной ступени роста стоимостей, брошенных в обращение, более драгоценный металл, металл большей удельной стоимости, — т. е. тот, который при меньшем объеме содержит больше рабочего времени, — заменяет менее драгоценные металлы как господствующее средство обращения; т. е. медь, серебро, золото вытесняют друг друга в качестве господствующего средства обращения. Ту же самую совокупную сумму цен можно привести в обращение в 14 раз меньшим количеством золотых монет, чем серебряных. Медные и тем более железные монеты как господствующее средство обращения предполагают слабость обращения. Совершенно таким же образом более мощные, но более дорогие средства транспорта и пути сообщения заменяют менее дорогие по мере роста обращающейся товарной массы и обращения вообще.

С другой стороны, ясно, что мелкая розничная торговля в повседневной жизни требует меновых сделок весьма ограниченного масштаба, тем более мелких, чем беднее страна и чем слабее вообще обращение. В этой розничной торговле, где

* — заметьте это хорошенько. *Ред.*

обращаются весьма небольшие количества товаров, а следовательно, и очень небольшие стоимости, деньги в самом подлинном смысле слова выступают лишь в виде мимолетного средства обращения и не закрепляют себя в виде реализованной цены. Для этой торговли вводится поэтому вспомогательное средство обращения, которое представляет собой лишь знак определенных долей господствующего средства обращения. Это — серебряные и медные разменные деньги, которые поэтому и чеканятся не в соответствии с отношением стоимости их субстанции к стоимости, например, золота. Здесь деньги выступают только как знак,хотя все же в относительно ценной субстанции. Например, золото пришлось бы разделить на слишком мелкие частицы для того, чтобы они могли соответствовать как эквивалент дроблению товаров, требующемуся при этой розничной торговле.

Поэтому эти вспомогательные средства обращения служат законным платежным средством лишь в небольшом количестве, вследствие чего они и не могут утвердиться в качестве реализации цен. [VII—37] Так, например, в Англии медь в сумме 6 пенсов, серебро в сумме 20 шиллингов. Чем более развитым является вообще обращение, чем значительнее сумма цен товаров, вступающих в обращение, тем более резко отличается их оптовый обмен от розничного обмена и тем в большей степени они нуждаются в различных видах денег для обращения. Скорость обращения разменных денег обратно пропорциональна величине их стоимости.

«На ранних ступенях развития общества, когда нации бедны, а их платежи незначительны, медь часто соответствовала всем требованиям обращения и чеканилась в виде монет весьма низкого достоинства с целью облегчить ничтожный обмен, который тогда производился.Так это было в ранний период Римской республики и в Шотландии» (*D. Buchanan*. Observations on the Subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Edinburgh, 1814, стр. 3).

«Общее богатство страны весьма точно измеряется природой ее платежей и состоянием ее монетной системы; и решительное преобладание грубого металла в ее денежной системе в сочетании с пользованием монетами весьма низкого достоинства характеризует примитивное состояние общества» (стр. 4). В дальнейшем «денежное обращение делится на две различные части: функции по крупным платежам выполняются более драгоценными металлами, низшие металлы, напротив, сохраняются для мелких сделок и таким образом играют чисто вспомогательную роль по отношению к главному средству обращения. Между первоначальным введением какого-либо благородного металла в денежное обращение страны и исключительным пользованием им для крупных платежей — большой промежуток времени; платежи в розничной торговле должны тем временем стать настолько значительными вследствие роста богатства, что они, по крайней мере частично, могут с удобством производиться при помощи новых и более ценных монет; ибо для производства крупных платежей нельзя пользоваться такой монетой» (это неверно, как показывают банк-

ноты), «которая одновременно не была бы пригодна и для сделок в розничной торговле. Ведь каждый торговец в конечном счете получает обратно свой капитал от потребителя...

Повсюду на континенте серебро сохранилось в крупных платежах... В Великобритании количество обращающегося серебра не превышает количества, необходимого для мелких платежей... Фактически лишь немногие платежи в сумме 20 шиллингов производятся в серебре... До царствования Вильгельма III серебро приносили в казначейство в больших мешках для уплаты государственных сборов. В этот период произошла большая перемена... Исключительное пользование золотом для крупных платежей в Англии было ясным доказательством того, что *в эту эпоху суммарные платежи в розничной торговле производились, главным образом, в золоте;* это возможно и без того, чтобы единичные платежи всегда превышали или хотя бы равнялись какой-либо из золотых монет; ибо при общем изобилии золота и недостатке серебра золотые монеты, естественно, предлагались для уплаты небольших сумм, а взамен требовали сальдо в серебре; вследствие этого участие золота в розничной торговле, сокращающее пользование серебром даже для мелких платежей, предупреждало его *накопление* в руках мелких торговцев... Одновременно с введением в Англии золота для крупных платежей, взамен серебра» (1695 г.), «в Швеции серебро заменило медь...

Ясно, что деньги, применяемые для крупных платежей, будут приниматься лишь по их внутренней стоимости... Но *для вспомогательных денег не требуется внутренней стоимости...* В Риме, пока там преобладали медные монеты, они котировались по их внутренней стоимости... За 5 лет до начала первой Пунической войны были выпущены серебряные монеты, которые лишь постепенно вытеснили медь из крупных платежей... Через 62 года после введения серебряных монет — в римскую денежную систему было введено золото, но оно по-видимому никогда не вытесняло серебра из крупных платежей... В Индии медные деньги не являются вспомогательными; поэтому они принимаются по их внутренней стоимости. Рупия, серебряная монета в 2 шиллинга 3 пенса, служит расчетной денежной единицей; по отношению к ней золотой монете (могуру) и медной монете (пайсу) предоставляется возможность находить свой курс на рынке; количество медных монет, обмениваемых по курсу на рупию, постоянно меняется в зависимости от веса и стоимости монеты, в то время как в Англии 24 полупенса всегда равняются 1 шиллингу, независимо от их веса. В Индии розничный торговец все еще вынужден принимать значительные количества меди в обмен на свои товары и поэтому он не может принимать ее иначе, как по ее внутренней стоимости... В денежных системах Европы медные деньги принимаются по той стоимости, которая обозначена на них, независимо от их веса и пробы» (стр. 4—18).

В Англии «в 1798 г. было выпущено частными купцами чрезмерное количество медной монеты; и хотя медные деньги подлежат приему в количестве, не превышающем 6 пенсов, этот излишек нашел путь к розничным торговцам; последние снова пытались пустить медь в обращение; но она в конце концов вернулась к ним обратно. Когда выпуск медных монет был приостановлен, медь накопилась у розничных торговцев в суммах в 20, 30 и даже 50 ф. ст., и они были вынуждены в конце концов сбывать ее по ее внутренней стоимости» (стр. 31).

В разменных вспомогательных деньгах средство обращения как таковое, как всего лишь мимолетное средство, приобретает особое существование наряду с таким средством обращения,

которое вместе с тем является эквивалентом, реализующим цену и накопляемым как самостоятельная стоимость. Следовательно, здесь эти деньги только знак. Их поэтому можно выпускать лишь в таком количестве, которое абсолютно требуется для мелкой розничной торговли и исключает возможность их накопления. Количество разменных вспомогательных денег должно определяться приводимой ими в обращение массой цен, деленной на скорость обращения. Так как масса средств обращения, имеющих определенную стоимость, определяется ценами, то из этого вытекает само собой, что если бы искусственно было пущено в обращение большее количество разменных денег, чем требуется обращением, и если бы это количество не могло уходить из обращения (что здесь не имеет места, так как эти деньги в качестве средства обращения имеют стоимость, превышающую их внутреннюю стоимость), то они были бы обесценены; не потому, что количество денег определяет цены, а потому, что цены определяют количество денег и, следовательно, лишь определенное количество денег определенной стоимости может остаться в обращении.

Таким образом, если не имеется никаких отдушин, через которые обращение может удалить излишнее количество денег, то средство обращения не может превратить свою форму средства обращения в форму самодовлеющей стоимости, и тогда стоимость средства обращения должна понизиться. Но это может иметь место, — не считая искусственных препятствий, запрещений переплавки в слитки, вывоза и т. д., — только в том случае, если средство обращения является всего лишь знаком, не обладает само реальной стоимостью, соответствующей его номинальной стоимости, следовательно не может перейти из формы средства обращения в форму товара вообще, не может сбросить своей чеканки, если оно приковано к своему существованию в виде монеты.

С другой стороны, из этого следует, что знаки, разменные деньги, могут обращаться по номинальной стоимости денег, представляемых ими, не обладая никакой собственной стоимостью, — в том случае, если они представляют средство обращения лишь в таком количестве, в каком оно обращалось бы само. Но тогда является условием, чтобы они или имелись налицо в столь небольшом количестве, чтобы они обращались лишь во вспомогательной форме, ни на мгновенье не переставая быть средством обращения (когда они постоянно служат отчасти для обмена мелких количеств товара, отчасти лишь для размена настоящего средства обращения), т. е. чтобы они не могли быть предметом накопления, — или же они не должны обладать

никакой стоимостью, так чтобы их номинальная стоимость никогда не могла сопоставляться с их внутренней стоимостью. В последнем случае они положены как всего лишь *знак,* который посредством самого себя указывает на стоимость как существующую вне его. В первом случае дело никогда не доходит до того, чтобы их внутренняя стоимость сопоставлялась с их номинальной стоимостью.

[VII—38] Поэтому фальсификация денег сразу сказывается, между тем как полное уничтожение их стоимости не вредит. Иначе могло бы показаться парадоксальным, что золото можно заменить ничего не стоящей бумагой, но что малейшее уменьшение металлического содержания золотой монеты обесценивает ее.

Вообще двойное определение денег в обращении противоречиво: служить всего лишь средством обращения там, где они являются мимолетным опосредствованием, и одновременно служить реализацией цен, в каковой форме они накопляются и переходят в третье определение денег. В качестве средства обращения они изнашиваются, т. е. не содержат того количества металла, какое превращает их в определенное количество овеществленного труда. Поэтому их соответствие собственной стоимости всегда более или менее иллюзорно. Привести пример.

Важно уже в этом пункте главы о деньгах ввести определение количества, но аргументируя совершенно обратным образом, нежели в обычной доктрине. Деньги можно заменить потому, что их количество определяется ценами, которые они приводят в обращение. Если сами деньги обладают стоимостью — как это имеет место во вспомогательных средствах обращения, — то их количество должно определяться таким образом, чтобы они никогда не могли накопляться как эквивалент и фактически всегда фигурировали бы лишь как побочное колесо настоящего средства обращения. Если же они должны заменять само это настоящее средство обращения, то они не должны иметь никакой стоимости, т. е. их стоимость должна существовать вне их. Колебания в обращении определяются размером и количеством сделок («*The Economist*»). Обращение может увеличиться при неизменяющихся ценах вследствие увеличения количества товаров; при неизменяющемся количестве товаров — вследствие роста их цен; наконец — вследствие того и другого одновременно.

Положение, что цены регулируют количество средств обращения, а не количество средств обращения — цены, или иными словами, что торговля регулирует денежное обращение (количество средств обращения), а не денежное обращение регулирует торговлю, предполагает, конечно, как показала наша дедукция, что цена есть только стоимость, переведенная на

другой язык. Стоимость, и притом стоимость, определяемая рабочим временем, есть предпосылка. Ясно поэтому, что этот закон не применим одинаково к колебаниям цен во все эпохи; например, в античном мире, в Риме, где средства обращения проистекают не из самого обращения, из обмена, а добываются путем разбоя, грабежа и т. д.

«Ни одна страна, если она поступает последовательным образом, не может иметь более одного стандарта для *измерения стоимости,* ибо этот стандарт должен быть единообразным и неизменным. Ни один товар не обладает единообразной и неизменной стоимостью по отношению к другим: он имеет таковую лишь по отношению к самому себе. Золотая монета всегда стоит столько же, сколько другая золотая монета в точности той же пробы, того же веса и в том же месте; но этого нельзя сказать про золото *и* какой-либо другой товар, например серебро» («*The Economist*», том I, № 37 от 11 мая 1844 г., стр. 771). «*Фунт стерлингов* есть не что иное, как счетное наименование, имеющее отношение к данному определенному количеству золота стандартного качества» (там же). «Сказать, что унции золота можно придать стоимость 5 ф. ст. вместо 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п., значит сказать только то, что в дальнейшем из нее будут чеканить 5 соверенов * вместо $3^{429}/_{480}$ соверена. Мы тем самым изменили бы не *стоимость золота,* а лишь *вес* и, следовательно, *стоимость фунта стерлингов,* или *соверена*. Унция золота обладала бы той же самой стоимостью, как и прежде, по отношению к пшенице и всем прочим товарам, но так как фунт стерлингов, несмотря на то, что он носил бы то же самое наименование, представлял бы собой менее значительную часть унции золота, то он соответственно представлял бы меньшее количество пшеницы и прочих товаров. То же самое имело бы место, если бы мы сказали, что *квартер пшеницы будет делиться не на 8, а на 12 бушелей;* таким путем мы не могли бы изменить стоимость пшеницы, а могли бы лишь уменьшить количество пшеницы, содержащееся в одном бушеле и, следовательно, его стоимость» (там же, стр. 772).

«Какие бы временные или постоянные изменения ни происходили [в стоимости золота], его *цена* всегда будет выражаться той же денежной суммой; унция золота, как и прежде, будет равна 3 ф. ст. 17 ш. $10^1/_2$ п. наших денег. Изменение его стоимости проявляется в большем или меньшем количестве товаров, которое можно на него купить» («The Economist», том I, № 42 от 15 июня 1844 г., стр. 890).

Идеальный брусок следует сравнить, например, с *идеальным мильрейсом* в Буэнос-Айресе (также с английским фунтом стерлингов во время обесценения банкнот и т. д.). Постоянным является здесь название *мильрейс*, переменным — количество золота или серебра, выражаемое им.

«В Буэнос-Айресе бумажные деньги (бумажные доллары) не обратимы в золото. Эти доллары сначала равнялись 4 шиллингам 6 пенсам каждый; теперь они равны приблизительно $3^1/_4$ пенса и опускались до $1^1/_2$ пенса. Ярд сукна прежде стоил 2 доллара, теперь — *номинально* 28 долларов вследствие обесценения бумажных денег» [«The Economist», том I, № 57 от 28 сентября 1844 г., стр. 1253].

* — английских золотых монет в 1 ф. ст. каждая (с изображением короля или королевы). *Ред.*

«В Шотландии *средством обмена*» (не смешивать со стандартом стоимости!), «начиная с 1 ф. ст. и выше, служат исключительно бумажные деньги, а золото вовсе не обращается; тем не менее золото настолько же является стандартом стоимости, как если бы в обращении не было ничего иного, ибо бумажные деньги подлежат обмену на *то же самое установленное количество* этого металла; и они обращаются лишь на основе веры в их обратимость в золото» («The Economist», том I, № 58 от 5 октября 1844 г., стр. 1275).

«Гинеи * *припрятываются* во времена недоверия» (*Thornton.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain. London, 1802, стр. 48).

Независимо от тех поразительных форм, в которых выступает это припрятывание денег, самый *принцип припрятывания* денег, которые здесь функционируют как самостоятельная стоимость, представляет собой *один из моментов,* необходимых при обмене, покоящемся на денежном обращении, ибо, как говорит Адам Смит [67], каждому, помимо своего собственного товара, необходимо иметь некоторое количество, определенную долю «всеобщего товара».

«Человек, владеющий коммерческим предприятием, вкладывает в него свое имущество» (*Thornton.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain. London, 1802, стр. 21).}

[6) К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТОИМОСТИ ТОВАРА ТРУДОМ]

«Равновеликие капиталы, или, другими словами, одинаковые количества накопленного труда, нередко приводят в движение различные количества непосредственного труда, но это нисколько не меняет дела» (*Torrens.* An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, стр. 29—30). «В ранний период развития общества *относительную стоимость товаров определяет* совокупное количество затраченного на их производство труда, накопленного и непосредственного. Но начиная с того времени, когда возникает накопление капитала и устанавливается различие между классом капиталистов и классом рабочих, когда тот, кто выступает как предприниматель в какой-нибудь отрасли производства, не сам выполняет работу в своем предприятии, а авансирует другим средства существования и материалы,— начиная с этого времени меновую стоимость товаров определяет количество затраченного в производстве капитала, или накопленного труда» (стр. 33, 34). «Если два капитала равны, то *стоимости* их продуктов будут *равны,* как бы ни было различно количество непосредственного труда, какое они приводят в движение, или какого требуют их продукты. Если эти капиталы неравны, то их продукты будут иметь неравную стоимость, хотя бы совокупное количество труда, затраченного на продукт каждого из них, было совершенно одинаковым» (стр. 39). Итак, «после указанного обособления капиталистов и рабочих меновую стоимость начинает определять величина капитала, количество накопленного труда, а не — как до этого обособления — сумма накопленного *и* непосредственного труда, затраченного на производство товара» (стр. 39—40).

---

* — английские золотые монеты, равные 21 шиллингу. *Ред.*

Путаница г-на Торренса правомерна по отношению к абстрактной манере рикардианцев. Сама по себе она в корне ложна. Во-первых, определение стоимости чистым рабочим временем имеет место только на основе производства [VII—39] капитала, т. е. только на основе обособления двух классов. Уравнивание *цен* вследствие одинаковой средней нормы прибыли — (и даже это надо понимать cum grano salis *) — не имеет *ничего* общего с определением стоимости, а, напротив, *предполагает* ее. Это место важно для того, чтобы показать путаницу рикардианцев.

Норма прибавочной стоимости, понимаемой в смысле прибыли, определяется 1) величиной самой прибавочной стоимости, 2) отношением живого труда к накопленному (отношением капитала, затраченного на заработную плату, к капиталу, примененному как [постоянный] капитал). Необходимо отдельно исследовать обе причины, определяющие пункты первый и второй. Например, закон ренты относится к первому пункту. Пока что предположим необходимый труд как таковой, т. е. предположим, что рабочий всегда получает лишь необходимый минимум заработной платы. Это предположение, разумеется, необходимо для того, чтобы установить законы прибыли, поскольку они определяются не повышением и понижением заработной платы или влиянием земельной собственности. Все *твердые* предпосылки сами становятся текучими в ходе дальнейшего анализа. Но лишь благодаря тому, что они твердо устанавливаются в самом начале, возможен дальнейший анализ без перепутывания всего. Кроме того, практика показывает, что, например, каким бы различным ни был в разные эпохи и в разных странах стандарт необходимого труда, или как бы ни изменялась его относительная величина в результате изменения цен на сырые продукты или его абсолютная и относительная величина в результате спроса и предложения труда, во всякую данную эпоху капиталу приходится рассматривать этот стандарт как некую твердую величину и оперировать им соответственно этому. Рассмотрение самих этих изменений всецело относится к главе, трактующей о наемном труде.

«Меновая стоимость определяется не абсолютными, а относительными издержками производства. Если бы издержки производства золота остались теми же, тогда как издержки производства всех прочих вещей возросли вдвое, то уменьшилась бы покупательная способность золота по отношению ко всем остальным вещам; его меновая стоимость понизилась бы вдвое; и результат этого уменьшения меновой стоимости золота был бы точно таким же, как если бы издержки производства всех других вещей остались

* — дословно: «с крупинкой соли»; в переносном смысле: «с оговоркой», «не вполне буквально». *Ред.*

неизменными, в то время как издержки производства золота сократились вдвое» (*Торренс*, цит. соч., стр. 56—57).

Это важно для цен. Для определения стоимости это совершенно не важно; чистая тавтология. Стоимость товара определяется количеством содержащегося в нем труда. Это значит, что товар обменивается на то же самое количество труда во всякой иной форме потребительной стоимости. Поэтому ясно, что если рабочее время, необходимое для производства предмета *a*, удвоится, то лишь половина этого предмета будет равняться его прежнему эквиваленту *b*. Так как эквивалентность определяется равенством рабочего времени или количества труда, то различие стоимостей, разумеется, определяется неравенством рабочего времени, или рабочее время есть мера стоимости.

* * *

«В 1826 г. различные машины, применяемые в хлопчатобумажном производстве, давали одному человеку возможность выполнять работу 150 человек. Если предположить, что в этой отрасли занято в настоящее время лишь 280 000 человек, то 50 лет тому назад там должно было бы быть занято 42 миллиона» (*Hodgskin*. Popular Political Economy. London, 1827, стр. 72) [Русский перевод, стр. 88].

«Относительная стоимость драгоценных металлов в их сопоставлении с другими товарами определяет то количество металла, которое следует давать взамен других вещей; а количеством сделок купли-продажи за данный период определяется количество требующихся денег, в той мере, в какой деньги являются орудием купли-продажи» (там же, стр. 188) [Русский перевод, стр. 163].

«Есть много оснований полагать, что практика чеканки монет берет начало от индивидов и проводилась ими до того, как чеканка была захвачена и монополизирована правительствами. Так в течение долгого времени обстояло дело в России (см. *Шторха* [68])» (там же, стр. 195, примечание) [Русский перевод, стр. 168].

Годскин иного мнения, нежели романтический Мюллер *:

«Монетный двор только чеканит то, что доставляют индивиды, весьма неблагоразумно не взимая с них при этом платы за работу по чеканке и облагая нацию в интересах тех, кто торгует деньгами» (там же, стр. 194) [Русский перевод, стр. 167].

[7)] МАШИНЫ И ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД. КАПИТАЛ И ПРИБЫЛЬ

После всех этих отступлений о деньгах, — а нам еще придется при случае снова делать такого рода отступления до окончания этой главы, — вернемся к нашей исходной точке (см. стр. 25 **).

* См. настоящий том, часть II, стр. 324—325. *Ред.*
** Там же, стр. 293. *Ред.*

Пример того, как даже и в обрабатывающей промышленности усовершенствование машин и вызванное этим увеличение производительной силы создает *сырой материал* (относительно), вместо того чтобы потребовать абсолютного увеличения такового:

«*Фабричная система* в льняной промышленности возникла весьма недавно. До 1828 года подавляющая масса льна перерабатывалась в пряжу в Ирландии и Англии ручным способом. Около этого времени льнопрядильные машины были настолько усовершенствованы, особенно благодаря настойчивости г-на Питера Фэрберна из Лидса, что получили всеобщее применение. С этого времени в Белфасте и других местах северной Ирландии, как и в различных местностях Йоркшира, Ланкашира и Шотландии, начинают весьма интенсивно строить прядильные фабрики для изготовления тонкой льняной пряжи, и спустя немного лет ручное прядение прекратилось... Тонкая очёсочная пряжа теперь фабрикуется из того, что 20 лет тому назад выбрасывалось как отходы» («The Economist» от 31 августа 1850 г., стр. 954).

При всяком применении машин — рассмотрим вопрос сначала так, как он непосредственно выступает, а именно так, что капиталист, вместо того чтобы вкладывать некоторую часть своего капитала в непосредственный труд, вкладывает ее в машины,— некоторая порция капитала отнимается от переменной и увеличивающейся части его, т. е. от части, обмениваемой на живой труд, и добавляется к постоянной части, стоимость которой лишь воспроизводится или сохраняется в продукте. Но это делается для того, чтобы повысить производительность остающейся части переменного капитала.

Первый случай: стоимость машины равняется стоимости заменяемой ею рабочей силы. В этом случае вновь произведенная стоимость не увеличивается, а уменьшается, если прибавочное рабочее время остальной части рабочей силы не возрастает в той же мере, в какой уменьшилось ее количество. Если из 100 рабочих увольняется 50, заменяемых машинами, то эти 50 остающихся рабочих должны дать столько же прибавочного рабочего времени, сколько давали прежние 100. Если из 1 200 ежедневных рабочих часов 100 рабочих давали 200 прибавочных часов, то теперь оставшиеся 50 рабочих должны дать столько же прибавочного рабочего времени, т. е. ежедневно 4 часа вместо прежних 2. В этом случае прибавочное рабочее время ($50 \times 4 = 200$) то же самое, как прежде ($100 \times 2 = 200$), несмотря на то, что сократилось абсолютное рабочее время. В этом случае для капитала, которому важно лишь производство прибавочного труда, положение то же самое. В этом случае перерабатываемое сырье остается тем же самым; следовательно, остаются теми же самыми и затраты на него; затраты на орудия труда увеличились бы;

затраты на труд уменьшились бы. Общая стоимость продукта была бы та же самая, потому что равнялась бы той же самой сумме овеществленного и прибавочного рабочего времени.

Подобное положение не служило бы вовсе для капитала побуждением [к введению машин]. То, что капитал приобрел бы с одной стороны — в смысле прибавочного рабочего времени, он потерял бы на той части капитала, которая вошла в производство как овеществленный труд, т. е. как постоянная стоимость. Однако надо иметь в виду, что машина заменила несовершенные орудия производства, обладавшие определенной стоимостью, т. е. приобретенные в обмен на определенную сумму денег. Если не для капиталиста, уже ведущего дело, то для того, кто впервые приступает к делу, из издержек на машины должна быть вычтена та часть капитала, которая затрачивалась [на орудия производства] при низшем уровне производительной силы.

[VII—40] Если, таким образом, при приобретении машины за 1 200 ф. ст. (цена рабочей силы 50 рабочих) отпадает прежний расход на орудия производства, например в размере 240 ф. ст., то дополнительные издержки капитала [на машину] равняются только 960 ф. ст. (цене 40 рабочих за год). Следовательно, в этом случае, если остающиеся 50 рабочих производят точно такое же количество прибавочного труда, как прежние 100, то теперь 200 прибавочных рабочих часов производятся капиталом, равным 2 160 ф. ст., а прежде — капиталом, равным 2 400 ф. ст. Число рабочих сократилось наполовину, абсолютная величина прибавочного труда осталась прежней — 200 рабочих часов. Капитал, затраченный на материал труда, также остался тот же, но отношение прибавочного труда к постоянной части капитала абсолютно увеличилось.

Так как капитал, затраченный на сырье, остался неизменным, а капитал, затраченный на машины, увеличился, но не пропорционально уменьшению капитала,затраченного на труд, то *совокупные затраты капитала уменьшились;* прибавочный труд остался неизменным, т. е. возрос по отношению к капиталу, не только пропорционально росту прибавочного рабочего времени, необходимому для сохранения его прежнего размера при уменьшении числа рабочих вдвое, но и в большем размере, а именно: соответственно тому отношению, в котором затрата на прежние средства производства вычитается из издержек на новые средства производства.

Введение машин, или, говоря более общо, такое увеличение производительной силы, при котором сама эта производительная

сила имеет своим субстратом овеществленный труд и, следовательно, требует издержек, так что часть доли капитала, прежде затрачивавшейся на труд, затрачивается как составная часть капитала, вступающая в процесс производства в качестве постоянной стоимости,— такое увеличение производительной силы может иметь место лишь тогда, когда совокупное количество прибавочного рабочего времени не только остается тем же самым [по своей абсолютной величине] и, следовательно, возрастает по отношению к примененному живому труду, но возрастает в большей степени, чем отношение стоимости машин к стоимости уволенных рабочих.

Это может иметь место либо потому, что вычитаются все расходы на прежнее орудие производства. В этом случае *общая сумма затраченного капитала уменьшается,* и несмотря на то, что отношение общей суммы применяемого труда к постоянной части капитала уменьшилось, прибавочное рабочее время осталось тем же самым и поэтому возросло не только по отношению к капиталу, затраченному на труд, к необходимому рабочему времени, но также и по отношению к капиталу в целом, к стоимости всего капитала в целом, ибо последняя уменьшилась.

Или же стоимость машин может равняться стоимости ставшего теперь излишним живого труда, но отношение прибавочного труда [к необходимому в] остающейся части [переменного] капитала увеличилось в такой степени, что 50 рабочих дают не только такое же количество прибавочного труда, как прежние 100, но и больше. Положим, например, что каждый рабочий дает вместо 4-х часов $4^1/_4$ часа. Но в этом случае требуется больший объем капитала, идущего на сырье и т. д., словом — больший совокупный капитал.

Если капиталист, который нанимал прежде 100 рабочих, получавших 2 400 ф. ст. в год, уволит 50 рабочих и заменит их машиной, стоящей 1 200 ф. ст., то эта машина — хотя она стоит капиталисту столько же, сколько ему стоили прежние 50 рабочих, — является продуктом меньшего количества рабочих, так как капиталист, покупающий машину, оплачивает капиталисту, у которого он ее покупает, не только необходимый труд, но и прибавочный труд. А если наш капиталист сам строит для себя машину, то, будь она продукт 50 рабочих, он применил бы их только для необходимого труда.

Итак, при применении машин имеет место увеличение прибавочного труда и абсолютное уменьшение необходимого рабочего времени. Это может сопровождаться как абсолютным уменьшением применяемого капитала, так и ростом его.

* * *

Прибавочная стоимость как положенная самим капиталом и измеряемая ее числовым отношением к стоимости всего капитала — есть *прибыль*. Живой труд в качестве присвоенного и поглощенного капиталом выступает как его [капитала] собственная жизненная сила, как его самовоспроизводящая сила, притом еще видоизмененная его собственным движением, обращением, и присущим его собственному движению временем, временем обращения. Только так капитал и положен в качестве стоимости, увековечивающей и умножающей саму себя, причем он отличает себя в качестве предположенной стоимости от самого себя как положенной стоимости.

Так как в производство вступает весь капитал и его различные составные части в качестве капитала отличаются друг от друга лишь формально и одинаково являются суммами стоимости, то созидание стоимости представляется одинаково имманентным всем этим частям. Кроме того, так как часть капитала, обмениваемая на труд, функционирует производительно лишь *при одновременном наличии остальных частей капитала,* — а относительная величина этой производительности обусловлена величиной стоимости и т. д., различным назначением этих частей в их соотношении друг с другом (в качестве основного капитала и т. д.),— то производство прибавочной стоимости, прибыли, кажется одинаково определяемым всеми частями капитала. Так как, с одной стороны, условия труда даны как объективные составные части капитала, а, с другой стороны, сам труд дан как включенная в его состав активность, то весь процесс труда выступает как процесс самого капитала, а производство прибавочной стоимости — как его продукт, величина которого и измеряется поэтому не тем прибавочным трудом, к которому капитал принуждает рабочего, а как увеличенная производительность, сообщаемая капиталом труду.

Настоящий продукт капитала есть прибыль. Постольку капитал теперь представлен как источник богатства. А поскольку капитал создает потребительные стоимости, он производит потребительные стоимости, но *потребительные стоимости, определяемые стоимостью:* «именно стоимость образует продукт» (Сэй [60]). В этом смысле капитал производит для потребления. Поскольку капитал увековечивает себя путем постоянного возобновления труда, он выступает в качестве перманентной стоимости, предназначенной для производства, которое зависит от его сохранения. Поскольку капитал все время снова обменивается на труд, он выступает как рабочий фонд.

Рабочий, разумеется, не может производить без предметных условий труда. [VII—41] Эти условия труда отделены от него в капитале и противостоят ему как нечто самостоятельное. Он может относиться к ним как к условиям труда лишь тогда, когда сам его труд предварительно присвоен капиталом. С точки зрения капитала представляется, что не объективные условия труда необходимы рабочему, а необходимо то, чтобы они существовали *самостоятельно в противовес рабочему, чтобы рабочий был оторван от них, чтобы они принадлежали капиталисту* и чтобы снятие этого отрыва происходило лишь таким путем, что рабочий уступает капиталу свою производящую силу, взамен чего капитал сохраняет его как абстрактную рабочую силу, т. е. именно как простую способность воспроизводить богатство в виде противостоящего ему капитала как силы, господствующей над ним.

Таким образом, все части капитала приносят прибыль одновременно — как оборотная часть (затраченная на заработную плату, сырье и т. д.), так и часть, затраченная на основной капитал. Капитал может воспроизводиться или в форме оборотного капитала, или в форме основного капитала. Так как мы выше, при рассмотрении обращения, видели *, что стоимость капитала притекает обратно в различных формах, смотря по тому, какую из обеих этих форм она приняла, и так как с точки зрения капитала, производящего прибыль, притекает обратно не просто стоимость, а стоимость капитала вместе с прибылью, стоимость самосохраняющаяся и стоимость самовозрастающая, то в этих двух формах капитал будет выступать как приносящий прибыль в различной форме.

Оборотный капитал целиком входит в обращение, со своей потребительной стоимостью как носителем своей меновой стоимости, и таким образом обменивается на деньги, т. е. продается целиком, хотя в каждом отдельном случае лишь часть его поступает в обращение. Но на протяжении одного оборота оборотный капитал в виде продукта полностью перешел в потребление (будь то потребление индивидуальное или же производительное), и стоимость его полностью была воспроизведена. В эту стоимость включена прибавочная стоимость, которая выступает теперь как прибыль. Оборотный капитал отчуждается как потребительная стоимость для того, чтобы быть реализованным как меновая стоимость. Это есть, таким образом, *продажа с прибылью*.

Мы видели, напротив, что основной капитал притекает обратно лишь по частям в течение нескольких лет, нескольких циклов

* См. настоящий том, часть II, стр. 227—248 и 250—257. *Ред.*

оборотного капитала, и притом лишь по мере изнашивания (в непосредственном акте производства), вступает в обращение как меновая стоимость и притекает обратно как таковая *. Но теперь и вступление в обращение, и притекание обратно меновой стоимости положены как вступление и возвращение не только капитальной стоимости, но вместе с тем и прибыли, так что определенной доле капитала соответствует определенная доля прибыли.

«Капиталист ожидает одинаковой выгоды от всех авансируемых им частей капитала» (*Malthus*. Principles of Political Economy. 2nd edition. London, 1836, стр. 268).

«Богатство и стоимость, быть может, теснее всего связаны тем обстоятельством, что стоимость необходима для производства богатства» (там же, стр. 301).

{*«Основной капитал»* (на хлопчатобумажных фабриках) «обычно относится к оборотному капиталу как 4 : 1, так что фабрикант, у которого имеется 50 000 ф. ст., тратит 40 000 ф. ст. на постройку своей фабрики и оборудование ее машинами и лишь 10 000 ф. ст. на закупку сырья (хлопок, уголь и т. д.) и на заработную плату» (*N. W. Senior*. Letters on the Factory Act, as it affects the Cotton Manufacture. London, 1837, стр. 11—12).

«Основной капитал подвержен непрестанному обесценению не только вследствие изнашивания, но и вследствие постоянного усовершенствования машин...» (там же, стр. 12).

«При теперешних законах ни одна фабрика, где заняты лица моложе 18 лет, не может работать больше $11^1/_2$ часов в день, т. е. по 12 часов в течение 5 дней недели и 9 часов по субботам. Нижеследующий анализ показывает, что на фабрике, работающей подобным образом, вся *чистая прибыль* происходит от *последнего часа*. Допустим, что фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 на фабричные здания и машины и 20 000 на сырье и заработную плату. При предположении, что капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, годовой оборот товаров этой фабрики должен составить стоимость в 115 000 ф. ст., которая производится постоянным превращением 20 000 ф. ст. оборотного капитала из денег в товар и обратным превращением из товара в деньги» (на самом деле здесь имеет место превращение и обратное превращение прибавочного труда сначала в товар, а затем снова в необходимый труд и т. д.) «в периоды, несколько превышающие два месяца. Из этих 115 000 ф. ст. каждый из 23-х получасов рабочего дня производит $^5/_{115}$, или $^1/_{23}$. Из $^{23}/_{23}$, составляющих общую сумму 115 000, $^{20}/_{23}$, т. е. 100 000 ф. ст. из 115 000, лишь возмещают капитал; $^1/_{23}$ (или 5 000 из 115 000) возмещает износ фабрики и машин. Остающиеся $^2/_{23}$, т. е. последние 2 из 23 получасов каждого рабочего дня, производят чистую прибыль в размере 10%. Поэтому, если бы (при неизменившихся ценах) фабрика могла работать 13 часов вместо $11^1/_2$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2 600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое».

(Это значит, что [сырье на сумму в] 2 600 ф. ст. было бы обработано без применения соответственно большего основного капитала *и без всякой оплаты труда*. Валовая и чистая прибыль

* См. настоящий том, часть II, стр. 235—236, 245—248. *Ред.*

равняется материалу, *бесплатно* обрабатываемому для капиталиста, и тогда, разумеется, один лишний час = 100%, если прибавочный труд, как неправильно предполагает господин пачкун, составляет лишь $^1/_{12}$ дня или лишь $^2/_{23}$, как говорит Сениор.)

«С другой стороны, если бы (при неизменившихся ценах) рабочий день был сокращен на 1 час, то исчезла бы *чистая* прибыль, а если бы на $1^1/_2$ часа, то исчезла бы и валовая прибыль. Оборотный капитал был бы возмещен, но не было бы фонда для компенсации прогрессирующего износа основного капитала» (там же, стр. 12—13).

(Насколько неправильны данные г-на Сениора, настолько же важна его иллюстрация для нашей теории.)

«Отношение основного капитала к оборотному постоянно возрастает по двум причинам: 1) вследствие тенденции механических усовершенствований все больше и больше перелагать производственную работу на машину, 2) вследствие улучшения средств транспорта и связанного с этим уменьшения запасов подлежащего использованию сырья в руках фабриканта. Раньше, когда уголь и хлопок доставлялись водным путем, ненадежность и нерегулярность доставки заставляла фабриканта держать 2-х или 3-месячный запас. Теперь железная дорога доставляет ему сырье еженедельно или даже ежедневно из порта или из рудника. Ввиду таких обстоятельств, я вполне уверен, что через несколько лет отношение основного капитала к оборотному вместо теперешнего будет составлять 6 или 7 или даже 10 к 1; и, *следовательно, что усилятся мотивы к удлинению рабочего времени, как к единственному средству, с помощью которого относительное увеличение основного капитала можно сделать прибыльным.* Когда какой-нибудь чернорабочий, сказал мне г-н Ашуорт, бросает свою лопату, он делает бесполезным на это время капитал, стоящий 18 пенсов. Когда кто-нибудь из наших рабочих уходит с фабрики, он делает бесполезным капитал, который обошелся в 100 ф. ст.» (там же, стр. 13—14).}

{Это — отличное доказательство того, что при господстве капитала применение машин не сокращает, а удлиняет рабочее время. Сокращает оно необходимый труд, а не труд, необходимый для капиталистов. Так как основной капитал обесценивается, когда он не применяется в производстве, то возрастание его связано с тенденцией сделать труд *перманентным*. Что же касается другого пункта, выдвинутого Сениором, то [VII—42] уменьшение оборотного капитала по отношению к основному капиталу было бы столь значительным, как он предполагает, в том случае, если бы цены оставались неизменными. Но если, например, хлопок упал ниже своей средней обычной цены, то фабрикант закупит столь большие запасы, насколько это ему позволяет его оборотный капитал, и наоборот. Относительно угля, производство которого равномерно и на который едва ли возможно какое-либо чрезвычайное повышение спроса в силу особых обстоятельств, замечание Сениора правильно.

Мы видели *, что транспорт, а потому и средства сообщения не определяют собой обращения в той мере, в какой они относятся к доставке продукта на рынок или к его превращению в товар; ибо с этой стороны они сами включены в фазу производства. Но они определяют собой обращение в той мере, в какой они 1) определяют возвращение [капитала], 2) обратное превращение капитала из денежной формы в форму условий производства. Капиталисту приходится покупать тем меньший запас сырья и вспомогательных материалов, чем быстрее и непрерывнее производится их доставка. Он может поэтому тем чаще оборачивать (или воспроизводить) один и тот же оборотный капитал в этой форме, не держа его у себя в положении бездействующего капитала. С другой стороны, как уже заметил Сисмонди, это оказывает также то влияние, что розничный торговец, лавочник, тем быстрее может обновлять свой запас и, следовательно, меньше нуждается в том, чтобы держать у себя запас товаров, так как он может каждую минуту получить новые.

Все это показывает, как при развитии производства накопление в смысле нагромождения запасов относительно сокращается и усиливается лишь в форме основного капитала, тогда как непрерывный одновременный труд (производство) возрастает как в отношении регулярности и интенсивности, так и по объему. Скорость движения средств транспорта, вместе с их всесторонностью, все более и более (за исключением земледелия) превращает необходимость предшествующего труда, если говорить об оборотном капитале, в необходимость одновременного, взаимозависимого, дифференцированного производства. Это замечание важно для раздела о накоплении.}

«*Наши хлопчатобумажные фабрики при своем возникновении работали круглые сутки.* Трудность чистки и починки машин и раздвоение ответственности, вызванное необходимостью иметь двойной штат надсмотрщиков, бухгалтеров и т. д., — почти положили конец этому, но до тех пор, пока закон Хобхауза не сократил рабочего времени до 69 часов, на наших фабриках обычно работали 70—80 часов в неделю» (*Сениор*, цит. соч., стр. 15).

[8) ФАКТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВВЕДЕНИЯ МАШИН НА СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ НЕОБХОДИМЫМ И ПРИБАВОЧНЫМ ТРУДОМ]

«По данным Бейнса, первоклассную хлопкопрядильную фабрику нельзя построить, оборудовать машинами, паровыми двигателями и газом, затратив меньше чем 100 000 ф. ст. Паровой двигатель в 100 лошадиных

* См. настоящий том, часть II, стр. 14—26. *Ред.*

сил приводит в движение 50 000 веретен, которые произведут 62 500 миль тонких хлопчатобумажных ниток за 1 день. На такой фабрике 1 000 рабочих изготовят столько ниток, сколько изготовили бы 250 000 рабочих без машин» (*S. Laing*. National Distress; its Causes and Remedies. London, 1844, стр. 75).

«Когда *прибыль падает*, оборотный капитал имеет тенденцию становиться в известной степени *основным капиталом*. Когда норма процента — 5%, то капитал не применяется для постройки новых шоссейных дорог, каналов и железных дорог, если только эти работы не приносят соответственно высокий процент; но когда норма процента всего лишь 4 или 3%, то капитал на такие предприятия будет авансироваться, если получаемая с них прибыль будет лишь пропорционально ниже по своему процентному отношению к капиталу. *Акционерные компании* для производства больших работ являются естественным следствием понижения нормы прибыли. Это также побуждает индивидов *закреплять* свои капиталы в форме строений и машин» (*Th. Hopkins*. Great Britain for the last forty years. London, 1834, стр. 232).

«Мак-Куллох следующим образом оценивает численность и доход лиц, занятых в хлопчатобумажной промышленности:

833 000 ткачей, прядильщиков, отбельщиков и т. д., по 24 ф. ст. в год на каждого	20 000 000 ф. ст.
111 000 столяров, машинистов, механиков и т. д., по 30 ф. ст. на каждого	3 333 000 ф. ст.
944 000	
Прибыль, управление, уголь и материалы для машин	6 667 000 ф. ст.
	30 000 000 ф. ст

Предполагается, что из $6^2/_3$ миллиона ф. ст. 2 миллиона ф. ст. идут на уголь, железо и другие материалы, на машины и другие затраты, причем предоставляется заработок 66 666 лицам в размере 30 ф. ст. в год на каждого, что составляет [вместе с вышеуказанными 944 000] совокупное рабочее население в размере 1 010 666 человек; к ним надо добавить еще детей, стариков и т. д., находящихся на иждивении работающих, или еще 505 330 человек; таким образом, всего 1 515 996 лиц, живущих за счет заработной платы. Добавим еще тех, которые косвенно или непосредственно живут за счет $4^2/_3$ миллиона ф. ст. прибыли» (*Гопкинс*, там же, стр. 336, 337).

Согласно этому исчислению, 833 000 рабочих непосредственно заняты [хлопчатобумажным] производством, 177 666 — производством машин и вспомогательных материалов, требующихся вследствие применения машин. Но заработная плата последних исчислена в размере 30 ф. ст.; чтобы свести их число к труду того же качества, что и труд 833 000 [текстильщиков], надо считать заработную плату по 24 ф. ст. на душу; тогда 5 333 000 ф. ст. дали бы около 222 208 рабочих; это составило бы около 1, занятого в производстве машин и вспомогательных материалов, на $3^3/_4$, занятых в производстве хлопчатобумажных изделий. Меньше, чем 1 на 4; но, допустим, 1 на 4. Если бы теперь 4 остающихся [в хлопчатобумажной промышленности] рабочих

работали лишь столько же, сколько работали прежние 5, и, следовательно, прибавочное рабочее время каждого было бы на $^{1}/_{4}$ больше прежнего, то для капитала не получилось бы [увеличения] прибыли. Остающиеся 4 рабочих должны давать больше прибавочного труда, чем прежние 5; или количество рабочих, занятых изготовлением машин, должно быть меньше, чем количество рабочих, вытесненных машиной. Машины выгодны для капитала лишь в той мере, в какой они увеличивают прибавочное рабочее время рабочих, занятых при машинах (механизация не сокращает прибавочное рабочее время этих рабочих, а увеличивает отношение прибавочного рабочего времени к необходимому времени, так что последнее не только относительно сокращается при сохранении того же самого количества одновременных рабочих дней, а сокращается абсолютно).

Увеличение абсолютного [прибавочного] рабочего времени предполагает то же самое или возрастающее количество одновременных рабочих дней; точно так же обстоит дело с увеличением производительной силы путем разделения труда и т. д. В обоих случаях совокупное рабочее время всех применяемых рабочих остается тем же самым или возрастает. При применении машин относительное прибавочное рабочее время возрастает не только по отношению к необходимому рабочему времени и потому по отношению к совокупному рабочему времени всех применяемых рабочих, но отношение к необходимому рабочему времени возрастает при уменьшении совокупного рабочего времени всех применяемых рабочих, т. е. при уменьшении количества одновременных рабочих дней (по сравнению с прибавочным рабочим временем).

Один фабрикант из Глазго сообщил следующие данные *Дж. К. Саймонсу,* автору книги «Arts and Artisans at Home and Abroad», Edinburgh, 1839 (мы приводим здесь несколько его сообщений, чтобы располагать примерами для соотношения основного капитала, оборотного капитала, части капитала, затраченной на заработную плату, и т. д.).

[VII—43] *Глазго:*

«Затраты *по сооружению механизированной ткацкой фабрики* на 500 ткацких станков, рассчитанной на изготовление добротного миткаля или полотна, какие обычно изготовляются в Глазго, составят приблизительно	18 000 ф. ст.
Годовая продукция, положим, 150 000 кусков по 24 ярда каждый, по 6 шиллингов кусок	45 000 ф. ст.

Компоненты этих 45 000 ф. ст. — следующие:	
Проценты на вложенный капитал и на амортизацию машин	1 800 ф. ст.
Паровая энергия, смазочное масло, сало и т.д., ремонт машин, инструментов и т. д.	2 000 ф. ст.
Пряжа и лен	32 000 ф. ст.
Заработная плата рабочих	7 500 ф. ст.
Предполагаемая прибыль	1 700 ф. ст.
	45 000 ф. ст.»

(*J. C. Symons*. Art and Artisans at Home and Abroad. Edinburgh, 1839, стр. 233).

Если мы, таким образом, предположим 5% на машины, то валовая прибыль равна 1 700 + 900 = 2 600. Капитал, затраченный на заработную плату, составляет только 7 500. Таким образом, [валовая] прибыль относится к заработной плате как 26 : 75 = $5^1/_5$: 15. Это будет $34^2/_3$%.

«Вероятные издержки по сооружению *хлопкопрядильной фабрики* с ручными прядильными мюль-машинами, рассчитанной на производство пряжи № 40 хорошего среднего качества	23 000 ф. ст.
(при патентованных сельфакторах на 2 000 ф. ст. больше)	
Годовая продукция при теперешних ценах на хлопок и при теперешней продажной цене пряжи	25 000 ф. ст.
Компоненты этих 25 000 ф. ст. — следующие:	
10% на вложенный капитал и на амортизацию машин	2 300 ф. ст.
Хлопок	14 000 ф. ст.
Паровая энергия, смазочное масло, сало, газ и общие издержки по ремонту инструментов и машин	1 800 ф. ст.
Заработная плата рабочих	5 400 ф. ст.
Прибыль	1 500 ф. ст.
	25 000 ф. ст.»

(там же, стр. 234).

(Таким образом, оборотный капитал принимается равным 7 000 ф. ст., ибо 1 500 составляют 5% с 30 000 [70].)

«Недельная продукция фабрики составляет 10 000 фунтов пряжи» (там же, стр. 234).

Следовательно, здесь [валовая] прибыль составляет 1 150 + + 1 500 = 2 650; 2 650 : 5 400 (заработная плата) = 1 : $2\,^2/_{53}$. Это будет $49\,^8/_{108}$%.

«Издержки по *хлопкопрядильной фабрике с 10 000 прядильных ватеров,* рассчитанной на производство пряжи № 24 хорошего качества	20 000 ф. ст.
Если возьмем теперешнюю стоимость продукта, то годовая продукция будет стоить	23 000 ф. ст.
10% на вложенный капитал и на амортизацию машин	2 000 ф. ст.
Хлопок	13 000 ф. ст.
Паровая энергия, сало, смазочное масло, газ, ремонт машин и т. д.	2 500 ф. ст.
Заработная плата рабочих	3 800 ф. ст.
Прибыль	1 400 ф. ст.
	23 000 ф. ст.»

(там же, стр. 235).

Таким образом, валовая прибыль здесь 2 400; заработная плата 3 800; 2 400 : 3 800 = 24 : 38 = 12 : 19. Это будет $63^3/_{19}$%.

В первом случае [норма прибавочной стоимости] $34^2/_3$%, во втором случае — $49^8/_{108}$%, а в последнем случае — $63^3/_{19}$%. В первом случае заработная плата составляет $^1/_6$ совокупной цены продукции; во втором — свыше $^1/_5$; в последнем — меньше $^1/_6$. Но в первом случае заработная плата относится к стоимости капитала как 1 : $4^8/_{15}$; во втором случае как 1 : $5^{15}/_{27}$; в третьем случае как 1 : $7^7/_{19}$. В той же мере, в какой уменьшается отношение части капитала, затраченной на заработную плату, к части, затраченной на машины, и к оборотному капиталу, вместе взятым (в первом случае эти части составляют вместе 34 000; во втором случае 30 000, в третьем случае 28 000), должна, разумеется, возрастать прибыль по отношению к части, затраченной на заработную плату, для того чтобы сохранился тот же процент прибыли.

Абсолютное уменьшение всей массы труда, т. е. рабочего дня, умноженного на число одновременных рабочих дней, по отношению к прибавочному труду может проявиться в двоякой форме. В упомянутой первой форме, когда часть прежних рабочих увольняется вследствие применения основного капитала (машин). Или таким образом, что введение машин будет уменьшать *увеличение* применяемых рабочих дней, несмотря на то, что растет производительность и притом в большей степени (разумеется), чем она уменьшается из-за *«стоимости»* вновь введенных машин. Поскольку основной капитал обладает *стоимостью,* постольку он не увеличивает, а уменьшает производительность труда.

«Избыточное рабочее население дало бы фабрикантам возможность понизить уровень заработной платы; но уверенность в том, что всякое значительное понижение заработной платы сопровождалось бы немедленными огромными убытками вследствие забастовок, крупных перебоев и разных других затруднений, которые возникнут на их пути, заставляет их предпочесть более медленный процесс усовершенствования машин, посредством которого, даже утроив производство, они не будут нуждаться в новых рабочих» (*P. Gaskell.* Artisans and Machinery. London, 1836, стр. 314).

«Когда усовершенствования не вытесняют полностью рабочих, они дают одному рабочему возможность производить или, вернее, наблюдать за производством такого количества продукта, какое требует сейчас 10 или 20 рабочих» (там же, стр. 315).

«Изобретены машины, которые дают возможность одному человеку производить столько же пряжи, сколько могли бы произвести 70 лет тому назад 250 или даже 300 человек, машины, которые дают возможность одному мужчине или мальчику набивать столько ситца, сколько раньше могли набивать 100 мужчин и 100 мальчиков. 150 000 рабочих на хлопкопрядильных фабриках производят столько пряжи, сколько 40 миллионов могли бы произвести при однониточной прялке» (там же, стр. 316).

[VII—44] «*Непосредственный рынок или непосредственное поле деятельности для капитала, можно сказать, есть труд.* Масса капитала, которая в данное время в данной стране или во всем мире может быть вложена так, чтобы давать не меньше определенной нормы прибыли, зависит, по-видимому, главным образом от того количества труда, к выполнению которого, в результате затраты этого капитала, можно побудить имеющееся в данный момент число людей» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» etc. London, 1821, стр. 20. Это сочинение написано одним рикардианцем против книги Мальтуса «Principles of Political Economy»).

[9)] ОТЧУЖДЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА ОТ ТРУДА С РАЗВИТИЕМ КАПИТАЛА

Тот факт, что при развитии производительных сил труда предметные условия труда, опредмеченный [овеществленный] труд должны возрастать в процентном отношении к живому труду (это, собственно говоря, есть тавтологическое положение, ибо что̀ иное означает рост производительной силы труда, как не то, что требуется меньше непосредственного труда для создания большего продукта и что, следовательно, общественное богатство все более и более выражается в созданных самим трудом условиях труда), с точки зрения капитала представляется не так, что один момент общественной деятельности, опредмеченный [овеществленный] труд, становится все более мощным телом для другого момента, субъективного живого труда, а так, что — и это важно для наемного труда — объективные условия труда приобретают все более колоссальную самостоятельность по отношению к живому труду, самостоятельность, выражающуюся уже в самом их размере, и что обществен-

ное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила. Ударение ставится не на *опредмеченности* [*овеществленности*], а на *отчужденности* [*Entfremdet*-, Entäußert-, Veräußertsein], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд противопоставил себе как один из своих моментов,— на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу.

Поскольку на основе капитала и наемного труда созидание этого предметного тела для деятельности осуществляется в рамках противоположности по отношению к непосредственной рабочей силе, поскольку этот процесс опредмечивания [овеществления] труда на деле выступает как процесс отчуждения труда со стороны рабочего или присвоения чужого труда со стороны капитала, — постольку извращение является *действительным, а не мнимым,* существующим не только в представлении рабочих и капиталистов. Но, очевидно, этот процесс извращения есть лишь *историческая* необходимость, необходимость лишь для развития производительных сил, начинающегося с определенной исторической отправной точки, или основы, но отнюдь не *абсолютная* необходимость для производства, а, напротив, преходящая необходимость, и результатом и целью (имманентной целью) этого процесса является устранение самой этой основы, равно как и этой формы процесса.

Буржуазные экономисты настолько в плену представлений определенной стадии исторического развития общества, что необходимость *опредмечивания* [*овеществления*] общественных сил труда представляется им неразрывно связанной с необходимостью их *отчуждения* по отношению к живому труду. Но вместе с устранением *непосредственного* характера живого труда как лишь *единичного*, или всеобщего лишь внутренне, или лишь внешне, вместе с превращением деятельности индивидов в непосредственно всеобщую или *общественную*, с предметных моментов производства совлекается эта форма отчуждения; они тем самым превращаются в собственное органическое общественное тело, где индивиды воспроизводят себя как отдельные единицы, но как общественные единицы. Условия подобного воспроизводства их жизни, подобного их производительного жизненного процесса, созданы лишь самим историческим экономическим процессом — как объективные, так и субъективные условия, которые представляют собой лишь две различные формы одних и тех же условий.

Отсутствие собственности у рабочего и собственность опредмеченного [овеществленного] труда на живой труд, или присвоение

чужого труда капиталом — как то, так и другое лишь выражает на двух противоположных полюсах одно и то же отношение — суть основные условия буржуазного способа производства, а вовсе не безразличные для этого способа производства случайности. Эти способы распределения представляют собой те же условия производства, лишь sub specie distributionis *. Поэтому крайне нелепо, когда, например, *Джон Стюарт Милль* говорит:

«Законы и условия производства богатства имеют характер физических истин... Не так обстоит дело с распределением богатства. Оно зависит исключительно от человеческих установлений» (*J. St. Mill.* Principles of Political Economy. Vol. I. London, 1848, стр. 239, 240).

«Законы и условия» производства богатства и законы «распределения богатства» суть одни и те же законы в различной форме, и как те, так и другие изменяются, подвержены одному и тому же историческому процессу; вообще представляют собой лишь моменты определенного исторического процесса.

Не требуется особой проницательности, чтобы понять, что, отправляясь, например, от возникшего из разложения крепостничества свободного труда, т. е. от наемного труда, машины могут *возникнуть* лишь в рамках противоположности по отношению к живому труду, как чужая для него собственность и враждебная ему сила; другими словами, что машины должны противостоять рабочим как капитал. Но столь же легко понять, что машины не перестанут быть агентами общественного производства, когда, например, станут собственностью ассоциированных рабочих. Но в первом случае их распределение, т. е. то, что они *не принадлежат* рабочему, есть также и условие способа производства, основанного на наемном труде. Во втором случае измененное распределение исходило бы от *измененной*, новой основы производства, возникшей лишь в результате исторического процесса.

[10) РАЗНЫЕ ВЫПИСКИ О ДЕНЬГАХ, КОЛОНИЯХ, О СБЕРЕЖЕНИИ СЫРЬЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ УЛУЧШЕНИЯ ЕГО ПЕРЕРАБОТКИ, О РОСТОВЩИЧЕСТВЕ, КРЕДИТЕ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ПОТРЕБЛЕНИИ И Т. Д.]

Золото, на образном языке перуанцев, это — «слезы, пролитые солнцем» (*W. H. Prescott.* History of the Conquest of Peru. 4th edition. Vol. I, London, 1850, стр. 92).

«Без применения орудий или машин, привычных для европейца, каждый индивид» (в Перу) «мог бы сделать очень мало; но работая большими

* — под углом зрения распределения. *Ред.*

массами и под общим руководством, они, благодаря неутомимому упорству, достигали поразительных результатов» (там же, стр. 127).

{Деньги, встречавшиеся у мексиканцев (наряду с преобладавшей у них меновой торговлей и восточной земельной собственностью), представляли собой

«регулируемые [властями] средства обращения различной стоимости. Они состояли из прозрачных трубочек с золотым песком, из кусочков олова, нарезанных в форме буквы *T*, и из мешков какао, содержавших определенное количество зерен. «О, счастливая монета, — говорит Петр Мученик («De Orbe Novo» *), — которая доставляет роду людскому приятный и полезный напиток и оберегает своих обладателей от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять»» (*W. H. Prescott.* History of the Conquest of Mexico. 5th edition. Vol. I, London, 1850, стр. 123).

«Эшвеге в 1823 г. оценивает общую стоимость брильянтов, добытых за 80 лет, в сумме, едва ли превосходящей 18-месячную продукцию сахара или кофе в Бразилии» (*H. Merivale.* Lectures on Colonization and Colonies. Vol. I, London, 1841, стр. 52). «Первые» (британские) «колонисты» (в Северной Америке) «сообща обрабатывали расчищенные земли вокруг своих деревень... Этот обычай преобладал в Виргинии до 1619 г.» и т. д. (там же, том I, стр. 91—92).

«В 1593 г. кортесы сделали Филиппу II следующее представление: «Кортесы в Вальядолиде 1548 года просили ваше величество не разрешать впредь ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных изделий, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей *на золото, как будто бы испанцы были индейцами*»» (*Sempéré.* Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence de la monarchie Espagnole. Tome premier. Paris, 1826, стр. 275—276).

«В плотно заселенных колониях работник, хотя и свободный, естественно зависим от капиталиста; в слабо населенных колониях эта отсутствующая там естественная зависимость должна заменяться искусственными ограничениями» (*H. Merivale.* Lectures on Colonization and Colonies. Vol. II, London, 1842, стр. 314).}

[VII—45] *Римские деньги:* aes grave **, фунт меди (emere per aes et libram ***). Это был асс ****. В 485 г. от основания Рима *серебряные денарии;* денарий = 10 ассам. (Таких денариев было 40 на фунт серебра; в 510 г. от основания Рима 75 денариев на фунт серебра; каждый денарий еще = 10 ассам, но 10 ассам по 4 унции в каждом.) В 513 г. асс сокращен до 2 унций; а денарий все еще равнялся 10 ассам, составляя лишь $^1/_{84}$ фунта серебра. Последнее число, $^1/_{84}$, удерживалось до конца республики, но в 537 г. денарий стоит 16 ассов в 1 унцию, а в 665 г. — только 16 ассов в $^1/_2$ унции... Серебряный денарий в 485 г. от основания Рима = 1 франку 63 сантимам; в 510 г. = 87 сантимам; в 513 — 707 гг. = 78 сантимам.

* — «О Новом свете». *Ред.*

** — тяжелая медь (определяемая на вес). *Ред.*

*** — буквально: «покупать при помощи меди и весов»; затем в переносном смысле: «покупать с соблюдением всех формальностей». *Ред.*

**** — *As* [римский асс], или *libra* [римский фунт] = 12 унциям; 1 унция = 24 скрупулам; в фунте — 288 скрупулов [*Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I. Paris, 1840, стр. 11—12].

От Гальбы до Антонинов = 1 франку (*Dureau de La Malle.* Economie politique des Romains. Tome I. Paris, 1840, стр. 15, 16, 448, 450).

Во времена первого серебряного денария 1 фунт серебра относился к 1 фунту меди как 400 : 1. В начале 2-й Пунической войны = 112 : 1 (там же, том I, стр. 76, 81—82).

«Греческие колонии на юге Италии получали из Греции и Азии непосредственно или через Тир и Карфаген то серебро, из которого они чеканили монеты, начиная с VI и V века до Р. Х. Несмотря на это соседство, римляне по политическим причинам воспрещали употребление золота и серебра. Народ и сенат чувствовали, что *столь удобное средство обращения* вызовет *концентрацию,* увеличение количества рабов, упадок древних нравов и земледелия» (там же, стр. 64, 65).

«Согласно Варрону, раб есть говорящее орудие, животное — орудие полунемое, плуг — орудие немое» (там же, стр. 253, 254).

«Ежедневное потребление [хлеба] у римского горожанина несколько превышало 2 французских фунта; у сельского жителя оно превышало 3 фунта. Парижанин съедает 0,93 фунта хлеба; сельские жители в 20-ти департаментах, где питаются главным образом пшеницей, — 1,70 фунта» (там же, стр. 277). «В Италии (современной) — 1 фунт 8 унций, там, где питаются главным образом пшеницей. Почему римляне ели сравнительно больше? Первоначально они ели пшеницу сырой или лишь размоченной в воде; затем они научились ее поджаривать... Впоследствии постигли искусство молоть зерно и вначале ели сырое тесто, приготовленное из этой муки. Для размельчения зерна пользовались ступкой или двумя камнями, ударяя одним по другому или вращая один на другом... Это сырое тесто, puls, римский солдат заготовлял себе на несколько дней... Затем изобрели сито для просеивания зерна, нашли способ отделять отруби от муки; наконец, добавили дрожжи, но вначале ели хлеб сырым, пока случай не научил тому, что выпечка хлеба препятствует его окислению и способствует консервированию. Лишь после войны против Персея в 580 г. в Риме появились пекари» (там же, стр. 277—279). «До христианской эры римляне не знали ветряных мельниц» (там же, стр. 280).

«Парментье доказал, что во Франции со времени Людовика XIV искусство размола сделало большие успехи и что разница между прежним и новым размолом достигает половины хлеба, получаемого из того же количества зерна. На годовое потребление жителя Парижа сначала назначали 4, затем 3, потом 2 и наконец $1^1/_3$ сетье пшеницы... Этим легко объясняется огромная диспропорция между ежедневным потреблением хлеба у римлян и у нас; а именно — несовершенством способов размола и выпечки хлеба» (там же, стр. 280—281).

«Аграрный закон был ограничением земельной собственности активных граждан. Ограничение собственности служило основой существования и процветания древних республик» (там же, том II, стр. 256).

«Государственные доходы состояли из поступлений от государственных имений, из поставок натурой, натуральных повинностей и нескольких денежных налогов, уплачиваемых при ввозе и вывозе товаров или взимаемых при продаже определенных продуктов. Подобное положение... существует почти без всяких изменений в Оттоманской империи... В эпоху диктатуры Суллы и даже в конце VII века (697 г. от основания Рима) Римская республика имела ежегодный доход лишь в размере 40 миллионов франков... В 1780 г. денежные доходы турецкого султана (в пиастрах) составляли только 35 миллионов пиастров, или 70 миллионов франков... Как римляне, так и турки бо̀льшую часть доходов получали натурой. У римлян... в виде налога в казну поступала $^1/_{10}$ зерна, $^1/_5$ — плодов, у турок — от $^1/_2$ до $^1/_{10}$ разных продуктов... Поскольку Римская империя представ-

ляла собой лишь огромное скопление независимых муниципиев, бо́льшая часть налогов и бо́льшая часть расходов оставались коммунальными» (том II, стр. 402—405).

«При Августе и Нероне Рим, без предместий, насчитывал только 266 684 жителя». Дюро предполагает, что «в IV веке христианской эры в предместьях было 120 000 жителей. В пределах стены Аврелиана — 382 695, всего 502 695, плюс 30 000 солдат и 30 000 чужестранцев; всего круглым счетом 562 000 душ... *Мадрид,* который со времени Карла V в течение полутора столетий был столицей части Европы и половины Нового света, во многом напоминает Рим. Его население тоже росло не пропорционально его политическому значению» (том I, стр. 370, 403, 405—406).

«Состояние тогдашнего римского общества гораздо больше походило на состояние России или Оттоманской империи, чем Франции или Англии: неразвитость торговли и промышленности, огромные состояния рядом с крайней нищетой» (том II, стр. 214).

(Роскошь только в столице и в резиденциях римских сатрапов.)

«Римская Италия, со времени разрушения Карфагена до основания Константинополя, существовала, имея перед собой Грецию и Восток, в таком же состоянии, в каком Испания в XVIII веке находилась по отношению к Европе. Альберони говорил: «Испания для Европы то же, что рот для тела; все туда входит, ничего там не остается»» (там же, том II, стр. 399—400).

«Ростовщичество первоначально пользовалось свободой в Риме. Закон Двенадцати таблиц (303 год от основания Рима) установил процент с денег в 1% в год (по Нибуру — 10% в год)... Эти законы вскоре были нарушены... Дуилий (в 398 году от основания Рима) снова ограничил ставку процента одним процентом в год (unciarium foenus *). В 408 году эта ставка была уменьшена до $^1/_2$%. В 413 году ссужение денег под проценты было вообще запрещено плебисцитом, который провел трибун Генуций... Нет ничего удивительного в том, что в такой республике, где гражданам запрещалось заниматься промышленностью, оптовой и розничной торговлей, запрещению подверглась также и *торговля деньгами»* (том II, стр. 259—261). «Такое положение продолжалось в течение трехсот лет, до взятия Карфагена. [Затем было разрешено взимать не свыше] 12% в год. Обычная ставка составляла 6% годовых... Юстиниан установил процентную ставку в размере 4%. Usura quincunx ** у Траяна означает законный процент в размере 5%... В Египте в 146 году до Р. Х. законный коммерческий процент составлял 12%» (том II, стр. 261—263).

[VII—46] Вместе с развитием ростовщичества и денег развивается принудительное отчуждение феодальной земельной собственности:

«Введение денег, которые покупают всё, и, как следствие этого, защита интересов кредитора, одолжившего свои деньги земельному собственнику, приводят к необходимости законного отчуждения земельной собственности для взыскания долга» (*John Dalrymple.* An Essay towards a general history of Feudal Property in Great Britain. 4th edition. London, 1759, стр. 124).

---

* — буквально: прирост в размере одной унции. *Ред.*

** — буквально: проценты в размере пяти унций *Ред.*

В средневековой Европе «платили *золотом* обычно лишь при некоторых торговых сделках, по большей части касавшихся драгоценностей. Чаще всего вне купеческого круга платежи золотом имели место в связи с дарами вельмож, некоторыми высокими пошлинами, крупными денежными штрафами, покупкой земель. *Нечеканное* золото нередко взвешивали на фунты или марки (полуфунты)... 8 унций = 1 марке; 1 унция, следовательно, = 2 лотам, или 3 каратам. Из *золотых монет* до эпохи крестовых походов известны лишь византийские солиды, италийские тари и арабские мауработини» (впоследствии — мараведи) (*Hüllmann*. Städtewesen des Mittelalters. I. Theil. Bonn, 1826, стр. 402—404).

«В законах франкских племен также фигурируют *солиды в качестве всего лишь счетной монеты*, в которой выражена стоимость сельскохозяйственных продуктов, поставляемых в порядке уплаты штрафов. Например, саксы подразумевали под солидом годовалого быка, каким он бывает обычно осенью... Согласно рипуарской правде здоровая корова заменяла 1 солид... 12 денариев = 1 золотому солиду» (там же, стр. 405, 406). «4 тари = 1 византийскому солиду... С XIII века в Европе чеканились различные золотые монеты: *августалы* (императора *Фридриха II* в Сицилии: Бриндизи и Мессина), *флорентины* или *флорины* (Флоренция, с 1252 г.),.. дукаты или цеккины (Венеция, с 1285 г.)» (там же, стр. 408—411). «В Венгрии, Германии и Нидерландах с XIV века также чеканились крупные золотые монеты; в Германии они назывались просто гульденами» (там же, стр. 413).

«При *платежах серебром* господствовал обычай взвешивать металл, по большей части на марки, при всех более или менее крупных платежах... Чеканное серебро также взвешивалось при таких платежах, так как монеты состояли из совершенно чистого серебра и, следовательно, все дело было в весе. Поэтому названия *фунт* (ливр, лира) * и марка отчасти обозначали воображаемые или счетные монеты, отчасти перешли на реальные серебряные монеты. *Серебряные монеты: денарии* или *крейцеры*... В Германии эти денарии назывались *пфеннигами* (пенниг, пеннинг, феннинг)... уже с IX века. Первоначально пендинг, пентинг, пфентинк от pfündig **, в старой форме pfünding... то же самое, что «полновесный»: следовательно, полновесные денарии [pfündige Denaren], сокращенно *Pfündinge*... Еще одно наименование денария, начиная с начала XII века, в Германии, Нидерландах и Англии в связи с звездой [Stern], изображенной на нем вместо креста: *стернлинги, стерлинги, старлинги*...«Денарии стерлинги» =«пфенниги стерлинги»...В XIV веке на фунт приходилось 320 нидерландских стерлингов, 20 штук на унцию... Серебряные солиды по-немецки — шильдлинги, шиллинги... *Серебряный солид в раннем средневековье был не реальной монетой, а совокупностью 12 денариев*... Один солид золотом = 12 денариям (стерлингам), ибо таково было среднее соотношение золота и серебра.

В качестве *разменных монет* ходили *оболы*, полпфенниги, Hälblinge... По мере распространения мелкого ремесла все больше торговых городов и мелких князей приобретали право чеканить свои местные монеты, т. е. по большей части разменные монеты. Примешивали медь. Это шло все дальше... Толстые пфенниги, Gros deniers, Grossi, Groschen, Groten, впервые чеканились в Туре в середине XIII века. Эти грошены первоначально представляли собой двойные пфенниги» (там же, стр. 415—433).

«То, что папы наложили почти на все католические страны церковные подати, немало способствовало развитию денежного хозяйства в промыш-

* Notabene [заметить хорошенько]: В Мексике существовали деньги, но не было мер веса; в Перу существовали меры веса, но не было денег [71].

** — тяжеловесный, весящий столько-то фунтов. *Ред.*

ленной Европе, а затем, в качестве следствия этого, — возникновению различных попыток обойти церковный запрет процентов... Папа пользовался ломбардцами для взыскания с архиепископств сумм, причитавшихся папе за архиепископскую мантию, и прочих церковных поборов. Это были главные ростовщики и залогоприниматели, действовавшие под защитой папы. Известны уже с середины XII века. Особенно — ростовщики из Сиены. «Публичные ростовщики». В Англии они называли себя *«римско-епископальными торговцами деньгами»*. Некоторые епископы, базельский и другие, закладывали епископские перстни, шелковые ризы, всю церковную утварь за бесценок евреям и платили проценты. Но и сами епископы, аббаты, попы тоже занимались ростовщичеством, закладывая церковную утварь взамен участия в прибылях тосканским торговцам деньгами из Флоренции, Сиены и других городов» и т. д. (см. там же, часть II, стр. 36—45).

Так как деньги — *всеобщий эквивалент, всеобщая покупательная сила,* то все продажно, все может быть превращено в деньги. Но все может быть превращено в деньги лишь путем отчуждения вещи ее владельцем. Поэтому все отчуждаемо, или безразлично для индивида, внешне для него. Так называемые *неотчуждаемые, вечные* владения и соответствующие им неподвижные, твердые имущественные отношения, таким образом, рушатся перед лицом денег. Далее, так как сами деньги существуют лишь в обращении и обмениваются на предметы индивидуального потребления и т. д.,— на стоимости, которые в конечном счете могут свестись к чисто индивидуальным наслаждениям,— то все имеет ценность лишь постольку, поскольку существует для индивида. Тем самым уничтожается всякая самостоятельная ценность вещей, помимо той, которая сводится лишь к их бытию для другого, к их относительности, к их обмениваемости, — уничтожается абсолютная ценность всех вещей и отношений. Все принесено в жертву эгоистическому наслаждению. Ибо если все может быть отчуждено взамен денег, все может быть также приобретено посредством денег. Все можно получить за «наличные деньги», которые, как нечто существующее вне индивида, можно приобрести путем мошенничества, насилия и т. д. Таким образом, все может быть присвоено всеми, и зависит от случая, что̀ может или не может присвоить себе индивид, ибо это зависит от денег, находящихся в его владении. Тем самым индивид потенциально господствует над всем. Не существует никаких абсолютных ценностей, так как для денег ценность как таковая — относительна. Нет ничего неотчуждаемого, так как все отчуждаемо за деньги. Нет ничего высшего, священного и т. д., так как все можно присвоить посредством денег. «Священные предметы» и «религиозные», которые не могут находиться «ни в чьем владении» [72], «не могут быть оценены, не могут отдаваться в залог или отчуждаться», которые «изъяты из человеческой торговли» [73], — не существуют перед всемогуществом денег,

подобно тому, как перед богом все равны. Недурно, что римская церковь средневековья сама была главным пропагандистом денег.

«Так как церковный закон против ростовщичества давно потерял всякое значение, [папа] Мартин отменил его также и номинально в 1425 году» (*Hüllmann*. Städtewesen des Mittelalters. II. Theil. Bonn, 1827, стр. 55). «В средние века ни в одной стране не было общей процентной ставки. Прежде всего строгость попов. Ненадежность судебных гарантий в отношении возврата ссуд. Тем выше процентная ставка в отдельных случаях. Незначительность денежного обращения, необходимость производить бо́льшую часть денежных платежей наличными деньгами, [VII—47] так как банковое дело еще не развилось. Поэтому большое разнообразие как в размере процента, так и в самом понятии ростовщичества. Во времена Карла Великого ссуда считалась ростовщической только тогда, когда за нее брали 100%. В Линдау на Боденском озере в 1344 г. местные бюргеры брали $216^2/_3$%. В Цюрихе Совет определил как законный процент $43^1/_3$%... В Италии иногда приходилось платить 40%, хотя в XII—XIV столетиях обычная ставка не превышала 20%... Верона установила как законный процент $12^1/_2$%... Император Фридрих II в своем постановлении указал 10%, но это только для евреев; о христианах он не хотел говорить. В Рейнской Германии 10% уже в XIII столетии были обычной ставкой процента» (там же, стр. 55—57).

* * *

«*Производительное потребление* — когда потребление товара составляет *часть процесса производства*» (*S. P. Newman*. Elements of Political Economy. Andover and New York, 1835, стр. 296). «Следует отметить, что в этих случаях *нет потребления стоимости*, так как та же самая стоимость существует в новой форме» (там же). Далее, «*потребление* [означает] употребление индивидуального дохода по его различным назначениям» (там же, стр. 297).

«Следует сделать *продажу за деньги* во всякое время столь же легкой операцией, какой теперь является *покупка на деньги*, и тогда производство станет единообразной и всегда эффективной причиной спроса» (*John Gray*. The Social System. A Treatise on the Principle of Exchange. Edinburgh, 1831, стр. 16) [Русский перевод, стр. 86]. «Наряду с землей, капиталом, трудом четвертое необходимое условие производства: *возможность немедленного обмена*» (там же, стр. 18) [Русский перевод, стр. 87]. «Способность к *обмену* столь же важна» для человека, живущего в обществе, «как для Робинзона Крузо была важна способность *производить*» (там же, стр. 21) [Русский перевод, стр. 88].

«Согласно *Сэю*, кредит лишь перемещает капитал, но не создает никакого капитала. Это верно лишь в том единственном случае, когда капиталист дает деньги взаймы промышленнику, но это неверно в отношении кредита между производителями при их взаимном авансировании. То, что один производитель авансирует другому, это не капиталы, а продукты, товары. Эти продукты, эти товары могут стать и несомненно станут в руках заемщика активными капиталами, т. е. орудиями труда, но в руках своего владельца они представляют собой подлежащие сбыту продукты и, следовательно, нечто пассивное... Следует различать продукт, или товар, и агенты труда, или производительный капитал. Пока продукт остается в руках своего производителя, он является лишь товаром, или, если хотите, пассивным, инертным капиталом. Промышленник, хранящий его,

не только не извлекает никакой выгоды, но для него это бремя, причина непрестанных затруднений, накладных расходов и убытков: расходы на помещение, хранение и охрану, проценты с фондов и т. д., — не считая порчи и утечки, которым подвержены почти все товары, когда долго находятся в пассивном состоянии... Следовательно, если он продает свои товары в кредит другому промышленнику, который сможет применить их в своей отрасли производства, то из инертного товара, каким они были, они для последнего станут активным капиталом. Таким образом, здесь у одной стороны будет иметь место увеличение производительного капитала без всякого уменьшения капитала у другой стороны. Больше того: если предположить, что продавец, отпустив свои товары в кредит, все же получит взамен векселя, которые может тут же учесть, то не ясно ли, что тем самым он приобретет возможность в свою очередь закупить новое сырье и орудия труда, чтобы вновь приняться за дело? Таким образом, здесь имеет место двойное увеличение производительного капитала, иными словами — приобретение обеими сторонами новых возможностей» (*Ch. Coquelin*. Du Crédit et des Banques dans l'Industrie. «Revue des Deux Mondes» [74], том 31, 1842 г., стр. 799—800).

«Пусть вся масса подлежащих продаже товаров перейдет быстро, без задержек и без препятствий из состояния инертного продукта в состояние активного капитала. Какая новая активность в стране!.. Это быстрое превращение есть именно то благодеяние, какое оказывает кредит... Это есть *активность обращения*... Таким образом кредит может удесятерить обороты промышленников... За данный промежуток времени торговец или производитель обновил свое сырье и свои продукты десять раз вместо одного... Кредит осуществляет это, увеличивая у всех покупательную способность. Вместо того чтобы сохранять эту способность лишь за теми, кто обладает сейчас способностью платить, кредит предоставляет покупательную способность всем тем, положение и репутация которых гарантируют будущий платеж; он предоставляет покупательную способность всякому, кто способен использовать продукты посредством труда... Следовательно, первое благодеяние кредита состоит в том, что он увеличивает, если не сумму стоимостей, которыми обладает страна, то по крайней мере сумму активных стоимостей. Таков непосредственный результат. Отсюда вытекает рост производительных сил, а поэтому также суммы стоимостей и т. д.» (там же, стр. 801, 802, 805).

«*Сдача внаем* есть условная продажа, или продажа пользования вещью на ограниченное время» (*Th. Corbet*. An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals. London, 1841, стр. 81).

«Превращения, которым подвергается капитал в процессе производства. Чтобы стать производительным, капитал должен быть потреблен» (*S. P. Newman*. Elements of Political Economy. Andover and New York, 1835, стр. 80).

«*Экономический цикл* — это весь ход производства, начиная от момента, когда производится авансирование, и до получения результатов. В земледелии посев представляет начало цикла, а сбор урожая — его завершение» (там же, стр. 81). «*Различие между основным и оборотным капиталом основано на том*, что на протяжении каждого экономического цикла одна часть капитала потребляется частично, а другая часть — целиком» (там же).

«*Направление капитала в различные сферы приложения*» (там же, стр. 82). Это относится к учению о конкуренции.

«*Средство обмена*. У неразвитых наций любой товар, составляющий наибольшую часть богатства общества или по какой-либо причине являющийся чаще других предметом обмена, служит средством обращения. Так,

например, скот служит средством обмена у пастушеских племен, сушеная рыба — в Нью-Фаундленде, сахар — в Вест-Индии, табак — в Виргинии. *Благородные металлы;* их преимущества: a) одинаковость качества во всех странах света, b) допускают мелкие и точные подразделения, c) редкость и трудность добычи, d) пригодность к чеканке» (там же, стр. 99—101).

[11) ФАНТАЗИИ ПРАЙСА И ПРУДОНА. ВЗГЛЯДЫ ТАУНСЕНДА И ГАЛИАНИ]

Представление о капитале как о самовоспроизводящемся существе, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, привело к фантастическим идеям д-ра Прайса, которые далеко оставляют за собой фантазии алхимиков, но в которые серьезно верил Питт, в своих законах о фонде погашения государственного долга (см. Лодерделя) [75] сделавший их устоями своей финансовой премудрости. Ниже приводятся некоторые поразительные места из сочинений этого человека.

[VII—48] «Деньги, приносящие сложные проценты, сначала растут медленно. Но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост в год рождения Христа из 5% под сложные проценты, к настоящему времени вырос бы в сумму бо̀льшую, чем представили бы 150 миллионов земных шаров, состоящих сплошь из чистого золота. Но если отдать его в рост под простые проценты, то за то же самое время он превратился бы не более чем в 7 шиллингов $4^1/_2$ пенса. До сих пор наше правительство предпочитало поправлять свои денежные дела скорее вторым способом, нежели первым» (*Richard Price.* An Appeal to the Public, on the Subject of the National Debt. 2nd edition. London, 1772, стр. 18—19).

(Соль его выдумки в следующем: пусть правительство занимает деньги на простые проценты и помещает одолженные деньги по сложным процентам.)

В своих «Observations on Reversionary Payments», 2nd edition, London, 1772, он взлетает еще выше:

«Один шиллинг, отданный в рост в год рождения Христа из 6% под сложные проценты, вырос бы в сумму бо̀льшую, чем сколько могла бы вместить вся солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна» (стр. XIII, примечание). «Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая *самыми малыми* сбережениями, оно может уплатить *самые крупные* долги в такой короткий срок, какого могут потребовать его интересы» (стр. XIV).

Бравый Прайс был попросту ослеплен огромными цифрами, вытекающими из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал совершенно безотносительно к условиям воспроизводства труда, как автоматически действующую вещь,

просто как число, увеличивающее само себя, то он мог полагать, что открыл закон роста капитала в вышеприведенной формуле. Питт в 1792 г. в речи, в которой он предлагал увеличить сумму, ассигнованную на фонд погашения, принимает совершенно всерьез мистификацию д-ра Прайса. ($S = C\ (1 + i)^n$.)[76]

Мак-Куллох приводит в качестве свойств металлических денег следующее:

«Материал должен быть 1) делим на мельчайшие доли, 2) пригоден к сохранению без порчи в течение неопределенного времени, 3) легко перевозим с места на место благодаря большой стоимости, заключенной в малом объеме, 4) монета определенного наименования по величине и качеству всегда равна любой другой монете того же наименования, 5) его стоимость должна быть сравнительно устойчивой» (*MacCulloch*. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of Commerce and Commercial Navigation. A new edition. London, 1847, стр. 836).

Во всей полемике г-на Прудона с Бастиа («Gratuité du Crédit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon*. Paris, 1850) вся соль рассуждений бравого Прудона в том, что для него ссуда представляется чем-то совершенно иным, нежели продажа.

Ссужать под проценты «означает иметь возможность все снова продавать один и тот же предмет и все снова получать за него цену, никогда не отказываясь от собственности на то, что здесь продают» («Gratuité du Crédit», письмо первое, написанное Шеве, одним из редакторов газеты «La Voix du Peuple»[77]).

Из-за различия формы, в которой здесь выступает воспроизводство капитала, он не замечает, что это постоянное воспроизводство капитала — цена которого постоянно возвращается и всегда снова с прибылью обменивается на труд, причем прибыль все снова и снова реализуется при купле-продаже — конституирует понятие капитала. Его сбивает с толку то, что «предмет» не меняет собственника, как при купле-продаже; следовательно, в сущности — лишь своеобразная форма воспроизводства, присущая ссужаемому под проценты капиталу вместе с основным капиталом. При сдаче внаем дома, о которой говорит Шеве, имеет место непосредственно форма основного капитала. Если рассматривать оборотный капитал во всем его процессе, то обнаруживается, что хотя *один и тот же предмет* (например, данный фунт сахара) не продается все сызнова, но одна и та же стоимость все вновь и вновь воспроизводится и что отчуждение касается лишь формы, а не субстанции.

Люди, способные делать подобные возражения, очевидно, еще не уяснили себе самых элементарных понятий политической экономии. Прудон не понимает, каким образом прибыль

вытекает из закона обмена стоимостей, следовательно не понимает этого и относительно процента. Поэтому «дом», деньги и т. д. должны, по его мнению, обмениваться не как «капитал», а как «товар... по себестоимости» («Gratuité du Crédit», стр. 43—44).

Бравый юноша не понимает, что все дело в том, что стоимость обменивается на труд по закону стоимости и что поэтому для того, чтобы упразднить процент, необходимо упразднить самый *капитал*, способ производства, основанный на меновой стоимости, а значит и наемный труд.

Неспособность г-на Прудона найти хотя бы только различие между ссудой и продажей:

«В самом деле, шляпник, продающий шляпы,.. получает взамен их стоимость, не больше и не меньше. Но капиталист, ссужающий деньги,.. не только получает обратно свой капитал неуменьшившимся, — он получает больше, чем свой капитал, больше, чем было им брошено в обмен: он получает сверх капитала еще и процент» (там же, стр. 69).

Таким образом, шляпники г-на Прудона исчисляют себестоимость без прибыли и процента. Прудон не понимает, что, именно получая *стоимость* своих шляп, они получают больше того, во что им обошлись эти шляпы, ибо часть этой стоимости присвоена при обмене с трудом без эквивалента. Здесь же — его великий тезис, разобранный выше *:

«Так как в торговле процент на капитал присоединяется к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. Жить работая — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» (там же, стр. 105).

В IX письме (стр. 144—152) бравый Прудон смешивает деньги как средство обращения с капиталом и в результате этого приходит к выводу, что существующий во Франции «капитал» приносит 160% (а именно, 1 600 миллионов франков годовых процентов по государственным займам, ипотекам и т. д. на капитал в один миллиард франков — на «сумму наличных денег, находящихся во Франции в обращении»).

Насколько он вообще далек от понимания капитала и его постоянного воспроизводства, видно из того, что он считает чем-то специфически свойственным «капиталу-деньгам», т. е. деньгам, отдаваемым в ссуду в качестве капитала, следующее:

«Так как в результате накопления процентов капитал-деньги от одного обмена к другому постоянно все снова и снова возвращаются к своему источнику, то отсюда следует, что всякая новая отдача этих денег в ссуду,

* См. настоящий том, часть I, стр. 405—416. *Ред.*

совершаемая одними и теми же руками, приносит прибыль всегда тому же самому лицу» (стр. 154).

«Всякий труд должен давать излишек» [стр. 200].

(Все следует *продавать,* ничего не следует *давать взаймы.* В этом вся соль [у Прудона]. Неспособность понять, что обмен товаров основан на обмене между капиталом и трудом, а в последнем обмене заложены прибыль и процент. Прудон хочет уцепиться за простейшую, самую абстрактную форму обмена.)

Следующая недурная аргументация г-на Прудона:

«Так как стоимость есть не что иное, как отношение, и так как между всеми продуктами необходимым образом устанавливается отношение друг к другу, то отсюда следует, что с общественной точки зрения продукты всегда являются стоимостями и установившимися стоимостями. Для общества разницы между капиталом и продуктом не существует. Различие это совершенно субъективно, оно существует лишь для индивидов» (стр. 250).

Антагонистическая природа капитала и необходимость для него наличия неимущего рабочего наивно выражены у старых английских экономистов, например у преподобного г-на Дж. Таунсенда, отца теории народонаселения, путем мошеннического присвоения которой Мальтус (вообще бесстыдный плагиатор: так, например, теория ренты заимствована им у фермера Андерсона) сделал себя великим человеком. Таунсенд [VII—49] говорит:

«По-видимому, таков закон природы, что бедные до известной степени непредусмотрительны, так что в обществе постоянно имеются люди для исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья благодаря этому сильно увеличивается. Более утонченные люди освобождаются благодаря этому от тягостных работ и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию и т. д.» ([*J. Townsend.*] A Dissertation on the Poor laws. Republished, London, 1817, стр. 39). «Законодательное принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, порождает недоброжелательство и т. д., между тем как голод не только представляет собой мирное, тихое, непрестанное давление, но и — будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду — вызывает самое сильное напряжение» (там же, стр. 15).

(Это фактически ответ на то, чей труд производительнее, труд рабов или свободного рабочего. Адам Смит не мог поставить такого вопроса, так как капиталистический способ производства предполагает свободный [наемный] труд. С другой стороны, развитое отношение капитала и труда точно так же делает правомерным то деление труда на производительный и непроизводительный, которое дает Адам Смит. Напротив, плоские шутки лорда Брума и претендующие на серьезность возражения Сэя, Шторха, Мак-Куллоха и всех прочих оказываются бессильными. Адам Смит ошибается лишь в том,

что несколько грубо понимает опредмечение [овеществление] труда — как такой труд, который закрепляется в каком-нибудь осязательном предмете. Но это у него — момент второстепенный, неумелость выражения.)

У Галиани тоже рабочие имеются налицо в силу закона природы (Галиани выпустил свою книгу в 1750 году):

«Бог устроил так, что люди, выполняющие работы первейшей необходимости, рождаются в изобилии» (*Galiani*. Della Moneta. Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna. Tomo III. Milano, 1803, стр. 78).

Но у него уже имеется и правильное понятие стоимости:

«Труд... есть единственное, что придает вещам стоимость» (там же, стр. 74).

Труд, правда, имеет также и качественные различия, не только потому, что совершается в различных отраслях производства, но и по большей или меньшей интенсивности и т. д. Здесь, разумеется, нельзя еще исследовать того способа, каким происходит выравнивание этих различий и всякий труд сводится к простому неквалифицированному труду. Достаточно того, что это сведѐние фактически *осуществлено* полаганием продуктов всех видов труда как стоимостей. Как стоимости они являются эквивалентами в определенных соотношениях; более высокие виды труда сами оцениваются в простом труде. Это становится сразу же ясным, если подумать о том, что, например, калифорнийское золото является продуктом простого труда. Тем не менее всякий вид труда оплачивается этим золотом. Качественное различие таким образом снято, и продукт более высокого вида труда фактически сводится к тому или иному определенному количеству простого труда. Стало быть, эти исчисления различных качеств труда здесь совершенно безразличны и нисколько не нарушают принципа.

«Металлы употребляются в качестве денег потому, что имеют стоимость, а не имеют стоимость потому, что употребляются в качестве денег» (*Галиани*, там же, стр. 95). «Скорость денежного обращения, а не количество металла делает количество денег бо̀льшим или меньшим» (стр. 99). «Деньги бывают двоякого рода, *идеальные* и *реальные*, и применяются они для двух различных целей, для *оценки* вещей и для *покупки* их. Для оценки идеальные деньги столь же хороши, как и реальные и, быть может, еще лучше... Другое применение денег есть покупка тех самых вещей, которые они оценивают... Цены и обязательства исчисляются в идеальных деньгах, а выполняются в реальных» (стр. 112—114). «*Металлы имеют ту особенность, что только в них все отношения сводятся к одному, которое есть их количество, так как они не обладают от природы* качественным различием ни по своей внутренней структуре, ни по внешней форме и фактуре» (стр. 126—127).

Это — очень важное замечание. Стоимость предполагает общую субстанцию и все различия, пропорции — сведенными к чисто количественным. Это как раз и имеет место у благородных металлов, которые таким образом выступают как природная субстанция стоимости.

«Деньги... в качестве пропорции всех вещей по отношению к жизненным потребностям являются тем, что можно назвать одним словом *цена* вещей» (стр. 152). «Сами идеальные деньги обычно бывают *счетными* деньгами, т. е. через их посредство заключают обязательства и оценивают все вещи: это происходит по той же самой причине, по какой деньги, которые в настоящее время являются идеальными, суть наиболее древние деньги каждой нации и когда-то были все реальными деньгами; а так как они были реальными деньгами, то ими пользовались для счета» (стр. 153).

(Это, вместе с тем, есть формальное раскрытие идеальных денег Уркарта и других. Для негров и т. д. брусок железа первоначально был реальными деньгами, затем превратился в идеальные деньги, но вместе с тем они старались сохранить его прежнюю стоимость. А так как стоимость железа, как они могли наблюдать в торговле, изменяется по отношению к золоту и т. д., то идеальный брусок, для того чтобы сохранить свою стоимость, выражает изменяющиеся пропорции действительных количеств железа — трудное вычисление, делающее честь силе абстракции этих господ.) (*Каслри* в дебатах, вызванных комитетом по слиткам 1810 года, выдвигал сходные путаные представления.)

Красивая фраза Галиани:

«Та бесконечность, которой вещи не достигают, двигаясь в одном направлении, достигается ими путем кругообращения» (*Галиани,* цит. соч., стр. 156).

Хорошо говорит Галиани относительно потребительной стоимости:

«Цена есть отношение... Цена вещей — это их пропорция по отношению к нашим потребностям; она еще не имеет твердого мерила. Быть может, оно будет найдено. Я лично считаю, что таким мерилом является *сам человек*» (стр. 159, 162).

«В Испании, в те времена, когда она была самой мощной и самой богатой державой, счет вели на реалы и на мельчайшие мараведи» (стр. 172, 173).

«Скорее всего человек есть единственное и истинное богатство» (стр. 188). «*Богатство есть отношение между двумя лицами*» (стр. 221). «Когда цена какой-либо вещи, или ее пропорция по отношению к другим вещам, изменилась в одинаковом отношении ко всем вещам, то налицо очевидное доказательство того, что изменилась стоимость одной этой вещи, а не стоимость всех других вещей» (стр. 154).

(Издержки по сохранению капитала и по ремонту следует также принимать в расчет.)

[12) РАЗНОЕ]

«*Положительное ограничение количества бумажных* денег [в законодательном порядке] выполнило бы ту единственную полезную задачу, которую издержки производства выполняют по отношению к другим деньгам» (*Opdyke.* A Treatise on Political Economy. New York, 1851, стр. 300).

Чисто количественное различие денежного материала:

«Деньги» (при займах) «возвращаются *только по своему роду* *; этот факт отличает это орудие от всех других,.. указывает на природу оказываемых им услуг,.. ясно демонстрирует уникальное своеобразие его функций» (там же, стр. 267).

«Владея деньгами, мы должны совершить только один обмен для получения желаемого предмета; если же мы имеем другие продукты, для нас излишние, то мы должны совершить два обмена, из которых первый (получение денег) несравненно труднее, чем второй» (стр. 287—288).

«*Банкир* отличается от старого *ростовщика*... тем, что он дает взаймы богатым и редко или никогда — беднякам. Поэтому он одалживает с меньшим риском и может позволить себе делать это на более легких условиях; по обеим этим причинам он не навлекает на себя ту народную ненависть, которая сопровождала ростовщика» (*F. W. Newman.* Lectures on Political Economy. London, 1851, стр. 44).

[VII—50] «Все прячут и тайно закапывают свои деньги глубоко в землю, в особенности же *язычники,* держащие в своих руках почти всю торговлю и почти все деньги и одержимые верою, что золото и серебро, которые они прячут в течение своей жизни, будут служить им после смерти» (*François Bernier.* Voyages contenant la description des Etats du Grand Mogol. Tome I, Paris, 1830, стр. 314).

«В своем естественном состоянии материя всегда *лишена стоимости.* Лишь посредством труда она приобретает меновую стоимость и становится элементом богатства» (*MacCulloch.* Discours sur l'origine, les progrès, les objets particuliers, et l'importance de l'économie politique. Traduit par Prevost. Genève et Paris, 1825, стр. 57).

«Товары при обмене служат *мерой* [стоимости] друг для друга» (*Storch.* Cours d'économie politique. Avec des notes par J. B. Say. Tome I, Paris, 1823, стр. 81). «В торговле между Россией и Китаем серебро служит для оценки всех товаров, и тем не менее эта торговля совершается путем обмена товара на товар» (стр. 88). «Подобно тому как труд не является *источником* богатств, он не является и их *мерой*» (стр. 123). «Смит... поддался мнению, что та же самая причина, которая заставляет *существовать* материальные вещи, является также источником и мерой их стоимости» (стр. 124).

«Процент есть цена, которую платят за пользование капиталом» (стр. 336). «Деньги должны обладать непосредственной стоимостью, но основанной на искусственной потребности. Денежный материал не должен быть безусловно необходимым для существования человека; ибо все то количество этого материала, которое применяется в качестве денег, никогда не может употребляться для индивидуального потребления; оно всегда должно находиться в обращении» (том II, стр. 113, 114). «Деньги замещают всё» (стр. 133).

---

* — как любые полноценные деньги, а не как *те же самые* золотые или серебряные монеты, которые были выданы заемщику заимодавцем. *Ред.*

Том V: «Considérations sur la nature du revenu national», Paris, 1824:

«Воспроизводительное потребление по существу представляет собой не расходы, а только *авансы,* потому что они возмещаются тому, кто их делает» (стр. 54). «Нет ли явного противоречия в том, что народы обогащаются путем сбережений или *лишений,* т. е. добровольно осуждая себя на бедность?» (стр. 176).

«В эпоху, когда кожи и меха служили в России деньгами, неудобства, связанные с обращением столь громоздких и столь непрочных денег, натолкнули на мысль заменить их клейменными кусочками кожи, которые вследствие этого стали знаками, подлежавшими оплате кожами и мехами... Эту функцию (а именно, функцию представлять в дальнейшем определенные доли серебряной копейки) они сохраняли до 1700 г., по крайней мере в городе Калуге и ее окрестностях, пока Петр I (в 1700 г.) не предписал их сдать взамен мелких медных денег» (том IV, стр. 79).

Намек на чудеса сложных процентов встречается уже у большого борца против ростовщичества XVII века — *Джозаи Чайлда* в его «Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent», traduits de l'anglais, Amsterdam et Berlin, 1754, стр. 115—117 (по-английски опубликовано в 1669 г.).

«Фактически товар всегда будет обмениваться на большее количество труда, чем то, которым он был произведен, и *как раз этот избыток и образует прибыль*» (*MacCulloch.* The Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 221).

Отсюда видно, как хорошо г-н Мак-Куллох понимал принцип Рикардо. Он различает *действительную стоимость* и *меновую стоимость;* первая есть количество труда, затраченного на присвоение или производство товара; вторая есть *способность купить* известное количество труда или других товаров (стр. 211).

«Человек в такой же мере является *продуктом труда,* как любая машина, построенная им; и нам представляется, что при всех экономических исследованиях его следует рассматривать именно с такой точки зрения» (стр. 115). «Заработная плата по сути дела состоит из части продукта труда рабочего» (стр. 295). «Прибыль капитала есть лишь иное название для заработной платы накопленного труда» (стр. 291).

«Периодическое уничтожение капитала стало необходимым условием существования какого бы то ни было рыночного уровня процента, и, с этой точки зрения, те ужасные несчастья, которые мы обычно ожидаем с таким беспокойством и страхом и которые мы так стремимся предотвратить, быть может представляют собой не что иное, как естественный и необходимый корректив к чрезмерно возросшему и раздутому изобилию, *целебную силу,* посредством которой наша общественная система, как она сложилась в настоящее время, получает возможность время от времени оправиться от постоянно возвращающегося полнокровия, которое угрожает существованию этой системы, и снова прийти в здоровое и исправное состояние» (*John Fullarton.* On the Regulation of Currencies. London, 1844, стр. 165).

Деньги — «*всеобщая покупательная способность*» (Чалмерс) *.

«*Капитал*... услуги и товары, применяемые в производстве. *Деньги:* мера стоимости, средство обмена и всеобщий эквивалент; более практически: *средство получить капитал; единственное средство уплатить за капитал,* предварительно полученный в кредит; фактически — гарантия получения равноценной стоимости в виде капитала. *Торговля* есть обмен капитала на капитал через посредство денег, и поскольку обязательство заключено в деньгах, то только при помощи денег можно выполнить это обязательство и погасить долг. При продаже один вид капитала обменивается на деньги для получения эквивалентной ему стоимости, специфицированной в капитале любого рода. *Процент*—вознаграждение за денежную ссуду. Если деньги берутся взаймы с целью *добыть капитал,* то уплачиваемая компенсация есть вознаграждение за пользование капиталом (сырьем, трудом, товарами и т. д.), который получен на занятые деньги. Если деньги занимаются с целью погасить долг, уплатить за капитал, уже полученный и использованный до этого (при условии уплатить за него деньгами), тогда компенсация дается за пользование самими деньгами, и в этом отношении процент и учетная ставка сходны. *Учет* есть вознаграждение исключительно за деньги как таковые, за превращение кредитных денег в реальные деньги. Надежный вексель дает ту же самую возможность распоряжаться капиталом, как и банкноты, минус плата за учет; и векселя учитываются с целью получить деньги более удобных купюр для выдачи заработной платы и для мелких платежей наличными или для погашения более крупных обязательств, которым наступил срок; а также ради той выгоды, которая получается, если можно получить наличные деньги путем учета по норме ниже 5%, составляющих обычное вознаграждение за наличные деньги. Однако главная цель при учете зависит по существу от спроса и предложения денег, служащих законным средством платежа... Размер процента зависит главным образом от спроса и предложения капитала, а размер учетной ставки зависит всецело от спроса и предложения денег» («The Economist» от 13 марта 1858 г., Письмо в редакцию).

[VII—51] Г-н К. Арнд, который вполне на своем месте, когда рассуждает о «собачьем налоге» [78], сделал следующее интересное открытие:

«В ходе естественного созидания благ имеется только *одно* явление, которое — во вполне цивилизованных странах — до известной степени как бы призвано регулировать ставку процента: это — то отношение, в котором древесные массы европейских лесов увеличиваются вследствие ежегодного прироста. Прирост этот происходит, совершенно независимо от их меновой стоимости, в пропорции от 3 до 4 на сотню» (*K. Arnd.* Die naturgemässe Volkswirthschaft, gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus. Hanau, 1845, стр. 124—125).

Это заслуживает названия: «ставка процента, вырастающая в лесу».

«Остающаяся [после покрытия всех производственных расходов] стоимость, или избыток, в каждой отрасли будет пропорциональна стоимости примененного капитала» (*Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition, London, 1821, стр. 84) [Русский перевод, том I, стр. 83].

---

* См. настоящий том, часть II, стр. 98. *Ред.*

[43)] ПРОЦЕНТ И ПРИБЫЛЬ

В отношении *процента* следует рассмотреть две стороны дела.

Во-первых, разделение *прибыли* на процент и прибыль. (Как единство того и другого англичане называют прибыль *gross profit* *.) Различие становится ощутимым, осязательным, когда класс денежных капиталистов противостоит классу промышленных капиталистов. *Во-вторых,* сам *капитал* становится товаром, или товар (деньги) продается в качестве капитала. Так, например, говорят, что капитал, подобно всем другим товарам, сообразует свою цену со спросом и предложением. Спрос и предложение определяют, следовательно, ставку процента. Стало быть, здесь капитал как таковой вступает в обращение.

Денежные капиталисты и промышленные капиталисты могут образовать два отдельных класса только потому, что прибыль способна расщепиться на две отрасли дохода. Два сорта капиталистов выражают собой лишь самый факт; но должно быть налицо распадение, расщепление прибыли на две особых формы дохода, для того чтобы на этой почве могли вырасти два особых класса капиталистов.

Форма процента древнее формы прибыли. Высокий уровень процента в Индии для простых земледельцев вовсе не говорит о высоком уровне прибыли, а говорит о том, что как прибыль, так и часть заработной платы присваиваются ростовщиком в форме процента. Когда г-н Кэри сравнивает этот процент с тем, который господствует на английском денежном рынке и уплачивается английским капиталистом, и делает отсюда вывод, насколько выше «норма труда» (доля труда в продукте) в Англии, чем в Индии, то такого рода операция вполне достойна уровня исторического чутья г-на Кэри. Ему следовало бы привлечь для сравнения проценты, уплачиваемые в Англии ручными ткачами, например в Дербишире, которым капиталисты авансируют (одалживают) материал и инструмент. Он нашел бы, что эти проценты настолько высоки, что после уплаты по всем статьям расхода рабочие в конце концов еще оказываются должниками, хотя они не только вернули капиталисту его авансы, но еще вдобавок присоединили к ним бесплатно свой труд.

Историческая форма промышленной прибыли появляется лишь после того, как капитал перестает выступать наряду с самостоятельным работником. Поэтому первоначально прибыль представляется определяемой процентом. Но в буржуазной

* — валовой прибылью. *Ред.*

экономике процент определяется прибылью и есть лишь часть ее. Таким образом, прибыль должна быть настолько велика, чтобы часть ее могла обособиться в виде процента. Исторически наоборот: процент должен быть снижен до такого уровня, чтобы часть прибавочной стоимости могла обособиться в виде прибыли.

Существует существенная связь между заработной платой и прибылью — между необходимым трудом и прибавочным трудом; но имеется ли какая-либо связь между прибылью и процентом кроме той, которая определяется соперничеством этих двух классов, получающих эти различные формы дохода? Но для того чтобы существовали как это соперничество, так и оба класса, уже предположено разделение прибавочной стоимости на прибыль и процент. Капитал, рассматриваемый в общем виде [im Allgemeinen], не является всего лишь абстракцией. Если, например, я рассматриваю совокупный капитал какой-либо нации в отличие от совокупного наемного труда (или также земельной собственности) или же рассматриваю капитал как всеобщий экономический базис одного класса в отличие от другого класса, то я рассматриваю капитал вообще. Так же, как, например, я рассматриваю с физиологической точки зрения человека в отличие от животного. Действительное различие между прибылью и процентом существует в виде различия между классом денежных капиталистов и классом промышленных капиталистов. Но для того чтобы два таких класса могли противостоять друг другу, их двойное существование предполагает расщепление прибавочной стоимости, созданной капиталом.

(Политическая экономия имеет дело со специфическими общественными формами богатства, или, точнее, производства богатства. Вещество богатства, будь то субъективное, как труд, или объективное, как предметы, служащие для удовлетворения естественных или исторических потребностей, представляется сначала общим для всех эпох производства. Поэтому это вещество представляется сначала всего лишь предпосылкой, лежащей целиком за пределами политической экономии и входящей в сферу ее рассмотрения лишь тогда, когда оно видоизменяется отношениями, присущими форме, или само выступает как видоизменяющее их. То общее, что обычно говорится об этом, ограничивается абстракциями, которые представляли некоторую историческую ценность в эпоху первых опытов политической экономии, когда формы еще с большим трудом вышелушивались из вещественного содержания и с большим напряжением фиксировались как подлинный объект исследования. Позднее они становятся скучными общими местами,

тем более противными, чем больше они выступают с претензией на научность. Это относится ко всему тому, о чем немецкие экономисты обычно болтают под рубрикой категории «благ».)

Важно то, что как процент, так и прибыль выражают соотношения *капитала*. Капитал, приносящий проценты, противостоит как особая форма не труду, а капиталу, приносящему прибыль. То отношение, когда, с одной стороны, рабочий выступает еще как самостоятельный работник, т. е. не как наемный рабочий, но когда, с другой стороны, предметные условия такого работника уже обладают самостоятельным существованием рядом с ним самим, являясь собственностью особого класса ростовщиков, по необходимости развивается при всех способах производства, более или менее покоящихся на обмене, — вместе с развитием купеческого имущества или денежного имущества, в противоположность особенным и ограниченным формам земледельческого или ремесленного имущества. Само развитие этого меркантильного имущества можно рассматривать как развитие меновой стоимости и поэтому как развитие обращения и денежных отношений в указанных сферах. Это отношение, с одной стороны, показывает нам, правда, обособление, отделение условий труда — которые всё более и более приходят из обращения и всё более и более зависят от него — от экономического бытия рабочего. Но с другой стороны, последнее еще не подчинено процессу капитала. Поэтому способ производства еще существенно не видоизменяется. Если указанное отношение повторяется в рамках буржуазной экономики, то это имеет место в отсталых отраслях производства или в таких, которые еще [VII—52] сопротивляются грозящей им гибели в современном способе производства. В этих отраслях имеет место самая гнусная эксплуатация труда без того, чтобы здесь отношение капитала и труда носило в себе базис для развития новых производительных сил и зародыш новых исторических форм. В самом способе производства капитал еще выступает здесь как вещественно подчиненный отдельному работнику или рабочей семье — будь то в ремесленном производстве или в мелком земледелии. Имеет место эксплуатация со стороны капитала без капиталистического способа производства. Процентная ставка очень высока, так как процент включает в себя прибыль и даже часть заработной платы. Эта форма ростовщичества, при которой капитал не овладевает производством и, следовательно, является капиталом лишь формально, предполагает господство добуржуазных форм производства, но она снова воспроизводится во второстепенных сферах в рамках самой буржуазной экономики.

Вторая историческая форма процента: отдача в ссуду капитала потребляющему богатству. Эта форма является здесь исторически важной, как один из моментов возникновения капитала, поскольку доход, а зачастую также и земли земельных собственников накопляются и капитализируются в карманах ростовщиков. Это один из тех процессов, посредством которых оборотный капитал или также капитал в денежной форме концентрируется в руках класса, независимого от земельных собственников.

Формой реализованного капитала, как и реализованной им прибавочной стоимости, являются деньги. Прибыль (а не только процент) выражается, таким образом, в деньгах, ибо в них стоимость реализуется и измеряется.

Необходимость денежных платежей — а не только денег для покупки товаров и т. д. — развивается повсюду, где имеются меновые отношения и денежное обращение. Вовсе не обязательно, чтобы обмен был одновременным. При наличии денег имеется возможность, что одна сторона отпускает свой товар, а другая производит платеж лишь позже. Потребность в деньгах для этой цели (в дальнейшем приводящая к развитию займов и учета векселей) — один из главных исторических источников процента. Но это нас здесь еще совершенно не касается; это следует рассмотреть лишь при анализе кредитных отношений.

Различие между *куплей* (*Д* — *Т*) и *продажей* (*Т* — *Д*):

«Когда я продаю, то 1) я начисляю на товар прибыль и получаю ее, 2) я получаю товар универсально представительный или обратимый — *деньги*, которые всегда могут быть проданы и на которые я всегда могу получить в свое распоряжение всякий другой товар, ибо особая легкость сбыта денег является точным результатом или естественным следствием меньшей легкости сбыта [других] товаров... При покупке дело обстоит иначе. Если покупают для перепродажи или снабжения клиентов, то какова бы ни была вероятность, не существует абсолютной уверенности, что можно будет продать по выгодной цене... Но не все покупают для перепродажи; многие покупают для собственного потребления» и т. д. (*Th. Corbet*. An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals. London, 1841, стр. 117—118).

«Отчет, представленный парламенту г-ном Джемсом Уилсоном, показывает, что монетный двор начеканил в 1857 г. золотых монет на сумму 4 859 000 ф. ст., из которых 364 000 ф. ст. в виде полсоверенов. Чеканка серебра в этот год составила 373 000 ф. ст., причем стоимость затраченного металла равнялась 363 000 ф. ст. За десятилетие, истекшее 31 декабря 1857 г., всего было начеканено на 55 239 000 ф. ст. золотых монет и на 2 434 000 ф. ст. серебряных монет... За последний год начеканено медных монет на сумму 6 720 ф. ст. (причем стоимость меди составила 3 492 ф. ст.), из них 3 163 — в виде пенсов, 2 464 — в виде полупенсов и 1 120 — в виде фартингов... Общая стоимость медных монет, начеканенных за последнее

десятилетие, составила 141 477 ф. ст., причем медь была приобретена за 73 503 ф. ст.» («The Economist» от 10 апреля 1858 г.).

«По мнению Томаса Калпепера (1641 г.), Джозаи Чайлда (1670 г.), Патерсона (1694 г.) и Локка (1700 г.), богатство зависит от хотя бы даже насильственного понижения процентной ставки с золота и серебра. Это мнение господствовало в Англии на протяжении почти двух столетий» (*Ganilh.* Des Systèmes d'économie politique. Tome premier. Paris, 1809, стр. 76—77).

Когда *Юм,* в противоположность Локку, доказывал, что процентная ставка определяется нормой прибыли [79], он уже имел перед собой гораздо более высокое развитие капитала. Еще больше это относится к Бентаму, когда он в конце XVIII столетия писал свою защиту ростовщичества [80].

(Начиная с Генриха VIII до Анны имеет место снижение процентной ставки в законодательном порядке.)

«В каждой стране есть: 1) производящий класс [81] и 2) денежный класс, живущий на проценты со своего капитала» (*J. St. Mill.* Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 110).

«Процент, взимаемый в ломбардах, становится таким чрезмерным вследствие частых залогов и выкупов в течение одного и того же месяца или залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 зарегистрированных ломбардов, а в провинции приблизительно 1 450... Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 миллион; он оборачивается по крайней мере три раза в год, принося в среднем каждый раз $33^1/_2$%; таким образом, низшие классы Англии ежегодно уплачивают 1 миллион за краткосрочные ссуды в 1 миллион, не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuckett.* A History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. I, London, 1846, стр. 114).

[14) ПРЕВРАЩЕНИЕ КУПЦА В ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИСТА. ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА. РАЗМЕР ПРОЦЕНТНОЙ СТАВКИ]

«Некоторые работы не могут производиться иначе, как в крупном масштабе, например фабрикация фарфора, стекла и т. д. Поэтому такие работы никогда не производятся ремесленниками. Уже в XIII и XIV столетиях некоторые работы, например в области ткачества, велись в крупном масштабе» (*Poppe.* Geschichte der Technologie. Erster Band. Göttingen, 1807, стр. 32).

«В старое время все фабрики были ограничены рамками ремесла, а *купец* лишь скупал и сбывал изделия ремесленников. Всего строже этого придерживались в суконных и льняных мануфактурах. Но постепенно во многих местностях купцы начинают брать на себя функции мастеров» (разумеется, без цеховых предрассудков и традиций, без отношения прежних мастеров к подмастерьям) «и нанимать подмастерьев за поденную оплату» (*Поппе,* там же, стр. 70—71).

Это было главной причиной того, что в Англии настоящая промышленность обосновалась и развилась в некорпоративных городах.

Торговый капитал, или деньги, как они выступают в виде купеческого имущества, есть первая форма капитала, т. е. форма такой стоимости, которая проистекает исключительно из обращения (обмена), сохраняет, воспроизводит и увеличивает себя в обращении, так что исключительной целью этого движения и этой деятельности является меновая стоимость. Налицо оба движения — покупать для продажи и продавать для купли, но [VII—53] преобладает форма *Д — Т — Т — Д*. Деньги и их умножение являются исключительной целью операции. Купец не покупает товар для собственных потребностей, ради его потребительной стоимости, и не продает его для того чтобы, например, погасить денежные обязательства или чтобы получить другой товар для удовлетворения своих потребностей. Его прямая цель есть увеличение стоимости, и притом в ее непосредственной форме в виде денег. Торговое имущество, во-первых, — это деньги как средство обмена: деньги как такое движение, которое опосредствует обращение; купец обменивает деньги на товар и товар на деньги, и наоборот. Деньги выступают здесь также и как самоцель, но они не обязательно должны поэтому существовать в своей металлической форме. Здесь имеет место живое превращение стоимости в обе формы — товарную и денежную; безразличие стоимости по отношению к определенной форме потребительной стоимости, принимаемой ею, и вместе с тем ее метаморфоз во все эти формы, которые, однако, выступают только как переоблачение. Если, таким образом, торговая деятельность связывает между собой процессы обращения и поэтому деньги как купеческое имущество являются, с одной стороны, первой формой существования капитала и выступают исторически именно так, то, с другой стороны, эта форма выступает как прямо противоречащая *понятию стоимости*. Покупать дешево и дорого продавать—таков закон торговли. *Следовательно, не обмен эквивалентов, при котором, наоборот, торговля была бы невозможной как особый вид промысла.*

Однако деньги как торговое имущество, — так, как они выступают в самых разнообразных формах общества и на самых разнообразных ступенях развития общественных производительных сил, — представляют собой лишь опосредствующее движение между противоположными сторонами, над которыми они не господствуют, и между предпосылками, которых они не создают.

«В каждом цивилизованном обществе главная *торговля* происходит между городскими и сельскими жителями. Она состоит в *обмене сырых продуктов* на *изделия промышленности...* либо непосредственно, либо посредством денег» (*A. Smith.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction par G. Garnier. Tome II. Paris, 1802, стр. 403) [Русский перевод, стр. 279].

Торговля всегда есть связующее начало. Производство первоначально велось в небольшом масштабе.

«Город служит базаром, или рынком, к которому обращаются сельские жители, чтобы обменять свои сырые продукты на изделия промышленности. Эта торговля доставляет городским жителям как материал для их труда, так и средства существования. Количество *готовых изделий,* которые они продают сельским жителям, по необходимости определяет собой количество материалов и продуктов питания, которые они покупают» (там же, стр. 408) [Русский перевод, стр. 281].

До тех пор пока главной целью являются «средства существования и наслаждения», господствует потребительная стоимость.

В понятии стоимости заложено то, что она сохраняется и умножается только посредством обмена. Но существующая стоимость — это прежде всего деньги.

«Промышленность, направленная на производство того, что выходит за пределы абсолютно необходимого, утвердилась в городах задолго до того, как получила распространение среди сельского населения» (там же, стр. 452) [Русский перевод, стр. 296].

«Хотя жители города необходимое им продовольствие и все средства и материалы труда получают в конечном счете из деревни, но жители города, расположенного на морском побережье или на судоходной реке, могут получать все это также и из отдаленнейших уголков земли либо в обмен на продукты своей собственной промышленности, либо выполняя функцию посредника, доставляющего товары из одной отдаленной страны в другую и обменивающего продукты одной из них на продукты другой. Таким путем тот или иной город может стать весьма богатым, в то время как не только окружающая его местность, но и все страны, где он торгует, остаются бедными. Каждая из этих стран, взятая в отдельности, может предоставить городу лишь незначительную часть того, что необходимо для его прокормления и для работы его промышленности. Но все эти страны, вместе взятые, могут обеспечить город бо́льшим количеством средств существования и бо́льшим разнообразием промышленной деятельности» (там же, стр. 452—453) [Русский перевод, стр. 296].

(Итальянские города раньше других возвысились в Европе благодаря торговле; во время крестовых походов — Венеция, Генуя, Пиза — отчасти посредством перевозки людей и всегда посредством перевозки продовольствия, которое надо было поставлять им. Эти республики были как бы интендантами этих армий.) (Там же.)

Купеческое имущество, как постоянно занятое обменом и обменивающее ради меновой стоимости, представляет собой фактически живые деньги.

«Жители торговых городов привозили из более богатых стран утонченные изделия и предметы роскоши большой цены, доставляли тем самым новую пищу для тщеславия крупных земельных собственников, которые покупали их нарасхват, давая взамен большие количества сырых продуктов своих земель. Таким образом, торговля значительной части Европы в эту эпоху представляла собой обмен сырых продуктов одной страны на мануфактурные продукты более передовой промышленной страны» (стр. 454, 455). «Когда вкус к более тонким изделиям стал настолько распространенным, что создался значительный спрос, купцы, для того чтобы сократить транспортные издержки, пытались создать в собственной стране подобные мануфактуры. Таково происхождение первых мануфактур для продажи на отдаленный рынок» (там же). Мануфактуры предметов роскоши возникли на почве внешней торговли и были основаны купцами (обрабатывались заграничные материалы) (стр. 456—458) [Русский перевод, стр. 297—298].

Адам Смит упоминает и другой вид мануфактуры, «который естественно и сам собой возник благодаря постепенному усовершенствованию грубых и домашних ремесел». Обрабатывались местные материалы (стр. 459) [Русский перевод, стр. 298].

Торговые народы античного мира существовали так, как боги Эпикура в межмировых пространствах [82], или, лучше сказать, так, как евреи в порах польского общества. Большинство самостоятельно достигших значительного развития торговых народов или городов вели *посредническую торговлю,* основывавшуюся на варварстве производящих народов, среди которых они играли роль денег (посредников).

На первоначальных ступенях буржуазного общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе — наоборот.

Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется. Благодаря торговле производство все более и более будет подчиняться меновой стоимости, а непосредственная потребительная стоимость — все больше оттесняться на задний план, поскольку торговля делает существование все более зависимым не от непосредственного потребления продукта, а от его продажи. Она разлагает старые отношения. Тем самым она усиливает денежное обращение. Сначала она охватывает только излишки производства; шаг за шагом захватывает и само производство. Однако разлагающее влияние торговли весьма зависит от природы тех производящих обществ, среди которых оперирует торговля. Например, торговля почти не потрясла основ древнеиндийской общины и вообще азиатских отношений. Обман

при обмене есть [VII—54] базис торговли, выступающей самостоятельно.

Однако капитал возникает лишь там, где торговля овладевает самим производством и где купец становится производителем или производитель становится просто купцом. Этому противостоит средневековый цеховой строй, кастовый строй и т. д. Но возникновение капитала в его адекватной форме предполагает наличие капитала как торгового капитала, так что люди производят уже не для потребления, более или менее опосредствованного деньгами, а для торговли в крупном масштабе.

Купеческое имущество, в качестве самостоятельной экономической формы и основы торговых городов и торговых народов, существует и существовало как посредник между народами, стоящими на самых различных ступенях экономического развития, а в самом торговом городе (например, в древнеазиатском, греческом или же итальянском и т. д. в средние века) производство может продолжать существовать в цеховой и тому подобной форме.

Стюарт. «*Торговля* есть операция, посредством которой богатство или работа, будь то индивидов или обществ, могут быть обменены при посредстве группы людей, именуемых купцами, на эквивалент, способный удовлетворить любую потребность без всякого перерыва в производстве или какой-либо задержки в потреблении. *Промышленность* есть применение искусного труда свободным человеком, с целью добыть *путем торговли* эквивалент, пригодный для удовлетворения любой потребности» (*J. Steuart.* An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I. Dublin, 1770, стр. 166).

«Пока потребности и просты, и немногочисленны, работник находит достаточно времени для выполнения всей своей работы; когда потребности становятся разностороннее, людям приходится работать более напряженно; *люди начинают ценить время;* поэтому вводится торговля... Купец как посредник между работниками и потребителями» (стр. 171).

«Сосредоточение (продуктов) в немногих руках есть введение торговли» (там же). «Потребитель покупает не для перепродажи; купец покупает и продает только в расчете на барыши» (стр. 174) (т. е. ради стоимости) «Самый простой вид торговли — это тот, который производится путем *обмена необходимейших жизненных средств*» (обмен между продовольственными излишками фермеров и «свободными руками») [стр. 175—176]. «Прогресс следует приписать главным образом введению денег» (стр. 176).

«Пока потребности взаимно удовлетворяются посредством простой мены, для денег нет ни малейшего шанса. Это простейшая из всех комбинаций. Когда потребности становятся разнообразнее, меновая торговля становится более затруднительной; вследствие этого вводятся *деньги.* Деньги — общая цена всех вещей. Надлежащий эквивалент в руках тех, кто предъявляет спрос. Эта операция купли-продажи несколько сложнее первой операции» [стр. 177].

Итак, 1) *мена,* 2) *купля-продажа,* 3) *торговля.*

«Должен появиться купец. То, что прежде называлось потребностями, представлено теперь потребителем, промышленность — мануфактуристом,

деньги — купцом. Купец является представителем денег, заменяя их кредитом, и подобно тому, как деньги были изобретены для облегчения меновой торговли, так купец посредством кредита представляет новое усовершенствование в применении денег. Эта операция купли-продажи есть торговля; она избавляет обе стороны от всех хлопот по доставке и приспособлению одной потребности к другой или потребности к деньгам; купец поочередно представляет потребителя, мануфактуриста и деньги. Для потребителей он представляет собой совокупность мануфактуристов, а для последних — совокупность потребителей, и обоим классам кредит купца заменяет применение денег» (стр. 177, 178).

«Предполагается, что *купцы покупают и продают не по необходимости, а в расчете на прибыль*» (стр. 201).

«Только промышленник производит для чужого, а не для собственного потребления. Эти блага становятся для него полезными лишь с того момента, когда он их обменяет. Они, следовательно, делают необходимой торговлю, или искусство обмена. Они оцениваются только соответственно своей меновой стоимости» (*Sismondi*. Etudes sur l'économie politique. Tome II, Bruxelles, 1838, стр. 161). «Торговля лишила вещи, богатства их первичного характера полезности... *Противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью — к этой последней торговля свела все вещи*» (стр. 162). «Вначале полезность есть истинная мера стоимостей; ... торговля тогда существует в патриархальном состоянии общества; но она не охватила целиком все общество; торгуют лишь излишками продуктов каждого человека, а не тем, что необходимо для его существования» (стр. 162, 163). «Напротив, для нашего теперешнего экономического состояния и прогресса характерно то, что *торговля* взяла на себя *распределение* всей совокупности ежегодно производимого богатства и, следовательно, совершенно лишила его характера полезной стоимости, сохранив за ним лишь характер меновой стоимости» (стр. 163).

«До введения торговли... увеличение количества произведенных продуктов представляло собой прямое увеличение богатства. Малое значение имело тогда количество труда, посредством которого была приобретена та или иная полезная вещь... И действительно, желаемая вещь ничего не утрачивает из своей полезности даже тогда, когда для ее приобретения не требуется никакого труда; хлеб и полотно были бы не менее необходимы своим владельцам даже в том случае, если бы они упали к ним с неба. Это, несомненно, и есть настоящая оценка богатства, потребления и полезности. Но с того момента, когда люди... поставили свое существование в зависимость от обмена, который они могли бы произвести, или от торговли, они были вынуждены усвоить другой способ оценки, оценку по меновой стоимости — стоимости, которая вытекает не из полезности, а из *отношения между потребностями всего общества и количеством труда, достаточным для удовлетворения этих потребностей,* или также количеством труда, которое может удовлетворить их в будущем» (там же, стр. 266). «При оценке стоимостей, которые люди старались измерять посредством введения денег, понятие полезности было совсем отброшено в сторону. Стали принимать во внимание только *труд,* усилие, необходимое для того, чтобы добыть себе те две вещи, которые обмениваются друг на друга» (стр. 267).

Относительно процента *Дж. У. Гилбарт* в своей книге «The History and Principles of Banking» (London, 1834) говорит следующее:

«То обстоятельство, что человек, берущий деньги взаймы *с целью получения прибыли при их помощи,* должен отдать часть своей прибыли кредитору, является само собой разумеющимся принципом естественной

справедливости. Человек получает прибыль обычно посредством торговли. Но в средние века население было чисто земледельческим. А при таком населении и при феодальном режиме может иметь место лишь небольшая торговля, а потому и небольшая прибыль. Поэтому в средние века законы о ростовщичестве имели себе оправдание. Кроме того, в земледельческой стране человек редко стремится к тому, чтобы занимать деньги, за исключением тех случаев, когда он обеднел или попал в беду вследствие какого-либо несчастья» (стр. 163).

«Генрих VIII ограничил процент 10%, Яков I — 8%, Карл II — 6%, Анна — 5%» (стр. 164—165). «В те [VII—55] времена заимодавцы, если не в силу закона, то фактически были монополистами, и потому необходимо было ограничивать их, как и других монополистов. В наше время норма прибыли регулирует норму процента, тогда как в те времена норма процента регулировала норму прибыли. Если кредитор обременял купца высокой нормой процента, то купец бывал вынужден накидывать на свои товары более высокую норму прибыли. Тем самым из карманов покупателей извлекалась большая сумма денег, чтобы положить ее в карман кредитора, ссудившего деньги купцу. Эта добавочная цена, накидываемая на товары, приводила к тому, что публика становилась менее способной и менее расположенной покупать эти товары» (стр. 165).

«При господстве неизменных эквивалентов *торговля* и т. д. была бы невозможна» (*G. Opdyke*. A Treatise on Political Economy. New York, 1851, стр. 67).

«Положительное ограничение [в законодательном порядке] количества этого орудия» (т. е. бумажных денег) «выполнило бы ту единственную полезную задачу, которую издержки производства выполняют по отношению к другому орудию» (металлическим деньгам) (там же, стр. 300).

Процент. «Если определенная сумма драгоценного металла понижается в стоимости, то это не служит основанием брать меньшее количество денег за пользование этой суммой, ибо если капитал представляет меньше ценности для заемщика, то в той же мере ему менее трудно платить процент. В Калифорнии берут 3% в месяц, 36% в год вследствие неурегулированности общего положения... В Индостане, где займы предоставляются индийским князьям на *непроизводительные расходы*, заимодавцы с целью компенсирования в среднем потерь своего капитала взимают весьма высокие проценты, 30%, *не стоящие ни в каком отношении к прибыли*, которую можно было бы извлечь путем промышленных операций» («The Economist» от 22 января 1853 г., № 491, стр. 89). Заимодавец «взимает здесь такой процент, высота которого достаточна для возмещения кредитованной суммы в короткий срок или по крайней мере для того, чтобы уравновесить его убытки в отдельных случаях явно непомерным барышом в других случаях» (там же).

«Размер процента зависит: 1) от нормы прибыли, 2) от пропорции, согласно которой вся полученная прибыль делится между заимодавцем и заемщиком» (там же).

«Изобилием или недостатком драгоценных металлов, высоким или низким общим уровнем цен определяется только большее или меньшее количество денег, которое потребуется для осуществления обмена между заемщиками и заимодавцами, равно как и для всех других видов обмена... Различие лишь в том, что потребуется бо́льшая сумма денег для того, чтобы представить и передать в руки заемщика даваемый в ссуду капитал... Отношение между суммой, уплачиваемой за пользование капиталом, и величиной этого капитала выражает норму процента, измеренную в деньгах» (там же, стр. 89—90).

[15) РАЗНОЕ О ДЕНЬГАХ]

Двойной стандарт. Прежде «в странах, где золото и серебро — узаконенный стандарт, обращалось до сих пор почти лишь одно серебро, так как в 1800—1850 гг. золото имело тенденцию дорожать по отношению к серебру... Во Франции золото несколько подорожало по отношению к серебру и ходило с лажем по сравнению с определенным в 1802 г. отношением к серебру... То же самое имело место в Соединенных Штатах,.. в Индии». (В последней стране теперь серебряный стандарт, так же, как в Голландии и т. д.) «Обращение Соединенных Штатов было затронуто раньше всех [открытием калифорнийского золота]. Значительный ввоз золота из Калифорнии, лаж на серебро в Европе,.. значительный вывоз серебряных монет и замена их золотом. Правительство Соединенных Штатов чеканило золотые монеты даже достоинством всего лишь в 1 доллар... [Частичная] замена серебра золотом во Франции» («The Economist» от 15 ноября 1851 г., стр. 1257).

«Пусть «стандарт стоимости» будет каким угодно и пусть находящиеся в обращении деньги представляют *любую* определенную долю этого стандарта, которая может быть установлена; все же как то, так и другое может обладать определенной и перманентной стоимостью по отношению друг к другу, лишь будучи обратимо по желанию владельца» («The Economist» от 9 октября 1847 г., стр. 1158).

«Единственные деньги, которые могут цениться выше номинальной стоимости, это те, которыми никто не обязан платить, между тем как всякий обязан принимать их как законное платежное средство» («The Economist» от 19 января 1851 г., стр. 59).

«Ни одна страна логически не может иметь больше одного стандарта (больше *одного* стандарта меры стоимости), ибо этот стандарт должен быть однородным и неизменным. Ни один товар не обладает однородной неизменной стоимостью по отношению к другим: он обладает таковой лишь по отношению к самому себе. Золотая монета всегда обладает той же стоимостью, как и другая золотая монета той же самой пробы, того же веса и в том же месте; но этого нельзя сказать о золоте *и* каком-нибудь другом товаре, например серебре» («The Economist» от 11 мая 1844 г., стр. 771).

«Английский фунт стерлингов составляет теперь несколько меньше $^1/_3$ своей первоначальной стоимости, немецкий флорин — $^1/_6$, Шотландия перед объединением с Англией понизила свой фунт до $^1/_{36}$, французский ливр составляет $^1/_{74}$ [своей первоначальной стоимости], испанский мараведи меньше $^1/_{1000}$, португальский рейс еще меньше» (*Morrison.* Observations on the system of Metallic Currency adopted in this country. London, 1837, стр. 13).

«До закона 1819 года [83] существовали еще и другие причины для колебаний цены золотых слитков, кроме обращения банкнот: 1) более или менее хорошее состояние монет. Если обращающаяся металлическая монета падает ниже своего стандартного веса, то малейшее изменение вексельного курса, вызывающее спрос на металл для вывоза, должно повысить цену слитков по меньшей мере на величину уменьшения металлического содержания монеты. 2) Уголовные законы, которые воспрещали переплавку и вывоз монет и разрешали торговлю слитками. При интенсивном спросе для вывоза это создавало возможность колебания цен на слитки по отношению к монетам даже в такие времена, когда бумажные деньги были полностью обратимы в золото. [Повышение цены слитков наблюдалось] в 1783, 1792, 1795, 1796 гг... В 1816 г. цена слитков поднялась выше монетной цены, так как директора Английского банка, заботясь о подготовке к возобновле-

нию платежей наличными, принимали золото по цене, значительно превышавшей монетную цену» (*Fullarton*. On the Regulation of Currencies. 2nd edition. London, 1845, стр. 7—9).

Стандарт может быть золотым, хотя бы не обращалась ни одна унция золота («The Economist»).

«При Георге III (закон 1774 года) серебро было объявлено законным платежным средством лишь в сумме 25 ф. ст. По этому же закону банк платил теперь только золотом» (*Моррисон*, цит. соч., стр. 12). «Лорд Ливерпул (начало XIX века) превратил серебро и медь в монеты чисто символического характера» (там же, стр. 14—15).

Разлагающее влияние денег. Деньги — средство для раздробления владения.

Уркартовский вздор о денежном стандарте:

«*Стоимость* золота должна измеряться им самим; каким образом то или иное вещество может быть мерой своей собственной стоимости в других вещах? Стоимость золота должна устанавливаться его собственным *весом*, которому при этом дается другое, фальсифицированное название, — таким образом получается, что *унция* золота стоит столько-то *фунтов стерлингов* и частей фунта стерлингов. Это — фальсификация *меры*, а не установление *стандарта*» (*D. Urquhart*. Familiar Words. London, 1856, стр. 104—105).

[VII—56] Адам Смит называет труд *действительной*, а деньги — *номинальной мерой стоимости*. Труд фигурирует у него как первоначальная мера [84].

Стоимость денег. Джон Стюарт Милль.

«Если дано количество проданных товаров и количество продаж и перепродаж этих товаров, то стоимость денег зависит от количества денег и от количества переходов каждой монеты в другие руки во время этого процесса». «Количество денег в обращении равняется денежной стоимости всех проданных товаров, деленной на число, выражающее скорость обращения». «Если дано количество товаров и сделок, то стоимость денег обратно пропорциональна их количеству, помноженному на скорость их обращения». Но все эти положения следует понимать только так, «что речь идет лишь о том количестве денег, которое действительно обращается и фактически обменивается на товары». «Необходимое количество денег определяется отчасти издержками их производства, отчасти скоростью их обращения. Если дана скорость обращения, то решающее значение имеют издержки производства; если даны издержки производства, то количество денег зависит от скорости обращения» (*J. St. Mill*. Principles of Political Economy. Vol. II. London, 1848, стр. 17, 18, 20, 30).

«Деньги не имеют иного эквивалента помимо самих себя или того, что является товаром». Поэтому они профанируют всё. В начале XV века во Франции «даже освященные церковные сосуды (чаши алтаря) и т. д. закладывались у евреев» (*Augier*. Du crédit public. Paris, 1842, стр. 95, 101).

Деньги не являются непосредственным предметом потребления:

«Деньги никогда не становятся предметом потребления, всегда остаются marchandise *, никогда не становятся denrée **. Прямой внутренней стоимостью они обладают лишь для общества, меновой стоимостью — для каждого индивида. Поэтому денежный материал должен обладать стоимостью, но основанной на искусственной потребности; он не должен быть безусловно необходимым для существования человека; ибо все то количество денег, которое применяется в обращении, никогда не может употребляться для индивидуального потребления: оно всегда должно находиться в обращении» (*H. Storch.* Cours d'économie politique. Tome II. Paris, 1823, стр. 109, 113—114).

[VII—57] *John Gray.* The Social System. A treatise on the principle of Exchange. Edinburgh, 1831:

«Следует сделать продажу за деньги во всякое время столь же легкой операцией, какой теперь является покупка на деньги, и тогда производство станет единообразной и всегда эффективной причиной спроса» (стр. 16) [Русский перевод, стр. 86].

«Теперешней границей производства является не то количество, которое может быть произведено, а то количество, которое может быть продано с прибылью» (стр. 59) [Русский перевод, стр. 106].

«Деньги должны были бы быть только *квитанцией*, свидетельством того, что обладатель их либо внес определенную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на эту стоимость от кого-либо, кто ее внес... Деньги должны были бы быть не чем иным, как портативными, удобопередаваемыми из рук в руки, делимыми и не поддающимися подделке свидетельствами о наличии богатства в запасе» (стр. 63, 64) [Русский перевод, стр. 108].

«*После того как продукт будет оценен*, пусть его сдают на хранение в банк и берут оттуда, когда потребуется, только с тем общепризнанным условием, что тот, кто вкладывает какого-либо рода имущество в проектируемый Национальный банк, может взять из банка равную стоимость в любом другом виде, не будучи обязанным взять именно ту самую вещь, которую он вложил... Проектируемый национальный банкир получал бы и заботился бы о *всякого* рода ценностях и выдавал бы взамен их *любой* род ценности» (стр. 67—68) [Русский перевод, стр. 110].

«Если деньги», — говорит Грей, — «имеют *одинаковую стоимость* с тем, представителями чего они являются, то они вообще перестают быть *представителями*. Одно из денежных свойств, которое более всего желательно, — это, чтобы держатель их был вынужден в то или иное время предъявить их к платежу в том месте, откуда он их получил. Но если деньги будут иметь такую же *внутреннюю стоимость*, как и та, что дается взамен их, то в этом нет никакой необходимости» (стр. 74) [Русский перевод, стр. 113].

«*Обесценение запаса*... должно составлять одну из статей национальных издержек» (стр. 115, 116) [Русский перевод, стр. 133].«Дела каждой страны должны вестись на основе национального капитала» (стр. 171) [Русский перевод, стр. 157]. «Все земли должны быть превращены в национальную собственность» (стр. 298) [Русский перевод, стр. 216].

---

* — товаром как предметом торговли. *Ред.*

** — товаром как предметом потребления. *Ред.*

John Gray. Lectures on the nature and use of Money. Edinburgh, 1848:

«Человек как член коллектива *не должен был бы* знать никакого предела для умножения своих материальных средств потребления, кроме исчерпания либо *его трудолюбия*, либо *его производительных сил*. Между тем мы в результате принятия ошибочной в принципе и разрушительной на практике денежной системы согласились ограничить наши материальные средства *потребления тем именно количеством, которое может быть с выгодой обменено на товар, количество которого поддается увеличению в результате человеческого труда менее всех других товаров*, существующих на земле» (стр. 29) [Русский перевод, стр. 349]. Что требуется для хорошей системы, это: «1) такая банковская система, посредством операций которой было бы восстановлено *естественное* соотношение спроса и предложения; 2) *истинная* мера стоимости вместо существующей фикции» (стр. 108) [Русский перевод, стр. 395].

(В этой книге еще более [чем в первой] идея менового банка развита вплоть до деталей при сохранении теперешнего способа производства.)

«Должна существовать минимальная цена труда, подлежащая оплате в стандартных деньгах» (стр. 160) [Русский перевод, стр. 427]. «Назовем, например, устанавливаемую законом низшую ставку заработной платы за 60—72-часовую неделю 20 шиллингами или 1 стандартным фунтом» (стр. 161) [Русский перевод, стр. 427—428]. «Должны ли мы сохранить наш *фиктивный* стандарт стоимости, *золото*, и тем самым сковать производительные ресурсы страны или мы должны обратиться к *естественному* стандарту стоимости, *труду*, и тем самым освободить наши производительные ресурсы?» (стр. 169) [Русский перевод, стр. 431]. «Если размер этой минимальной заработной платы будет установлен, то... он должен оставаться тем же самым навсегда» (стр. 174) [Русский перевод, стр. 435]. «Предоставьте только золоту и серебру занять полагающееся им место на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, и тогда стоимость драгоценных металлов будет нас интересовать не больше, чем стоимость алмазов» и т. д. (стр. 182—183) [Русский перевод, стр. 440]. «Нет никаких возражений против применения золота и серебра как *орудий обмена*, возражение направлено лишь против применения их как *меры стоимости*... Очень скоро выяснилось бы, сколько унций золота или серебра можно было бы получить в Лондоне, Эдинбурге или Дублине в обмен на стофунтовую стандартную банкноту» (стр. 188) [Русский перевод, стр. 443].

Процент. «По мере роста класса рантье растет также и класс людей, ссужающих капитал, ибо это одни и те же люди. По одной этой причине ставка процента в старых странах должна была бы иметь тенденцию к понижению» (*Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 202).

«Вероятно, во все эпохи издержки производства драгоценных металлов превышали то, что когда-либо оплачивалось их стоимостью» (*W. Jacob*. An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. Vol. II. London, 1831, стр. 101).

Стоимость денег. «Стоимость всех вещей, деленная на количество сделок, объектом которых они являлись, начиная от их производителя и кончая их потребителем, равняется стоимости экю, затраченных на их

покупку, деленной на число переходов этих монет из рук в руки за тот же промежуток времени» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie Politique etc.)[85].

Наиболее формальным образом ложная теория цен развита у *Джемса Милля*. (Цитирую по французскому переводу: *J. Mill*. Elémens d'Economie Politique. Traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823.) Главные места у Милля — следующие:

«*Стоимость* денег равна пропорции, в которой их обменивают на другие предметы, или количеству денег, которое отдают в обмен на определенное количество других вещей» (стр. 128). «Это соотношение определяется *совокупным количеством* денег, находящихся в данной стране. Если мы предположим на одной стороне все товары данной страны, а на другой — все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, целиком зависит от количества самих денег» (там же). «Совершенно так же обстоит дело в действительном ходе вещей. Совокупная масса товаров данной страны обменивается на совокупную массу денег *не сразу*, а частями, и нередко весьма малыми частями, в различные моменты в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для [VII—58] значительного количества актов обмена, другая для очень небольшого количества, а третья часть накопляется и совсем не служит для обмена. При всех этих вариациях образуется средняя норма, основанная на таком числе актов обмена, которое обслуживалось бы каждой монетой, если бы все монеты произвели одинаковое количество актов обмена. Определим эту норму произвольным числом, например числом 10. Если каждая монета, находящаяся в стране, послужила для 10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупное количество монет удесятерилось и каждая из них обслужила бы лишь одну-единственную покупку. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д.» (стр. 129, 130). «Если бы вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, совокупная масса денег удесятерилась и каждая монета совершала бы лишь один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности. *Так как предполагается*, что масса всех товаров, на которые могут быть обменены деньги, остается *неизменной*, то стоимость всей денежной массы не увеличилась после увеличения количества денег. *Если предположить* увеличение количества денег на $^1/_{10}$, то стоимость каждой части денежной массы, например одной унции, должна уменьшиться на $^1/_{10}$» (стр. 130, 131). «Итак, какова бы ни была степень увеличения или уменьшения совокупной массы денег, если количество других вещей остается неизменным, то стоимость совокупной массы денег и каждой из ее частей подвергается пропорциональному уменьшению или увеличению. Ясно, что это положение представляет собой абсолютную истину. Всякий раз, когда *стоимость денег* падала или возрастала и когда количество товаров, на которое могли бы быть обменены деньги, и скорость обращения денег оставались неизменными, — это изменение должно было иметь своей причиной соответственное увеличение или уменьшение количества денег и не может быть приписано никакой другой причине. Если уменьшается товарная масса, в то время как количество денег остается неизменным, то это то же самое, как если бы совокупность денег увеличилась, и наоборот. Сходные изменения являются результатом всякой пере-

мены в *движении обращения*. Всякое увеличение числа покупок производит такой же эффект, как и общее увеличение количества денег; уменьшение числа покупок производит эффект прямо противоположный» (стр. 131, 132). «Если часть годового продукта вовсе не была обменена, как, например, то, что потребляется самими производителями, или то, что не обменивается на деньги, то эта часть не принимается в расчет, ибо то, что не обменивается на деньги, находится в том же состоянии по отношению к деньгам, как если бы оно вовсе не существовало» (стр. 131, 132). «Когда увеличение или уменьшение количества денег может происходить беспрепятственно, это количество регулируется стоимостью металла... Но золото и серебро суть товары, продукты... *Издержки производства* регулируют стоимость золота и серебра, подобно стоимости всех других продуктов» (стр. 136, 137).

Вульгарность этого рассуждения совершенно очевидна.

1) *Если предполагают*, что масса товаров и скорость обращения остаются неизменными, но тем не менее бо́льшая масса золота или серебра обменивается на ту же массу товаров (без того, чтобы изменилась стоимость золота и серебра, т. е. количество труда, содержащееся в золоте и серебре), то предполагают как раз то, что хотели доказать, а именно, что товарные цены определяются количеством средств обращения, а не наоборот.

2) Милль признаёт, что товары, не брошенные в обращение, не существуют для денег. Столь же ясно, что деньги, не брошенные в обращение, не существуют для товаров. Тем самым не существует никакого твердого соотношения между стоимостью денег вообще и денежной массой, вступающей в обращение. Что действительно находящаяся в обращении масса, деленная на количество ее оборотов, равняется стоимости денег, есть лишь тавтологический пересказ того, что стоимость товара, выраженная в деньгах, представляет собой цену товара. Поскольку деньги, находящиеся в обращении, выражают собой стоимость товаров, которые приводятся ими в обращение, постольку стоимость этих товаров определяется *массой* обращающихся денег.

3) Путаность представлений Милля ясно проявляется в том, что, по его мнению, стоимость денег уменьшается или увеличивается при «всякой перемене в движении обращения». Обращается ли фунт стерлингов 1 или 10 раз за день, при каждом обмене он выражает собой эквивалент товара, обменивается на ту же самую стоимость в виде товара. Его собственная стоимость остается той же самой при всяком обмене и не изменяется ни от медленного, ни от быстрого обращения. Масса обращающихся денег изменилась; но ни стоимость товара, ни стоимость денег не изменилась.

«Когда говорят: отрез сукна стоит 5 ф. ст., то это значит, что он обладает стоимостью в размере 616 370 гран стандартного золота. Вышеприведенный довод можно перефразировать так: цены должны упасть

вследствие того, что товары оценены в стольких-то унциях золота, а общее количество золота в стране уменьшилось» (*J. G. Hubbard*. The Currency and the Country. London, 1843, стр. 44—45).

4) Милль сначала предполагает теоретически, что вся масса находящихся в стране денег обменивается *сразу* на всю массу находящихся в стране товаров. Говорит затем, что так и обстоит дело в действительности, и притом главным образом на том основании, что на практике наблюдается прямо противоположное, ибо лишь отдельные порции денег обмениваются на отдельные порции товаров и лишь весьма немногие платежи производятся за наличный расчет. Отсюда следует, что общее количество сделок или покупок, произведенных за день, совершенно не зависит от денег, обращавшихся за этот день, и что денежная масса, обращающаяся за определенный день, представляет собой не причину, а следствие массы предшествующих сделок, совершенно не зависящих от существующего в тот или иной момент денежного запаса.

5) В конце концов, сам Милль признаёт, что при свободном денежном обращении, а только с таким мы и имеем дело, стоимость денег определяется их издержками производства, т. е., по его же словам, содержащимся в них рабочим временем.

[VII—59] *Денежные истории*. В брошюре *Рикардо* «Proposals for an Economical and Secure Currency with Observations on the profits of the Bank of England» (London, 1816) находится место, в котором он опрокидывает все свое воззрение. В этом месте говорится:

«Количество банкнот, находящихся в обращении, зависит... от суммы, требующейся для обращения страны, а эта сумма регулируется *стоимостью* стандарта, суммой платежей и экономией, примененной при производстве платежей» (стр. 8) [Русский перевод, том II, стр. 185].

«При Людовиках XIV, XV и XVI во Франции еще существовали натуральные налоги для крестьян в качестве государственных податей» (*Augier*. Du crédit public. Paris, 1842, стр. 128—129).

Цены и масса средств обращения:

«Простого повышения цен недостаточно для того, чтобы создать спрос на добавочные деньги. Такой спрос создается лишь в том случае, когда одновременно возрастает как производство, так и потребление. Например, цена хлеба возрастает, но его предложение уменьшается. Тогда можно обойтись тем же количеством денег... Но когда повышение цен вызвано усиливающимся спросом, новыми рынками, расширением масштаба производства, словом, когда имеет место *повышение цен и рост общей суммы сделок*, тогда требуется соответствующее увеличение количе-

ства денег» (*J. Fullarton*. On the Regulation of Currencies. 2nd edition. London, 1845, стр. 102—104).

«Торговля регулирует деньги, а не деньги регулируют торговлю. Слуга торговли должен следовать изменению» (цен) «прочих товаров» ([*Davenant*.] Discourses on the Publick Revenues, and on the Trade of England. Part II. London, 1698, стр. 16).

«При феодальных монархах немногие покупаемые народными массами товары настолько упали в цене, что никакая золотая или серебряная монета не была достаточно мелкой для оплаты ежедневного потребления работника... Ходячая монета поэтому, как и в Древнем Риме, изготовлялась только из низших металлов — меди, олова, железа» (*Jacob*. An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals. Vol. I. London, 1831, стр. 302).

Джейкоб предполагает, что в этом столетии $^{2}/_{3}$ золота и серебра было употреблено в Европе на другие предметы, утварь и украшения, а не на чеканку монет [там же, том II, стр. 212—213]. (В другом месте он исчисляет благородные металлы, употребленные подобным образом в Европе и Америке, в сумме 400 миллионов ф. ст.)

Цены и масса средств обращения.

Локк, «The Spectator» от 19 октября 1711 г., Юм, Монтескьё — их учение покоится на трех положениях:

1) товарные цены пропорциональны количеству денег в стране;

2) монеты и ходячие деньги страны являются представителями всех товаров и всего труда этой страны, так что чем больше или меньше число представителей, тем большее или меньшее количество представленных вещей приходится на то же самое количество денег;

3) если увеличивается количество товаров, они становятся дешевле; если увеличивается количество денег, то повышается стоимость товаров *(Стюарт)* *.

Разменные деньги (мелкие медные и серебряные деньги, *счетные марки*) в противоположность деньгам, имеющим внутреннюю стоимость (там же).

Разлагающее влияние денег:

«Деньги — средство раздробить владение (дома и другой капитал) на бесчисленные кусочки и по частям проедать его путем обмена» (*Bray*. Labour's Wrongs and Labour's Remedy. Leeds, 1839, стр. 140—141) [Русский перевод, стр. 173].

---

* См. настоящий том, часть II, стр 296. *Ред.*

(Без денег — масса непригодных к обмену, непригодных к отчуждению предметов.)

«Когда неподвижные и неизменяющиеся вещи стали объектом торговли среди людей в такой же степени, как вещи подвижные и созданные для обмена, вошли в употребление деньги в качестве правила и меры (square), благодаря чему все эти вещи получили оценку и стоимость» ([*Misselden.*] Free Trade, or The Meanes to make Trade florish. London, 1622, стр. 21).

Монета. Серебряные и медные разменные деньги являются *представителями* дробных частей фунта стерлингов. *(Так гласит недавний ответ лорда казначейства.)*

Меновая стоимость. Ф. Видаль говорит (также *Лодердель*) (и в известном отношении Рикардо):

«Истинная социальная стоимость — это стоимость полезная или потребительная. Меновая стоимость только характеризует *относительное богатство* каждого из членов общества по сравнению с другими» (*F. Vidal.* De la répartition des richesses. Paris, 1846, стр. 70).

С другой стороны, меновая стоимость выражает собой *социальную форму* стоимости, тогда как потребительная стоимость вовсе не является экономической формой стоимости, а выражает лишь бытие продукта и т. д. для человека вообще.

[16)] ДВЕ НАЦИИ МОГУТ ОБМЕНИВАТЬСЯ СОГЛАСНО ЗАКОНУ ПРИБЫЛИ ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧТО ОБЕ ПОЛУЧАЮТ ПРИБЫЛЬ, НО ОДНА ИЗ НИХ ПОСТОЯННО ОБДЕЛЯЕТСЯ

{Из того, что прибыль может быть *ниже* прибавочной стоимости, т. е. что капитал может быть обменен с прибылью без того, чтобы реализовать увеличение своей стоимости в строгом смысле, следует, что не только индивидуальные капиталисты, но и нации могут все время обмениваться друг с другом, а также беспрерывно повторять обмен во все большем масштабе, без того, чтобы они вследствие этого получали одинаковую прибыль. Одна нация может все время присваивать себе часть прибавочного труда другой, не давая ничего взамен, но только здесь мерило иное, чем при обмене между капиталистом и рабочим.}

[17) ЕЩЕ О ДЕНЬГАХ]

Деньги в третьем определении как деньги. (Самодовлеющая стоимость, эквивалент и т. д.) Какую важную роль деньги все еще играют в этом определении — даже в своей непосредствен-

ной форме, — обнаруживается в моменты кризисов, неурожаев и т. д., словом — всякий раз, когда одна нация должна *внезапно* рассчитаться с другой нацией. Тогда деньги в их непосредственной металлической форме выступают в качестве единственного абсолютного *платежного средства,* т. е. единственного *эквивалента,* акцептируемого эквивалента. Поэтому-то они и совершают движение, которое прямо противоречит движению всех других товаров. Товары в качестве платежного средства и т. д. перевозятся из страны, где они всего дешевле, в страну, где они всего дороже. Деньги, наоборот, во все периоды, когда обнаруживается их специфическая природа, т. е. когда деньги в противоположность всем другим товарам требуются как самодовлеющая стоимость, как абсолютный эквивалент, как всеобщая форма богатства, в определенной форме золота и серебра, — а такие моменты всегда являются в большей или меньшей степени моментами кризиса, будь то всеобщий кризис или хлебный кризис, — золото и серебро в таких случаях всегда вывозятся из страны, где они всего дороже, т. е. оттуда, где все товарные цены относительно всего больше понизились, в ту страну, где деньги всего дешевле, т. е. туда, где товарные цены относительно выше.

«Своеобразная аномалия экономики обмена, заслуживающая особого внимания, состоит в том, что... передвижение (золота между двумя нациями, одинаково пользующимися золотом в качестве средства обращения) всегда происходит *из* страны, где в данный момент металл *всего дороже,* в страну, где он *всего дешевле,* причем повышение рыночной цены металла до высшего предела на внутреннем рынке и падение цены на внешнем рынке являются неизбежными результатами той тенденции к отливу золота, которая сопутствует депрессии обмена» (*J. Fullarton.* On the Regulation of Currencies. 2nd edition. London, 1845, стр. 119—120).

[VII—60] Подобно тому как вообще обмен начинается на границах, отделяющих одну общину от другой, и деньги приобретают специфическую важность в качестве самим обменом созданных меры, средства обмена и всеобщего эквивалента не во внутреннем общении, а в общении между различными общинами, народами и т. д., так и в XVI веке, в период детства буржуазного общества, деньги вызывали исключительный интерес со стороны государств и зарождавшейся политической экономии преимущественно в качестве международного платежного средства — для ликвидации международных долгов. Важная роль, которую деньги (золото и серебро) в этой третьей форме еще играют в международном общении, полностью выяснилась и снова была признана экономистами после регулярно следовавших друг за другом денежных кризисов 1825, 1839, 1847 и 1857 годов. Экономисты прибегают к ссылкам на то, что деньги

здесь требуются не как средство обращения, а как *капитал.* Это правильно. Не следовало только забывать, что капитал требуется в определенной форме золота и серебра, а не в форме какого-нибудь другого товара. Золото и серебро выступают в роли абсолютного международного платежного средства, потому что представляют собой деньги как самодовлеющую стоимость, как самостоятельный эквивалент.

«Это фактически есть вопрос не о *средствах обращения,* а о *капитале*».

(Это, вернее, есть вопрос о деньгах, а не о средствах обращения и не о капитале, потому что требуется не *капитал,* который безразличен по отношению к специальной форме, в которой он существует, а стоимость в специфической форме денег.)

«...Все те различные причины, которые при существующих условиях денежного хозяйства способны... направлять поток драгоценного металла из одной страны в другую» (т. е. вызывать *отлив золота*), «сводятся к одной, а именно — к состоянию международного платежного баланса и постоянно возникающей необходимости перенесения *капитала*» (но заметьте хорошенько: капитала в денежной форме) «из одной страны в другую, чтобы погасить задолженность, например в случае неурожая... Переводится ли этот капитал *в виде товаров или в виде денег,* это совершенно не влияет на природу сделки» *(влияет на нее весьма существенно!).* Далее, «военные расходы» (*Фуллартон,* цит. соч., стр. 130, 131).

(Случай «перевода капитала с целью более выгодного помещения его как капитала, приносящего проценты», нас здесь совершенно не касается, так же как случай «уплаты за добавочное количество импортированных заграничных товаров», который приводит г-н Фуллартон, хотя этот последний случай сюда, конечно, относится, если добавочный импорт совпадает с кризисом.)

«Золото предпочитают для такого перевода капитала» (но в случаях сильного отлива драгоценного металла абсолютно не может быть речи о предпочтении) «лишь в тех случаях, когда посредством золота можно произвести платеж удобнее, быстрее или выгоднее, чем посредством какого-нибудь *иного вида товара или капитала*».

(Г-н Фуллартон ошибочно рассматривает перевод капитала в золоте или в иной форме как зависящий от благоусмотрения, между тем как речь идет о таких случаях, когда в международной торговле приходится переводить именно *золото,* подобно тому как внутри страны векселя должны быть оплачены узаконенными деньгами, а не какими-либо суррогатами.)

«Золото и серебро... могут всегда быть направлены в то место, где они требуются, точно и быстро, и можно рассчитывать на то, что по прибытии они почти в точности реализуют требуемую сумму и не подвергнутся

тому риску, который связан с пересылкой суммы в виде чая, кофе, сахара или индиго. *Золото и серебро обладают в таких случаях бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами* благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются как деньги. Обычно *договариваются оплачивать* долги, внешние и внутренние, не чаем, кофе, сахаром или индиго, а *монетой;* и поэтому пересылка денег либо в той самой валюте, которая указана в контракте, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в указанную монету на монетном дворе или на рынке той страны, куда пересылаются деньги, — представляет для отправителя всегда наиболее верный, быстрый и точный способ уплаты, не подвергающий его риску иметь неприятности вследствие недостатка спроса или колебания цен» (*Фуллартон,* цит. соч., стр. 132, 133).

Фуллартон указывает, следовательно, как раз на свойство золота и серебра быть деньгами, всеобщим товаром контрактов, масштабом стоимостей вместе с возможностью по желанию быть превращенными в средства обращения. У англичан имеется хороший термин *currency* для денег как средства обращения (монета, *coin,* этому не соответствует, потому что сама она является некоторым особенным видом средства обращения) и термин *money* для денег в их третьем свойстве. Но так как они не особенно хорошо разобрались в этом свойстве, то они объявляют эти деньги *капиталом,* хотя затем они опять-таки вынуждены фактически отличать их как именно эту определенную форму капитала от капитала вообще.

«*Рикардо,* по-видимому, придерживался весьма странных и крайних мнений относительно ограниченности функций, выполняемых золотом и серебром при урегулировании международных балансов. Рикардо жил во время споров, вызванных рестрикционным актом [86], и настолько привык рассматривать все сильные колебания вексельного курса и цен на золото как результат чрезмерных выпусков банкнот Английским банком, что одно время он едва ли готов был допустить, что может существовать такая вещь, как неблагоприятный баланс платежей по внешней торговле... И он так мало принимал в расчет функции, выполняемые золотом при таких урегулированиях, что даже предсказывал, что *отливы золота в связи с его экспортом* прекратятся, как только будут возобновлены платежи наличными и будет восстановлен металлический стандарт денег (см. [Mr.] Ricardo's Evidence before the Lords' Committee of 1819 on the Bank of England *, стр. 186)».

«...Но после 1800 года, когда бумажные деньги совершенно вытеснили золото в Англии, наши купцы действительно перестали нуждаться в золоте, ибо вследствие беспокойного состояния континентальной Европы и усилившегося потребления там импортных товаров, вызванного перерывами в производстве из-за непрестанных передвижений наступающих армий, и вследствие монополизирования колониальной торговли Англией, чего она достигла благодаря своему превосходству на море, экспорт товаров из Великобритании на материк продолжал сильно превышать ее импорт оттуда до тех пор, пока торговые сношения не были прерваны;

---

* — Показания г-на Рикардо перед комиссией палаты лордов 1819 года по Английскому банку. *Ред.*

а после того как эти сношения были прерваны вследствие берлинского и миланских декретов [86a], торговые сделки стали слишком незначительными, чтобы оказывать то или иное влияние на вексельный курс. Именно заграничные военные расходы и субсидии — а не нужды торговли — содействовали столь чрезвычайным образом расстройству вексельного курса и росту цен на слитки за последние годы войны. Поэтому выдающиеся экономисты этого периода почти или даже совсем не имели реальной возможности конкретно оценить ту роль, которую способны играть международные *коммерческие* балансы» (они полагали, что вместе с войной и чрезмерной эмиссией прекратится и международное передвижение слитков). «Если бы г-н Рикардо дожил до отливов золота в 1825 и 1839 гг., он, несомненно, нашел бы основание изменить свои взгляды» (*Фуллартон*, цит. соч., стр. 133—136).

[VII—61] «*Цена* есть *денежная стоимость* товаров» (*Hubbard*. The Currency and the Country. London, 1843, стр. 33).

«Деньги всегда обладают способностью обмениваться на то, что они измеряют, и количество их, требующееся для целей обмена, должно изменяться, конечно, соответственно количеству имущества, подлежащего обмену» (*J. W. Bosanquet*. Metallic, Paper, and Credit Currency. London, 1842, стр. 100).

«Я готов допустить, что золото есть товар, пользующийся столь всеобщим спросом, что оно всегда может господствовать на рынке, что оно всегда может купить другие товары, тогда как другие товары не всегда могут купить золото. Рынки всего мира открыты для золота как такого товара, на котором меньше теряешь при каком-нибудь непредвиденном случае, чем на любом другом экспортируемом товаре, который может по своему количеству или качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он посылается» (*Th. Tooke*. An Inquiry into the Currency Principle. 2nd edition. London, 1844, стр. 10).

«Необходимо иметь весьма значительное количество драгоценных металлов, применимых и применяемых в качестве наиболее удобного средства урегулирования международных балансов, так как они являются таким товаром, который пользуется более всеобщим спросом и рыночная стоимость которого менее подвержена колебаниям, чем рыночная стоимость какого бы то ни было другого товара» (там же, стр. 13).

Причины повышения цены слитков над монетной ценой согласно Фуллартону:

«Вследствие стирания монеты утратили 3—4% своего стандартного веса; ...уголовные законы запрещали переплавку и вывоз монет, в то время как торговля металлами, из которых изготовлялись эти монеты, оставалась совершенно свободной. Однако эти причины оказывали влияние лишь при неблагоприятном вексельном курсе... Но рыночная цена золотых слитков в 1816—1821 гг. всегда понижалась до уровня *банковской цены* на слитки, когда вексельный курс был благоприятен для Англии; при неблагоприятном курсе никогда не поднималась выше того уровня, который возмещал бы лицам, переплавлявшим монеты, ухудшение их вследствие износа и риск уголовного преследования за переплавку монет» (*Фуллартон*, цит. соч., стр. 7—9). «Начиная с 1819 г. до настоящего времени среди всех превратностей, которым подвергался денежный рынок в течение этого насыщенного событиями периода, рыночная цена золота ни в одном случае не превышала 78 шиллингов за унцию и не падала ниже 77 шиллингов 6 пенсов, так что максимальная разница составляла только

6 пенсов на унцию. Даже подобный размах колебаний был бы теперь невозможен; ибо только вследствие нового ухудшения монеты имело место столь незначительное повышение, как $1^1/_2$ пенса на унцию, или около $^1/_6\%$ выше монетной цены, а падение до 77 шиллингов 6 пенсов целиком объясняется тем обстоятельством, что банк одно время считал нужным установить эту норму как лимит при покупке. Но эти обстоятельства теперь уже отпали. В течение ряда лет банк имел обыкновение принимать золото, доставляемое ему для чеканки, по 77 шиллингов 9 пенсов» (т. е. банк прикарманивает $1^1/_2$ пенса за чеканку, которую монетный двор производит для него бесплатно); «и как только производящаяся теперь перечеканка соверенов будет закончена, будет создано надежное препятствие, пока деньги снова не ухудшатся, для всякого будущего колебания цены золота в слитках на нашем рынке сверх мелкой разницы между 77 шиллингами 9 пенсами, выплачиваемыми банком, и монетной ценой в 77 шиллингов $10^1/_2$ пенсов» (там же, стр. 9, 10).

Противоречие между деньгами как мерой и эквивалентом, с одной стороны, и деньгами как средством обращения. В последнем случае стирание, уменьшение металлического веса. Еще Гарнье заметил, что

«если бы несколько изношенный экю ценился несколько дешевле совсем нового, то обращение было бы всегда затруднено, и каждый платеж подавал бы повод для споров» (*Garnier*. Histoire de la monnaie. Tome I. Paris, 1819, стр. 24).

(«В *царстве минералов* естественным образом ищут и выбирают материал, предназначенный для накопления» [там же, стр. 7].)

«Так как очевидно, что монеты, по самой природе вещей, должны всегда, одна за другой, подвергаться обесценению уже вследствие обычного и неизбежного износа (не говоря уже о том, что всякая операция по замене неполновесных монет полновесными дает стимул для махинаций целого легиона «players» * и «sweaters» **), то физически невозможно на какое бы то ни было время, даже на один день, полностью изъять из обращения неполновесную монету» («The Currency Theory reviewed» etc. By a Banker in England. Edinburgh, 1845, стр. 69—70).

Это написано в декабре 1844 г.; комментируется влияние незадолго перед тем опубликованных в одном письме в газету «The Times» [87] обращений [proclamations], касающихся неполновесных золотых монет. (Следовательно, затруднение: если не принимать неполновесных денег, то всякий стандарт ненадежен; если их принимать, то открыты настежь двери мошенничеству, и получается тот же самый результат.) Поэтому в связи с вышеупомянутыми обращениями говорится:

«Их фактическим результатом было опорочение всех обращающихся золотых монет как ненадежного и незаконного средства для денежных сделок» (цит. соч., стр. 68, 69).

---

* — игроков. *Ред.*

** — мошенников, умышленно подвергающих монеты трению. *Ред.*

«По английскому закону, если в золотом соверене не хватает больше чем 0,774 грана, то он уже не должен иметь хождения. Относительно серебряных монет такого закона нет» (*W. H. Morrison*. Observations on the System of Metallic Currency. London, 1837, стр. 54).

Утверждение сторонников currency principle [88], *что «стоимость денег, находящихся в обращении, зависит от их количества»* (*Фуллартон,* цит. соч., стр. 13). Если дана стоимость денег, а с другой стороны, даны цены и количество сделок (а также скорость обращения), то, конечно, может обращаться только *определенное количество* денег. Если даны цены и масса сделок, а также скорость обращения, то количество обращающихся денег зависит исключительно от *стоимости* денег. Если дана эта стоимость и скорость обращения, то количество обращающихся денег зависит исключительно от цен и массы сделок. Количество, таким образом, оказывается определенным. Поэтому если обращаются символические деньги — простые знаки стоимости, — то от стандарта, который они представляют, зависит, какое количество этих денег может обращаться. Отсюда делают ложный вывод, что только количество определяет их стоимость. Например, не может обращаться одинаковое количество бон, представляющих фунты стерлингов, и бон, представляющих шиллинги.

[18) КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРИБЫЛЬ, И КАПИТАЛ, ПРИНОСЯЩИЙ ПРОЦЕНТЫ]

[VII—62] Капитал, приносящий прибыль, есть действительный капитал, такая стоимость, которая одновременно воспроизводит и умножает себя — и остается равной себе предпосылкой, отличающейся от самой себя как ею созданной прибавочной стоимости. Капитал, приносящий проценты, есть опять-таки чисто абстрактная форма капитала, приносящего прибыль.

Когда капитал положен как приносящий прибыль соответственно своей стоимости (предполагая определенный уровень производительной силы), тогда товар или товар в его денежной форме (в соответствующей ему форме самостоятельно обособившейся стоимости, или, как мы можем сказать теперь, в форме реализованного капитала) может вступить в обращение как *капитал;* капитал может стать как *капитал* товаром. В этом случае это — капитал, данный взаймы на проценты. Форма его обращения — или обмена, которому он подвергается, — является тогда специфически отличающейся от той формы, которая до сих пор рассматривалась. Мы видели, каким образом капитал полагает себя как в определении товара, так и в определении

денег; но это происходит лишь постольку, поскольку оба определения являются моментами кругооборота капитала, в которых он попеременно реализуется. Это лишь мимолетные и постоянно вновь возникающие способы его существования, моменты его жизненного процесса. Но капитал как капитал не стал сам моментом обращения, самый капитал как товар. Товар не был продан в качестве капитала, и деньги не были проданы как капитал. Одним словом, ни товар, ни деньги — а нам собственно следует рассматривать лишь последние как адекватную форму — не вступили в обращение как *стоимости, приносящие прибыль.*

[19) ВЫПИСКИ ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ МАКЛАРЕНА]

«Макларен [89] говорит:

«Г-н Тук, г-н Фуллартон и г-н Уилсон рассматривают деньги как товар, обладающий внутренней стоимостью и обмениваемый на другие товары соответственно этой стоимости, а не только в зависимости от имеющегося в данное время предложения монет, и они вместе с д-ром Смитом предполагают, что вывоз золотых слитков имеет место независимо от состояния денежного обращения, для урегулирования баланса международных долгов и для уплаты за товары вроде хлеба, на которые неожиданно возникает спрос, и что экспортируемые слитки берутся из фонда, который не входит в состав внутреннего обращения и не влияет на цены, но откладывается специально для этой цели... Трудно объяснить, каким способом драгоценный металл, который, по их словам, откладывается для этой цели и не влияет на цены, может не подчиняться законам спроса и предложения и, хотя существует в форме денег, лежащих без употребления и предназначенных для закупок, не применяется для этой цели и не влияет на цены возможностью подобного рода применения его».

Ответ на это тот, что металлический запас, о котором идет речь, представляет собой избыточный капитал, а не избыточный доход, и поэтому не способен повысить спрос на товары, если только он вместе с тем не повышает также и предложение. Капитал, ищущий применения, не есть просто добавление к общественному спросу. Он не может раствориться в денежном обращении. Если капитал имеет тенденцию повысить цены путем спроса, то он имеет также тенденцию понизить их путем соответствующего предложения. Деньги как обеспечение капитала не представляют собой только покупательную способность, — они покупают только с тем, чтобы продать, и в конечном счете посылаются за границу в обмен на иностранные товары, вместо того чтобы рассеяться внутри страны в дополнение к обращающимся там деньгам. Деньги как обеспечение капитала никогда не попадают на рынок для простого обмена на товары, ибо их назначение есть воспроизводство товаров; только те деньги, которые представляют *потребление,* могут в конечном счете повлиять на цены» («The Economist» от 15 мая 1858 г.).

«Г-н Рикардо утверждал, что цены зависят от относительного количества средств обращения и товаров, что цены повышаются только вследствие обесценения денег, т. е. вследствие чрезмерного изобилия денег по сравнению с товарами, что цены падают или вследствие уменьшения количества денег, или вследствие относительного увеличения количества

обычных товаров, которые приводятся в обращение деньгами. *Все* золотые слитки и *все* золотые монеты, находящиеся в стране, согласно взгляду г-на Рикардо, следует считать средствами обращения [currency], и если последние увеличиваются без соответствующего увеличения товаров, деньги обесцениваются, и становится более выгодным вывозить золотые слитки, чем товары. С другой стороны, если неурожай или иное бедствие вызывает крупное уничтожение товаров без соответствующего изменения размеров обращения, то деньги, количество которых было рассчитано на предполагавшийся товарный рынок, а не на внезапно сократившийся, опять-таки становятся избыточными или «обесцененными», и для восстановления их стоимости количество их необходимо уменьшить посредством вывоза. Соответственно этому взгляду на обращение, на котором зиждется теория лорда Оверстона, предложение средств обращения или денег всегда способно к неограниченному увеличению, причем стоимость их будет уменьшаться соответственно этому увеличению, а их надлежащая стоимость может быть восстановлена только путем вывоза избыточного количества. Поэтому всякий выпуск бумажных денег, который мог бы восполнить пробел, вызванный вывозом драгоценного металла, и таким путем предотвратить «естественное» падение цен, в ином случае неизбежное, — школа г-на Рикардо рассматривает как нарушение экономических законов цен и отклонение от принципов, которые по необходимости регулировали бы чисто металлическое обращение» (там же).

I. СТОИМОСТЬ [90]

[VII—63] Этот раздел надо добавить к предыдущим.

Первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*. Сам товар выступает как единство двух определений. Товар есть *потребительная стоимость*, т. е. предмет для удовлетворения какой-либо системы человеческих потребностей. Это есть вещественная сторона товара, которая может быть обща самым различным эпохам развития производства и рассмотрение которой поэтому лежит за пределами политической экономии. Потребительная стоимость попадает в сферу политической экономии, когда она видоизменяется современными производственными отношениями или со своей стороны влияет на них, видоизменяя их. То, что ради приличия обычно говорится об этом вообще, сводится к общим местам, которые представляли историческую ценность при зарождении этой науки, когда экономисты еще с большим трудом выделяли из вещественного материала общественные формы буржуазного производства и с большим напряжением фиксировали их как самостоятельный объект исследования. На деле же потребительная стоимость товара есть заранее данная предпосылка, вещественный базис, в котором представлено определенное экономическое отношение. И только это определенное отношение налагает на потребительную стоимость печать товара. Так, например, пшеница обладает одной и той же потребительной стоимостью, будет ли она возделана рабами, крепостными или свободными рабочими. Она не утратила бы своей потребительной стоимости, если бы в готовом виде падала с неба.

Как же превращается потребительная стоимость в товар? В носителя *меновой стоимости?* Потребительная стоимость и меновая стоимость, хотя и соединены непосредственно в товаре, столь же непосредственно находятся вне друг друга. Не только меновая стоимость не определяется потребительной стоимостью, но, наоборот, товар делается товаром, реализуется как меновая стоимость лишь постольку, поскольку его владелец относится к товару не как к потребительной стоимости. Лишь посредством отчуждения товара, посредством обмена товара на другие товары, его владелец присваивает себе потребительные стоимости. Присвоение посредством отчуждения есть основная форма такой общественной системы производства, простейшим, абстрактнейшим выражением которой является меновая стоимость. Потребительная стоимость товара предполагается, но не для его собственника, а для общества вообще.

(Подобно тому как манчестерская семья фабричных рабочих, где дети находятся в меновых отношениях с родителями и оплачивают им питание и жилье, не представляет традиционной экономической организации семьи, так и вообще система современного частного обмена не есть искони существующая экономика обществ. Обмен начинается не между индивидами внутри той или другой общины, а там, где общины кончаются — на их границе, в точке контакта различных общин. Общинную собственность недавно вновь открыли как некий особенный славянский курьез [91]. На деле же Индия дает нам образцы разнообразнейших форм подобных экономических общин, более или менее разложившихся, однако еще вполне распознаваемых; а более основательное историческое исследование обнаруживает эту общину как исходный пункт у всех культурных народов. Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма. Однако целый ряд экономических систем, в свою очередь, занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубь, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность, хотя уже разложившаяся, но без того, чтобы [...] *

---

* Здесь рукопись обрывается. *Ред.*

УКАЗАТЕЛЬ К СЕМИ ТЕТРАДЯМ (к первой части) [92]

Написано в июне 1858 г.

Впервые опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1941 г. в книге: K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Anhang

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[ПЕРВЫЙ НАБРОСОК УКАЗАТЕЛЯ]

[М—23] I) СТОИМОСТЬ

I, 12, 13, 20, 21. *Рикардо* VI, 1. *Мальтус* VI, 13. *А. Смит* VI, 17, 18. Потребительная стоимость и меновая стоимость (тетрадь VI, 28 конец и 29). *Стюарт* (VII, 26) (VII, 39 *Торренс*) (VII, 49). Простой и квалифицированный труд.

II) ДЕНЬГИ

Деньги *вообще*. Превращение стоимости в деньги (I, 13) (14). Продукт самого обмена (I, 14) I, 15, 17.

Три определения денег VII, 35, 36 (Бейли).

1) *Деньги как мера*

Получение бумажными деньгами — обратимы они в золото или серебро по закону или нет — своего наименования от золота или серебра означает, что они должны обладать способностью обмениваться на то количество золота или серебра, которое они представляют. Коль скоро это больше не имеет места, они подвергаются обесценению независимо от того, обладают они по закону или не обладают обратимостью (*тетрадь I*, стр. 8, 9). Золото и серебро как счетные деньги не выражают какой-либо стоимости, а представляют собой лишь соответствующие доли своей собственной материи. Их наименование не является наименованием стоимости: они образуют свои собственные знаменатели (там же, стр. 9). (Поэтому номинально не подвержены обесценению.) Падение и повышение стоимости золота и серебра (тетрадь I, 10) (VII, 29).

О выражении стоимостей непосредственно в рабочем времени (I, 11, 12; 18, 19).

Мысленное превращение товаров в деньги. Деньги как счетные деньги, как средство обмена (I, 13). Счетные деньги (Стюарт VII, 26, 27) (*Гауджж* VII, 27) (VII, 30, 31) (32, 33, 34). Бейли (VII, 36). Мюллер (там же). «*The Economist*» (VII, 38).

Ассигнаты * (VII, 35). Счетные ливры во Франции (*Гарнье*, там же). Деньгам как мере нужна не постоянная стоимость, а только количество (Бейли VII, 36). Уркарт VII, 55. Грей (VII, 57). Фуллартон VII, 61.

[M—24] 2) *Деньги как средство обмена, или простое обращение* (I, 14, 15, 16) (17). Стюарт (VII, 26).

Монета (английские *неполноценные серебряные монеты* I, 18). (Монтанари VII, 27.) Обращение и денежная система (VII, 29). Вспомогательная монета (VII, 36, 37) (там же, 38). (Годскин VII, 39.)

Привилегия денег в обращении (VII, 49).

Круговое [zurückgebogne] обращение денег в отличие от простого денежного обращения. Пример («*The Economist*» VII, 25). Общие положения об этом (VII, 29).

Стоимость денег. Дж. Ст. Милль VII, 56.

Теория Джемса Милля VII, 57, 58. *Рикардо* VII, 59.

Одного лишь повышения цены [товаров] недостаточно для того, чтобы вызвать спрос на добавочные деньги (VII, 59. Фуллартон).

Противоречие между деньгами как средством обращения и деньгами как эквивалентом (VII, 61). Английское законодательство о том, когда деньги уже не полноценны (там же). Чем определяется количество обращающихся денег (VII, 61).

Соотношение, в котором в Англии различные металлы служат в качестве денег (VII, 30—33) («The Economist»).

Д — Т легче, чем *Т — Д* (52, VII, Корбет).

3) *Деньги как деньги* (ср. I, 17) (21) (23) (VI, 28). Эквивалент (*Стюарт* VII, 25 внизу). Бейли VII, 35, 36. Припрятывание денег (VII, 38). Представление кортесов [королю Филиппу II] (VII, 44) (VII, 46).

(Золото и серебро, как домашняя утварь. *Джейкоб* VII, 59.) Там же Фуллартон (VII, 59, 60).

Деньги для *платежей* и т. д. (*Корбет* VII, 52).

---

* — Бумажные деньги, выпущенные во Франции Учредительным собранием во время революции конца XVIII в. и обращавшиеся в период 1790—1796 гг. *Ред.*

Разлагающее действие денег («*Free trade*» [93] VII, 59).

[М—25] 4) *Благородные металлы как носители денег. Монтанари*. Восторги по поводу «изобретения» денег (VII, 27).

Бейли (VII, 36). Медь, серебро, золото (*Бьюкенен* VII, 37). *Ньюмен* (VII, 47). *Галиани* (VII, 49). Обесценение меди в Риме (VII, 35).

Обесценение различных видов денег. *Моррисон* VII, 55.

5) *Закон присвоения, как он проявляется в простом обращении*

[М—26] 6) *Переход от денег к капиталу*

III) КАПИТАЛ ВООБЩЕ

Превращение денег в капитал

1) *Процесс производства капитала*
a) *Обмен капитала с рабочей силой*

[М—27] b) *Абсолютная прибавочная стоимость*
(*Рикардо* VI, 12) (*Прибавочный труд*. Стюарт VII, 25 и 26.)

c) *Относительная прибавочная стоимость*

d) *Первоначальное накопление*
(Предпосылки отношения капитала и наемного труда)

[М—28] e) *Переворот в законе присвоения*
(Рикардо VI, 1, 2) (VI, 37, 38)

2) *Процесс обращения капитала*

[ВТОРОЙ НАБРОСОК УКАЗАТЕЛЯ]

[М—29] 1) *Деньги как мера*

С получением бумажными деньгами своего наименования от металлического (вообще от какого-либо) стандарта их обратимость в золото или серебро становится экономическим законом независимо от того, является ли она законом в юридическом смысле или не является. Споры вокруг обратимости становятся, таким образом, чисто теоретическими — *как* обеспечить эту обратимость: законодательным путем или нет и т. д. (тетрадь I, стр. 8). Отсюда учение об *идеальном* стандарте, т. е. отказ вообще от какого-либо стандарта у последовательных сторонников обратимости (стр. 9 там же) (стр. 10).

Номинальная необесцениваемость денег, не потому, что только они выражают подлинную стоимость, а потому, что они не выражают никакой стоимости и их цена, так называемая монетная цена, является всего лишь наименованием определенных количеств их собственной материи (I, 9).

Рабочие деньги (I, 11) (12) (VII, 57).

Деньги — *самостоятельно существующая рядом с товарами меновая стоимость последних,* в которую должны быть превращены товары (I, 13). В качественно иной элемент. Таким путем они становятся соизмеримыми (I, 14) (I, 35).

Выраженная в деньгах меновая стоимость товара определяется содержащимся в них рабочим временем (I, 25) (I, 35). (Как это происходит фактически. Там же.)

Цена (I, 35) (36). В качестве меры деньги всегда служат как счетные деньги, а в качестве цены товар всегда лишь идеально превращен в деньги (I, 36) (*Гарнье* там же). Это идеальное превращение не имеет ничего общего с наличным запасом денег (там же) (I, 38 *Хаббард*). Отношение цен к стоимости денег (I, 37).

Деньги как мера и как средство обращения различны (Гарнье, Шторх I, 36) (I, 37) (*Гаудж*. Мера в американских колониях VII, 27). Шотландия (VII, 38). (VII, 55 Уилсон [94]). (Деньги у древних германцев. *Вирт* [95].)

Для *денег как меры* их материальное наличие безразлично, но в [мысленном] представлении они служат как [природная] материя (их материальное наличие имеет существенное значение в представлении, а не как определение вне товара) (I, 41, 42) (43) (VII, 29 внизу) (30, 31 там же) (32, 33) (34) (35). *Ассигнаты* (35). *(Идеальная мера.)*

Идеальный денежный стандарт (*Стюарт* VII, 26, 27) (VII, 38). *Уркарт* (VII, 55).

Двойной стандарт (VII, 29) (VII, 38) (VII, 55).

[M—30] Когда деньги выступают как *мера*, их стоимость не нуждается в том, чтобы быть неизменной (*Бейли* VII, 35, 36).

Фиксирование счетных денег (Мюллер VII, 36) (VII, 38).

Обесценение денежной единицы (VII, 55 Моррисон).

Причины, поднимающие цену слитков выше монетной цены (Фуллартон VII, 55) (VII, 61) (*Маклеод*. 1698 и т. д., тетрадь, стр. 2 и следующие [96]).

1) Идеальное превращение товаров в деньги. В этом случае деньги — мера. Меновая стоимость товаров выражается как цена. Таким путем деньги становятся счетными деньгами. Рабочее время — мера между деньгами и товаром. Как это происходит в действительности.

2) Определенное количество этой определенной материи, которая как таковая является поэтому решающей, но только в мысленном представлении. Реальное наличие [золота или серебра] при этом процессе безразлично; безразлична также и масса наличных денег. Деньги как мера могут существовать независимо от денег как действительного средства обмена.

3) Как счетные деньги, деньги приобретают всеобщее социальное существование в монетной цене. Вместо действительного веса, в счет идет их наименование. Это и есть монетная цена. Кажущаяся необесцениваемость денег. Обесценение. Повышение ценности.

4) Законы весьма просты:

a) Если стоимость денег падает или поднимается, то денежная цена товаров, наоборот, поднимается или падает.

b) Деление на части должно быть фиксированным, т. е. определенные количества [денежного материала] должны всегда иметь одно и то же наименование. Но изменение стоимости денег как меры безразлично. Их монетная цена выражает не стоимость, а только количество [денежного металла]. Это — *фиксированный стандарт.*

c) Мерой должен быть только один металл. Не может быть двойного стандарта.

5) Исторический очерк об идеальном стандарте. Рабочие деньги и т. д.

[М—31] 2) *Деньги как средство обмена*

Тетрадь I, 14, 15, 16 (сначала идеальное превращение в деньги, потом действительное). *(Переход от денег как меры к деньгам как средству обмена.)*

Трансцендентальная власть денег I, 15. Случайность превращаемости товаров в деньги (I, 15 внизу и 16). Разделение покупки и продажи (I, 16) (16, 17). Меновая стоимость — качество, всецело внутренне присущее товарам, — одновременно вне их.

Разделение покупки и продажи (I, 39). (Тут возможно множество мнимых сделок I, 40.) (Сословие купцов. Там же.) (Зародыш кризисов I, 39. I, 40.) Возможность абсолютного разделения труда (там же). (Ср. 17, 18.) (I, 40) [Для приобретения нужной нам вещи] деньги должны совершить только один акт обмена, а товары — два акта (VII, 49). *Корбет* (VII, 52).

Денежное и товарное обращение — движение противоположное (I, 34) (I, 37). Различие между ними. Деньги остаются в обращении (I, 40) (41) (I, 47) (marchandise * превращается в denrée **, деньги же в качестве средства обращения никогда не становятся товаром в смысле denrée).

* — товар как предмет торговли. *Ред.*
** — товар как предмет потребления. *Ред.*

Раздробленная природа денежного обращения (I, 34) (отличие от обращения, опосредствованного банками: там же) (VII, 25). Множество оборотов. В собственно обращении деньги перестают быть товаром (I, 34). *Оборот денег.* Деньги являются средством обращения, сами имеют свое обращение (там же). Товар и деньги приводят друг друга в обращение взаимно. Моменты, лежащие вне денежного обращения и определяющие его (там же).

Обращение как всеобъемлющее [totale] движение (I, 38) (здесь перед нами впервые выступает общественный процесс как общественная взаимосвязь в противоположность индивидам). Формальный характер простого обращения (II, 16, 17) (VII, 29).

Товарная масса и цены. Товары как цены — предпосылка обращения. Как цены, товары представляются деньгами воображению не только отдельного индивида, но всех обменивающихся. Мы исходим из того, что обмениваются только эквиваленты. Но определение цен всегда предшествует действительному процессу обращения (I, 34). (Масса обращающихся средств обмена.)

Предпосылки обращения. Во-первых, фиксация цен. Предполагается наличие товаров как таких товаров, цена которых определена. Во-вторых, предполагается целая совокупность обменов (I, 34 внизу). В качестве цены товар выступает как *особое бытие* меновой стоимости рядом с деньгами как всеобщим адекватным бытием меновой стоимости (I, 37). Собственно говоря, деньги приводят в обращение только право собственности на товары (I, 37).

[М—32] *Стоимость денег. Только в качестве средства обращения деньги остаются товаром* VII, 56 (Дж. Ст. Милль). 57 там же *(Сисмонди)*.

Масса обращающихся средств обмена (I, 37 внизу). Зависит от уровня цен и от количества сделок. От быстроты [обращения] (*Галиани* VII, 49) (I, 38). Определенное количество денег необходимо для одновременных платежей, актов обмена (I, 38). Сокращение и расширение обращения (I, 46). Стюарт и т. д. Локк и т. д. (VII, 26) (*У. Блейк* VII, 29). Теория Джемса Милля (VII, 57, 58). Место о *быстроте* [обращения денег] (*Галиани* VII, 49) (VII, 61 Фуллартон). Рикардо VII, 59.

Деньги — средство заставить обращаться неподвижное [Festes] (Брей, «Free trade» [97] и т. д. VII, 59).

Обращение как процесс дурной бесконечности (определение формы этого процесса) (I, 39) (Зародыш кризисов. Там же).

Форма обращения. Т — Д — Т.
Д — Т — Д (I, 40).

Т — Д — Т. Здесь деньги всего лишь средство обмена товара (I, 44). Как всего лишь средство обмена, деньги безразличны по отношению к своему материализованному выражению (I, 44). Деньги становятся представителем самих себя (там же) (в обращении, взятом в целом, деньги представляют бо̀льшую массу серебра и золота, чем они действительно содержат). Различие между деньгами как реализацией цен и деньгами как средством обращения (там же) (деньги представляют цѐны товаров в их соотношении друг с другом). Из этого противоречия: последствия фальсификации денег, всего лишь символических денег (I, 45, 46). Деньги — товар, или нет? (там же) производительны, или нет? (там же) (*Ферье*, А. Смит) (47) barter *, или нет? (*Солли* I, 47). (Средство производства I, 47.)

Деньги как то, что реализует цену, или цена, существуют вне товара; товар, возможно, не будет положен как цена и т. д. (I, 39) (44) (45). В качестве средства обращения деньги выступают только как подлежащие отчуждению. Не для потребления (II, 4).

Изнашивание монеты в обращении (VII, 64 [98]. VII, 61).

Монета (II, 3) (деньги, положенные в форме средства обращения, это — монета) (их потребительная стоимость теперь совпадает с определением их формы). Маркировка денежного материала (*Шторх* VII, 50).

Перемены, происходящие в сфере средств обращения (золото, серебро, медь. Вспомогательные монеты) (VII, 36, 37) (*Бьюкенен* 37). Избыток медных монет (там же) («*The Economist*» VII, 52).

Определяется ли стоимость средств обращения просто их количеством? (VII, 37) (38) (*Опдайк* VII, 49) VII, 61.

---

* — меновая торговля. *Ред.*

[М—33] *Деньги как деньги*

Деньги как всеобщий товар (I, 17).

Деньги как овеществленная связь [versachlichtes Band] общества (I, 21). Общественно признанный залог (гарантия у Аристотеля) (I, 22).

Деньги как всеобщая проституция. Разложение отношений. Всеобщее отношение полезности (I, 23) (24).

Употребление золота в виде предметов роскоши (I, 26, смотри *Джейкоба,* тетрадь V, стр. 14 [99]. Превращение золотой и серебряной посуды в деньги и наоборот в средние века).

Джейкоб. Тетрадь IV (стр. 12, том II) [100] (II, 5).

Деньги — *непреходящая стоимость* в результате отрицательного отношения к обращению (VI, 28).

«*Деньги — ...адекватный эквивалент* всякой отчуждаемой вещи» (*J. Steuart.* An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I, Dublin, 1770, p. 32).

Всеобщий товар. Бейли VII, 35.

Материя *всеобщего товара контрактов* (Бейли VII, 35. Когда деньги выступают в этом качестве, изменение их стоимости имеет большое значение VII, 36).

Припрятывание денег VII, 38. Образование сокровищ I, 47 (II, 4) (5) (6).

Представление кортесов [королю Филиппу II] VII, 44.

Разлагающее действие денег VII, 46. VII, 59.

Деньги как международное платежное средство (Фуллартон и т. д. VII, 59, 60, 61).

Деньги как средство платежа (VII, 52. VII, 50) (II, 7).

Д — Т — Д (I, 40) (41) (I, 47).

Деньги, как единство меры [стоимостей] и средства обращения, выходят из обращения. *Материальный представитель богатства* (I, 41) (42).

Как продукт обращения (I, 48).

Деньги как ставшая самостоятельной всеобщая меновая стоимость I, 48, II, 1.

Деньги как предмет жажды обогащения (II, 1, 2).

Индивидуализированная меновая стоимость II, 2—3.

Деньги и общественная связь [Gemeinwesen] (II, 3).

Деньги, в противоположность монете, сбрасывают с себя местный характер (II, 3). Мировая монета (там же) (II, 4).

Деньги **— отрицание их функции как средства обращения и их функции как меры (II, 4) и единство этих функций (там же).**

Апокалипсис **(II, 7).**

Трудность понимания денег в их третьем определении **(II, 8).**

«За исключением мексиканских долларов, в виде которых главным образом распределяется продукт южноамериканских серебряных рудников, русских империалов, в виде которых продукт азиатских провинций России добавляется к общему запасу драгоценных металлов, английских соверенов, не оплачивающих стоимость чеканки, редки такие случаи, когда золотые или серебряные монеты, — разве что они внутри страны подверглись обесценению в результате чрезмерного выпуска бумажных денег с принудительным курсом, — вывозятся за границу в уплату причитающихся иностранцам сумм» (*Тук*) [101].

ФРАГМЕНТ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТЕКСТА ВТОРОЙ ГЛАВЫ ПЕРВОГО ВЫПУСКА «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» И НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ [102]

Написано в августе — октябре 1858 г.

Впервые опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1941 г. в книге: K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Anhang

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[ГЛАВА ВТОРАЯ. ДЕНЬГИ
(окончание)]

[2) ДЕНЬГИ КАК СРЕДСТВО ОБМЕНА (ОКОНЧАНИЕ: ПЕРЕХОД ОТ ДЕНЕГ КАК СРЕДСТВА ОБМЕНА К ДЕНЬГАМ КАК СРЕДСТВУ ПЛАТЕЖА)]

[...] [B′ —1] получает. Все особенности связи между обоими лицами стерлись (здесь дело идет только о меновой стоимости как таковой: о всеобщем продукте общественного обращения); стерлись также все политические, патриархальные и прочие отношения, проистекающие из особенностей этой связи. Оба [участника обмена] относятся друг к другу как абстрактно-общественные лица, которые представляют друг перед другом лишь меновую стоимость как таковую. Деньги стали теперь единственным nexus rerum * между ними, деньги sans phrase **. Крестьянин выступает перед помещиком уже не как крестьянин со своим деревенским продуктом и со своим деревенским трудом, а как владелец денег; ибо в результате продажи непосредственная потребительная стоимость отчуждена, приняла через посредство общественного процесса индифферентную форму. С другой стороны, и помещик относится к нему уже не как к неуклюжему индивиду, производящему продукты в особых жизненных условиях, а как к такому индивиду, продукт которого — получившая самостоятельное существование меновая стоимость, всеобщий эквивалент, деньги — не отличается от продукта любого другого лица. Так исчезает

* — связующим началом (буквально: связь вещей). *Ред.*
** — без лишних слов, без околичностей. *Ред.*

та идиллическая видимость, которая окутывала сделку в ее прежней форме.

Абсолютная монархия, которая уже сама есть продукт развития буржуазного богатства, поднявшегося на несовместимую с прежними феодальными отношениями ступень, нуждается соответственно с той единообразной всеобщей властью, которую она должна быть в состоянии осуществлять во всех точках периферии, в материальном рычаге этой власти — во *всеобщем эквиваленте,* в богатстве в его постоянно готовой к бою форме, в которой оно совершенно не зависит от особых местных, натуральных, индивидуальных отношений. Абсолютная монархия нуждается в богатстве в форме денег. Система натуральных повинностей и поставок натурой придает, в соответствии с их особым характером, также и их использованию характер того или иного особого использования. Только деньги способны превращаться непосредственно в любую особую потребительную стоимость. Поэтому абсолютная монархия активно содействует превращению денег во всеобщее средство платежа. Это превращение может быть достигнуто только путем принудительного обращения, заставляющего продукты обращаться по ценам ниже их стоимости. Превращение всех налогов в денежные налоги — для абсолютной монархии вопрос жизни. Поэтому если на более ранней ступени развития превращение [феодальных] повинностей в денежные повинности представляется людям как сбрасывание личных отношений зависимости, как победа буржуазного общества, откупающегося за наличные деньги от мешающих ему пут, — процесс, который, с другой стороны, с романтической точки зрения, представляется как замена пестро окрашенных *связей* человечества жесткими и бездушными денежными отношениями, — то в эпоху поднимающейся абсолютной монархии, чье финансовое искусство состоит в насильственном превращении товаров в деньги, деньги, наоборот, подвергаются атакам со стороны самих буржуазных экономистов как воображаемое богатство, в жертву которому насильственно приносится богатство естественное. Поэтому если, например, Петти в деньгах как материи для образования сокровищ прославляет фактически лишь всеобщее энергичное стремление к обогащению, охватившее молодое буржуазное общество в Англии, то Буагильбер при Людовике XIV разоблачает деньги как всеобщее проклятие, которое иссушает подлинные источники производства богатства, так что только с низвержением этого идола могут быть возвращены прежние законные права миру товаров, являющемуся действительным богатством, и всеобщему пользованию им. Он еще не мог понять, что та же

самая финансовая черная магия, которая, чтобы добыть золото, бросила людей и товары в алхимическую реторту, одновременно с этим заставила испариться все тормозившие буржуазный способ производства отношения и иллюзии, чтобы в виде осадка оставить у себя простые денежные отношения, обыденные отношения меновой стоимости.

«В феодальную эпоху платеж наличными не был единственным nexus * между человеком и человеком. Низший и высший относились друг к другу не только как покупатель и продавец, а многосторонне — как солдат и командир, как лояльный подданный и государь и т. д. С окончательным торжеством денег наступили другие времена» (*Th. Carlyle*. Chartism. London, 1840, стр. 58).

Деньги — «безличная» собственность. В виде денег я могу носить с собой в кармане всеобщее общественное могущество, всеобщую общественную связь, общественную субстанцию. Деньги вкладывают общественную власть как вещь в руки частного лица, которое и осуществляет эту власть в качестве частного лица. Сама общественная связь, сам общественный обмен веществ выступают в деньгах как нечто совершенно внешнее, не имеющее никакого индивидуального отношения к их владельцу, а поэтому также и та власть, которую осуществляет это лицо, оказывается чем-то совершенно случайным, внешним для него.

[B′—2] Не забегая дальше вперед, скажем, что уже теперь ясно следующее: покупки на срок получают чрезвычайно широкое распространение с развитием кредитного дела. В той мере, в какой развивается кредитное дело, а значит и основанное на меновой стоимости производство, та роль, которую играют деньги как средство платежа, будет усиливаться за счет их роли как средства обращения, как орудия купли и продажи. В странах с развитым современным способом производства и, следовательно, с развитым кредитным делом, деньги в виде монеты на самом деле фигурируют почти исключительно в розничной торговле и в мелкой торговле между производителями и потребителями, в то время как в сфере крупных торговых сделок они выступают почти исключительно в форме *всеобщего платежного средства*. В той мере, в какой платежи взаимно погашаются, деньги тут выступают как исчезающая форма, как всего лишь идеальная, мысленно представляемая мера обмениваемых величин стоимости. Их телесное вмешательство ограни-

* — связующим началом. *Ред.*

чивается сальдированием относительно незначительных балансов *.

Развитие денег как всеобщего платежного средства идет рука об руку с развитием более высокого, опосредствованного, в себя возвращающегося и уже взятого под общественный контроль обращения, в котором снимается то исключительное значение, которое деньги имеют на основе простого металлического обращения, например в образовании сокровищ в собственном смысле слова. Но если теперь в результате внезапных потрясений кредита взаимные погашения платежей прерываются в своем течении, если их механизм нарушается, то люди вдруг начинают требовать денег как действительного всеобщего средства платежа, и ставится требование, чтобы богатство во всем его объеме существовало в двойном виде: один раз — как товар, другой раз — как деньги, так, чтобы оба эти способа существования взаимно покрывались. В подобные моменты кризисов деньги выступают как исключительное богатство, которое проявляет себя как таковое не в воображаемом только, как в монетарной, скажем, системе, а в активном обесценении всякого действительного вещественного богатства. По отношению к миру това-

* ««Чтобы показать, как мало», говорит г-н Слейтер (из фирмы «Моррисон, Диллон и К°», чьи сделки — среди крупнейших в Лондоне), «действительных денег участвует в торговых операциях», он дает анализ непрерывной цепи коммерческих сделок, охватывающих многие миллионы фунтов стерлингов в год и являющих собою неплохой пример общего состояния торговли в стране. Размеры поступлений и платежей за 1856 год, пропорционально уменьшенные и сведенные к масштабу всего лишь 1 000 000 ф. ст., показаны в следующей таблице:

Поступления		Платежи	
Срочные векселя банкиров и купцов	533 596 ф. ст.	Срочные векселя	302 674 ф. ст.
Чеки банкиров и т. д., подлежащие оплате по первому требованию	357 715 » »	Чеки на лондонских банкиров	663 672 » »
Банкноты провинциальных банков	9 627 » »		
Банкноты Английского банка	68 554 » »	Банкноты Английского банка	22 743 » »
Золото	28 089 » »	Золото	9 427 » »
Серебро и медь	1 486 » »	Серебро и медь	1 484 » »
Почтовые переводы	933 » »		
	1 000 000 ф. ст.		1 000 000 ф. ст.»

(Report from the Select Committee on the Bank acts etc. 1 July 1858, p. LXXI).

ров стоимость существует тогда уже только в ее адекватной исключительной форме — как деньги.

Дальнейшее развитие этого момента сюда не относится. Что, однако, сюда относится, это то, что в моменты собственно денежных кризисов проявляется противоречие, имманентное развитию денег как всеобщего платежного средства. Во время таких кризисов денег требуют не как меры [стоимости], ибо в качестве меры их телесное наличие безразлично; их требуют также и не в качестве монеты, ибо в платежах они фигурируют не как монета; но их требуют в качестве получившей самостоятельное существование меновой стоимости, в качестве вещественно наличного всеобщего эквивалента, в качестве материализованного выражения абстрактного богатства, в той именно форме, словом, в которой они являются предметом образования сокровищ в собственном смысле — в форме денег. Развитие денег как всеобщего платежного средства таит в себе то противоречие, что меновая стоимость приняла формы, независимые от ее способа существования в качестве денег, а с другой стороны, ее способ существования в качестве денег положен именно как окончательный и единственно адекватный.

Вследствие взаимного погашения платежей, их взаимоуничтожения как положительных и отрицательных величин, деньги, в качестве средства платежа, могут выступать как всего лишь идеальная форма товаров, как это происходит с ними в качестве меры и как они функционируют при установлении цен. Коллизия происходит оттого, что они, — вопреки соглашению, вопреки всеобщей предпосылке современной торговли, всякий раз когда нарушаются механизм этих взаимных погашений и кредитная система, на которой он отчасти покоится, — внезапно должны оказаться налицо и быть выложенными в их реальной форме.

Закон, согласно которому масса находящихся в обращении денег определяется общей суммою цен находящихся в обращении товаров, теперь получает следующее дополнение: общей суммою * приходящихся на данный промежуток времени платежей и их экономией.

[B'—3] Мы видели, что изменение в стоимости золота и серебра не затрагивает их функции меры стоимостей, счетных денег. Это стоимостное изменение приобретает, напротив, решающее значение для денег в их функции платежного средства. Что должно быть уплачено, это — определенное количество

* В рукописи над словом «Gesamtsumme» написано «Gesamtpreis» («совокупной ценою»). *Ред.*

золота или серебра, в котором ко времени заключения контракта была овеществлена определенная стоимость, т. е. определенное рабочее время. Но золото и серебро, как и все другие товары, меняют величину своей стоимости с изменением требуемого для их производства рабочего времени, понижаются или повышаются в стоимости, когда уменьшается или увеличивается это рабочее время. Поэтому, в случае, если реализация продажи со стороны покупателя произойдет по времени позднее, чем отчуждение проданного товара, возможно, что те же количества золота или серебра могут содержать бо̀льшую или меньшую стоимость, чем во время заключения контракта. Свое специфическое качество денег: быть всегда реализованным и реализуемым всеобщим эквивалентом, быть всегда способными к обмену на все товары в меру своей собственной стоимости — золото и серебро сохраняют независимо от изменения величины их стоимости. Последняя, однако, подвержена тем же колебаниям, potentialiter *, как и стоимость всякого другого товара. Будет ли, следовательно, платеж произведен в действительном эквиваленте, т. е. в первоначально предполагавшейся величине, зависит от того, осталось или нет тем же самым требуемое для производства данного количества золота или серебра рабочее время. Природа денег, как воплощенных в некотором особом товаре, приходит здесь в коллизию с их функцией получившей самостоятельное существование меновой стоимости. Большие революции во всех экономических отношениях, которые, например в XVI и XVII веке, были вызваны падением стоимости благородных металлов, или подобная же, но в меньшем масштабе революция, происшедшая в Древнеримской республике в период между [первым серебряным денарием в 485 г. от основания Рима] ** и началом второй Пунической войны и вызванная повышением стоимости меди, в которой были выражены заключенные плебеями долговые обязательства, — факты широко известные. Показ влияния повышения или падения стоимости благородных металлов, материи денег, на экономические отношения предполагает анализ самих этих отношений и, следовательно, в данном месте еще неосуществим.

Одно ясно само собой: падение стоимости благородных металлов, т. е. денег, всегда приносит выгоду платящему за счет того, кто получает платеж; повышение их стоимости — наоборот.

---

* — потенциально. *Ред.*

** В рукописи здесь оставлено пустое место. Оно заполнено текстом в квадратных скобках на основании аналогичных мест в рукописи «Критики политической экономии» (см. настоящий том, часть I, стр. 128, и часть II, стр. 349—350). *Ред.*

Полное овеществление [Versachlichung] общественного обмена веществ на основе меновых стоимостей, превращение его в нечто совершенно внешнее разительным образом проявляется в зависимости всех социальных отношений от издержек производства металлических природных образований, которые как орудия производства, как факторы в созидании богатства, не имеют решительно никакого значения.

3) ДЕНЬГИ КАК МЕЖДУНАРОДНОЕ ПЛАТЕЖНОЕ И ПОКУПАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО, КАК МИРОВАЯ МОНЕТА

Деньги — *всеобщий товар* уже потому, что они являются той всеобщей формой, которую, идеально или реально, принимает каждый особый товар.

Как сокровище и всеобщее средство платежа, деньги становятся всеобщим средством обмена на мировом рынке, всеобщим товаром не только по своему понятию, но и по способу существования. Та особая национальная форма, которую они приобретают в их функции монеты, совлекается с них в их бытии в качестве денег. В качестве денег они космополитичны *. Так как благодаря вмешательству золота и серебра, — являющихся потребительной стоимостью для потребности в обогащении, абстрактным, от особых потребностей независимым богатством, — может иметь место социальный обмен веществ также и в том случае, если только одна нация [B′—4] имеет непосредственную нужду в потребительных стоимостях другой, то золото и серебро становятся чрезвычайно действенными факторами в создании мирового рынка, в распространении социального обмена веществ через границы любых местных, религиозных, политических, расовых различий. Уже у древних образование государством сокровищ имеет значение в качестве резервного фонда главным образом международных платежных средств, в качестве всегда готового к действию эквивалента на случай неурожаев и в качестве источника субсидий во время войны (Ксенофонт [104]). Важное значение, принадлежавшее американскому серебру как связующему звену с Америкой, из которой оно как товар направлялось в Европу, чтобы экспортироваться оттуда как средство обмена в Азию, особенно в Индию, и осесть там большей частью в форме сокровищ, — явилось тем фактом, с наблюдением которого связано начало научной борьбы вокруг монетарной системы, поскольку именно это

* Этот космополитический характер денег бросался в глаза уже древним. «Из какой страны он, из какого племени? Он — *богач*» [103].

привело к борьбе Ост-Индской компании против существовавшего в Англии запрета на вывоз денег (см. *Мисселдена* *).

Так как золото и серебро в этом международном общении служат всего лишь средством обмена, то они фактически выполняют функцию монеты, но такой монеты, у которой сорвана ее чеканка и которая, существует ли она в форме монеты или в форме слитка, оценивается только по своему металлическому весу и не только представляет стоимость, но в то же время и является ею. То, что золото и серебро в этом определении *мировой монеты*, однако, отнюдь не обязательно описывают круговое движение, как они это делают в качестве собственно монеты, а могут односторонним образом продолжать действовать так, что одна из обменивающихся сторон остается всегда покупателем, а другая всегда продавцом, — это также одно из тех наблюдений, которые сразу же напрашивались людям в детские годы буржуазного общества. Отсюда та исключительно важная роль, которую открытие новых производящих золото и серебро земель играет в истории развития мирового рынка как вширь, так и вглубь; ведь та потребительная стоимость, которую они производят, сразу же становится всеобщим товаром, а с другой стороны, возлагает на них вместе с возможностью — в силу абстрактной природы их продукта — немедленно также и необходимость осуществлять основанное на меновой стоимости общение.

Подобно тому как внутри данного национального круга буржуазного общества развитие денег как платежного средства прогрессирует вместе с развитием производственных отношений вообще, точно так же обстоит дело и с деньгами в их определении международного платежного средства. Но как в том более узком, так и в этом более широком кругу их значение выступает разительным образом лишь во время нарушения механизма взаимных погашений платежей. С 1825 г. развитие денег в этом их определении так усилилось — это усиление, естественно, идет в ногу с расширением и интенсивностью международного общения, — что даже наиболее выдающиеся экономисты предыдущей эпохи, например Рикардо, еще не имели никакого представления о том объеме, в каком наличные деньги могут потребоваться в качестве международного платежного средства для такой нации, как, например, Англия. Если для меновой стоимости в образе любого другого товара предпосылкой является особая потребность в той особой потребительной стоимости, в которой воплощена меновая стоимость, то для золота и серебра

---

* См. настоящий том, часть 1, стр. 174 и 178. *Ред.*

как абстрактного богатства такого ограничения не существует. Подобно тому благородному человеку, о котором мечтает поэт [105], золото (или серебро) платит тем, что оно есть, а не тем, что оно делает. Возможность функционирования в качестве покупательного и платежного средства, естественно, всегда содержится в золоте и серебре в скрытой форме. Как то покоящееся, гарантированное бытие всеобщего эквивалента, в котором они являются сокровищем, они ни в одной стране не ограничены потребностью в них как в средстве обращения, объемом, в котором они требуются как средство обращения, вообще никакой потребностью в их непосредственном использовании. Их сама по себе абстрактная и чисто социальная потребительная стоимость, которую они черпают из их функции средства обращения, сама снова выступает как некоторая особая сторона использования их в качестве *всеобщего эквивалента,* материи абстрактного богатства вообще. Из их особой потребительной стоимости как металлов и, поэтому, как сырья для обрабатывающей промышленности проистекает совокупность различных функций, которые они поочередно могут выполнять внутри социального обмена веществ или в процессе выполнения которых они сами принимают различную форму в качестве монеты, слитка и т. д. Тем самым они выступают как различные потребительные стоимости, образующие те формы, в которых золото и серебро как абстрактное и потому адекватное бытие меновой стоимости как таковой противостоит ее бытию в каком-нибудь особенном товаре.

Здесь мы должны рассматривать деньги только в их абстрактных определениях формы. Законы, регулирующие распределение благородных металлов на мировом рынке, предполагают экономические отношения в их наиболее конкретной форме, что еще ждет нас впереди. Так же обстоит дело и со всем тем обращением денег, которое они совершают как капитал, а не как всеобщий товар или всеобщий эквивалент.

На мировом рынке деньги всегда — *реализованная стоимость.* То, что их делает стоимостной величиною, лежит в их непосредственной материальности, в весе благородного металла. Когда они выступают как монета, их потребительная стоимость совпадает с их использованием в качестве всего лишь средства обращения и может быть поэтому заменена простым символом. Как мировая монета, они фактически демонетизируются. Тот внешний характер и то обособление в нечто самостоятельное по отношению к индивидам и их индивидуальным взаимоотношениям, которые [внешний характер и обособление] получает в деньгах социальная связь, явственно выступают наружу в золоте и серебре [В'—5] как *мировой монете* (как монета

деньги имеют еще национальный характер). Первые провозвестники политической экономии в Италии * как раз и прославляют это прекрасное изобретение, которое делает возможным всеобщий обмен веществ в обществе без того, чтобы члены общества соприкасались друг с другом индивидуально **. Как монета деньги имеют национальный, местный характер. Чтобы как золото и серебро служить в качестве международного средства обмена, они должны быть переплавлены, а если они существуют в монетной форме, форма эта безразлична, и монета сводится к ее чистому весу. В наиболее развитой международной системе обмена золото и серебро снова появляются совершенно в той же форме, в которой они фигурировали уже в первоначальной меновой торговле. Золото и серебро в качестве средства обмена, как и сам обмен, появляются первоначально не внутри узкого круга одной какой-нибудь социальной общины [eines gesellschaftlichen Gemeinwesens], а там, где она заканчивается, на ее границе, в немногочисленных точках ее контакта с чужими общинами. Таким образом, золото и серебро выступают положенными в качестве товара как такового, в качестве универсального товара, который повсеместно сохраняет свой характер богатства. Со стороны этого определения формы их значение одинаково во всех местах. Таким образом, они — *материальный* представитель *всеобщего* богатства. Поэтому в меркантилистской системе золото и серебро считаются мерой могущества различных обществ.

«Как только драгоценные металлы становятся предметом торговли, универсальным эквивалентом всех вещей, они вместе с тем становятся мерой могущества отдельных наций». Отсюда меркантилистская система (*Steuart*. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Vol. I. Dublin, 1770, стр. 327).

Определение денег — служить в качестве *международного* средства обмена и платежа — в действительности не является каким-нибудь новым определением, которое добавлялось бы к их определению быть деньгами вообще, всеобщим эквивалентом и потому — как сокровищем, так и платежным средством. В определении всеобщего эквивалента содержится определение денег как всеобщего товара, в качестве какового, правда, деньги реализуются только как мировая монета. Золото и серебро (как уже упомянуто) появляются вообще в качестве

* См. настоящий том, часть II, стр. 297. *Ред.*

** По-видимому, к этому месту относится следующая фраза, дополнительно написанная Марксом в левом верхнем углу страницы: «(Деньги выступают здесь фактически как их [членов общества] *общая* сущность [*Gemein*wesen], существующая в вещной форме вне их самих)». *Ред.*

денег впервые именно как международное средство платежа и обмена, и именно из этого их появления и абстрагируется понятие о них как всеобщем товаре. То национальное, политическое ограничение, которое деньги формально получают вообще как мера (в результате установления единицы-меры и деления этой единицы на части) и которое в монете может распространиться также и на ее содержание в тех случаях, когда выпускаемые государством знаки стоимости заменяют действительный металл, — все это исторически возникает позднее, чем та форма, в которой деньги выступают как всеобщий товар, как мировая монета. Но почему? Потому, что деньги здесь вообще выступают в их конкретной форме денег.

Быть мерой и быть средством обращения — это такие функции денег, в процессе выполнения которых они принимают особые формы существования только в результате позднейшего обособления этих функций в нечто самостоятельное. Возьмем, во-первых, *монету:* первоначально она не что иное, как определенная весовая часть золота; штемпель сюда добавляется как гарантия, как показатель веса, так что пока он еще ничего не меняет; штемпель, являющийся формальным уведомлением о стоимости, превращается в самостоятельный знак, символ стоимости и посредством самого̀ механизма обращения становится вместо формы субстанцией; здесь необходимо вмешательство государства, так как подобный знак должен быть гарантирован получившей самостоятельное бытие мощью общества, государством. Но на самом деле деньги действуют в обращении именно как деньги, как золото и серебро; быть монетой — это всего лишь их функция. В этой функции они обособляются и могут сублимироваться в чистый знак стоимости, который в качестве такового нуждается в законами установленном и законами вынуждаемом признании.

Во-вторых, возьмем *меру*. Денежные единицы-меры и их подразделения в действительности первоначально — всего лишь весовые части денег как металла; как деньги они обладают тою же единицей-мерой, какой они обладают как вес. Разница только в следующем: коль скоро в начеканенных кусочках металла, соответствующих этому весовому подразделению, номинальная стоимость начинает отрываться от реальной стоимости, служащие мерой подразделения золота и серебра как золота и серебра отрываются от их служащих мерой подразделений как денег; и в результате этого определенные весовые части металла, поскольку они функционируют как измерители стоимости, получают для этой своей функции собственные наименования.

Так вот, в мировой торговле золото и серебро оцениваются только по своему весу — без учета их чеканки; другими словами, от их монетного бытия абстрагируются. В международной торговле они выступают совершенно в той форме или в той бесформенности, в которой они выступали первоначально, и там, где они служат в качестве средства обмена, они, как это первоначально было и во внутреннем обращении, служат всегда вместе с тем и как равноценная стоимость, как реализованная цена, как действительный эквивалент. Там, где, таким образом, они служат как монета, как всего лишь средство обмена, они вместе с тем служат и как полноценный представитель стоимости. А их другие функции остаются теми же, в которых они вообще служат как деньги, в форме сокровища (понимается ли оно как надежный по своему материалу запас жизненных средств на будущее или как богатство вообще) или как всеобщее платежное средство, не зависящее от непосредственных потребностей обменивающихся и удовлетворяющее только их всеобщую потребность (или также отсутствие у них потребностей). В качестве покоящегося адекватного эквивалента, который может быть удержан от обращения, потому что он не является предметом определенной непосредственной потребности, деньги — это [B′—6] запас, обеспечение жизненными средствами на будущее вообще: это та форма, в которой владеет богатством человек, не имеющий в данный момент определенных потребностей, т. е. та форма, в которой люди владеют излишком, не требующейся непосредственно в качестве потребительной стоимости частью богатства и т. д. Это — в такой же мере обеспечение будущих потребностей, в какой и выходящая за пределы нуждаемости форма богатства.

Итак, форма денег как международного средства обмена и платежа в действительности является не какой-то их *особой* формой, а только одним из применений их как денег; это — те их функции, в которых они наиболее бросающимся в глаза образом функционируют в своей простой и в то же время конкретной форме как деньги, как единство меры и средства обращения и вместе с тем как ни то, ни другое. Это их самая первоначальная форма. Она выступает как *особая* форма только рядом с той *формой обособления,* которую деньги могут принять в так называемом внутреннем обращении как мера и монета.

В этом качестве золото и серебро играют важную роль в создании мирового рынка. Так, например, циркуляция американского серебра с Запада на Восток; связь посредством металлических денег между Америкой и Европой, с одной стороны, и между Америкой и Азией, Европой и Азией, с дру-

гой стороны, с начала новой эпохи... В качестве мировой монеты деньги по существу безразличны к своей форме средства обращения, в то время как их материал составляет теперь всё. Они выступают не для обмена излишка, а для сальдирования избытка в совокупном процессе международного обмена. Форма здесь непосредственно совпадает с их функцией быть *товаром,* в смысле повсеместно имеющего хождение товара, *универсального товара.*

Обращаются ли здесь деньги в виде начеканенных монет или в другом виде, безразлично. Мексиканские доллары, русские империалы — это всего лишь форма продукта южноамериканских и русских рудников. Точно таким же образом служит и английский соверен, потому что он не оплачивает стоимость чеканки *(Тук)* [106].

Как относятся золото и серебро к своим непосредственным производителям в тех странах, где они представляют собою непосредственный продукт, овеществление некоторого особого вида труда? В их руках золото и серебро производятся непосредственно как товар, т. е. как такая потребительная стоимость, которая для своего производителя потребительной стоимости не имеет, а становится таковой только в результате ее отчуждения, в результате того, что продукт бросают в обращение. В руках производителя золота и серебра они могут выступать только как сокровище, потому что они не являются продуктом обращения, не извлечены из него, а еще в него не вступили. Добытое золото и серебро надо непосредственно, в соответствии с содержащимся в них рабочим временем, сперва обменять на другие товары, рядом с которыми они, однако, существуют как *особый* товар. Но, с другой стороны, так как золото и серебро вместе с тем имеют значение продукта всеобщего труда, олицетворения этого всеобщего труда, чем они в качестве непосредственного продукта не являются, то они ставят своего производителя в то привилегированное положение, что тот сразу же выступает в качестве покупателя, а не продавца. Чтобы пользоваться добываемым золотом как деньгами, его производитель должен отчуждать от себя это золото как непосредственный продукт, но вместе с тем он не нуждается в том опосредствовании, в котором нуждается производитель всякого другого товара. Даже в форме покупателя он является продавцом.

Иллюзорное представление о том, что деньги в качестве всеобщего богатства, удовлетворяющего все потребности, можно вытащить за уши непосредственно из земли или речного русла, обнаруживается, например, в наивной форме в следующем эпизоде:

«В 760 году множество бедных людей переселилось к югу от Праги с целью промывать там речной золотой песок, и три человека могли в один день добыть марку ($^1/_2$ фунта) золота; в результате этого наплыв людей к «приискам» был настолько велик, что в следующем году страну постиг голод («Abhandlung von dem Alterthume des böhmischen Bergwerks», von M. G. Körner. Schneeberg, 1758)» [107].

Когда деньги переданы в виде золота [или серебра], они в форме [золота или] серебра могут быть всюду перечеканены в средства обращения.

«Деньги всегда обладают способностью обмениваться на то, что они измеряют» (*Bosanquet*. Metallic, Paper, and Credit Currency. London, 1842, стр. 100).

«Золото всегда может купить другие товары, тогда как другие товары не всегда могут купить золото...» «Необходимо иметь весьма значительное количество драгоценных металлов, применимых и применяемых в качестве наиболее удобного средства урегулирования международных балансов» (*Tooke*. An Inquiry into the Currency Principle. 2nd edition. London, 1844, стр. 10, 13).

Золото и серебро в XVI веке, в период детства буржуазного общества, вызывали к себе исключительный интерес со стороны государств и зарождавшейся политической экономии главным образом как международные деньги. Та специфическая роль, которую золото и серебро играют в международном общении, снова совершенно ясна и снова признается экономистами со времени больших отливов золота и кризисов 1825, 1839, 1847, 1857 годов. Здесь золото — абсолютное, исключительное международное средство платежа, выступающее в качестве самодовлеющей стоимости, всеобщего эквивалента. Стоимость должна передаваться в звонкой монете, она не может быть передана ни в какой другой форме товара.

«Можно рассчитывать на то, что золото и серебро... по их прибытии [к кредитору] почти в точности реализуют требуемую сумму»... «Золото и серебро обладают в таких случаях бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются как *деньги*».

(Фуллартон здесь, следовательно, видит, что стоимость передается в золоте и серебре как деньгах, а не в товарах, что [B′—7] это — специфическая функция их как *денег*, и поэтому он неправ, говоря, что они передаются как *капитал*, и внося тем самым уже при рассмотрении денег не относящиеся сюда отношения. Капитал может передаваться также и в форме риса, пряжи и т. п.)

«Обычно договариваются оплачивать долги, внешние и внутренние, не чаем, кофе, сахаром или индиго, а *монетой;* и поэтому пересылка денег либо в той самой валюте, которая указана в контракте, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в указанную монету на монетном дворе или на рынке той страны, куда пересылаются деньги, представляет

для отправителя всегда наиболее верный, простой и точный способ уплаты, не подвергающий его риску иметь неприятности вследствие недостатка спроса или колебания цен» (*Fullarton*. On the Regulation of Currencies. 2nd edition. London, 1845, стр. 132—133).

«Всякий другой предмет» (представляющий интерес своей особой потребительной стоимостью, не являющийся деньгами) «может по своему количеству или качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он пересылается» (*Tooke*. An Inquiry into the Currency Principle. 2nd edition. London, 1844, стр. 10).

Упорное нежелание экономистов признать деньги в этом определении представляет собой остаток старой полемики против монетарной системы.

Деньги, фигурирующие в качестве всеобщего международного покупательного и платежного средства, — отнюдь не новое их определение. Напротив, это лишь те же деньги в той универсальности их проявления, которая соответствует всеобщности их понятия; это их наиболее адекватный способ существования, в котором они на деле являют себя как *универсальный товар*.

В зависимости от различных функций, выполняемых деньгами, одна и та же денежная величина [Geldstück] может менять свою позицию [Platz]. Сегодня она может быть монетой, завтра, не меняя своей внешней формы бытия, — деньгами, т. е. покоящимся эквивалентом. Золото и серебро как конкретное существование денег тем самым существенно отличаются от знака стоимости, которым они могут быть заменены во внутреннем обращении: золотые и серебряные монеты могут быть переплавлены в слитки и этим путем сохранить свою индифферентную форму по отношению к их местному характеру в качестве монеты или, если они превращены в деньги в виде монеты, служить только как металлический вес. Таким образом они могут стать сырьем для предметов роскоши, или накапливаться как сокровище, или как международное средство платежа отправляться за границу, где они снова способны превращаться в форму национальной монеты, любой национальной монеты. Они сохраняют свою стоимость в любой из этих форм.

Со знаком стоимости этого не происходит. Он только там знак, где он таковым считается, а он считается знаком только там, где за ним стоит государственная власть. Поэтому он прикован к обращению и не может впасть обратно в ту индифферентную форму, в которой золото и серебро всегда сами являются стоимостью и имеют возможность принимать любую национальную чеканку или, в безразличии к этой последней, служить в своей непосредственной форме бытия средством обмена и материалом для образования сокровищ или же, наконец, превращаться в товар. Золото и серебро не прикованы

ни к одной из этих форм, а принимают любую из них, смотря по тому, как это обусловлено потребностью или тенденцией процесса обращения. В той мере, в какой золото и серебро в качестве особого товара не перерабатываются в предметы роскоши, они существуют прежде всего в соотношении с обращением, но не только с внутренним, а с мировым обращением; однако вместе с тем они всегда существуют в самостоятельной форме, противясь поглощению их обращением. Монета, изолированная как таковая, т. е. как всего лишь знак стоимости, существует только благодаря обращению и только в нем. Даже накапливаясь, он [знак стоимости] может накапливаться только как монета, ибо его власть прекращается на границах страны. За исключением тех форм образования сокровищ, которые возникают из самого процесса обращения и, собственно говоря, являются лишь точками покоя последнего, а именно за исключением образования предназначенного для обращения запаса монет или резерва для платежей, производимых в той же национальной монете, здесь вообще не может быть речи об образовании сокровищ, т. е. об образовании сокровищ в собственном смысле слова, ибо у монеты как знака стоимости отсутствует существенный элемент образования сокровищ — быть не всего лишь символической стоимостью, а, помимо своей социальной функции, непосредственным бытием самой стоимости и потому богатством, независимым от той или иной определенной общественной связи. Поэтому те законы, которые обусловливают знак стоимости, чтобы он был таким знаком, не обусловливают металлических денег, ибо они не прикованы к функции монеты.

Ясно далее, что образование сокровищ, т. е. изъятие денег из обращения и собирание их в определенных пунктах, имеет многообразные формы: временное накопление, проистекающее из простого факта разделения покупки и продажи, т. е. из непосредственного механизма самого простого обращения; накопление денег, проистекающее из функции денег как платежного средства; наконец, собственно образование сокровищ, желающее удержать и сохранить деньги как абстрактное богатство или хотя бы только как избыток наличного богатства над непосредственной потребностью в нем и как гарантию на будущее или как то, что может затруднить возникновение непроизвольных заторов в обращении. Последние формы, при которых [B′—8] самостоятельное существование, адекватное бытие меновой стоимости рассматривается уже только в своей непосредственно вещной форме золота, в буржуазном обществе все более и более исчезают. Современные формы образования сокровищ,

проистекающие из самого механизма обращения и являющиеся условиями выполнения деньгами своих функций, получают, наоборот, большее развитие, хотя они принимают различную форму, которая подлежит рассмотрению в разделе о банковом деле.

На основе простого металлического обращения обнаруживается, однако, что в результате различных определений, в которых функционируют деньги, или в результате процесса обращения, этого общественного обмена веществ, наличное золото и серебро оседают в различных формах в качестве покоящегося сокровища, но при этом так, что хотя та часть денег, которая существует в качестве такого сокровища, постоянно меняет свои элементы и на поверхности общества имеет место постоянная смена тех порций денег, которые выполняют ту или другую функцию, переходят из сокровищ в обращение (внутреннее или международное), из обращения поглощаются резервуарами сокровищ или переплавляются в предметы роскоши, — тем не менее функционирование денег в качестве средств обращения никогда не подвергается ограничению вследствие такого рода оседания денег в виде покоящихся отложений. Вывоз или ввоз денег попеременно опустошает или наполняет эти различные резервуары, как это происходит и в результате повышения или падения общей суммы цен во внутреннем обращении — без того, чтобы требуемая для самого обращения масса денег из-за избытка золота и серебра увеличивалась сверх надлежащего их количества или падала ниже этого их количества. То, что не требуется как средство обращения, изымается в виде сокровища; равным образом и сокровище, как только в нем возникает потребность, поглощается обращением. Поэтому у народов с чисто металлическим обращением образование сокровищ обнаруживается в различных формах — от собирания их отдельными лицами до собирания их государством, хранящим свою государственную казну. В буржуазном обществе этот процесс сводится к выполнению требований совокупного процесса производства и принимает другие формы. Он выступает как особое занятие, потребность в котором возникла в результате разделения труда в совокупном процессе производства и которое на более наивных стадиях развития совершается частично как дело всех частных лиц, частично как государственное дело. Основа, тем не менее, остается та же; деньги в различных развитых функциях и даже в функции чисто призрачной функционируют постоянно.

Это рассмотрение чисто металлического обращения тем более важно, что все спекуляции экономистов по поводу более высоких, более опосредствованных форм обращения зависят

от точки зрения на простое металлическое обращение. Разумеется 1), что когда мы говорим об увеличении или уменьшении количества золота и серебра, всегда предполагается, что *стоимость* золота и серебра остается тою же, т. е. что требуемое для их производства рабочее время не изменилось. Падение или повышение величины их стоимости в результате уменьшения или увеличения требуемого для их производства рабочего времени отнюдь не представляет собой какой-либо отличающей их от других товаров особенности, как бы это ни вредило их функции платежного средства. 2) Те мотивы, которые — помимо падения и повышения цен и помимо необходимости покупать товары у продавцов, не нуждающихся во встречном товаре (как это бывает в случае голода и в военное время) — заставляют открывать резервуары сокровищ или их снова наполнять, т. е. мотивы, связанные с [повышением и снижением] процентной ставки, не могут быть рассмотрены здесь, где деньги еще рассматриваются только как деньги, а не как форма капитала.

Итак, находящаяся в какой-либо стране масса золота и серебра должна быть и всегда будет, на основе простого металлического обращения и покоящейся на наличных деньгах всеобщей торговли, больше, чем масса золота и серебра, обращающихся в качестве монеты, хотя количественное соотношение между той порцией денег, которая функционирует как деньги, и той, которая функционирует как монета, будет меняться, и те же самые деньги могут выполнять попеременно то ту, то другую функцию, совершенно так же, как будут меняться в количественном отношении и заменять друг друга качественно те порции денег, которые служат для внутреннего и международного обращения. Однако масса золота и серебра является постоянным резервуаром для обоих движений обращения, как отводным, так и приводящим каналом для них, причем приводящим каналом она служит именно в силу того, что она служит отводным каналом.

* * *

Как меновая стоимость, каждый товар может быть разделен на любое количество частей, как бы неделима ни была его потребительная стоимость, например потребительная стоимость дома. В своей цене товар существует как такая делимая меновая стоимость, т. е. как стоимость, оцениваемая в деньгах. Так он может быть отчуждаем любым образом, часть за частью, за деньги. Хотя бы он был недвижим и неделим, товар, таким образом, может быть брошен в обращение отдельными кусочками благодаря передаче другому лицу права собственности

[B'—9] на его частицы. Так деньги действуют разлагающим образом на недвижимую, неделимую собственность.

«Деньги — средство раздробить владение на бесчисленные кусочки и по частям проедать его путем обмена» (*Bray*. Labour's Wrongs and Labour's Remedy. Leeds, 1839, стр. 140—141) [Русский перевод, стр. 173].

Не будь денег, масса предметов была бы неспособна к обмену, не подлежала бы отчуждению, ибо только благодаря деньгам эти предметы получают независимое от природы их потребительной стоимости и ее отношений существование.

«Когда неподвижные и неизменяющиеся вещи стали объектом торговли среди людей в такой же степени, как вещи подвижные и созданные для обмена, вошли в употребление деньги в качестве правила и меры (square), благодаря чему все эти вещи получили оценку и стоимость» ([*Misselden*.] Free Trade, or The Meanes to make Trade florish. London, 1622, стр. 21).

«Введение денег, которые покупают всё, ...приводит к необходимости законного отчуждения» (феодальных поместий) (*John Dalrymple*. An Essay towards a general history of Feudal Property in Great Britain. 4th edition. London, 1759, стр. 124).

* * *

На самом деле все определения, в которых выступают деньги — измеритель стоимости, средство обращения и деньги как таковые — выражают лишь различные отношения, в которых индивиды участвуют в совокупном производстве или относятся к своему собственному производству как к общественному. Эти отношения индивидов друг к другу выступают, однако, как *общественные отношения* вещей.

* * *

«В 1593 г. кортесы сделали Филиппу II следующее представление: «Кортесы в Вальядолиде 1548 года просили ваше величество не разрешать впредь ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных изделий, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей *на золото, как будто бы испанцы были индейцами*»» (*Sempéré*. Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence de la monarchie Espagnole. Tome premier. Paris, 1826, стр. 275—276).

«Все прячут и тайно закапывают свои деньги глубоко в землю, в особенности же язычники» (немагометане), «держащие в своих руках почти всю торговлю и почти все деньги и одержимые верою, что золото и серебро, которые они прячут в течение своей жизни, будут служить им после смерти» (*François Bernier*. Voyages contenant la description des Etats du Grand Mogol. Tome I. Paris, 1830, стр. 314). (При дворе Аурангзеба.)

«Они имеют одни мысли и передают силу и власть свою зверю... И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет начертание или имя зверя, или число имени его» (*Апокалипсис. Вульгата*[108]).

«Великий и конечный результат торговли — не богатство вообще, а по преимуществу изобилие серебра и золота..., которые непреходящи и не столь изменяемы, как другие товары, и представляют собой богатство во все времена и повсеместно».

(Их непреходящий характер состоит, стало быть, не только в непреходящем характере их материала, а в том, что они остаются *богатством* всегда, т. е. всегда пребывают в определении формы меновой стоимости.)

«Изобилие вина, зерна, птицы, мяса и т. д. есть богатство, но богатство только *hic et nunc* *» (зависит от их особенной потребительной стоимости). «Поэтому производство таких товаров и результаты такой торговли, которые обеспечивают страну золотом и серебром, выгоднее чего-либо иного» (*Petty*. Several Essays in Political Arithmetick. London, 1699, стр. 178—179).

«Только золото и серебро не *преходящи*» (никогда не перестают быть меновой стоимостью), «а во все времена и во всех местах» (польза особенных потребительных стоимостей обусловлена временем и местом, как и сами потребности, которые они удовлетворяют) «ценятся как *богатство;* все же прочее есть лишь богатство *pro hic et nunc* *» (там же, стр. 196).

«Богатство каждой нации заключается главным образом в ее участии во внешней торговле с мировым рынком (the whole commercial world), а не во внутренней торговле съестными припасами, напитками и одеждой, приносящими мало золота и серебра, *универсального богатства* (universal wealth)» (там же, стр. 242).

Подобно тому, как золото и серебро сами по себе являются всеобщим богатством, так и владение ими выступает как продукт мирового обращения, а не обращения, ограниченного непосредственными природно-этническими связями.

Может показаться странным, что Петти, который называет землю матерью, а труд отцом богатства [109], учит разделению труда и вообще в дерзко гениальной манере всюду имеет в виду процесс производства вместо отдельного продукта, — здесь все же, оказывается, по-видимому, полностью в плену языка и представлений монетарной системы. [B'—10] Нельзя, однако, забывать, что исходя из его предпосылки, как и из буржуазной предпосылки вообще, золото и серебро являются лишь адекватной формой эквивалента, который должен присваиваться всегда только через отчуждение товаров и, следовательно, через *труд*. Заниматься производством ради производства, т. е. развивать производящие богатство производительные силы без оглядки на пределы непосредственной нуждаемости или непосредственного потребления, — это требование получает у Петти такое выражение: производить и обменивать не ради преходящих актов потребления, в которых растворяются все товары,

* — в данном месте и в данный момент. *Ред.*

а ради золота и серебра. Здесь Петти одновременно выражает и подстегивает энергичную, беспощадную, всеобщую страсть английской нации к обогащению в XVII веке.

Отметим, прежде всего, *свойственное деньгам извращение:* из средства они становятся целью и ведут к деградации прочих товаров:

«Естественным предметом торговли является товар (Merchandize), а искусственным — деньги... Хотя деньги и по природе вещей, и по времени появляются после товара, тем не менее они, как ими теперь пользуются» (в их нынешнем применении) «превратились в самое главное».

Так пишет *Мисселден,* лондонский купец, в своем сочинении «*Free Trade, or the Meanes to make Trade florish*». London, 1622 (стр. 7). Он сравнивает обмен рангами между деньгами и товаром с судьбой двух сыновей древнего Иакова, который правую руку возложил на младшего сына, а левую — на старшего [110] (там же).

Противоположность между деньгами как сокровищем и товарами, меновая стоимость которых прекращает свое существование по выполнении ими своей цели в качестве потребительных стоимостей, и теория воздержания:

«Всеобщая отдаленная причина нашего недостатка в деньгах заключается в большом излишестве в потреблении нашим королевством иноземных товаров, которые вместо того, чтобы быть для нас commodities, оказываются для нас discommodities *, так как они лишают нас соответственного количества *сокровищ* (treasure), которые в противном случае ввозились бы вместо этих пустяков (toys)... Мы потребляем у себя в слишком большом изобилии вина из Испании, Франции, Рейнской провинции, Леванта; изюм из Испании, коринку из Леванта, линобатист» (сорт тонкого полотна) «и кембрики» (другие сорта его же) «из Геннегау ** и Нидерландов, шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии; все это нам не так уж необходимо и, тем не менее, покупается за звонкую монету... Уже старый Катон говорил: Patrem familias vendacem, non emacem esse oportet ***» ([*Misselden.*] Free Trade. London, 1622, стр. 11—13).

«Чем более возрастает запас в товарах, тем более уменьшается запас, существующий в виде *сокровища* (in treasure)» (там же, стр. 23).

О безвозвратном обращении на мировом рынке, особенно в торговле с Азией:

«Количество денег уменьшается в результате торговли с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией. Эта торговля ведется

---

* Непереводимая игра слов: английское слово commodities означает товары, а также удобства, полезные вещи; слово discommodities означает неудобства, бесполезные, ненужные, вредные вещи. *Ред.*

** — одна из провинций бывших «Испанских Нидерландов» (т. е. теперешней Бельгии). *Ред.*

*** — Отец семейства должен продавать, а не покупать. *Ред.*

большей частью на наличные деньги, однако совершенно иначе, чем торговля внутри христианского мира. Ибо, хотя торговля в пределах христианского мира ведется на наличные деньги, деньги все еще остаются заключенными в границах этого мира. Действительно, в торговле между христианскими странами существуют течения и противотечения, приливы и отливы денег, потому что иногда в одном месте имеется денег больше, в другом месте меньше, в зависимости от того, что одна страна испытывает недостаток, а другая имеет избыток: деньги приходят, уходят и обращаются в кругу христианских народов, но остаются всегда в его пределах. А те деньги, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда только расходуются (issued) и никогда не возвращаются назад» (там же, стр. 19—20).

Подобным же образом, как и Мисселден, жалуется старейший немецкий политико-эконом д-р Мартин Лютер:

«Нельзя отрицать, что купля и продажа — вещь нужная, без которой нельзя обойтись; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага. Это — дары бога, который их доставляет из земли и оделяет ими людей. Но *внешняя торговля*, которая из Калькутты [В′—11] и Индии и т. д. привозит товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя. Но об этом я не хочу теперь писать; ибо я полагаю, что в конце концов, когда мы больше не будем иметь денег, эта торговля прекратится сама собой, равно как и щегольство и обжорство: ведь никакие писания и поучения не помогут, пока нас не принудит нужда и нищета.

По попущению божию мы, немцы, должны отдавать свое золото и серебро в чужие страны, обогащать весь мир, а сами оставаться нищими. Англия имела бы меньше золота, если бы Германия оставляла ей ее сукно, и король португальский также имел бы меньше, если бы мы оставляли ему его пряности. Если ты подсчитаешь, сколько денег без надобности и причин вывозится из немецких государств на одну только франкфуртскую ярмарку, то ты удивишься, каким образом в немецких землях остается еще хоть один грош. Франкфурт — это серебряная и золотая дыра, через которую из немецкой земли вытекает все то, что только создается и растет, чеканится и превращается в монету у нас; если бы эта дыра была заткнута, не приходилось бы теперь слышать жалоб, что повсюду одни только долги и нет денег, что все деревни и города разорены ростовщическими долгами. Но пусть все идет, как должно идти: мы, немцы, должны остаться немцами; мы не отступим; ведь мы должны» (*«Bücher vom Kaufhandel und Wucher»,* 1524) [111].

Буагильбер, занимающий совершенно такое же значительное место во французской политической экономии, как Петти в английской, один из наиболее страстных противников монетарной системы, нападает на деньги в тех различных формах, в которых они выступают как *исключительная стоимость* в противоположность другим товарам, как *средство платежа* (у Буагильбера особенно в налогах) и как *сокровище*. (Специфическое бытие стоимости в деньгах проявляется как относительное отсутствие стоимости, деградация других товаров.)

Все приводимые ниже цитаты из сочинений Буагильбера взяты из собрания его сочинений в издании *Эжена Дэра:* «Economistes financiers du XVIII-e siècle. Paris, 1843».

«Так как золото и серебро не являются и никогда не были богатством в самих себе и так как они имеют ценность лишь относительную и лишь постольку, поскольку они могут доставлять необходимые для жизни вещи, для которых они служат всего лишь залогом и оценкой, то безразлично, имеются ли они в большем или в меньшем количестве, если только они могут производить те же результаты» («*Le Détail de la France*», 1697 год, глава VII первой части [в издании Дэра стр. 178]).

Количество денег не затрагивает национального богатства, «*если только их достаточно для того, чтобы поддерживать существующие цены* необходимых для жизни товаров» (там же, глава XVIII второй части, стр. 209).

(Буагильбер, следовательно, формулирует здесь закон, что масса средств обращения определяется ценами, а не наоборот.)

То, что деньги представляют собой всего лишь форму самого товара, обнаруживается в оптовой торговле, где обмен происходит без вмешательства денег, после того как «*товары оценены*»; «деньги — только *путь* и *средство*, между тем как полезные для жизни товары представляют *конечную цель*» (там же, стр. 210).

Деньги должны быть только средством обращения, должны быть всегда *мобильными;* они никогда не должны становиться сокровищем, чем-то *неподвижным:* они должны находиться «в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают *подвижностью*...; но как только они становятся *неподвижными*,.. все погибло» (там же, глава XIX второй части, стр. 213).

В противоположность той финансовой политике, для которой единственным объектом были *деньги,* Буагильбер утверждает:

«*Финансовая наука* является лишь углубленным знанием интересов сельского хозяйства и торговли» (там же, глава VIII третьей части, стр. 241).

Буагильбер в самом деле обращает внимание только на вещественное содержание богатства, на потребление, на потребительную стоимость:

«Истинное богатство [состоит в] полном удовлетворении не только потребностей жизни, но и потребностей в излишке и во всем том, что может доставить удовольствие чувствам» («*Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs*», в издании Дэра стр. 403).

«Из этих металлов» (золота и серебра) «сделали... *идола* и, пренебрегая целью и намерением, ради которых они были введены в торговлю, — а именно, чтобы они служили залогом при обмене и взаимной передаче товаров [B'—12],... их почти отстранили от выполнения этой службы и превратили в *божества,* которым приносили и каждодневно продолжают приносить в жертву больше благ, драгоценностей и даже *жизней человеческих,* чем слепая древность когда-либо приносила в жертву тем ложным божествам, которые столь долгое время составляли весь культ и всю религию для большинства народов» (там же, стр. 395). «Нищета народов происходит только оттого, что бывшего раба сделали господином или, вернее,

тираном» (там же). Эту «узурпацию» необходимо сломить и «восстановить естественное положение вещей» (там же).

С появлением абстрактной жажды обогащения «тотчас был нанесен большой удар по той эквивалентности, в которой они» (деньги) «должны находиться по отношению ко всем другим товарам, чтобы в любой момент быть готовыми организовать их обмен» (там же, стр. 399). «Вот, стало быть, раб торговли, ставший ее господином... Та легкость, которую предоставляют деньги для совершения любых преступлений, все более и более увеличивает получаемые при помощи денег доходы, по мере того как коррупция овладевает сердцами; и не подлежит сомнению, что почти все злодеяния были бы изгнаны из государства, если бы из него можно было изгнать этот роковой металл» (стр. 399).

Обесценивание товаров для превращения их в деньги (продажа их ниже их стоимости) — вот причина всей нищеты (см. главу V, цит. соч.). И в этом смысле он говорит:

«Деньги... сделались палачом всех вещей» (там же, стр. 413).

Буагильбер сравнивает финансовое искусство выколачивания денег с

«перегонным кубом, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и товаров, чтобы извлечь этот роковой экстракт» (там же, стр. 419).

Путем обесценения благородных металлов «сами товары будут восстановлены в их справедливой стоимости» (там же, стр. 422). «Деньги... объявляют войну... всему роду человеческому» (там же, стр. 417).

(В таком же духе высказывается и *Плиний,* «Historia Naturalis», книга XXXIII, глава II *.)

В противоположность этому:

Деньги как мировая монета:

«Сношения народов между собой распространились по всему земному шару до такой степени, что, можно сказать, весь мир сделался как бы одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех товаров, где каждый человек, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что в другом месте производится землей, животными и человеческим мастерством. Удивительное изобретение!» (*Montanari* (Geminiano). «*Della Moneta*»; написано около 1683 года. В издании Кустоди: Parte Antica. Tomo III, стр. 40).

«Из какой страны он, из какого племени? Он — богач» (*Athenaeus.* Deipnosophistae, книга IV, параграф 49).

О копании золота в рудниках говорит Димитрий Фалерский:

«Алчность надеется вытащить из недр земли самого Плутона» (там же, книга VI, параграф 23).

«От денег берет свое начало скупость... Постепенно она разгорелась неистовым образом: это уже не скупость, а страсть к золоту» (*Plinius,* Historia Naturalis, книга XXXIII, глава III, параграф XIV).

---

* По-видимому, описка, вместо III. *Ред.*

«Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дому выгоняют граждан,
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным»

(*Софокл.* Антигона [стихи 301—307]).

* * *

Деньги как чисто абстрактное богатство — в котором угасает всякая особенная потребительная стоимость, а стало быть, и всякое индивидуальное отношение между владельцем и товаром — попадают также и во власть отдельного лица как абстрактной личности, относясь к его индивидуальности совершенно чуждым и внешним образом. Но вместе с тем они дают ему всеобщую власть в качестве его частной власти. Это противоречие изображено, например, Шекспиром:

[B′—13] «Что вижу? Золото? Ужели правда?
Сверкающее, желтое...
Тут золота достаточно вполне,
Чтоб черное успешно сделать белым,
Уродство — красотою, зло — добром,
Трусливого — отважным, старца — юным,
И низость — благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?
От вас самих оно жрецов отторгнет *,
Подушку вытащит из-под голов
У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот желтый раб начнет немедля
И связывать и расторгать обеты;
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысит вора,
Ему даст титул и почет всеобщий
И на скамью сенаторов посадит.
Увядшим вдовам женихов отыщет!
Разъеденная язвами блудница,
Та, от которой даже сами стены
Больничные бы отшатнулись, — станет
Цветущей, свежей и благоуханной,
Как майский день. Металл проклятый, прочь!
Ты, шлюха человечества...»

(*Шекспир.* Тимон Афинский [акт IV, сцена III]).

То, что за всё отдается и за что отдается всё, выступает как всеобщее средство коррупции и проституции.

«Они имеют одни мысли и передают силу и власть свою зверю... И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет начертание или имя зверя, или число имени его» (*Апокалипсис* [112]).

---

* *Подобное же — в комедии Аристофана «Плутос».*

4) БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ КАК НОСИТЕЛИ ДЕНЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ

Буржуазный процесс производства первоначально овладевает металлическим обращением как переданным ему в готовом виде органом, который, хотя постепенно и преобразовывается, но всегда сохраняет свою основную конструкцию. Поэтому вопрос, почему золото и серебро, а не другие товары служат денежным материалом, выходит за пределы буржуазной системы. Мы поэтому в самом суммарном виде отметим лишь наиболее существенные пункты. Ответ заключается просто в том, что специфические природные свойства благородных металлов, т. е. их свойства как потребительных стоимостей, соответствуют тем экономическим функциям, которые делают их способными преимущественно перед всеми другими товарами быть носителями денежных функций.

Подобно самому́ рабочему времени, тот предмет, который призван играть роль его специфического воплощения, должен обладать способностью представлять чисто количественные различия, что предполагает качественную тождественность, однородность. Это — первое условие для функционирования товара в качестве измерителя стоимости. Если, например, я оцениваю все товары в быках, кожах, зерне и т. д., то я должен на самом деле измерять их в идеальных средних быках, средних кожах, среднем зерне, так как бык от быка, зерно от зерна, кожа от кожи качественно отличаются, в потребительной стоимости экземпляров одного и того же рода имеется различие. Это требование отсутствия качественных различий, независимо от времени и места, а стало быть, требование равенства при равном количестве, является первым требованием с этой стороны.

Вторым требованием, также вытекающим из необходимости представлять только количественное различие, является легкая делимость и последующая соединимость частей, так чтобы, в зависимости от величины стоимости [B′—14] товара, всеобщий эквивалент можно было резать на части, не нанося тем самым ущерба его потребительной стоимости. Золото и серебро как простые тела, у которых имеет место чисто количественное деление, могут быть доведены до одной и той же степени чистоты. Качественная тождественность. Одинаковая делимость и обратная соединимость частей.

О золоте можно даже сказать, что оно является древнейшим известным человеку металлом, *первым открытым им металлом*. Сама природа, в великих золотомойках — в реках, берет на себя труд технологии, и, таким образом, со стороны человека

для отыскания золота не требуется ни науки, ни развитых орудий производства, а только самый грубый труд.

«Драгоценные металлы однородны по своим физическим качествам, так что одинаковые их количества должны быть настолько тождественны, чтобы не было никаких оснований предпочесть одно из них другому. Иначе обстоит дело с одинаковыми количествами скота и одинаковыми количествами зерна»[113].

Золото вместе с тем встречается в более чистом виде, чем все другие металлы: в самородной, кристаллической форме, отдельными кусками; оно «отделено от обычно встречающихся тел», бывает редко сплавлено с другими, кроме серебра, телами. Золото «обособленно, индивидуализировано».

«Золото сильно отличается почти от всех других металлов тем, что оно встречается в природе в своем *металлическом состоянии*» (другие металлы встречаются в минералах — в химическом своем бытии). «Железо и медь, олово, свинец и серебро обычно встречаются в химическом соединении с кислородом, серой, мышьяком или углеродом; а те редкие исключительные случаи, когда эти металлы встречаются в химически чистом или, как раньше говорили, в *девственном* состоянии, можно скорее приводить как минералогические курьезы, чем как обычные явления. Между тем золото всегда встречается в самородном или металлическом состоянии... Затем золото, образовавшееся в горных породах, легко подвергавшихся атмосферному влиянию, встречается среди их обломков... Откалывающиеся частицы этих горных пород... уносятся потоками в долины и благодаря постоянному воздействию проточной воды превращаются в гальку... Золото из-за своего удельного веса оседает. Встречается, следовательно, в руслах рек и наносных грунтах. Речное золото — первое золото, которое было найдено». (Речной промывке люди научились раньше, чем рудному делу.)

...«Золото чаще всего встречается в чистом виде или, во всяком случае, настолько чистом, что сразу можно установить его металлическую природу как в речных отложениях, так и в кварцевых жилах... Реки — это, по сути дела, большие природные *золотомойки*, уносящие сразу все более легкие и более мелкие частицы, тогда как более тяжелые или застревают, натыкаясь на естественные препятствия, или остаются там, где течение ослабляет свою силу или быстроту... Почти во всех, а может быть и во всех странах Европы, Африки и Азии с... древних времен золото в большем или меньшем количестве промывалось простыми способами из золотоносных россыпей и т. д.» [«Lectures on Gold for the instruction of emigrants about to proceed to Australia». Delivered at the Museum of Practical Geology. London, 1852, стр. 171—172, 8, 12, 94].

Промывка золота и золотоискательство — совершенно простые работы, в то время как разработка рудников (а следовательно, и золотых рудников) — занятие, требующее применения капитала и большего количества смежных наук и искусств, чем какая-либо другая отрасль промышленности. (Промывка руды обеспечивается природой.)

Меновая стоимость как таковая предполагает общую субстанцию и сведéние всех различий к чисто количественным различиям. В функции денег как меры все стоимости сводятся

прежде всего просто к различным количествам измеряющего товара. Это и имеет место в случае с благородными металлами, которые, таким образом, выступают в качестве природной субстанции меновой стоимости как таковой.

«Металлы имеют ту особенность, что только в них все отношения сводятся к одному, которое есть их количество, так как они не обладают от природы качественным различием ни по своей внутренней структуре, ни по внешней форме и фактуре» (*Galiani*. Della Moneta, стр. 126—127).

(*Одинаковость качества* во всех частях света; допускают мельчайшее деление и точное отмеривание.)

Это только количественное различие столь же важно и для денег как средства обращения (монета) и средства платежа, так как деньги, любой отдельный экземпляр их, не обладают индивидуальностью, а важно то, что возвращению подлежит просто одинаковое количество того же материала, но не *тот же самый* экземпляр:

«Деньги [при займах] возвращаются *только по своему роду* *; этот факт... отличает это орудие от всех других, ...указывает на природу оказываемых им услуг, ясно демонстрирует уникальное своеобразие его функций» (*Opdyke*. A Treatise on Political Economy. New York, 1851, стр. 267).

Различие функций, выполняемых деньгами, позволяет этим функциям представить чередование определенностей форм денег чувственно-осязательным образом. Различию функций, которые деньги выполняют в качестве всеобщего товара, монеты, сырья для предметов роскоши, материала для накопления и т. д., соответствует то, что золото и серебро всегда могут быть путем переплавки снова приведены в их чисто металлическое состояние, а из этого состояния — точно так же в любое другое, т. е. что золото и серебро в отличие от других товаров не прикованы к определенной потребительной форме, которая им придается. Они могут переходить из слиточной формы в монетную и т. д. и наоборот, не теряя своей стоимости как сырье, [B′—15] не нанося ущерба процессам производства и потребления.

Перед другими товарами золото и серебро имеют как *средство обращения* то преимущество, что их большому природному удельному весу — свойству представлять относительно большую тяжесть в небольшом объеме — соответствует экономический удельный вес: свойство заключать (овеществлять) в небольшом объеме относительно большое количество рабочего времени, т. е. большую меновую стоимость. Последнее, есте-

* — как любые полноценные деньги, а не как *те же самые* золотые или серебряные монеты, которые были выданы заемщику заимодавцем. *Ред.*

ственно, связано с тем, что они относительно редко встречаются как природные объекты. Вследствие их небольшого объема — легкость транспортировки, передачи и т. д. Одним словом, легкость реального обращения, что, естественно, является первым условием для их экономической функции средства обращения.

Наконец, как покоящееся бытие стоимости, как материал для образования сокровищ золото и серебро отличаются своей относительной неразрушаемостью, долговечностью, неокисляемостью в воздухе («сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа» [114]), тугоплавкостью, а специально золото — своей нерастворяемостью в кислотах, за исключением свободного хлора (царская водка, смесь азотной и соляной кислоты). В качестве одного из главных моментов, наконец, следует отметить *эстетические свойства* золота и серебра, делающие их непосредственными выражениями избытка, украшений, роскоши, стихийных праздничных настроений, — словом, выражением богатства как такового. Яркий цвет, ковкость, способность поддаваться обработке при помощи инструментов, а также пригодность для украшений и для других целей. Золото и серебро являются в известной степени самородным светом, добываемым из самой преисподней. Помимо редкости золота и серебра, их бо̀льшая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их неподходящими для использования в качестве орудий производства. Между тем потребительная стоимость металлов в значительной мере связана с их ролью в непосредственном процессе производства. Золото и серебро так же исключены из него, как и вообще они не представляют собой необходимых предметов потребления.

«Деньги должны обладать непосредственной» (потребительной) «стоимостью, но основанной на искусственной потребности. Их материал не должен быть безусловно необходимым для существования человека, ибо все количество денег, которое используется как монета» (вообще как деньги, также и в форме сокровища), «не может употребляться для индивидуального потребления: оно всегда должно находиться в обращении» (*H. Storch*. Cours d'Économie Politique. Tome II, Paris, 1823, стр. 113—114).

(Также и та часть, которая накопляется в виде сокровища, не может применяться «индивидуально», ибо накопление сокровища состоит в том, чтобы сохранять его нетронутым.)

Это, следовательно, — одна сторона, сообразно с которой природа потребительной стоимости золота и серебра сводится к тому, чтобы быть чем-то *излишним*, не входить ни в удовлетворение непосредственной нуждаемости как предмет потребления, ни в непосредственный процесс производства как его агент. Это как раз та сторона, сообразно с которой потребительная

стоимость денег не должна вступать в коллизию с их функцией сокровища (денег) или средства обращения, иначе говоря, потребность в них как в индивидуальной потребительной стоимости не должна вступать в коллизию с обусловленной обращением, самим обществом, потребностью в них как деньгах в каком-либо из их определений. Это только отрицательная сторона.

Поэтому Петр Мученик, который, по-видимому, был большим любителем шоколада, полемизируя против денег, говорит о мешках какао, служивших, как и некоторые другие предметы, деньгами у мексиканцев:

«О, счастливая монета, которая доставляет роду людскому приятный и полезный напиток и оберегает своих обладателей от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять» («De Orbe Novo»)[115].

С другой стороны, золото и серебро не только в отрицательном смысле представляют собой нечто излишнее, т. е. являются такими предметами, без которых можно обойтись, — но их эстетические свойства делают их материалом роскоши, украшений, блеска, делают их положительными формами излишка или средствами удовлетворения потребностей, выходящих за пределы повседневности и простой естественной необходимости. Поэтому они обладают потребительной стоимостью сами по себе, независимо от их функционирования в качестве денег. Но подобно тому, как они являются естественными представителями чисто количественных отношений, — в силу одинаковости их качества, — так и в их индивидуальном потреблении они являются непосредственными естественными представителями избытка и потому богатства как такового, как из-за их природных эстетических свойств, так и из-за их дороговизны.

Ковкость — одно из свойств, делающих золото и серебро пригодными как материал для ювелирных изделий. Ослепительный блеск. Меновая стоимость, это прежде всего — предназначенный для обмена излишек необходимых потребительных стоимостей. Этот излишек обменивается на излишнее как таковое, т. е. выходящее из круга непосредственной нуждаемости; на праздничное в противоположность будничному. Потребительная стоимость как таковая выражает прежде всего отношение индивида к природе; меновая стоимость *наряду* с потребительной стоимостью — его господство над потребительными стоимостями других людей, его социальное отношение: даже первоначально здесь опять-таки выступают ценности праздничного, выходящего за пределы непосредственной нужды потребления.

Белый цвет серебра, отражающий все световые лучи в их первоначальном смешении; *красно-желтый* цвет золота, который поглощает световые лучи всех цветов падающего на него смешанного света и отражает только красный цвет.

Здесь добавить то, что сказано ранее о странах, добывающих золото и серебро *.

(*Гримм* в своей «Geschichte der deutschen Sprache» показывает связь между названиями золота и серебра и их цветом [116].)

[B′—16] Мы видели, что золото и серебро не удовлетворяют тому требованию, которое предъявляется к ним как к самостоятельно обособившейся меновой стоимости, как к непосредственно существующим деньгам, — быть неизменяющейся *стоимостной величиной*. Их природа как особенного товара вступает здесь в конфликт с их функцией денег. Однако, как заметил уже Аристотель [117], они обладают стоимостью более постоянной величины, чем в среднем остальные товары.

Для металлического обращения как такового, не говоря уже о всеобщем влиянии вздорожания или удешевления благородных металлов на все экономические отношения, особое значение имеют колебания в соотношении стоимости золота и серебра, так как они, в одной и той же стране или в различных странах, постоянно служат рядом друг с другом как денежный материал. Чисто экономические причины этих изменений стоимости — завоевания и другие политические перевороты, оказывавшие большое влияние на относительную стоимость благородных металлов в древнем мире, лежат за пределами чисто экономического рассмотрения — должны быть сведены к изменениям в рабочем времени, требующемся для производства одинаковых количеств этих металлов. Само же это рабочее время зависит, с одной стороны, от тех относительных количеств, в которых золото и серебро встречаются в природе, а с другой — от большей или меньшей трудности, которую представляет добывание их в виде чистого металла. Из ранее сказанного уже ясно, что золото, добывание которого либо из рек, либо на наносной земле не требует ни рудокопных работ, ни химических или механических приспособлений, несмотря на его бо̀льшую абсолютную редкость, было открыто раньше серебра и долгое время, несмотря на его бо̀льшую абсолютную редкость, оставалось по сравнению с серебром в обесцененном положении. Поэтому утверждение Страбона, что у одного арабского племени 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота за

* См. настоящий том, часть II, стр. 421—422. *Ред.*

1 фунт серебра *, отнюдь не кажется неправдоподобным. С другой стороны, ясно, что по мере того как развивается производительная сила общественного труда, технология, и, следовательно, простой труд становится дороже, а одновременно с этим первоначальные поверхностные источники добычи золота иссякают и кора Земли все более раскапывается, — относительно более редкое или более частое местонахождение обоих металлов будет оказывать существенное влияние на производительность труда, и стоимость золота относительно серебра будет повышаться. (Однако не абсолютное количественное соотношение, в котором оба металла встречаются в природе, хотя оно и является существенным моментом в требующемся для их производства рабочем времени, а само это рабочее время всегда определяет их относительную стоимость. Поэтому, хотя по данным [минералогов] парижской Академии наук (1840 г.) количественное отношение серебра к золоту оценивалось как 52 : 1, их стоимостное соотношение было лишь 15 : 1.)

На определенной ступени развития производительной силы общественного труда все более решающее значение приобретает попеременное открытие новых золотых или серебряных месторождений, и золото по сравнению с серебром имеет шансы на то, что оно будет открыто не только в рудниках, но и на наносной земле. Поэтому весьма вероятно, что теперь снова будет иметь место обратное движение в стоимостном соотношении этих металлов, т. е. падение стоимости золота по сравнению с серебром. Открытие серебряных рудников зависит от технического прогресса и от общего уровня цивилизации. Если эти условия налицо, любые перемены в открытии богатых серебряных или золотых месторождений становятся решающими. В целом мы находим повторение того же самого движения в изменении стоимостного соотношения между золотом и серебром. Два первые движения начинаются с относительного обесценения золота и кончаются повышением его стоимости. Последнее движение начинается с повышения стоимости золота и, видимо, берет курс на восстановление его первоначального меньшего стоимостного отношения к серебру. В древней Азии золото относилось к серебру как 6 : 1 или как 8 : 1 (в законах Ману отношение еще ниже) (так в Китае и Японии последнее отношение существовало еще в начале XIX века); 10 : 1, отношение во времена Ксенофонта, может рассматриваться как обычное для среднего периода древности. В эпоху позднего Рима — ввод Карфагеном в эксплуатацию испанских сереб-

* См. настоящий том, часть I, стр. 125. *Ред.*

ряных рудников сыграл в древности примерно такую же роль, как открытие Америки в Новое время — отношение приблизительно такое же, как после открытия Америки, т. е. 17 или 15 : 1, хотя мы часто встречаем в Риме и более сильное обесценение серебра.

Для средневековья среднее соотношение может быть установлено снова, как и во времена Ксенофонта, в виде 10 : 1, хотя именно в этот период местные отклонения чрезвычайно велики. Среднее соотношение в последующие после открытия Америки века составляет 15 : 1 или 18 : 1. Открытие новых источников золота делает вероятным, что отношение снова понизится до 10 : 1 или 8 : 1, или что, во всяком случае, в стоимостном соотношении обоих металлов будет иметь место движение, обратное тому, которое имело место начиная с [B′—17] XVI века. Всякому более детальному углублению в этот специальный вопрос здесь еще не место.

5) ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА ПРИСВОЕНИЯ В ПРОСТОМ ОБРАЩЕНИИ

Экономические отношения индивидов, являющихся субъектами обмена, подлежат здесь рассмотрению в том простом виде, в каком они выступают в изображенном выше процессе обмена, без обращения к более развитым производственным отношениям. Экономические определения формы как раз и образуют ту определенность, в которой индивиды вступают в общение друг с другом (противостоят друг другу).

«Работник имеет исключительное право на стоимость, являющуюся результатом его труда» (*Cherbuliez.* Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, стр. 48).

Субъекты процесса обмена выступают прежде всего как *собственники* товаров. Так как на основе простого обращения существует ведь только один метод, с помощью которого каждый человек *становится* собственником какого-нибудь товара, а именно, посредством нового эквивалента, то *предшествующая* обмену собственность на товар, т. е. собственность на товар, присвоенный не посредством обращения, собственность на такой товар, который, наоборот, только еще должен вступить в обращение, — такая собственность на товар выступает как непосредственно возникающая из труда ее владельца, а труд выступает как первоначальный способ присвоения. Товар как меновая стоимость есть только продукт [труда], *опредмеченный* [*овеществленный*] *труд*. При этом он является прежде всего предметностью того, чей труд в нем представлен; его собственным, им самим произведенным, предметным бытием для других.

В простой процесс обмена, как он раскрывается в различные моменты обращения, не попадает, правда, производство товаров. Они скорее предполагаются как готовые потребительные стоимости. Они должны быть налицо прежде, чем начинается обмен: одновременно, как это происходит при купле и продаже, или по крайней мере к обусловленному сроку, как это происходит в форме того обращения, где деньги фигурируют как средство платежа. Одновременно или нет, в обращение они вступают всегда как имеющиеся налицо. *Процесс возникновения товаров, а следовательно, и первоначальный процесс их присвоения, лежит поэтому вне обращения.* Но так как чужой эквивалент может быть присвоен только посредством обращения, т. е. посредством отчуждения собственного эквивалента, то необходимо, чтобы в качестве первоначального процесса присвоения предполагался собственный труд, а обращение выступало бы по сути дела лишь как взаимный обмен трудом, воплотившимся в разнообразных продуктах.

Труд и собственность на результат собственного труда выступают, следовательно, как основная предпосылка, без которой не состоялось бы вторичное присвоение посредством обращения. *Основанная на собственном труде собственность* образует, внутри обращения, *базис для присвоения чужого труда.* В самом деле, если мы внимательно рассмотрим процесс обращения, то увидим, что его предпосылкой является то, что обменивающиеся выступают как собственники меновых стоимостей, т. е. определенных количеств рабочего времени, материализованного в потребительных стоимостях. *Как они стали собственниками этих товаров,* это — процесс, происходящий за спиной простого обращения и заканчивающийся до того, как оно начнется. Частная собственность есть предпосылка обращения, но сам процесс присвоения не обнаруживается, не проявляется внутри обращения; он скорее ему предпослан. В самом обращении, в процессе обмена, как он выступает на поверхности буржуазного общества, каждый дает, только беря, и берет, только давая. Чтобы делать то или другое, он должен *иметь.* Процедура, с помощью которой он поставил себя в положение имеющего, не образует ни одного из моментов самого обращения. Только как частные собственники меновой стоимости, будь то в форме товара или в форме денег, субъекты являются субъектами обращения. Как они стали частными собственниками, т. е. *как они присвоили себе овеществленный труд,* это — такое обстоятельство, которое, по-видимому, вообще не относится к рассмотрению простого обращения. Однако, с другой стороны, предпосылкой обращения является товар. А так как

с точки зрения обращения чужие товары, т. е. *чужой труд* может быть присвоен только через отчуждение собственного труда, то с этой точки зрения предшествующий обращению [B′—18] *процесс присвоения товара* выступает *по необходимости как присвоение через труд*. Так как *товар в качестве меновой стоимости представляет собой лишь овеществленный труд*, а с точки зрения обращения, которое само есть лишь движение меновой стоимости, чужой овеществленный труд может быть присвоен только путем обмена эквивалента, — то *товар действительно может быть только овеществлением собственного труда*, и подобно тому как последний на самом деле представляет собой фактический процесс присвоения продуктов природы, этот собственный труд выступает также и как юридическое основание собственности. *Обращение* показывает лишь, как это непосредственное присвоение, через посредство определенной *общественной операции, превращает собственность на собственный труд в собственность на общественный труд*.

Поэтому все экономисты нового времени, в более экономической или более юридической манере, провозглашают собственный труд первоначальным основанием собственности, а *собственность на результат собственного труда — основной предпосылкой буржуазного общества* (Шербюлье — см. выше. См. также *А. Смита*). Сама эта предпосылка покоится на *предпосылке меновой стоимости как такового экономического отношения, которое господствует над всей совокупностью отношений производства и общения*, — сама, следовательно, является историческим *продуктом* буржуазного общества, общества развитой меновой стоимости.

С другой стороны, так как при рассмотрении более конкретных экономических отношений, чем те, которые представлены простым обращением, получаются, по-видимому, законы, противоречащие [указанному закону присвоения], то все экономисты-классики, до Рикардо включительно, хотя и любят оставлять за этим, *проистекающим из самого буржуазного общества*, воззрением право называться всеобщим законом, но его в строгом смысле реальность изгоняют в те золотые времена, когда еще не было *никакой собственности*. Так сказать, во времена, предшествующие экономическому грехопадению, как это получается, например, у Буагильбера.

Таким образом, мы пришли бы к тому странному результату, что истина о законе присвоения буржуазного общества должна была бы быть перенесена в то время, когда *еще не существовало самого буржуазного общества*, а основной закон собственности — в то время, когда еще не было собственности. Эта

иллюзия легко объяснима. Первоначальное производство покоится на первобытных общинах, внутри которых частный обмен выступает лишь как совершенно поверхностное, играющее побочную роль исключение. С историческим же разложением этих общин сразу же наступают отношения господства и рабства, отношения насилия, которые находятся в кричащем противоречии с кротким товарным обращением и соответствующими ему отношениями. Но как бы то ни было, процесс обращения, как он *проявляется* на *поверхности* общества, не знает никакого другого способа присвоения, и если в дальнейшем ходе исследования возникнут противоречия, то они, так же как и *этот закон первоначального присвоения через труд, должны быть выведены из развития самой меновой стоимости.*

Поскольку *закон присвоения через собственный труд есть предпосылка,* и предпосылка не произвольная, а вытекающая из рассмотрения самого обращения, то в обращении само собой раскрывается основанное на этом законе царство буржуазной свободы и буржуазного равенства.

Если присвоение товаров через собственный труд выступает как первая необходимость, то вторая необходимость — это общественный процесс, посредством которого этот продукт сначала должен быть положен как меновая стоимость и в качестве таковой снова превращен в потребительную стоимость для индивидов. После присвоения через труд, или овеществления труда, *отчуждение продукта труда, или превращение его в общественную форму,* выступает как *ближайший следующий закон.* Обращение — это такое движение, в котором собственный продукт полагается как меновая стоимость (деньги), т. е. как общественный продукт, а общественный продукт — как собственный (как индивидуальная потребительная стоимость, предмет индивидуального потребления).

Понятно теперь также и следующее:

Другой предпосылкой обмена, касающейся движения в целом, является та предпосылка, что субъекты обмена производят, будучи подчинены разделению общественного труда. Обмениваемые друг на друга товары являются ведь на самом деле не чем иным, как трудом, овеществленным в различных потребительных стоимостях, т. е. овеществленным различными способами, являются на самом деле лишь предметным бытием разделения труда, овеществлением качественно различных видов труда, отвечающих различным системам потребностей. Когда я произвожу *товар,* предпосылкой для этого является то, что мой продукт хотя и обладает потребительной стоимостью, но не для меня, что он для меня является не непосредственным жиз-

ненным средством (в самом широком смысле), а непосредственной меновой стоимостью; жизненным средством для меня он становится только после того, как примет в деньгах форму всеобщего общественного продукта и сможет тогда быть реализован в любой форме чужого, качественно различного труда. Я произвожу поэтому только тогда для себя, когда я произвожу для общества, каждый член которого, в другом кругу, опять же работает для меня.

[B'—19] Ясно далее, что предпосылка о том, что обменивающиеся производят меновые стоимости, предполагает не только разделение труда вообще, но и его специфически развитую форму. Например, в Перу труд тоже был разделен; разделен он был и в небольших самодовлеющих (selfsupporting) индийских общинах. Но это — такое разделение труда, которое предполагает не только не основанное на меновой стоимости, а, наоборот, более или менее прямо коллективное [gemeinschaftliche] производство. Основная предпосылка, что субъекты обращения произвели меновые стоимости, продукты, непосредственно положенные в общественной определенности меновой стоимости,— а это значит также, что они произвели эти продукты в рамках подчинения разделению труда определенной исторической формы, — включает в себя массу других предпосылок, вытекающих не из воли индивида и не из его непосредственного естества, а из исторических условий и отношений, в силу которых индивид уже находит себя *общественным* индивидом, определяемым обществом; эта предпосылка включает в себя также и отношения, находящие свое выражение в других производственных связях индивидов, отличающихся от тех простых связей, в которых они противостоят друг другу в обращении.

Обменивающийся индивид произвел товар, и притом — для товаропроизводителей. Это обстоятельство содержит в себе два момента. С одной стороны, он произвел как независимый частный индивид, по собственной инициативе, исходя только из своей собственной потребности и своих собственных способностей, из самого себя и для самого себя, не как член первобытной общины и не как такой индивид, который участвует в производстве непосредственно как общественный индивид и поэтому также и к своему продукту не относится как к непосредственному источнику существования. С другой стороны, однако, он произвел *меновую стоимость*, такой продукт, который только посредством определенного общественного процесса, определенного метаморфоза становится продуктом для него самого. Следовательно, он произвел уже в такой связи, при таких условиях

производства и отношениях общения, которые возникли лишь в результате некоторого исторического процесса, но для него самого выступают как необходимость природы. Независимость индивидуального производства, таким образом, дополняется общественной зависимостью, которая находит соответствующее ей выражение в разделении труда.

Частный характер производства производящего меновые стоимости индивида сам выступает как исторический продукт. *Изоляция этого индивида, его обособление в виде самостоятельной точки внутри производства* обусловлены разделением труда, которое, в свою очередь, покоится на целом ряде экономических условий, со всех сторон обусловливающих индивида в его связях с другими индивидами и в его собственном способе существования.

Английский фермер и французский крестьянин в экономическом отношении занимают одинаковое положение, поскольку продаваемым ими товаром являются продукты земледелия. Но крестьянин продает только небольшой излишек продукции своей семьи. Главную часть он потребляет сам, относится, следовательно, к большей части своего продукта не как к меновой стоимости, а как к потребительной стоимости, непосредственному жизненному средству. Напротив, английский фермер полностью зависит от продажи своего продукта, т. е. зависит от него как товара и, следовательно, от общественной потребительной стоимости своего продукта. Его производство, стало быть, во всем его объеме захвачено и определено меновой стоимостью. Отсюда ясно, какое в высшей степени различное развитие производительных сил труда, его разделения, какие различные отношения индивидов внутри производства требуются для того, чтобы, например, зерно производилось только как меновая стоимость и, следовательно, целиком поступало в обращение; какие экономические процессы требуются для того, чтобы из французского крестьянина сделать английского фермера.

Адам Смит в своем анализе меновой стоимости еще допускает ту ошибку, что он неразвитую форму меновой стоимости, в которой она выступает еще всего лишь как излишек над произведенной для собственного существования производителя потребительной стоимостью, фиксирует как ее адекватную форму, между тем как это — только одна из форм ее исторического появления внутри ею еще как всеобщей формой не охваченной системы производства. В буржуазном же обществе меновая стоимость должна рассматриваться как господствующая форма, при которой исчезает *всякое непосредственное отно-*

шение производителей к своим продуктам как потребительным стоимостям; *все продукты выступают как продукты для торговли.* Возьмем рабочего на современной фабрике, например на ситцевой. Если бы он не произвел меновой стоимости, то он вообще не произвел бы ничего, так как он не может положить руку ни на одну-единственную чувственно-уловимую потребительную стоимость и сказать: это — мой продукт. Чем многостороннее становится система общественных потребностей и чем одностороннее — производство отдельного индивида, т. е. чем больше развивается общественное разделение труда, тем более *решающее значение* приобретает производство продукта как меновой стоимости, или *характер продукта как меновой стоимости.*

Анализ специфической формы разделения труда, условий производства, на которых оно основывается, экономических отношений членов общества, к которым сводятся эти условия производства, показал бы, что вся система буржуазного производства является предпосылкой для того, чтобы меновая стоимость выступала на его поверхности как простой исходный пункт, а процесс обмена — в том виде, в каком он раскрывается в простом обращении — как простой, но *охватывающий как все производство, так и все потребление общественный обмен веществ.* Оказалось бы, следовательно, что уже *другие,* более сложные и в большей или меньшей степени сталкивающиеся со свободой и независимостью индивидов производственные отношения, их экономические отношения являются предпосылкой для того, чтобы они как свободные *частные производители в простых отношениях покупок и продаж* противостояли друг другу в процессе обращения, фигурировали как его независимые субъекты. *Однако с точки зрения простого обращения эти отношения стерты.* Рассматривая само простое обращение, мы видим, что разделение труда выступает в нем фактически лишь в том результате (его предпосылке), что субъекты обмена производят различные товары, соответствующие различным потребностям, и что если каждый зависит от производства всех, то все зависят от производства каждого, взаимно друг друга дополняя, и, таким образом, продукт каждого отдельного индивида — в меру своей стоимостной величины — через посредство процесса обращения является средством для участия в продукции общественного [B′—20] производства вообще.

Продукт — это меновая стоимость, *овеществленный всеобщий труд,* хотя непосредственно он представляет собой овеществление лишь независимого частного труда индивида.

То, что товар сначала должен быть отчужден, эта принудительность для индивида, показывающая, что его непосредственный продукт для него продуктом не является, а таковым *становится* только в общественном процессе производства и эту всеобщую и все же внешнюю форму принять *должен;* то, что продукт особенного труда должен себя подтвердить общественно как овеществление труда *всеобщего,* принимая форму такой вещи *(денег),* которая исключительно предполагается как непосредственная предметность всеобщего труда, а равным образом и то, что этим же самым процессом этот всеобщий общественный труд полагается как внешняя вещь, как деньги,— все эти определения образуют главную пружину, биение пульса самого обращения. Проистекающие отсюда общественные отношения получаются поэтому непосредственно из рассмотрения простого обращения, а не лежат за ним, как экономические отношения, заключенные в разделении труда.

Чем подтверждает индивид свой частный труд как всеобщий труд и продукт этого частного труда как всеобщий общественный продукт? Особенным содержанием своего труда, его особенной потребительной стоимостью, являющейся предметом потребности другого индивида, так что этот последний уступает за него как за эквивалент свой собственный продукт. (То, что этот эквивалент должен принять форму денег, это — пункт, который мы исследуем позднее, показав, что это превращение товара в деньги само образует существенный момент простого обращения.) Индивид, следовательно, подтверждает свой частный труд как всеобщий труд тем, что его труд представляет собой определенную особенность в общей совокупности общественного труда, некоторую особо ее восполняющую отрасль. Коль скоро труд обладает содержанием, определяемым общественной связью, — это и есть вещественная определенность и предпосылка, — он выступает как всеобщий труд. Форма всеобщности труда подтверждается реальностью его как члена совокупности всех видов труда, реальностью его как особенного способа существования общественного труда.

Индивиды противостоят друг другу только как собственники меновых стоимостей, как такие индивиды, которые дали себе предметное бытие друг для друга посредством своего продукта, товара. Без этого объективного опосредствования они, с точки зрения происходящего внутри обращения социального обмена веществ, не имеют друг к другу никакого отношения. Друг для друга они существуют только вещно, что в денежном отношении, в котором сама их общая сущность [Gemeinwesen] выступает по отношению ко всем как внешняя

и потому случайная вещь, только лишь получило свое дальнейшее развитие. То, что общественная связь, возникающая в результате столкновения независимых индивидов, выступает по отношению к ним одновременно и как вещная необходимость, и как чисто внешняя связь, *как раз и выражает их независимость, для которой общественное бытие является хотя и необходимостью,* но и не более, чем *средством, и, следовательно, самим индивидам представляется как нечто внешнее, а в деньгах — даже как чувственно-осязаемая вещь.* Они производят в обществе и для общества, как общественные [gesellschaftliche] существа, но вместе с тем это выступает как всего лишь средство опредметить их индивидуальность. Так как они, с одной стороны, не подчинены какой-либо первобытной общине [Gemeinwesen], а с другой стороны, не являются сознательно общественными [gemeinschaftliche] существами, подчиняющими себе общественную связь [Gemeinwesen], то эта общественная связь по отношению к ним как к независимым субъектам неизбежно должна существовать как тоже независимая, внешняя, случайная вещность [Sachliches]. Это как раз и является условием для того, чтобы они как независимые частные лица вместе с тем находились в некоторой общественной связи.

Так как, следовательно, разделение труда (в котором могут быть резюмированы те общественные условия производства, при которых индивиды производят меновые стоимости) в простом процессе обмена, в обращении, выступает только как 1) не-производство непосредственных жизненных средств самим индивидом, его прямым трудом, 2) как бытие всеобщего общественного труда как стихийно сложившейся совокупности, которая распадается на целый круг особенностей, так именно, что субъекты обращения обладают дополняющими друг друга товарами и что каждый субъект удовлетворяет какую-нибудь сторону общественной совокупной потребности индивида, в то время как сами экономические отношения, возникающие из этого определенного разделения труда, стерты, — то мы при анализе меновой стоимости не дали дальнейшего анализа разделения труда, а только приняли его как идентичный с меновой стоимостью факт, который на самом деле в форме деятельности, в обособленном труде, лишь выражает то, что различная потребительная стоимость товаров — а без нее не существовало бы ни обмена, ни меновой стоимости — выражает в вещной форме. По сути дела Адам Смит (так же как до него другие экономисты, Петти, Буагильбер, итальянцы), высказываясь о разделении труда как о коррелятивном с меновой стоимостью, говорил то же самое. А Стюарт раньше всех других уразумел

разделение труда и производство меновых стоимостей как нечто идентичное и, похвально отличаясь от других экономистов, понял это как форму общественного производства и общественного обмена веществ, опосредствованную особым историческим процессом.

То, что А. Смит говорит о производительной силе разделения труда, это — совершенно чужеродная точка зрения, не относящаяся к делу ни здесь, ни там, где он ее высказал, и, кроме того, она относится к определенной ступени развития мануфактуры и совершенно не годится для современной фабричной системы вообще.

То разделение труда, с которым мы имеем дело здесь, это — стихийное и *свободное* разделение внутри общества, взятого как целое, разделение труда, обнаруживающее себя как производство меновых стоимостей, а не разделение труда внутри фабрики; не его расчленение и комбинирование в отдельно взятой отрасли производства, а общественное, как бы без участия индивидов возникающее разделение самих этих отраслей производства. Разделение труда внутри общества соответствовало бы принципу разделения труда [B′—21] внутри фабрики скорее в египетской, чем в современной системе. Отталкивание друг от друга различных отраслей общественного труда и превращение их в свободные, друг от друга независимые и лишь внутренней необходимостью (а не так, как в том разделении — путем сознательного расчленения и сознательного комбинирования расчлененных моментов) соединенные в совокупность и единство, это — совершенно различные вещи, определяемые совершенно различными законами развития, как бы ни было велико соответствие между определенной формой общественного разделения труда и определенной формой разделения труда внутри предприятия.

Если А. Смит недостаточно глубоко ухватил ту простую форму разделения труда, в которой оно есть лишь активная форма меновой стоимости, и ту другую его форму, в которой оно представляет собой определенную производительную силу труда, то еще меньше он разобрался в той форме, в которой экономические антагонизмы производства, — те качественные общественные определенности, подчиняясь которым индивиды противостоят друг другу как капиталист и наемный рабочий, промышленный капиталист и рантье, арендатор и получатель земельной ренты и т. д., — сами выступают как экономические формы определенного способа разделения труда.

Если индивид производит непосредственные средства существования для самого себя, как это, например, большей частью

имеет место в странах, где продолжают существовать первобытные земледельческие отношения, то его производство не имеет общественного характера, и его труд не является общественным. Если индивид производит как частный индивид — *в этом случае сама эта его позиция является отнюдь не продуктом природы, а утонченным результатом* некоторого общественного процесса, — то общественный характер обнаруживается в том, что в содержании своего труда индивид определяется общественной связью и работает только как ее член, т. е. для удовлетворения потребностей всех других индивидов, — следовательно, для него существует общественная зависимость, — но сам он занимается тем или иным трудом по своему выбору; его особенное отношение к особенному труду общественно не определяется; его выбор определяется естественным образом в силу его природных дарований, склонностей, природных условий производства, в которые он оказался поставленным, и т. д.; так что на самом деле обособление труда, общественное расчленение его на совокупность всех особенных отраслей выступает со стороны индивида таким образом, что его собственная духовная и природная особенность придает себе вместе с тем форму общественной особенности. Из его собственной природы и ее особенных предпосылок для него вытекает особенность его труда — прежде всего его опредмечивание, — которую, однако, он рассматривает одновременно как обслуживание некоторой особенной системы потребностей и осуществление некоторой особенной отрасли общественной деятельности.

Разделение труда, понимаемое в этом смысле как общественное воспроизводство особенной индивидуальности, которая тем самым представляет собой звено во всеобщем развитии человечества и одновременно дает индивиду возможность, посредством его особенной деятельности, пользоваться всеобщим производством, делает его способным ко всестороннему общественному потреблению, — такое понимание, как оно вытекает из точки зрения простого обращения, являясь, следовательно, подтверждением свободы индивидов, а не ее отрицанием, все еще имеет хождение в буржуазной политической экономии.

Это природное различие индивидов и их потребностей образует мотив для их общественного объединения как обменивающихся. С самого начала они противостоят друг другу в акте обмена как такие лица, которые взаимно признают друг друга собственниками, как такие лица, воля которых пронизывает их товары, причем взаимное присвоение через посредство взаимного отчуждения происходит только по их общей воле,

т. е. по существу посредством контракта. Сюда входит юридическое понятие лица, а также свободы, которая содержится в этом понятии. Поэтому в римском праве servus * правильно определен как такой человек, который не может приобретать путем обмена.

Далее. В сознании обменивающихся субъектов все это представлено таким образом, что в сделке каждый является самоцелью только для самого себя; что каждый является только средством для другого; наконец, что взаимозависимость, состоящая в том, что каждый является одновременно и средством, и целью, и притом достигает собственной цели, только становясь средством для другого, а средством для другого становится лишь постольку, поскольку достигает своей цели, — что эта взаимозависимость есть необходимый факт, предполагаемый в качестве естественного условия обмена, но что она, как таковая, безразлична для обоих субъектов обмена и представляет для каждого из них интерес лишь постольку, поскольку она является *его* интересом. Это означает, что общественный интерес, выступающий как содержание всего акта обмена в целом, хотя и присутствует как факт в сознании обеих сторон, но, как таковой, не является мотивом, а существует, так сказать, лишь за спиной рефлектированных в самих себя отдельных интересов. Субъект, правда, если захочет, может еще утешать себя сознанием того, что удовлетворение его индивидуального интереса, не считающегося с интересами других, как раз и является осуществлением снятого индивидуального интереса, удовлетворением всеобщего интереса. Из самого акта обмена каждый из субъектов возвращается в самого себя как конечная цель всего процесса, как доминирующий субъект. Тем самым, следовательно, реализована полная свобода субъекта. Добровольная сделка; отсутствие насилия с чьей-либо стороны; становление средством для другого только в качестве средства для самого себя, или самоцели; наконец, сознание того, что всеобщий или общественный интерес есть именно лишь всесторонность эгоистического интереса.

Если, таким образом, обращение со всех своих сторон является осуществлением индивидуальной свободы, то процесс обращения, рассматриваемый как таковой, т. е. в определениях его экономической формы, образует полную реализацию общественного равенства (отношения свободы не касаются непосредственно экономических определений формы обмена, а имеют отношение либо к его юридической форме, либо к содержанию,

* — раб. *Ред.*

потребительным стоимостям или потребностям как таковым). Субъекты как субъекты обращения суть прежде всего *обменивающиеся,* и то, что каждый из них положен в этом определении, т. е. в одном и том же определении, как раз и составляет их общественное определение. Они в самом деле противостоят друг другу только как субъективированные меновые стоимости, т. е. как живые эквиваленты, как равноценные. Как таковые они не только равны: между ними нет даже [B″—1] никакого несходства. Они противостоят друг другу только как владельцы меновых стоимостей и как нуждающиеся в обмене, как агенты одного и того же всеобщего безразличного социального труда. И притом они обменивают меновые стоимости равной величины, ибо предполагается, что имеет место обмен эквивалентов. Равенство того, что каждый дает и берет, является здесь категорическим моментом самого процесса. Как они противостоят друг другу в качестве субъектов обмена, так они и подтверждают себя в акте этого обмена. Как таковой он и является лишь таким подтверждением. Они полагаются как обменивающиеся и потому равные, а их товары (объекты) — как эквиваленты. Свое предметное бытие они обменивают лишь как равноценное. Они сами равновелики по стоимости и в акте обмена выявляют себя как равноценные и безразличные по отношению друг к другу. Эквиваленты представляют собой опредмечивание одного субъекта для другого; это значит, что они сами равновелики по стоимости и в акте обмена выявляют себя как равноценные и безразличные друг для друга. Субъекты в обмене оказываются равноценными друг другу лишь посредством эквивалентов и выявляют себя как равноценные посредством передачи другому той предметности, в которой один существует для другого. Так как они существуют друг для друга только как субъекты эквивалентности, то как равноценные они в то же время равнодушны друг к другу. Существующие между ними прочие различия их не касаются. Их индивидуальная особенность в процесс не входит. Вещественное различие в потребительной стоимости их товаров погашено в идеальном бытии товара как цены, и поскольку это вещественное различие является мотивом обмена, постольку они взаимно являются друг для друга потребностью (каждый представляет потребность другого), причем эта потребность может быть удовлетворена только равным количеством рабочего времени. Это природное различие является основой их социального равенства, полагает их как субъектов обмена. Если бы субъект *A* имел ту же потребность, что и субъект *B*, и если бы его товар удовлетворял ту же потребность, что и товар субъекта *B*, то между ними

не существовало бы никакого отношения, поскольку речь идет об отношениях экономических (с точки зрения осуществляемого ими производства). Взаимное удовлетворение их потребностей, через посредство вещественного различия их труда и их товара, превращает их равенство в наполненное социальным содержанием отношение, а их особенный труд в особенный способ существования социального труда вообще.

Когда обмен опосредствуется деньгами, то деньги настолько далеки от того, чтобы упразднить это отношение равенства, что они в действительности являются его реальным выражением. Прежде всего, поскольку деньги функционируют в качестве ценополагающего элемента, меры, функция денег также и по форме как раз в том и состоит, чтобы полагать товары качественно идентичными, выражать их идентичную социальную субстанцию, где имеет место только количественное различие. В обращении тогда и в самом деле товар каждого выступает как то же самое [что и товар другого], получает ту же самую общественную форму средства обращения, в которой всякая особенность продукта погашена и владелец каждого товара становится владельцем осязаемо субъективированного общезначимого товара. Здесь применимо в собственном смысле выражение, что деньги *non olet* *. Реализовал ли талер, находящийся у кого-нибудь в руках, цепу навоза или шелка, по нему совершенно нельзя заметить, и всякое индивидуальное различие, поскольку талер функционирует как талер, в руках его владельца погашено. Причем эта погашенность — всесторонняя, так как все товары превращаются в монету. Обращение в определенный момент полагает каждого не только равным другому, но и как то же самое, и движение обращения состоит в том, что каждый попеременно, с точки зрения социальной функции, становится на место другого. В обращении, правда, обменивающиеся противостоят друг другу также и качественно как покупатель и продавец, как товар и деньги, но, во-первых, они меняются местами, и процесс состоит как в установлении неравенства, так и в снятии этого неравенства, так что последнее выступает лишь формально. Покупатель становится продавцом, продавец — покупателем, и каждый может стать покупателем только в качестве продавца. Формальное различие существует для всех субъектов обращения одновременно в виде тех социальных метаморфозов, через которые они должны пройти. К тому же товар, взятый идеально как цена, представляет собой деньги в такой же мере, как и проти-

* — не пахнут. *Ред.*

востоящие ему деньги. В деньгах, когда сами они обращаются так, что они появляются в руках то одного, то другого и безразличны к месту своего появления, равенство выражено вещественно, а различие лишь формально. Поскольку рассматривается процесс обмена, каждый выступает по отношению к другому как владелец средства обращения, как сами деньги. Особые натуральные различия, имевшиеся в товарах, погашены и непрестанно погашаются обращением.

Когда мы вообще рассматриваем социальное отношение индивидов внутри их экономического процесса, мы просто должны придерживаться определений формы самого этого процесса. Различие же в обращении существует только как различие между товаром и деньгами, и обращение равным образом представляет собой непрестанное исчезновение этого различия. Равенство выступает здесь как социальный продукт, как и вообще меновая стоимость представляет собой социальное бытие.

Так как деньги являются только реализацией меновой стоимости, а развитая система меновых стоимостей — денежной системой, то денежная система действительно может быть только реализацией этой системы равенства и свободы.

В потребительной стоимости товара для обменивающегося заключена особенная, индивидуальная сторона производства (труда); но в его товаре как меновой стоимости все товары одинаково выступают как овеществление общественного, лишенного различий труда вообще, а их владельцы — как равнодостойные, равноценные функционеры общественного процесса.

[B″—2] Ранее уже было показано, что поскольку деньги выступают в их третьей функции, постольку они как всеобщий материал для контрактов, всеобщее платежное средство, снимают всякое специфическое различие между различными работами, полагают их равными. Они полагают всех равными перед деньгами, однако деньги являются только их собственной овеществленной общественной связью. Когда они выступают как материал для накопления и образования сокровищ, на первый взгляд равенство могло бы показаться снятым, поскольку появляется возможность, что один индивид больше обогатится, будет иметь больше чеков на продукты всеобщего производства, чем другой. Однако [в простом обращении] ни один индивид не может извлечь деньги за счет другого. Он может взять в форме денег только то, что он дает в форме товара. Один пользуется содержанием богатства, другой овладевает его всеобщей формой. Если один беднеет, а другой обогащается, то это — дело их доброй воли, их бережливости, трудолюбия, морали и т. д., и это отнюдь не вытекает из самих

тех экономических отношений, из тех отношений общения, в которых индивиды противостоят друг другу в обращении. Даже наследование и тому подобные юридические отношения, которые могут продлить возникающие таким путем неравенства, не наносят социальному равенству никакого ущерба. Если первоначальное положение индивида *A* не находится в противоречии с указанными отношениями общения, то противоречие это уж конечно не может возникнуть из того, что индивид *B* приходит на место индивида *A* и увековечивает первоначальное положение. Напротив, здесь социальный закон приобретает силу за пределами естественных границ жизни индивида: происходит упрочение этого социального закона в противовес случайному действию природы, воздействие которой как таковое было бы, наоборот, уничтожением свободы индивида. К тому же, так как в рассматриваемом отношении индивид представляет собой лишь олицетворение денег, то в этом качестве он так же бессмертен, как сами деньги. Наконец, деятельность, направленная на образование сокровищ, это — героическая идиосинкразия, фанатический аскетизм, который, конечно, не наследуется так, как наследуется кровь. Так как обмениваются только эквиваленты, то наследник должен бросить деньги снова в обращение, чтобы реализовать их в виде предмета потребления. Если он этого не делает, то он просто продолжает быть полезным членом общества и брать у него не больше, чем он ему дает. Природа вещей, однако, такова, что расточительность затем, по выражению Стюарта, как «приятный левеллер» [118] снова выравнивает неравенство, так что оно само появляется лишь мимолетно.

Поэтому получивший в обращении развитие процесс обмена меновыми стоимостями не только уважает свободу и равенство, но и является их реальным базисом, а они являются его продуктом. Как чистые идеи они представляют собой идеализированные выражения различных моментов обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических, политических и социальных отношениях, они лишь воспроизведены в других степенях. Это подтвердилось также и исторически. Дело не только в том, что триединство собственности, свободы и равенства на этой основе было теоретически впервые сформулировано итальянскими, английскими и французскими экономистами XVII и XVIII веков. Они и реализовались впервые только в современном буржуазном обществе. Древний мир, которому меновая стоимость не служила базисом производства и который, наоборот, погиб вследствие ее развития, произвел свободу и равенство совершенно противоположного и по существу всего

лишь локального содержания. С другой стороны, так как в древнем мире в кругу свободных развились по крайней мере моменты простого обращения, то понятно и то, что в Риме, и особенно в императорском Риме, история которого является именно историей разложения античного общественного строя, были развиты определения юридического лица, субъекта процесса обмена, и разработано, в его основных определениях, право буржуазного общества, которое, однако, прежде всего с необходимостью было выдвинуто на первый план как право возникающего промышленного общества в противовес средневековью.

Отсюда возникает заблуждение тех социалистов, в особенности французских, которые хотят доказать, будто социализм представляет собой осуществление буржуазных идей, французской революцией не открытых, а только исторически пущенных в оборот, и тщатся продемонстрировать, что меновая стоимость *первоначально* (во времени) или по своему понятию (в ее адекватной форме) представляет собой систему всеобщей свободы и всеобщего равенства, но была искажена деньгами, капиталом и т. д. Или же они утверждают, что история до сих пор делала лишь неудачные попытки осуществить свободу и равенство в форме, соответствующей их истинной природе, и что вот теперь они, Прудон например, открыли панацею, благодаря которой подлинная история этих отношений должна быть поставлена на место их искаженной истории. Система меновых стоимостей, а еще больше система денежных отношений, действительно является системой свободы и равенства. Но те противоречия, которые появляются при более глубоком анализе этой системы, представляют собой имманентные ей противоречия, усложнения самой этой собственности, самой этой свободы и самого этого равенства, которые при случае переходят в свою противоположность. Пожелание, чтобы, например, меновая стоимость из формы товара и денег не развивалась в форму капитала или чтобы труд, производящий меновую стоимость, не развивался в наемный труд, столь же благонамеренно, сколь и глупо. От буржуазных апологетов этих социалистов отличает, с одной стороны, ощущение противоречий системы, а с другой — утопизм, непонимание необходимого различия между реальной и идеальной структурой буржуазного общества и вытекающее отсюда желание предпринять совершенно излишнее дело: претворить опять в действительность само идеальное выражение, просветленное и [B″—3] самой действительностью как таковой из себя отбрасываемое рефлектированное отображение [этой же действительности].

Этому взгляду, с другой стороны, противопоставляется пошлый довод, что противоречия в этом, покоящемся на рассмотрении простого обращения, воззрении, возникающие, как только мы переходим к более конкретным стадиям процесса производства, спускаясь с поверхности в его глубину, в действительности являются простой видимостью. Здесь в самом деле утверждается и с помощью *абстрагирования* от специфической формы более развитых сфер общественного процесса производства, более развитых экономических отношений доказывается, что все экономические отношения представляют собой лишь иные и еще раз иные названия для все одних и тех же отношений простого обмена, товарного обмена и соответствующих им определений собственности, свободы и равенства. Таким образом, например, из обыденного опыта заимствуется, что наряду с деньгами и товаром отношения меновой стоимости выступают еще в форме капитала, процента, земельной ренты, заработной платы и т. д. С помощью процесса весьма дешевенькой абстракции, произвольно отбрасывающей то одну, то другую сторону специфического отношения, это последнее сводится к абстрактным определениям простого обращения, и таким образом *доказывается,* что экономические отношения, в которых находятся индивиды в тех более развитых сферах процесса производства, являются лишь отношениями простого обращения и т. д.

В этом духе и состряпал свою экономическую теодицею — «*Harmonies économiques*» — г-н Бастиа. В противовес классической политической экономии Стюарта, Смита, Рикардо, которые находят в себе силу беспощадно изображать производственные отношения в их чистой форме, эта беспомощная напыщенная болтовня выдает себя за шаг вперед [по сравнению с классиками]. Между тем Бастиа не является изобретателем этого гармонического воззрения, он, напротив, заимствовал его у американца Кэри.

Кэри, в воззрениях которого историческим фоном служил только Новый свет, представителем которого он является, в весьма многотомных трудах своего первого периода доказывал существование экономической «гармонии», повсюду еще являющейся сведением [всех экономических отношений] к абстрактным определениям простого процесса обмена, тем, что он повсюду объяснял искажения этих простых отношений, с одной стороны, вмешательством государства, а с другой стороны — воздействием Англии на мировой рынок. *Сами по себе* гармонии существуют. Однако в неамериканских странах они искажены государством, а в самой Америке — той наи-

более развитой формой, в которой эти отношения выступают, их реальностью в форме мирового рынка, в форме Англии *. Чтобы восстановить их в силе, Кэри не находит другого средства, как призвать в конце концов на помощь разоблаченного им дьявола, государство, и поставить его — т. е. покровительственные пошлины — у врат гармонического рая в качестве ангела-хранителя. Так как он все же — исследователь, а не беллетрист, как Бастиа, то в своем последнем труде [119] он вынужден был пойти дальше. Развитие Америки за последние 18 лет нанесло его гармоническому воззрению такой удар, что причину искажения самих по себе все еще крепко удерживаемых им «естественных» «гармоний» он теперь скорее усматривает не во внешнем воздействии государства, а — в *торговле!* Результат поистине удивительный: торжественно провозгласить меновую стоимость основой гармонического производства, а затем заявить, что развитая форма обмена, торговля, уничтожает эту меновую стоимость в ее имманентных законах! ** Именно в такой, полной отчаяния форме высказывает Кэри свое запоздалое суждение о том, что развитие гармонической меновой стоимости — дисгармонично.

---

* Положение, например, гармонично, если внутри какой-либо страны патриархальное производство уступает место промышленному; процесс разложения, сопровождающий такое развитие, рассматривается только с его положительной стороны. Но положение становится дисгармоничным, когда английская крупная промышленность ужаснейшим образом кладет конец патриархальным или мелкобуржуазным формам национального производства других стран. В концентрации капитала внутри какой-либо страны и в разлагающем действии этой концентрации Кэри видит только положительные стороны. Но воздействие, оказываемое концентрированным английским капиталом на другие национальные капиталы, что он разоблачает как монополию Англии, это — сама дисгармония.

** Кэри действительно является единственным оригинальным экономистом Америки, и его трудам придает большое значение то обстоятельство, что в качестве их материальной основы у него всюду выступает буржуазное общество в его наиболее свободной и наиболее широкой реальности. В абстрактной форме он описывает широту американских [экономических] условий, противопоставляя их Старому свету. Единственный реальный фон у Бастиа — мелочность французских экономических отношений, всюду высовывающих из его гармоний свои длинные уши; в противоположность этим отношениям, идеализируемые им английские и американские производственные отношения формулируются у него как «требования практического разума» [120]. Поэтому Кэри богат самостоятельными, так сказать bona fide [добросовестными] исследованиями специфических экономических вопросов. Там, где Бастиа в порядке исключения делает вид, что он спускается со своих кокетливо отшлифованных общих мест к рассмотрению действительных категорий (например, при рассмотрении земельной ренты), там он просто списывает у Кэри. Поэтому в то время как Кэри ведет борьбу главным образом с возражениями против его гармонического воззрения, с возражениями в той форме, в какой их развили сами английские экономисты-классики, Бастиа ведет перепалку с социалистами. Кэри с его более глубоким воззрением находит в самой политической экономии ту противоположность, которую он как поборник гармонии должен преодолеть, в то время как тщеславный и упрямый резонер [Бастиа] усматривает эту противоположность только за пределами политической экономии.

6) ПЕРЕХОД К КАПИТАЛУ

[B''—4] Возьмем теперь процесс обращения в его совокупности.

Рассмотрим прежде всего *формальный характер* простого обращения.

Действительно, обращение представляет собой всего лишь формальный процесс, в котором опосредствуются оба момента — потребительная и меновая стоимость, непосредственно совпадающие и непосредственно распадающиеся в товаре, непосредственным единством которых он является. Товар попеременно меняет каждое из этих двух определений. Если товар положен в качестве цены, то, хотя он представляет собой также и меновую стоимость, реальным, однако, является его бытие в качестве потребительной стоимости; его бытие в качестве меновой стоимости является лишь его отношением [к другим товарам], его идеальным бытием. В деньгах, хотя он и представляет собой также и потребительную стоимость, реальным, однако, является его бытие в качестве меновой стоимости, так как потребительная стоимость, когда она выступает как всеобщая, является лишь идеальной.

В товаре материал обладает ценой; в деньгах меновая стоимость обладает материалом.

Рассмотреть следует обе формы обращения: *Т — Д — Т* и *Д — Т — Д*.

Товар, обмененный при посредстве денег на другой товар, выходит из обращения, для того чтобы быть потребленным в качестве потребительной стоимости. Его определение как меновой стоимости и, следовательно, как товара угасло. Теперь он — *потребительная стоимость* как таковая. Если же самостоятельность по отношению к обращению товар приобретает в форме денег, то он уже представляет собой только лишенную субстанции всеобщую форму богатства и становится бесполезной потребительной стоимостью, золотом, серебром, когда он не входит снова в обращение в качестве покупательного или платежного средства. Действительно, есть противоречие в том, что получившая самостоятельность меновая стоимость, т. е. абсолютная форма существования меновой стоимости, должна быть той формой, в которой меновая стоимость изымается из обмена. Единственная экономическая реальность, которою обладает в обращении образование сокровищ, является для функции денег как средства обращения (в обеих формах — покупательного и платежного средства) вспомогательной реальностью — образование резервуаров, дающих возможность

расширять и сокращать количество денег, находящихся в обращении (т. е. функция денег как всеобщего товара).

В обращении имеют место два момента. Во-первых, друг на друга обмениваются эквиваленты, т. е. равные стоимостные величины; вместе с тем, однако, определения обеих сторон меняются местами. Меновая стоимость, фиксированная в виде денег, исчезает (для собственника денег), как только они реализуют себя в товаре как потребительной стоимости; а содержащаяся в товаре потребительная стоимость исчезает (для собственника товара), как только его цена реализует себя в деньгах. Посредством простого акта обмена каждый из обоих предметов обмена — товар и деньги — может потерять свое определение в пользу другого только тогда, когда он реализует себя в этом другом. Ни один из них не может сохранить одно определение, переходя в другое.

Если рассматривать обращение в себе самом, оно представляет собой *опосредствование заранее данных противоположных друг другу моментов.* Но само оно не создает этих моментов. Поэтому оно само должно быть опосредствовано в своем целом, как совокупный процесс опосредствования. *Непосредственное бытие обращения оказывается поэтому чистой видимостью.* Обращение есть *внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения.* Теперь обращение подвергнуто отрицанию в каждом из своих моментов: как товар, как деньги и как отношение обоих друг к другу, как их простой обмен, обращение.

Повторение процесса как со стороны денег, так и со стороны товара не вытекает из условий самого обращения. Акт не может повториться вновь сам от себя. Таким образом, обращение в себе самом не несет принципа своего самовозобновления. Оно исходит из предпосланных, а не из созданных им самим моментов. Необходимо, чтобы товары постоянно всё снова, притом извне, бросались в обращение, как топливо подбрасывается в огонь. Иначе обращение индифферентно угасает. Обращение угасло бы в деньгах как индифферентном результате процесса; деньги, — поскольку они уже не находились бы в связи с товарами, ценами, обращением, — перестали бы быть деньгами и выражать производственное отношение; от них осталось бы только их металлическое существование, а их экономическое существование было бы уничтожено.

Деньгам как «всеобщей форме богатства», как получившей самостоятельное существование меновой стоимости противостоит целый мир действительного богатства. Деньги — чистая абстракция этого действительного богатства; поэтому зафиксированное в них, оно — лишь воображаемая величина. Там, где

всеобщее богатство представляется существующим в совершенно материальной, осязаемой форме, оно существует лишь в моей голове, является чистой химерой. В качестве материального представителя всеобщего богатства деньги получают реальное существование только тогда, когда они снова бросаются в обращение, когда они исчезают в обмен на особенные виды богатства. В обращении деньги действительны всегда лишь тогда, когда они выдаются. Если же я хочу удержать их у себя, то они незаметно превращаются в чистый призрак богатства. Расходование денег есть единственно возможный способ утвердить их как богатство. Растворение накопленного богатства в преходящих актах потребления есть его реализация. Теперь деньги снова могут быть накоплены другими индивидами, но тогда тот же процесс начинается сызнова. Самостоятельность денег по отношению к обращению есть лишь видимость. Поэтому деньги в своем определении завершенной меновой стоимости снимают себя.

В простом обращении меновая стоимость в ее денежной форме выступает как простая вещь, для которой обращение является лишь внешним движением или которая как субъект индивидуализирована в особенной материи. Далее, само обращение выступает [*B''*—5] как всего лишь формальное движение: реализация цен товаров, обмен (в конечном счете) друг на друга различных потребительных стоимостей. В качестве исходного пункта обращения предположены: меновая стоимость товара и товары различной потребительной стоимости. Точно так же за рамками обращения находятся и изъятие из него товара потреблением, т. е. уничтожение товара как меновой стоимости, и изъятие денег, приобретение ими самостоятельности, что опять-таки означает некоторую другую форму их уничтожения. *Определенная цена* (измеренная в деньгах меновая стоимость, т. е. сама меновая стоимость, стоимостная величина) предпослана обращению; обращение только дает ей в деньгах формальное бытие. Но *возникает* она не в обращении.

Простое обращение, являющееся лишь обменом товара и денег (обменом товаров в опосредствованной форме) — именно потому, что оно есть лишь опосредствующее движение между заранее данными исходными пунктами — может (вплоть до образования сокровищ) исторически существовать без того, чтобы меновая стоимость уже охватила, будь то на всей поверхности или в глубине, производство какого-нибудь народа. Вместе с тем, однако, в ходе исторического развития обнаруживается, как само обращение приводит к буржуазному, т. е. полагающему меновые стоимости, производству и создает себе базис, отличный

от того, из которого это обращение непосредственно исходило. Обменивание излишков есть общение, создающее обмен и меновую стоимость. Однако это общение распространяется только на сам акт обмена и протекает рядом с самим производством. А вот если появления посредников, добивающихся обмена (ломбардцы, норманны и т. д.), повторяются и развивается регулярная торговля, при которой производящие народы ведут еще только, так сказать, пассивную торговлю, поскольку толчок к деятельности, создающей обмен, дается извне, а не порождается внутренним строем производства, — то излишек производства должен уже быть не просто случайным излишком, появляющимся время от времени, а постоянно повторяющимся излишком, и таким образом продукт сам приобретает тенденцию ориентироваться на обращение, на создание меновых стоимостей.

Вначале на производство оказывается влияние, скорее, вещественного характера. Круг потребностей расширяется; целью является удовлетворение новых потребностей, а отсюда — бо̀льшая регулярность и увеличение производства. Сама организация производства внутри страны уже модифицирована обращением и меновой стоимостью, но они еще не охватили производства ни по всей его поверхности, ни во всей его глубине. Это и есть так называемое цивилизирующее воздействие внешней торговли. В какой мере движение, порождающее меновую стоимость, затрагивает всю совокупность производства — это зависит тогда частично от интенсивности указанного воздействия извне, частично от степени внутреннего развития. Например, в Англии XVI века в результате развития нидерландской промышленности большое торговое значение приобрело английское производство шерсти, а с другой стороны, возросла потребность особенно в нидерландских и итальянских товарах. Чтобы иметь теперь больше шерсти как меновой стоимости для экспорта, пахотные земли превращались в пастбища для овец, была разрушена система мелкой аренды и произошел весь тот насильственный экономический переворот, который оплакивает (разоблачает) Томас Мор.

Таким образом, сельское хозяйство утратило характер труда, осуществляемого ради потребительной стоимости (как непосредственного источника существования), а обмен его излишков утратил характер чего-то до тех пор безразличного и внешнего по отношению к внутренней структуре земледельческих отношений. В некоторых местностях сельское хозяйство само стало всецело определяться обращением и превращаться в производство, создающее исключительно меновые стоимости. Тем

самым не только изменился способ производства, но и подверглись разложению все соответствовавшие ему старые, традиционные отношения народонаселения и производства, все прежние экономические отношения. Таким образом, здесь предпосылкой обращения было производство, имевшее дело с меновой стоимостью только в форме избытка, излишка над потребительной стоимостью; но оно уступило место такому производству, которое может существовать только в связи с обращением, производству, непосредственным объектом которого является создание меновой стоимости. Это — пример исторического перехода простого обращения в капитал *, в меновую стоимость как форму, господствующую над производством.

Движение затрагивает, таким образом, только излишки продуктов производства, направленного на создание непосредственной потребительной стоимости, и протекает только внутри этих границ. Чем меньше вся внутренняя экономическая структура общества еще охвачена меновой стоимостью, тем больше они [участники обмена] выступают как внешние, противоположные друг другу пункты обращения, заранее данные и пассивно к нему относящиеся. Все движение как таковое выступает по отношению к ним обособленно как посредническая торговля, носители которой, например семиты в промежутках античного мира, евреи, ломбардцы и норманны в промежутках средневекового общества, попеременно представляют по отношению к ним различные моменты обращения — деньги и товар. Эти торговые народы и являются посредниками общественного обмена веществ.

Мы здесь, однако, не имеем дела с историческим переходом обращения в капитал. Простое обращение является, скорее, абстрактной сферой буржуазного процесса производства в целом, которая посредством своих собственных определений показывает себя как момент, [B''—6] как всего лишь форму проявления некоторого лежащего позади обращения, из него вытекающего и его производящего более глубокого процесса — промышленного капитала.

Простое обращение, с одной стороны, является обменом *наличных* товаров и лишь опосредствованием этих противоположных друг другу моментов, лежащих вне обращения и ему предпосланных. Вся деятельность ограничена здесь деятельностью обмена и полаганием тех *формальных определений*, через

* В рукописи: «...des historischen Rückgangs... in das Kapital...» Однако ниже употреблено выражение: «der historische Uebergang der Zirkulation in das Kapital». *Ред.*

которые проходит товар как единство меновой и потребительной стоимости. В качестве такого единства товар был предпослан, или какой-либо определенный продукт был *товаром* только как непосредственное единство обоих этих определений. В действительности товар является таким единством, товаром, не в покоящемся (неизменном) бытии, а только в общественном движении обращения, в котором оба определения товара — быть потребительной и меновой стоимостью — распределяются между разными сторонами. Для продавца товар становится меновой стоимостью, для покупателя — потребительной стоимостью. Для продавца он является *средством обмена,* т. е. противоположностью непосредственной потребительной стоимости, вследствие того, что он является потребительной стоимостью для другого; другими словами, для продавца он — подвергшаяся отрицанию непосредственная, индивидуальная потребительная стоимость; с другой стороны, однако, в *цене* товара выражена его величина как средства обмена, его покупательная сила. Для покупателя товар становится потребительной стоимостью в результате того, что реализуется его цена, т. е. что его идеальное бытие реализуется как деньги. Только в результате того, что покупатель реализует товар для другого в определении чистой меновой стоимости, товар для него самого становится товаром в определении потребительной стоимости. Сама потребительная стоимость выступает двояким образом: в руках продавца — как всего лишь особенное материализованное выражение меновой стоимости, как существование меновой стоимости, а для покупателя — в качестве *потребительной стоимости как таковой,* т. е. в качестве предмета, удовлетворяющего особенные потребности; для них обоих товар выступает как цена. Один из них, однако, хочет реализовать товар как цену, как деньги; другой реализует деньги в товаре.

Для бытия товара как средства обмена специфично, что потребительная стоимость выступает 1) как снятая непосредственная (индивидуальная) потребительная стоимость, т. е. как потребительная стоимость для других, для общества; 2) как материализованное выражение меновой стоимости для владельца товара.

Раздвоение и чередование товара в обоих определениях: товар и деньги — главное содержание обращения. Но товар не просто противостоит деньгам; его меновая стоимость выступает в нем идеально как деньги; как цена он представляет собой идеальные деньги, деньги же по отношению к нему — только реальность его собственной цены. В товаре меновая стоимость выступает еще как идеальное определение, как идеальное

приравнивание к деньгам; затем он получает в деньгах как монете абстрактное, одностороннее, но мимолетное существование в качестве всего лишь стоимости; затем стоимость угасает в потребительной стоимости купленного товара. С того момента, когда товар становится простой потребительной стоимостью, он перестает быть товаром. Его бытие в качестве меновой стоимости угасло. До тех же пор, пока он находится в обращении, он всегда положен двояко: не только в том определении, что он существует как товар по отношению к деньгам, но и в том, что он всегда существует как товар, обладающий ценой, обладающий меновой стоимостью, измеренной в единице-мере меновых стоимостей.

Движение товара проходит через различные моменты, когда он представляет собой цену, становится монетой и, наконец, превращается в потребительную стоимость. Товар *предпослан* в качестве потребительной и меновой стоимости, ибо только так он является товаром. Однако он осуществляет эти определения *формально* в обращении, и притом так, что, во-первых, как уже говорилось, он проходит через различные определения; а во-вторых, так, что в процессе обмена его бытие как потребительной и меновой стоимости всегда распределяется между двумя сторонами, двумя полюсами [Extreme] обмена. В обращении его двойственная природа расчленяется, и он *обретает свое становление* в каждом из предпосланных в нем условий только в результате этого формального процесса. Единство обоих определений выступает как беспокойное, проходящее через определенные моменты и вместе с тем всегда двустороннее движение. Это единство обоих определений выступает всегда только в этой общественной взаимосвязи [Verhältnis], так что *различные определения товара на самом деле являются лишь чередующимися отношениями [Beziehungen], в которых находятся друг к другу субъекты обмена во время процесса обмена.* Это взаимоотношение субъектов обмена выступает, однако, как объективное отношение, в которое они ставятся содержанием обмена, его общественной определенностью, независимо от их воли. В цене, монете, а также в деньгах эти общественные отношения выступают как отношения для этих субъектов внешние, их себе подчиняющие. Отрицание товара в одном его определении всегда является его реализацией в другом определении. Как цена он уже идеально подвергся отрицанию в качестве потребительной стоимости и положен как меновая стоимость. Как реализованная цена, т. е. как деньги, он является подвергшейся отрицанию потребительной стоимостью. Как реализованные деньги, т. е. как снятое покупательное

средство, он является подвергшейся отрицанию меновой стоимостью, реализованной потребительной стоимостью. Товар является потребительной и меновой стоимостью сперва только δυνάμει *; только в обращении он *становится* положенным как то и другое, а обращение представляет собой смену этих определений. Представляя собой, таким образом, чередование и противопоставление этих определений, обращение является всегда также и их приравниванием друг к другу.

Однако в том случае, когда мы рассматриваем форму *Т — Д — Т*, меновая стоимость, будь то в ее форме цены, будь то в ее форме монеты или в форме движения приравнивания [товара и денег], в форме движения самого обмена, выступает лишь как мимолетное опосредствование. Товар в конце концов обменивается на товар, или, точнее, поскольку определение товара угасло, теперь друг на друга обменены различного качества потребительные стоимости, а само обращение послужило лишь тому, чтобы, с одной стороны, дать потребительным стоимостям перейти из рук в руки в соответствии с имеющейся в них потребностью, а с другой стороны — дать им перейти из рук в руки в соответствии с содержащимся в них рабочим временем: [B''—7] дать им заменить друг друга в той мере, в какой они являются одинаково весомыми моментами всеобщего общественного рабочего времени. Однако теперь брошенные в обращение товары достигли своей цели. Каждый из них в руках нового его владельца перестает быть товаром; каждый из них становится объектом потребности и как таковой потребляется в соответствии со своей природой.

Тем самым обращение пришло к концу. Остается единственно лишь средство обращения в виде простого осадка. Но в качестве такого осадка оно теряет свое определение формы. Оно погружается в свою материю, остающуюся в виде неорганического пепла всего процесса. Как только товар превратился в потребительную стоимость как таковую, он выброшен из обращения, перестал быть товаром. Поэтому не с этой стороны содержания (вещества) нам следует искать дальнейшие определения формы. Потребительная стоимость становится в обращении только тем, в качестве чего она была предпослана независимо от обращения, — предметом определенной потребности. В качестве такого предмета она была и остается вещественным мотивом обращения; однако обращение как общественная форма оставляет ее совершенно незатронутой. В движении *Т — Д — Т* вещественное выступает как подлинное содержание движения;

* — потенциально. *Ред.*

общественное движение — только как мимолетное опосредствование, цель которого — удовлетворение индивидуальных потребностей, обмен веществ общественного труда. В этом движении снятие определения формы, т. е. определений, вытекающих из общественного процесса, выступает не только как результат, но и как цель; совершенно так же, как ведение судебного процесса для крестьянина, хотя и не для его адвоката. Поэтому для того, чтобы проследить дальнейшее определение формы, возникающее из самого движения обращения, нам следует придерживаться той стороны, где формальный момент [Formseite], меновая стоимость как таковая получает свое дальнейшее развитие; получает через посредство самого процесса обращения более глубокие определения. Другими словами, мы должны придерживаться стороны развития денег, формы *Д — Т — Д*.

Меновая стоимость как овеществленное количество общественного рабочего времени продолжает, будучи объективирована в обращении, развиваться вплоть до своего бытия в качестве денег как сокровища и всеобщего платежного средства. Если теперь деньги фиксируются в этой форме, то их определение формы равным образом угасает; они перестают быть деньгами, становятся просто металлом, просто потребительной стоимостью, которая, однако, поскольку она не должна служить как таковая в ее металлическом качестве, является бесполезной, т. е. не реализует себя так, как реализует себя в потреблении товар в качестве потребительной стоимости.

Мы видели, как товар реализует содержащиеся в нем моменты, постоянно отрицая какой-нибудь один из них. Рассматривая движение товара как таковое, мы видим, что меновая стоимость существует в нем идеально как цена; товар становится абстрактным средством обмена в монете; но в его заключительной реализации в другом товаре его меновая стоимость угасает, и товар выпадает из процесса [обращения] как простая потребительная стоимость, как непосредственный предмет потребления *(Т — Д — Т)*. Это и есть движение товара, движение, в котором его бытие как потребительной стоимости является доминирующим моментом, и движение на самом деле состоит лишь в том, что товар принимает форму потребительной стоимости, как раз соответствующую определенной потребности, вместо той формы, в которой он находится в качестве товара.

Если же мы станем рассматривать дальнейшее развитие меновой стоимости в деньгах, то увидим, что она в первом дви-

жении [$T — Д$] приходит только к своему бытию в качестве идеальных денег, или монеты, как единицы [измерения стоимостей] и количества [тех или иных единиц]. Но если мы возьмем оба движения [$T — Д$ и $Д — T$] вместе, то обнаружится, что деньги, существующие в цене только как идеальная единица-мера, как мысленно представляемый материал всеобщего труда, в монете — только как знак стоимости, как абстрактное и мимолетное бытие стоимости, как материализованное мысленное представление, т. е. как символ, — в своей форме, наконец, денег как денег, во-первых, отрицают оба определения, но также и содержат их в себе оба как моменты и вместе с тем прочно оседают в материализованном выражении, самостоятельном по отношению к обращению, в постоянном, хотя и отрицательном к нему отношении.

То, что в обращении, если рассматривать саму его форму, становится, возникает, производится, это — сами деньги, и ничего больше. Товары в обращении обмениваются, но они не возникают в нем. Деньги как цена и монета хотя и являются уже собственным продуктом обращения, но только формально. Предпосылкой цены является меновая стоимость товара, подобно тому как сама монета является не чем иным, как получившей самостоятельное существование формой товара как средства обмена, которая также была предпослана. Обращение не создает меновой стоимости, так же как оно не создает и ее величины. Чтобы товар измерялся в деньгах, и деньги, и товар должны относиться друг к другу как меновые стоимости, т. е. как овеществленное рабочее время. В цене меновая стоимость товара получает лишь отделенное от его потребительной стоимости выражение; точно так же и знак стоимости возникает только из эквивалента, из товара как средства обмена. Как средство обмена товар должен быть потребительной стоимостью, но стать таковою он может только посредством отчуждения, так как он является потребительной стоимостью не для того, в чьих руках он является товаром, а для того, кто его приобретает в обмене как потребительную стоимость. Его потребительная стоимость для владельца товара заключается только в способности товара к обмену, к отчуждению в меру представленной в нем меновой стоимости. Как всеобщее средство обмена товар поэтому становится в обращении потребительной стоимостью только как *устойчивое существование меновой стоимости,* а его потребительная стоимость как таковая угасает. То, что меновая стоимость полагается как цена, а средство обмена — как деньги, — выступает как простая формальная смена [определений]. Каждый товар как реализованная

меновая стоимость является счетными деньгами для прочих товаров, ценообразующим для них элементом, так же как каждый товар является средством обмена (однако здесь он упирается в границы, в которых он является средством обмена, ибо таковым он может быть только по отношению к тому, кто обладает товаром, в котором нуждается обменивающийся, и должен был бы пройти через целый ряд актов обмена, чтобы стать окончательным средством обмена; не говоря уже о громоздкости этого процесса, товар вновь вступил бы в [B″—8] конфликт со своей природой в качестве потребительной стоимости, ибо должен был бы тогда обладать способностью делиться на части, чтобы в требуемых дозах поочередно удовлетворять всем необходимым актам обмена), средством обращения, монетой. В цене и монете оба определения перенесены только на один товар. Это выступает как всего лишь упрощение [процесса обмена]. В тех отношениях, в которых какой-нибудь товар выступает как измеритель стоимости всех прочих товаров, он является средством обмена, эквивалентом, способным к отчуждению в обмен на эти товары; может реально служить в качестве эквивалента, в качестве *средства обмена*. Процесс обращения придает этим определениям лишь более абстрактную форму в деньгах как монете и средстве обмена.

Поэтому форма *Т — Д — Т*, этот поток обращения, в котором деньги фигурируют только как мера и монета, выступает только как опосредствованная форма меновой торговли, в основе и содержании которой ничего не изменилось. Рефлектирующее сознание народов воспринимает поэтому деньги в их определениях меры и монеты как произвольные, ради удобства в договорном порядке введенные изобретения; ибо те превращения, которые претерпевают содержащиеся в товаре как единстве потребительной и меновой стоимости определения, являются лишь формальными. Цена, это — лишь определенное выражение меновой стоимости, общепонятное выражение, которое меновая стоимость [получает] на языке самого обращения, подобно тому как монета, которая также и реально может существовать в виде простого символа, является всего лишь символическим выражением меновой стоимости, но в качестве средства обмена остается именно лишь средством для обмена товара, в силу чего сюда не привносится никакого нового содержания. Цена и монета, правда, и возникают-то из общения: они на самом деле являются выражениями, созданными общением, относящимися к общению выражениями товара как меновой стоимости и средства обмена.

Иначе обстоит, однако, дело с деньгами. Они являются таким продуктом обращения, который вырос из него словно бы вопреки уговору [обменивающихся].

Деньги — не просто посредствующая форма товарного обмена. Они представляют собой вырастающую из процесса обращения форму меновой стоимости, такой общественный продукт, который, в силу отношений, в которые вступают индивиды в процессе обращения, создает сам себя. Как только золото и серебро (или любой другой товар) получили развитие в качестве меры стоимости и средства обращения (в качестве последнего — будь то в их телесной форме или в виде символа), они становятся деньгами независимо от содействия и желания общества. Их власть выступает как некий фатум, и сознание людей, особенно в общественных укладах, погибающих вследствие более глубокого развития отношений меновой стоимости, восстает против власти, которую по отношению к людям приобретает материя, вещь, восстает против господства проклятого металла, которое представляется им в виде чистого сумасшествия. Превращение общественных взаимоотношений в прочную, всеобъемлющую, ставящую индивидов себе в подчинение общественную связь проявляется прежде всего в деньгах, и притом в их самой абстрактной и потому самой бессмысленной, самой непостижимой форме — форме, в которой снято всякое опосредствование. И это проявление носит тем более жестокий характер, что оно вырастает из положенной в основу предпосылки о свободных, ничем не стесняемых, атомистически представляемых частных лицах, связанных между собой в сфере производства только посредством взаимозависимых потребностей. Сами деньги содержат в себе отрицание самих себя в качестве простой меры [стоимостей] и монеты.

(Фактически товар, рассматриваемый сам по себе, должен быть для своего владельца лишь бытием меновой стоимости; для владельца товара его материализованное выражение имеет лишь тот смысл, что является овеществлением всеобщего рабочего времени, обладающим способностью обмениваться на любое другое его овеществление; является, следовательно, непосредственно *всеобщим эквивалентом, деньгами*. Эта сторона, однако, скрыта и проявляется только как одна сторона.)

Древние философы, а также и Буагильбер, рассматривают это как извращение, как злоупотребление деньгами, которые из слуги превращаются в господина, обесценивают естественное богатство, уничтожают равноценность эквивалентов. Платон в своем «Государстве»[121] хочет насильно удержать деньги в рамках простого средства обращения и меры [стоимости], чтобы

не дать им стать деньгами как таковыми. По той же причине Аристотель рассматривает форму обращения *Т — Д — Т*, в которой деньги функционируют только в качестве меры и монеты, — движение, которое он называет экономическим, — как естественную и разумную, а форму *Д — Т — Д*, хрематистическую *, клеймит как неестественную, не соответствующую разумной цели [122]. Борьба ведется здесь только против меновой стоимости, которая становится содержанием и самоцелью обращения, т. е. против обособления меновой стоимости как таковой в нечто самостоятельное, против того, что стоимость как таковая становится целью обмена и получает самостоятельную форму, вначале пока еще в простой, осязаемой форме денег. При продаже ради купли целью является потребительная стоимость; при купле ради продажи — сама стоимость.

Мы, правда, видели, что деньги на самом деле являются лишь временно не функционирующим средством обращения, — безразлично, войдут ли они позднее в обращение в качестве покупательного средства или в качестве средства платежа. Но их самостоятельное отношение к обращению, изъятие их из последнего лишают их обеих их стоимостей: их потребительной стоимости, поскольку они не должны служить в качестве металла; их меновой стоимости, поскольку они обладают этой меновой стоимостью именно лишь как момент обращения, как взаимно противопоставляемый товарами самим себе абстрактный символ собственной стоимости товаров; как момент движения формы самого товара. Пока деньги остаются изъятыми из обращения, они имеют не больше ценности, чем если бы лежали зарытыми в самой глубокой шахте. Если же они снова входят в [B″—9] обращение, тогда их непреходящему характеру приходит конец, тогда содержащаяся в них стоимость пропадает в потребительных стоимостях тех товаров, на которые они обмениваются, тогда они снова становятся всего лишь средством обращения. Это — один момент. *Деньги приходят из обращения как его результат, т. е. как адекватное бытие меновой стоимости, как для-себя-сущий и в себе застывший всеобщий эквивалент.*

С другой стороны: в качестве цели обмена, т. е. в качестве такого движения, которое своим содержанием имеет саму меновую стоимость, сами деньги, — единственным содержанием [процесса] является увеличение меновой стоимости, *накопление денег*. Но на самом деле это увеличение оказывается лишь чисто формальным. Здесь нет того, чтобы из стоимости

* — барышническую. *Ред.*

возникала стоимость, а имеет место следующее: стоимость в форме товара бросают в обращение с тем, чтобы извлечь ее оттуда в виде бесполезной стоимости как сокровище.

«Все говорят, что ты богат; я же утверждаю, что ты беден. Ибо доказательством богатства является *пользование* им»[123].

По *содержанию,* таким образом, обогащение предстает как добровольное обеднение. Только отсутствие потребностей, отречение от них, отречение от потребительной стоимости той стоимости, которая существует в форме товара, делает возможным накопление ее в форме денег. Дело в том, что действительное движение по форме *Д — Т — Д* существует не в простом обращении, где эквиваленты лишь переводятся из формы товара в форму денег и обратно. Если я обмениваю один талер на товар стоимостью в один талер, а этот товар — снова на один талер, то это — процесс, не имеющий содержания. В простом обращении следует рассматривать лишь одно: само содержание этой формы, т. е. деньги как самоцель. Что опо в такой форме *встречается,* это ясно; не говоря уже о количестве, господствующая форма торговли состоит в том, чтобы обменивать деньги на товар, а товар на деньги. Может случиться и так, и случается, что при этом процессе в результате будет получено не обязательно столько же денег, сколько было предпослано. При плохой сделке может вернуться меньше, чем было отдано. Здесь следует рассматривать только принцип; дальнейшая определенность не относится к самому простому обращению. В самом простом обращении умножение стоимостной величины, движение, в котором целью является увеличение самой стоимости, может выступать только в форме накопления, посредством фазы *Т — Д,* посредством постоянно возобновляемой продажи товара, когда деньгам не разрешается проделывать свой курс целиком и снова превращаться в товар, после того как товар превратился в деньги. Поэтому деньги выступают не как исходный пункт, как этого требует форма *Д — Т — Д,* а всегда только как результат обмена. Исходным пунктом они являются лишь постольку, поскольку со стороны продавца товар для него самого имеет значение *только* как цена, как еще только долженствующие появиться деньги, и поскольку он их бросает в обращение в этой преходящей форме с тем, чтобы извлечь их оттуда в их вечной форме. На самом деле предпосылкой обращения была меновая стоимость, т. е. деньги, и как результат обращения, поскольку это последнее заканчивается накоплением денег, выступает опять-таки адекватное бытие меновой стоимости и ее увеличение.

Деньги, следовательно, также и в их конкретном определении как деньги, в котором они уже сами являются отрицанием себя как простой меры [стоимости] и простой монеты, подвергнуты отрицанию в движении обращения, в котором они полагаются как деньги. Но то, что здесь подвергнуто отрицанию, это — лишь абстрактная форма, в которой выступает в деньгах обособление меновой стоимости, а также абстрактная форма процесса этого обособления. Все обращение, с точки зрения меновой стоимости, подвергнуто отрицанию, поскольку оно не несет в себе принципа самовозобновления.

Обращение исходит из обоих определений товара, из его определения как потребительной стоимости и из его определения как меновой стоимости. Поскольку превалирует первое определение, обращение заканчивается обособлением потребительной стоимости; товар становится предметом потребления. Поскольку превалирует второе определение, обращение заканчивается вторым определением, обособлением меновой стоимости. Товар становится деньгами. Но в это последнее определение товар переходит только в результате процесса обращения, и его отношение к обращению продолжает сохраняться. В этом последнем определении товар развивается дальше как овеществленное всеобщее рабочее время — в его общественной форме. С этой последней стороны и должно поэтому произойти дальнейшее определение общественного труда, который первоначально выступает как меновая стоимость товара, затем — как деньги. Меновая стоимость является общественной формой как таковой; ее дальнейший анализ поэтому — дальнейшим анализом того общественного процесса или углублением в тот общественный процесс, который выбрасывает товар на свою поверхность.

Если мы теперь, [зная, что] обособление меновой стоимости в нечто самостоятельное является результатом процесса обращения, будем исходить из меновой стоимости как таковой, как раньше исходили из товара, то мы найдем следующее:

1) Меновая стоимость существует двояко, как товар и как деньги; последние выступают как ее адекватная форма; но в товаре, пока он остается товаром, деньги не пропадают, а существуют как его цена. Существование меновой стоимости таким образом удваивается: один раз она существует в потребительных стоимостях, другой раз — в деньгах. Обе формы, однако, обмениваются друг на друга, и в результате одного лишь этого обмена как такового стоимость не погибает.

2) Чтобы деньги сохранялись как деньги, они должны, так же как они выступают в виде осадка и результата процесса обращения, [B″—10] быть способны снова войти в этот процесс,

т. е. не превращаться в обращении в простое средство обращения, исчезающее в форме товара в обмен на всего лишь потребительную стоимость. Деньги, находясь в одном определении, не должны пропадать в другом, т. е. они должны оставаться деньгами также и в своем бытии как товар, а в своем бытии как деньги — существовать лишь как мимолетная форма товара; в своем бытии как товар — не терять меновую стоимость, а в своем бытии как деньги — сохранять свое отношение к потребительной стоимости. Само их вхождение в обращение должно быть моментом их пребывания у себя, а их пребывание у себя — вхождением в обращение. Таким образом, меновая стоимость теперь определена как некий процесс, а не как всего лишь исчезающая форма потребительной стоимости, безразличная к самой этой потребительной стоимости как к вещественному содержанию, и не как просто вещь в форме денег; она определена как отношение к самой себе через посредство процесса обращения. С другой стороны, само обращение определено уже не как всего лишь формальный процесс, в котором товар проходит через свои различные определения, а дело обстоит так, что сама меновая стоимость, и притом меновая стоимость, измеренная в деньгах, должна в качестве предпосылки выступать как положенная обращением, а в качестве положенной обращением должна выступать как ему предпосланная. Само обращение должно выступать как момент производства меновых стоимостей (как процесс производства меновых стоимостей). В обособлении меновой стоимости в деньгах на самом деле положено лишь ее безразличие по отношению к особенной потребительной стоимости, в которой она себя воплощает. Получивший самостоятельное существование всеобщий эквивалент — это деньги, существуют ли они в форме товара или в форме денег. Получение меновой стоимостью самостоятельного существования в деньгах должно само выступать лишь как момент движения, как, с одной стороны, результат обращения, а с другой стороны, как то, что предназначено к тому, чтобы начать его снова, не застывая в этой форме результата.

Деньги, т. е. получившая самостоятельное существование меновая стоимость, возникшая из процесса обращения как результат и вместе с тем как живой импульс обращения (правда, лишь в ограниченной форме образования сокровищ), подвергли себя отрицанию как всего лишь монета, т. е. как всего лишь мимолетная форма меновой стоимости, как всего лишь растворяющиеся в обращении; они подвергли себя отрицанию также и как деньги, самостоятельно противостоящие обращению. Чтобы не окаменеть в виде сокровища, они должны снова таким же

образом войти в обращение, как они из него вышли, но не в качестве простого средства обращения, а так, чтобы их бытие как средства обращения и потому их переход в товар сами были всего лишь изменением формы с тем, чтобы они снова появились в их адекватной форме как *адекватная меновая стоимость*, но вместе с тем и как *умноженная, увеличенная меновая стоимость, реализованная [verwerteter] меновая стоимость*. Себя в обращении *реализующая [verwertende]*, т. е. себя умножающая стоимость является вообще для-себя-сущей меновой стоимостью, которая как самоцель проходит через обращение. Эта *реализация [Verwertung]*, это *количественное увеличение стоимости* — единственный процесс, который может проделать стоимость как таковая — выступает в накоплении денег только как противоположность по отношению к обращению, т. е. через свое собственное снятие. Между тем само обращение должно быть положено как такой процесс, в котором стоимость сохраняется и увеличивается [sich verwertet].

Однако в обращении деньги становятся монетой и в качестве таковой обмениваются на товар. Для того чтобы этот обмен не был только формальным, чтобы меновая стоимость не пропадала в потреблении товара, чтобы дело не ограничивалось простой сменой формы меновой стоимости (один раз — ее всеобщее абстрактное бытие в деньгах, другой раз — ее бытие в особенной потребительной стоимости товара), — меновая стоимость в самом деле должна быть обменена на потребительную стоимость, и товар должен быть потреблен как потребительная стоимость, но в этом потреблении он должен сохраниться как меновая стоимость, другими словами, его исчезновение должно исчезнуть и само должно быть лишь средством для возникновения большей меновой стоимости, для воспроизводства и производства меновой стоимости — *производительным потреблением*, т. е. потреблением через труд с тем, чтобы овеществлять труд, создавать меновую стоимость. Производство меновой стоимости вообще есть только производство большей меновой стоимости, умножение ее. Ее простое воспроизводство видоизменяет потребительную стоимость, в которой она существует, так же как это делает простое обращение, но не создает, не производит ее.

Ставшая самостоятельною меновая стоимость предполагает обращение как развитый момент и выступает как непрерывный процесс, который полагает обращение и из обращения непрерывно возвращается в себя с тем, чтобы снова полагать обращение. Как само себя полагающее движение меновая стоимость уже не выступает как всего лишь формальное движение заранее предпосланных меновых стоимостей, а представляет собой

вместе с тем и движение, само себя производящее и воспроизводящее. Само производство здесь уже не наличествует до своих результатов, т. е. оно не предположено заранее, а выступает как такое производство, которое в то же время само порождает эти результаты; но оно полагает меновую стоимость уже не как всего лишь ведущую к обращению, а как такую меновую стоимость, которая вместе с тем предполагает развитое обращение в его [B″—11] процессе.

Чтобы обособиться в нечто самостоятельное, меновая стоимость должна была бы не только выходить как результат из обращения, но и быть способной снова войти в обращение, в нем сохраниться, становясь товаром. В деньгах меновая стоимость получила самостоятельную форму по отношению к обращению *Т — Д — Т*, т. е. по отношению к своему окончательному растворению в простой потребительной стоимости. Однако форма эта, если ее зафиксировать, — только отрицательная, мимолетная или иллюзорная. Деньги существуют только по отношению к обращению и как возможность войти в него. Но они теряют это определение, как только они себя реализуют. Они отступают назад к обеим своим функциям — меры и средства обращения. В качестве просто денег они не выходят за пределы этого определения. Одновременно, однако, в обращении положено, что они остаются деньгами, существуют ли они как таковые или как цена товара. Движение обращения должно выступать не как движение их исчезновения, а напротив, как движение их действительного самополагания в качестве меновой стоимости, реализации себя как меновой стоимости. Если товар обменивается на деньги, то форма меновой стоимости, меновая стоимость, положенная как меновая стоимость, деньги, застывает в этом определении только до тех пор, пока деньги держатся вне того обмена, в котором они функционируют как стоимость, пока они уклоняются от него, являются, следовательно, чисто иллюзорным осуществлением стоимости, чисто идеальным ее осуществлением в этой форме, в которой самостоятельность меновой стоимости существует осязаемо.

Та же самая меновая стоимость должна стать деньгами, товаром, товаром, деньгами, как этого требует форма *Д — Т — Д*. В простом обращении товар становится деньгами, а затем товаром; какой-нибудь другой товар снова полагает себя как деньги. *Меновая стоимость не сохраняется при этой смене своей формы. Но в обращении уже положено, что деньги являются и тем, и другим, и деньгами, и товаром, и при чередовании обоих определений сохраняются.*

В обращении меновая стоимость выступает двояким образом: один раз как товар, другой раз как деньги. Если она находится в одном определении, то она не находится в другом. Это относится ко всякому особенному товару; равным образом и к деньгам как средству обращения. Однако в обращении, рассматриваемом как совокупное целое, заключено то, что та же самая меновая стоимость, меновая стоимость как субъект, один раз полагает себя как товар, другой раз — как деньги и представляет собой как раз движение, направленное на полагание себя [меновой стоимости] в этих двух определениях и на сохранение себя в каждом из них в виде его противоположности, в товаре — в виде денег, в деньгах — в виде товара. Это есть то, что в простом обращении наличествует an sich *, но в нем не положено.

Если в простом обращении эти определения самостоятельны по отношению друг к другу *положительно*, как в товаре, становящемся предметом потребления, то обращение перестает быть моментом экономического процесса; если *отрицательно*, как в деньгах, то оно становится безумием, безумием, вырастающим из самого экономического процесса.

Нельзя сказать, что меновая стоимость реализует себя в простом обращении, потому что потребительная стоимость не противостоит ей как таковая, ею самою определяемая потребительная стоимость. И обратно, потребительная стоимость как таковая не становится сама меновой стоимостью или становится ею лишь постольку, поскольку определение потребительных стоимостей — быть овеществленным всеобщим трудом — накладывается на них как внешний масштаб. Их единство еще непосредственно распадается, а их различие еще непосредственно растворяется в единстве. То, что потребительная стоимость как таковая опосредствуется меновой стоимостью и что меновая стоимость сама себя опосредствует через потребительную стоимость, теперь должно быть положено.

В простом обращении мы имели всего лишь два формально различных определения меновой стоимости — деньги и цену товара; и всего лишь две вещественно различных потребительных стоимости — $T - T$, для которых деньги, меновая стоимость, являются лишь мимолетным опосредствованием, формой, которую мимолетно принимают эти потребительные стоимости. Действительной связи между меновой и потребительной стоимостью не возникало. В потребительной стоимости, правда, существует также и меновая стоимость как цена (идеальное определение); в деньгах, правда, существует также и потреби-

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

тельная стоимость, как их реальность, их материал. В одном случае всего лишь идеальной была меновая стоимость, в другом — потребительная стоимость. Поэтому товар как таковой — его особенная потребительная стоимость — представляет собой лишь вещественный мотив для обмена, но как таковой выпадает из экономического определения формы; или экономическое определение формы представляет собой лишь поверхностную форму, формальное определение, не проникающее в область действительной субстанции богатства и не имеющее к этой субстанции как таковой никакого отношения; поэтому если это определение формы хотят как таковое закрепить в виде сокровища, то оно [определение формы] незаметно превращается в природный индифферентный продукт, металл, на котором стерт даже последний признак его отношения к обращению. Металл как таковой не выражает, конечно, никакого социального отношения; в нем угасла даже форма монеты, последняя примета его социального значения.

Выйдя из обращения как его предпосылка и результат, меновая стоимость точно так же должна и войти в него снова.

Мы видели уже при рассмотрении денег, — и это ясно выступает в образовании сокровищ, — что рост денег, умножение их представляет собой единственный процесс формы обращения, являющийся для стоимости самоцелью, т. е. что стоимость, ставшая самостоятельной и сохраняющая себя в форме меновой стоимости (прежде всего — денег), одновременно представляет собой процесс ее возрастания; что сохранение ею себя как стоимости является одновременно ее продвижением за свою количественную границу, ее возрастанием как стоимостной величины и что никакого другого содержания самостоятельное обособление меновой стоимости не имеет. Сохранение меновой стоимости как таковой посредством обращения выступает одновременно как ее самовозрастание, а это самовозрастание является [B″—12] ее самореализацией [Selbstverwertung], ее активным полаганием себя как стоимости, создающей стоимость; как стоимости, саму себя воспроизводящей и при этом себя сохраняющей, но одновременно себя полагающей как *стоимость*, т. е. как прибавочную стоимость. В образовании сокровищ этот процесс еще является чисто формальным. Если рассматривать индивида, то указанный процесс предстает как движение без содержания, превращающее богатство из полезной в бесполезную и, что касается ее определения, ненужную форму. Если рассматривать экономический процесс в целом, то образование сокровищ служит лишь одним из условий самого̀ металлического обращения. Пока деньги остаются сокровищем, они

не функционируют как меновая стоимость, являются ею лишь в воображении. С другой стороны, также и возрастание — полагание себя как стоимости, стоимости, которая не только сохраняет себя посредством обращения, но и из него себя порождает, т. е. полагает себя как прибавочную стоимость, — является только воображаемым. Та же самая стоимостная величина, которая раньше существовала в форме товара, теперь существует в форме денег; их накопляют в этой последней форме, потому что в другой форме от них отказываются. Если их реализуют, то они исчезают в потреблении. Сохранение и увеличение стоимости является, следовательно, лишь абстрактным, формальным. В простом обращении положена только форма этого сохранения и увеличения стоимости.

Как форма всеобщего богатства, как получившая самостоятельное существование меновая стоимость, деньги не способны ни к какому другому движению, кроме количественного: множить себя. По своему понятию они являются совокупностью всех потребительных стоимостей; но их количественная граница, как граница всегда лишь определенной стоимостной величины, определенной суммы золота и серебра, находится в противоречии с их качеством. Поэтому в их природе заложено постоянное стремление выйти за свою собственную границу.

(Как потребляющее богатство, например в эпоху римских императоров, деньги выступают поэтому как безграничное, безумное расточительство, которое даже потребление пищи пытается поднять до уровня их воображаемой безграничности, т. е. которое с деньгами, как с такой формой богатства, вместе с тем обращается непосредственно как с потребительной стоимостью. Салат из жемчуга и т. д.)

Для стоимости, прочно обособившейся в качестве стоимости, ее умножение совпадает поэтому с ее самосохранением, и сохраняет она себя только тем, что постоянно стремится выйти за свою количественную границу, противоречащую ее внутренней всеобщности. Обогащение, таким образом, является самоцелью. Целеопределяющей деятельностью самостоятельно обособившейся меновой стоимости может быть только обогащение, т. е. увеличение самой себя; воспроизводство, но не формальное только, а такое, в котором она увеличивается. Но как количественно определенная стоимостная величина, деньги являются вместе с тем лишь ограниченным представителем всеобщего богатства, или представителем ограниченного богатства, которое простирается как раз настолько, насколько простирается, точно по нему измеренная, величина его меновой стоимости. Деньги, следовательно, отнюдь не обладают той

способностью, которую они должны были бы иметь по их общему понятию, способностью купить все предметы потребления, все товары, всю совокупность материального богатства; они — не «экстракт всех вещей» [124].

Итак, фиксируемые как богатство, как всеобщая форма богатства, как стоимость, общепризнанная в качестве стоимости, деньги представляют собой постоянное стремление выйти за свою количественную границу — бесконечный процесс. Их собственная активность состоит исключительно в этом; они сохраняют себя как отличную от потребительной стоимости, самодовлеющую стоимость только тогда, когда они *постоянно умножают себя* посредством самого̀ процесса обмена. Активная стоимость — это только стоимость, полагающая прибавочную стоимость. Единственная функция [денег] как меновой стоимости — сам обмен. В этой функции они, следовательно, и должны умножаться, но не путем изъятия их [из обращения], как это имеет место при образовании сокровищ. При образовании сокровищ деньги не функционируют как деньги. Изъятые как сокровище, они не функционируют ни как меновая, ни как потребительная стоимость, являются мертвым, непроизводительным сокровищем. От них самих не исходит никакого действия. Их умножение является внешним прибавлением из обращения, когда товар снова бросают в обращение и переводят стоимость из формы товара в форму денег, а затем в качестве последних прячут в сохранном месте, т. е. когда деньги вообще перестают быть деньгами. Если же они снова вступают в обращение, то они исчезают как меновая стоимость.

Деньги, проистекающие из обращения как адекватная меновая стоимость и самостоятельно обособившиеся, однако снова в обращение вступающие, в нем и через него себя увековечивающие и реализующие (умножающие), представляют собой *капитал*. В капитале деньги утратили свою закостенелость и из осязаемой вещи превратились в процесс. Деньги и товар как таковые, равно как и само простое обращение существуют для капитала уже только как особенные абстрактные моменты его бытия, в которых он столь же постоянно появляется, переходя из одного в другой, сколь постоянно и исчезает. Обособление выступает не только в той форме, что капитал противостоит обращению как самостоятельная абстрактная меновая стоимость — деньги, но и в той, что обращение в то же время является процессом его обособления, что он возникает из обращения как нечто самостоятельно обособившееся.

В форме *Д — Т — Д* ясно выражено, что обособление денег должно выступать как процесс, в равной мере и как

предпосылка и как результат обращения. Эта форма как таковая не получает, однако, в простом обращении никакого содержания, не выступает даже как движение содержания, — как такое движение обращения, для которого меновая стоимость является не только формой, но также самим содержанием и самою целью и которое поэтому является формой самой *совершающей процесс меновой стоимости*.

Самостоятельно обособившаяся меновая стоимость, деньги как таковые выступают в простом обращении всегда только как результат, caput mortuum * движения. Они должны выступать равным образом и как его предпосылка; его результат — как его предпосылка, а его предпосылка [B″—13] — как его результат.

Деньги должны сохранять себя как деньги и в своей форме денег и в форме товара; смена же этих определений, процесс, в котором с ними происходят эти метаморфозы, должен выступать вместе с тем и как процесс их производства, как созидание их самих, — т. е. как умножение их стоимостной величины. Когда деньги становятся товаром, а товар как таковой необходимо потребляется в качестве потребительной стоимости и должен исчезнуть, то само это исчезновение должно исчезнуть, само это уничтожение должно себя уничтожить, так что потребление товара в качестве потребительной стоимости само выступает как момент процесса саму себя воспроизводящей стоимости.

Деньги и товар, равно как и отношение их друг к другу в обращении, выступают теперь настолько же в качестве простых предпосылок капитала, насколько, с другой стороны, и в качестве его формы существования; настолько же в качестве простых существующих элементарных предпосылок для капитала, насколько, с другой стороны, и в качестве самих форм существования капитала и его результатов.

Непреходящий характер, к которому стремятся деньги, ставя себя в отрицательное отношение к обращению (изымая себя из него), приобретает капитал, сохраняя себя как раз тем, что он отдает себя во власть обращения. Капитал как меновая стоимость, предполагающая обращение, ему предпосланная и себя в нем сохраняющая, попеременно принимает форму обоих содержащихся в простом обращении моментов, но не так, как это происходит в простом обращении, где он лишь переходит из одной из двух форм в другую, а так, что в каждом из определений он вместе с тем сохраняет отношение к противополож-

* Буквально: мертвая голова; в переносном смысле: мертвые остатки, отходы после прокаливания, химической реакции и т. д. *Ред.*

ному моменту. Если он выступает в качестве денег, то это теперь всего лишь одностороннее абстрактное выражение его как всеобщности; сбрасывая и эту форму, он сбрасывает только ее основанное на противоположности определение (сбрасывает основанную на противоположности форму всеобщности). Если он положен как деньги, т. е. как эта основанная на противоположности форма всеобщности меновой стоимости, то в нем одновременно положено, что он, в отличие от того, что происходит в простом обращении, должен потерять не всеобщность, а ее основанное на противоположности определение, или что он принимает форму денег лишь мимолетно, т. е. снова обменивается на товар, однако на такой товар, который даже в своей особенности выражает всеобщность меновой стоимости и поэтому постоянно меняет свою определенную форму.

Товар есть не только меновая, но и потребительная стоимость, и в качестве последней он должен быть целесообразно потреблен. В то время, когда товар служит потребительной стоимостью, т. е. во время его потребления, меновая стоимость должна вместе с тем себя сохранять и выступать как целеопределяющая душа потребления. Процесс исчезновения товара должен поэтому выступать вместе с тем как процесс исчезновения его исчезновения, т. е. как воспроизводящий процесс. Потребление товара, следовательно, направлено здесь не на непосредственное удовлетворение потребности, а само выступает как момент воспроизводства его меновой стоимости. Меновая стоимость, таким образом, является в итоге не только формой товара, а выступает как огонь, в котором сгорает сама его субстанция. Это определение вытекает из самого понятия потребительной стоимости. А в форме денег капитал, с одной стороны, будет выступать лишь мимолетно как средство обращения, а с другой стороны — всего лишь как момент, как мимолетное состояние его положенности в определенности адекватной меновой стоимости.

С одной стороны, простое обращение представляет собой наличествующую предпосылку товара, а его противоположные друг другу моменты, деньги и товар, выступают как элементарные предпосылки, как формы, превращающиеся по возможности в капитал; или же они — всего лишь абстрактные сферы процесса производства заранее предпосланного капитала. С другой стороны, они возвращаются в капитал как в свою бездонную пропасть или приводят к нему. (Здесь дать приведенный выше исторический пример *.)

* См. настоящий том, часть II, стр. 462—464. *Ред.*

Деньги, заранее предпосланная самостоятельно обособившаяся меновая стоимость, выступают в капитале не только как меновая стоимость, но, будучи самостоятельно обособившейся меновой стоимостью, как *результат* обращения. И действительно, не происходит никакого образования капитала, прежде чем сфера простого обращения не развилась до определенного уровня, хотя бы и исходя из совершенно других, чем сам капитал, условий производства. С другой стороны, деньги положены как полагающие обращение в качестве движения их собственного процесса, движения их собственной реализации в качестве себя увековечивающей и самовозрастающей стоимости. Как предпосылка они здесь одновременно и результат процесса обращения, а как результат — одновременно и предпосылка определенной его формы, которая была определена как форма *Д — Т — Д* (сначала только этого ее потока). Они [деньги как капитал] являются единством товара и денег, но их совершающим процесс единством, и в такой же мере, в какой они не являются ни товаром, ни деньгами, они вместе с тем являются как тем, так и другим.

Они сохраняют и увеличивают себя в обращении и через него. С другой стороны, меновая стоимость предположена уже не в качестве простой меновой стоимости, как она существует в товаре в виде простого определения, прежде чем он вступит в обращение, или, точнее, в виде всего лишь подразумеваемого определения, поскольку товар только в обращении становится мимолетно меновой стоимостью. Она существует в форме *предметности,* но она безразлична по отношению к тому, является ли эта предметность предметностью денег или товара. Она приходит из обращения; следовательно, предполагает его; исходит, однако, вместе с тем от себя как от предпосылки по отношению к обращению.

В действительном обмене денег на товар, как это выражает форма *Д — Т — Д,* т. е. поскольку реальным бытием товара является его потребительная стоимость, а реальным бытием потребительной стоимости — ее потребление, — из реализующего себя как потребительную стоимость товара должна выйти снова сама меновая стоимость, а как форма ее сохранения и самовозрастания должны выступить деньги и потребление товара. Обращение выступает по отношению к меновой стоимости как момент процесса ее собственной реализации.

[B″—14] Реальное существование товара, его существование как потребительной стоимости, выпадает из простого обращения. Точно так же должно обстоять дело с тем моментом в про-

цессе капитала, где потребление товара выступает как момент самовозрастания капитала.

До тех пор пока деньги, т. е. самостоятельно обособившаяся меновая стоимость, всего лишь фиксируют себя по отношению к своей противоположности, потребительной стоимости как таковой, они действительно способны только к абстрактному существованию. В своей противоположности, в своем становлении потребительной стоимостью и в процессе потребления потребительной стоимости они должны одновременно сохраняться и расти как меновая стоимость, т. е. превращать само потребление потребительной стоимости — как активное отрицание ее, так и ее полагание — в воспроизводство и производство самой меновой стоимости.

В простом обращении каждый товар выступает попеременно как меновая и потребительная стоимость. Как только он реализован в качестве последней, он выпадает из обращения. Поскольку товар фиксируется как меновая стоимость, в деньгах, он ведет к той же бесформенности, но остается в пределах экономического отношения. Во всяком случае, меновое отношение (простое обращение) представляет для товаров интерес лишь постольку, поскольку они обладают меновыми стоимостями. С другой стороны, их меновая стоимость имеет лишь преходящий интерес, снимая односторонность потребительной стоимости — ее свойство быть лишь *непосредственно* для индивидов существующей потребительной стоимостью, — т. е. доводя потребительную стоимость до ее потребителя; она ничего не меняет в потребительной стоимости, кроме того, что полагает ее как потребительную стоимость для других (для покупателей). Но поскольку меновая стоимость фиксируется как таковая, в деньгах, потребительная стоимость противостоит ей уже только как абстрактный хаос; и именно в результате отделения от своей субстанции она теряет свою силу и устремляется прочь из сферы простой меновой стоимости, высшим движением которой является простое обращение, а высшим завершением — деньги. Внутри самой этой сферы, однако, различие существует только как формальное, поверхностное различение. Деньги в их высшей фиксированности сами снова — товар *.

---

* Нижняя часть 14-й страницы и вся 15-я страница остались в рукописи незаполненными. *Ред.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАПИТАЛ
[начало]

А) ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

1) ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ. ВЫВЕДЕНИЕ ЭТОГО ПРЕВРАЩЕНИЯ ИЗ ОТНОШЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНО ОБОСОБИВШЕЙСЯ МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ К ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

[B″—16] Как результат простого обращения капитал существует прежде всего в простой форме денег. Однако та предметная самостоятельность, которая в этой форме фиксирует их как сокровище, удерживая их от обращения, исчезла. Напротив, в бытии капитала в форме денег, адекватного выражения всеобщего эквивалента, сказано лишь то, что он безразличен к особенности всех товаров и может принять форму какого угодно товара. Он не представляет собой тот или иной товар, а может быть превращен в любой товар и продолжает быть в каждом из них тою же самой стоимостной величиной и самой к себе как к самоцели относящейся стоимостью. Существующий прежде всего в форме денег капитал не остается, следовательно, противостоящим обращению; напротив, он должен в него войти. Он также и не теряется внутри обращения, переходя из формы денег в форму товара. Его денежное бытие представляет собой скорее лишь его бытие как адекватной меновой стоимости, которая может переходить в любой, безразлично какой вид товара. В любом из них она остается прочно обособившейся меновой стоимостью. Однако самостоятельно обособленная меновая стоимость может быть капиталом только тогда, когда он сам обособлен относительно чего-то третьего, в определенном отношении к чему-то третьему.

(Его бытие в форме денег двояко: он может обменивать себя на какой угодно товар и, как всеобщая меновая стоимость, не привязан к особенной субстанции какого-либо товара; во-вторых, он остается деньгами и тогда, когда он становится товаром; другими словами, тот материал, в котором он существует, представляет собой не предмет для удовлетворения индивиду-

альной потребности, а материализованное выражение меновой стоимости, которая принимает эту форму только для того, чтобы себя сохранить и умножить.)

Это третье — не товары. Ибо капитал есть деньги, которые из своей формы денег переходят в любую, безразлично какую, форму товара, не теряясь в ней как предмет индивидуального потребления. Вместо того чтобы исключить из своего круга деньги, — весь круг товаров, все товары выступают как такое же число воплощений денег. Что касается природного вещественного различия между товарами, то ни один товар не препятствует деньгам, чтобы они заняли в нем свое место и сделали его частью своей собственной плоти, поскольку ни один из них не исключает в товаре определения денег. Весь предметный мир богатства выступает теперь как тело денег таким же образом, как золото и серебро, и именно всего лишь формальное различие между деньгами в форме денег и деньгами в форме товара делает их способными принимать одинаково ту или другую форму, переходить из формы денег в форму товара. (Обособление в нечто самостоятельное заключается уже только в том, что меновая стоимость прочно удерживает себя в качестве меновой стоимости, существует ли она в форме денег или в форме товара, и она переходит в форму товара только для того, чтобы саму себя увеличить.)

Деньги теперь — *опредмеченный [овеществленный] труд*, независимо от того, обладает ли он формой денег или особенного товара. Ни один из предметных способов существования труда не противостоит капиталу, а каждый из них выступает как возможный способ его существования, который он может принять путем простой смены формы, перехода из формы денег в форму товара. Единственной противоположностью *опредмеченного [овеществленного]* труда является труд *непредметный*, противоположностью *объективированного* труда — *субъективный* труд. Или, в противоположность прошлому во времени, но существующему пространственно труду — имеющийся налицо в настоящее время, живой труд. Как имеющийся налицо в настоящее время непредметный (и поэтому еще не опредмеченный [не овеществленный]) труд, он может иметься налицо только как *сила*, возможность, способность, *рабочая сила* живого субъекта. Противоположность капиталу как самостоятельно, прочно обособившемуся опредмеченному [овеществленному] труду может составить только сама живая рабочая сила, и, таким образом, единственным обменом, посредством которого деньги могут стать капиталом, является обмен между владельцем капитала и владельцем живой рабочей силы, т. е. рабочим.

Меновая стоимость может приобрести самостоятельность как меновая стоимость вообще только по отношению к потребительной стоимости, противостоящей ей как таковой. Только в рамках этого отношения меновая стоимость может приобрести самостоятельность как таковая, может быть положенной как таковая и функционировать. В деньгах меновая стоимость должна была бы сохранять эту самостоятельность путем абстрагирования от потребительной стоимости, и эта активная абстракция — пребывание в виде противоположности потребительной стоимости — явилась бы здесь на самом деле единственным методом сохранения и увеличения меновой стоимости как таковой. Теперь же меновая стоимость в ее бытии в виде потребительной стоимости, в ее реальном, а не только формальном бытии в виде потребительной стоимости, должна сохранить себя как меновую стоимость — как меновую стоимость в потребительной стоимости как потребительной стоимости — и создать себя из нее. Действительное бытие потребительных стоимостей есть их реальное отрицание, их поглощение, их уничтожение в потреблении. Следовательно, именно в этом их реальном отрицании как потребительных стоимостей, в этом им [B″—17] самим имманентном отрицании и должна меновая стоимость подтвердить себя как сохраняющую себя по отношению к потребительной стоимости, или, лучше сказать, сделать активное бытие потребительной стоимости подтверждением меновой стоимости. Это — не то отрицание, которое имеет место, когда меновая стоимость как цена представляет собой лишь формальное определение потребительной стоимости, в котором последняя идеально снята, на самом же деле здесь как мимолетное формальное определение выступает только меновая стоимость. Это — и не ее закрепление в золоте и серебре, неподвижная твердая субстанция которых предстает как окаменевшее бытие меновой стоимости. На самом деле в деньгах положено, что потребительная стоимость есть всего лишь материализованное выражение меновой стоимости, ее реальность. Однако это — лишь мнимое осязательное существование ее абстракции. Но поскольку потребительная стоимость как потребительная стоимость, т. е. само потребление товара, определяется как полагание меновой стоимости и как всего лишь средство ее полагания, постольку потребительная стоимость товара на самом деле представляет собой лишь выявление совершающей процесс меновой стоимости. Действительное отрицание потребительной стоимости, существующее не в абстрагировании от нее (не в напряженно замершем противостоянии ей), а в ее потреблении, это ее реальное отрицание, являющееся вместе с тем ее осуществлением в качестве потре-

бительной стоимости, должно стать поэтому актом самоутверждения, самовыявления меновой стоимости. А это возможно лишь постольку, поскольку товар потребляется трудом, поскольку его потребление само выступает как опредмечивание [овеществление] труда и поэтому — как созидание стоимости. Поэтому для того чтобы себя сохранить и выявить не только формально, как в деньгах, но и в своем реальном существовании в качестве товара, опредмеченная [овеществленная] в деньгах меновая стоимость должна присвоить себе самый труд, обменять себя на него.

Для денег потребительная стоимость является теперь не предметом потребления, в котором они пропадают, а уже только такой потребительной стоимостью, посредством которой они себя сохраняют и умножают. *Для денег как капитала не существует никакой другой потребительной стоимости*. Именно это и есть отношение капитала как меновой стоимости к потребительной стоимости. Единственной *потребительной стоимостью, которая может составить противоположность и дополнение к деньгам как капиталу, является труд*, а этот труд существует в рабочей силе, существующей как субъект. В качестве капитала деньги существуют только в связи с не-капиталом, отрицанием капитала, и они являются капиталом только в рамках отношения к этому отрицанию капитала. *Действительным не-капиталом является сам труд*. Первый шаг, делаемый деньгами в их становлении капиталом, это — их обмен с рабочей силой, чтобы посредством последней превратить потребление товаров, т. е. их реальное полагание и отрицание как потребительных стоимостей, одновременно в выявление ими меновой стоимости.

Обмен, посредством которого деньги становятся капиталом, не может быть их обменом с товарами [вообще], а может быть только обменом с их понятийно определенной противоположностью, с товаром, находящимся к ним самим в понятийно определенной противоположности — с трудом.

Меновой стоимости в форме денег противостоит меновая стоимость в форме особенной потребительной стоимости. Но все особенные товары, как особенные способы существования опредмеченного [овеществленного] труда, одинаково являются выражением меновой стоимости, в которое деньги могут перейти, не пропадая. Деньги, следовательно, могут утратить свой простой характер не в результате обмена с этими товарами, поскольку теперь всегда может быть предположено, что они существуют в той или другой форме. А в результате обмена, во-первых, с единственной формой потребительной стоимости, которой они сами непосредственно не являются, а именно —

с непредметным трудом, и вместе с тем — с непосредственной потребительной стоимостью для них как совершающей процесс меновой стоимости, т. е. опять-таки — с трудом. Поэтому превращение денег в капитал может быть осуществлено только путем их обмена с трудом. *Потребительной стоимостью, на которую могут обменять себя деньги как потенциальный капитал, может быть только такая потребительная стоимость, из которой возникает, себя производит и себя умножает сама меновая стоимость. А такой потребительной стоимостью является только труд.*

Меновая стоимость может реализовать себя как таковую, только противопоставляя себя потребительной стоимости, но не той или иной потребительной стоимости, а потребительной стоимости, соотнесенной с ней самой. Этой потребительной стоимостью является труд. Рабочая сила сама является такой потребительной стоимостью, потребление которой совпадает непосредственно с опредмечиванием [овеществлением] труда, т. е. с созиданием меновой стоимости. Для денег как капитала рабочая сила является той непосредственной потребительной стоимостью, на которую они должны себя обменять. При простом обращении содержание потребительной стоимости было безразличным, [B″—18] выпадало из экономического определения формы. Здесь оно является существенным экономическим моментом самого определения формы. Ибо меновая стоимость определена как прочно обособившаяся в обмене прежде всего только благодаря тому, что она обменивается с такой потребительной стоимостью, которая ей противостоит по своему собственному определению формы.

Условием превращения денег в капитал является то, что *собственник* денег может обменять деньги на чужую рабочую силу как на товар. Другими словами, что внутри обращения рабочая сила предлагается как товар для продажи, поскольку внутри простого обращения обменивающиеся индивиды противостоят друг другу только как покупатели и продавцы. Условие, стало быть, состоит в том, что рабочий предлагает для продажи свою рабочую силу как предназначенный для использования товар и, следовательно, является свободным рабочим. Условием является, что рабочий, во-первых, распоряжается своей рабочей силой как свободный собственник, относится к ней как к товару; для этого он должен быть свободным собственником своей рабочей силы. А во-вторых, что он свой труд должен обменивать уже не в форме другого товара, опредмеченного [овеществленного] труда, а так, что единственным товаром, который он может предложить, которым он распола-

гает для продажи, является именно его живая, содержащаяся в живой телесности его личности рабочая сила и что, следовательно, условия опредмечивания [овеществления] его труда, предметные условия его труда существуют на другой стороне обращения как чужая собственность, как находящиеся вне его самого товары.

То, что владелец денег — или деньги, поскольку их владелец представляет собой для нас в само̀м экономическом процессе пока только их персонификацию — *находит* рабочую силу на рынке, в пределах обращения, как товар, эта предпосылка, из которой здесь исходим мы и из которой исходит в своем процессе производства буржуазное общество, является, очевидно, результатом долгого исторического развития, итогом многих экономических переворотов и предполагает гибель других способов производства (других общественных производственных отношений) и определенное развитие производительных сил общественного труда. При дальнейшем рассмотрении этого отношения определенный прошедший исторический процесс, содержащийся в этой предпосылке, будет сформулирован еще определеннее. Но эта историческая ступень развития экономического производства — продуктом которого является уже сам *свободный рабочий* — представляет собой предпосылку для становления и еще в большей степени для существования капитала как такового. Его существование есть результат длительного исторического процесса в экономическом формировании общества.

В этом пункте обнаруживается с полной определенностью, что диалектическая форма изложения верна только в том случае, если она знает свои границы. Из рассмотрения простого обращения *для нас* раскрывается общее понятие капитала, так как в рамках буржуазного способа производства простое обращение само существует только как предпосланное капиталом и его предпосылающее. Раскрытие общего понятия капитала не делает капитал воплощением какой-то вечной идеи, а показывает, как он в реальной действительности, всего лишь в качестве *необходимой* формы, еще только [B″—19] должен влиться в созидающий меновую стоимость труд, в покоящееся на меновой стоимости производство.

Существенно важно зафиксировать внимание на том моменте, что отношение, имеющее здесь место как простое отношение обращения (сначала еще ему полностью принадлежащее и выходящее за пределы простого обращения только в силу специфической потребительной стоимости вымениваемого товара), представляет собой лишь отношение денег и товара, эквивалентов

в форме обоих противоположных полюсов, как они выступают в простом обращении, внутри обращения, и что обмен между капиталом и трудом, в том виде, в каком этот обмен сам существует как простое отношение обращения, есть не обмен между деньгами и трудом, а обмен между *деньгами* и *живой рабочей силой*.

Как потребительная стоимость рабочая сила реализуется только в деятельности самого труда, но совершенно таким же образом, как это происходит при покупке бутылки вина, потребительная стоимость которого реализуется только тогда, когда его пьют. Сам труд точно так же не входит в процесс простого обращения, как в него не входит и процесс питья. Вино как потенция, δυνάμει *, есть нечто, годное для питья, а покупка вина — присвоение того, что может быть выпито. Так и покупка рабочей силы представляет собой присвоение способности распоряжаться трудом.

Так как рабочая сила существует в живом организме самого субъекта и обнаруживает себя только как его собственное проявление жизни, то покупка рабочей силы, присвоение права на ее использование, ставит, естественно, покупателя и продавца во время акта использования рабочей силы в иное отношение друг к другу, чем имеющее место при покупке овеществленного труда, существующего как предмет вне производителя. Это обстоятельство не наносит ущерба простому отношению обмена. Только специфическая природа потребительной стоимости, покупаемой здесь за деньги, — а именно то, что ее потребление является потреблением рабочей силы, производством, овеществляющимся рабочим временем, потреблением, созидающим меновую стоимость; то, что ее действительным существованием в качестве потребительной стоимости является созидание меновой стоимости, — превращает обмен между деньгами и трудом в специфическую форму обмена *Д — Т — Д*, в которой как цель обмена положена сама меновая стоимость, а *купленная потребительная стоимость непосредственно является потребительной стоимостью для меновой стоимости, т. е. потребительной стоимостью, созидающей стоимость*.

Безразлично, рассматриваются ли здесь деньги как простое средство обращения (покупательное средство) или как средство платежа. Поскольку человек, продающий мне, например, 12-часовую потребительную стоимость своей рабочей силы, свою рабочую силу на срок в 12 часов, на самом деле продаст мне ее только тогда, когда он, если я на этом настою, отработает

* — в возможности. *Ред.*

12 часов, т. е. только по истечении 12 часов поставит мне свою рабочую силу, проданную на срок в 12 часов, — постольку в природе этого отношения заложено, что деньги здесь выступают как средство платежа; купля и продажа не реализуются сразу, одновременно обеими сторонами. Важно здесь только то, *что средство платежа является всеобщим средством платежа, деньгами,* и что рабочий поэтому не вступает с покупателем — в результате какого-нибудь особого первобытного способа платежа — в иные отношения, чем отношения обращения. Он превращает свою рабочую силу непосредственно во всеобщий эквивалент и в качестве его владельца поддерживает то же самое соотношение — в масштабе его стоимостной величины — одинаковое соотношение во всеобщем обращении, как и всякий другой; точно так же и целью его продажи является всеобщее богатство, богатство в его всеобщей общественной форме и как возможность удовлетворения всех потребностей *. [B″—19]

* Здесь рукопись обрывается. На следующей странице написан только заголовок: «*Производительный и непроизводительный труд*» Последние страницы этой тетради занимают «Рефераты к моим собственным тетрадям». *Ред.*

[ДОБАВОЧНЫЕ ЗАМЕТКИ] [125]

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО ЗОЛОТА

«Золото — это пылающий огонь,
ибо оно сверкает в ночи,
выделяясь по преимуществу
среди надменного богатства» (Пиндар) [126]

* * *

НЕИЗМЕННАЯ СТОИМОСТЬ ДЕНЕГ

«Как средство платежа деньги — деньги сами по себе — должны представлять стоимость как таковую; на самом деле, однако, они являются лишь идентичным количеством [некоторого однородного вещества], стоимость которого изменяется» [127].

* * *

ДЕНЬГИ КАК ДЕНЬГИ (МИРОВАЯ МОНЕТА И Т. Д.)

Деньги, это — отрицание средства обращения как такового, монеты. Но вместе с тем они содержат ее как свое определение: *отрицательно,* поскольку они всегда могут быть снова превращены в монету; *положительно* — как мировая монета; но в качестве последней они безразличны к определению формы и по существу они — товар как таковой, вездесущий товар, не зависящий от своего местонахождения. Это безразличие выражается прежде всего в том, что деньги теперь являются деньгами только как золото и серебро, а не как знак, не в форме монеты. Поэтому стоимость имеет не отделка, которую государство при-

дает деньгам в монете, а только ее металлическое содержание. Для золота и серебра, как такого *всеобщего товара*, как мировой монеты, возвращение к исходному пункту, вообще движение обращения как таковое не обязательно. *Пример:* Азия и Европа. Отсюда жалобы приверженцев меркантилистской системы на то, что у язычников деньги исчезают, не притекают обратно *. (То, что сама мировая монета, по мере развития самого̀ мирового рынка, поступает в обращение и кругооборот, нас здесь пока еще не касается.)

Деньги представляют собой отрицание самих себя как всего лишь реализации цен товаров, при которой существенно важным всегда остается особенный товар. Наоборот, деньги становятся ценой, реализованной в самой себе, и в качестве таковой также материальным представителем всеобщего богатства.

Деньги подвергнуты отрицанию и в том определении, в котором они — лишь мера меновых стоимостей. Ибо они сами — адекватная действительность меновой стоимости, и они являются таковой в своем металлическом бытии. Определение меры должно быть здесь положено в них самих. Деньги оказываются своей собственной единицей, и мерой их стоимости, мерой денег как богатства, как меновой стоимости, является то количество их самих, которое они представляют, та или другая численность их собственной единицы-меры. Для денег как меры численность их была безразлична; для денег как средства обращения безразлична была их материальность, материя денежной единицы; для денег в этом третьем определении существенна численность их самих как определенной материальной массы (например, количество фунтов). Если иметь в виду деньги в качестве всеобщего богатства, то в них уже нет никакого различия, кроме количественного. Деньги представляют большее или меньшее количество всеобщего богатства, в зависимости от того, находится ли в руках того или другого человека бо̀льшая или меньшая численность определенной единицы-меры их самих. Если деньги — всеобщее богатство, то человек тем богаче, чем больше у него денег, и единственно правильный процесс есть *накопление* денег. По своему понятию деньги вышли из обращения. Теперь это изъятие денег из обращения, *накопление* их, выступает как существенный объект жажды обогащения и как существенный процесс обогащения. В золоте и серебре я обладаю всеобщим богатством в его чистой форме; чем больше золота и серебра я накопляю, тем больше присваиваю себе всеобщего богатства. Если золото и серебро — всеобщее богатство,

* См. настоящий том, часть I, стр. 174, и часть II, стр. 429—430. *Ред.*

то, как определенные количества, они представляют его лишь в определенной степени, т. е. неадекватно. Взятые в целом, они должны постоянно стремиться выйти за пределы самих себя. Это накопление золота и серебра, которое выступает как повторяющееся изъятие их из обращения, есть вместе с тем оберегание всеобщего богатства от обращения, в процессе которого оно постоянно теряется, обмениваясь на какое-нибудь особенное богатство, исчезающее в конце концов в потреблении.

* * *

«У [греческих] трагиков противопоставляются δίκη [справедливость] и κέρδος [корысть]» [128].

* * *

ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ

Собственность на чужой труд опосредствована собственностью на собственный труд.

РЕФЕРАТЫ
К МОИМ СОБСТВЕННЫМ ТЕТРАДЯМ [129]

Написано примерно в феврале 1859 г.

Впервые опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1941 г. в книге: K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Anhang

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[B″ — 28] *Тетрадь С* [130], стр. 37—39. *Аристотель. Т — Д — Т; Д — Т — Д.*

Тетрадь А [131] (стр. 22, 23, 24) (*мировой рынок* и т. д.). Общественные отношения. Личные (там же) (23, 24). (См. там же кое-что о буржуазной независимости и т. д.) (идеи).

Тетрадь В′: Проявление закона присвоения в простом обращении. Почему собственность на собственный труд и отчуждение [Veräußrung] собственного труда, т. е. *собственный труд,* выступают как основа собственности? (стр. 17) (18). Противоречия при этом (18). Царство буржуазной свободы и буржуазного равенства (18 и сл.). *Первый закон:* Присвоение через собственный труд. *Второй закон:* Отчуждение, или превращение продукта в общественную форму (там же). Разделение труда (там же) (19). Английский фермер и французский крестьянин (там же). (Разделение труда. Особенные виды полезного труда и т. д.) (20, 21) (Разделение труда как осуществление свободы и естественной индивидуальности. Там же.) Свобода личности (21) (равенство) там же (21 внизу). Продолжение:

Тетрадь В″ (эта тетрадь): (См. *деньги* там же, 1а [132]) (связанное с ними равенство). *Равенство* (1, 2) (Собственность. Свобода. Равенство). *Проповедники гармонии* (3). Простое обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения (4). Исторический переход от обращения к капиталу (5). *(Обращение)* (6, 7). Деньги как собственно продукт

обращения (7) (8) (9) (*результат,* деньги, обращение). Меновая стоимость как процесс (10) (11). Деньги — капитал (12) (13).

Тетрадь M. Самостоятельные индивиды. Идеи XVIII века (1). Увековечение исторических производственных отношений (2, 3). Производство и распределение вообще (3, 4). Собственность (4). Производство. Распределение. Потребление. Обмен (5, 6, 7, 8, 9, 9'). Распределение и производство (9', 10, 11, 12). Обмен и производство (13).

Тетрадь B''_{II} [133]. *Превращение денег в капитал* (16—19) (выведение этого превращения из отношения самостоятельно обособившейся меновой стоимости к потребительной стоимости). (Деньги как *средство платежа* по отношению к рабочему, 19.)

Тетрадь II. Простой обмен. *Отношения обменивающихся.* Гармонии равенства, свободы и т. д. (7—9, 10). (Бастиа, Прудон) (11—12).

Капитал. *Сумма стоимостей* (12). Земельная собственность и капитал (13). Капитал происходит из обращения. Содержанием служит меновая стоимость. Торговый капитал. Денежный капитал и денежный процент (13). Обращение предполагает другой процесс. Движение между заранее данными противоположными друг другу моментами (14). Переход от обращения к капиталистическому производству (14, 15). Капитал как овеществленный труд и т. д. (15). Сумма стоимостей, употребляемая для производства стоимостей (15, 16). Обращение и т. д. — предпосылка капитала (16). *Сэй. Сисмонди* (17). Продукт и капитал. Стоимость и капитал. Прудон (18). Капитал и труд. Меновая стоимость и потребительная стоимость для меновой стоимости (19). Деньги и их потребительная стоимость (труд) в рамках этого отношения — капитал. Самоумножение стоимости — ее единственное движение (20). Фраза о том, что ни один капиталист не станет применять свой капитал, не извлекая из этого прибыли (21). Капитал с вещественной стороны — овеществленный труд. Его противоположность — живой производительный (т. е. сохраняющий и увеличивающий стоимость) труд (21). Производительный труд и труд как услуга (21). Производительный и непроизводительный труд. А. Смит и др. (21). Вор по Лодерделю и производительный труд (21, 22). Два различных процесса в обмене между капиталом и трудом (22) (здесь само то, что обменивается на капитал, входит вместе со своей потребительной стоимостью в экономическую определенность формы и т. д. Там же). Капитал и современная земельная собственность (23). Уэйкфилд (24). Обмен между капиталом

и трудом. Поштучная заработная плата (25). Стоимость рабочей силы (25, 26). Участие наемного рабочего во всеобщем богатстве определяется лишь количественно (26). Получаемый рабочим эквивалент — деньги. Следовательно, он выступает как [B″ — 29] равный по отношению к капиталисту (26). Однако цель его обмена — удовлетворение своей потребности. Деньги для него — только *средство обращения* (26). Бережливость, воздержание как средство обогащения для рабочего (26, 27) (28). Отсутствие стоимости у рабочего, лишение его стоимости — условие существования капитала (28). Капитал противостоит рабочему только как власть вещей. Не носит личного характера (29 [134]). Отличие от оказания услуг (29). Цель рабочего в обмене с капиталом — потребление. Рабочий всегда должен начинать сызнова. *Труд* как *капитал рабочего* (29) и

Тетрадь III (продолжение)

(стр. 8) (рабочая сила как *капитал!*). Заработная плата непроизводительна (там же). Обмен между капиталом и трудом принадлежит к простому обращению, рабочего не обогащает (9). Отделение собственности от труда — предпосылка этого обмена (там же). Труд в качестве предмета — абсолютная бедность, в качестве субъекта — всеобщая возможность богатства (9). Труд противостоит капиталу без какой-либо *особенной* определенности (9, 10). Процесс труда, включенный в капитал (10) (11) (12, 13). (Капитал и капиталист, 13.)

Процесс производства как содержание капитала (13, внизу).

Производительный и непроизводительный труд (14). (Производительный труд — это труд, производящий капитал.)

Рабочий относится к своему труду как к меновой стоимости, капиталист к труду рабочего — как к потребительной стоимости и т. д. (14, 15). Рабочий отчуждает от себя труд как производящую богатство силу (15) (капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу. Там же). Превращение труда в капитал и т. д. Сисмонди. Шербюлье. Сэй. Рикардо. Прудон и т. д. (15, 16).

Процесс увеличения стоимости (17) (18) (издержки производства, 19). (Прибавочная стоимость не может быть объяснена обменом. *Рамсей. Рикардо.*) Капиталист не может жить на свою *заработную плату* и т. д. (19: faux frais de production *). Простое самосохранение, не-умножение стоимости противоречит сущности капитала (19, 20). Капитал входит в издержки производства как капитал. Приносящий проценты капитал.

* — непроизводительные издержки производства. *Ред.*

Прудон (20). Прибавочная стоимость. Прибавочное рабочее время (21) (22). Бастиа о системе наемного труда (22). Стоимость труда. Как она определяется (22). Самовозрастание стоимости есть самосохранение капитала. Капиталист не может жить только своим трудом, и т. д. Условия для самовозрастания стоимости капитала. Прибавочное рабочее время и т. д. (22, 23). В какой мере капитал производителен (как создатель прибавочного труда и т. д.) (стр. 23). Это лишь исторически-преходяще (там же). Свободные негры на Ямайке. Самостоятельно обособившееся богатство требует рабского или наемного труда (в обоих случаях принудительного труда) (23).

Прибавочная стоимость. Рикардо (24). Физиократы (24). А. Смит (25, 26). Рикардо (26) (27).

Прибавочная стоимость и производительная сила. Соотношение между ними при их увеличении (26—28) (29—30). Результат (30, 31). Производительная сила труда есть производительная сила капитала (31). Чем больше уже сократился необходимый труд рабочих, тем труднее становится дальнейшее увеличение стоимости капитала (30, 31). О возрастании стоимости капитала (32—38).

Труд не *воспроизводит* стоимость материала, который он перерабатывает, и орудий, которыми он пользуется. Он *сохраняет* их стоимость просто в результате того, что в процессе труда относится к ним как к своим предметным условиям. Эта живительная и сохраняющая сила не стоит капиталу *ничего;* выступает, напротив, как его собственная сила и т. д. (стр. 38—40).

Абсолютное прибавочное время. Относительное (40). Не *количество* живого труда, а его *качество* как труда одновременно сохраняет уже содержащееся в материале и т. д. рабочее время (40). Изменение формы и вещества в непосредственном процессе производства, 40, 41. Простому процессу производства присуще то, что предыдущая ступень производства сохраняется посредством последующей и т. д. (41). Сохранение старой потребительной стоимости посредством нового труда и т. д. (41).

[B″—30] Процесс производства и процесс увеличения стоимости. *Количество* овеществленного труда сохраняется тем, что его *качество* как потребительных стоимостей для нового труда сохраняется благодаря контакту с живым трудом (41, 42). В действительном процессе производства отделение труда от предметных моментов его существования снято. Однако в этом процессе труд уже включен в капитал и т. д. Выступает как сила самосохранения капитала. Увековечение стоимости (42). Капиталист получает бесплатно прибавочный труд и сохранение

стоимости материала и орудий (42) (43). Тру́д, присоединяя новую стоимость к старой, одновременно сохраняет, увековечивает последнюю (43). *Сохранение* стоимостей в продукте не сто́ит капиталу ничего (43).

Благодаря присвоению труда, совершающегося сейчас, капиталист уже имеет чек на будущий труд и соответственно на его присвоение (43).

Бастиа и Кэри (1—4). Бастиа о заработной плате (5—7).

Тетрадь IV. Смешение прибыли и прибавочной стоимости. Ошибочный расчет Кэри (1).

Капиталист, который рабочему *не платит* за *сохранение* старой стоимости, требует еще вознаграждения за то, что он разрешает рабочему сохранять старый капитал (2). Прибавочная стоимость и прибыль и т. д. (2, 3).

Различие в потреблении орудий и заработной платы. Первые потребляются в процессе производства, вторая — вне его (3).

Увеличение прибавочной стоимости и уменьшение нормы прибыли (4—7. См. в особенности *7* + *Бастиа* там же).

Увеличение числа одновременных рабочих дней и т. д. (7, 8) *(накопление капитала)*. Машины (9).

Рост постоянной части капитала по сравнению с расходуемой на заработную плату переменной частью равносилен росту производительности труда (9). Пропорция, в которой при увеличении производительности должен увеличиваться капитал, чтобы нанимать то же самое количество рабочих (9—12). Процентное отношение [прибавочной стоимости] к совокупному капиталу может выражать весьма различные соотношения (12, 13).

Капитал (как и собственность вообще) покоится на *производительности труда* (13, 14).

Увеличение прибавочного рабочего времени. Увеличение числа одновременных рабочих дней. *(Население.)* (14). Население может расти по мере того, как сокращается *необходимое рабочее время*, или по мере того, как относительно уменьшается время, необходимое для производства живой рабочей силы (14). Избыточный капитал и избыточное население (14, 15). Созидание свободного времени для общества (15).

Переход капитала из процесса производства в процесс обращения (15 и сл.). *Обесценение самого капитала в результате увеличения производительных сил* (15) (там же, 15—21) (Конкуренция, стр. 21.) (*Капитал* как единство и противоречие процесса производства и процесса увеличения стоимости) (22 и сл.).

Капитал как предел производства. Перепроизводство (22, 23) (спрос самих рабочих). 24. Границы капиталистического производства, 24, 25. Перепроизводство, 25—28. Прудон, 26, 27, 28. (Как это возможно, что рабочий в цене покупаемого им товара оплачивает прибыль и т. д. и тем не менее получает свою необходимую заработную плату) 29. Цена товара и рабочее время. Прибавочный труд и т. д., 28—31 (*цена* и стоимость и т. д.). Капиталист не продает *слишком дорого;* но уж, конечно, дороже того, во что ему обходится вещь (30, 31).

Цена *(единицы товара)* (31). Бастиа. Снижение цены единицы товара (31). Цена может упасть ниже стоимости без убытка для капитала (31, 32). Количество и единица (мера) важны при определении цены путем умножения [цены единицы продукта на количество этих единиц] (32).

Специфическое накопление капитала (превращение прибавочного труда (дохода) в капитал) (32). Прудон. Определение стоимости и цены. У древних (при рабстве) — не перепроизводство, а перепотребление (32).

Общая норма прибыли (33).

Если капиталист при продаже продукта только покрывает *свои* издержки производства, то это является *перемещением* [прибавочной стоимости] к другому капиталисту. Рабочий при этом почти ничего не выигрывает (34—36, особенно *36*).

[В″—31] Предел капиталистического производства — отношение прибавочного труда к необходимому. Пропорция между прибавочным продуктом, потребляемым капиталом, и прибавочным продуктом, превращаемым в капитал (38, 39).

Обесценение [капитала] при кризисах (39, 40). Капитал, выходя из процесса производства, снова становится деньгами (40, 41).

Прибавочный труд, или прибавочная стоимость, становится *добавочным капиталом.* Все условия капиталистического производства выступают теперь как результат самого́ (наемного) труда (42, 43). Процесс претворения труда в действительность является вместе с тем процессом лишения его действительности (43) (44).

Образование добавочного капитала I (44, 45). Добавочный капитал II (45). Переворот в праве присвоения (45).

Главный результат процесса производства и процесса увеличения стоимости: воспроизводство и новое производство самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим (45, 46).

Первоначальное накопление капитала, 45, 46 (действительное накопление, там же).

Однажды исторически развившийся капитал сам создает условия своего существования (46) (не как условия его возникновения, а как результаты его бытия) (46).

Первоначальное накопление (47, 48). Личные услуги (48, 49) (в противоположность *наемному труду*) (то же самое 50).

{Переворот в законе присвоения, 50. Для рабочего его продукт действительно является чем-то чужим. Разделение труда. Машины и т. д., 50.}

Формы, предшествующие капиталистическому производству (50, 51) (52) (53). *Продолжение:*

Тетрадь V. Продолжение о процессе, предшествующем образованию капиталистического отношения или первоначальному накоплению (стр. 1—15). Обмен труда на труд основывается на отсутствии собственности у работника (16).

Обращение капитала и обращение денег (16) (17).

Предполагание стоимости внутри каждого отдельного капитала (орудие и т. д.) (стр. 17).

Процесс производства и процесс обращения — моменты обращения (17). Производительность *различных* капиталов (в различных отраслях производства) обусловливает производительность отдельного капитала (17).

Время обращения. Скорость оборота заменяет массу капитала (17, 18). Зависимость капиталов друг от друга в отношении скорости их оборота (18). Обращение — момент производства. Процесс производства и его длительность. Превращение продукта в деньги. Длительность этой операции. Обратное превращение денег в условия производства. Обмен части капитала с живым трудом (18, 19). Транспортные издержки (19) (20).

Издержки обращения (20). Средства транспорта и связи (20) (21). {(Разделение отраслей труда, 21, 22). Как шелковая промышленность становится необходимой для земледелия (22).} 22 {*Объединение* многих рабочих. Производительная сила этого объединения (23). *Массовый* совместный труд. Там же, 23.} 23, 24 (Весь пример с дорогами, каналами, ирригационными сооружениями и т. д. может быть опять использован как пример в том случае, когда они становятся предметом капиталистического производства, а не осуществляемых государством общественных работ, как это было в прошлом. *Только превращение* формы. *Всеобщие условия производства в их отличии от особенных условий производства.*) (24) (25).

Доставка на рынок (пространственное условие обращения) входит в процесс производства (25). Временной момент

обращения — кредит (25, 26). Капитал — это оборотный капитал (26). Денежное обращение — всего лишь видимость (там же).

Сисмонди. Шербюлье (капитал. Его различные составные части) (26).

Влияние обращения на определение стоимости (26, 27). Время обращения равносильно времени обесценения стоимости (27).

[B″—32] Отличие капиталистического способа производства от всех прежних способов производства (универсальность и т. д.) (27, 28). Пропагандистская природа капитала (29).

Сокращение времени обращения (28, 29) (кредит). Шторх (29).

То, что капиталист авансирует, это — труд (Мальтус) (29). Границы капиталистического производства. Томпсон (29).

Обращение и созидание стоимости (29) (30) (выравнивание условий обращения для различных капиталов) 31. Капитал — не источник созидания стоимости (31). Издержки обращения (31).

Непрерывность производства предполагает время обращения снятым (31) (32).

Рамсей. Время обращения. Делает отсюда вывод, что капитал есть собственный источник прибыли (32).

Рамсей. Путаница о прибавочной стоимости, прибыли и законе стоимости (32) (согласно закону Рикардо не было бы, дескать, никакой прибавочной стоимости. Там же).

Рикардо (32, 33). Конкуренция (33). Де Квинси (там же).

Тетрадь VI. Теория стоимости Рикардо. Заработная плата и прибыль. *Де Квинси* (1). *Рикардо* (1—2). *Уэйкфилд*. Условия капиталистического производства в колониях (2) (упоминаемое им постоянство труда следует упомянуть как момент при рассмотрении процесса производства).

Прибавочная стоимость и прибыль. *Пример* (Мальтус) (3). Прибыль и прибавочная стоимость. Мальтус (3, 4).

Мальтус (4, 5) (*ср. это сразу же* в начале, где речь идет о *продаже рабочей силы*, или обмене труда с капиталом) (5) (6). Различие между трудом и рабочей силой (7). Странное утверждение [Мальтуса], будто привхождение капитала ничего не изменяет в оплате труда (7).

Теория Кэри об удешевлении капитала для рабочего (7, 8) (*тот же Кэри*. Уменьшение нормы прибыли, 8).

Уэйкфилд о противоречии между рикардовской теорией наемного труда и рикардовской теорией стоимости (8).

Бездействующий капитал. Рост производства без предшествующего возрастания капитала. Бейли (8, 9).

Трактовка капитала у *Уэйда*. Труд — всего лишь агент капитала. *Капитал — общественная сила*. Цивилизация и мои замечания об этом (9). Все общественные силы труда — как силы капитала. Мануфактура. Промышленность. *Разделение труда* (9). Формальное объединение различных отраслей труда и т. д. капиталом (9, 10). Накопление капитала (11).

Превращение денег в капитал (10). Наука (11). Первоначальное накопление и концентрация — одно и то же (11). Добровольное и принудительное объединение. Отличие капитала от прежних форм. Росси (11).

Росси. Что такое капитал? Является ли сырой материал капиталом? (11). Необходима ли тут заработная плата? (11, 12) (является ли фонд жизненных средств капиталом? Там же).

Мальтус. Теория стоимости и заработной платы (12, 13). Капитал имеет дело с пропорцией, труд — только с порцией. Там же, 12. См. там же мои замечания о *прибавочной стоимости* и *прибыли*. Теория *Рикардо*. Там же (12, 13. Кэри contra * Рикардо). Мальтус: заработная плата не имеет ничего общего с пропорцией (13). Мальтусовская теория стоимости (13).

Цель капиталистического производства — стоимость (деньги), а не товар, не потребительная стоимость и т. д. *Чалмерс* (14).

Экономический цикл. Процесс обращения. *Чалмерс* (14).

Различие в обороте [капитала]. Прерывание процесса производства (или, вернее, несовпадение его с процессом труда) (14). Общая продолжительность процесса производства (14) (земледелие. Годскин, 15). *Неравные периоды производства* (14, 15).

[B″—33] *В понятии свободного рабочего заложен паупер* (15). Население и перенаселение и т. д. (15) (16).

Необходимый труд. Прибавочный труд. Избыточное население. Избыточный капитал (16) (17).

А. Смит. Труд как жертва (теория Сениора о жертве со стороны капиталиста) (17) (18) (прудоновский излишек, 17).

А. Смит. Возникновение прибыли. Первоначальное накопление (18).

Уэйкфилд. Рабский и свободный труд (18).

Аткинсон. Прибыль (18).

Возникновение *прибыли*. *Мак-Куллох* (18, 19).

Прибавочный труд. Прибыль. Заработная плата. Экономисты. Рамсей. Уэйд (19).

Скованный капитал. Возвращение капитала. Закрепленный капитал. *Джон Ст. Милль* (19).

---

* — против. *Ред.*

Оборот капитала (20). Процесс обращения. Процесс производства. Оборот. Капитал есть оборачивающийся капитал. Точно так же он есть фиксированный капитал (20, 21). Издержки обращения (21) (22). Время обращения (22). Время обращения и рабочее время (22, 23) {(Свободное время капиталиста, 23).} 24 {Транспортные издержки и т. д., 25}. Обращение. *Шторх* (25). Метаморфоз капитала и метаморфоз товара (25). Смена форм и обмен веществ капитала. Различные формы капитала (26). Обороты в течение данного периода (26). Оборотный капитал как общая характеристика капитала (26). *Год* — мера оборотов оборотного капитала. *День* — мера рабочего времени (26, 27). {*Излишек. Прудон. Бастиа* (27).} *Фиксированный* (закрепленный) *капитал* и капитал оборотный. Милль. Андерсон. Сэй. Де Квинси. Рамсей (27).

См. затруднение с процентами на проценты и т. д. (28). Создание рынков торговлей (28). *Основной и оборотный капитал. Рикардо* (28). Необходимость быстрого или менее быстрого воспроизводства (28, 29). *Сисмонди* (29). Шербюлье. Шторх (29).

Деньги и капитал. Вечность стоимости (28).

Аванс капиталиста рабочему (29).

Постоянный и переменный капитал (29). *Конкуренция* (29, 30) (32 *внизу*).

Прибавочная стоимость. Время производства. Время обращения. *Время оборота* (31, 32) (33). Часть капитала попеременно находится в фазе производства, часть — в фазе обращения (33).

Время обращения (34). Прибавочная стоимость и фаза производства. Число актов воспроизводства капитала равно числу его оборотов. Совокупная прибавочная стоимость и т. д. (34) (35).

В обращении капитала — смена форм и обмен веществ (36). *Т — Д — Т; Д — Т — Д* (там же).

Различие между временем производства и рабочим временем (36). *Шторх.* Деньги. Торговое сословие. Кредит. Обращение (37).

Малое обращение. Процесс обмена между капиталом и рабочей силой вообще (37) (38). *Капитал и воспроизводство рабочей силы* (38).

Трoякое определение, или трoякий способ, обращения (39). Капитал основной и капитал оборотный (39, 40). *Время оборота* совокупного капитала, разделившегося на оборотный и основной капитал (40). Средний оборот такого капитала (40) (41). Влияние основного капитала на совокупное время оборота капитала (там же).

Обращающийся основной капитал. *Сэй. Смит. Лодердель* (42). Лодердель о происхождении *прибыли*, 43.

Процесс труда (43).

Основной капитал. Средство труда. *Машина* (43).

[B″—34] *Тетрадь VII.*

Основной капитал. Превращение сил труда в силы капитала, как в капитале основном, так и в оборотном (1). *В какой мере основной капитал (машина)* создает *стоимость* (1). *Лодердель* (там же, 1, 2). Машина предполагает наличие массы рабочих (1, 2).

Основной капитал и оборотный капитал как два особых вида капитала (2). Основной капитал и непрерывность процесса производства (2). Машины и живой труд (2) (изобретательство). Противоречие между основой буржуазного производства *(мерой стоимости)* и самим его развитием. Машины и т. д. (3).

Значение развития основного капитала (3) (для развития капитала вообще). Соотношение, в котором создаются основной и оборотный капитал (3).

Свободное время. Его созидание — главное назначение капитала. Антагонистическая форма его в капитале (3, 4).

Производительность труда и производство основного капитала («The Source and Remedy»[135]) (4).

Использование и потребление. «*The Economist*». *Долговечность* основного капитала (4).

Действительная бережливость (экономия), это — сбережение рабочего времени, а значит — развитие производительной силы. Уничтожение противоположности между свободным временем и рабочим временем (5).

Правильное понимание общественного процесса производства (5).

Исторический взгляд *Оуэна* на промышленное *(капиталистическое)* производство (5) (6).

Капитал и стоимость природных факторов (6).

Размеры основного капитала показывают уровень развития капиталистического производства (6).

Определение сырого материала, продукта, орудия производства, потребления (6).

Являются ли деньги основным капиталом или оборотным капиталом? (6).

Основной капитал и оборотный капитал в их отношении к индивидуальному потреблению (6, 7).

Время оборота капитала, состоящего из основного капитала и капитала оборотного. Время воспроизводства основного капитала. Для оборотного капитала необходимо только, чтобы перерыв не был так велик, чтобы уничтожалась его потребительная стоимость. Для основного капитала непрерывность производства абсолютно необходима и т. д. (7).

Единица времени для труда — день, для оборотного капитала — год. Более длительный общий период становится единицей вместе с привхождением основного капитала (7). Промышленный цикл (7).

Обращение основного капитала (8).

Так называемый риск (8). Утверждение, что все части капитала в одинаковой мере приносят прибыль, — неверно. *Рикардо* и т. д. (8).

Один и тот же товар — то основной капитал, то оборотный капитал (8, 9).

Продажа капитала как капитала (9).

Основной капитал, входящий в обращение как потребительная стоимость (9).

Каждый момент, представляющий предпосылку производства, вместе с тем есть его результат. Воспроизводство собственных условий производства. Воспроизводство капитала как основного капитала и оборотного капитала (9, 10).

Основной капитал и оборотный капитал. «*The Economist*». *Смит.* Эквивалент оборотного капитала должен быть произведен в течение года. Не так обстоит дело с основным капиталом. Последний делает необходимым производство следующих лет (10, 11).

Расходы по содержанию [основного капитала] (11).

Доход от основного капитала и оборотного капитала (12).

Свободный труд — это скрытый пауперизм. Иден (12, 13).

Чем меньше стоимость основного капитала по отношению к его продукту, тем более этот капитал соответствует своему назначению (13).

[Капитал] подвижный и неподвижный, основной и оборотный (14).

Связь обращения и воспроизводства (14, 15). Необходимость воспроизводства потребительной стоимости в течение *определенного* времени (15).

Капитал как приносящий плоды. Превращение прибавочной стоимости в прибыль (15). Норма прибыли (15). Падение нормы прибыли (15) (16). Норма прибыли. Сумма прибыли (16) (17). Аткинсон. А. Смит. Рамсей. Рикардо (17). Прибавочная стоимость *как прибыль* всегда выражает меньшую пропорцию (17, 18). Уэйкфилд (18). Кэри. Бастиа (18) (19). Капитал и доход (прибыль). Производство и распределение. Сисмонди (19). Издержки производства с точки зрения капитала. Прибыль с точки зрения капитала (20). Неравенство прибылей. Выравнивание и общая норма прибыли (20). Превращение прибавочной стоимости в прибыль (20). Законы (20, 21).

[B″—35] *Прибавочная стоимость* есть отношение прибавочного труда к необходимому труду (21).

Стоимость основного капитала и его *производительная сила.* Долговечность основного капитала и его производительная сила (21, 22). Общественные силы, разделение труда и т. д., капиталу ничего не *стóят* (21). Отличие от них машины (21, 22). *См. 22* также об *экономии* в применении машин.

Прибыль и прибавочная стоимость (22).

Машины и прибавочный труд. Резюме учения о прибавочной стоимости вообще (22, 23).

Соотношение объективных условий производства. Изменение в соотношении составных частей капитала (23) (24) (25).

Деньги и основной капитал: предполагают определенное количество богатства *(«The Economist»)* (25). Соотношение основного капитала и оборотного капитала. Владелец хлопкопрядильной фабрики («*The Economist*») (25).

Рабство и наемный труд. Стюарт (25, 26). *Прибыль от отчуждения.* Стюарт (26).

Шерстяная промышленность в Англии со времени Елизаветы *(Такет).* Шелковая промышленность (он же) (27, 28). Он же о выплавке железа. О хлопкопрядении (28).

Возникновение свободного наемного труда. Бродяжничество. *Такет* (28).

Блейк о накоплении и норме прибыли (28, 29). (Показывает, что цены и т. д. не безразличны, так как класс чистых потребителей только потребляет, но ничего не воспроизводит.) *Бездействующий капитал,* там же (28).

Потребительское земледелие в начале XVI века *(Такет)* (29).

Прибыль. Процент. Влияние машин на рабочий фонд. «The Westminster Review» (29).

Капитал, а не труд, определяет стоимость товаров. *Торренс* (38, 39).

Минимум заработной платы (39).

Машины и рабочие в хлопчатобумажном производстве в 1826 году. *Годскин* (39).

Как машины создают сырой материал. Льняная промышленность. Очёсочная пряжа. «*The Economist*» (39).

Машины и прибавочный труд (39, 40).

Капитал и прибыль. «Стоимость образует продукт» (40) (41). *Отношение рабочего* к *условиям труда* при капиталистическом производстве (41).

Все части капитала приносят прибыль (41).

Соотношение основного и оборотного капитала на хлопчатобумажной фабрике. Прибавочный труд и прибыль у Сениора.

Тенденция к удлинению рабочего времени в результате применения машин (41, 42).

Влияние транспорта на обращение и т. д. (42). Транспорт все более упраздняет [необходимость] накопления запасов (42).

Абсолютный прибавочный труд и машины. Сениор (42).

Хлопчатобумажная фабрика в Англии. Рабочие. Пример к вопросу о машинах и прибавочном труде (42).

Пример из книги Саймонса. Глазго. Механизированная ткацкая фабрика и т. д. (43). (Эти примеры — для нормы прибыли.)

Различные способы, какими машины уменьшают необходимый труд. Гаскелл (43).

Труд — непосредственный рынок для капитала (44).

Отчуждение условий труда от труда с развитием капитала (44) *(извращение)*. Извращение лежит в основе капиталистического способа производства, а не только свойственного ему распределения (44).

Меривейл. В колониях [отсутствующая там] естественная зависимость рабочего должна заменяться *искусственными* ограничениями (44).

Как машина и т. д. сберегает материал. *Хлеб. Дюро де Ла Маль* (45).

Производительное потребление. Ньюмен (47). *Превращения капитала. Экономический цикл* (Ньюмен) (47).

Д-р Прайс. Врожденная сила капитала (47) (48).

Прудон. Капитал и простой обмен. Излишек (48).

Необходимость отсутствия собственности у рабочих. Таунсенд (48, 49). Галиани (49).

Бесконечное в процессе. *Галиани* (49).

[B″—36] *Авансы.* Шторх (50). *Теория сбережений.* Шторх (50).

Мак-Куллох. Избыток (50). Прибыль (там же). *Периодическое уничтожение капитала.* Фуллартон (50).

Арнд. Порожденный природой процент (51).

Процент и прибыль (51) *(Кэри)* (52). Ростовщичество под залог в Англии (52).

Как купец становится на место мастера (52).

Купеческое имущество (52) (53) (54).

Торговля при эквивалентах невозможна. *Опдайк* (55).

Капитал и проценты (55).

Две нации могут обмениваться согласно закону прибыли таким образом, что обе получают прибыль, но одна из них постоянно обделяется (59).

НАБРОСОК ПЛАНА ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»[136]

Написано примерно в феврале — марте 1859 г.

Впервые опубликовано ИМЛ на языке оригинала в 1941 г. в книге: K. Marx. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Anhang

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

I

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

1) *Превращение денег в капитал*

α) *Переход*

Если капитал обозначается как всего лишь сумма стоимостей, то этим ничего не выражено (II, 12). Накопление денег не есть капитализация (там же). II (13, 14, 15). VI, 23, 24. VI, 28 (внизу. Капитал и деньги).

Обращение и происходящая из обращения меновая стоимость — предпосылка капитала (II, 16) (17) (II, 18).

II, 19, 20 (капитал как меновая стоимость противостоит труду как потребительной стоимости).

II (21) (II, 22).

Сисмонди. VII, 19 (внизу).

Торговый капитал и капитал вообще. Купец и ремесленники. VII, 52 внизу. 53, 54, 55 (Опдайк).

β) *Обмен между капиталом и рабочей силой*

(II, 22) (II, 23) (II, 25, 26, 27, 28). VI, 13. II, 29. III, 8. III, 14. VI, 37, 38.

Повторение продажи со стороны рабочего (III, 8).

Заработная плата непроизводительна (III, 8).

Обращение рабочего по форме Т — Д — Т (III, 9).

Условием *этого обмена* является отсутствие собственности у рабочего (III, 9). V, 3, 4, 5, 6 внизу.

Капиталу противостоит *абстрактный* труд (III, 9) (10, 26).

Меновая стоимость труда (II, 14, 15) (III, 22, 27).

Потребление потребительной стоимости входит здесь в экономический процесс (III, 17). IV, 23, 24 (капитал, создающий наемный труд). IV, 48, 49, 50.

Историческое условие [возникновения] отношения наемного труда и капитала. V, 8. VII, 12, 13.

Рабочая сила (VI, 7).

Средняя заработная плата (VII, 39. При нашем рассмотрении [этого вопроса] необходимо *исходить из минимума*).

Учение Кэри о прибыли. VI, 7, 8.

Росси (VI, 11, 12. *Вещественные составные части капитала. Принадлежит ли заработная плата* к сущности капитала? VI, 38).

Условия обмена. Рабочий — это потенциальный паупер (VI, 15) (16).

Торренс. Капитал, а не труд, определяет стоимость товара (VII, 38, 39) (путаница у рикардианцев. Распределение прибавочной стоимости среди капиталистов).

γ) *Процесс труда*

(III, 10, 11, 12, 13).

Производительное потребление (VII, 47, вверху. *Ньюмен*).

δ) *Процесс увеличения стоимости*

III, 17, 18, 19, 20, 38, 39, 40, 41, 42, 43.

IV, 2 (IV, 7).

Общее понятие прибавочной стоимости (III, 21) (22) (23) (24) (25) (26) (27) (28, 29) (30) (IV, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7). IV, 13. VI, 10.

Увеличение производительной силы, количество и качество (IV, 4). VII, 20.

При данной *производительной силе* и данном *абсолютном рабочем времени* приходится увеличивать число одновременных рабочих дней (IV, 7, 8) (IV, 14).

Одновременные рабочие дни. Там же.

Население. IV, 14, 15.

Увеличение производительной силы идентично с ростом постоянной части капитала по сравнению с его переменной частью (IV, 9).

Как должен расти капитал, чтобы при увеличивающейся производительной силе применять то же число рабочих (IV, 9—12).

Свободное время (IV, 14).

Комбинирование труда. IV, 50.

Мак-Куллох (VII, 50).

2) Абсолютная прибавочная стоимость

(III, 23, 32, 33).

Абсолютное и необходимое рабочее время. V, 24. VI, 16, 17. (VI, 15, 16, 17. *Прибавочный труд. Избыточное население*).

Прибавочное рабочее время (VI, 19. *Рамсей, Уэйд*).

Прибавочный труд и необходимый труд (VII, 21) (VII, 44, вверху).

Сениор (VII, 41, 42).

3) Относительная прибавочная стоимость

III, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38.
IV, 12, 13.

α) *Кооперация масс*

V, 22, 23.

β) *Разделение труда*

***Рабский труд производительнее, чем свободный,* если последний не комбинирован. *Уэйкфилд*.** VI, 18.

γ) *Машины*

IV, 13, 14. VI, 43. VII, 1, 2, 13 (внизу). VII, 22, 39, 40, 42, 43 внизу.

Выигрыш сырого материала (сбережение) благодаря машинам. VII, 39 («The Economist»).

Цены товаров. Прудон (IV, 26—32).

4) Первоначальное накопление

(III, 20, 21. IV, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 52, 53).

Прибавочный продукт. Добавочный капитал (IV, 42, 43, 45).

Капитал производит наемный труд (IV, 43, 44) (45) (47). V, 15.

Первоначальное накопление. V, 1, 2, 3, 4, 8—15, 16.

Концентрация рабочей силы (VI, 10, 11) (VI, 11. Росси. *Объединение*).

Прибавочная стоимость в различных формах и как результат применения различных средств. VII, 22, 23, 24.

Сочетание относительной и абсолютной прибавочной стоимости. VII, 23, 24.

Увеличение числа отраслей производства. VII, 23.

Население (VII, 23).

5) Наемный труд и капитал

II, 14 (II, 28, 29) (III, 13) (III, 14) (15, 16) (VII, 40 внизу и 41 вверху). III, 23.

Капитал — общественная сила, цивилизация (VI, 9, 10 (Уэйд)) (VI, 11. Баббедж).

Капитал — это авансы. VI, 29, внизу.

Воспроизводство рабочего посредством заработной платы. VI, 38.

Сами себя снимающие границы капиталистического производства. VII, 2, 3. *Свободное время.* VII, 3, 4. Самый труд превращается в труд общественный (там же, 4). Оуэн (VII, 5, внизу).

Действительная экономия. Сбережение рабочего времени. Но не в антагонистической форме (VII, 5).

Проявление закона присвоения в простом товарном обращении. Переворот в этом законе

(II, 8, 9, 10, 11, 12) (IV, 45) (50).
VII, 44.

II

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Процесс увеличения стоимости капитала есть вместе с тем процесс уменьшения стоимости капитала (IV, 15, 16).

Противоречия (IV, 16, 17) (18). {Это относится к отделу II: Конкуренция капиталов [137].}

Капитал есть единство производства и увеличения стоимости как процесс (IV, 18) (19, 20).

Пропагандистская тенденция капитала (IV, 18).

Цивилизующая тенденция капитала (IV, 18, 19).

Противоречие между процессом производства и увеличением стоимости (IV, 22). IV, 24, 25.

Превращение товара в деньги (IV, 40, 41) (VI, 8).

Обращение капитала (V, 16, 17) (VI, 14. Чалмерс) (VI, 36). VII, 9. К Чалмерсу: Блейк. VII, 29. VII, 47.

Процесс производства, процесс обращения (V, 17, 18, 19, 20, 21, 22).

Бездействующий капитал (VI, 8, 9).

Различное время производства. VI, 14, 15. VI, 36.

Дж. Ст. Милль: время обращения (VI, 19) (бездействующий капитал).

Оборот капитала. VI, 19, 20. VII, 47, внизу.

Издержки обращения (VI, 20) (21) (22) (VI, 23, 24, 25). VI, 37.

Оборачивающийся капитал. VI, 20, 21. *Фиксированный капитал.* Там же. VI, 27. Переход к оборотному и основному капиталу как к двум особым видам капитала. VII, 2.

Оборот (VI, 21, 22). *Число оборотов.* VI, 31—35. VII, 7.

Время обращения. VI, 22, 23, 25.

Товарный, денежный и промышленный капитал (VI, 26).

Год как мера оборотов капитала (VI, 26, 27).

Основной капитал. Оборотный капитал (VI, 27, 28, 29). VI, 39, 40, 41, 42—44. VII, 8 (внизу), 10, 11, 13, 14, 15.

Большое и малое обращение. VI, 37, 38, 39.

Троякое определение обращения в целом. VI, 39.

Основной капитал. Оборотный капитал. И в том, и в другом общественное определение труда переносится на капитал (VII, 1) (VII, 6).

Удлинение времени обращения равносильно уменьшению числа актов воспроизводства или уменьшению количества капитала, находящегося в процессе производства. *Непрерывность* [процесса производства] становится необходимой по мере развития основного капитала. Перерыв [в этом процессе] тем самым становится потерей *заранее предпосланной стоимости* (VII, 2).

Основной капитал и спрос на труд (VII, 28. *Бартон*).

Основной капитал. VII, 2,3. Соотношение между основным и оборотным капиталом в обществе. VII, 3. VII, 4. Основной капитал — более высокая степень, чем оборотный капитал. Там же, 4.

Долговечность основного капитала. VII, 4. VII, 21, 22.

Деньги — это основной и оборотный капитал. VII, 6.

Основной и оборотный капитал в их отношении к индивидуальному потреблению (VII, 6, внизу, и 7).

Средний оборот совокупного капитала (в отношении к увеличению его стоимости). Отношение между оборотом основного и оборотного капитала. Непрерывность. Различие *перерывов* в производстве для оборотного капитала и для основного капитала. *Время воспроизводства основного капитала* становится

единицей-мерой экономического цикла. Фаза совокупного воспроизводства [капитала] (VII, 7).

Различное возвращение оборотного и основного капитала (VII, 8).

Основной капитал, потребительная стоимость которого вступает в обращение (VII, 9).

Производство основного капитала и оборотного капитала (VII, 9, 10).

Расходы по содержанию основного капитала (VII, 11).

Доход от основного капитала и оборотного капитала (VII, 12) *(возвращение основного и оборотного капитала. Там же).*

Определение времени воспроизводства потребительной стоимостью товара (VII, 15).

III

КАПИТАЛ И ПРИБЫЛЬ

Норма прибыли и прибавочная стоимость (IV, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. VI, 10) (VI, 12, 13) (17, 18) (39) (43).

Капитал и прибыль (VII, 15) (16) (17) (20, 21) (22) (40) (41).

Как должен расти капитал, чтобы при увеличившейся производительной силе применять то же количество рабочих (IV, 9—13).

Риск. Процент. Издержки производства. VII, 8.

Одинаковая прибыль от всех частей капитала. VII, 8.

Заработная плата и прибыль — это формы производства, а потому и формы распределения и т. д. (VII, 19).

Процент и прибыль. VII, 51, 52.

[IV]

РАЗНОЕ

Дефиниции капитала:

Капитал — «всего лишь орудие производства» (II, 15) (*капитал, понимаемый как вещь.* Там же) (*капитал — не простое отношение, а процесс.* Там же. II, 16). Капитал и продукт (II, 18).

Производительный и непроизводительный труд (II, 21, 22) (III, 14).

Земледелие, земельная собственность и капитал (II, 23).

Рынок (II, 24, 25).

Основания для прибыли (III, 19, 20). III, 22, 23.

Издержки производства (III, 20).

Не расходы, а авансы капиталистов (*Шторх*. VII, 50. Против теории сбережения. Там же).

Прудон и процент и т. д. (III, 20). *Внеэкономическое происхождение земельной собственности* у Прудона (V, 3). *Прибавочная стоимость* (VI, 27) (*Прайс* (Ричард) и *Прудон*. VII, 47, 48).

Бастиа о системе наемного труда (III, 22). О прибыли и т. д. (VII, 18, 19).

Земледелие (с элементами промышленности в нем самом. XV век. VII, 29. *Харрисон)*.

Денежный капитал (III, 44).

Рикардо. Происхождение прибавочной стоимости. Заработная плата и прибыль — всего лишь дивиденды (VI, 1, 2) (*Уэйкфилд против Рикардо*. VI, 8) (Мальтус против заработной платы как пропорции. VI, 12) (13). VII, 8.

Мальтус. Теория стоимости (VI, 3 и сл.) (VI, 12, 13).

Труд как жертва у Смита. Жертва воздержания у *Сениора* (VI, 17) (18).

Происхождение прибыли по *Смиту* (VI, 18). *Лодердель* против этого взгляда. VI, 43.

Происхождение прибавочной стоимости по *Мак-Куллоху*. VI, 18. *Заработная плата* — часть собственного продукта рабочего. Тот же Мак-Куллох. VI, 19.

Наемный труд и рабство. Стюарт. VII, 25, 26. Тот же Стюарт: *Машины*. Там же, 26.

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Эта рукопись Маркса является первым черновым наброском будущего «Капитала» и содержится в семи больших тетрадях, обозначенных у Маркса римскими цифрами I—VII. На обложке последней, седьмой, тетради рукою Маркса написано: «Political Economy Criticism of (Fortsetzung)», т. е. «Критика политической экономии (продолжение)». Слово «продолжение» означает, что в тетради VII продолжен текст предыдущих шести тетрадей, а слова «Критика политической экономии» можно рассматривать как основной заголовок всей этой черновой рукописи. Маркс снабдил этот заголовок пометкой «продолжение» (а не пометкой «окончание») по той причине, что рукопись осталась незаконченной и обрывается на полуслове. Слова «черновой набросок», добавленные в настоящем издании к основному заголовку Маркса, взяты из письма Маркса к Энгельсу от 29 ноября 1858 г., в котором Маркс, говоря о своей экономической рукописи 1857—1858 годов, называет ее «Rohentwurf», т. е. «черновым наброском». Рукопись, действительно, носит сугубо черновой характер. В письме к Энгельсу от 31 мая 1858 г. Маркс отмечал, что в этой рукописи «все перемешано в беспорядке, многое предназначено лишь для дальнейших частей» (настоящее издание, т. 29, стр. 270).

Рукопись начинается сразу со второй главы — «Главы о деньгах», за которой следует обширная третья глава — «Глава о капитале». На самой последней странице рукописи Маркс набросал начало недостающей первой главы, которая должна была трактовать о товаре, но в то время еще фигурировала у Маркса под заголовком «Стоимость».

В настоящем издании экономическая рукопись 1857—1858 годов печатается в той последовательности частей, которая дана Марксом, но с расчленением на разделы и подразделы и с разбивкой чрезмерно длинных абзацев на менее длинные. Отдельные перестановки кусков текста допускались лишь в самых редких случаях — там, где было совершенно очевидно, что перед нами добавления, относящиеся к предыдущему тексту. Даваемые в квадратных скобках указания на номера тетрадей и страниц рукописи фиксируют все эти весьма редкие случаи перестановок.

Как и в I части настоящего тома, в тех случаях, когда Маркс, цитируя какого-нибудь автора, указывает страницы своих записных тетрадей, содержащие соответствующие выписки из цитируемого автора, эти ссылки заменены ссылками на страницы цитируемого произведения. Цитируемый источник указывается также и в тех случаях, когда Маркс ограничивается только указанием на цитируемого автора. — *3.*

2 Заключенное в скобки слово «falsch!» («неверно!») было добавлено Марксом в текст рукописи позднее; оно относится к непосредственно предшествующей этому слову фразе: «Продолжительность процесса производства есть здесь не что иное, как рабочее время, необходимое для изготовления продукта». В ходе дальнейшей работы над рукописью 1857—1858 гг. (см. настоящий том, часть II, стр. 99—100 и 175—177) и впоследствии во II томе «Капитала» Маркс показал, что «не всякое время, в течение которого капитал находится в процессе производства, уже в силу этого необходимо является рабочим временем» (настоящее издание, т. 24, стр. 269). — *7.*

3 В оригинале: «Arbeitsvermögen». В рукописях 1857—1859 годов Маркс вместо термина «Arbeitskraft», который один раз встречается уже в «Наемном труде и капитале» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 444) и несколько раз в рукописи 1861—1863 годов, употребляет, как правило, термин «Arbeitsvermögen». В I томе «Капитала» эти два термина употребляются Марксом как равнозначные: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermögen verstehen wir den Inbegriff der physischen und geistigen Fähigkeiten, die in der Leiblichkeit, der lebendigen Persönlichkeit eines Menschen existieren und die er in Bewegung setzt, so oft er Gebrauchswerte irgend einer Art produziert» (4-е нем. изд., стр. 130). Русский перевод этого места гласит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 178).

Русское выражение «способность к труду» не передает с достаточной точностью немецкий термин «Arbeitsvermögen». Немецкое слово «Vermögen» переводится на русский язык также и словом «сила». Термин «рабочая сила» вообще более точно, чем выражение «способность к труду», передает смысл слова «Arbeitsvermögen». Поэтому в настоящем томе термин «Arbeitsvermögen», как правило, переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин дается в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила». — *11.*

4 Марксов комментарий к этому положению Мальтуса см. в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 91). — *37.*

5 Эти две цитаты из книги У. Томпсона Маркс приводит в вольном пересказе, основываясь на своей записной тетради 1845 года. — *37.*

6 G. Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 55. Ниже, на стр. 43—44-й II части настоящего тома, Маркс приводит соответствующие места из книги Рамсея. — *40.*

7 Маркс имеет в виду работу Шторха «Cours d'économie politique», Paris, 1823, том I, стр. 409—411, где приводится пример спекулятивных

закупок и перепродаж в Петербурге в начале XIX века таких товаров, как сахар, кофе, пенька, железо. Это место из книги Шторха цитируется Марксом ниже, на стр. 137—138 второй части настоящего тома. — *42*.

8 H. C. Carey. «Principles of Political Economy». Part I. Philadelphia, 1837, p. 99, 129. — *50*.

9 В «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 180—191) Маркс подробно рассмотрел извращение Мак-Куллохом понятия труда путем распространения его на процессы природы. — *51*.

10 См. K. Marx. «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie». Anhang. Moskau, 1941, S. 787—839. Во многих случаях цитаты из книги Рикардо приводятся Марксом в виде вольного пересказа на немецком языке. Этому вольному пересказу и соответствует русский перевод приводимых в дальнейшем тексте мест из книги Рикардо. — *52*.

11 См. конец примечания 1. —*52*.

12 Наиболее важные высказывания Брея как противника буржуазной политической экономии и автора утопического учения о «равном обмене», содержащиеся в его работе «Labour's Wrongs and Labour's Remedy» (Leeds, 1839), Маркс привел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 331—336). — *53*.

13 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Vol. I, London, 1835, p. 100—102, 130—131 (Русский перевод, стр. 38—39, 50). — *53*.

14 Указанный Марксом пример находится на стр. 26—27 работы Рикардо «On the Principles of Political Economy, and Taxation» (London, 1821) (Русский перевод, стр. 50). — *55*.

15 В письме к Энгельсу от 5 марта 1858 г. (написанном примерно через месяц после этой страницы рукописи) Маркс приводит тот же самый пример исчисления прибыли (см. настоящее издание, т. 29, стр. 242). Пример этот взят Мальтусом (во 2-м издании его «Principles of Political Economy») из официального издания, полное заглавие которого гласит: «Factories Inquiry Commission. First Report of the Central Board of His Majesty's Commissioners. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 28 June 1833», p. 34 («Комиссия по обследованию фабрик. Первый отчет центрального совета комиссии его величества. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 28 июня 1833 г.», стр. 34). — *58*.

16 Оборачиваемость основного и оборотного капитала исчисляется Марксом следующим образом. Для *основного* капитала — его величина (10 000 ф. ст.) делится на величину амортизационного фонда (650 ф. ст.); для *оборотного* капитала — сумма непредвиденных расходов (1 100 ф. ст.), заработной платы (2 600 ф. ст.) и стоимости сырья (10 000 ф. ст.), всего — 13 700 ф. ст., делится на величину оборотного капитала (7 000 ф. ст.). — *58*.

17 В письме к Энгельсу от 5 марта 1858 г., в котором Маркс приводит тот же самый пример исчисления прибыли, он замечает: «Очень жаль,

что в приведенных выше данных не указано *число* рабочих; нет также соотношения между тем, что фигурирует под названием *жалованье* и *заработная плата* в собственном смысле этого слова» (см. настоящее издание, т. 29, стр. 242). В данном же месте текста рукописи Маркс условно предполагает, что доля заработной платы в годовых затратах в точности равна $^1/_6$, а остальная часть от 2 600 ф. ст. приходится на жалованье. — *59.*

18 H. C. Carey. «Principles of Political Economy». Part the First. Philadelphia, 1837, p. 73—80, 83—92, 99, 337, 339—340. — *74.*

19 При прежнем органическом строении капиталу в 16 000 ф. ст. потребовалось бы 8 000 рабочих. Теперь же ему требуется только 1 500 рабочих, т. е. в $5^1/_3$ раза меньше. Следовательно, 6 500 рабочих выброшены на улицу, что составляет более чем четырехкратное количество занятых 1 500 рабочих. — *76.*

20 Первому капиталисту при капитале в 16 000 ф. ст. требовалось бы 8 000 рабочих, второму — только 1 500 рабочих; следовательно, на каждые 5 рабочих первого капиталиста приходилось бы $^{15}/_{16}$ рабочего второго капиталиста. — *77.*

21 Комментарии Маркса к приведенному здесь положению Уэйкфилда см. в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 440; ч. III, стр. 192). — *77.*

22 Имеется в виду цитируемое у Бейли место из книги: Albert Gallatin. «Considerations on the Currency and Banking System of the United States». Philadelphia, 1831, p. 68. — *79.*

23 P. Gaskell. «Artisans and Machinery: The Moral and Physical Condition of the Manufacturing Population considered with Reference to Mechanical Substitutes for Human Labour». London, 1836, p. 11—114, 293—362. — *83.*

24 Ch. Babbage. «Traité sur l'Economie des Machines et des Manufactures». Traduit de l'anglais sur la troisième édition, par Ed. Biot. Paris, 1833, p. 485. — *86.*

25 P. Rossi. «Cours d'économie politique. Année 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'édition de Paris)». In: «Cours d'économie politique». Bruxelles, 1843. — *87.*

26 R. Torrens. «An Essay on the Production of Wealth». London, 1821, p. 70—71. — *87.*

27 «Глава о капитале» в рукописи «Критика политической экономии» оказалась по существу «Главой о капитале вообще», т. е. первой главой книги «О капитале» — первой из шести задуманных Марксом книг. См. письма Маркса к Лассалю от 22 февраля и 11 марта 1858 г. (настоящее издание, т. 29, стр. 449, 451—452). — *91.*

28 H. C. Carey. «The Past, the Present, and the Future». Philadelphia, 1848, p. 74—75. Соответствующее высказывание Кэри Маркс приводит

в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 179). — *93.*

29 Краткую характеристику Ферье как «современного поклонника» меркантилистов Маркс дает в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 70—71). См. также стр. 160—161 первой части настоящего тома. — *97.*

30 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Book I, Chapter XI, Part I (Русский перевод, стр. 124). — *99.*

31 «*Panis et circenses*» — «хлеб и зрелища». Маркс имеет в виду период расцвета римского рабовладельческого государства, когда низшие слои городского населения (т. н. городской плебс) были выключены из сферы производства и жили главным образом за счет подачек государства и богатых рабовладельцев, предоставлявших им «хлеб и зрелища».

Об античных *колониях* см. статью К. Маркса в «New-York Daily Tribune», написанную 4 марта 1853 г. (настоящее издание, т. 8, стр. 567—568). Там же говорится и о великих переселениях варварских племен в эпоху упадка Древнего мира. — *102.*

32 Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». 3rd edition. London, 1821, p. 493, 495 (Русский перевод, стр. 334—335). — *105.*

33 Библия. Бытие, глава 3, стих 19. — *109.*

34 Ch. Fourier. «Le Nouveau Monde industriel et sociétaire» («Oeuvres Complètes de Ch. Fourier». Tome sixième, troisième édition, Paris, 1848, p. 245—252). — *110.*

35 N. W. Senior. «Principes Fondamentaux de l'Economie Politique». Paris, 1836, p. 309—335. — *110.*

36 P. J. Proudhon. «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère». Tome I. Paris, 1846, p. 73; F. Bastiat et P. J. Proudhon. «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850, p. 200. Разбор этого тезиса Прудона см. также в «Нищете философии» (настоящее издание, т. 4, стр. 117—127). — *111.*

37 О том, что при коммунизме прибавочный труд превращается в необходимый труд, Маркс говорит в I томе «Капитала» следующее: «Устранение капиталистической формы производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда, именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» (настоящее издание, т. 23, стр. 539). См. также настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 385—386. — *111.*

38 Malthus. «Definitions in Political Economy». London, 1827, p. 69—70. — *115.*

39 Маркс имеет в виду книгу Джона Стюарта Милля «Principles of Political Economy with some of their Applications to Social Philosophy». In two volumes. London, 1848. — *115*.

40 Библия. Книга псалмов, псалом 42, стих 2. Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 149. — *121*.

41 Маркс имеет в виду свою XVI тетрадь с выписками, в которой содержатся выписки из книги «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon», Paris, 1850. Формула Прудона насчет излишка, доставляемого трудом, фигурирует на стр. 200 этой книги. Эта же формула фигурировала и в книге Прудона «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère», Tome I, Paris,1846, p. 73. Ср. настоящий том, часть II, стр. 111. — *143*.

42 J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition. Tome II, Paris, 1817, p. 430. — *144*.

43 Cherbuliez. «Richesse ou pauvreté». Paris, 1841, p. 16—19. — *151*.

44 Simonde de Sismondi. «Nouveaux principes d'économie politique». Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, p. 87, 93 (Русский перевод, том I, стр. 184, 187). — *185*.

45 См. Storch. «Cours d'Economie Politique». Tome I, Paris, 1823, p. 405, 420; Malthus. «Definitions in Political Economy». London, 1827, p. 237—238; Smith. «Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations». Paris, 1802. Tome II, p. 197—198 (Русский перевод, стр. 205—206). — *188*.

46 Cherbuliez. «Richesse ou pauvreté». Paris, 1841, p. 14—15. — *189*.

47 **«*The Economist*» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии.** — *198*.

48 Подробный анализ понятия *сосуществующего труда* Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» в связи с рассмотрением взглядов Томаса Годскина (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 276—290). —*208*.

49 Выдвигавшееся Лодерделем апологетическое объяснение прибыли Маркс рассмотрел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 68—69, 257—258). См. также настоящий том, часть II, стр. 199—200. — *210*.

50 В брошюре Томаса Годскина «Labour Defended against the Claims of Capital», London, 1825, p. 16, говорится следующее: «Легко понять, почему... строитель дороги должен получать некоторую долю тех выгод, которые извлекает из дороги только тот, кто пользуется ею; но я не понимаю, почему все эти выгоды должны принадлежать самой дороге и присваиваться под наименованием прибыли на их капитал рядом лиц, которые ее не сооружают и ею не пользуются» (Русский перевод: *Годскин, Томас*. Сочинения. М., 1938, стр. 18). См. также настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 272—309. — *211*.

51 Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 206. — *212.*

52 Взгляды автора анонимного социалистического памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» (London, 1821) по вопросу об источнике прибавочной стоимости Маркс охарактеризовал как «существенный шаг вперед по сравнению с Рикардо». Подробный разбор этого памфлета дан Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 245—254, 260—266). Приводимая здесь Марксом цитата из анонимного памфлета дается в том виде, в каком ее приводит Маркс, а именно — в виде вольного перевода-толкования, передающего мысль анонимного автора в терминах Маркса. — *215.*

53 Babbage. «Traité sur l'Economie des Machines et des Manufactures». Paris, 1833, p. 375—376. — *230.*

54 По всей вероятности, Маркс имеет в виду то место из Добавления к § 209 «Малой логики» Гегеля, которое он впоследствии привел во 2-м примечании к V главе I тома «Капитала». Маркс пользовался изданием 1840 года (Hegel. «Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Theil I. Die Logik». Werke, Band VI. Berlin, 1840, S. 382). — *247.*

54a Книгу Идена Маркс цитирует по конспекту, составленному Энгельсом в 1845 году. Этот конспект частично опубликован в Marx — Engels Gesamtausgabe, I. Abteilung, Band 4, Berlin, 1932, S. 507—512. — *248.*

55 Намек на выражение Спинозы «под углом зрения вечности», неоднократно встречающееся в его «Этике» (часть II, теорема 44, королларий 2; часть V, теоремы 22—36). — *259.*

56 E. G. Wakefield. «A View of the Art of Colonization». London, 1849, p. 76. — *268.*

57 Маркс имеет в виду свой незаконченный набросок «Бастиа и Кэри», написанный в июле 1857 г. и помещенный в начале первой части настоящего тома. — *269.*

58 О *законах об ученичестве* см. настоящее издание, т. 23, стр. 380. — *285.*

59 Маркс имеет в виду книгу Бенджамина Томпсона (он же граф Румфорд) «Essays, political, economical, and philosophical», том I (Лондон, 1796), содержащую, в частности, всякого рода рецепты, указывающие, «как заменить дорогостоящие нормальные предметы потребления рабочих дешевыми суррогатами» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 614—615). — *291.*

60 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». With a Commentary, by the Author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volume I, London, 1835. — *294.*

61 «*The Spectator*» («Зритель») — английская ежедневная литературная газета, выходившая в Лондоне в 1711—1714 годах. Маркс ссылается на нее (а также на Локка, Юма и Монтескьё) по книге Джемса Стюарта «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy», Vol. I, Dublin, 1770, p. 399. — *296.*

62 F. M. Eden. «The State of the Poor; or, an History of the Labouring Classes in England». Vol. I. London, 1797, p. 119—120. — *302*.

62a «*The Westminster Review*» («Вестминстерское обозрение») — английский буржуазный журнал либерального направления, издавался в Лондоне с 1824 по 1914 г., выходил четыре раза в год. — *303*.

63 Источник этой цитаты не установлен. — *308*.

64 D. Urquhart. «Familiar Words». London, 1856, p. 112. — *310*.

65 Эта цена миланского шелка-сырца указана в журнале «The Economist» от 13 марта 1858 г. (стр. 300). — *310*.

66 W. Cobbett. «Paper against Gold». London, 1828. — *319*.

67 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book I, Chapter IV, в конце второго абзаца главы (Русский перевод, стр. 33). — *331*.

68 Годскин ссылается на книгу: H. Storch. «Cours d'économie politique». Tome second. Paris, 1823, p. 128. — *333*.

69 J. B. Say. «Cours complet d'économie politique pratique». Seconde édition. Tome premier. Paris, 1840, p. 510. — *337*.

70 Маркс применяет такой расчет: если 1 500 ф. ст. представляют собой чистую прибыль в 5% со всего авансированного капитала, то величина этого капитала — 30 000 ф. ст. Так как основной капитал равен 23 000 ф. ст., то на долю оборотного капитала приходятся 7 000 ф. ст. Аналогичный расчет применяется Марксом в дальнейшем для определения величины авансированного капитала в случае I (где получается 34 000 ф. ст.) и в случае III (где получается 28 000 ф. ст.). — *344*.

71 W. H. Prescott. «History of the Conquest of Peru». 4th edition. Vol. I. London, 1850, p. 147. — *352*.

72 Выражения эти взяты из книги: «D. Justiniani, sacratissimi principis, Institutiones». Parisiis, 1815, p. 46. — *353*.

73 Источник этих выражений, приводимых Марксом на латинском языке, не установлен. — *353*.

74 «*Revue des Deux Mondes*» («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — *355*.

75 Lauderdale. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Traduit de l'anglais par Lagentie de Lavaïsse. Paris, 1808, p. 173—182. О фонде погашения государственного долга, учрежденном Питтом в 1786 г., см. настоящее издание, т. 12, стр. 462—463. — *356*.

76 $S = C(1 + i)^n$ есть формула сложных процентов, в которой S обозначает сумму капитала с наросшими на него процентами, C — перво-

начальный капитал, i — ставку процента, а n — число лет, на протяжении которых протекает процесс. — *357.*

77 *«La Voix du Peuple»* («Голос народа») — прудонистская ежедневная газета, выходила в Париже с 1 октября 1849 по 14 мая 1850 года. — *357.*

78 Обоснованию правомерности и целесообразности *налога на собак* Арнд посвятил в своей цитируемой в тексте книге специальный параграф (§ 88, стр. 420—421). — *364*

79 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 378—382. — *369.*

80 Маркс имеет в виду сочинение Бентама «Defence of Usury», вышедшее в Лондоне первым изданием в 1787 г., вторым — в 1790 г и третьим — в 1816 году. — *369.*

81 Под *«производящим классом»* Дж. Ст. Милль понимает здесь капиталистов-производственников. — *369.*

82 Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — *372.*

83 Имеется в виду закон о возобновлении обязательного обмена банкнот на золото. — *376.*

84 A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», Book I, Chapter V (Русский перевод, стр. 40). — *377.*

85 Цитату найти не удалось. — *380.*

86 *Рестрикционный акт,* или *акт о банковской рестрикции* (Bank Restriction Act) — принятый в 1797 г. английским правительством специальный закон, который устанавливал принудительный курс банкнот и отменял обмен банкнот на золото. В 1819 г. был принят закон, восстанавливавший обмен банковских билетов на золото. Фактически обмен был полностью восстановлен в 1821 году. — *387.*

86а Имеются в виду декреты Наполеона I о блокаде британских островов, подписанные 21 ноября 1806 г. в Берлине и 23 ноября и 17 декабря 1807 г. в Милане. Этими декретами была установлена так называемая «континентальная блокада», запрещавшая Франции и союзным с нею странам европейского континента вести торговлю с Англией. — *388.*

87 *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1785 года. — *389.*

88 *«Currency principle»* («принцип денежного обращения»), или *«Currency theory»* («теория денежного обращения») — под этим названием выступала в Англии в начале 40-х годов XIX века одна из разновидностей школы сторонников количественной теории денег. Ее представители — Лойд (он же лорд Оверстон), Норман и др. — утверждали, что

стоимость и цена товаров определяются количеством денег в сфере обращения. — *390*.

89 Речь идет о книге: J. Maclaren. «A Sketch of the History of the Currency». London, 1858. Маркс цитирует здесь рецензию на эту книгу, появившуюся в журнале «The Economist» от 15 мая 1858 года. См. письмо Маркса к Энгельсу от 31 мая 1858 г. (настоящее издание, т. 29, стр. 269). — *391*.

90 Так Маркс первоначально назвал первую главу своего экономического труда, которая вскоре после написания этого наброска получила у него название «Товар». — *393*.

91 Речь идет о книге прусского чиновника и писателя, совершившего в 40-х годах путешествие по России, Августа Гакстгаузена: A. Haxthausen. «Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands». Theile 1—3, Hannover — Berlin, 1847—1852. — *394*.

92 О причинах, побудивших Маркса к составлению этого *Указателя*, он говорит в письме к Энгельсу от 31 мая 1858 года. Маркс сообщает там Энгельсу, что одно лишь перечитывание его собственной рукописи «Критика политической экономии», которая составила бы в печати толстый том и которая содержалась в семи тетрадях, занимая в них 308 густо исписанных страниц, отнимет у него почти неделю. Беда в том, продолжает Маркс свое сообщение Энгельсу, что в этой рукописи все перемешано в беспорядке и что в ней содержится много такого, что предназначено лишь для дальнейших частей его труда. «Поэтому, — пишет Маркс, — мне придется составить для себя указатель, в какой тетради и на какой странице затрагивается та дрянь, которая в первую очередь нужна мне для работы».

В первую очередь Марксу нужно было обработать для печати тот материал, который должен был образовать первую часть задуманного им большого экономического труда. Под «первой частью» Маркс подразумевал тогда то, что вскоре после этого он стал обозначать как «первый отдел» («die erste Abteilung») своей книги «О капитале», охватывающий три главы: «Товар», «Деньги» и «Капитал вообще». Но в рукописи 1857—1858 годов глава о товаре фигурировала еще под заголовком «Стоимость».

Составленный Марксом *«Указатель к семи тетрадям (к первой части)»* состоит из двух незаконченных набросков: в первом наброске Маркс хотел дать группировку материала своей рукописи по всем основным разделам ее «первой части», но дошел только до раздела об обращении капитала, причем как этот раздел, так и ряд предыдущих разделов, остался у него без наполнения соответствующими страницами рукописи; второй набросок охватывает материал только главы о деньгах и представляет собой более подробную разработку структуры этой главы.

Между основными рубриками своего Указателя Марксом оставлены большие интервалы, куда можно было бы впоследствии вносить дополнительные подрубрики или дополнительное наполнение ссылками на страницы рукописи.

«Указатель к семи тетрадям (к первой части)» занимает последние одиннадцать страниц в той тетради «М», которая содержит знаменитое «Введение» Маркса (см. настоящий том, часть I, стр. 17—48).

В своем Указателе Маркс обозначает римскими цифрами номера тетрадей рукописи «Критика политической экономии», а арабскими цифрами — страницы той или иной тетради. — *395.*

93 Маркс имеет в виду анонимно вышедший в 1622 году в Лондоне трактат Эдуарда Мисселдена «Free Trade, or The Meanes to make Trade florish». — *399.*

94 На 55-й странице VII тетради рукописи Маркса Уилсон не упоминается вовсе. Возможно, что у Маркса здесь описка, вместо Моррисона, который на указанной странице упоминается в связи с проблемой обесценения денег. Но возможно и другое толкование: Уилсон был редактором журнала «The Economist», а журнал этот четырежды упоминается на указанной Марксом странице. Правда, в других случаях Маркс дает в своих ссылках название журнала, а не фамилию его редактора. — *401.*

95 Этот пункт Указателя относится к выписке из книги И. Г. А. Вирта «Die Geschichte der Deutschen. Zweite durchaus verbesserte Auflage. Band I. Stuttgart, 1846», содержащейся в одной из записных тетрадей Маркса 1858 года. В этой выписке говорится о том, что у древних германцев вплоть до IV—V веков деньги встречались в столь малых количествах, что всякого рода денежные повинности часто выполнялись в таких материальных ценностях, как скот, оружие, зерно, причем закон устанавливал цену быков, коров, лошадей, мечей, шлемов, щитов, копий и других предметов, принимавшихся в уплату денежных повинностей вместо гульденов. — *401.*

96 Маркс ссылается на свою записную тетрадь 1857 года, в которой имеются выписки из книги Маклеода «The Theory and Practice of Banking. Volume I. London, 1855». На стр. 15 этой книги Маклеод говорит о трактате Джозаи Чайлда «A Discourse upon Trade» (этот трактат, по Маклеоду, вышел в 1698 году), содержавшем план законодательным путем проводимого понижения процентной ставки. — *401.*

97 См. примечание 93. — *404.*

98 На 63-й странице VII тетради обрывается рукопись «Критики политической экономии» (чернового наброска 1857—1858 годов). Все последующие страницы этой весьма толстой тетради заполнены выписками из различных книг и периодических изданий. На 64-й странице этой тетради находятся выписки из книги Джорджа Додда «The Curiosities of Industry and the Applied Sciences» (London, 1854), в том числе и выписка об изнашивании монет в результате трения. Часть этой выписки приведена Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 91). — *404.*

99 Маркс имеет в виду свою V записную тетрадь, начатую в январе 1851 г., в которой на стр. 14—17 содержатся выписки из глав XXVI—XXX второго тома работы У. Джейкоба «An Historical Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». London, 1831. — *405.*

100 Маркс имеет в виду свою IV записную тетрадь, заполненную в ноябре—декабре 1850 г. и содержащую выписки из IV—XIV глав первого тома и из XV—XXV глав второго тома работы У. Джейкоба «An Historical

Inquiry into the Production and Consumption of the Precious Metals». London, 1831. — ***405.***

101 Th. Tooke. «A History of Prices, and of the State of the Circulation, from 1839 to 1847 inclusive». London, 1848, p. 226. — *406*.

102 В начале июня 1858 г. Маркс составил «Указатель к семи тетрадям», в которых содержится черновой набросок «Критики политической экономии». Указатель этот служил Марксу тем планом, согласно которому он хотел обработать для печати свой черновой набросок. В течение июня и июля 1858 г. Маркс почти не имел возможности работать над своим экономическим трудом (см. письмо Маркса Энгельсу от 8 августа 1858 г.), но с августа и приблизительно до конца октября 1858 г. им был создан *первоначальный текст первого выпуска «К критике политической экономии»*, куда, кроме глав о товаре и о деньгах, должна была войти, согласно тогдашним планам Маркса, также и глава о капитале. В ноябре 1858 г. жена Маркса начала переписывать набело окончательный текст первого выпуска «К критике политической экономии» в составе уже только двух первых глав.

Из первоначального текста до нас дошла только часть, охватывающая последние три четверти второй главы и начало третьей главы. Эта часть занимает две тетради: «B'» и «B''». Текст тетради «B'» начинается с полуслова. Ему предшествовала не дошедшая до нас тетрадь «C», содержавшая, судя по всему, главу о товаре (эта глава первоначально называлась «Стоимость») и начало главы о деньгах.

На обложке тетради «B'» Маркс записал 5 небольших заметок, содержание которых относится к главам о деньгах и о капитале и которые в настоящем издании печатаются в конце первоначального текста, как своего рода добавления к нему. — *407*.

103 Маркс цитирует здесь по-немецки одно место из «Застольных бесед ученых мужей» древнегреческого писателя-компилятора Атенея. В дальнейшем Маркс это же место приводит по-гречески. См. Athenaeus. «Deipnosophistarum libri quindecim». Edidit Schweighaeuser. Tomus II. Argentorati, 1802, p. 121. — *415*.

104 Маркс имеет в виду то место из Ксенофонта, которое он цитирует в первом выпуске «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 119). Это место взято из IV главы трактата Ксенофонта «Об увеличении доходов или поступлений Афинского государства». — *415*.

105 По-видимому, намек на стихотворение Гёте «Das Göttliche» («Божественное»), начинающееся словами «Edel sei der Mensch» («Пусть благородным будет человек»). — *417*.

106 См. примечание 101. — *421*.

107 Маркс цитирует это место из трактата Кёрнера по английской книге: «Lectures on Gold for the instruction of emigrants about to proceed to Australia». Delivered at the Museum of Practical Geology. London, 1852, p. 94—95. Ср. настоящий том, часть I, стр. 122. — *422*.

108 Библия. Откровение Иоанна, глава 17, стих 13, и глава 13, стих 17.

Апокалипсис (или Откровение Иоанна) — одно из произведений

раннехристианской литературы, входящее в Новый завет. Написано в I веке. Автор Апокалипсиса выражает чувство всеобщей ненависти к Римской империи, которую клеймит именем «зверя», и считает ее воплощением дьявола.

Маркс цитирует Апокалипсис по так называемой «Вульгате», т. е. по общеупотребительному среди католиков латинскому переводу Библии. — *427*.

109 [W. Petty.] «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667, p. 47. — *428*.

110 Имеется в виду библейский рассказ о том, как легендарный родоначальник евреев Иаков, достигнув преклонного возраста и предчувствуя приближение смерти, благословил двух сыновей своего сына Иосифа. Вопреки существовавшему у древних евреев обычаю, Иаков свое главное благословение (возложением правой руки) дал не старшему, а младшему сыну Иосифа, мотивируя это тем, что младшему сыну предстоит более славное будущее, чем старшему (Библия. Бытие, глава 48, стих 13—21). — *429*

111 Маркс цитирует трактат Лютера «Von Kauffshandlung und Wucher» (1524) по книге: «A. L. Schlözer's Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts», Siebender Theil, Heft XXXVII—XLII. Göttingen, 1780, S. 265—266. — *430*.

112 См. примечание 108. — *433*.

113 Источник этой приведенной на английском языке цитаты установить не удалось. — *435*.

114 Библия. Евангелие от Матфея, глава 6, стих 19. — *437*.

115 Маркс цитирует произведение Пьетро Мартире Ангьеры (в переводе на русский язык его имя означает «Петр Мученик») «De Orbe Novo» («О Новом свете»), издание 1530 года, по книге: W. H. Prescott. «History of the Conquest of Mexico, with a Preliminary View of the Ancient Mexican Civilisation, and the Life of the Conqueror Hernando Cortez». 5th edition. Vol. I. London, 1850, p. 123. — *438*.

116 J. Grimm. «Geschichte der deutschen Sprache». Erster Band. Leipzig, 1848, S. 12—14 (ср. настоящее издание, т. 13, стр. 136). — *439*.

117 Aristoteles. «Ethica Nicomachea», liber V, caput 8, § 14. In: Aristotelis Opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus IX, Oxonii, 1837, p. 99. — *439*.

118 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I. Dublin, 1770, p. 367.

Левеллер — уравнитель, сторонник социального равенства. В период английской буржуазной революции XVII века «левеллерами» назывались члены и сторонники радикально-демократической партии. — *456*.

119 В рукописи здесь поставлены кавычки и оставлено место для того, чтобы позднее вписать название книги Кэри. По всей вероятности, Маркс имеет в виду книгу «The Slave Trade, Domestic and Foreign».

Philadelphia, 1853, о которой он писал Энгельсу 14 июня 1853 г. (см. настоящее издание, т. 28, стр. 227—228). Но в этом письме книга Кэри фигурирует под заголовком «Slavery at home and abroad» («Рабство у нас и за границей»). — *459*.

120 Иронический намек на «Критику практического разума» Канта. — *459*.

121 Plato. «De Republica», liber II. In: Platonis Opera omnia. Editio G. Stallbaumii. London, 1850. Ср. настоящее издание, т. 13, стр. 100. — *471*.

122 Aristoteles. «De Republica», liber I. caput 9—10. In: Aristotelis Opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X, Oxonii, 1837, p. 13—17. Ср. настоящее издание, т. 13, стр. 119. — *472*.

123 Маркс приводит по-гречески начало 166-й эпиграммы XI книги «Греческой антологии» («Anthologia graeca ad fidem codicis olim Palatini nunc Parisini edita». Curavit F. Jacobs. Tomus secundus. Lipsiae, 1814, p. 370). Автор эпиграммы неизвестен. — *473*.

124 P. Boisguillebert. «Dissertation sur la Nature des Richesses, de l'Argent et des Tributs». В сборнике: «Economistes financiers du XVIII-e siècle». Ed. E. Daire. Paris, 1843, p. 399. См. настоящее издание, т. 13, стр. 107, и т. 23, стр. 152, а также I часть настоящего тома, стр. 164 и 220. У Буагильбера сказано: «précis de toutes les denrées» («экстракт всех товаров»). — *481*.

125 Эти заметки написаны Марксом на обложке тетради «B'»: первая — на лицевой стороне обложки, остальные четыре — на оборотной ее стороне. Третья заметка в значительной степени воспроизводит текст 4-й страницы II тетради «Главы о деньгах» (см. настоящий том, часть I, стр. 174—176). — *494*.

126 Маркс приводит по-гречески и в латинском прозаическом переводе несколько строк из первой олимпийской оды Пиндара. — *494*.

127 Маркс здесь своими словами передает мысль Бейли из его книги «Money and its Vicissitudes in Value», London, 1837, p. 9—11. — *494*.

128 Эта фраза приведена Марксом по-латыни. Источник ее установить не удалось. Ср. настоящее издание, т. 13, стр. 119. — *496*.

129 «*Рефераты*» представляют собой обзор тех материалов, содержащихся в тетрадях «M», I—VII, «C», «B'» и «B''», которые не были использованы в первом выпуске «К критике политической экономии», законченном в январе 1859 года. Маркс составил этот обзор с целью облегчить себе написание той части своего экономического труда, которая должна была явиться продолжением первого выпуска «К критике политической экономии».

«Рефераты» занимают последние девять страниц текста тетради «B''».

В своих «Рефератах» Маркс после римской цифры или буквы, обозначающей тетрадь, указывает арабскими цифрами страницы той или иной тетради. — *497*.

130 *Тетрадь «С»* до нас не дошла. Судя по всему, она содержала первоначальный текст первой и начала второй главы «К критике политической экономии». — *499.*

131 *Тетрадь «А»* — другое обозначение I тетради рукописи «Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов)». — *499.*

132 По-видимому, речь идет о не дошедшей до нас *обложке* тетради «B''», оборотную сторону которой Маркс назвал страницей 1а. — *499.*

133 *Тетрадью «B''$_{II}$»* Маркс называет ту часть тетради «B''», которая содержит раздел «Превращение денег в капитал». — *500.*

134 Указываемая Марксом страница 29 (последняя страница II тетради) до нас не дошла. — *501.*

135 Маркс имеет в виду анонимную брошюру «The Source and Remedy of the National Difficulties», London, 1821. — *509.*

136 *Набросок плана* третьей главы «К критике политической экономии» — главы о капитале — содержится в особой (не имеющей ни номера, ни буквенного обозначения) маленькой тетради и не имеет общего заголовка. Он дает группировку вопросов, трактуемых в тетрадях II—VII большой экономической рукописи 1857—1858 годов по трем основным разделам: 1) Процесс производства капитала, 2) Процесс обращения капитала, 3) Капитал и прибыль. В конце наброска имеется еще раздел «Разное», где преобладают вопросы по истории политической экономии.

Между многими рубриками плана в рукописи оставлены большие, ничем не заполненные интервалы.

В своих ссылках на рукопись 1857—1858 годов Маркс римскими цифрами обозначает номера тетрадей, арабскими — номера страниц соответствующей тетради. — *513.*

137 Имеется в виду второй отдел книги «О капитале», которую Маркс предполагал разделить на четыре отдела: 1) Капитал вообще, 2) Конкуренция или действие многих капиталов друг на друга, 3) Кредит, 4) Акционерный капитал. См. настоящее издание, т. 29, стр. 254. — *518.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Д

Н

Т

У

Ф

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Anderson, A. The Recent commercial distress. London, 1847 (*Андерсон, А.* Бедственное положение в торговле последнего времени. Лондон, 1847). — 144.

* *Aristoteles.* De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (*Аристотель.* Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 472.

* *Aristoteles.* Ethica Nicomachea. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus IX. Oxonii, 1837 (*Аристотель.* Этика к Никомаху. В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том IX. Оксфорд, 1837). — 439.

Arnd, K. Die naturgemässe Volkswirthschaft gegenüber dem Monopoliengeiste und dem Communismus, mit einem Rückblicke auf die einschlagende Literatur. Hanau, 1845 (*Арнд, К.* Сообразная природе политическая экономия в противопоставлении духу монополий и коммунизму, с обзором относящейся сюда литературы. Ханау, 1845). — 364.

Athenaeus. Deipnosophistarum libri quindecim. Tomus II. Edidit Schweighaeuser. Argentorati, 1802 (*Атеней.* Застольные беседы ученых мужей, в пятнадцати книгах. Том II. Издание Швейгхойзера. Страсбург, 1802). — 415, 432.

Atkinson, W. Principles of political economy. London, 1840 (*Аткинсон, У.* Начала политической экономии. Лондон, 1840). — 115, 265.

Augier, M. Du crédit public et de son histoire depuis les temps anciens jusqu'à nos jours. Paris, 1842 (*Ожье, М.* Об общественном кредите и о его истории с древних времен до наших дней. Париж, 1842). — 377, 382.

Babbage, Ch. Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Traduit de l'anglais sur la troisième édition, par Ed. Biot. Paris, 1833 (*Баббедж, Ч.* Трактат об экономике машин и промышлен-

---

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной книги пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

ности. Перевод с третьего английского издания, выполненный Эд. Био. Париж, 1833). Первое английское издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 86, 200, 230.

[Bailey, S.] Money and its vicissitudes in value; as they affect national industry and pecuniary contracts; with a postscript on joint-stock banks. London, 1837 (*[Бейли, С.]* Деньги и изменения их стоимости; влияние этих изменений на национальную промышленность и денежные обязательства; с приложением об акционерных банках. Лондон, 1837). — 78—80, 144, 323—324, 494.

Barton, J. Observations on the circumstances which influence the condition of the labouring classes of society. London, 1817 (*Бартон, Дж.* Замечания об обстоятельствах, влияющих на положение рабочих классов общества. Лондон, 1817). — 300.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 143, 269, 357—359.

Bastiat, Fr. Harmonies économiques. 2-me édition, augmentée des manuscrits laissés par l'auteur. Paris, 1851 (*Бастиа, Фр.* Экономические гармонии. Издание второе, пополненное из оставленных автором рукописей. Париж, 1851). Первое издание вышло в Париже в 1850 году. — 458.

Bentham, J. Defence of usury. London, 1787 (*Бентам, И.* Защита ростовщичества. Лондон, 1787).— 369.

**Bernier, F.* Voyages de François Bernier, contenant la description des Etats du Grand Mogol, de l'Indoustan, du royaume de Cachemire, etc. Tomes I—II. Paris, 1830 (*Бернье, Ф.* Путешествия Франсуа Бернье, содержащие описание государств Великого Могола — Индостана, королевства Кашмирского и т. д. Тома I—II. Париж, 1830). Первое издание этой книги вышло в виде двух двухтомников маленького формата: Histoire de la dernière révolution des Etats du Grand Mogol. Tomes I—II. Paris, 1670 (История последнего переворота в государствах Великого Могола. Тома I—II. Париж, 1670) и Suite des Mémoires du sieur Bernier sur l'empire du Grand Mogol. Tomes III—IV. Paris, 1671 (Продолжение Записок г-на Бернье об империи Великого Могола. Тома III—IV. Париж, 1671). — 362, 427.

Blake, W. Observations on the effects produced by the expenditure of government during the restriction of cash payments. London, 1823 (*Блейк, У.* Замечания о последствиях, вызванных расходами правительства во время прекращения обмена банкнот на золото. Лондон, 1823). — 300—302.

Boisguillebert, P. Dissertation sur la nature des richesses, de l'argent et des tributs. In: Economistes financiers du XVIII-e siècle. Précédés de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnés de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire. Paris, 1843 (*Буагильбер, П.* Рассуждение о природе богатств, денег и податей. В книге: Экономисты-финансисты XVIII века. С историческими заметками о каждом авторе, комментариями и пояснительными примечаниями Э. Дэра. Париж, 1843). Работа Буагильбера написана между 1697 и 1707 г. — 431, 432, 481.

Bosanquet, J. W. Metallic, paper, and credit currency, and the means of regulating their quantity and value. London, 1842 (*Бозанкет, Дж. У.* Металлические, бумажные и кредитные деньги и средства регулирования их количества и стоимости. Лондон, 1842). — 388, 422.

**Bray, J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of

might and the age of right. Leeds, 1839 (*Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. Лидс, 1839). — 53, 383, 427.

Buchanan, D. Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Edinburgh, 1814 (*Бьюкенен, Д.* Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» д-ра Смита. Эдинбург, 1814). — 326—327.

Carey, H. C. The Past, the present and the future. Philadelphia, 1848 (*Кэри, Г. Ч.* Прошлое, настоящее и будущее. Филадельфия, 1848).— 93.

Carey, H. C. Principles of political economy. Part the first. Philadelphia, 1837 (*Кэри, Г. Ч.* Начала политической экономии. Часть первая. Филадельфия, 1837). — 50, 74.

Carey, H. C. The Slave trade, domestic and foreign: why it exists, and how it may be extinguished. Philadelphia, 1853 (*Кэри, Г. Ч.* Внутренняя и внешняя торговля рабами: почему она существует и как ее можно устранить. Филадельфия, 1853). — 459.

Carlyle, Th. Chartism. London, 1840 (*Карлейль, Т.* Чартизм. Лондон, 1840). — 411.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 (*Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). Первое издание вышло там же в том же 1832 году. — 97—99, 364.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» — «Богатый или бедный». — 29—30, 151, 189, 441.

Child, J. Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traité contre l'usure, par Thomas Culpeper. Traduits de l'anglois. Amsterdam et Berlin, 1754 (*Чайлд, Дж.* Трактаты о торговле и о выгодах, проистекающих из снижения процента с денег. С маленьким трактатом против ростовщичества, написанным Томасом Калпепером. Перевод с английского. Амстердам и Берлин, 1754). Первое издание книги Чайлда вышло в Лондоне в 1668 г. в виде небольшой брошюры. В 1669—1670 гг. Чайлдом были написаны к ней 10 дополнительных глав, после чего книга неоднократно переиздавалась. — 363, 401.

Cobbett, W. Paper against gold. London, 1828 (*Коббет, У.* Бумажки против золота. Лондон, 1828). Первое издание вышло в 1810 году. — 319.

Coquelin, Ch. Du crédit et des banques dans l'industrie. In: «Revue des deux Mondes», série IV, tome XXXI, 1842 (*Коклен, Ш.* О кредите и банках в промышленности. В журнале «Revue des deux Mondes», серия IV, том XXXI, 1842). — 354—355.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 (*Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 355, 368.

The Currency theory reviewed; in a letter to the Scottish people on the menaced interference by Government with the existing system of banking in Scotland. By a banker in England. Edinburgh, 1845 (Разбор теории

денежного обращения. Письмо английского банкира к шотландскому народу об угрозе правительственного вмешательства в существующую систему банкового дела в Шотландии. Эдинбург, 1845). — 389.

Dalrymple, *J.* An Essay towards a general history of feudal property in Great Britain. The fourth edition corrected and enlarged. London, 1759 (*Далримпл*, *Дж.* Очерк общей истории феодальной собственности в Великобритании. Издание четвертое, исправленное и расширенное. Лондон, 1759). Первое издание вышло в Лондоне в 1757 году. — 351, 427.

[Davenant, *Ch.]* Discourses on the publick revenues, and on the trade of England. Part II. London, 1698 (*[Давенант*, *Ч.]* Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии. Часть II. Лондон, 1698). — 383.

De Quincey, *Th.* The Logic of political economy. Edinburgh and London, 1844 (*Де Квинси*, *Т.* Логика политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1844). — 48—51, 144, 227.

Dodd, *G.* The Curiosities of industry and the applied sciences. London, 1854 (*Додд*, *Дж.* Любопытные факты промышленности и прикладные науки. Лондон, 1854). — 404.

Dureau de La Malle, *A. J.* Economie politique des Romains. Tomes I—II. Paris, 1840 (*Дюро де Ла Маль*, *А. Ж.* Политическая экономия римлян. Тома I—II. Париж, 1840). — 349—351.

Eden, *F. M.* The State of the poor: or, an History of the labouring classes in England, from the Conquest to the present period. In three volumes. London, 1797 (*Иден*, *Ф. М.* Положение бедных, или История трудящихся классов Англии со времени завоевания по настоящий период. В трех томах. Лондон, 1797). — 248—250, 302.

**Fourier*, *Ch.* Le nouveau monde industriel et sociétaire. In: Oeuvres complètes de Ch. Fourier. Tome sixième. Troisième édition. Paris, 1848 (*Фурье*, *Ш.* Новый хозяйственный и социетарный мир. В книге: Полное собрание сочинений Ш. Фурье. Том шестой. Издание третье. Париж, 1848). Первое издание книги Фурье вышло в Париже в 1829 году. — 110.

Fullarton, *J.* On the regulation of currencies; being an examination of the principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments throughout the country. London, 1844 (*Фуллартон*, *Дж.* О регулировании средств обращения; анализ принципов, на основе которых предлагается в будущем ограничить в строго установленных пределах эмиссионную деятельность Английского банка и других банковских учреждений страны. Лондон, 1844). — 363.

Idem. Second edition, with corrections and additions. London, 1845 (*То же.* Издание второе, исправленное и дополненное. Лондон, 1845). — 376—377, 382—383, 385—390, 422—423.

Galiani, *F.* Della moneta. Libri I—V. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi III—IV. Milano, 1803 (*Галиани*, *Ф.* О деньгах. Книги I—V. В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома III—IV. Милан, 1803). — 360, 361, 436.

Gallatin, *A.* Considerations on the currency and banking system of the United States. Philadelphia, 1831 (*Галлатин*, *А.* Соображения о денежном обращении и банковской системе Соединенных Штатов. Филадельфия, 1831). — 79—80.

Ganilh, *Ch.* Des systèmes d'économie politique, de leurs inconvéniens, de

leurs avantages, et de la doctrine la plus favorable aux progrès de la richesse des nations. Tomes I—II. Paris, 1809 (*Ганиль, Ш.* О системах политической экономии, о их недостатках, о их достоинствах и о той доктрине, которая наиболее благоприятна для роста богатства народов. Тома I—II. Париж, 1809). — 369.

Garnier, G. Histoire de la monnaie, depuis les temps de la plus haute antiquité, jusqu'au règne de Charlemagne. Tomes I—II. Paris, 1819 (*Гарнье, Ж.* История денег с древнейших времен до царствования Карла Великого. Тома I—II. Париж, 1819). — 321—323, 389.

Gaskell, P. Artisans and machinery: the moral and physical condition of the manufacturing population considered with reference to mechanical substitutes for human labour. London, 1836 (*Гаскелл, П.* Рабочие и машины: моральное и физическое положение промышленного населения в связи с заменой человеческого труда машинами. Лондон, 1836). — 83, 346.

Gilbart, J. W. The History and principles of banking. London, 1834 (*Гильбарт, Дж. У.* История и принципы банкового дела. Лондон, 1834). — 374—375.

Gouge, W. M. A Short history of paper money and banking in the United States (in two parts). Philadelphia, 1833 (*Гаудж, У. М.* Краткая история бумажных денег и банкового дела в Соединенных Штатах (в двух частях). Филадельфия, 1833). — 298.

**Gray, J.* Lectures on the nature and use of money. Edinburgh, 1848 (*Грей, Дж.* Лекции о природе и употреблении денег. Эдинбург, 1848). — 379.

**Gray, J.* The Social system: a treatise on the principle of exchange. Edinburgh, 1831 (*Грей, Дж.* Социальная система: трактат о принципах обмена. Эдинбург, 1831). — 354, 378.

Grimm, J. Geschichte der deutschen Sprache. Erster Band. Leipzig, 1848 (*Гримм, Я.* История немецкого языка. Первый том. Лейпциг, 1848). Маркс пользовался вторым изданием, вышедшим в 1853 году. — 439.

Haxthausen, A. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Theile 1—3. Hannover — Berlin, 1847—1852 (*Гакстгаузен, А.* Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Части 1—3. Ганновер — Берлин, 1847—1852). — 394.

**Hegel, G. W. F.* Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Theil I. Die Logik. Werke. Band VI. Berlin, 1840 (*Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук в сжатом очерке. Часть I. Логика. Сочинения. Том VI. Берлин, 1840). — 247.

**[Hodgskin, Th.]* Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 (*[Годскин, Т.]* Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 211, 218, 219.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 (*Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 100—101, 333.

Hopkins, Th. Great Britain, for the last forty years. London, 1834 (*Гопкинс, Т.* Великобритания за последние сорок лет. Лондон, 1834). — 342.

Hubbard, *J. G.* Currency and the country. London, 1843 (*Хаббард*, *Дж. Г.* Денежное обращение и страна. Лондон, 1843). — 381—382, 388.

**Hüllmann*, *K. D.* Städtewesen des Mittelalters. Theile 1—4. Bonn, 1826—1829 (*Хюльман*, *К. Д.* Города средневековья. Части 1—4. Бонн, 1826—1829). — 352—354.

An Inquiry into those principles respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 266, 346.

Jacob, *W.* An Historical inquiry into the production and consumption of the precious metals. In two volumes. London, 1831 (*Джейкоб*, *У.* Историческое исследование о производстве и потреблении драгоценных металлов. В двух томах. Лондон, 1831). — 379, 383, 405.

Justiniani, *D.*, sacratissimi principis, Institutiones. Accesserunt ex Digestis tituli de verborum significatione et regulis juris. Editio stereotypa Herhan. Parisiis, 1815 (Установления блаженной памяти Юстиниана, святейшего государя. С добавлением из Дигест титулов о значении слов и о юридических правилах. Стереотипное издание Эрана. Париж, 1815). — 353.

**Kant*, *I.* Kritik der praktischen Vernunft. Riga, 1788 (*Кант*, *И.* Критика практического разума. Рига, 1788). — 459.

Körner, *M. G.* Eine philologisch-historische Abhandlung von dem Alterthume des Böhmischen Bergwerks, und von einigen Bergenzenten Wörtern und Redarten auf dem Meißnischen Obererzgebirge, aus der Slavonischen Sprache. Schneeberg, 1758 (*Кёрнер*, *М. Г.* Филологическо-исторический трактат о прошлом богемского горного дела и о некоторых горняцких словах и речениях, имеющих хождение в районе мейсенских Рудных гор и заимствованных из словенского языка. Шнеберг, 1758). — 422.

Laing, *S.* National distress; its causes and remedies. London, 1844 (*Ленг*, *С.* Национальное бедствие; его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 341—342.

**Lauderdale*, *J.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique, et sur les moyens et les causes qui concourent à son accroissement. Traduit de l'anglais par E. Lagentie de Lavaïsse. Paris, 1808 (*Лодердель*, *Дж.* Исследования о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Перевод с английского Э. Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808). Английское издание вышло в Эдинбурге в 1804 году. — 199—200, 356.

Lectures on gold for the instruction of emigrants about to proceed to Australia. Delivered at the Museum of practical geology. London, 1852 (Лекции о золоте для обучения лиц, эмигрирующих в Австралию. Прочитаны в Музее практической геологии. Лондон, 1852). — 435.

Locke, *J.* Further considerations concerning raising the value of money, wherein Mr. Lowndes's arguments for it, in his late report concerning «An essay for the amendment of the silver coins», are particularly examined (1695). In: The Works of John Locke, in four volumes. The seventh edition. Vol. II. London, 1768 (*Локк*, *Дж.* Дальнейшие соображения

относительно повышения стоимости денег, подвергающие специальному рассмотрению аргументы г-на Лаундса, выдвинутые им в пользу повышения стоимости денег в его недавнем докладе относительно мер по улучшению серебряных монет (1695). В книге: Сочинения Джона Локка, в четырех томах. Издание седьмое. Том II. Лондон, 1768). — 318, 319.

Locke, J. Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money (1691). In: The Works of John Locke, in four volumes. The seventh edition. Vol. II. London, 1768 (*Локк, Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег (1691). В книге: Сочинения Джона Локка, в четырех томах. Издание седьмое. Том II. Лондон, 1768). — 304, 318, 319.

Luther, M. Von Kauffshandlung und Wucher. Wittemberg, 1524 (*Лютер, М.* О торговле и ростовщичестве. Виттенберг, 1524). — 430.

MacCulloch, J. R. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of commerce and commercial navigation. A new edition, corrected, enlarged, and improved. London, 1847 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Практический, теоретический и исторический словарь-справочник по торговле и торговому судоходству. Новое издание, исправленное, расширенное и улучшенное. Лондон, 1847). Первое издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 357.

**MacCulloch, J. R.* Discours sur l'origine, les progrès, les objets particuliers, et l'importance de l'économie politique. Traduit de l'anglois par G-me Prevost. Genève — Paris, 1825 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Рассуждение о политической экономии, ее происхождении, ее успехах, рассматриваемых в ней предметах и о важности этой науки. Перевод с английского Гийома Прево. Женева — Париж, 1825). — 362.

MacCulloch, J. R. The Principles of political economy. Edinburgh, 1825 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии. Эдинбург, 1825). — 115, 196, 363.

Mackinnon, W. A. History of civilisation. In two volumes. London, 1846 (*Макиннон, У. А.* История цивилизации. В двух томах. Лондон, 1846). — 302.

Maclaren, J. A Sketch of the history of the currency: comprising a brief review of the opinions of the most eminent writers on the subject. London, 1858 (*Макларен, Дж.* Очерк истории средств обращения с кратким обзором взглядов наиболее выдающихся авторов по этому вопросу. Лондон, 1858). — 391.

Macleod, H. D. The Theory and practice of banking: with the elementary principles of currency; prices; credit; and exchanges. Volume I. London, 1855 (*Маклеод, Г. Д.* Теория и практика банкового дела с основными началами средств обращения, цен, кредита и вексельных курсов. Том I. Лондон, 1855). — 401.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. London, 1827 (*Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Лондон, 1827). — 91—92, 94—95, 115, 188.

Malthus, Th. R. The Measure of value stated and illustrated. London, 1823 (*Мальтус, Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация. Лондон, 1823). — 37, 64, 65, 69, 72, 73, 91, 194.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. London, 1820 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Лондон, 1820). — 51, 346.

Idem. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*То же.* Издание

второе, с значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). — 58, 60, 62, 63, 339.

Merivale, H. Lectures on colonization and colonies. Volumes I—II. London, 1841—1842 (*Меривейл, Г.* Лекции о колонизации и колониях. Тома I—II. Лондон, 1841—1842). — 349.

Mill, J. Elémens d'économie politique. Traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Паризо. Париж, 1823). — 380—381.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 115—117, 134, 143, 369.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848 (*Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. В двух томах. Лондон, 1848). Упоминаемое Марксом второе издание этого трактата вышло в Лондоне в 1849 году. — 115, 348, 377.

[Misselden, E.] Free trade, or the Meanes to make trade florish. London, 1622 (*[Мисселден, Э.]* Свободная торговля, или Средство сделать торговлю процветающей. Лондон, 1622). — 384, 399, 404, 416, 427, 429, 430.

Montanari, G. Della moneta (1683—1687). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte antica. Tomo III. Milano, 1804 (*Монтанари, Дж.* О деньгах (1683—1687). В издании: Итальянские классики политической экономии. Экономисты старого времени. Том III. Милан, 1804).— 297, 432.

Morrison, W. H. Observations on the system of metallic currency adopted in this country. London, 1837 (*Моррисон, У. Х.* Замечания о принятой в нашей стране системе металлического денежного обращения. Лондон, 1837). В том же 1837 г. в Лондоне вышло второе издание этой брошюры. — 376, 377, 390.

Morus, Th. Utopia (*Мор, Т.* Утопия). Первое издание вышло в Лувене в 1516 году. — 463.

Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Zweiter Theil. Berlin, 1809 (*Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть вторая. Берлин, 1809). — 324—325.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 (*Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 362.

Newman, S. Ph. Elements of political economy. Andover and New York, 1835 (*Ньюмен, С. Ф.* Основы политической экономии. Эндавер и Нью-Йорк, 1835). — 354—356.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 (*Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии. Нью-Йорк, 1851). — 362, 375, 436.

**Owen, R.* Essays on the formation of human character. The latest edition, revised by the author. London, 1840 (*Оуэн, Р.* Очерки о формировании человеческого характера. Последнее издание, заново просмотренное автором. Лондон, 1840). Первое издание вышло в 1812 году. — 221.

Owen, R. Six lectures delivered in Manchester. Manchester, 1837 (*Оуэн, Р.* Шесть лекций, прочитанных в Манчестере, Манчестер, 1837). — 222—223.

**Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 (*Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 148, 428.

**[Petty, W.]* A Treatise of taxes and contributions. London, 1667 (*[Петти, У.]* Трактат о налогах

и сборах. Лондон, 1667). Впервые опубликован в Лондоне в 1662 году. — 428.

**Plato*. De republica. In: *Platonis* opera omnia. Editio G. Stallbaumii. London, 1850 (*Платон*. Государство. В книге: *Платон*. Собрание сочинений. Издание Г. Штальбаума. Лондон, 1850). — 471.

Plinius. Historia naturalis (*Плиний*. Естественная история). Издание не установлено. — 321, 432.

Poppe, J. H. M. Geschichte der Technologie, seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Bände I—III. Göttingen, 1807—1811 (*Поппе, И. Г. М.* История технологии со времени возрождения наук до конца восемнадцатого века. Тома I—III. Гёттинген, 1807—1811). — 369.

**Prescott, W. H.* History of the conquest of Mexico, with a preliminary view of the ancient Mexican civilisation. Fifth edition. In two volumes. London, 1850 (*Прескотт, У. Х.* История завоевания Мексики, с предпосланным ей обзором древней мексиканской цивилизации. Издание пятое. В двух томах. Лондон, 1850). Первое издание вышло в Бостоне в 1843 году. — 349, 438.

Prescott, W. H. History of the conquest of Peru, with a preliminary view of the civilisation of the Incas. Fourth edition. In three volumes. London, 1850 (*Прескотт, У. Х.* История завоевания Перу, с предпосланным ей обзором цивилизации инков. Издание четвертое. В трех томах. Лондон, 1850). Первое издание вышло в Бостоне в 1847 году. — 348—349, 352.

Price, R. An Appeal to the public, on the subject of the national deht. London, 1772 (*Прайс, Р.* Обращение к публике по вопросу о государственном долге. Лондон, 1772). Впервые опубликовано в 1771 году. — 356.

Price, R. Observations on reversionary payments; on schemes for providing annuities for widows, and for persons in old age; on the method of calculating the values of assurances on lives; and on the national deht. The second edition. London, 1772 (*Прайс, Р.* Замечания о подлежащих возврату платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге. Издание второе. Лондон, 1772). Первое издание вышло в Лондоне в 1771 году. — 356.

Proudhon, P. J. Gratuité du crédit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

Proudhon, P. J. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. Tomes I—II. Paris, 1846 (*Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 111, 143.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 40, 43—44, 48, 145, 168, 266, 379.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 (*Рейвнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 68, 200.

Report from the select committee on the bank acts; together with the proceedings of the committee, minutes of evidence, appendix and index. Ordered, hy the House of Commons, to be printed, 1 July 1858 (Отчет особого комитета по банковскому законодательству; труды комитета, протоколы показаний, приложение и указатель. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 1 июля 1858 г.). — 412.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation.

Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 52, 54—56, 105, 147, 198, 267, 270, 364.

Ricardo, D. Des principes de l'économie politique et de l'impot. Traduit de l'anglais par Constancio, avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Seconde édition, revue, corrigée et augmentée d'une notice sur la vie et les écrits de Ricardo. Tomes I—II. Paris, 1835 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Перевод с английского Констансио, с пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Издание второе, просмотренное и исправленное, с добавлением заметки о жизни и сочинениях Рикардо. Тома I—II. Париж, 1835). Первое издание этого перевода вышло в Париже в 1819 году. — 147, 266.

**Ricardo, D.* Proposals for an economical and secure currency; with observations on the profits of the bank of England. London, 1816 (*Рикардо, Д.* Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибылях Английского банка. Лондон, 1816). — 382.

Rossi, P. Cours d'économie politique. Année 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'édition de Paris). In: Cours d'économie politique. Bruxelles, 1843 (*Росси, П.* Курс политической экономии. Читан в 1836/37 году (Содержит оба тома парижского издания). В сборнике: Курс политической экономии. Брюссель, 1843). Первое издание книги Росси вышло в Париже в двух томах в 1840—1841 годах. — 87, 88, 184.

Say, J. B. Cours complet d'économie politique pratique. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1840 (*Сэй, Ж. Б.* Полный курс практической политической экономии. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1840). Первое издание вышло в Париже в 1828—1829 годах. — 337.

**Say, J. B.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tomes I—II. Paris, 1817 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 144, 198, 256.

Schlözer, A. L. Briefwechsel meist historischen und politischen Inhalts. Siebender Theil, Heft XXXVII—XLII. Göttingen, 1780 (*Шлёцер, А. Л.* Переписка, главным образом исторического и политического содержания. Часть седьмая, тетради 37—42-я. Гёттинген, 1780). — 430.

Sempéré. Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence de la monarchie espagnole. Tomes I—II. Paris, 1826 (*Семпере.* Соображения о причинах величия и упадка испанской монархии. Тома I—II. Париж, 1826). — 349, 427.

Senior, N. W. Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture. London, 1837 (*Сениор, Н. У.* Письма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. Лондон, 1837). — 339, 340, 341.

Senior, N. W. Principes fondamentaux de l'économie politique, tirés de leçons édites et inédites de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene. Paris, 1836 (*Сениор, Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Арривабене из лекций г-на Н. У. Сениора, как изданных, так и неизданных. Париж, 1836). — 110.

Senior, N. W. Three lectures on the cost of obtaining money, and on some effects of private and government paper money; delivered before the University of Oxford, in Trinity term, 1829.

London, 1830 (*Сениор, Н. У.* Три лекции о трудовых затратах для получения денег и о некоторых последствиях, вызываемых частными и правительственными бумажными деньгами. Прочитаны в Оксфордском университете в летний триместр 1829 года. Лондон, 1830). — 323.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Etudes sur l'économie politique. Tomes I—II. Bruxelles, 1837—1838 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Тома I—II. Брюссель, 1837—1838). — 374.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 29, 151, 185, 198, 273, 379—380.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 331, 377.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 53, 77, 99, 114, 294.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tomes I—IV. Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 109, 113, 114, 188, 198, 226, 239, 240, 253, 255, 371, 372.

The Source and remedy of the national difficulties, deduced from principles of political economy, in a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей, выводимые из основных положений политической экономии. Письмо лорду Джону Расселу. Лондон, 1821). — 215, 218, 509.

**Spinoza, B.* Ethica ordine geometrico demonstrata et in quinque partes distincta (*Спиноза, Б.* Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей). Первое издание вышло в Амстердаме в 1677 году. — 259.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 году. — 294—297, 304, 316—318, 373, 374, 383, 405, 418, 456.

Storch, H. Considérations sur la nature du revenu national (tome V du «Cours d'économie politique»). Paris, 1824 (*Шторх, А.* Соображения о природе национального дохода (том V «Курса политической экономии»). Париж, 1824). — 152, 363.

**Storch, H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями

Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). Первое издание вышло в С.-Петербурге в 1815 году. — 37, 42, 137—138, 151—152, 177, 188, 245, 333, 362, 378, 437.

Symons, J. C. Arts and artisans at home and abroad. Edinburgh, 1839 (*Саймонс, Дж. К.* Промышленные отрасли и промышленные рабочие в Англии и за границей. Эдинбург, 1839). — 343—345.

Thompson, B., Count of *Rumford*. Essays, political, economical, and philosophical. Vols. I—III. London, 1796—1802. Vol. I. London, 1796 (*Томпсон, Б.*, граф *Румфорд*. Политические, экономические и философские очерки. Тома I—III. Лондон, 1796—1802. Том I. Лондон, 1796). — 291.

Thompson, W. An Inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness. London, 1824 (*Томпсон, У.* Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью. Лондон, 1824). — 37.

Thornton, H. An Enquiry into the nature and effects of the paper credit of Great Britain. London, 1802 (*Торнтон, Г.* Исследование природы и последствий кредитных денег Великобритании. Лондон, 1802). — 331.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a separation of issue from banking. Second edition. London, 1844 (*Тук, Т.* Исследование принципа денежного обращения, связи денежного обращения с ценами и целесообразности отделения выпуска банкнот от банкового дела. Издание второе. Лондон, 1844). Первое издание вышло в Лондоне в том же 1844 году. — 388, 422, 423.

Tooke, Th. A History of prices, and of the state of the circulation, from 1839 to 1847 inclusive: with a general review of the currency question, and remarks on the operation of the act 7 and 8 Vict. c. 32. London, 1848 (*Тук, Т.* История цен и состояния обращения с 1839 по 1847 год включительно; с общим обзором проблемы денежного обращения и замечаниями о действии акта, принятого в 7 и 8-й год царствования королевы Виктории, гл. 32. Лондон, 1848). — 406, 421.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 (*Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 87, 275, 331—333.

[Townsend, J.] A Dissertation on the poor laws. By a well-wisher to mankind (1786). Republished. London, 1817 (*[Таунсенд, Дж.]* Рассуждение по поводу законов о бедных. Сочинение человека, желающего людям добра (1786). Переиздано в Лондоне, 1817). Первое издание вышло в Лондоне в 1786 году. — 359.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. London, 1846 (*Такет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Лондон, 1846). — 298—300, 302, 369.

Ure, A. Philosophie des manufactures, ou Economie industrielle de la fabrication du coton, de la laine, du lin et de la soie, avec la description des diverses machines employées dans les ateliers anglais. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tomes I—II. Bruxelles, 1836 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Промышленная экономика фабричной переработки хлопка, шерсти, льна и шелка, с описанием различных машин, применяемых в английских фабриках. Переведено под наблюдением автора. Тома I—II. Брюссель, 1836). Первое английское

издание вышло в Лондоне в 1835 году. — 201.

Urquhart, D. Familiar words as affecting England and the English. London, 1856 (*Уркарт, Д.* Общеупотребительные слова в их значении для Англии и англичан. Лондон, 1856). Первое издание вышло в Лондоне в 1855 году. — 310, 377.

Vidal, F. De la répartition des richesses. Paris, 1846 (*Видаль, Ф.* О распределении богатств. Париж, 1846). — 384.

Wade, J. History of the middle and working classes. Third edition. London, 1835 (*Уэйд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Издание третье. Лондон, 1835). Первое издание вышло в Лондоне в 1833 году. — 80, 115, 135.

Wakefield, E. G. Комментарии в книге: *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 77, 114, 294.

Wakefield, E. G. A View of the art of colonization. London, 1849 (*Уэйкфилд, Э. Г.* Взгляд на искусство колонизации. Лондон, 1849). — 56—57, 268.

Wirth, J. G. A. Die Geschichte der Deutschen. Vier Bände. Zweite Auflage. Stuttgart, 1846—1847 (*Вирт, И. Г. А.* История немцев. Четыре тома. Издание второе. Штутгарт, 1846—1847). Первое издание вышло в Штутгарте в 1842—1845 годах. — 401.

[*Wright, T. B.*, and *Harlow, J.*] The Currency question. The Gemini letters. London, 1844 ([*Райт, Т. Б.*, и *Харлоу, Дж.*] Проблема денежного обращения. Письма двух близнецов. Лондон, 1844). — 319—320.

**Xenophon.* De reditibus, sive vectigalibus civitatis Atheniensis augendis. In: *Xenophontis* quae extant. Recensuit Jo. Gottlob Schneider. Tomus VI. Lipsiae, 1815 (*Ксенофонт.* Об увеличении доходов или поступлений Афинского государства. В книге: *Ксенофонт.* Сохранившиеся сочинения. Издание И. Готлоба Шнейдера. Том VI. Лейпциг, 1815). — 415.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«*The Economist*» («Экономист»), Лондон. — 329, 377, 398, 404, 509—511, 517.
— 11 мая 1844 г. — 330, 376.
— 15 июня 1844 г. — 330.
— 28 сентября 1844 г. — 330.
— 5 октября 1844 г. — 331.
— 8 мая 1847 г. — 293.
— 22 мая 1847 г. — 294.
— 9 октября 1847 г. — 376.
— 6 ноября 1847 г. — 198, 220, 239, 240, 294.
— 31 августа 1850 г. — 334.
— 19 января 1851 г. — 376.
— 15 ноября 1851 г. — 376.
— 22 января 1853 г. — 375.
— 6 февраля 1858 г. — 232.
— 13 марта 1858 г. — 308, 310, 364.
— 10 апреля 1858 г. — 368—369.
— 15 мая 1858 г. — 391—392.

«*The Spectator*» («Зритель»), Лондон. — 19 октября 1711 г. — 296, 383.

«*La Voix du peuple*» («Голос народа»), Париж. — 357.

«*The Westminster Review*» («Вестминстерское обозрение»), Лондон. — 511.
— январь 1826 г. — 303.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Брей, Дж. Ф. Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956.

Годскин, Т. Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938.

Грей, Дж. Сочинения. Перевод с английского Ф. И. Михалевского. М., 1955.

Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

Сисмонди, Ж. Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1936—1937.

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

* Настоящий указатель содержит только те русские переводы цитируемых Марксом книг, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц русского издания (самый перевод цитируемых Марксом мест, даваемый в тексте тома, в необходимых случаях уточнен и исправлен).

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Предметный указатель составлен ко всему 46-му тому. Римскими цифрами I и II обозначены соответствующие части этого тома.

Б

В

Г

Д

И

К

О

С

СОДЕРЖАНИЕ

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ 1857—1859 ГОДОВ

Часть вторая

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(черновой набросок 1857—1858 годов)

[Вторая половина рукописи]

Том подготовлен к печати *В. С. Выгодским*
Помощник подготовителя *Е. С. Кругликова*
Редактор *В. К. Брушлинский*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*
Корректоры.
В. П. Аносова, А. М. Холина

Сдано в набор 23/VII 1968 г. Подписано в печать 19/III 1969 г. Формат 60×92¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн.-печ. л. 39. Уч.-изд. л. 40,20. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 14. Цена 1 руб.

★

Издательство политической литературы. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

ПОПРАВКА

На стр. 171, начало десятой строки снизу, следует читать: «я получу деньги и смогу возобновить производство...»

